
Эпоха войн и революций

1914—1922

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ЮЖНЫЙ МЕТОДИСТСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ (США)
ЕВРОПЕЙСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ
СЕВЕРО-ЗАПАДНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
НАУЧНОГО СОВЕТА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ, ДВИЖЕНИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ
ПРОФЕССУРА ПО ИЗУЧЕНИЮ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ ЕУСПБ
АО «ГОЗНАК»

Эпоха войн и революций 1914–1922

*Материалы международного colloquium
(Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 года)*

The epoch of wars and revolutions 1914–1922

*Proceedings of St. Petersburg International Colloquium
(June 9–11, 2016)*

Нестор-История
Санкт-Петербург
2017

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)
Э72

Издание осуществлено при поддержке АО «Госзнак»

ГОСНАК

Редакционная коллегия

Т.А. Абросимова, Б.И. Колоницкий (ответственный редактор), *Н.В. Михайлов,*
Д. Орловски (ответственный редактор), *П.Г. Rogoznyy, У. Розенберг,*
Н.Н. Смирнов, К.А. Тарасов

Editorial board

T.A. Abrosimova, V.Iu. Cherniaev, B.I. Kolonitskii (principal editor), *N.V. Mikhailov,*
D. Orlovsky (principal editor), *P.G. Rogozny, W. Rosenberg, N.N. Smirnov, K.A. Tarasov*

Э72 Эпоха войн и революций: 1914–1922 : Материалы международного коллоквиума
(Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 года). – СПб. : Нестор-История, 2017. – 496 с.

ISBN 978-5-4469-1131-8

В книге представлены материалы 10-го Санкт-Петербургского международного коллоквиума по русской истории, который был посвящен сложному и противоречивому периоду истории. Организаторы коллоквиума предложили поместить Российскую революцию 1917 года в контекст более широкого революционного кризиса 1914–1922 годов. Период от начала Первой мировой войны до окончания Гражданской войны в России позволил рассмотреть процессы средней длительности и увидеть предпосылки и последствия событий, заключенных между Февралем и Октябрем. Издание рассчитано на специалистов и всех интересующихся российской историей.

This volume presents the proceedings of the 10th St. Petersburg International Colloquium on Russian History, which was devoted to a complex and contradictory period of history. The colloquium place the Russian revolution of 1917 in the context of a wider revolutionary crisis of 1914–1922. The period from the outbreak of the First World War until the end of the Civil War in Russia allowed to consider the processes of medium duration and see the prerequisites and consequences of the events concluded between February and October. The book is intended for specialists as well as anyone else interested in Russian history.

ISBN 978-5-4469-1131-8

9 785446 911318

© Санкт-Петербургский институт истории РАН, 2017

© Коллектив авторов, 2017

© Издательство Нестор-История, 2017

Корректор *А.М. Никитина*
Оригинал-макет *М.А. Гунькин*
Дизайн обложки *М.А. Гунькин*

Подписано в печать 28.04.2017. Формат 70×100/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл.-печ. л. 40,3
Тираж 200 экз. Заказ № 782

Отпечатано в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 965 048 04 28

Содержание

Предисловие.....	7

Секция 1

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

<i>Энтони Дж. Хейвуд.</i> Турецкие проливы, Великая война и Февральская революция.....	10
<i>Цуёси Хасегава.</i> Могла ли Февральская революция быть революцией либеральной?.....	22
<i>Вера Каплан.</i> Исторические общества и формирование памяти о Феврале в 1917 г.....	37
<i>Алистер Дикинс.</i> Легальный путь к революции: Потребительская кооперация и свержение царизма (случай Красноярска).....	50
Дискуссия.....	65
М. Стейнберг (65), В.С. Измозик (67), А.Г. Калмыков (73), А.И. Миллер (74), Б.Д. Гальперина (74), В.П. Булдаков (75), С.И. Гирик (76), В.И. Шишкин (76), Н.Н. Смирнов (77), У. Розенберг (80), Б.И. Колоницкий (80), Э.Дж. Хейвуд (81), В.В. Калашников (82), Э.Дж. Хейвуд (82), Ц. Хасегава (82), В. Каплан (83), А. Дикинс (86)	

Секция 2

РЕВОЛЮЦИЯ И ПРАВО, РЕВОЛЮЦИЯ И СУД

<i>А.Б. Николаев.</i> Временные суды в Петрограде (март–июль 1917 г.): взлет и падение.....	87
<i>Аарон Б. Ретшиш.</i> Поиск справедливости в революции: местная судебная система Вятской губернии в 1917–1922 гг.....	100
<i>Мюррей Фрейм.</i> Милиция во время Русской революции 1917 г.: концепции и сравнения.....	112

<i>Ёсиро Икэда</i> . О разделении власти и единении власти в дискурсах российской революции 1917 г.	124
Дискуссия.....	137
Н. Катцер (137), В.Ю. Черняев (140), В.Б. Аксенов (145), Н.Ю. Черепенина (146), Б.Д. Гальперина (147), Б.Б. Дубенцов (147), В.П. Булдаков (148), У. Розенберг (149), Б.И. Колоницкий (150), В.С. Измозик (151), В. Каплан (152), В.И. Шишкин (152), М. Стейнберг (153), Е.Л. Варустина (154), А.Б. Николаев (154), А. Ретиш (159), М. Фрейм (160), Ё. Икэда (160)	

Секция 3

РЕВОЛЮЦИЯ И ВЛАСТЬ

<i>В.И. Шишкин</i> . Административная элита Сибири весной 1917 г.	162
<i>А.В. Посадский</i> . Народные элиты Гражданской войны: источники и пути формирования.....	175
<i>Александр Рабинович</i> . Выживание большевиков: правительство и кризисы в Петрограде в годы Гражданской войны (Некоторые предварительные выводы)	185
<i>К.А. Тарасов</i> . Выборная власть в Петроградском гарнизоне в 1917–1918 гг.: комитеты, командиры, комиссары	207
Дискуссия.....	222
З. Галили (222), В.В. Калашников (225), Д. Коенкер (238), В. Каплан (238), В.П. Булдаков (238), А. Купко (239), В.С. Измозик (240), У. Розенберг (241), Т.А. Абросимова (241), Д.А. Коцюбинский (242), И. Халфин (243), Б.Б. Дубенцов (243), В.И. Шишкин (244), А.В. Посадский (245), К.А. Тарасов (246)	

Секция 4

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕВОЛЮЦИИ
И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

<i>Питер Холквист</i> . Оккупационная политика Временного правительства как освобождение на примере «Турецкой Армении»	248
<i>Сэмюэль Хирст</i> . Первые советские дипломаты в Афганистане и Турции в транснациональной перспективе	264
<i>Брендан МакГивер</i> . Реакция большевиков на антисемитизм в 1918 г.	277
<i>С.И. Гирик</i> . Коренизация до коренизации: интеграция «национальных кадров» в партийный и государственный аппарат УССР и БССР (1919–1923).....	292

<i>Андрей Кушко. Война и революция в Бессарабии: между автономией, федерализмом и национализмом (1917–1918 гг.)</i>	300
Дискуссия.....	317
К. Брюгеманн (317), А.И. Миллер (322), И.В. Лукоянов (324), З. Галили (327), В.П. Булдаков (327), Д.А. Коцюбинский (328), Б.И. Колоницкий (329), П. Холквист (329), С. Хирст (330), С.И. Гирик (331), Б. МакГивер (334), А. Кушко (335)	

Секция 5

КУЛЬТУРА И СОЗНАНИЕ ЭПОХИ РЕВОЛЮЦИИ

<i>В.Б. Аксенов. Слухи и мифологемы Российской революции: классификация, особенности функционирования, сюжеты</i>	337
<i>Н.В. Михайлов. Язык революции: «Рабочая конституция» или рабочий контроль в 1905 и 1917 гг.</i>	351
<i>П.Г. Рогозный. Духовенство против Церкви в 1917–1918 гг. («Церковный большевизм» и церковные большевики)</i>	375
Дискуссия.....	391
И. Халфин (391), Д. Коенкер (394), В.Ю. Черняев (398), Ё. Икэда (398), Ц. Хасегава (398), А. Кушко (399), М. Стейнберг (399), К.А. Тарасов (399), П. Холквист (400), А.В. Посадский (400), Л. Энгельштейн (401), Н.Н. Смирнов (401), А.И. Богомолов (402), Э. Хейвуд (403), Б.Б. Дубенцов (403), И. Халфин (404), Б.И. Колоницкий (404), В.И. Шишкин (405), В.В. Лапин (405), В.Б. Аксенов (406), П.Г. Рогозный (408)	

Секция 6

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ

<i>Уильям Г. Розенберг. «По ту сторону Великой Метаистории» Войны и Революции</i>	409
<i>Дэниель Орловски. Временное правительство: Взгляд через столетие</i>	432
<i>Б.И. Колоницкий. Генеалогия «вождя народа»: Образы лидеров и политический язык Российской революции 1917 г.</i>	446
<i>В.П. Булдаков. Революция и эмоции: к реинтерпретации политических событий 1914–1917 гг.</i>	460
Дискуссия.....	477
Ян. Плампер (477), В.В. Носков (480), П.Ю. Мажара (481), Н.Н. Смирнов (481), В.Б. Аксенов (482), В.С. Измозик (483), Ё. Икэда (483), Ц. Хасегава (484), М. Стейнберг (484), У. Розенберг (485), Д. Орловски (485), Б.И. Колоницкий (486), В.П. Булдаков (487)	

Заключительная дискуссия.....	488
Л. Энгельштейн (488), Н.Н. Смирнов (491), В. Каплан (492), Я. Плампер (493), В.В. Носков (493), П. Холквист (494)	
Сведения об участниках коллоквиума	495

Предисловие

9–11 июня 2016 г. в Санкт-Петербурге состоялся Международный colloquium «Эпоха войн и революций (1914–1922)», материалы которого публикуются в этой книге. Организаторами colloquium выступили Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Южный Методистский университет (Даллас, США), Северо-Западное отделение Научного совета РАН «История социальных реформ, движений и революций». Проведение colloquium стало возможным благодаря поддержке ФГУП «Гознак» и фонда Карнеги (США).

Сопредседателями международного организационного комитета были Д. Орловски (Южный Методистский университет, Даллас, США) и Б.И. Колоницкий (Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук).

Это был уже десятый colloquium в рамках долгосрочного международного проекта *St Petersburg International Colloquium in Russian History*¹. На этот раз участниками colloquium стали специалисты по российской истории из Великобритании, Германии, Молдовы, России, США, Украины, Эстонии и Японии.

В преддверии столетнего юбилея Революции 1917 г. организаторы конференции предложили обсудить различные политические, социальные и культурные аспекты этого события, при этом процессы, протекавшие между Февралем и Октябрем, получили неожиданное освещение, будучи помещены в контекст широкого революционного кризиса 1914–1922 гг.

¹ Реформы или революция? Россия, 1861–1917: Материалы международного colloquium историков. СПб., 1992; Анатомия революции. 1917 год в России: массы партии, власть. СПб., 1994; Рабочие и интеллигенция России в эпоху реформ и революций. Сборник материалов международного научного colloquium «Рабочие России второй половины XIX — начала XX века: облик, менталитет, рабочие и общество, рабочие и интеллигенция», С.-Петербург, 12–15 июня 1995 г. СПб., 1997; Россия и Первая мировая война (Материалы международного научного colloquium). СПб., 1999; Власть и наука, ученые и власть: 1880-е — начало 1920-х годов. Материалы международного научного colloquium. СПб., 2003; Историческая память и общество в Российской империи и Советском Союзе (конец XIX — начало XX в.). СПб., 2007 (препринт); Культуры городов Российской империи на рубеже XIX–XX веков. Материалы международного colloquium, Санкт-Петербург, 14–17 июня 2004 года. СПб., 2009; Человек и личность в истории России, конец XIX — XX век. Материалы международного colloquium, Санкт-Петербург, 7–10 июня 2010 года. СПб., 2013; Маленький человек и большая война в истории России. Середина XIX — середина XX в. Материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 17–20 июня 2013 г.). СПб., 2014.

Доклады были разделены по тематическим секциям, каждая из которых затрагивала тот или иной аспект истории Революции. Все участники коллоквиума были заранее ознакомлены с текстами сообщений. Доклады не зачитывались, что позволило больше времени уделить дискуссии, в основу которой легли представленные тексты. Выступления комментаторов при такой форме работы имели особое самостоятельное значение, на основе анализа докладов формулировались вопросы для общей дискуссии.

С текстами докладов и ходом дискуссии читатели этой книги смогут ознакомиться сами. Здесь хотелось бы указать на несколько тем, объединяющих современных исследователей, работающих в разных странах.

В своем докладе Ц. Хасегава, основываясь на исследованиях А.Б. Николаева и новейших документальных публикациях, поставил вопрос об участии Государственной Думы в революции. Д. Орловски посвятил свой доклад общему обзору деятельности Временного правительства в свете ста лет дискуссий в историографии по этому вопросу. Обсуждение этих проблем вызвало дискуссии, посвященные самому феномену власти в условиях революции.

Одним из наиболее важных направлений изучения истории революции в последнее время было исследование революции на местах; было убедительно продемонстрировано, что «петроградцентричный» взгляд упускал разнообразие революционных процессов, что проявлялось в организации власти, расстановке политических сил. На коллоквиуме этот историографический подход был представлен докладом А. Дикинса, посвященном Красноярску, докладом А. Ретиша, который давно и плодотворно изучает Вятскую губернию, и докладом В.И. Шишкина, посвященном административно-политической элите Сибири. К этим текстам примыкает и доклад А. Кушко, посвященный Молдове, в нем затрагиваются некоторые дискуссии, касающиеся актуальной темы — воздействия революции на империю. Вопрос о многообразии местных революций вызвал серьезную дискуссию, которая продемонстрировала необходимость как продолжения локальных исследований, так и разработки общих моделей, описывающих революцию (или революции) в империи.

В то же время доклады А. Рабиновича, А.Б. Николаева, К.А. Тарасова убедительно показали, что и события в Петрограде требуют дальнейшего изучения и могут дать много нового. Богатейшие коллекции архивов Санкт-Петербурга содержат множество важных источников, не введенных еще в научный оборот. Их тщательное изучение само по себе заставляет пересмотреть некоторые устоявшиеся взгляды. Это продемонстрировал и доклад Э. Хейвуда, основанный на большом количестве архивных источников, который рассматривал воздействие железнодорожных перевозок на снабжение фронтов и тыловых районов.

В тексте А. Дикинса поставлена еще одна важная проблема, ныне обсуждаемая специалистами: роль дореволюционного гражданского общества, в том числе кооперативов, в формировании революционных властных структур. Можно с уверенностью предположить, что исследование специфического гражданского общества эпохи революции привлечет внимание специалистов.

Тема формирования специфических элит революционного времени, рассмотренная в докладе В.И. Шишкина, была изучена также в докладах К.А. Тарасова, А.В. Посадского, С.И. Гирика. Различные аспекты истории активистов и руководителей разного уровня, оказавшихся во власти в это переломное время, делавших

политическую карьеру в условиях революции, заслуживают дальнейшего сравнительного изучения.

Интересно, что одновременно ученые нескольких стран обратились к теме правотворчества и правоприменения, преступности и борьбы с преступностью в эпоху революции. Различные аспекты этой темы были затронуты в докладах А.Б. Николаева, А. Ретиша, М. Фрейма, Ё. Икэды, Б. МакГивера.

Воздействие революции на международное право (и его практическое применение) и на международные отношения было рассмотрено в докладах П. Холквиста и С. Хирста.

«Культурный поворот» в исторической науке проявился и в том, что к соответствующим сюжетам обратились и многие историки, выступавшие на коллоквиуме. В. Каплан изучала вопрос о действиях исторических обществ по формированию культурной памяти о революции сразу же после падения монархии. В.Б. Аксенов рассмотрел слухи и мифы революции, Н.В. Михайлов — язык требований промышленных рабочих, П.Г. Рогозный — политический язык разнообразных конфликтов в церкви, Б.И. Колоницкий — культурные аспекты формирования культа вождей. В.П. Булдаков изучает историю эмоций эпохи революции.

Наконец, У. Розенберг представил доклад, посвященный широкому вопросу интерпретации исторических процессов революционного периода.

Дискуссии позволили выявить точки разногласий и сформулировать некоторые возможные направления дальнейших исследований. При всем различии применяемых подходов большинство участников коллоквиума согласилось с тем, что всестороннего дальнейшего изучения заслуживает феномен власти в эпоху революции — во всех его аспектах. При этом особого внимания заслуживает исследование авторитета и легитимации в этот период.

Оргкомитет выражает признательность администрации Санкт-Петербургского института истории РАН и Европейского университета в Санкт-Петербурге за участие в подготовке коллоквиума. Особую признательность мы выносим председателям секционных заседаний, которые смогли организовать плодотворную дискуссию: Н.Н. Смирнову, Б.Б. Дубенцову, Т.А. Абросимовой, И.В. Лукьянову, В.В. Лапину, В.В. Носкову. Проведение коллоквиума было бы невозможно без помощи администратора факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге М.М. Носачевой и администратора исторического факультета имени У. Клементса Южного Методистского университета Ш. Пирсон.

Запись и расшифровка стенограммы осуществлена К.А. Тарасовым, который провел огромную работу по подготовке этого тома к изданию. При подготовке к печати некоторые доклады подвергались сокращению, не искажающему основные положения выступлений. Все вносимые изменения согласовывались с авторами. Дискуссия опубликована с незначительными сокращениями, не публикуются приветствия, выражения благодарности, организационные и информационные сообщения.

Д. Орловски, Б. Колоницкий

Секция 1

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Энтони Дж. Хейвуд

ТУРЕЦКИЕ ПРОЛИВЫ, БЕЛИКАЯ ВОЙНА И ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Вопрос о влиянии Первой мировой войны на революционные события в России — один из наиболее важных в истории двадцатого века. Привела ли война Россию на путь революции, повернув ее с долгосрочной траектории мирного политического развития, или же Российская империя двигалась к революции еще до 1914 г., а война лишь явилась причиной ускорения или короткой задержки на этом пути? Советские историки, например, подчеркивали предопределенность событий, рассматривая войну как симптом кризиса империалистического капитализма и прелюдию к неизбежной пролетарской революции. Среди западных историков дебаты были спровоцированы в середине 1960-х гг. Леопольдом Хеймсоном, который утверждал, что к 1914 г. Россия была парализована процессом двойной социальной поляризации, которая отделяла власть от общества, а образованную элиту — от трудящихся масс. Напротив, такие историки, как Уэйн Даулер, отвергают эту точку зрения как «крайний редукционизм». С их точки зрения, несмотря на большое давление и напряженность «до войны имелась четкая тенденция к сотрудничеству и интеграции»¹.

На фоне таких разногласий контрастом выглядит единодушное мнение о том, как рассматривать Российскую империю в Первой мировой войне с военно-стратегической точки зрения. Российские полководцы рассматривали и вели эту войну прежде всего как войну с Германией и Австро-Венгрией: они просто не могли себе представить, что Великая война будет выиграна или проиграна Россией на Кавказе или в восточной Турции. Историки с ними согласны: русско-турецкий конфликт редко упоминается в классических описаниях Великой войны России, написанных в 1970-х и 1980-х гг. Н. Стоуном и У.Б. Линкольном, а также в недавних работах Д. Санборна, Д. Стоуна и О.Р. Айрапетова². Изучавший противостояние России и Османской империи Майкл Рейнольдс делает вывод: «...для России Кавказский фронт был второстепенным»³. И даже Ш. МакМикин, утверждающий, что Россия

¹ *Haimson L.* 1) The Problem of Social Stability in Urban Russia, 1905–1917 // *Slavic Review*. 1964. Vol. 23. N 4. P. 619–642; 1965. Vol. 24. N 1. P. 1–22; 2) “The Problem of Political and Social Stability in Urban Russia on the Eve of War and Revolution” Revisited // *Slavic Review*. 2000. Vol. 59. N 4. P. 848–875; *Dowler W.* Russia in 1913. DeKalb, 2012. P. 273, 279.

² *Stone N.* The Eastern Front, 1914–1917. London, 1975; *Lincoln W.B.* Passage through Armageddon: The Russians in War and Revolution, 1914–1918. Oxford, 1994 (впервые опубликовано в 1986); *Sanborn J.* Imperial Apocalypse: The Great War and the Destruction of the Russian Empire. Oxford, 2014; *Stone D.* The Russian Army in the Great War: The Eastern Front, 1914–1917. Lawrence, 2015; *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой мировой войне: 1915. М., 2014. Существует, конечно, обширная литература о самом известном аспекте этого конфликта — геноциде армян, но в данной работе нас интересует военное значение этого конфликта.

³ *Reynolds M.* Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918. Cambridge, 2011. P. 139.

активно добивалась Европейской войны в 1914 г., желая захватить Константинополь и проливы, не оспаривает этот вердикт в отношении военных кампаний¹.

Тем не менее в этом конфликте России и Турции, несомненно, стояли на кону важные стратегические вопросы. В XIX в. царский режим стал одержим контролем турецких проливов именно из-за их предполагаемой важности для внешней торговли и обороны России, и действительно, закрытие этих проливов для коммерческого судоходства в сентябре 1914 г. остановило большую часть морской торговли России. Конечно, военные операции Кавказского фронта были маломасштабными по сравнению с действиями в Восточной Европе, но нельзя забывать, что война с Турцией в 1914 г. вынудила Россию столкнуться с трудностями ведения борьбы на два фронта. И потребности Кавказского фронта стали одной из причин того, почему в феврале 1916 г. начальник штаба Верховного главнокомандующего генерал М.В. Алексеев безуспешно призывал русское правительство использовать захват Россией Эрзурума как возможность заключить мир с Османской империей — он хотел перенаправить части Кавказской армии на войну с Германией и Австро-Венгрией².

Анализ транспортной логистики России в этой статье демонстрирует, что стратегическое и политическое значение войны с Османской империей до сих пор серьезно недооценено. Наш подход основан на предположении, что способность России успешно вести войну на два фронта в огромной степени зависела от бесперебойной работы железных дорог. Других средств, которые позволили бы содержать армию, состоящую из миллионов людей, и поставлять достаточные количества боеприпасов, продуктов питания и людских подкреплений, попросту не существовало. Поэтому проблемы железных дорог особенно тревожили Алексеева зимой 1915–1916 гг. Если проанализировать влияние закрытия проливов и войны с Турцией на грузопотоки по российским железным дорогам, то можно пролить новый свет не только на стратегическое значение этого конфликта, но и на его политическое значение. Австралийский журналист и военный историк Алан Мурхед в своей влиятельной книге о Дарданелльской операции утверждал, что если бы кампании союзников были успешными в 1915 или 1916 гг., то Россия могла бы не подписывать сепаратный мир и революции могло бы не произойти, или она произошла бы «по крайней мере не так скоро, или, возможно, не так резко». Было ли это заявление журналистской гиперболой, или же он в чем-то прав?³

Двойная блокада

Начало Первой мировой войны поставило морскую торговлю России с Европой в кризисную ситуацию. Крупномасштабное торговое судоходство по Балтийскому морю было прекращено из-за доминирования Германии в Датских проливах, остались лишь ограниченные связи между Швецией и портами на западном побережье Финляндии. Единственным северным торговым портом России, который мог функционировать в полном объеме, был Архангельск. Однако зимой доступ

¹ *McMeekin S.* The Russian Origins of the First World War. Cambridge, 2011.

² *Bobroff R.* Roads to Glory: Late Imperial Russia and the Turkish Straits. London, 2006. P. 143–144. Алексеев делал это предложение несколько раз в конце 1915 и в начале 1916 г., все безрезультатно.

³ *Moorehead A.* Gallipoli. London, 1956. P. 364.

в порт был ограничен льдами, к тому же город был удален от линии фронта, а его транспортное сообщение с внутренними районами страны обеспечивалось лишь 635-километровым тихоходным узкоколейным путем до Вологды. Эта дорога справлялась с небольшим объемом перевозок мирного времени, но она не подходила для транспортировки множества срочных грузов, потребность в которых возникла летом 1914 г. Хотя Архангельск соединялся с Котласом Северной Двиной, а оттуда ветка железной дороги вела в Вятку, находящуюся на железнодорожной магистрали Сибирь—Вологда—Санкт-Петербург (переименован в Петроград в августе 1914 г.), река, конечно, замерзала зимой, а Транссибирская магистраль была перегружена военными перевозками из Сибири¹. Мурманск, порт на побережье Кольского залива, находился еще в стадии строительства, так же как и железная дорога, связывавшая порт со столицей, эти объекты не начали свою работу до 1917 г.²

Эта и без того сложная ситуация превратилась в настоящий кризис, когда 26 сентября 1914 г. (по новому стилю) Османская империя решила закрыть турецкие проливы для торгового судоходства³. Почти полностью прекратили свою деятельность более десяти российских портов на Черном и Азовском морях, совместно осуществлявших более половины (по весу) всей морской торговли России с Европой в 1913 г.⁴ Иными словами, установилась именно такая блокада, которой царский режим опасался. Правда, кризис лета 1914 г. также привел к закрытию датских проливов для судоходства союзников, но эти морские пути у России никогда не было возможности контролировать. На юге же давно стоял вопрос о том, какая великая держава заполнит тот политический вакуум, который должен был возникнуть в результате ожидаемого упадка Османской империи. Россия стремилась обеспечить себе гарантированный доступ к Средиземному морю. Значительное усиление интенсивности строительства железных дорог на юге России способствовало резкому увеличению экспорта зерна и угля через южные порты, что чрезвычайно увеличивало экономическое и стратегическое значение проливов.

Кроме Архангельска и финских портов еще один маршрут на западной границе остался доступным для торговли — через Румынию. Но финский и румынский маршруты не могли быть использованы для военных грузов.

Потоки экспорта и импорта грузов следовало перенаправить и резко сократить уже во второй половине 1914 г. Экспорт в Европу практически прекратился, зерно и уголь использовались для внутренних нужд, в том числе для снабжения армии. Что же касается импорта, то первоначально приоритетом была доставка в столицу и северо-западный регион британского угля, прежде всего для Балтийского флота. Британский уголь годами поставлялся по Балтике как высококачествен-

¹ Информацию об Архангельской железной дороге в Первой мировой войне см.: *Heywood A.J. The Limits of Competence: Coping with Armageddon on the Archangel Railway, 1913 — March 1917* (неопубликованная статья в процессе работы). Кроме того, до Вологды можно было, хотя и медленно, добраться по воде из Котласа по реке Сухона.

² Для истории этого проекта см.: *Нахтигаль Р. Мурманская железная дорога, 1915–1919 годы: Военная необходимость и экономические соображения*. СПб., 2011.

³ Военным перевозчикам было запрещено использовать турецкие проливы согласно Лондонской конвенции о проливах от июля 1841 г.: *Jelavich B. Russia's Balkan Entanglements 1806–1914*. Cambridge, 1991. P. 96–98.

⁴ Россия 1913 год: Статистико-документальный справочник. СПб., 1995. С. 142–143.

твенная и дешевая альтернатива добываемому в Донбассе. Теперь британское топливо предстояло доставлять через Архангельск, и работа по усилению железной дороги Архангельск—Вологда началась в августе 1914 г. Строились новые разьезды и станционные пути, это позволило к октябрю увеличить пропускную способность примерно с пяти до девяти пар поездов в день. Также были увеличены товарные склады в Архангельске и Котласе. Кроме того, в начале осени правительство решило заказать 30 новых товарных паровозов в Америке для доставки в Архангельск до конца зимы, и начать перешивку узкоколейной линии на нормальную российскую колею¹. Принимались и другие срочные меры, чтобы ускорить прохождение транзитных грузов через Петроград из Финляндии и в Финляндию и соединить финские железные дороги со шведскими возле Торнео на севере Финляндии. Было ускорено и строительство Мурманской железной дороги. На Дальнем Востоке порт Владивостока приобрел новое значение. Хотя он и находился далеко от фронта, а пропускная способность железных дорог Сибири была очень ограничена, Владивосток вскоре стал получать товары, которые срочно заказывали в Японии и в Северной Америке.

Неудивительно, что с самого начала войны, учитывая перспективу такого развития событий, страны Антанты пытались убедить турок либо присоединиться к ним, либо сохранить нейтралитет. Фактическое блокирование южных портов России повлекло дискуссии в российских правительственных кругах относительно возможных действий². Один из ведущих специалистов России по этому региону, посол в Константинополе Николай Гирс рекомендовал проявлять осторожность. Не отрицая необходимости «полного решения вопроса о проливах», он утверждал, что Россия должна сосредоточиться на разгроме Германии прежде чем начать войну с Турцией³. Опасность двойной блокады осознавали в Петрограде, поэтому мы можем предположить, что те члены правительства, которые советовали объявить войну Османской империи, либо были уверены, что европейская война скоро закончится, либо полагали, что Россия может победить турецкую армию очень быстро.

Логистические проблемы, неизбежно связанные с сухопутной кампанией против Османской империи, почти исключали возможность быстрой победы России. Десант на турецком побережье Черного моря требовал такого объема людских и материальных ресурсов, который ни армия, ни флот не могли предоставить. Для сухопутной же войны имела железная дорога из Ростова через Кавказ до станции Баладжары Закавказских железных дорог, которые связывали Баку с черноморскими портами Батум и Потти. Россия имела и несколько железнодорожных веток, направленных к турецкой границе, включая открытую в 1899 г. дорогу от Тифлиса до Карса, которая была продлена до пограничного Сарыкамьша в 1913 г. В Османской же империи вплоть до 1914 г. не существовало никаких железных дорог к востоку от Анкары. Поэтому военное командование России полагало, что имеет логистическое превосходство в этом регионе, несмотря на то что большинство

¹ См., напр.: Журнал Распорядительного комитета № 24. 24 декабря [1914] // Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 273. Оп. 10. Д. 3041. Л. 222–233 об.; *Heywood A.J. Limits of Competence*. Перевод колеи должен был занять как минимум год.

² *Reynolds M. Shattering Empires...* P. 112.

³ *Ibid.*

кавказских железных дорог имело только один путь¹. Это преимущество сохранялось только для оборонительных кампаний: любое продвижение на территорию Османской империи отдаляло бы русскую армию от своих железнодорожных станций. Отчасти по этой причине русский план войны на Кавказе осенью 1914 г. предполагал активную оборону с некоторыми небольшими локальными атаками. Приоритет отдавался войне против Германии и Австро-Венгрии².

Всё в основном так и произошло, после того как 31 октября Николай II объявил войну в ответ на неожиданные бомбардировки Одессы, Севастополя, Новороссийска и других прибрежных городов турецкими кораблями. Однако в декабре 1914 г. османская армия начала наступление на Сарыкамыш, которое первоначально развивалось успешно. После некоторой паники русские разгромили турецкую армию, лишив ее любых стратегических наступательных возможностей на этом театре военных действий³. Но всё же османская армия сохраняла боеспособность, и Россия оказалась втянута в долгосрочную сухопутную войну одновременно на западной и кавказской границах, которая усугублялась двойной морской блокадой.

Известно, что логистическим следствием этой ситуации для военно-экономической деятельности России стала потребность транспортировки военных грузов через Архангельск и Владивосток, что было сопряжено с трудностями и задержками. Реже указывается на то, что эта ситуация оказывала серьезное влияние на импорт и экспорт важных невоенных грузов. Наглядным примером является чай — продукт первой необходимости, который, вследствие сухого закона, получил новое значение. В 1913 г. чай импортировался преимущественно с Дальнего Востока, тем не менее до 20% от общего веса доставлялись через черноморские порты⁴. Теперь весь импорт чая должен был осуществляться через Дальний Восток, конкурируя с огромным объемом военных и других грузов за доступ к транссибирской железнодорожной магистрали. Грузоотправители прибегали к почтово-посылочным перевозкам, посылая из Харбина в середине 1916 г. по одному вагону с примерно 2 тыс. посылками чая ежедневно⁵. Второй пример — экспорт зерна. К концу 1914 г. французское правительство, отчаянно пытаясь найти достаточное количество зерна на мировом рынке, обратилось к России за помощью. Совет министров одобрил эту просьбу, в частности для получения экспортной валюты, но на практике последствия этих поставок были кошмарны. Предполагалось использовать Архангельск и Влади-

¹ *Афонина Г.М.* Краткие сведения о развитии отечественных железных дорог с 1838 по 1990 г. М., 1995. С. 57, 83. Вывод о материально-техническом превосходстве был представлен, например, в докладе «Меры по усилению сети ж. д. Империи для обеспечения интересов государственной обороны на пятилетие 1913–1918 гг.» [1912] // РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 1643. Л. 204–205. Также см. *Зайончковский А.М.* Подготовка России к империалистической войне: очерки военной подготовки и первоначальных планов по архивным данным. М., 1926. С. 80, 130; *Luntinen P.* French Information on the Russian War Plans, 1880–1914. Helsinki, 1984. P. 130. Турецкая армия, напротив, на границе с Россией полагалась на гужевые поставки припасов, а также черноморский порт Трабзон (Трапезунд).

² *Reynolds M.* Shattering Empires... P. 123.

³ *Ibid.* P. 123–125.

⁴ Сводная статистика перевозок по русским железным дорогам, 1915 год: Чай. Пг., 1917. С. 1.

⁵ См., напр.: Заместитель председателя правления Китайской Восточной Железной Дороги в Отдел военных сообщений Главного Штаба, 20/22 декабря 1914 // РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 2709. Л. 60 об.; Из Харбина ежедневно отправляется почтой 2 тысячи посылок чая // Железнодорожная жизнь на дальнем востоке. 1916. № 30. С. 13.

восток, пока турецкие проливы оставались закрытыми, в конечном счете был использован только Архангельск. Предполагалось отправлять зерно из Западной Сибири по железной дороге в Котлас, а далее баржами по Северной Двине. Этот путь, однако, был закрыт в зимний период, к тому же такой маршрут требовал перевозок по крайне загруженной транссибирской магистрали, он также предполагал использование большого количества вагонов — из-за значительного расстояния. Снабжение армии сохраняло приоритетное значение и использовало основную долю пропускной способности железной дороги через Вятку, и эти экспортные поставки значительно снизили объемы продовольствия и других сибирских товаров, которые могли бы быть доставлены населению европейской России¹.

Влияние войны с Турцией на железнодорожные перевозки также имело далеко идущие последствия. Пока прибрежное судоходство на Черном море было запрещено, железнодорожный путь из Ростова стал главным спасением Кавказской армии². Оружие, боеприпасы, продовольствие, людское пополнение и пустые санитарные поезда шли на юг, на север же отправлялись пустые грузовые вагоны, санитарные поезда с ранеными и эшелоны военнопленных. Потребность в этих перевозках превосходила пропускную способность дороги, ограничивая даже приоритетные «частные» перевозки — грузы для нефтяной промышленности, продовольствие для местного населения и вывоз на север зерна, мяса, фруктов и нефтепродуктов³. Возникшие наряду с нехваткой вагонов-цистерн заторы объясняют, почему вывоз нефти стал осуществляться в основном через Каспийское море в Астрахань, а оттуда баржами по Волге до нефтехранилищ в Нижнем Новгороде, Рыбинске и других городах для последующей перегрузки на железные дороги. Этот путь использовался и до войны, но он был гораздо медленнее, чем прямые железнодорожные перевозки, а главное, он был сезонным — из-за зимнего льда. Теперь его использование стало необходимостью⁴.

В таких условиях нарушение работы железных дорог Кавказа было серьезной угрозой. Наиболее вероятными сценариями были размыв пути и случайная авария, но возможность неприятельской диверсии также представляла очевидную опасность в регионе с большим процентом мусульманского населения, к которому обращался султан, призывая к джихаду. Первая серьезная поломка произошла

¹ См., напр.: Особый журнал Совета Министров 21 ноября 1914 // Особые журналы Совета Министров Российской империи, 1914 год. М., 2006. С. 537–538; Журнал распорядительного комитета № 24, 24 сентября [1914] // РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3041. Л. 232; Кривошеин (Главноуправляющий землеустройством и земледелием) Рухлову, 21 января 1915 // РГИА. Ф. 229. Оп. 4. Д. 1774. Л. 1 – 2 об.; Журнал Распорядительного комитета № 56, 19 июня 1915 // РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3041. Л. 184 об.

² Запрет военно-морского флота России упоминается в обращении Борисова (начальник Управления железных дорог МПС) к съезду представителей биржевой торговли и сельского хозяйства, 19 июня 1915 // РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 730. Л. 4.

³ Трудности нефтяной промышленности по получению запасных частей в 1916 описаны, напр.: Доклад Председателя Совета съездов представителей промышленности и торговли в Отдел военных сообщений, 20 августа 1916 // РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 695. Л. 1–7.

⁴ Этим поставкам выделялся отдельный пункт, а позже и целый подраздел в двухнедельных отчетах о грузовых перевозках, которые с конца 1915 подавались МПС на рассмотрение Особого Совещания по Перевозкам. См. напр.: Обзор состояния грузовых перевозок на дорогах сети за время с 16 по 31 марта 1916 года. 1916. № 6, 20 апреля. С. 5 // Библиотека РГИА. ПЗ-2094.

по естественным причинам уже 24 января 1915 г., исключительно теплая погода вызвала неожиданный ледоход на Дону, из-за чего в Ростове-на-Дону было раздроблено несколько зимующих пароходов и барж, а также был сильно поврежден железнодорожный мост. Пришлось на время ремонта моста перенаправлять срочные грузы для Закавказья через Царицын в Тихорецк¹.

Значение Галлиполийского сражения (Дарданелльской операции) для транспортной логистики России

Провал Дарданелльской операции в 1915–1916 гг. вызвал спор в западных странах Антанты о причинах такой неудачи. Критики кампании, как правило, излагали свои доводы, концентрируя внимание на тактике. Именно этот подход присущ трудам Королевской комиссии, созданной в 1916 г. британским правительством для расследования катастрофы. Опубликованный в декабре 1917 г. доклад уделил лишь несколько слов стратегической картине: успех, который привел бы к оккупации Константинополя, «несомненно, произвел бы большой эффект на дальнейший ход войны. Преимущества, которые удалось бы получить в случае успеха в этом предприятии, были настолько очевидны, что не было необходимости подробно останавливаться на них». Говоря вкратце, успех позволил бы удержать Болгарию от присоединения к Центральным державам; укрепить оборону Египта и Суэцкого канала; и восстановить морскую торговлю через проливы, включая ввоз в Россию крайне необходимых боеприпасов и экспорт российской сельскохозяйственной продукции западным союзникам, не говоря уже об окончательном решении в конце войны многовекового вопроса о контроле проливов².

Защитники же кампании выделяли именно стратегические аспекты. Например, Уинстон Черчилль отмечал необходимость достижения «близкого и постоянного контакта» между Россией и ее западными союзниками³. Официальный британский историк Дарданелльской операции Сесил Аспиналл-Огландер утверждал, что общая стратегия была разумна и что кампания «внесла свой вклад в последующую победу в войне»⁴. Однако и в этих трудах, и в опубликованной литературе отсутствует подробный анализ стратегического значения этого поражения применительно к международной торговле России. Каковы же были возможные логистические выгоды для России при условии этой победы союзников над Турцией? Каковы были логистические последствия их поражения?

Мысль о восстановлении международной торговли России через проливы была тесно связана с необходимостью разгрузки портов Архангельска и Владивостока

¹ Общий приказ [Начальника Владикавказской железной дороги], № 20, 9 февраля 1915 // Вестник Владикавказской железной дороги. 1915. № 3. 1 февраля. С. 45; Хроника // Вестник Владикавказской железной дороги. 1915. № 3. 1 февраля. С. 73–75; *Соколов А.* К катастрофам на Дону // Вестник Владикавказской железной дороги. 1915. № 6–7. 15 марта — 1 апреля. С. 152–153; Общий приказ [Начальника Владикавказской железной дороги], № 40, 30 марта 1915 // Вестник Владикавказской железной дороги. 1915. № 8. 15 апреля. С. 89–90; *Данилов Л.* Обзор погоды в европейской России и западной Сибири за январь 1915 года н. ст. // Метеорологический вестник. 1915. № 2. С. 68.

² *The World War I Collection: Gallipoli and the Early Battles, 1914–15.* London, 2001. P. 42.

³ *Churchill W.* *The World Crisis, 1911–1918.* London, 2007. P. 297.

⁴ *Aspinall-Oglander C.* *Military Operations: Gallipoli.* Vol. 2. London, 1929. P. 486.

путем перенаправления импортных товаров военного назначения преимущественно в южные порты. Здесь и зимой никаких препятствий не возникало, а расстояние от северо-восточных американских портов было намного меньше, чем до Владивостока, к тому же Панамский канал был закрыт на семь месяцев из-за массивного оползня в сентябре 1915 г.¹ Относительно небольшое расстояние до линии фронта из таких портов, как Одесса, Севастополь и Ростов, можно было покрыть всего за несколько дней, а не недель или даже месяцев, необходимых для транспортировки груза из Архангельска и Владивостока.

Правда, такое изменение грузопотоков увеличило бы сумму страховки из-за высокого риска атак подводных лодок. Однако, благодаря ускорению морской доставки сам фрахт стал бы дешевле, и больше товаров можно было бы перевезти на имеющемся ограниченном количестве судов. Кроме того, понадобилось бы гораздо меньше вагонов для транспортировки этих грузов, нежели требовалось для длительного пути от Архангельска и особенно Владивостока, и, таким образом, больше вагонов высвобождалось бы для других необходимых перевозок по разгруженным железным дорогам. Можно было пересмотреть использование транссибирской магистрали. В 1915 г. импортные военные грузы занимали около 20% пропускной способности сибирских линий, ведущих в европейскую часть России через Вятку и Уфу — примерно 160 вагонов в день². Возможность предоставить хоть часть освободившей пропускной мощности для перевозок гражданских грузов могла бы дать важные результаты — вывоз всего лишь 50 вагонов зерна и мяса в день из Западной Сибири существенно улучшал снабжение городов европейской России.

Полезны были бы и другие изменения в организации международных грузовых потоков, которые совокупно могли бы значительно облегчить положение железных дорог и военной экономики России. Например, использование Архангельского порта в основном для импорта британского угля позволило бы перевозить больше угля (при условии наличия судов) и доставлять его вглубь страны быстрее, что позволило бы использовать часть угля в Петрограде и северо-западном регионе. Городские власти Петрограда зимой 1914—1915 гг. получили от министра путей сообщения заверения, что им доставят до 12 млн пудов угля, прибывающего через Архангельск, — около 1000—1100 вагонов в месяц. На деле угля прибыло гораздо меньше, главным образом из-за логистических трудностей, поэтому к началу января 1916 г. запасы в Петрограде были практически исчерпаны. Столичный градоначальник полагал, что увеличение использования дров, а также обещанный уровень поставок угля из Архангельска должны были позволить Петрограду отказаться от донецкого угля³. Если бы это произошло, то уголь из Донбасса можно было бы направить на другие цели — увеличить поставки в другие города, не говоря уже о перераспределении пропускной и провозной способностей железных дорог.

¹ Иллюстрации оползня, произошедшего в сентябре 1915 можно найти на онлайн-выставке Linda Hall Library «The Land Divided, The World United: Building the Panama Canal» (URL: <http://panama.lindahall.org/century-progress/> (дата обращения 29.02.2016)).

² См., напр.: Журнал Распорядительного комитета № 70, 31 Октября 1915 // РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 2987. Л. 26.

³ Журнал Распорядительного комитета № 34, 23 февраля 1915 // РГИА. Ф. 273. Оп. 10. Д. 3041. Л. 79; Журнал совещания по обеспечению столицы предметами первой необходимости, 24 Января 1916 // РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1239. Л. 21 об.

Можно привести другие примеры, чтобы показать дополнительные возможности снижения нагрузки на экономику, если бы торговля через черноморские порты была возобновлена. Импорт цейлонского чая в Одессу и Новороссийск мог быть возобновлен для европейской части России и в Батуми для дальнейшей перевозки через Баку и Красноводск на чрезвычайно важный рынок Средней Азии. Преимущества были бы в быстрой доставке, больших объемах и особенно в снижении спроса на перевозки из Владивостока. Экспорт зерна во Францию и Великобританию мог осуществляться через Ростов вместо северного Архангельска, при этом можно было бы использовать местное зерно Юго-Востока. Эта идея рассматривалась как идеальный вариант, когда в 1914 г. поступил первый французский запрос: Министерство финансов даже купило около 14,5 млн пудов зерна в частных хранилищах в южных портах¹. Такое изменение высвободило бы часть пропускной мощности железной дороги через Вятку, а также несколько тысяч вагонов. Появился бы еще один шанс убедить военное ведомство разрешить поставки сибирского зерна и мяса в европейскую часть России для гражданского населения. Кроме того, поставив экспорт зерна союзниками на прочную основу, правительство могло бы получать доход в твердой валюте, которая была так необходима для финансирования военного импорта. Министерство путей сообщения (МПС) в марте 1915 г. сообщало Совету министров, что успех Дарданелльской операции позволит перевезти заказанные 10 тыс. современных американских грузовых вагонов через Черное море². В конце июня 1915 г. МПС предложило Совету министров начать подготовку заказа 165 млн пудов угля в Великобритании и Соединенных Штатов и найм необходимых судов, которые обеспечили бы доставку через Черное море, как только проливы будут открыты³.

Перевозка чая через Кавказ в Баку была бы возможна, конечно, по окончании сухопутной войны в регионе. Умиротворение края также помогло бы устранить большое военное напряжение на маршруте Ростов—Баладжары—Баку. Продукты питания и другие припасы по-прежнему были необходимы для военных соединений, дислоцированных на юге и в мирное время, но отпала бы необходимость в постоянных крупномасштабных перевозках свежих войск, военнопленных, раненых и больных. Это позволило бы осуществить несколько важных преобразований на железных дорогах. Возобновились бы перевозки нефти через Кавказ в полном объеме имеющегося парка вагонов и цистерн. Также было бы целесообразно возобновить доставку хлопка из Средней Азии на север через Кавказ, что снизило бы давление на маршруте Ташкент—Оренбург—Кинель и особенно на очень загруженной части Транссибирской магистрали между Кинелью и Сызранью. Стало бы возможным возобновить поставки зерна из Центрального и Северного Кавказа на британские и французские рынки, а также в промышленные города Донбасса, где гарантированные поставки продовольствия помогли бы решить вопрос дефицита трудовых сил в угольных и железорудных шахтах. Четвер-

¹ Журнал совещания пяти министров, № 8, 23 февраля 1916 // РГИА. Ф. 1276. Оп. 12. Д. 1240. Л. 18 об. Тот же источник указывает, что это зерно было позже продано Министерству земледелия для использования в армии из-за необходимости поставлять союзникам сибирское зерно через Архангельск.

² Рухлов Совету министров, 5 марта 1915 // РГИА. Ф. 268. Оп. 5. Д. 310. Л. 487.

³ Проект доклада МПС в Совету Министров, июнь 1915 // РГИА. Ф. 268. Оп. 5. Д. 311. Л. 268.

тая возможность — поставки мяса и фруктов на север, включая обе столицы и города Донбасса¹.

Таким образом, с точки зрения транспортной логистики и закупок припасов за рубежом неспособность реализовать такие цели была весьма значительной стратегической издержкой поражения союзников в Галлиполи. Конечно, мы не можем знать, в какой мере эти возможности были бы реализованы. Можно, однако, с уверенностью предположить, что большая часть военного импорта России проходила бы через турецкие проливы, Архангельск специализировался на импорте угля и максимальный объем нефти перевозился по железной дороге. Осуществление лишь этих трех изменений давало бы значительные выгоды как для вооруженных сил, так и для железных дорог, не говоря уже о косвенных преимуществах.

Так был ли прав Мурехэд, утверждая, что Февральской революции могло бы не произойти, если бы союзники одержали победу в Дарданелльской операции? Хотя точный ответ на этот вопрос невозможен, анализ влияния войны с Турцией на логистику военных усилий России показывает, что в чем-то он прав. Скорее всего, основной вопрос заключался бы в том, согласилось бы Военное министерство на увеличение поставок зерна и мяса из Западной Сибири в европейскую Россию, где, несомненно, Петроград и Москва имели бы приоритет.

Тем не менее окончательная победа России над Османской империей в 1915 или даже в 1916 г. не была решающим фактором для получения доступа к этим возможностям. После захвата города Эрзурум и порта Трабзон в начале 1916 г. начальник штаба М.В. Алексеев вновь предложил правительству заключить мир с Османской империей. Он опасался, что Россия не в силах долго продолжать борьбу на два фронта и желал перенаправить часть Кавказской армии на другие фронты. Царское правительство его просьбу отвергло. МакМикин приписывает это решение желанию Сазонова захватить Константинополь, в то время как Рейнолдс отмечает, что во время подписания соглашения Сайкса—Пико—Сазонова велись переговоры и о разделе Османской империи. Согласно Боброву, Сазонов «отказался сделать более рациональный выбор» и цеплялся «отчаянно» за обещание Великобритании и Франции позволить контролировать проливы и Константинополь после войны в качестве «платы за общие военные усилия России». Бобров делает вывод, что, лишив западные фронты войск и ресурсов, которые направлялись для борьбы с Турцией, политика Сазонова, направленная на захват проливов и Константинополя, «довольно сильно поспособствовала краху России»².

Таким образом, предложение Алексеева, рассмотренное в свете логистических последствий поражения в Галлиполи, представляется потенциально гораздо более важным, чем оно считалось, как для российских военно-экономических действий, так и для военно-экономических действий союзников в целом. Если бы конфликт с Османской империей уже на этом этапе окончился подписанием мирного договора с Турцией и открытием проливов, то Россия и ее союзники могли бы обеспечить те же логистические преимущества, для которых проводилась Дарданелльская операция. Оценивая предложение Алексеева как серьезную возможность обеспечить

¹ Обратите внимание, например, на многочисленные статьи о холодильных системах для перевозки фруктов и других пищевых товаров в Москву в выпусках Вестника Владикавказской железной дороги за 1915 г.

² *McMeekin S. Russian Origins... P. 223; Reynolds M. Shattering Empires... P. 137–138; Bobroff R. Roads to Glory... P. 143–144, 147–148.*

мир и жизненно важные логистические преимущества, мы можем предположить, что Мурехэд был не совсем прав, определяя поражение в Галлиполи как решающее событие, повлиявшее на начало русской революции, а Бобров недооценил масштаб того, насколько заинтересованность Сазонова проливами помешала военным усилиям и увеличила вероятность революции.

Двойная морская блокада России продолжилась, не прекращалась и война в восточной части Турции со всеми серьезными последствиями для военно-экономической деятельности России. Логистические трудности России ухудшались и в 1916 г. Нехватка продовольствия и рабочих рук и в Архангельске, и во Владивостоке затрудняла разгрузку товаров; заторы на транссибирской магистрали увеличились; восстание в Средней Азии ставило под угрозу функционирование важнейших железнодорожных линий Ташкент—Оренбург и Ташкент—Красноводск; заторы на железных дорогах Кавказа обострились; а поставки в столицы продовольствия летом и угля осенью были намного ниже целевых показателей. Россия пережила одну из худших на памяти того поколения зим, и к весне ситуация казалась невыносимой.

Выводы

Конфликт России с Турцией во время Первой мировой войны действительно был «второстепенным событием», если сравнивать число задействованных в нем боевых единиц и потерь с боями в Западной, Центральной и Восточной Европе, но его стратегическое значение было огромным. Его влияние на российскую военную экономику было и масштабным, и глубоким. Россия была втянута в сухопутную войну на два фронта, и, кроме того, стала объектом двух морских блокад. Транспортно-логистические последствия этого затруднительного положения касались всей Российской империи. Разработчики Дарданелльской операции были правы, оценивая выведение Османской империи из войны как стратегически решающую задачу.

Два взаимосвязанных вывода следуют из дискуссии о логистических последствиях войны с Турцией.

Мирное предложение Алексеева, сделанное в феврале—марте 1916 г., и особенно отношение к нему в Петрограде заслуживают гораздо большего внимания, чем ему было уделено. Почему это предложение не было принято? Как хорошо политики в Петрограде понимали логистические вопросы? Имел ли Алексейев какие-либо более обширные стратегические цели, кроме как добиться перевода некоторых армейских подразделений на западные фронты? Во всяком случае, Алексейев создал возможность, какой бы небольшой она ни была, для изменения хода Великой войны. Поэтому нельзя согласиться с выводом Мурехэда о том, что именно поражение союзников в Галлиполи привело Россию к революции, и быть может, нужна гораздо более критическая оценка последних месяцев работы Сазонова в качестве министра иностранных дел.

Во-вторых, необходимо пересмотреть отношения между войной с Турцией, связанной с ней нагрузкой на военно-экономическую деятельность России и началом Февральской революции. Тот факт, что транспортные осложнения были настолько масштабными и значимыми, предполагает, что их воздействие имело

решающее значение для судеб России. Ведь казалось, что именно нехватка продовольствия и топлива подтолкнула начало революции в Петрограде. Представим, что в 1916 г. Россия воевала бы только на ее западных фронтах, используя все мощности своих южных портов в дополнение к Архангельску и Владивостоку. Вряд ли можно было бы ожидать решающих военных успехов, но инфраструктура тыла имела бы гораздо больше возможностей для перевозки продовольствия, топлива и сырья, не говоря уже об импорте через проливы американского и британского угля в дополнение к производству на Донбассе и импорту через Архангельск. При таких условиях что потребовалось бы, чтобы политический кризис достиг такого масштаба, при котором революция стала бы неизбежной?

МОГЛА ЛИ ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ БЫТЬ РЕВОЛЮЦИЕЙ ЛИБЕРАЛЬНОЙ?

Начиная с 1960-х гг. и советские историки, и многие западные исследователи полагали, что Февральская революция была восстанием масс, создавших революционную власть — Петроградский Совет. Либеральная буржуазия выступала против революции, но обстоятельства вынудили ее захватить власть только чтобы сдерживать революцию. Парадокс же Февральской революции заключался в том, что реальная власть была передана Временному правительству, ибо умеренные социалисты, ставшие лидерами Совета, сдали ему власть. В этом была суть двоевластия¹.

В книге, опубликованной в 1981 г., я оспаривал этот доминировавший нарратив². Февраль был сочетанием двух революций: бунта восставших рабочих и солдат и восстанием либералов против царского режима. Хотя восставшие массы в большинстве поддерживали Совет, этот орган не представлял собой власть. Я в большей мере, чем мои предшественники, выделил роль либералов в свержении старого режима, хотя и полагал, что либеральная буржуазия сдерживала революцию. Эти действия противоречили желаниям восставших масс, которые декларировали верность Совету. Единственной возможностью для Временного правительства стать легитимным в глазах восставших было соглашение с Исполкомом Совета, который желал, чтобы правительство было создано буржуазией.

Тем самым я отвергал общепринятое толкование «передачи власти», утверждая, что Совет не был властью и не мог утвердить власть в одиночку. «Двоевластие» тем самым отражало реальность властных отношений между тремя субъектами революции: либералами в Государственной Думе и Временном правительстве, умеренными социалистами в Исполкоме Петроградского Совета и повстанцами на улицах. Если использовать схему, противопоставляющую «структуру» «случайности», двоевластие было скорее результатом непреодолимой социальной пропасти, присущей социальной «структуре» царского режима, чем следствием «случайного стечения обстоятельств».

С момента публикации книги стали доступны важные источники, особое значение имели документы Временного комитета Государственной Думы (ВКГД) и серия интервью, проведенных комиссией М.А. Полиевктова с видными участниками Февральской революции в 1917 г.³ Появились и исследования, которые

¹ Самым ранним сторонником этой интерпретации был Лев Троцкий (*Троцкий Л.Д. История русской революции. Т. 1. М., 1997*).

² *Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd, 1917. Seattle; London, 1981.*

³ Теперь эти источники стали доступны. Первый вариант был опубликован О.А. Шашковой (*Революция 1917: Сб. документов и материалов. М., 1996. (Документ № 43)*). Другая

заставили меня скорректировать мои выводы. Наибольшее значение имела книга А.Б. Николаева, которая заставила меня пересмотреть некоторые утверждения¹. Ранее я характеризовал ВКГД как «вынужденного» революционера, лишь в силу обстоятельств действовавшего революционно, чтобы сдержать революцию. Теперь я готов принять подход Николаева: ВКГД изначально стремился заменить старый режим режимом либерально-буржуазным. Я также переоценил внутреннюю борьбу в ВКГД между Милоковым, Родзянко и Керенским, между двумя концепциями революционного правительства: одна строилась вокруг Думы и ВКГД, а вторая — на базе Временного правительства, без связи с Думой. Вслед за Николаевым я теперь охотнее допускаю возможность сценариев, которые могли вести к совершенно другому развитию событий. Вместе с тем я по-прежнему считаю, что характер дореволюционной социальной и политической системы делал маловероятным утверждение либерально-буржуазного строя.

Формирование ВКГД

ВКГД был сформирован около 5 часов вечера 27 февраля. Депутаты Думы собрались в Таврическом дворце утром, узнав о солдатских восстаниях. Только после 2 часов дня, незадолго до того, как восставшие солдаты вошли во дворец, было проведено заседание Совета старейшин. На этом этапе и М.В. Родзянко, и П.Н. Милоков настаивали, что брать власть преждевременно. Решающий момент настал, когда Первый пехотный запасный полк в полном боевом порядке присоединился к революции. Имея поддержку воинских частей, ВКГД решил взять власть в 11:30 вечера, еще до того, как был сформирован Петроградский Совет².

версия была найдена А.Б. Николаевым (*Николаев А.Б.* Протокол заседаний совещания Государственной Думы с представителем фракции, частного совещания членов Государственной Думы и Временного Комитета Государственной Думы 27 февраля — 3 марта 1917 года // Таврические чтения, 2011. Актуальные проблемы истории парламентаризма. СПб., 2012. С. 223–340). Записи интервью, проведенные Обществом по изучению революции под руководством Полюевкова с ведущими участниками Февральской революции, переведены на английский язык и опубликованы С. Ляндресом (*Lyandres S.* The Fall of Tsarism: Untold Stories of the February 1917 Revolution. Oxford, 2013). См. также важный сборник документов: Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году: Документы и материалы. Т. 1: 27 февраля — 31 марта 1917 года. Л., 1991.

¹ *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005.

² Новые доказательства, приведенные Николаевым и Ляндресом, способствовали пересмотру общепринятых версий формирования ВКГД. Во-первых, депутаты не пришли к Таврическому дворцу в ответ на указ Николая о роспуске Думы. Во-вторых, в самый решающий момент принять решение взять власть Родзянко побудило не информация С.И. Шидловского о верности Преображенского полка Думе, а прибытие Первого пехотного полка в полном боевом порядке, под командованием офицеров. В-третьих, решение взять власть ВКГД принял еще до формирования Совета. Всё это указывает на то, что ВКГД с самого начала имел намерения взять власть и сменить царский Совет министров. См.: *Николаев А.Б.* Размышления над рецензией профессора Ц. Хасеравы // Journal of Modern Russian History and Historiography. 2013. Вып. 6; *Lyandres S.* Revisiting the Circumstances and Motives of M.V. Rodzianko's Decision to Assume Authority on the First Day of the February Revolution. Report on 45th Annual Convention ASEEE. Boston, 2013.

Керенский и формирование Военной комиссии

Перед тем как ВКГД решил взять власть, Керенский с одобрения Родзянко создал революционный штаб, издавал приказы, создававшие силы поддержания порядка и обеспечивавшие контроль над районами, примыкающими к Таврическому дворцу. Этот штаб вскоре превратился в Военную комиссию ВКГД. Перехват полномочий у неэффективного и недоукомплектованного оппонента — Петроградского Совета — не занял у Военной комиссии много времени¹. С удивительной скоростью и умением Военная комиссия расширила влияние, захватывая важные здания и учреждения. Она обезвредила вооруженные силы и полицию старого режима, боролась с беспорядками на улицах, снабжала продовольствием восставших, захватывала средства связи, а также установила контроль над железнодорожной системой страны и городским транспортом. ВКГД с помощью Военной комиссии выступал в качестве революционной власти².

Другим революционным шагом ВКГД стал арест царских министров. Как показывает Николаев, приказ об арестах был отдан еще до принятия окончательного решения ВКГД о взятии власти, а это означает, что думские лидеры осознанно решили утвердить свои лидерские позиции в ситуации революции. Мятежники спонтанно и без решения какой-либо организации начали аресты, Керенский лично санкционировал эти действия. Более того, Керенский дал восставшим солдатам список представителей старого режима, которых следовало арестовать³.

ВКГД объявил, что аресты недопустимы без письменного разрешения комитета. 1 марта член ВКГД М.А. Караулов издал Приказ № 1, определивший пять категорий лиц, подлежащих аресту, в документе содержался и перечень тех мест заключения, куда следовало доставлять арестованных. В Таврический дворец надлежало привозить лишь высших должностных лиц царского правительства и генералов⁴. Произвольные аресты, однако, продолжались. Для решения вопроса о продлении задержания ВКГД создал две комиссии — высшую следственную комиссию по расследованию дел высших должностных лиц старого режима и комиссию по расследованию дел рядовых полицейских и преступников. Тем самым ВКГД присваивал судебную власть, что свидетельствовало о революционном характере его власти.

Захват министерств

ВКГД и далее брал на себя государственные функции. По данным Николаева,

¹ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Т. 1: 27 февраля — 31 марта 1917 г. Л., 1991. Т. 1. С. 25.

² См. приказы военной комиссии за 28 февраля и 1 марта: Февральская революция в Петрограде: Материалы Военной Комиссии Временного комитета государственной думы // Красный архив. Т. 41–42. № 4–5. С. 62–102; ГА РФ. Ф. 3348. Д. 129 (Документы Пальчинского); РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 3, 6, 9, 55; Революция 1917: Сб. документов и материалов... С. 177–181; Николаев А.Б. Революция и власть... С. 240–244.

³ Николаев А.Б. Революция и власть... С. 449–450, 463, 507; Интервью Керенского см. в книге: Lyandres S. The Fall of Tsarism... P. 229–230; Революция 1917: Сб. документов и материалов... С. 122, 126, 130; Протокол заседаний... С. 256.

⁴ Приказ по городу Петрограду // Известия комитета петроградских журналистов. 1917. 1 марта; Николаев А.Б. Революция и власть... С. 300–301, 464.

ВКГД с ночи 27 февраля по 3 марта назначил от 38 до 43 комиссаров. Он выделяет четыре вида захвата правительственных учреждений. В некоторых случаях царский министр продолжал деятельность, и комиссар из ВКГД не назначался (Министерство иностранных дел). Порой бывшим министрам и другим высокопоставленным чиновникам разрешали остаться в ведомстве, но их контролировали комиссары ВКГД (Морское министерство, Главное управление почт и телеграфа, Дирекция императорских театров). В некоторых ведомствах их главы были смещены и/или арестованы, и ими управляли комиссары (Государственная канцелярия, Военное министерство, МВД, министерства юстиции, путей сообщения, финансов, торговли и промышленности, народного просвещения, сельского хозяйства, а также градоначальство Петрограда). Иногда комиссары не назначались, а ВКГД брал на себя управление министерством, здание же находилось под его защитой (правительственная типография и министерство здравоохранения)¹.

Захват министерств обеспечил непрерывность функционирования государства. Скорость и эффективность, с которой ВКГД взял на себя эту власть, позволяет предположить, что Дума благодаря своему опыту законодательной работы была готова играть роль правительства, с этой задачей Петроградский Совет не справился бы. Переход огромной бюрократической системы в руки ВКГД еще до формирования Временного правительства имел исключительное значение, бюрократия за редким исключением была готова поддержать ВКГД и приняла подобную смену режима.

Из этих действий особое значение имел захват Министерства путей сообщения. В ночь на 27 февраля А.А. Бубликов, депутат Думы, прогрессист, инициировал захват этого ведомства, чтобы обеспечить контроль над железными дорогами и железнодорожным телеграфом². Сразу же Бубликов направил телеграмму с вестью о революции на все железнодорожные станции России³. Это было первое адресованное всей стране объявление ВКГД о смене государственной власти в столице. Россия приняла революцию как свершившийся факт. Телеграмма должна была, в частности, убедить и тех военачальников, которые боялись разрушительного эффекта революции, что власть находится в руках ответственных граждан. Телеграмма Бубликова повлияла на отношение военачальников к перевороту.

Создание милицейских формирований

Полиция, обеспечивавшая закон и порядок, в столице была уничтожена. Мятежники заняли тюрьмы, освободив преступников, а голодные восставшие солдаты бродили по улицам. Петроград внезапно столкнулся с опасностью беззакония.

¹ Николаев А.Б. Революция и власть... С. 321; РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 3. Л. 4, 9, 11, 13, 18, 22, 37, 38, 42, 48, 49, 51, 54, 55, 60, 62; Комиссары государственной думы // Известия комитета петроградских журналистов. 1917. 1 марта; Протокол событий... С. 120; Протокол заседаний... С. 249–250.

² Бубликов А.А. Русская революция: впечатления и мысли очевидца и участника. Нью-Йорк, 1918. С. 20–22.

³ Февральская революция 1917 года: Документы Ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армии северного фронта // Красный архив. Т. 21, № 2. С. 32–33; Протокол событий... С. 120; Протокол заседаний... С. 250; Обращение к железнодорожникам // Известия комитета петроградских журналистов. 1917. 28 февраля.

До 20 тыс. преступников оказались на свободе и не менее 70 тыс. единиц оружия были переданы мятежникам. Незаконные обыски проводились в различных организациях и на частных квартирах, толпы нападали на винные погреба и водочные заводы¹. Для обеспечения победы революции следовало сдерживать распространение преступности, и создание какой-то полиции стало насущной необходимостью. И ВКГД, и Петроградский Совет осознали это, однако одна Военная комиссия не могла решить эту задачу. Между тем опоздать здесь было нельзя, ибо соперник ВКГД, Петроградский Совет, уже начал формировать рабочую милицию.

28 февраля ВКГД назначил профессора Военно-медицинской академии В. Юревича новым градоначальником². Однако создать милицию на основе административной структуры градоначальства, которая была полностью подорвана уничтожением полиции, оказалось невозможно. Уже утром 28 февраля Юревич провел совещание с участием представителей городской думы и Петроградского Совета, на этой встрече организация милиции была поручена городской думе³.

Городская дума провела экстренное совещание вечером 28 февраля; было решено создать городскую милицию и назначить комиссаров в каждом районе для ее организации. Дмитрий Андреевич Крыжановский был выбран начальником городской милиции⁴. В ответ на призыв городской думы многие образовательные и технические учреждения, уже организовавшие свои милицейские отряды, вошли в состав городской милиции. Основой городской милиции стали государственные служащие и студенты высших учебных заведений⁵.

К 1 марта в Петрограде появились два центра организации милиции: Петроградский Совет и городская дума, сотрудничавшая с ВКГД. Обе инстанции, однако, рассматривали милицию как силу для восстановления порядка на улицах ради обеспечения победы революции. На некоторое время две организации были объединены этой целью⁶.

Приказ Родзянко, солдатский вопрос и Приказ № 1

ВКГД должен был контролировать мятежников, ему следовало быть для них легитимной властью. Одновременно необходимо было остановить контрреволюционные

¹ Подробнее о широко распространившейся преступности, нападениях на винные погреба, пьянстве и беспечной стрельбе см.: *Николаев А.Б.* Революция и власть... С. 541–545.

² Городская милиция // Известия комитета петроградских журналистов. 1 марта 1917; РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 3. Л. 24. О создании милиции во время Февральской революции см.: *Hasegawa T.* The Formation of Militia in the February Revolution: An Aspect of the Origins of Dual Power // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32. N 12. P. 303–322.

³ *Николаев А.Б.* Революция и власть... С. 528.

⁴ *Кельсон З.* Милиция Февральской революции: Воспоминания // *Былое*. 1925. Т. 29, № 1. С. 162–163; *Бурджалов Э.Н.* Вторая русская революция. М., 1967. С. 272; *Hasegawa T.* February revolution... P. 306; *Крючковская В.М.* Центральная городская дума Петрограда. Л., 1986. С. 23. Подробнее о милицейских организациях во время Февраля см.: *Hasegawa T.* February revolution. P. 306–307; *Wade R.A.* Red Guards and workers' militias in the Russian revolution. Stanford, 1984. P. 36–57.

⁵ *Николаев А.Б.* Революция и власть... С. 534–555.

⁶ *Hasegawa T.* 1) February Revolution. P. 302–322; 2) *Gosudarstvennost', Obschestvennost' and Klassovost': Crime, Police and the State in the Russian Revolution in Petrograd* // *Canadian-American Slavic Studies*. 2001. Vol. 35. N 2–3. P. 157–188.

силы, посланные императором, и решить вопрос о монархии. Эти две задачи потенциально противоречили друг другу, ВКГД должен был как-то сбалансировать их.

Б.А. Энгельгардт, захвативший Военную комиссию, включил в нее офицеров Генерального штаба, восемь полковников стали ее основой. Офицеры, связанные с социалистическими партиями, были оттеснены на второстепенные роли. Представители Совета в Военной комиссии продолжали сотрудничать с новым руководством, а Исполком Совета призвал солдат подчиняться приказам Военной комиссии и сотрудничать с ним для совместной борьбы против старого режима¹.

В дополнение к усилиям Военной комиссии, некоторые члены ВКГД лично обращались к солдатам, чтобы поддержать дисциплину. Таким образом, с 28 февраля по 1 марта ВКГД стремился утвердить свою власть. Авторитетный исследователь указывает, что в той ситуации это имело «решающее значение для укрепления власти Думы и восстановления нормального военного командования»². Особенно важен был вопрос об отношениях между офицерами и солдатами и о той роли, которую новый революционный режим будет играть в определении этих отношений. И как раз в этот момент изменение отношения восставших солдат к ВКГД и к Военной комиссии буквально вырвало политическую победу из рук ВКГД.

ВКГД издавал воззвания и приказы, призывавшие солдат и офицеров восстановить дисциплину в воинских частях. Он призывал офицеров не оставлять массы солдат без командиров, следовать инструкциям ВКГД. Военная комиссия приказывала солдатам вернуться в казармы, требовала назначить временных командиров и изолировать тех офицеров, которые не присоединились к восстанию³.

Именно эти прокламации повлияли на дальнейшее отчуждение восставших солдат от ВКГД. Многие восставшие солдаты не возвращались в свои казармы. А когда появившиеся в полках офицеры вновь стали брать на себя командование, повстанцы начали тревожиться, поскольку их действия в предыдущие дни были направлены и против старого режима, и против воинской дисциплины и иерархии царской армии. Возвращение в казармы и восстановление власти офицеров, казалось, сведет на нет все действия восставших солдат.

Энгельгардт и Бубликов были обеспокоены тем, что вооруженные солдаты блуждали по улицам. Они считали, что ВКГД должен вернуть их в казармы, под командование офицеров. Совместно они составили приказ от имени Родзянко. Документ, известный как «Приказ Родзянко», призвал всех солдат, все воинские части немедленно вернуться в свои казармы и поручил офицерам навести порядок в своих частях⁴.

Приказ Родзянко, воспринятый как призыв к восстановлению старого порядка, вызвал бурную реакцию, солдаты интерпретировали его и как попытку

¹ ГА РФ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 1722. Л. 26; *Энгельгардт Б.А.* Воспоминания о далеком прошлом. Ч. 1 Потонувший мир // ОР РНБ. Ф. 1052. Д. 24. С. 110; Февральская революция 1917: Сб. документов и материалов. М., 1996. С. 82, 93; Петроградский Совет... С. 25.

² *Wildman A.K.* The End of the Russian Imperial Army. Princeton, 1980. P. 177.

³ Февральская революция... С. 123, 150; Приказ: Господа офицеры петроградского гарнизона и все господа офицеры, находящиеся в Петрограде // Известия комитета петроградских журналистов. 1917. 1 марта; Протокол событий... С. 123.

⁴ *Энгельгардт Б.А.* Потонувший мир. С. 106–107; *Engel'gardt interview* // Lyandres S. Fall of Tsarism... P. 62; *Рафес М.Г.* Мои воспоминания // Былое. 1922. Т. 19. С. 193; *Суханов Н.Н.* Записки о революции. Т. 1. Берлин, 1922. С. 207.

конфисковать их оружие. Недовольство приказом отчетливо проявилось на втором заседании Петроградского Совета, состоявшемся 28 февраля, некоторые выступавшие требовали арестовать Родзянко¹.

Под давлением солдат Ю. М. Стеклов, один из членов Исполкома Совета, просил Энгельгардта издать новый приказ, убеждавший солдат, что восстановление дисциплины не приведет к репрессиям по отношению к мятежникам и тем более к конфискации оружия. Энгельгардт запретил конфискацию оружия, указав даже, что подобные действия офицеров будут караться смертной казнью². Несмотря на заявление Энгельгардта и призыв Исполнительного комитета, солдаты начали брать дело в свои руки³.

К 1 марта солдатский вопрос стал одним из самых важных. В этот день на заседании Совета, где преобладали солдаты, обсуждались следующие вопросы: (1) должны ли солдаты подчиняться приказам Военной комиссии Думы или приказам Совета; (2) как реагировать на требование Родзянко о сдаче оружия; и (3) каким должно быть отношение солдат к офицерам⁴. После жаркого обмена мнениями солдаты решили издать приказ, адресованный гарнизону Петрограда⁵. Представители солдат сначала представили свое решение Военной комиссии для утверждения. Энгельгардт был готов принять эти требования, но Родзянко и Гучков наложили вето. Получив отказ, солдаты покинули комиссию, заявив о своем желании самостоятельно подготовить приказ⁶. Десять выбранных солдатами представителей при содействии видного деятеля Исполкома Н. Д. Соколова написали проект приказа, а общее собрание Совета утвердило его как Приказ № 1⁷.

Приказ № 1 прояснил вопрос о том, на чьей стороне находятся солдаты. Отвергнув авторитет Военной комиссии, а следовательно, и ВКГД, большинство восставших солдат сплотилось вокруг Совета. Принятая формулировка: подчинение приказам Военной комиссии постольку, поскольку они не противоречат политике Совета, предвосхитила известную советскую политику условной поддержки Временного правительства⁸. Приказ № 1 сделал невозможным для ВКГД обеспечить прямую поддержку восставших солдат, он нанес смертельный удар по престижу

¹ Из протокола заседания Совета рабочих депутатов, 28 Февраля // Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 1 марта; Петроградский Совет... С. 40–41.

² Энгельгардт Б. А. Потонувший мир. С. 116; Постановления Временного комитета Госдумы // Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 1 марта; Engel'gardt interview // Lyandres S. Fall of Tsarism... P. 62. По-видимому, кто-то отредактировал текст, исключив из него слово «казнь». Это исправление возмутило Стеклова, и Энгельгардту пришлось корректировать это исправление, чтобы восстановить первоначальный порядок.

³ Melancon M. From the Head of Zeus: the Petrograd Soviet's Rise and First Days, 27 February – 2 March 1917 // Carl Beck Papers. 2009. N 2004. P. 37.

⁴ Петроградский Совет... С. 47–56; Февральская революция... С. 88–89.

⁵ Петроградский Совет... С. 54, 56.

⁶ РГИА. Ф. 1278. Оп. 10. Д. 5. Л. 36; Энгельгардт Б. А. Потонувший мир. С. 118; Engel'gardt interview // Lyandres S. Fall of Tsarism... P. 62; Chikolini interview // Ibid. P. 79.

⁷ Петроградский Совет... С. 55–57; Миллер В. И. 1) Начало демократизации старой армии // История СССР. 1966. № 6. С. 41, 43; 2) Из истории приказа № 1 Петроградского совета // Военно-исторический журнал. 1966. № 4. С. 359–372; Шляпников А. Семнадцатый год. Т. 1. Берлин; М., 1923. С. 211, 212; Соколов Н. Д. Приказ № 1 Совета // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 2 марта; Февральская революция... С. 89–90.

⁸ Melancon M. From the Head of Zeus... P. 41.

ВКГД, который уверенно создавал вокруг себя революционную власть с 27 февраля. Процесс принятия Приказа № 1 более всего способствовал рождению двоевластия.

ВКГД, вооруженные силы и монархия

ВКГД должен был также реагировать на контрреволюционные попытки и определить свое отношение к монархии¹. 27 февраля, когда восстание одержало победу, Николай II был в Могилеве. Полный решимости подавить революцию в столице, он послал с фронта войска под командованием генерала Н.И. Иванова. Военачальники во главе с начальником штаба генералом М.В. Алексеевым поддержали это решение. Но четыре дня спустя Иванову было приказано прекратить движение к Петрограду, Николай отрекся от престола в пользу своего брата Михаила, а Михаил в свою очередь тоже отказался от короны. С монархией было покончено.

Не вдаваясь в подробности этого процесса, я ограничусь лишь характеристикой основных факторов, которые привели к концу монархии.

Во-первых, политический процесс, который привел к падению монархии, был следствием политических действий на высшем уровне, особую роль играли переговоры между ВКГД (и его главным представителем Родзянко) и командованием в Ставке и на Северном фронте. Лидеры Совета сознательно не принимали в них участия, чтобы их вмешательство не препятствовало лидерам Думы остановить контрреволюцию и свергнуть монархию.

Во-вторых, контроль ВКГД над системой железных дорог и манипулирование информацией, предоставляемой Ставке и военным лидерам, сыграли решающую роль в прекращении экспедиции Иванова и ликвидации монархии. Этот процесс переплетался с борьбой за власть внутри ВКГД между Родзянко, Керенским и Милюковым.

В-третьих, политика военных лидеров следовала политическим рекомендациям ВКГД: решение остановить экспедицию Иванова (к часу ночи 1 марта), формирование министерства доверия (2 часа дня, 1 марта), ответственного министерства (между 7 и 10 часами того же дня), отречение Николая (2 марта) и, наконец, решение принять отречение монарха (3 марта). При этом немалую роль играло то, что решения запаздывали, а военные руководители систематически не поспевали за быстро меняющимися рекомендациями ВКГД, удивляясь новым радикальным политическим требованиям.

ВКГД, Временное правительство и рождение двоевластия

С 27 февраля по 2 марта ВКГД действовал в качестве квазиреволюционной власти, однако 2 марта ВКГД принял решение о создании Временного правительства. Здесь сказались и борьба Милюкова, Керенского и Родзянко внутри ВКГД, и, что более важно, те различные представления, которые каждый из этих лидеров имел о революционной власти.

¹ В новой версии своей книги я в основном сохранил свое исходное мнение о роли ВКГД в противодействии контрреволюционным попыткам. Я использовал важное исследование, которое отсутствовало в первом варианте моей книги: *Старцев В.И.* Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980.

Родзянко считал Думу единственным легитимным органом, призванным играть решающую роль в новой политической системе вплоть до созыва Учредительного собрания. Хотя Государственная Дума была создана при старом режиме, она была оплотом оппозиции царскому правительству и сыграла решающую роль в революции. Создание Временного правительства, обособленного от ВКГД, было для Родзянко серьезным поражением, но он продолжал считать, что Временное правительство должно функционировать лишь в качестве исполнительной власти и нести ответственность перед Думой, которая сохраняла бы за собой законодательную власть.

Таким образом, даже после принятия решения о создании Временного правительства, Родзянко стремился обеспечить контроль Думы и ВКГД над правительством. В переговорах с военным руководством Родзянко неизменно подчеркивал, что как председатель Государственной Думы и ВКГД он должен рассматриваться как верховный лидер, наделенный полномочиями назначить председателя совета министров¹.

Но Временное правительство не предпринимало никаких попыток использовать авторитет Думы в качестве источника легитимности. Наоборот, оно делало всё возможное, чтобы разорвать связи с Думой и ВКГД. Влиятельнейшим сторонником разрыва отношений Временного правительства с ВКГД и Государственной Думой был Миллюков. Лидер кадетов знал о всё еще значительной популярности Родзянко и о престиже, которым пользовались Дума и ВКГД. Он стремился избавиться от соперника и той институциональной основы, на которых базировалась популярность Родзянко. Это решение, однако, не было продиктовано лишь личным желанием Миллюкова, оно было основано на самой концепции Временного правительства как органа революционной власти.

Миллюков полагал, что опора на Думу как на источник легитимности заставит Временное правительство взять на себя тяжелое наследие старого режима. Дума и ВКГД будут препятствовать свободе действий Временного правительства. Если бы оно стало только органом исполнительной власти, ответственным перед Думой, это бы ограничило объем его полномочий и власти. Поэтому Миллюков был готов выбросить Думу за борт как пережиток старого режима, и сформировать

¹ О переговорах Родзянко и Алексева см.: Февральская революция 1917 года: Документы Ставки верховного главнокомандующего и штаба главнокомандующего армией северного фронта // Красный архив. 1927. Т. 21, № 2. С. 26; The Russian Provisional Government. Vol. 1. Stanford, 1961. P. 111–112. Эта телеграмма также просила Ставку назначить генерала Л.Г. Корнилова командующим Петроградским военным округом. Просьба исходила от ВКГД, а не от Временного правительства. Протокол событий... С. 136–137; Протоколы заседаний... С. 269–270. За этой телеграммой немедленно последовала еще одна, адресованная руководителям земств и городов, которая сообщала: «Власть окончательно перешла в руки *Временного комитета Государственной думы*. Члены старого правительства арестованы, находятся в Петропавловской крепости. Образуется Временное правительство, о составе которого немедленно будут извещены все места и лица всех губерний и областей России» (Протокол событий... С. 137; Протокол заседаний... С. 270). Кроме того, Родзянко послал специальную телеграмму великому князю Николаю Николаевичу, сообщая, что власть была передана Временному комитету Государственной Думы, а Временное правительство формируется (Протокол событий... С. 137; Протокол заседаний... С. 270). 3 марта ВКГД послал в Ставку командующим фронтами телеграмму от имени председателя Думы, сообщая, что «сегодня Временный Комитет Государственной Думы назначил Временное Правительство». Затем следовал список членов Временного правительства (Протокол событий... С. 144–145; Протокол заседаний... С. 279–290).

правительство, которое не было бы обременено Думой. Согласно его концепции, Временное правительство объединяло бы исполнительную, законодательную и судебную власть, становясь, по сути, диктаторской властью вплоть до созыва Учредительного собрания; оно не могло быть ограничено какими-либо учреждениями, прежде всего Государственной Думой.

Кроме того Дума, избранная на основе недемократического закона о выборах, лишавшего во многом низшие слои общества избирательных прав, не была настоящим представительным органом. Для восставших и Совета Дума была пережитком старого режима, не представляющим их интересы. Речь шла не только об отказе от Думы, избранной на основе пресловутого столыпинского закона о выборах от 3 июня 1907 г., но и обо всей природе Основных законов, которым Дума была обязана своим существованием, — законов, подрывавших демократические принципы, провозглашенные Октябрьским манифестом 1905 г. Другими словами, Дума несла в себе первородный грех, от которого революционная власть должна была наконец очиститься. Родзянко и Дума отрицались не только потому, что Родзянко был соперником Милюкова, но и оттого что Дума и ее председатель тормозили революционный курс, на который Временное правительство собиралось встать. Родзянко и Дума были также балластом, который топил Временное правительство в глазах Совета.

Позиция Милюкова всё же представляется загадочной. Почему он так решительно отвергал Думу как источник легитимности Временного правительства, хотя в то же время так непреклонно отстаивал сохранение монархии и настаивал, чтобы великий князь Михаил вступил на престол? Существовала огромная разница между легитимностью, исходящей от Михаила, и легитимностью, которая основывалась на Думе. Если бы власть была предоставлена Временному правительству новым императором, то он стал бы просто номинальным главой государства, который не имел бы фактической власти над правительством. Легитимность же, основанная на Думе, подчиняла бы Временное правительство органу власти, который возглавлял соперник Милюкова, т. е. правительство лишалось бы абсолютной власти. Милюков стремился разорвать связь Временного правительства с Думой, поэтому правительству требовалось одобрение Михаила, чтобы стать легитимным.

Керенский играл ключевую роль, поддерживая Милюкова в его стремлении разорвать связи Временного правительства с Думой. В то же время он подрывал авторитет Милюкова, поддерживая Родзянко, который выступал против Милюкова при обсуждении отказа Михаила от царствования. Он знал, что при ликвидации Государственной Думы как законодательной палаты Временное правительство должно будет опираться на авторитет Совета, что становилось еще более важным при отказе Михаила от короны. В этой ситуации роль Керенского возрастала: он один обеспечивал связь между Временным правительством и Петроградским Советом.

3 марта Временное правительство провело свое первое заседание¹. Ни Родзянко, ни другие члены ВКГД, которые не были министрами, приглашены

¹ Протокол этой встречи был впервые опубликован В.Н. Сторожевым (*Сторожев В.Н. Февральская революция 1917 года // Научные известия. М., 1922. Сб. 1: Экономика, история, право. С. 143–144*). Он датировал встречу 2 марта. Документ включен в сборник документов: *Февральская революция... С. 161–162* — публикаторы оставили ту же дату. Ее приводили и исследователи (*Старцев В.И. Внутренняя политика... С. 114–116*). А.Б. Николаев, однако, убедительно показал, что эта встреча не могла состояться 2 марта, поскольку она относится к трем событиям, которые произошли 3 марта (*Николаев А.Б. Революция и власть... С. 562–563*).

не были¹. Глава правительства князь Львов поднял вопрос о необходимости точного определения объема власти, которым обладает Временное правительство, и характера отношений между правительством и ВКГД. Было решено, что вся полнота власти, принадлежащая ранее монарху, должна считаться переданной не Государственной Думе, а Временному правительству. Указывалось также, что это ставило под вопрос дальнейшее существование ВКГД, сомнительным представлялась и возможность возобновления работы Государственной Думы IV созыва. Временное правительство также наделялось законодательной властью. Ему предписывалось установить в области законодательства и управления те нормы, которые оно признает необходимыми².

Это, по сути, означало, что Временное правительство получало абсолютную власть, равносильную той, которую имел царь или даже бóльшую, так как власть императора была ограничена Думой. Временное правительство, таким образом, учредило себя как диктатуру, неподотчетную Думе или иному учреждению. Временное правительство становилось единственным уполномоченным принимать и толковать законы органом³.

Почему Милоков одержал победу? Почему Временное правительство отказалось использовать авторитет Думы как источник легитимности?

Ответ на этот вопрос был дан во второй части первого заседания Временного правительства. В протоколе записано, что Временное правительство было вынуждено принять во внимание мнение Совета. Вместе с тем его вмешательство в решения правительства означало бы неприемлемое «двоевластие». Консультации с Советом должны были проводиться только на «закрытых совещаниях» до обсуждения вопросов на официальных заседаниях Совета. Тем не менее Керенскому было суждено играть ключевую роль посредника между Временным правительством и Петроградским Советом.

В этом и заключается суть двоевластия. События в Петрограде представляли собой не переворот, а революцию. Революция же отвергала старый строй, хотя новый порядок еще не был создан. ВКГД выступил в качестве революционной власти и сыграл решающую роль в свержении монархии, но в конечном счете ему не удалось создать такой новый порядок, который включил бы в себя восставшие массы. Всё, что осталось от старого порядка, в том числе Дума и ВКГД, который вырос из Думы, было заведомо запятнано, независимо от намерений участников событий и их поддержки революции. Отказываясь от Думы как источника легитимности, Временное Правительство отважно стремилось получить свою легитимность из другого единственно возможного источника — самой революции.

Так как Временное правительство не имело поддержки восставших масс, оно вынуждено было полагаться на Исполком Совета для обеспечения поддержки улицы. В этом и заключается кардинальное значение спешно обсуждавшейся 2 марта договоренности об условиях, на которых Исполком Совета поддерживал Времен-

¹ На совещании присутствовали: Г.Е. Львов, Милоков, Терещенко, Керенский, Шингарев, Годнев, В.Н. Львов, Некрасов (*Николаев А.Б.* Революция и власть. С. 562). Гучков, по-видимому, отсутствовал. Кроме названных Глинка, барон Нольде и Набоков присутствовали в качестве секретарей и юридических советников.

² *Сторожев В.Н.* Февральская революция... С. 143; *Февральская революция...* С. 161–162.

³ *Старцев В.И.* Внутренняя политика... С. 116; *Савиц Н.В.* Воспоминания. Дюссельдорф, 1993. С. 224, 225.

ное правительство. Переговоры между ВКГД и Исполкомом Совета, казалось, достигли целей, которые ставили перед собой обе стороны. ВКГД принял требования Исполкома при составлении программы Временного правительства, а Временное правительство получило поддержку Исполкома. Успех переговоров, однако, был иллюзорным, поскольку обе стороны переоценивали влияние Исполкома на восставшие массы.

ВКГД ошибочно полагал, что Исполком и массы, поддерживавшие Совет, были неразделимым блоком, а лидеры Исполкома контролировали повстанцев. Восставшие не были роботами, которые двигались в любом направлении, определяемом руководителями Совета, не были они и простой стихийной силой. Как показал процесс возникновения Приказа № 1, они могли выражать свое мнение через своих представителей. В течение двадцати четырех часов после переговоров члены ВКГД и Временного правительства, а также руководители Исполкома смогли убедиться, что результаты их переговоров были изменены. Приказ № 1 разрушил надежду Временного правительства вновь обрести поддержку солдат. Редакторская правка Стеклова и его выступление на четвертом общем заседании Совета 2 марта привели к тому, что Исполком отказался от обещания предоставить полную поддержку Временному правительству и вместо этого заявил лишь о частичной, условной поддержке. Это способствовало росту недоверия масс к Временному правительству.

Отказ от первоначального решения Исполкома Совета поддержать Временное правительство и последующий сдвиг его политики, ставший реакцией на давление восставших масс, доходившее до попыток ослабить власть Временного правительства, стали наиболее важными причинами рождения двоевластия. Исполком решил занять неоднозначную, противоречивую позицию по проблеме власти, отказывая Временному правительству в полноценной поддержке, но и не пытаясь захватить власть. Исходя из этого, Троцкий и сформулировал свою знаменитую интерпретацию: Исполком Совета «передал» власть Временному правительству.

Однако здесь не было никакого парадокса, не было и никакой передачи власти от Петроградского Совета Временному правительству. Совет не был революционной властью; скорее уж ВКГД имел необходимые атрибуты зачаточной революционной власти.

Умеренные лидеры Совета мучительно осознавали свое бессилие и дезорганизованность революционных сил. Стеклов описал общее настроение лидеров Совета на совещании Советов 30 марта. Он отмечал, что ко времени заключения соглашения об образовании правительства победа революции, даже революции в умеренно-буржуазной форме, не казалась еще очевидной, восставшие были плохо организованы, настроения ряда полков не были прояснены, опасность же контрреволюции представлялась вполне вероятной, а ситуация — непредсказуемой¹.

Страх перед контрреволюцией отнюдь не был параноидальной фантазией со стороны лидеров Совета. Информация Стеклова о силах контрреволюции была верной. Руководители Совета считали, что недисциплинированные солдаты и необученные рабочие были бы бессильны перед лицом крупномасштабной военной операции по подавлению восстания. Альтернативой для выживания революции было расширение ее базы, привлечение либеральной оппозиции в руководство,

¹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 апреля.

выдвижение ее на передний край маскировало классовый характер революции, которая приобретала вид национальной революции, что делало ее более приемлемой для военных лидеров.

Парадокс Февральской революции был не в том, что Петроградский Совет отдал власть Временному правительству, а в том, что ВКГД, который фактически выступал в качестве революционной власти, так легко отказался от власти в пользу Временного правительства.

Альтернативы

Всё это заставляет рассмотреть вопрос о соотношении «случайности» и «структуры». Были ли альтернативы тому, что произошло в дни Февральской революции? Полагаю, что некоторые альтернативы (частью пересекающиеся) могли изменить ход революции, повлиять на возможность осуществления либеральной революции.

Вариант 1

Царь мог пойти на политические уступки: (1) создать министерство доверия до 27 февраля (день солдатского восстания) в ответ на просьбу Родзянко или до 1 марта в ответ на коллективные прошения трех старших великих князей; (2) санкционировать создание министерства, ответственного перед Думой; или (3) согласиться на отречение в пользу сына при регентстве Михаила.

Против такой формулы конституционной монархии ни один либерал не возражал бы до дня 2 марта, когда Николай II изменил первоначальную формулу отречения в пользу своего брата. До этого времени либералы не стремились к уничтожению монархии. Разумеется, более раннее решение об отречении увеличивало бы вероятность политического решения, но до 1 марта Николай и не был склонен идти на эти уступки. Оказывали ли командующие давление на Николая, чтобы он принял решение об отречении? Расположение Рузского к либералам в Думе и связь Алексева с инициаторами дворцового переворота позволяют это допустить¹.

Что бы случилось, если бы Гучков и Шульгин отказались принять отречение Николая, и стали настаивать на его отречении в пользу Алексея при регентстве Михаила, как это и было согласовано с ВКГД? К этому времени восставшие массы были уже достаточно радикально настроены, чтобы не допустить сохранения монархии, хотя лидеры Совета, включая и Керенского, не стали бы слишком возражать против конституционной монархии с царевичем Алексеем при регентстве Михаила.

Вариант 2

Что было бы, если бы Энгельгардт и Бубликов приняли требования солдат и от имени ВКГД издали бы некий документ сродни Приказу № 1?

¹ Тщательного изучения заслуживают многие аспекты политики ВКГД и Временного правительства. Например, деятельность Керенского и князя Львова до сих пор остается малоизвестной. Мало сведений о Коновалове — когда он прибыл в Петроград, с кем встречался, какую политику поддерживал. Мы не располагаем информацией о том, когда и как часто виделись Милюков и Родзянко, что они обсуждали. Для выявления точного времени принятия основных решений следует восстановить детали действий и встреч основных участников.

Энгельгардт был готов его принять, пока Родзянко и Гучков не наложили на него вето. Беспочвенные опасения, что офицеры могут конфисковать оружие, были бы развеяны. Новые правила, определяющие отношения между офицерами и солдатами, были бы приняты большинством солдат без нарушения дисциплины в воинских частях. Гучков, возможно, ушел бы с поста военного министра, но это бы не стало страшным ударом для создававшегося Временного правительства. Такой документ предотвратил бы радикализацию восставших солдат, он помог бы ВКГД и Военной комиссии обеспечить их доверие и повысил популярность Родзянко. Верховное командование и большинство фронтовых офицеров были бы шокированы, узнав о таком «Приказе № 1» Военной комиссии, но они не стали бы подавлять революцию, возглавляемую ВКГД. Рано или поздно они бы поняли, что такой приказ был необходим.

Вариант 3

Что было бы, если бы Петроградский Совет принял предложение правых социалистов создать коалиционное правительство и направить некоторых лидеров во Временное правительство?

Керенский, заместитель председателя Исполкома Совета, игнорировал постановление Исполкома, и стал министром юстиции, получив одобрение пленума Совета. Чхеидзе предлагали пост министра труда, но он отказался присоединиться к либеральному правительству. Полагаю, что это решение, основанное на его идеологической непримиримости, было недальновидным, Церетели поступил бы иначе. В конце концов, умеренные социалисты — Церетели, Чернов, Скобелев и Пешехонов — в мае решили войти во Временное правительство. Коалиционное правительство, включавшее умеренных социалистов из Совета, создало бы революционную власть, поддерживаемую не только образованным (цензовым) обществом, но и повстанцами, что лишало бы смысла требование революционного временного правительства, которое выдвигали радикальные революционные силы.

Участие умеренных социалистов во Временном правительстве несколько смягчило бы критику Думы как органа, избранного на основе избирательного закона 1907 г. Контакт между Временным правительством и Петроградским Советом был бы обеспечен, а Военная комиссия вместе с представителями Совета работала бы над определением отношений между офицерами и солдатами. Различные законодательные комиссии в Думе могли бы установить сотрудничество с Петроградским Советом, пригласив его делегатов.

Вариант 4

Что случилось бы, если бы Дума сохранилась в качестве законодательной палаты, получив право пересматривать Основные законы, обеспечивая этим правовую преемственность, а Временное правительство действовало как орган исполнительной власти, ответственный перед Думой?

Как уже отмечалось, идея разорвать связи с Думой и установить диктаторскую власть была сознательным решением, спровоцированным Милоковым. Это была вопиющая ошибка, совершённая Милоковым, князем Львовым и всем Временным правительством. В сочетании с отказом Михаила от престола и решением Петроградского Совета не присоединяться к либеральному правительству это привело к тому, что Временное правительство осталось без какой-либо организационно-правовой основы.

Вариант 5

Существенно изменить ход революции и принести успех либеральному сценарию его развития могла комбинация нескольких альтернатив:

- отречение Николая в пользу сына при регентстве Михаила;
- формирование ответственного правительства, состоящего из либералов и социалистов, представляющих Петроградский Совет;
- Временное правительство как орган исполнительной власти, ответственный перед Думой, которая выступала бы в качестве законодательной палаты;
- быстрое избрание Учредительного собрания.

Такое правительство представляло бы новый революционный режим и объединяло либералов в Думе (и общественных организациях), умеренных социалистов и восставшие народные массы.

Даже если бы все эти альтернативы были приняты, структурные проблемы, которые новая революционная власть унаследовала от старого режима, были огромны и трудноразрешимы. Новый режим неизбежно столкнулся бы с вызывающими разногласия вопросами о войне, земле, с национальными проблемами и экономическими трудностями. Скорее всего, новый режим испытал бы серьезные кризисы, которые ненадежная основа, на которой могло быть выстроено подобное альтернативное развитие событий, не смогла бы выдержать. Тем не менее, эти альтернативы могли бы направить ход революции в другое русло. То, что произошло, во все не обязательно должно было произойти, и большевистская революция отнюдь не была предрешенным исходом революции Февральской.

Вера Каплан

ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВА И ФОРМИРОВАНИЕ ПАМЯТИ О ФЕВРАЛЕ В 1917 Г.*

Формирование памяти о Феврале 1917 г. началось практически одновременно с событиями революции, это определялось осознанием значительности исторического события и одновременно его разрушительной силы. Активную роль в этом процессе играли исторические общества, возникшие (или продолжавшие действовать) весной и летом 1917, которые ставили своей целью как сбор документов о революции, так и сохранение исторического наследия, которое революция грозила уничтожить. В данной статье рассматривается вопрос о том, как исторические общества формулировали и осуществляли задачу формирования памяти о событиях Февраля (или, в терминологии того времени, увековечения этих событий) в первые послефевральские месяцы.

Уничтожение документов и возникновение Союза российских архивных деятелей

Событием, которое стимулировало создание новых исторических обществ весной 1917 г., стало массовое уничтожение документов в феврале и марте. 1 марта возле зданий, в которых размещались полицейские участки, запыхали костры из документов, более того, к стихийному уничтожению полицейских документов с пониманием отнеслась революционная пресса. Так, в обращении «Не допускайте грабежей», опубликованном в самом первом номере «Известий» Совета рабочих депутатов, говорилось:

«Догорают Окружной суд, охранка, горят некоторые участки, сгорают бумаги охранников и провокаторов. Народ расправился с бумагами этих язв, разъедающих страну и наносящих чувствительные удары революционному народу. Необходимо уничтожить всё, что может помочь приспешникам старого режима, но необходимо избегать пожаров и поджогов, угрожающих безопасности и имуществу мирных обывателей»¹.

* Это исследование осуществлено при поддержке Israel Science Foundation (grant No. 936/15).

¹ Не допускайте грабежей // Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 28 февраля. Со 2 марта газета называлась «Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов».

Однако бумаги, которые казались участникам революции ненужным хламом, воспринимались как ценные источники историческим сообществом — преподавателями университетов и археологических институтов, сотрудниками архивов, членами исторических обществ и губернских ученых архивных комиссий. Первой попыткой предотвратить уничтожение документов Академия наук. 3 марта 1917 г. было получено разрешение министра юстиции Керенского вывезти из Департамента полиции и разместить в здании Академии все документы, которые сочтет нужными представитель академии, Н. Котляревский¹. Следующий шаг был предпринят начальником архива Морского министерства, А. Лебедевым, который в первой половине марта обратился с письмом к архивистам и университетским историкам Петрограда с предложением созвать 18 марта собрание для обсуждения совместной программы действий. В его обращении речь шла о сохранении «хранилищ источников прошлого», архивов, библиотек и музеев². В выступлении перед семнадцатью столичными историками и архивистами, откликнувшимися на его письмо, Лебедев предложил рассмотреть три главных вопроса: об охране документов, находящихся в частных руках, и возможности передачи их в государственные хранилища; об охранении памятников письменности от всех случайностей переживаемого времени, т. е. от возможности контрреволюции или необходимости спешной эвакуации; и о «будущем наших архивов»³. Результатом собрания стало решение о создании Союза российских архивных деятелей (РАД), устав которого был утвержден на общем собрании союза 8 апреля; к 22 июня его утвердил министр просвещения, А.А. Мануйлов⁴. Союз архивных деятелей объединил работников архивов и академических историков: его председателем был выбран академик А.С. Лаппо-Данилевский, секретарем стал Лебедев, казначеем — А.С. Николаев (начальник архива Министерства просвещения), товарищем председателя — князь Н.В. Голицын (директор Государственного архива и архива МИДа в Петрограде)⁵. Хотя по уставу Союза членство в нем было персональным, А.Е. Пресняков писал годом позже, что «объединились в нем, кроме ряда отдельных лиц, более тридцати учреждений (архивов и рукописных хранилищ) столичных и провинциальных»⁶. Состав Союза, и в особенности его Совета, во многом предопределил тот факт, что активисты союза связывали проблему сохранения исторических документов с более общим вопросом о необходимости осуществления архивной реформы, которая готовилась уже много лет⁷. Хотя министр просвещения еще 22 июня предложил Союзу подготовить проект «общего по всем

¹ Министр Юстиции, ч. Г[осударственной] Д[умы] Керенский. Приказ о вывозе бумаг из Департамента полиции // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 3 марта.

² Хорхордина Т.И. История и архивы. М., 1994. С. 15–16.

³ ГА РФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

⁴ Там же. Д. 10. Л. 1.

⁵ Кроме них, в совет союза вошли Я.Л. Барсков (делопроизводитель Государственного и Петроградского Главного архивов МИД), В.Г. Дружинин, Б.Л. Модзалевский (заведующий архивом конференций Российской академии наук, Н.А. Мурзанов (секретарь Сенатского архива), и Д.П. Струков (начальник Артиллерийского исторического музея) (ГА РФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 4. Л. 6).

⁶ Пресняков А.Е. Реформа архивного дела // Русский исторический журнал. 1918. № 5. С. 209.

⁷ Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т. I. Пг., 1916. С. 668–674.

ведомствам распоряжения» о «мерах к собиранию материалов по переживаемой эпохе»¹, совет Союза начал рассматривать этот вопрос в практической плоскости только в июле, в связи с обсуждением будущего губернских ученых архивных комиссий (ГУАК).

Сохранение «документов революции» и судьба губернских ученых архивных комиссий

Возникшие в 1880-х гг. как общественные организации и постепенно превратившиеся в полугосударственные учреждения архивные комиссии были наделены широкими полномочиями, включавшими создание местных исторических архивов. К 1912 г. существовало 27 губернских ученых архивных комиссий, и для координации их деятельности при Императорском русском историческом обществе (РИО) была учреждена Особая комиссия для обсуждения мер, касающихся порядка сохранения местных архивных материалов². Одним из первых шагов Комиссии стала организация в мае 1914 г. съезда представителей ГУАК, на котором было принято решение просить почетного председателя общества — императора Николая II — «о принятии под Высочайшее покровительство всех губернских ученых архивных комиссий и соответствующих им установлений, как сотрудников особой комиссии по архивной части». Кроме того, намечалось расширение сети комиссий с целью создания их во всех губерниях и ежегодное ассигнование 3 тыс. рублей каждой из комиссий. Поскольку председателем РИО являлся великий князь Николай Михайлович, деятельность Особой комиссии не встречала противодействия местных властей и оставалась довольно активной и после начала Первой мировой войны³. Февральские события изменили статус РИО, более других исторических обществ отождествлявшегося с монархической властью, что повлияло и на положение архивных комиссий. 11 апреля собрание РИО пересмотрело свой устав «сообразно новому порядку вещей», а в июне обществом было принято решение об упразднении Особой комиссии. Ее материалы, а также ответственность за судьбу губернских комиссий РИО предполагало передать Союзу РАД.

Для обсуждения сложившегося положения 11 июля было созвано «междуведомственное совещание», инициатором проведения которого был Лаппо-Данилевский, действовавший как председатель постоянной исторической комиссии Академии наук. Во время этой встречи и прозвучало предложение связать деятельность ГУАК со сбором документов о революционных событиях, ее сформулировал в своем докладе Лаппо-Данилевский, говоривший о «неотложных задачах, лежащих в связи с революцией на Ученых архивных Комиссиях по сохранению от гибели местных архивных материалов, как правительственных, так и общественных, и частных, по собиранию материалов революции»⁴. Контекст, в котором прозвучало это предложение, достаточно ясно указывал на то, что «собираание материалов революции» призвано было в первую очередь «актуализировать»

¹ ГА РФ. Ф. 7789. Оп. 1. Д. 10. Л. 1.

² Особый журнал Совета министров, 31 января 1912 года // Сборник материалов, относящихся до архивной части в России. Т. I. С. 685–686.

³ Там же. Т. I. С. 691–692.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 119. Оп. 2. Д. 55. Л. 10 об.

деятельность ГУАК и таким образом обеспечить их место в формирующейся послефевральской системе, одним из основных принципов которой являлась «включенность» общественных организаций в деятельность государственных структур. Однако в соответствии с этой моделью окончательное решение должен был принять съезд архивных комиссий, подготовка которого поручалась Союзу РАД¹. Съезд, намеченный в июле на осень 1917 г., а затем, по свидетельству Преснякова, «предположенный на декабрь 1917»², так и не состоялся. Первая Всероссийская конференция архивных деятелей была организована только в октябре 1921 г.³, а деятельность значительной части архивных комиссий «замерла» зимой 1917/18 г. Тем не менее, для большинства архивных комиссий сбор материалов о революции оказался тем ресурсом, который позволил возродить их деятельность уже при Советской власти.

Если вернуться, однако, к событиям июля 1917 г., нельзя не заметить, что в предложении о сборе материалов революции архивными комиссиями, высказанном таким специалистом по источниковедению, как Лаппо-Данилевский, отразилось принципиально новое отношение к материалам современности как историческим источникам. Когда и как произошла модернизация самого понятия исторического документа?

Общество ревнителей истории: от «великой войны» к «великой революции»

Отношение к событиям современности как событиям историческим было одним из аспектов трансформации истории из филологической дисциплины в общественную науку; о ходе этого процесса в России можно судить по фундаментальному историографическому труду В.С. Иконникова⁴. Практики же сбора документов о том, что происходит «здесь и сейчас», получили широкое распространение в годы Первой мировой войны⁵. С августа 1914 Трофейная комиссия начала сбор сведений о русской армии, включая описание как трофеев, взятых армейскими частями, так и подвигов их солдат и офицеров. Экспедиции комиссии, выезжавшие на фронт, привозили записи бесед с георгиевскими кавалерами, фронтовые зарисовки и фотографии. Часть собранных материалов была представлена на выставке «Война и наши трофеи», организованной Обществом ревнителей истории совместно с Трофейной комиссией и Артиллерийским историческим музеем в манеже Главного Адмиралтейства в Петрограде. Во вводной статье к каталогу выставки, действовавшей со 2 июня по 8 сентября 1915 г., председатель Общества

¹ Там же.

² Пресняков А.Е. Реформа архивного дела... С. 210.

³ Золотарев Д.А. Первая Всероссийская конференция архивных деятелей // Русский исторический журнал. 1921. № 8. С. 301–304.

⁴ Иконников В.С. Опыт русской историографии. Т. 1–4. Киев, 1891–1908.

⁵ Васильев А.А. Деятельность русских трофейных комиссий в период Первой мировой войны 1914–1918 годов. (По материалам РГВИА) // Первая мировая война: пролог XX века. Сб. статей. М., 1998. С. 657–665; Ильина Т.Н. Герои Великой войны. 1914–1918: Материалы Трофейной комиссии в собрании Военно-исторического музея артиллерии, инженерных войск и войск связи. М., 2014.

ревнителю истории М.К. Соколовский описал ее как «зачаток будущего музея великой войны»¹. В качестве подготовки к открытию музея организаторы выставки обратились с воззванием, призывавшим передавать Обществу «вещественные памятники происходящей борьбы». В ответ городские и земские учреждения, учебные заведения и военные части стали присылать Обществу ревнителю истории предметы и материалы, ставшие впоследствии экспонатами музея². 4 октября 1916 г. Николай II утвердил название: «Императорский Петроградский музей Великой войны имени Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича». Официальное открытие музея состоялось 9 октября 1916 г. в доме № 17 на 12-й линии Васильевского острова³. После падения монархии Музей Великой войны был переименован в Музей Великой войны и Революции: модель увековечения войны, таким образом, распространялась на революционные события. Некоторые из членов Общества ревнителю предлагали использовать свой опыт патриотической пропаганды для объяснения революционных событий. Так, 4 апреля 1917 г. к председателю общества обратился с письмом один из его членов, Константин Гриневич:

«По болезни я не выхожу из дому и не могу быть сегодня на заседании. Мое конкретное предложение сводится к следующему: Общество Ревнителю Истории, в виду исключительности момента, должно принять участие в пропаганде исторических идей в народе, среди солдат и рабочих. Другими словами, общество должно под своим флагом объединить членов, которые желали бы пойти в казармы, на фабрики и т. д. — говорить, объяснять народу простым, безыскусственным языком и строго объективно, что произошло, почему произошла революция, проводя исторические параллели (французская революция).

Желательно было бы ознакомить народ с историей нашего общественно-го движения. И еще: что надо делать дальше, касаясь, конечно, и отношения к войне. В этом сейчас заключается священный долг русской интеллигенции перед народом. Для этой цели обществу необходимо избрать из числа желающих комиссию в составе человек десяти, которая, для согласования действий членов, выработала бы программу действий и наметила ряд пособий (желательно бы для этой цели при Обществе образовать небольшую библиотечку справочного характера)...»⁴

Письмо Гриневича свидетельствует, что члены существовавшего с 1911 г. Императорского Общества ревнителю истории пытались использовать методы создания образа «великой войны», включая доказавшие свою результативность практики визуализации, для формирования образа «великой революции». Такой смысловой перенос не только обеспечивал контекст для историзации февральских событий,

¹ Каталог выставки «Война и наши трофеи», устроенной с Высочайшего соизволения Императорским Обществом Ревнителю истории. Пг., 1915. С. 1, 6.

² ЦГИА СПб. Ф. 2168. Оп. 1. Д. 16.

³ *Велиховский Л. Н., Кандаурова Т. Н.* Институционализация памяти Первой мировой войны: Военно-исторический музей «Государева Патная Палата» // *Res Gestae. Czasopismo Historyczne*. 2015. № 1. С. 238–260.

⁴ К. Гриневич — М.К. Соколовскому, 4 апреля 1917 // ЦГИА СПб. Ф. 2168. Оп. 1. Д. 2. Л. 48 — 48 об.

но и позволял монархически настроенному Обществу ревнителей приспособить собственную деятельность к требованиям момента. Иную стратегию (и иную модель превращения февральских дней в историческое событие) выбрало возникшее на волне революции общество Дома-Музея памяти борцов за свободу в России.

Дом-Музей памяти борцов за свободу в России: Февраль как победное завершение революционного движения

Идея создания Дома-Музея была предложена Комитетом Общества помощи политическим ссыльным и заключенным, возглавляемым героиней «Народной воли» и одной из основательниц движения помощи политзаключенным, Верой Фигнер¹. Первый бюллетень Дома-Музея объяснял эту инициативу следующим образом:

«Комитет Общества, прекращавшего, как думали, навсегда свою деятельность, единогласно признал увековечение памяти борцов за свободу лучшим завершением своей деятельности, 34 года с ними связанной, и поручил своим членам Т.А. Богданович, Л.П. Куприяновой и В.Р. Шах начать дело»².

Собрание организационной группы состоялось 3 апреля — в нее вошли, по определению бюллетеня, «видные общественные и политические деятели». Среди 15 человек, принимавших участие в собрании, были писатели Горький и Бунин, журналистки и деятельницы комитета помощи политзаключенным Татьяна Богданович и Лидия Куприянова, скульптор Илья Гинцбург, литературоведы Овсяннико-Куликовский и Срезневский, историк Николай Кареев, Вера Фигнер и «бабушка русской революции» — Екатерина Брешко-Брешковская. На заседании было создано временное бюро из 4 человек — в него вошли уже упоминавшиеся Богданович, Куприянова и Шах, а возглавил бюро Горький, с именем которого и связывалась в дальнейшем деятельность Дома-Музея³. Собрание утвердило текст воззвания, которое предлагалось напечатать во всех столичных и провинциальных газетах. На собрании 3 апреля речь шла и о «необходимости снестись с Москвой, где также образовалась группа лиц для собирания материалов по истории борьбы

¹ Вера Фигнер принимала участие в создании одной из первых организаций такого рода в 1870-х гг. (задачей этой организации была помощь арестованным участникам «хождения в народ»); в 1910 г., уже в эмиграции, она основала Комитет помощи политкаторжанам в Париже — см.: *Стрельникова Е.В.* Политический Красный Крест в Российской империи и за рубежом (1906–1914) // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета II: История. История Русской Православной Церкви.* 2011. Вып. 1 (38). С. 77–88.

² ГА РФ. Ф. 6685. Оп. 1. Д. 5. Л. 1. Татьяна Александровна Богданович — редактор газеты «Современное слово»; Куприянова Лидия Петровна (1876–1941) — двоюродная сестра В.Н. Фигнер (дочь Петра Христофоровича Куприянова — дяди В.Н. Фигнер по материнской линии), входила в ее ближайшее окружение. До революции работала секретарем редакций журналов «Былое» и «Минувшие годы». В советское время — научная сотрудница ЦЕКУБУ. Одна из членов-учредителей МПКК, уполномоченная по тюрьмам. Активно участвовала в работе ПОМПОЛИТа. См.: «Наш спор с Вами решит жизнь»: Письма М.Л. Винавера и Е.П. Пешковой к Е.Д. Кусковой. 1923–1936. М., 2009. С. 166.

³ ГА РФ. Ф. 6685. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

за свободу». 10 апреля московское организационное бюро общества Музея революции направило В. Р. Шах письмо с просьбой включить «московские адреса» в готовящееся к печати воззвание¹.

В Воззвании, представлявшем февральские события как момент «разрушения форм старого строя» и «дарования политической свободы», утверждалось:

«Для того чтобы пользоваться прекрасными дарами политической свободы, необходимо знать историю борьбы за свободу и чтить его героев.

Это знание поможет нам глубоко прочувствовать и правильно оценить великий смысл завершившего эту борьбу переворота: только знание поставит нас крепко на путь дальнейших завоеваний свободы и права, на путь возрождения русской души»².

Характерно, что Воззвание подписали не только члены петроградского и московского бюро планируемого Дома-Музея (от «москвичей» фигурировали подписи историков А. А. Кизеветтера, Н. А. Мякотина и С. П. Мельгунова), но и писатели Бунин, Вересаев и Короленко, а также ключевые фигуры послефевральской политической жизни — князь Львов, Керенский, Церетели и Чхеидзе. Особо отмечалось содействие созданию Дома-Музея, оказанное живыми символами истории революционного движения — Е. К. Брешко-Брешковской, В. И. Засулич, Г. А. Лопатиным, Г. Д. Лукашевичем, Н. А. Морозовым, М. Н. Новорусским (участником неудачного покушения на Александра III, которое пытался организовать в 1887 г. Александр Ульянов)³, Г. В. Плехановым, В. Н. Фигнер и Н. В. Чайковским⁴.

Отношение к Февралю как к событию, завершающему этап борьбы за свободу и открывающему период формирования «новых людей», необходимых для «нового строя», определило представление основателей Дома-Музея о целях его деятельности, сформулированных в уставе как «всестороннее изучение исторического хода русского освободительного движения» и «развитие и укрепление духа общественности в широких кругах народа». В соответствии с этими целями в Доме-Музее предполагалось собирать всё, относящееся к освободительному движению, — «как то: документы, рукописи, печатные произведения, ноты, картины, гравюры, бюсты, портреты, планы, фотографические и иные снимки, всякого рода реликвии и вообще всё, имеющее отношение к событиям или лицам, связанным борьбой за политическую свободу России». Поскольку одной из задач общества должно было стать содействие научным исследованиям, в Доме-Музее предполагалось разместить наряду с собственно музеем также хранилище рукописей, библиотеку с читальным залом, аудитории и кабинеты для научных занятий⁵. В дальнейшем планировалось заниматься издательской деятельностью, а также устраивать курсы и лекции по всей России: на заседании бюро, состоявшемся 3 апреля, Брешко-Брешковская предложила, например, обсудить возможность создания Дома-Музея-Университета в центре России, в узловом пункте железных дорог⁶.

¹ Там же. Д. 6. Л. 27.

² Там же. Д. 11. Л. 14.

³ *Фигнер В. И.* М. В. Новорусский (1861–1925). М., 1925.

⁴ ГА РФ. Ф. 6685. Оп. 1. Д. 11. Л. 14.

⁵ Там же. Д. 2. Л. 4 — 4 об. В уставе организация названа «Общество Дома-Музея в память борцов за свободу России».

⁶ ГА РФ. Ф. 6685. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

23 мая 1917 г. состоялось учредительное собрание общества, на котором присутствовали уже 43 человека, и среди них — историограф и «Шерлок Холмс» российского революционного движения Владимир Бурцев, а также историк Александр Пресняков, представлявший недавно созданное Общество изучения Революции 1917 года. Оба они вошли в Совет Общества, избранный на этом собрании; председателем совета стал Н.И. Кареев, товарищем председателя — С.А. Венгеров, а остальными его членами были выбраны Горький, С.Ф. Ольденбург, В.А. Мякотин, Фигнер, М.В. Новорусский, Срезневский, Куприянова и Гинцбург¹. К этому времени общество уже получило первые пожертвования, в том числе архивы редакций «Народной Воли» и «Былого», переданные Бурцевым. В выступлениях Горького Дом-Музей представлялся как «институт социальной психологии», задача которого — «воспитание в юношестве гражданских и социальных чувств», необходимых для обеспечения преемственности между периодами борьбы за революцию и ее победы². Такой подход позволял организаторам Дома-Музея включать в число революционных реликвий и переданную Верой Фигнер картину, выжженную по дереву каторжниками Александровской тюрьмы, и «различные предметы, поднесенные солдатами и матросами А.Ф. Керенскому», присланные его женой О.Л. Керенской³. Тот же принцип действовал и при создании иконографического собрания, которому общество уделяло особое внимание: оно включало портреты групп ссыльных, изображения тюрем и фотографии, относящиеся к современным событиям. Общество собирало почтовые открытки, а также получало отдельные снимки непосредственно от фотографов — Карла Буллы, Петра Оцупы, Моисея Напшелбаума; приобретена была также коллекция «революционных лубочных картин»⁴.

Наибольший интерес, однако, представляли документальные материалы о революции. Их сбором наряду с Обществом Дома-Музея занималось сотрудничавшее с ним Общество изучения Революции 1917 года, впоследствии (в конце сентября 1917) слившееся с Обществом Дома-Музея и передавшее ему собранные материалы⁵.

Общество изучения Революции 1917 года: создание документов революции

Общество изучения Революции 1917 года возникло, как и Общество Дома-Музея, в начале апреля. Год спустя, в 1918 г., председатель общества Александр Пресняков уточнял, что предложение о его создании исходило от Союза солдат-республиканцев Петроградского гарнизона, обратившихся к «молодым силам университетской среды». Общество, писал Пресняков, «принялось не только собирать разнообразный печатный материал, текучий и летучий, отражавший быструю смену событий, но и создавать источники будущего изучения русской революции путем опроса видных ее деятелей и рядовых участников движения, чтобы сохра-

¹ Там же. Д. 5. Л. 1 об.

² ГА РФ. Ф. 6685. Оп. 1. Д. 5. Л. 3.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 4 — 4 об.

⁵ Там же. Д. 1. Л. 22; Д. 9. Л. 1.

нить по свежим следам фактические следы пережитых ею моментов»¹. Как следует из статьи Преснякова, особенностью деятельности этого общества была не столько практика проведения опросов, уже применявшаяся с начала Первой мировой войны, сколько сам факт сотрудничества исследователей, заинтересованных в изучении уникального исторического события, и участников этого события — «актеров», стремящихся к увековечению их собственной роли. Сохранившаяся рабочая тетрадь Преснякова дает представление о структуре Общества изучения Революции и его деятельности.

Общество (первоначально Пресняков называл его комиссией) возглавлялось бюро, избранным 16 апреля. В него входили представители солдат-республиканцев, офицеров-республиканцев, Совета солдатских депутатов и исторических комиссий при воинских частях (особо отмечались Волынский и Финляндский полки). Тогда же, 16 апреля, были сделаны доклады уже существующих комиссий общества — воинской, рабочей и «по собиранию печатных материалов». Было намечено создание сети подкомиссий в воинских частях, на заводах, в политических партиях, среди студенчества, а также «в Таврическом дворце и других учреждениях». Одновременно планировалась организация отделов общества как в пригородах Петрограда (Царское Село, Петергоф, Ораниенбаум, Сестрорецк, Кронштадт), так и в Выборге, Гельсингфорсе, Москве, Перми, Харькове, Ростове-на-Дону, Тифлисе, Киеве, Юрьеве, Казани, Новосибирске и Томске. Почти все города, отмеченные в записной книжке Преснякова, объединяло наличие в них университетов, а в качестве глав отделений намечались кандидатуры университетских историков: Грекова и Оттокара в Перми, Кизеветтера и Мельгунова в Москве, Багалея и Клочкова в Харькове². Отдельные записи касались воззвания общества и проведения опросов — «объяснение метода», «регистрация», «место и порядок хранения»³.

Удалось ли Обществу выполнить намеченное? В мае была образована «комиссия Таврического дворца», которую возглавил Михаил Полиевктов; она проводила опросы тех, кто находился во время революции во дворце, откуда действовал Временный комитет Государственной Думы и где были сформированы Петроградский Совет и Временное правительство⁴. В течение мая комиссия опросила 12 человек, включая Родзянко, Скобелева, Чхеидзе и Керенского⁵. Тогда же начали приходить

¹ Пресняков А.Е. Реформа архивного дела... С. 205.

² Архив СПбИИ РАН (Архив Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук). Ф. 193. Оп. 1. Д. 159. Л. 4 — 4 об., 5.

³ Архив СПбИИ РАН. Ф. 193. Оп. 1. Д. 159. Л. 8.

⁴ Временное Правительство переехало в Зимний Дворец во второй половине июля 1917; Петроградский Совет переместился в Смольный в начале августа 1917 (Сушко В.Т. Зимний дворец до и после 25 октября 1917 // Вопросы истории. 1992. № 8–9. С. 151; Петроградский Совет Рабочих и Солдатских Депутатов в 1917 году: Протоколы, стенограммы, резолюции постановления общих собраний, собрания секций, заседания исполнительного комитета и фракций 27 февраля — 25 октября 1917 года. Т. 1. Л., 1991. С. 8).

⁵ По данным архива общества Дома-музея, опрошены были также Суфшинский, чиновник канцелярии Государственной Думы; Герасимов, член Государственной Думы; Энгельгард, член Государственной Думы и председатель Военной комиссии ВКГД; члены этой же комиссии Кантор и Чиколини; капитан Краснов, сопровождавший генерала Корнилова во время поездки последнего в Царское Село для ареста Александры Федоровны; полковник Туган-Барановский, на момент проведения опроса — начальник канцелярии военного министра;

ответы с мест — одним из первых было получено письмо из Харькова от Михаила Клочкова, дающее ключ к пониманию реакции исторического сообщества на обращение Преснякова:

«[1 мая 1917]

Многоуважаемый Александр Евгеньевич,

Приношу Вам, а в Вашем лице и «Обществу изучения революции 1917», во главе которого Вы стоите, искреннюю благодарность за память обо мне и обращение устроить и в Харькове подобное же общество в виде филиального отделения, как я понимаю. Я вполне сочувствую основной цели (сбор материалов по нынешней революции и их классификация), которую поставило себе общество, и со своей стороны готов действовать в том же роде. Я уже переговорил с некоторыми лицами из профессорской коллегии и заручился их согласием; обратился к студентам и курсисткам, которые горячо принялись за подготовительную работу. На днях, думаю, будет организационное собрание.

Здесь по этой части кое-что сделано. В общественной комиссии образования была комиссия по увековечению первого дня революции (под председ[ательством], кажется, Д.И. Багалей); эта комиссия уже собрала некоторые материалы, но за сим работа остановилась, да она и не принимала тех форм, о которых Вы пишете. Содействием Д.И. Багалей я уже заручился. Будьте добры, пришлите пожалуйста в ближайшее время проект инструкции для опроса деятелей революции, которая Вами выработана, чтобы и здесь работа и опрос происходили единообразно.

Жду от Вас ответа. О том же, что будет здесь устроено, сообщу.

С искренним уважением,

М. Клочков»¹.

Благодарность «за память», с которой начинается письмо Клочкова, указывает на эмоциональное значение участия в сборе документов о революции — появление чувства причастности к происходящему в эпицентре политической жизни и осознание возможности «освоения» грандиозного события в роли профессионала-историка. Письмо указывает и на значение личных связей в механизме «подключения» новых обществ к существующей институциональной структуре исторического сообщества.

По-видимому, одно из последних писем, выражающих согласие сотрудничать с Обществом изучения революции, было получено в сентябре 1917 г. из Томска — в нем сообщалось об образовании отделения Общества при Томском университете и о принятии решения о создании областного Музея революции 1917 года при университетском музее археологии и истории². Итоги создания отделений общества Пресняков подвел на собрании совета Общества Дома-Музея 29 сентября, где по его предложению было принято решение о слиянии Общества изучения Революции и Общества Дома-Музея борцов за свободу. По итогам доклада Преснякова

М.И. Терешенко, министр иностранных дел — см.: ГА РФ. Ф. 6685. Оп. 1. Д. 5. Л. 7. Записи этих уникальных опросов, долгие годы считавшиеся утерянными, были обнаружены в 2006 г. американским историком Семеном Ляндерсом и исследованы в его чрезвычайно интересной книге (*Lyandres S. The Fall of Tsarism: Untold Stories of the February Revolution. Oxford, 2013*).

¹ ГА РФ. Ф. 6685. Оп. 1. Д. 6. Л. 23, 23 об., 24.

² Там же. Л. 21 — 21 об.

было решено начать переписку (уже от имени Дома-Музея) с Томском, Харьковом, Кронштадтом, Казанью, а также завязать отношения со всеми университетами. Особо указывался Пермский университет, где в качестве возможного «связного» фигурировал теперь Георгий Владимирович Вернадский¹.

Провинциальные активисты общества, следовавшие в целом принципам сбора документов, применяемым Пресняковым и его коллегами, в некоторых случаях значительно расширяли арсенал методов документирования. Так, 29 июня Пресняков получил подробное письмо от военного врача Г.В. Зернина из Гельсингфорса, сообщавшего о том, что он не только собирает выходящие там русские и шведские газеты, а также прокламации и брошюры политических партий, которые раздают на улицах, но и ведет свои личные записки. По поводу последних Зернин замечал, однако, что в окончательном виде пока не может их показывать, «так как это, может быть, даже не безопасно»; в качестве примера он ссылаясь на происшедший в Ревеле «случай ареста одного из офицеров, у которого при обыске прочли его личный дневник и на основании только этого документа посадили неудачника в тюрьму»². Зернин собирал также рассказы очевидцев и участников событий, записанных им в их присутствии «и под их же редакцией». Предметом его особой гордости был доступ к официальным флотским документам, что придавало ему совершенно особый статус в новой социальной иерархии, основанной на причастности к революции и скрепленной личными связями:

...Благодаря доверию, с которым ко мне относится команда «Руси», я получил удостоверение от судового комитета в исполнительный комитет для получения мандата последнего собирать материалы по истории революции 1917 г. В канцелярии я снимаю копии (или получаю печатные) с приказов, циркуляров и т. д. Командующего флота и Центрального комитета. Кроме того, как врач Союза моряков торгового флота я имею возможность собирать все материалы по истории этой замечательной организации, подобной которой нет пока нигде в мире...³

Персонализация памяти, характерная для деятельности Общества изучения Революции, приобретала, таким образом, новый аспект: память о революции должна была сложиться из множества воспоминаний, при этом возрастала роль не только рассказывающего, но и записывающего, а затем «монтирующего» индивидуальные воспоминания в формирующийся нарратив.

К осени 1917 г., однако, наметилась тенденция систематизации и определенной стандартизации сбора материалов. 1 сентября Общество Дома-Музея борцов за свободу обратилось с предложением созвать совещание представителей обществ, «задающихся аналогичными целями»; на совещании предполагалось обсудить вопрос о создании союза таких обществ. Приглашение было принято Союзом российских архивных деятелей (его представителем был выбран Александр Лебедев), а также обществом Толстовского музея⁴. Выступая на собрании совета Общества Дома-Музея 29 сентября, Пресняков напомнил о предложении Министерства просвещения Союза архивных деятелей «выработать инструкцию о том, как хранить

¹ Там же. Д. 1. Л. 22.

² Там же. Д. 6. Л. 26.

³ Там же. Л. 26 — 26 об.

⁴ Там же. Л. 16, 18.

и собирать материалы по текущим событиям». Реакция совета Дома-Музея отражала объединительные тенденции: Преснякову было предложено принять участие в этой работе от имени совета Дома-Музея, сообщая совету «о всем выработанном»¹. На том же собрании были приняты решения «усиленно заняться собиранием комплектов периодических изданий с февраля 1917» и «постараться приобрести издание общества журналистов — копии первых листков революционных дней». Преснякову было поручено выработать общую программу «собираания материалов, которую желательно было бы сообщить в общем собрании членов»². Собрание, намеченное на воскресенье, 22 октября, не состоялось. Следующее заседание совета Общества Дома-Музея произошло уже 9 декабря, когда, с изменением политической ситуации, начало меняться и отношение к февральским событиям.

Как Февраль стал эпизодом «на пути к Октябрю»?

Общество Дома-Музея борцов за свободу продолжало действовать, и даже активизировало свою деятельность в 1918 г. (последние его документы датированы сентябрем 1919 г.). В протоколах и отчетах его совета за 1918 г., однако, говорилось уже не о Февральской революции, а о революции 1917—1918 гг.³ При этом особое внимание уделялось материалам, связанным с Учредительным собранием — документам Союза защиты Учредительного собрания, материалам отделов по Учредительному собранию ЦИК, социалистических партий, Викжеля, заводских и полковых комитетов. Лишь в одном из отчетов было упомянуто «собрание плакатов, листков и значков» ко «дню празднования годовщины октябрьского переворота»⁴. В апреле 1918 г. совет Дома-Музея принял решение продолжать проведение опросов, целью которых должно было теперь стать «освещение не только февральско-мартовских дней, но и всех крупных последующих этапов революции»⁵. Опросы проводились среди «быстро расплывшихся воинских частей Петрограда», причем в отчете об их результатах уточнялось, какие именно события затрагивались в опросных листах: речь шла о «февральском перевороте, апрельской манифестации, июльских событиях, корниловских днях, октябрьском перевороте и отношении к Учредительному собранию»⁶. Февраль терял статус великого события, завершающего историю освободительного движения, и становился частью продолжающейся революции.

В публикациях «Русского исторического журнала» за 1920 г. идея продолжающейся революции сохранялась, но уже ограничивалась 1917 г. — революция перемещалась из настоящего в недавнее прошлое. В разделе хроники журнал сообщал о работе в 1918—1920 гг. историко-революционного архива, основу которого составили материалы Департамента полиции, Охранного отделения и жандармского управления, которые были вывезены в первые дни марта 1917 г. в Академию наук. Историко-революционный архив стал к этому времени I отделением VII секции Единого государственного архивного фонда. Он был размещен в здании бывшего

¹ Там же. Д. 1. Л. 22 — 22 об.

² Там же.

³ ГА РФ. Ф. 6685. Оп. 1. Д. 5. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 4 об.

⁵ Там же. Д. 5. Л. 5; см. также Д. 1. Л. 35 об.

⁶ Там же. Д. 5. Л. 5 об.

Сената, а хранившиеся в нем дела были приведены в тот порядок, в котором они находились до революции. Восстановление «старого порядка» оказалось необходимым, поскольку единственным «ключом» при пользовании делами оставался центральный алфавитный регистратор Департамента полиции. К 1920 г. была завершена черновая работа по разборке и регистрации дел; систематизация материалов архива позволила начать научное описание его фондов и одновременно предоставляла возможность «популяризировать революционное прошлое путем выставок, приступить к издательской деятельности и широко открыть двери для лиц и учреждений, интересующихся историей революционных движений»¹. Анализ популяризаторской деятельности архива свидетельствует, что в целом она велась по направлениям, которые были намечены еще весной 1917 г. основателями Общества Дома-Музея борцов за свободу. Одновременно, однако, задачей архива являлось «обслуживание» Музея революции и Комиссии по истории Российской коммунистической партии (Истпарта), целенаправленно занимавшихся формированием памяти о революционном движении, но делавших это по-разному. Библиографическое бюро Музея революции в 1920 г. предприняло регистрацию «всех без исключения памятников агитационной литературы», т. е. прокламаций, воззваний, листовок, выпущенных различными организациями до 1917 г. В то же время комиссия при петроградском бюро Истпарта регистрировала и описывала все материалы такого рода, которые выпустила только одна партия — РСДРП². Деятельность Истпарта, таким образом, являлась частью более широкой работы по увековечиванию революционного движения, которая еще только начинала превращаться в историю большевизма. Процесс трансформации шел, однако, достаточно интенсивно. Об этом свидетельствовали, в частности, решения Первой всероссийской конференции архивных деятелей, состоявшейся в октябре 1921 г. в Москве. Там было принято решение «снабдить работников, ведущих работу по спасению историко-революционных архивов, ударными пайками», а также, отдельным пунктом, — «установить в контакте с Бюро Истпарта фактическую связь губархивов с местными советскими и партийными учреждениями в деле спасения архивов пролетарской революции». Формулировка решений конференции свидетельствовала, что Февраль и Октябрь вновь разделялись, но под революцией уже подразумевались, как правило, события Октября. В ходе обсуждения докладов участники конференции неоднократно ссылались на последствия того или иного постановления для «организации архивного дела, исторической науки и, в частности, истории революции»³. Подчеркнутое выделение «истории революции», долженствующее усилить аргументы участников дискуссии, готовило почву для новой иерархии исторических исследований, в которых событиям Февраля отводилась роль этапа на пути к неизбежной пролетарской революции.

¹ Историко-революционный архив // Русский исторический журнал. 1921. № 7. С. 223–234.

² Там же. С. 224.

³ *Золотарев Д.А.* Первая Всероссийская конференция архивных деятелей... С. 302–303.

Алистер Дикинс

**ЛЕГАЛЬНЫЙ ПУТЬ К РЕВОЛЮЦИИ:
ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ И СВЕРЖЕНИЕ ЦАРИЗМА
(СЛУЧАЙ КРАСНОЯРСКА)**

Революция 1917 г. началась в Красноярске 2 марта, после получения телеграммы с новостями о восстании в Петрограде. В конторах «Товарищества потребительских кооперативов Енисейской губернии» маленькая группа социалистов обсуждала возможность политического выступления, но они колебались. Впрочем, социалисты городского кооператива «Самодетельность» решили действовать. С помощью либеральных членов городской думы они смогли организовать публичное собрание следующим вечером, 3 марта, которое впоследствии создало первый орган революционной власти в городе — Комитет общественной безопасности (КОБ). Почти одновременно социалисты организовали Совет рабочих депутатов (он вскоре стал Советом рабочих и солдатских депутатов). К утру 5 марта революция в Красноярске, начатая действиями легальных кооперативов, завершилась, когда КОБ и Совет арестовали полицию, жандармов и чиновников старого режима⁴.

Историки уже обращались к вопросу о важности легальных организаций, в том числе и кооперативов, для социалистических групп в дореволюционный период⁵. Но какой вклад внесли эти организации в революционные действия? Хотя революцию принято считать результатом действий антиправительственных политических активистов, важно определить роль легальных и якобы неполитических организаций. Массовые политические действия осуществляются организованными объединениями, тесно интегрированными в общественную жизнь, а не группами, находящимися в изоляции. При репрессивном режиме открытые, легальные организации имеют практическую возможность быстро мобилизовать большое количество людей, что необходимо для успеха революционных действий. Современные примеры свержения репрессивных режимов показывают, что тайные революционные группы, отдаленные от населения, ме-

⁴ Фрумкин М.И. Февраль—октябрь 1917 г. в Красноярске // Пролетарская революция. 1923. № 9. С. 140—143; Гуревич В.Я. Февральская революция в Красноярске // Вольная Сибирь. 1927. № 2. С. 112—132.

⁵ См., напр.: Swain G. Russian social democracy and the legal labour movement, 1906—1914. London, 1983; Bonnell V. Roots of rebellion: workers' politics and organizations in St Petersburg and Moscow, 1900—1914. Berkeley, 1983. О Сибири см.: Шиловский М.В. Политические процессы в Сибири в период Первой мировой войны (июль 1914 — февраль 1917 г.) // Вопросы истории Сибири XX века. Вып. 7. Новосибирск, 2005.

нее эффективны, чем массовые, но легальные группы, даже если они являются «неполитическими»¹.

Пример Красноярска показывает, что роль легальных организаций в свержении царизма в провинции была крайне важна. На протяжении двух десятков лет, предшествовавших революции, формы организации антимоноархических сил, главными из которых были социал-демократы и эсеры, постоянно менялись. Эти процессы постоянно меняли лицо и характер организованного социализма, давали социалистам возможность развивать новые методы коллективного действия, привлекая разные группы горожан. Первыми социалистическими организациями были конспиративные подпольные кружки, состоявшие из сплоченных групп друзей, коллег, родственников. Эти кружки стали основой для антиправительственных действий в Красноярске еще до революции 1905 г. Однако после первой революционной волны репрессии уничтожили основную часть социалистического подполья. В сравнении с предыдущими годами организация социалистов начиная с 1906 г. принимала всё более открытые, легальные формы: социалисты постепенно стали примыкать к добровольным обществам, в том числе легальным профсоюзам, потребительским кооперативам. Это обеспечило членам таких организаций возможность совместно с другими жителями участвовать в общественной жизни города. Более того, к моменту Февральской революции социалисты были способны и подготовлены при свержении местных властей действовать коллективно.

В настоящей статье мы выдвигаем три главных тезиса. Во-первых, ход свержения царской власти в Красноярске был прежде всего результатом существования активных легальных организаций, в первую очередь кооперативных объединений «Самодетельность» и «Товарищество потребительских кооперативов Енисейской губернии»; немалую роль играли и те социальные сети, которые они создавали в предыдущие годы. Во-вторых, такое положение вещей отражало стратегические решения, принятые местными социалистами в предреволюционные годы, которые были реакцией на трудности политической организации в условиях репрессий после революции 1905 г. Это привело к тому, что методы организации социалистов, которые ранее имели характер почти исключительно подпольной конспирации, стали более легальными и более массовыми. В-третьих, легальные организации помогли сформировать политическую культуру, т. е. мышление, понятия, практики, подкрепляющие действия в политической сфере. Эта политическая культура, в свою очередь, проявилась в действиях и формах организации первых революционных органов власти в 1917 г. — КОБ и Совета рабочих депутатов².

¹ Например в Иране, Восточной Европе, арабском мире, см.: *Parsa M.* Social origins of the Iranian revolution. New Brunswick, 1989; *Pfaff S.* Exit voice dynamics and the collapse of East Germany: the crisis of communism and the revolution of 1989. Durham, NC, 2006; *Della Porta D.* Mobilizing for democracy: comparing 1989 and 2011. Oxford, 2014.

² Для данного исследования использован широкий круг источников, в первую очередь воспоминания участников социалистических организаций из коллекции «Истпарт», фонды жандармерии в Государственном архиве Красноярского края (далее — ГАКК), журналы кооператива «Самодетельность» (название в 1915 г. — «Самодетельность», далее — «Самодетельность потребителя»).

Первые шаги социализма в Красноярске (1898–1905 гг.)

До 1905 г. социализм в Красноярске был нелегальным, подпольным феноменом, представленным в форме тайных кружков, состоящих из небольших групп друзей и родственников. Эта фаза представляла собой первые необходимые шаги в строительстве активного политического движения. Как и при многих репрессивных режимах, кружки позволили противникам царизма собираться, обсуждать и развивать новые этические нормы вне надзора властей¹. Благодаря этому социалисты постепенно расширяли практическую основу и социальную базу их политической работы. В то же время возможности кружков были очень ограниченными и в смысле способности эффективно объединять сеть активистов для совместных действий, и в отношении возможных форм действия. Кружки для социалистического движения имели одновременно практическое и культурное значение. Действия социалистов до 1905 г. были мелкомасштабными, социалисты редко имели возможность выступать открыто. В результате и представления, и практические действия социалистов развивались по «нормам подполья», исходя из принципов конспирации и изоляции от потенциально опасных внешних элементов². Это влияло и на тактику активистов, и на их мировоззрение.

В 1890-х гг. членами этих кружков были почти исключительно интеллигенты. До середины последнего десятилетия XIX в. в них преобладала народническая тенденция. В 1895 г. в Красноярске появился первый марксистский кружок, состоящий из учителей и учащихся местной фельдшерской школы³. Быстрый рост города в последующие годы сделал возможным расширение состава и социальной базы социалистического подполья, что меняло и его организационный характер. В конце 1890-х гг. строительство Транссибирской магистрали вызвало огромный рост городского населения. Если в 1897 г. в Красноярске жило 25 тыс. человек, то через двадцать лет численность горожан превысила 90 тыс.⁴ Многие приезжие были рабочие, только в железнодорожных мастерских было занято три тысячи человек. За мастерскими выросли новые рабочие районы — Николаевская и Алексеевская слободы.

Приток новых жителей позволил социалистам устанавливать новые связи, преодолевая социальное разделение между интеллигентами и рабочими⁵. Социалистическая организация с 1898 г. расширилась благодаря усилиям Л.Н. Скорнякова, сосланного в Красноярск за участие в петербургском «Союзе борьбы за освобождения рабочего класса». В Красноярске он трудился в железнодорожной конторе, там он общался с местными рабочими. Но главным местом встречи с рабочими была частная библиотека отца Скорнякова, тоже жившего в Красноярске, там занимались некоторые железнодорожники. Там Скорняков и начинал говорить о поли-

¹ Goldfarb J.C. The politics of small things: The power of the powerless in dark times. Chicago, 2006.

² Lih L.T. Lenin rediscovered: What is to be done? In context. Brill, 2006. P. 435–436.

³ ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 292. Л. 2.

⁴ Потанов И.Ф. Красноярск: история в документах и фотографиях. Красноярск, 2011. С. 309.

⁵ О роли этого процесса в социалистическом движении см.: Zelnik R.E. Workers' and intelligentsia in the 1870s: the politics of sociability // Workers and intelligentsia in late imperial Russia: realities, representations, reflections. Berkeley, 1998. P. 16–54.

тике с «передовыми» рабочими. Через некоторое время 4–5 рабочих объединились с марксистом в неформальный кружок. Тайные встречи проводились в библиотеке и на квартирах. Скорняков снабжал участников литературой и объяснял им марксистскую теорию¹. Он заложил основу для долгой работы социалистов среди рабочих. В 1902 г. он покинул Красноярск, но после его отъезда сохранилась небольшая сеть активистов в железнодорожных мастерских. Участники кружка Скорнякова приносили литературу в мастерские, читали ее рабочим. Уборная, устроенная во дворе между цехами, стала «импровизированным клубом» социалистов. Там происходил обмен литературой, встречи рабочих из разных мастерских².

Если верить мемуаристам, в первые годы XX в. рабочие кружки развивались самостоятельно, хотя и взаимодействуя с другими нелегальными кружками Красноярска, это задерживало формирование объединенного социалистического движения. Несмотря на рост общего числа кружков, их конспиративный характер приводил к тому, что участники разных кружков не объединялись, а порой и не знали о существовании друг друга. С.П. Богачев, молодой рабочий, переехавший в Красноярск в 1903 г., впоследствии вспоминал, что первоначально он не смог получить работу, но вступил в кружок, членом которого был его сосед, Вайнберг, имевший доступ к марксистской литературе. Когда Богачев стал работать в железнодорожных мастерских в 1904 г., он сохранял связи с кружком Вайнберга, стараясь привлечь новых участников. Вскоре он познакомился с молодым рабочим А.Г. Роговым. Богачев тогда не знал, что Рогов и его старшие братья уже были активными участниками другого марксистского кружка³. Однажды Рогов пришел за инструментами к Богачеву, который показал ему прокламацию. Рогов из своего кармана достал такую же листовку. С этого времени Богачев вступил в кружок Рогова⁴.

Появляющиеся рабочие кружки часто были связаны с партийными организациями, созданными социалистами из числа ссыльных. Преобладали в то время социал-демократы, их комитет был создан в 1901 г. как часть Сибирского союза РСДРП⁵. Активисты, находившиеся в ссылке, пытались установить связи с рабочими. Так, А. Пайкес, один из организаторов социал-демократической организации, связался с членами кружка Рогова после стачки в железнодорожных мастерских в 1901 г. Он ввел несколько рабочих активистов в партийную организацию, они стали посредниками между ссыльными и рабочими кружками, позволяя социал-демократическому комитету распространять литературу в железнодорожных мастерских⁶. Одновременно железнодорожные рабочие участвовали в печатании прокламаций в подпольной типографии, которой заведовал Пайкес вплоть до своего ареста в 1903 г.⁷

Помимо рабочих железнодорожных мастерских другие группы также привлекались в социалистические кружки. Важным было участие молодых фельдшерниц;

¹ Воспоминания Скорнякова // ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 292. Л. 15–17.

² Воспоминания Воронцова // ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 97. Л. 1–2.

³ Воспоминания А.Г. Рогова // ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 549.

⁴ Воспоминания Богачева // ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 38. Л. 7.

⁵ *Силкова Н.П.* Очерки истории Красноярской краевой организации КПСС, 1895–1980. Красноярск, 1982. С. 45–46.

⁶ ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 549. Л. 2.

⁷ ГАКК. Ф. П-42. Оп. 8. Д. 451. Л. 8–9.

фельдшерская школа стала важным центром активности социалистов. Секретарем школы был старый социал-демократ В.С. Гоштовт, которого подпольщики называли «дедушкой» эсдеков Красноярска¹. Под его влиянием многие ученицы входили в подпольные кружки. Одной из них была С.А. Муниц (Дубровинская), ставшая потом женой председателя красноярского Совета рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Я.Ф. Дубровинского. Она вспоминала: «...в школе было общежитие и там жило много наших партийных [т. е. социал-демократических. — А. Д.] товарищей. Таким образом, школа была и явочной квартирой, местом хранения шрифта и литературы»². Ученицы школы играли главную роль в тайном распространении материалов в городе. Однажды Муниц получила задание отправиться в рабочий район — Николаевскую слободу, чтобы получить литературу у рабочего. Используя свои медицинские навыки, Муниц забинтовала прокламации под одеждой. Она вспоминала: «Я из худенькой девушки превращалась в дородную плотную дивчину»³.

До 1905 г. социалисты смогли создать широкие сети подпольных организаций по всему Красноярску. Эти сети играли важную роль в социализации других слоев населения, связывая их с основателями социалистических организаций в городе, интеллигентами, среди которых было немало ссыльных. Однако эти организации продолжали зависеть от сравнительно малого числа активистов, без которых они неизбежно прекратили бы свою деятельность. Социалисты редко имели возможность открыто действовать из-за страха репрессий. Когда же социалисты переходили от тайных действий к открытым выступлениям, они рисковали попасть под пристальный взгляд жандармов. Например, в ноябре 1902 г. началась стачка железнодорожников. Активное участие в организации забастовки принимали социалисты-рабочие, в частности социал-демократы, связанные с Красноярским комитетом Сибирского союза РСДРП. Социал-демократ токарь И. Княжев был выбран депутатом для ведения переговоров с администрацией. Хотя через несколько дней требования рабочих были частично удовлетворены, Княжев был вскоре арестован и уволен со службы. В мастерских социал-демократы вынуждены были вернуться к подпольной работе⁴.

Другой проблемой была инфильтрация агентов полиции. В любой тайной организации доверие между ее участниками является одним из ключевых моментов⁵. Зависимость социалистических кружков от личных связей парадоксальным образом приводила к тому, что жандармский агент мог проникнуть в организацию, получив доверие подпольщиков. Социалисты осознавали опасность появления в их организациях агентов властей, что тормозило их политическую работу⁶. В Красноярске жандармы часто знали о тайных собраниях социалистов. Богачев вспоминал случай в феврале 1905 г., когда семнадцать рабочих собрались на частной квартире по инициативе активистов. После чтения партийной литературы присутствующие начали петь революционные песни. В этот момент ворвались жандармы и всех

¹ Багаев Б. Ф., Мешалкин П. Н. Бойцы революции. Красноярск, 1982. С. 52–54.

² Воспоминания Сарры Муниц // Красноярский краевой краеведческий музей (КККМ). Коробка «Дубровинские Я. Ф., А. Ф.». В-Ф 5090.

³ КККМ. Коробка «Дубровинские Я. Ф., А. Ф.». В-Ф 5090. С. 1.

⁴ ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 549. Л. 4–7.

⁵ Goldfarb J. C. The politics of small things... P. 14–15.

⁶ Lih L. T. Lenin rediscovered. P. 435–436.

арестовали¹. Организационная нестабильность подполья и угроза проникновения провокаторов продолжали оказывать влияние вплоть до свержения царизма в 1917 г. и часто тормозили подпольную работу.

От подполья к легальности: 1905–1916 гг.

Широкая сеть подпольных кружков, которая сформировалась в Красноярске в первые годы XX в., стала основой для работы социалистов. Несмотря на их неформальную организацию, сравнительно небольшие и нестабильные кружки помогали городским активистам устанавливать связи между собой и с разными слоями населения. Начиная с 1905 г. и вплоть до последних месяцев царизма и потенциал, и ограниченность такой формы организации стали ярко проявляться. Подпольные кружки играли весьма значительную роль в революции 1905 г., однако структурные слабости нелегальных организаций ярко стали проявляться в условиях послереволюционных политических репрессий. Социалисты стали использовать имеющиеся легальные возможности.

В 1905 г. подпольщики играли ведущую роль в координации и мобилизации революционных сил. Катастрофический ход русско-японской войны и связанное с этим недовольство местных жителей открывали новые возможности для социалистов. Уже в середине января в железнодорожных мастерских социал-демократами была организована стачка, за ней последовали другие забастовки². Весной и летом подпольные кружки железнодорожных рабочих организовывали «массовки» (митинги), на которых критике подвергались война и царский режим. Массовки представляли собой новую форму организации социалистов, стремившихся расширить круг участников антиправительственных действий. Как вспоминал Богачев, массовки, собиравшиеся в лесу за рабочим районом, привлекали не только публику из мастерских, но также и из других частей города³. Жандармские агенты, присутствовавшие на них, представляли детальные описания событий. В начале августа агент сообщил о массовой за железнодорожной мастерской. В присутствии множества рабочих произошла жаркая дискуссия между партийными активистами и молодыми рабочими, после чего присутствующие кричали лозунги, направленные против репрессий: «Жандармы — долой жандармов!»⁴

Собрания продолжали быть опасны для их участников. В середине августа жандармы и казаки разогнали такое собрание и убили одного рабочего⁵. Однако в условиях разрушения авторитета властей антиправительственные выступления демонстрировали способность социалистов расширять их действия и организационные сети. После августа рабочие-социалисты смогли организовать новые стачки в железнодорожных мастерских. Их активность и страх властей привели к тому, что 2-й Железнодорожный батальон, в состав которого входили квалифицированные

¹ ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 38. Л. 1; Жандармские рапорты собрания находятся в ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 485.

² Reichman H. The 1905 revolution on the Siberian railroad // Russian review. 1988. Vol. 1. № 47. P. 33.

³ Воспоминания Богачева // ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 38. Л. 1–2.

⁴ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 284. Л. 117.

⁵ Reichman H. 1905 revolution on the Siberian railroad... P. 35.

рабочие, был отправлен в Красноярск в конце августа, чтобы работы в мастерских не прерывались. Через несколько недель рабочие и эти солдаты организовали совместную стачку. Стаечный комитет стал Рабочей комиссией, а в начале декабря — Советом рабочих и солдатских депутатов¹. Пик революционного кризиса пришелся на 9 декабря 1905 г., когда рабоче-солдатский Совет взял власть в городе после демонстрации по главным улицам². На протяжении трех недель Совет, находившийся в железнодорожных мастерских, удерживал власть, разоружил полицию, организовал массовые митинги и готовил переизбрание городского самоуправления. «Красноярская республика» прекратила существование в начале января 1906 г. после осады мастерских войсками, переброшенными в город, активисты были арестованы³. Одновременно власти объявили военное положение во всех уездах, где проходила Транссибирская магистраль⁴.

Уничтожение «Красноярской республики» нанесло удар по социалистам, что впоследствии вынудило их радикально изменить организацию и тактику. В первые послереволюционные месяцы ощущалось беспокойство. Рабочие вернулись к работе, но настроение их было переменчивым. В июле, когда через Красноярск проезжала эсерка Спиридонова, следуя на каторгу, рабочие пришли с красными и черными флагами, остановили поезд, выслушали речь известной арестантки, пели революционные песни⁵. Социалисты старались воссоздать организационную базу, чтобы возобновить борьбу. Документы жандармского управления показывают, что кружки действовали весь год, обсуждалась и возможность нового восстания⁶.

Однако к концу 1906 г. репрессивные меры властей заставляли усомниться в успехе подпольного революционного движения. Частые аресты порой приводили к полному уничтожению социалистических кружков. Так, с лета 1906 по осень 1909 г. социал-демократическая организация трижды была разгромлена⁷. В августе 1911 г. социал-демократ А.Г. Рогов, бывший железнодорожный рабочий, который нелегально вернулся в Красноярск из Харбина, куда он был сослан после 1905 г., восстановил партийную организацию, которая тайно собиралась несколько раз и избрала комитет⁸. Жандармские агенты с самого начала проникли в эту группу. Старый товарищ Рогова из мастерских, Богачев, который сбежал из Енисейска, места его ссылки, тоже участвовал в этих собраниях. Богачев заподозрил человека, который попытался вступить в группу, предоставляя номера газеты «Правда»⁹. Двучленная роль другого стала очевидна позднее, когда в один день были арестованы почти все активисты. Рогова приговорили к каторге, он вернулся в Красноярск

¹ Reichman H. 1905 revolution on the Siberian railroad... P. 37–44.

² Бердников Л. П., Лоллина С. Л. День народной надежды: Енисейская губерния в 1905 году. Документы и воспоминания. Красноярск, 2005. С. 63–64.

³ Шиловский М. В. Первая русская революция 1905–1907 гг. в Сибири. Новосибирск, 2012. С. 214–216.

⁴ ГАКК. Ф. 858. Оп. 2. Д. 3. Л. 5.

⁵ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 286. Л. 119.

⁶ Там же. Д. 286а. Л. 27, 42.

⁷ Горейский М., Кудрявцева А., Сафронов В. Между двумя революциями: Очерки истории красноярской партийной организации, 1907–1917. Красноярск, 1960. С. 12.

⁸ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 315.

⁹ ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 38. Л. 12–13.

лишь в 1917 г. Богачев избежал ареста, но должен был бежать; он тоже вернулся в город после Февраля¹.

Хотя стабильность подпольных организаций существенно снизилась, социалисты после 1906 г. получили возможность использовать легальные возможности. Императорский указ о Временных правилах об обществах и союзах от 4 марта 1906 г. обеспечил быстрый рост всевозможных организаций². И в Енисейской губернии были зарегистрированы многие общественные организации, в том числе профессиональные, благотворительные, кооперативные³. Некоторые организации стали важными базами для действий социалистов. «Союз служащих торгово-промышленных предприятий», который был зарегистрирован в 1906 г., вскоре ставший центром действий социал-демократических активистов, среди которых были и ссыльные. Одним из главных организаторов Союза был Н.П. Патлых, член комитета РСДРП в Перми в 1905 г. Он прибыл в Красноярск в 1910 г. и вскоре быстро организовал социал-демократический кружок. Одновременно работал бухгалтером в местном Обществе врачей. Благодаря своим административным талантам Патлых стал и секретарем «Союза служащих в торгово-промышленных предприятиях». По сведениям жандармов, он хранил нелегальную социалистическую литературу и использовал свое влияние в Союзе, чтобы вести агитацию среди рабочих и служащих⁴.

Однако главными легальными организациями, используемыми социалистами, были потребительские кооперативы. По сравнению с другими российскими городами Красноярск отставал в развитии кооперативного движения. Городской потребительский кооператив был создан в конце XIX в., но он прекратил существование вследствие финансовых затруднений после двух лет существования. Несколько лет спустя железнодорожники создали маленькую кооперативную лавку, но вскоре она сгорела⁵. Только в феврале 1913 г. вновь появился потребительский кооператив «Самодетельность». Инициаторами кооператива были интеллигенты, «сочувствующие кооперативным движениям», в том числе и Патлых, который стал его первым секретарем. Железнодорожники, часть которых до прибытия в Сибирь участвовала в кооперативном движении Европейской России, также становились членами «Самодетельности»⁶.

Эти зарегистрированные организации предоставляли социалистам возможность собираться, давали стабильность, большую безопасность; кооперативы представляли собой легальное пространство, в котором социалисты могли коллективно действовать без постоянного страха ареста. Вместе с тем легальные организации позволили социалистам создать структуры, в которых было задействовано большое количество активистов, и, в отличие от подполья, они продолжали действовать даже в случае ареста видных активистов. Так, в начале 1914 г. Патлых был арестован в результате жандармского расследования нелегальных действий членов

¹ Там же.

² *Bonnell V. Roots of rebellion...* P. 195–202.

³ Список организаций, легально зарегистрированных за период с 4 марта 1906 по 28 ноября 1909 г.: Красноярский край в истории отечества: Кн. 1. 1890–1917. Красноярск, 1996. С. 158–161.

⁴ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 806. Л. 25–27.

⁵ Самодетельность потребителя. 1916. № 9–10, сентябрь–октябрь. С. 15.

⁶ Самодетельность. 1915. № 1–2, апрель–май. С. 22–23.

«Союза служащих в торгово-промышленных предприятиях». Затем он был выслан из города, но союз и «Самодетельность» избежали серьезных сбоев в работе и продолжали действовать как формально неполитические организации до самого свержения царизма¹.

Быстрый рост потребительской кооперации в Красноярске, как и во всей России, был главным образом результатом дороговизны жизни, которая особенно проявилась в ходе Первой мировой войны². Численность общества «Самодетельность», которое весной 1913 г. насчитывало 300 человек, возросла к январю 1915 г. до 800. В сентябре 1916 г. оно имело более 2500 членов³. Рост кооперативов в это время наблюдался и во всей Енисейской губернии. В 1915 г. по инициативе активистов «Самодетельности» было создано «Товарищество потребительских кооперативов Енисейской губернии». К 1917 г. в товарищество входило 79 сельских и городских кооперативов⁴.

Социалисты постепенно возглавили кооперативное движение. Ссылные, опытные в административных делах, особенно в сфере учета и распределения, стали его видными деятелями. В «Самодетельности» активными были социал-демократы, многие из них — ссыльные. М.И. Фрумкин, большевик, работал много лет в европейских районах России в качестве статистика в нефтяной промышленности. После ареста за участие в революционной деятельности в 1911 г. Фрумкин был сослан в Сибирь. В конце 1915 г. он переехал в Красноярск из Канского уезда и вскоре вступил в управу «Самодетельности», занимаясь торговыми делами⁵. Еще один большевик, Н.Л. Мещеряков, бывший студент Петербургского политехнического института, заведовал культурно-просветительными делами «Самодетельности» с весны 1916 г.⁶ Меньшевик А.В. Байкалов был сослан в Енисейскую губернию еще в 1904 г., став одним из главных теоретиков потребительской кооперации⁷. Он работал в ревизионной комиссии «Самодетельности», контролировавшей деятельность управы, и был активным участником «Товарищества потребительских кооперативов Енисейской губернии»⁸. В «Товариществе потребительских кооперативов» важную роль играли и эсеры, в том числе Н.В. Фомин и В.Я. Гуревич⁹.

¹ О расследовании по нелегальным действиям Союза служащих в торгово-промышленных предприятиях см.: ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 806. Об аресте Патлых см. воспоминания участника Союза и «Самодетельности» А.А. Позднякова (ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 488. Л. 4–5).

² *Kayden E. M., Antsiferov A. N.* The cooperative movement in Russia during the war. New Haven, 1929. P. 93, 169.

³ Самодетельность потребителя. 1916. № 9–10, сентябрь–октябрь. С. 19.

⁴ Товарищество потребительских кооперативов Енисейской губернии. Красноярск, 1917. С. 15–20. Договор участников-кооперативов. Документ находится в библиотеке КККМ.

⁵ Автобиография М.И. Фрумкина [Электронный ресурс] // Большая биографическая энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/30396/%D0%A4%D1%80%D1%83%D0%BC%D0%BA%D0%B8%D0% (дата обращения 02.12.2016).

⁶ Самодетельность потребителя. 1916. № 3, март. С. 7.

⁷ Об А.В. Байкалове см.: *Богущий А.Е.* Енисейский казак А.В. Байкалов — деятель российской эмиграции в Великобритании // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 5 (31). С. 25–29.

⁸ Самодетельность. 1915. № 6, сентябрь. С. 17; Самодетельность потребителя. 1916. № 1–2, февраль. С. 22.

⁹ *Гуревич В.Я.* Февральская революция в Красноярске. С. 113.

Легальный путь: от кооперации к революции

В ходе Первой мировой войны потребительская кооперация, особенно «Самодетельность», стали оплотом социалистов. Они также играли ключевую роль в создании особой политической культуры, помогавшей определить характер действий новых властей в первые дни революции. Всё это стало возможно благодаря легальному и «неполитическому» характеру кооперации. До свержения царизма большинство ее руководителей не расценивали свою роль как антиправительственную и тесно работали с местными властями.

Советские историки отмечали, что кооперативные организации использовались большевиками «для прикрытия революционной политической работы»¹. Мемуаристы приводят схожие оценки. Большевик С.М. Бальбатов вспоминал, что в 1915 г. он «и еще ряд других товарищей стали группироваться вокруг общества “Самодетельность”, как единственной организации, около которой можно было легально собираться»². Вместе с другими ссыльными они создали «нелегальную группу» социал-демократов внутри кооператива, установив связи с сохранившимися небольшими политическими кружками города. Участники событий вспоминали, что библиотека кооператива стала местом тайного обсуждения политических вопросов³.

Всё же кооперативы в Красноярске играли незначительную роль в прикрытии нелегальных действий социалистов. Очевидно, подпольная работа после создания «Самодетельности» не стала более стабильной и эффективной. Яркий пример — участие красноярских социалистов в Первом восточносибирском съезде Всероссийского союза городов в Иркутске, в апреле 1916 г.⁴ «Самодетельность» как организация, содействовавшая снабжению городского населения продуктами, послала двух делегатов, большевиков Бальбатова и Буйко, которые вместе с иркутскими большевиками подготовили декларацию, критикующую военную политику и содействие общественных организаций царскому режиму. Несмотря на попытки председателя съезда остановить его, Бальбатов озвучил декларацию. Как только Бальбатов прибыл в Красноярск, его тут же арестовали⁵. Последовали новые аресты, которые почти полностью остановили подпольную работу социалистов до конца 1916 г.⁶

Вместе с тем потребительская кооперация продолжала укреплять позиции в местной общественной, а фактически и политической жизни. Вследствие дороговизны городская дума летом 1915 г. создала продовольственную комиссию, в которой активную роль играли кооператоры, в том числе и члены управы

¹ *Ольховая Л.В.* Рабочая кооперация как форма организации пролетариата // Российский пролетариат. Облик, борьба, гегемония. М., 1970. С. 266–267.

² Воспоминания Бальбатова. Автобиография // КККМ. Коробка «Автобиографии». В–Ф 1843. С. 1.

³ Воспоминания А.А. Сысова. Воспоминания // КККМ. Коробка «Кооперативное движение: Самодетельность». Б–Н.

⁴ О съезде см.: *Макарчук С.В.* Съезд представителей городов восточной Сибири 15–19 апреля 1916 г.: влияние социалистических партий // Актуальные вопросы истории Сибири: Пятое научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сб. научн. тр. Барнаул, 2005.

⁵ *Бальбатов.* Автобиография // КККМ. Коробка «автобиографии». В–Ф. 1843. С. 2–3.

⁶ ГАКК. Ф. 827. Оп. 1. Д. 828. Л. 22.

«Самодейтельности» — Фрумкин, Мещеряков и др.¹ К 1916 г. возросла роль комиссии из-за ухудшения продовольственной ситуации. Летом 1916 г. комиссия установила монополию сахара, создав сахарное бюро². Бюро создало карточную систему, чтобы контролировать распределение сахара среди горожан. Ключевую роль здесь играли кооператоры, которые были знакомы с механизмом распределения продовольствия по карточкам, этот опыт они приобрели в лавках и конторах «Самодейтельности»³.

Участие в потребительской кооперации позволило публично работать социалистам, которые стали представителями кооперации в городском самоуправлении, и, таким образом, установили связи с городской думой. Как вспоминал Бальбатов, деятели «Самодейтельности» регулярно общались с либеральными членами самоуправления, в том числе с врачом и старым народником В.М. Крутовским⁴. Эти связи в 1917 г. позволяли социалистам-кооператорам готовить выступление против властей. Уже к концу января 1917 г. они хорошо знали о положении в Петрограде от депутата Государственной Думы, С.В. Востротина, который приехал в Красноярск и на встрече с местными активистами общественных организаций и либералами говорил, что они должны готовиться к скорому «перевороту»⁵.

Новости о революции достигли Красноярска 28 февраля, когда была получена телеграмма, посланная по железнодорожному телеграфу, но она была задержана властями⁶. Однако 2 марта кооператоры узнали о свержении царизма от деятелей местного самоуправления, и активисты начали действовать. Собрание в «Товариществе потребительских кооперативов», возглавляемое социалистами-революционерами Гуревичем и Фоминым и социал-демократом Байкаловым, потребовало от правления активных действий, однако на это обращение последовал отказ, очевидно, из-за страха возможных репрессий⁷. Почти одновременно было организовано собрание в конторе «Самодейтельности», где группа кооператоров решила действовать; среди собравшихся были Фрумкин, Мещеряков, а также подпольщики, в их числе Я.Ф. Дубровинский. Социалисты воспользовались своими связями с городским самоуправлением, чтобы оказать давление на местные власти, делегация кооператоров встретилась с городской головой. Встреча, очевидно, состоялась при помощи либеральных членов думы, в том числе Крутовского, который вспоминал, что он тоже пришел с коллегами к городской голове, требуя действий⁸. Под давлением кооператоров и либеральных думцев городской голова согласился провести собрание местных общественных организаций на следующий день, 3 марта, чтобы определить план действий. Это собрание создало

¹ Протоколы Городской продовольственной комиссии напечатаны в журнале Красноярской городской думы: Вестник красноярского городского общественного управления. 1915–1917.

² Вестник красноярского городского общественного управления. 1916. № 21, 16 ноября. С. 3–5.

³ Там же. № 19, 19 октября. С. 19–25.

⁴ КККМ. Коробка «Автобиографии». В–Ф. 1843. С. 1–2.

⁵ Фрумкин М.И. Февраль–октябрь 1917 г. в Красноярске... С. 140.

⁶ Гуревич В.Я. Февральская революция в Красноярске... С. 115.

⁷ Там же. С. 115–116.

⁸ Фрумкин М.И. Февраль–октябрь... С. 141; Гуревич В.Я. Февральская революция... С. 116.

первый орган революционной власти в Красноярске — Комитет общественной безопасности (КОБ)¹.

Кроме практической задачи мобилизации оппозиционных общественных сил потребительская кооперация помогала социалистам развивать новую политическую культуру, т. е. практики и понятия, подкрепляющие местную политику. Эта политическая культура играла важную роль в определении характера революционной власти. Одна из ее частей — привлечение общественных сил в местную власть, которое стало главным принципом КОБа. И до 1917 г. привлечение общественных сил было целью реформистов, которые рассматривали сотрудничество с общественными организациями как возможность участвовать в государственной работе². В Красноярске городская продовольственная комиссия изначально требовала участия представителей общественных организаций, особенно кооператоров, которые пользовались влиянием у населения и обладали знаниями, необходимыми для контроля над продовольственным снабжением. Активисты, прежде всего работники «Самодетельности», играли здесь особую роль. В ноябре 1915 г. управа кооператива потребовала от городской думы, чтобы представители общественных организаций были допущены в городскую продовольственную комиссию с решающим, а не только с совещательным голосом. В декларации, составленной Байкаловым и другими активистами кооператива, эта мера признавалась необходимой для эффективного снабжения города. Текст содержал и требование сотрудничества населения и властей, что рассматривалось как шаг к «демократизации городских самоуправлений»³. Городская продовольственная комиссия сочувствовала этому требованию, но решила, что оно не имело шансов на успех ввиду противодействия губернских властей⁴.

Вопрос о сотрудничестве кооператива с государством вызвал острые дискуссии между левыми социалистами, участвующими в работе «Самодетельности», и правлением кооператива. Уже в ноябре 1915 г. Бальбатов и другие участники «нелегальной группы» внутри «Самодетельности» критиковали совместную работу с властями, утверждая, что это отвлекает организацию от настоящего кооперативного дела⁵. Всё же большинство участников общих собраний членов кооператива поддержало правление.

Эффективность и популярность идеи сотрудничества общественных сил проявилась в дни свержения царизма, она стала главным принципом при организации КОБа на собрании общественных организаций 3 марта. На этом собрании, в котором участвовали либеральные члены городской думы и социалисты из «Самодетельности», было решено, что новая революционная власть будет состоять преимущественно из представителей общественных организаций, именно это считалось гарантией демократизма новой власти⁶. В первый состав КОБа из 21 члена

¹ Протоколы открытого собрания 3 марта // Вестник красноярского городского общественного управления. 1917. № 5–6, 3 марта. С. 1–4.

² Lih L. Bread and authority in Russia, 1914–1921. Berkeley, 1990. P. 39.

³ Самодетельность. 1915. № 8, ноябрь. С. 3–6.

⁴ Вестник красноярского городского общественного управления. 1915. № 20, 1 декабря. С. 30–31.

⁵ Самодетельность. 1915. № 8, ноябрь. С. 10–11.

⁶ Вестник красноярского городского общественного управления. 1917. № 5–6, 3 марта. С. 3–4.

входили представители семи общественных организаций, в том числе «Самодетельности», «Союза служащих в торгово-промышленных предприятиях», «Товарищества потребительских кооперативов Енисейской губернии». В КОБ включались также представители, избранные железнодорожниками (см. ниже) и семь членов городской думы.

Помимо утверждения принципа привлечения общественности потребительская кооперация смогла реализовать идею массовых выборов, создать механизмы, необходимые для их проведения. И здесь важную роль играло общество «Самодетельность», которое строилось на основе регулярных выборов. В них участвовали члены кооператива, среди которых было немало железнодорожников. Члены кооператива с самого начала принимали активное участие в КОБе и в другом революционном органе власти, созданном почти одновременно с ним — Совете рабочих депутатов. До 1917 г. потребительская кооперация в России управлялась на основе так называемых рочдельских принципов. Один из них — принцип контроля посредством выборов всех членов над действиями правления¹. Устав «Самодетельности» предполагал, что все члены кооператива могли участвовать в выборах правления, быть избранными в него и коллективно контролировать правление².

Этот принцип мог создать систему общественного самоуправления. Однако, как свидетельствуют историки, практика не всегда соответствовала принципам. В условиях огромного роста потребительской кооперации в дореволюционные годы выборный порядок часто не применялся надлежащим образом³. Журнал «Самодетельность» демонстрирует, что трудно было использовать выборные практики в годы войны. Одной из проблем была неподготовленность рядовых членов кооператива, среди которых было немало рабочих. К началу 1916 г. активисты боялись притока новых членов, мало знающих о принципах кооперации⁴. Рядовые участники собраний кричали, прерывали и оскорбляли членов правления, из-за шума и беспорядка заседания прерывались. Журнал «Самодетельность потребителя» считал это знаком «недостаточности кооперативного воспитания наших членов»⁵. Сказывались и затруднения с посещением собраний, не всегда удавалось обеспечить необходимый кворум, это было следствием возросшей численности кооператива. По уставу «Самодетельности», необходимо было присутствие не менее 10 % всех членов на общем собрании для того, чтобы оно было правомочным⁶. Начиная с конца 1915 г. обычно на общих собраниях «Самодетельности» не удавалось обеспечить такой кворум. В последние месяцы перед свержением царизма собрания нередко носили частный характер, не имея права принимать необходимые для кооперативной работы меры до следующего (вторичного) собрания, когда можно было принимать решения и без кворума. Например, 14 сентября 1916 г. общее собрание, в котором участвовал 131 человек (около 5 % членов кооператива), стало правомочным, поскольку было создано

¹ *Kayden E. M., Antsiferov A. N.* The cooperative movement in Russia during the war... P. 45–46.

² Устав Красноярского общества потребителей под названием «Самодетельность». Красноярск, 1913. С. 7–8, 10.

³ *Salzman C.* Consumer cooperative societies in Russia: goals vs. gains, 1900–1918 // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1982. Vol. 3–4. N 23. P. 363–364.

⁴ Самодетельность потребителя. 1916. № 1–2, февраль. С. 3–5.

⁵ Там же. С. 7–9.

⁶ Устав Красноярского общества потребителей под названием «Самодетельность». С. 8.

повторно. Появилась возможность принять резолюцию о приеме новых служащих в кооперативные лавки¹.

Несмотря на эти трудности, потребительская кооперация внедряла культуру выборов среди своих членов, прежде всего среди железнодорожников. Во время войны многие рабочие именно в кооперативах впервые получили возможность участвовать в выборах, некоторые были избраны в правление «Самодетельности». Так, в 1915 г. рабочего И. Волка, вступившего в кооператив вскоре после его создания, избрали кандидатом в члены правления². В 1916 г. количество рабочих, входивших в правление, увеличивалось. Только 27 ноября были выбраны один член правления и десять кандидатов, из них не менее десяти железнодорожников³. К началу 1917 г. около половины членов и кандидатов в члены правления «Самодетельности» были рабочими. Кооперация позволила социалистам продолжить деятельность по социализации рабочих, начатую еще в конце XIX в. Это отметил секретарь кооператива, А.Ф. Сальстрем; выступая в сентябре 1916 г. на собрании, посвященном третьей годовщине регистрации «Самодетельности», он говорил, что в кооперативных делах «чувствуется, даже при разногласиях, общность забот об интересах кооператива, — здесь объединились и пиджак городского интеллигента, и блуза ж. д. рабочего»⁴. Кооперация способствовала подготовке кадров рабочих, приобретавших деловой опыт и усваивавших практику выборов.

В дни революции рабочие-кооператоры играли заметную роль в выборах. 3 марта в железнодорожных мастерских избирали представителей на открытое собрание, организованное КОБ. Члены «Самодетельности», работавшие там, узнали о революции от своих коллег в конторе кооператива и сообщили эту новость товарищам по работе. И.Б. Халимон, железнодорожный рабочий, избранный в правление «Самодетельности» в ноябре 1916 г., призвал рабочих принять участие в митинге, организованном социалистами. Примерно 30 человек откликнулись на его призыв. На митинге были избраны делегаты для участия в собрании представителей общественных организаций. Ими стали Зайцев и Козлов, входившие в правление «Самодетельности» с ноября 1916 г. (первый был кандидатом, а второй — членом правления с решающим голосом)⁵. Протоколы собрания общественных организаций, состоявшегося вечером 3 марта, свидетельствуют, что в КОБ были выбраны два представителя железнодорожных рабочих, ими стали Зайцев и Подузов (последний, вероятно, тоже был членом «Самодетельности», хотя и не входил в правление кооператива)⁶.

Кооператоры играли ключевую роль и в проведении выборов в Совет рабочих депутатов 4 марта. Историки нередко связывали быстрое создание советов в 1917 г. с сохранением у рабочих «революционных традиций» 1905 г., живой памяти о первых советах⁷. Однако пример Красноярска показывает значение участия

¹ Самодетельность потребителя. 1916. № 11–12, ноябрь–декабрь. С. 14–15.

² Воспоминания А.А. Сысоева. С. 1.

³ Самодетельность потребителя. 1916. № 11–12, ноябрь–декабрь. С. 16–17.

⁴ Там же. № 9–10, сентябрь–ноябрь. С. 19.

⁵ Воспоминания Халимона // ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 686. Л. 5.

⁶ Вестник красноярского городского общественного управления. 1917. № 5–6. 3 марта. С. 4.

⁷ Бурджалов Э.Н. Вторая русская революция. Москва, фронт, периферия. М., 1971. С. 318–319.

в кооперативах. 4 марта группа социалистов, служивших в конторе «Самодетельности», направилась в мастерские, призывая рабочих избрать депутатов в Совет¹. Сведения о первых депутатах свидетельствуют, что активисты, имевшие опыт участия в выборах в кооперативе, играли важную роль. Не менее 9 из 55 рабочих, выбранных в Совет к 9 марта, уже были членами или кандидатами в члены правления «Самодетельности», в Совет был избран и Халимон. Еще как минимум четверо депутатов были рядовыми, но опытными членами кооператива, в котором они участвовали с начала 1915 г. В целом из 9 мастерских, в которых рабочие выбирали депутатов в первые дни революции, не менее чем в 6 избрали кооператоров. Очевидно, кооператоры часто инициировали выборы в Совет в своих мастерских².

Заключение

Революционные события в Красноярске в марте 1917 г. отражали изменения, произошедшие в предыдущие два десятилетия: из сети конспиративных кружков социализм трансформировался в более открытое движение, организованное вокруг легальных организаций, особенно вокруг потребительских кооперативов. До революции 1905 г. социалисты вместе с рабочими создавали нелегальные организации, хотя это было опасно. Однако вскоре подпольная организация стала нестабильной, поэтому необходимо было искать новые возможности. Императорский указ 4 марта 1906 г. и создание легальных организаций предоставили их. Красноярские социалисты использовали «Союз служащих в торгово-промышленных предприятиях» и «Самодетельность» для того, чтобы собираться без постоянного страха ареста, налаживать связи с другими слоями населения, в том числе и с железнодорожными рабочими. При этом влиятельные социалисты часто были вынуждены прибегать к «неполитическим» действиям. Однако легальные организации помогли создавать новую политическую культуру, которая придавала форму новому виду организованного социализма, особенно после 1913 г. Практики привлечения общественности и проведения массовых выборов, которые стали возможны благодаря легальным организациям, потребительской кооперации в частности, были ключевыми аспектами этой культуры, что часто находило отражение в действиях местного самоуправления накануне революции 1917 г. В момент свержения царизма они также помогли определить формы революционной власти, результатом чего стало появление КОБа и Совета рабочих депутатов.

¹ Воспоминания Халимона // ГАКК. Ф. П-64. Оп. 5. Д. 686. Л. 5.

² См.: *Dickins A. A revolution in March: the overthrow of Tsarism in Krasnoiarisk // Historical research. 2017. Vol. 90. N 247. P. 11–31.*

ДИСКУССИЯ

Марк Стейнберг

Я не специалист по Февральской революции. Все на этой панели и вообще многие в этом зале знают гораздо больше, чем я, об этих событиях. Поэтому мой подход в этом комментарии будет более общим, нежели конкретным, более теоретическим, чем эмпирическим.

В особенности я хочу сделать несколько замечаний о концептуальных вопросах, которые я нашел особенно интересными в этих четырех докладах. В первую очередь меня интересует методологический вопрос о том, как исторические «нарративы» построены и как они используются (тема, которую У. Розенберг также обсуждает в своем докладе). Как Розенберг предполагает, нарратив сам уже интерпретация; исторические нарративы неизбежно и всегда строятся из материалов, уже находящихся под рукой: предположения, соображения, намерения, ценности и т. д. В частности, меня интересует, как работа нарратива строит «историю» — в смысле «истории» (в кавычках) как значимая нарративизация реалий прошлого, как аргумент о взаимных связях и упорядоченности в прошлом — и особенно как люди сами воспринимали (и переживали) свое настоящее как «историю».

В свете этих известных исторических понятий эти четыре доклада предлагают интересные перспективы проблемы исторического нарратива — особенно по вопросу об альтернативных путях (альтернативных возможностях) в истории. Эта тема наиболее явственна в исследованиях Хейвуда и Хасегавы, которые напоминают нам о важности тезиса (в контексте нашей обычной историографической практики построить ретроспективные и телеологические нарративы), что история полна неожиданного и даже маловероятного.

Философ Вальтер Беньямин в своих тезисах о понятии истории написал о «вольном небе истории» и о революции как «прыжке» под этим вольным небом, которой противопоставил нормальную, упорядоченную, телеологическую темпоральность истории¹. Подобным образом Ханна Арендт в статье «Что такое свобода» утверждала, что свобода в истории человечества является «бесконечно невероятной», даже «чудом», но все-таки неизбежной, ибо такова природа человеческого существования, само создание которого было невероятное чудо².

¹ *Benjamin W.* On the Concept of History (1940) // Benjamin W. Selected Writings. Vol. IV. Cambridge, 2003. P. 389–411. См. также: *Löwy M.* Fire Alarm: Reading Walter Benjamin's "On the Concept of History". London, 2005. P. 87–89, 99–102.

² *Arendt H.* What is Freedom (1958) // Arendt H. Between Past and Future. N. Y., 2006. P. 165–169.

В России в феврале 1917 г. многие люди почувствовали, что «свобода» была именно неожиданной и чудесной. В Февральские дни, как вы знаете, многие описали революцию как «весну», как стихийный ураган, как «воскресение», как неожиданное рождение «счастья». Мы могли бы описать эти переживания как «прыжок под вольным небом истории», по выражению Беньямина, и особенно «прыжок из царства необходимости в царство свободы» (как описали Энгельс и Маркс). В таких условиях исторические возможности более открыты и неопределенны, чем когда-либо. И поэтому контрафактические или альтернативные истории, которые предложили Хейвуд и Хасегава, — так интересны, заставляют задуматься, и даже вероятны.

Например, Хейвуд предлагает (я упрощу его аргумент), что вполне возможно, что, если бы союзники победили в Дарданелльской операции в 1915 г., стратегическая, логистическая, и материальная ситуация (включая поставки), была бы менее острой. А это могло бы изменить ход событий, особенно результат (исход) в феврале 1917 г.

Хасегава считает, что Временный комитет Государственной Думы действовал в качестве «революционной власти уже в первые три дня революции», а если бы Временный комитет не отдал (или не потерял) эту власть Временному правительству, альтернативный путь был бы открыт. Как он скажет, «альтернативное развитие событий <...> которое могло бы направить ход русской революции в другое русло, отличающееся от того реального хода событий». Реальность, мы могли бы сказать в этом свете, не была предопределена или безальтернативна. Небо истории было еще богато возможностями.

Алистер Дикинс не говорит прямо об альтернативных возможностях в ходе событий в 1917 г., но он имплицитно их предполагает. Он показывает на примере Красноярска важную организационную и политическую роль легальных организаций в Февральской революции, особенно роль кооперативного движения. Они дали социалистам организационный опыт и основу для коллективных действий и, что не менее важно, для развития «политической культуры», которая послужила основанием для независимых, коллективных, демократических действий.

Из этого следует мой вопрос. Возможно ли, что эти организации и эта политическая культура предлагали альтернативный путь будущей социалистической революции (или эволюции) на основе, как вы описывали, массового участия в выборах и «так называемых рочдельских принципов», которые включали «принцип выборного контроля всех членов» над «делами и действиями». В потенциале, по-моему, этот организационный опыт и новая политическая культура могли бы иметь серьезные политические последствия для революционного пути 1917 г. Другими словами, могли этот «легальный путь к Февральской революции» послужить основой для альтернативного пути к другой, так сказать, Октябрьской революции?

Доклад Веры Каплан ведет нас в другом направлении, но еще связан с вопросом нарратива и создания (конструкции) «истории». Она исследует, как современники историзировали свое собственное настоящее, как они «увековечивали» события и явления своего времени как исторически значимого (как «историю» в кавычках) — и, в более широком смысле (но это только имплицитно), как наши ретроспективные историографические нарративы о революции развиваются под влиянием работы этих современников, которые создали наш архив.

Конкретно в центре внимания ее исследования находятся исторические общества. По-моему, мы можем задать тот же вопрос о других институтах (например Временном и Советском правительствах или периодической печати): т. е. как они историзировали их настоящее (и таким образом построили наш архив, понимаемый в самом широком смысле). Так мы могли бы расширить метод Каплан для изучения других учреждений, которые создали память и документацию и, таким образом, сформировали границы возможности для нашего исторического нарратива.

Наконец, я бы закончил на более личной заметке с цитатой, которая может показаться довольно случайной, но для меня она говорит о центральной проблеме: как понимать и как люди в прошлом воспринимали историю Февральской революции — особенно как значимую «историю». Цитата из Вальтера Беньямина: «Маркс говорит, что революция — локомотив мировой истории», — конечно, мы знаем, что Ленин тоже часто использовал эту метафору, — «но, может быть, всё совершенно иначе. Возможно, революция — попытка пассажиров на этом поезде, а именно человечества, активировать стоп-кран»¹.

Героизм Февраля, если я могу так выразиться, был готовностью многих людей в условиях экстренного положения остановить поезд истории, выйти и посмотреть, где они были, и что могло бы быть возможно. То, что кто-то в конце концов снова двинул этот поезд на телеологический путь истории («в блестящее будущее», конечно), может быть грустной и тоскливой правдой истории Русской революции. А возможно, всей истории, которая, как наблюдали Беньямин и Арендт, тяготеет к катастрофе. Но этот метанарратив не должен заставить нас забыть тот конкретный момент прошлого и все его возможности.

Владлен Семенович Измозик

Я позволю себе начать выступление с общих вопросов, адресованных не только уже выступившим коллегам, но и ко всем участникам коллоквиума, присутствующим здесь. Тема нашего коллоквиума сформулирована во множественном числе как «Эпоха войн и революций (1914–1922)». Это означает, что речь должна идти о нескольких, по крайней мере двух войнах и двух революциях. Относительно войн понятно, что здесь имеются в виду Первая мировая война (1914–1919) и Гражданская война в России (1917/1918–1922). А вот то, что касается революций, вызывает вопрос. Можно предположить, что здесь традиционно предлагалось обсуждать вопросы, связанные с историей так называемых «Февральской» и «Октябрьской» революций. Но если мы посмотрим названия панелей и докладов, то вообще не обнаружим словосочетания «Октябрьская революция». Отсюда проблема терминологии. Как говорил французский философ Рене Декарт, если бы люди договорились о терминах, то 50 % споров бы не существовало. К сожалению, даже накануне 100-летия 1917 г. продолжает существовать разноречивость в употреблении терминологии применительно к этим событиям. На протяжении 70 лет советские историки были лишены возможности обсуждать эту тему. Вместе с тем, еще в 1920-х гг. П.Н. Милоков писал о событиях 1917–1920 гг. как о «второй российской революции»². В ситуации реального ослабления политической и идеологической цензуры в конце 1980-х гг. тема связи, преемственности Февраля и Октября

¹ Benjamin W. Paralipomena to 'On the Concept of History'... P. 402.

² Милоков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. Вып. 1–3. София, 1921–1924; Россия на переломе. Большевицкий период русской революции. Т. 1–2. Париж, 1927.

1917 г. вышла на страницы научной печати. Академик АН СССР П.В. Волобуев, хотя по-прежнему и разделял Февральскую буржуазно-демократическую и Октябрьскую социалистическую революции, писал в 1988 г.: «Следует вернуться к ленинской периодизации Октябрьской революции, рассматривая весь период от февраля 1917 года по ноябрь 1918 года как непрерывную революцию, имевшую свои этапы: сначала перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, а затем в “городскую” и “деревенскую” в общем русле социалистической революции. <...> Февральская буржуазно-демократическая революция была не только прологом, но и залогом революции социалистической»¹.

Следующим логическим шагом стали выступления в начале 1990-х гг. историка, зам. директора Института российской истории АН СССР В.П. Дмитренко. Он писал: «Великая Российская революция, начатая Февралем, <...> была подхлестнута Октябрем и переведена в свою новую, более острую фазу развития <...> Гражданская война становилась заключительной фазой революции, составляя ее закономерный этап, насыщенный фронтальным противостоянием главных ее участников...»² Одновременно такую же точку зрения развивала в рамках общесоциологического подхода Л.А. Донскова³. По ее мнению, «события 23–27 февраля и Октябрьское вооруженное восстание — лишь эпизоды, определенные вехи на сложном и противоречивом пути развития революции в России». Она же предложила считать конечными точками «Великой Российской революции» 23 февраля 1917 г. и конец 1922 г. Отказавшись от четкой периодизации отдельных ее этапов, Л.А. Донскова лишь отметила, что «первый этап революции завершается решением самых общих национальных задач»: «Политические преобразования, направленные на демократизацию общественного устройства страны, обеспечение демократических прав и свобод личности, передачу фактической власти представительным органам», а пришедшие к власти «весьма умеренные слои буржуазии, как правило, экономически и политически связанные со старым режимом, <...> стремятся решить задачи начавшейся революции по сути реформистскими методами, в рамках легитимности»⁴.

В поддержку тезиса, что Октябрьское вооруженное восстание является не началом новой социальной революции, а лишь очередным, пятым по счету политическим кризисом 1917 г., высказался один из крупнейших российских историков того периода В.И. Старцев. Он, в частности, писал: «...с точки зрения вопроса о власти, корниловщина действительно была четвертым политическим кризисом 1917 г., а октябрьские события — пятым»⁵. Эту точку зрения в 1998 г. положительно оценил один из крупнейших специалистов по истории России начала XX в. С.В. Тютюкин.

¹ Волобуев П.В. Обращаясь к великому опыту. Современные задачи и методология изучения Октября // Коммунист. 1988. № 16. С. 92, 95.

² Дмитренко В.П. Экономика России 1918 г. как поле противоборства социальных интересов // Происхождение и начальный этап гражданской войны. 1918 год: Материалы первой сессии международной научной конференции 28–30 июня 1993 года. Ч. II. М., 1994. С. 98–99.

³ Донскова Л.А. К вопросу о периодизации и типологии революции в России // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды: Сб. научных статей. Вып. 1. СПб., 1993. С. 10–14.

⁴ Там же. С. 11, 13.

⁵ Старцев В.И. Революция 1917 года в новейшей учебной литературе // Революция 1917 года в России: Сб. научных статей. СПб., 1995. С. 169–170.

Он писал: «...уже наметилась тенденция рассматривать Февральскую и Октябрьскую революции, а также Гражданскую войну как неразрывно связанные между собой части Великой российской революции 1917–1922 гг., которая наряду с Великой французской революцией конца XVIII в. стала одной из крупнейших вех мировой истории»¹. Эту позицию С.В. Тютюкин подтвердил и развил в самое последнее время. В рецензии на книгу И.В. Карацубы И.В. Курукина и Н.П. Соколова историк отмечает: «Однако, отдавая, видимо, дань новейшим веяниям, авторы используют применительно к октябрьским событиям некую компромиссную конструкцию, заявляя: “Захват власти большевиками в Петрограде вполне можно называть переворотом. Но за этим переворотом последовала подлинная революция...” <...> На мой взгляд, революция, начавшаяся в феврале, продолжалась не только в течение всего 1917 г., но и позже, до начала 1920-х гг., поскольку Гражданская война стала ее неотъемлемой составной частью. Такая точка зрения еще не является общепринятой, но уже приобрела права гражданства по аналогии с широкими хронологическими рамками Великой французской революции 1789–1799 гг., в ходе которой было несколько разнородных периодов... Февральско-мартовский и октябрьский <...> этапы революции дают основание говорить о Великой российской революции... термин “переворот” <...> должен <...> рассматриваться как ее [революции] решающий эпизод, сопровождавшийся сменой политической власти. И в этом смысле, видимо, правомерно говорить и о февральско-мартовском, и об октябрьском переворотах 1917 г., хотя пока вполне корректно и употребление терминов Февральская и Октябрьская революции»². Один из крупнейших исследователей событий 1917 г., петербургский историк Г.Л. Соболев недавно указал, что «Октябрьский переворот <...> стал неотъемлемым этапом Великой Российской революции»³. Наконец, присутствующий здесь Владимир Прохорович Булдаков в одной из последних публикаций выразил согласие с тем, что «революция — включая события февраля и октября 1917 г. — рассматривается не как серия одномоментных переворотов, а как процесс, начавшийся во время Первой мировой войны и завершившийся с окончанием Гражданской»⁴. Я лично уже многие годы отстаиваю такое понимание событий 1917–1922 гг. Следует добавить, что в Историко-культурном стандарте, утвержденном Министерством образования и науки РФ в 2014 г., содержится формулировка «Великая российская революция 1917 г.», хотя по непонятным причинам из нее исключена Гражданская война.

К сожалению, при всех ее нюансах, эта позиция рассмотрения Февраля, Октября 1917 г. и Гражданской войны как этапов единого революционного процесса остается, по сути, недостаточно воспринятой научным сообществом в целом и, на мой взгляд, как это ни покажется странным, многими зарубежными коллегами. Думаю,

¹ 1917 год в судьбах России и мира. Октябрьская революция: от новых источников к новому осмыслению. М., 1998. С. 5.

² Тютюкин С.В. Рецензия на книгу: Карацуба И. В., Курукин И. В., Соколов Н.П. Выбирая свою историю. «Развилки» на пути России: от Рюриковичей до олигархов. М., 2005 // Отечественная история. 2006. № 5. С. 140–141.

³ Соболев Г.Л. Октябрьское вооруженное восстание в свете современной политической конъюнктуры // Политическая история России первой четверти века. Памяти профессора Виталия Ивановича Старцева. СПб., 2006. С. 376.

⁴ Булдаков В.П. Рецензия на «Критический словарь Русской революции: 1914–1921» // Российская история. 2016. № 3. С. 193.

что никаких серьезных аргументов против данного подхода не существует, а есть лишь определенный стереотип мышления, сложившийся за многие годы. Кстати, в докладе коллеги Веры Каплан имеются весьма интересные сведения, непосредственно относящиеся к данной проблеме. Дело в том, что Общество Дома-Музея борцов за революцию в документах 1918 г. писало о революции 1917–1918 гг., т. е. рассматривало эти события как единый процесс. В апреле 1918 г. была сформулирована задача «освещения всех крупнейших последующих этапов революции», речь шла о «февральском перевороте, апрельской манифестации, июльских событиях, корниловских днях, октябрьском перевороте» и далее отмечалось, что «Февральские события <...> становились частью продолжающейся революции». И только в 1921 г. в документах Общества начинается разделение Февраля и Октября. Понятно, что это совершилось не по научным, а по идеологическим основаниям.

Теперь что касается непосредственно заслушанных докладов. Очень интересен доклад Энтони Хейвуда. Могу признаться, что мне ранее тоже казалась второстепенной роль Кавказского фронта и самой войны с Турцией. Э. Хейвуд показал нам ее масштабное и глубокое влияние на российскую экономику. По сути, на мой взгляд, он продемонстрировал в данном случае возможности клиометрики при сочетании ее подходов с политическим и военным анализом. Отсюда, кстати следует вопрос: в правительстве и в частности в военном министерстве, особенно после Балканских войн, когда угроза войны с Германией и Османской империей становилась всё более вероятной, рассматривались ли последствия закрытия балтийских и черноморских портов для осуществления импорта и экспорта и перенаправления логистических потоков на порты Белого и Баренцова морей? Поскольку в докладе говорится, что «работа по созданию важных дополнительных мощностей началась <...> в августе 1914 г.», т. е. уже после начала войны, можно сделать вывод, что политическое и военное руководство Российской империи не озаботилось этими проблемами заранее. Еще один важный момент: обычно в работах, посвященных перевозкам в годы Мировой войны, подчеркивается нарастание спекулятивных действий и коррупции в этом отношении, т. е. на первое место ставится субъективный момент, жажда наживы. Доклад Э. Хейвуда показывает роль объективных обстоятельств, связанных с проблемами логистики и тем способствовавших возможности злоупотреблений, не имевших всё же решающего значения. Отмечу только одну небольшую ошибку в тексте: Николай Карлович Гирс (1820–1895), министр иностранных дел в 1882–1895 гг., не был послом в Константинополе, а Михаил Николаевич Гирс (1856–1932), сын Николая Карловича, посол в Турции в 1911–1914 гг., не был министром иностранных дел.

О докладе коллеги Цуёси Хасегава. Солидаризуясь с позицией А.Б. Николаева о несравнимо большей роли Государственной Думы в свержении монархии и стремлении создать либерально-буржуазный режим, он, однако, подчеркивает, что «структурный характер царской социальной и политической системы был таков, что представить себе успех либерально-буржуазного строя довольно трудно». Мне представляется, что главный его тезис — это признание быстрого поражения Временного комитета Государственной Думы. Отсюда вопрос: насколько это поражение цензового учреждения связано с социокультурным расколом российского общества? Насколько мы вообще в своих исследованиях по российской истории, в том числе по периоду начала XX в., учитываем этот фактор? Позволю себе напомнить, что этот раскол на протяжении веков отражался даже в повседневной

речи. Отсюда отсутствие общего обращения к незнакомому человеку, сохраняющееся до сих пор. Оно было социально обусловлено и определялось внешним видом, одеждой незнакомца или незнакомки. И когда П.Н. Милоков начинал свою речь перед рабочими обращением «Судари и сударыни!», он сразу становился чужим для этих людей. Хочу обратить внимание в этом плане на Ленина. По фотографиям мы знаем, что он вернулся в Петроград 3 апреля с котелком на голове. Но без всяких имиджмейкеров он, будучи выдающимся политиком, уже через несколько дней сменил его на кепку. Это как сигнал: «Я — свой».

Конечно, интересны рассматриваемые докладчиком пять альтернатив развития событий после 27 февраля и шестой, концентрированный вариант. Я согласен с докладчиком, что приход большевиков к власти в октябре 1917 г. не был неизбежным, но вместе с тем он был закономерным в силу политической слабости всех составов Временного правительства и революционно-демократических партий (меньшевиков, эсеров и т. д.). Отсюда вопрос для будущих конференций: где та точка бифуркации, после которой приход большевиков к власти становился уже неизбежным?

К вопросу о личных связях противников и защитников старого режима, их переплетении: один из восьми полковников Генерального штаба, вошедших в созданную Военную комиссию, Ф.И. Балабин, был родным братом Н.И. Балабина, начальника Иркутского ГЖУ до февраля 1917 г.

Я уже упомянул о докладе коллеги Веры Каплан. Добавлю, что здесь прекрасно показан культурный, нравственный подвиг наших предшественников, которые в условиях колоссального политического и экономического кризиса и Гражданской войны продолжали свою подвижническую деятельность, собирая и сохраняя разнообразные документы революционных событий. Притом здесь единым сообществом выступали представители Академии наук, университетов, архивов, исторических обществ и т. п., независимо от политических взглядов и региона проживания. Вообще в ситуации, когда столетие Второй российской революции будет отмечаться на протяжении нескольких лет, важно побудить молодое поколение историков заниматься не только политическими и экономическими сюжетами того времени, но духовной, культурной жизнью, где ярче всего проявлялись высоко-нравственные принципы части современников. Именно эти люди были, по моему убеждению, подлинными героями тех политических событий и Гражданской войны, ибо вместе с учителями, врачами, инженерами они продолжали созидать, защищать, спасать культурные ценности. К сожалению, до тех пор, пока общество в большей его части будет прославлять политических и военных деятелей, независимо от их политической окраски, прийти к идее «гражданского мира», к общенациональному согласию не удастся.

Доклад коллеги Алистера Дикинса. Главный тезис — «Роль легальных организаций была крайне важна в свержении царизма в русской провинции». Вот эта формулировка вызывает у меня некоторые сомнения и вопросы. Докладчик считает, что «Революция 1917 г. началась в Красноярске 2 марта после получения телеграммы с новостями о восстании в Петрограде. <...> К утру 5 марта местная революция, которая началась действиями легальных кооперативов, завершилась, когда КОБ [Комитет общественной безопасности] и Совет арестовали полицию, жандармов и чиновников старого режима» и «в случае Красноярска можем говорить о легальном пути к Февральской революции». Если, безусловно, можно говорить о роли легальных организаций, Государственной Думы, в победе революции, то первый вопрос: а можно ли

считать события в Красноярске и других городах России в марте 1917 г. революцией? Судьба политической власти решилась 27–28 февраля в Петрограде. Термин «свержение», по-моему, предполагает сопротивление тех, кого свергают. Но мы не знаем ни одного города в марте 1917 г., где бы сторонники царизма попытались организовать сопротивление. Поэтому, на мой взгляд, следует относительно российской провинции говорить не о революции, а об организации новой власти.

И вот в этом плане доклад, безусловно, интересен, показывая те силы, те организации, которые оказались готовы в ситуации паралича старой власти на местах приступить к формированию новых органов управления. Кстати, это показывает и доказывает решающую роль активного меньшинства в переломные моменты истории. Население Красноярска к 1917 г. составляло более 90 тыс. человек.

Сколько человек присутствовало на «многочисленном собрании», по словам А. Дикинса, 3 марта, где политические ссыльные, нелегальные активисты, члены городской думы, представители общественных организаций, в том числе члены кооператива «Самодетельность» и Товарищества потребительских кооперативов создали Комитет общественной безопасности — первый орган революционной власти в городе?

В лучшем случае несколько сот человек, т. е. около одного процента. Но, как справедливо отмечает коллега А. Дикинс, эти люди в своем большинстве имели достаточно четкие политические взгляды, хотя и различные, но в целом оппозиционные царизму; были носителями определенной политической культуры и были способны к организаторской деятельности.

В докладе прослеживается зарождение и развитие оппозиционного политического движения в Красноярске с 1890-х гг. и развитие от подполья в направлении легальности после 1906 г. с помощью новых возможностей, которые предоставил Высочайший указ от 4 марта 1906 г. «О Временных правилах об обществах и союзах». А. Дикинс указывает на то, что «легальные организации позволили социалистам создать организационные структуры, которые <...> могли оставаться работоспособными даже в случае ареста видных активистов». Одновременно А. Дикинс вовсе не идеализирует роль легальных кооперативных организаций как надежного прикрытия подпольной антиправительственной работы. Он отмечает, что жандармы благодаря наличию многочисленных осведомителей имели достаточно полную информацию и подпольная работа социалистов здесь была почти полностью остановлена почти до конца 1916 г. Вместе с тем, работа в легальных обществах создавала возможности для регулярных политических контактов социалистов с представителями либеральных кругов, что оказалось крайне важным в марте 1917 г. Наконец, участие в деятельности кооперативных обществ, в выборных процедурах из среды промышленных рабочих формировало, в частности, будущих депутатов Советов. Всё это позволяет считать доклад коллеги А. Дикинса значительно расширяющим наши представления о механизмах роли легальных организаций в формировании местных органов власти в марте 1917 г. Остается только пожелать, чтобы такие исследования появились относительно других крупных промышленных центров России и ее окраин.

Буквально пара замечаний. Докладчик не различает «осведомителей» и «провокаторов», везде употребляя последний термин, что, конечно, неверно. Во-вторых, стоит напомнить, что еще в 1902 г. в книге «Что делать?» Ленин призывал соединять нелегальную и легальную работу.

Александр Георгиевич Калмыков

Хотелось бы в начале нашей дискуссии высказать несколько общих соображений по вопросам, затронутым уважаемыми комментаторами прозвучавших докладов.

Первый вопрос — о корректности использования названий «Февральская революция» и «Октябрьская революция» — был поднят В.С. Измозиком. Действительно, когда была окончена Февральская революция? Представляется, что революция заканчивается тогда, когда ее результаты обретают легитимность в той или иной форме.

Вооруженное *восстание*, произошедшее в конце февраля — самом начале марта 1917 г. оставалось таковым вплоть до конца 1917 г., поскольку Учредительное собрание, которое призвано утверждать результаты революции — было открыто уже после следующего, октябрьского вооруженного выступления. Правда, этому предшествовала попытка получить легитимность хотя бы в общественном сознании путем организации торжественных похорон жертв февральского восстания — прошедшего без всяких эксцессов миллионного шествия по улицам столицы. Не добавило легитимности февральским событиям и скромное постановление Временного правительства России «о провозглашении России республикой» до окончательного решения вопроса о государственном строе России Учредительным собранием.

Таким образом, если исходить из того, что революция не одномоментное событие, а процесс, занимающий более или менее длительное время, то логичнее признать, что в феврале—марте 1917 г. произошла не революция, а вполне завершенное *рабоче-солдатское восстание*.

Октябрьская «революция» по всем признакам: и с точки зрения теоретической подготовки (ленинские октябрьские статьи о восстании как искусстве), и с практической (образование легального военно-революционного комитета) — должна быть отнесена к продуманному и планомерно осуществленному *государственному перевороту*, чем в общем-то справедливо гордились старые большевики, используя этот термин.

Разгон Учредительного собрания оставил вопрос о легитимности новой власти, провозглашенной II съездом Советов, с которого ушло большинство представителей даже революционных партий, также в подвешенном состоянии.

Ход Гражданской войны несколько раз ставил под сомнение вопрос о завершенности революции, о легитимности власти большевиков в масштабах страны, учитывая ничтожно малые территории, на которые она распространялась. Только победоносное для большевиков завершение военных действий на Дальнем Востоке, плюс выдавливание иностранных вооруженных сил за российские границы, плюс подписание Декларации об объединении четырех советских республик в единое государство 30 декабря 1922 г., плюс начало процесса международного признания РСФСР (СССР) ведущими странами Запада позволяют, на наш взгляд, утверждать, что легитимация нового строя, а с ней и шестилетняя российская *революция* завершились.

Второе короткое замечание касается пожелания Марка Стейнберга обменяться мнениями по поводу содержания термина «альтернативная история». Понимать ли сам термин «история» в его первоначальном смысле как «то, что было», или понимать его как толкование, интерпретацию, «значимую нарративизацию» прошлого, — ни то, ни другое определение не дает нам возможности использовать термин «альтернативная история».

И все-таки история полна «неожиданностей», «чудес». Мы видим в источниках массовое представление о Феврале 1917 г. как о «неожиданной свободе, неожиданном счастье». Многие представленные участниками коллоквиума доклады посвящены реальным (другой вопрос, осуществленным или неосуществленным) альтернативам, возможностям дальнейшего развития исторического процесса в поворотные моменты российской революции 1917–1922 гг. Есть даже музейный опыт презентации такой «альтернативной истории» — на большой постоянной экспозиции «Человек и власть в России в XIX–XXI столетиях» в Государственном музее политической истории России в Санкт-Петербурге, которая была открыта в 2013 г.

Алексей Ильич Миллер

Я бы хотел прокомментировать два замечания, о которых сейчас только что шла речь. Что касается единственного или множественного числа революций, здесь есть еще одно деление. Правомерно ли говорить о единой Российской революции, имея в виду события на окраинах империи? Здесь два аспекта. Первый аспект. При распадении, фрагментации этого пространства можно ли говорить о каких-то отдельных революциях на окраинах? Второй аспект заключается в том, как мы изучаем эти процессы. Конечно, мы можем утверждать, что это единая Российская революция, но почему никто в России не занимается событиями на окраинах? Наше утверждение о единой Российской революции практически обозначает игнорирование этих процессов.

Теперь вопрос о локомотиве и что с ним происходит. Попытка сорвать стоп-кран — это один образ, а второй образ — это катастрофа. Иногда попытка сорвать стоп-кран ведет к сходу поезда с рельс. Мне кажется, что с этими тремя возможностями было бы интересно работать, потому что я считаю, что единственная удачная революция в России это Революция 1905 г., потому что она не привела к сходу с рельс локомотива и катастрофическому разрушению общества. (Замечу, что заимствую этот тезис у Юрия Сергеевича Пивоварова. Точно ли заимствую — другой вопрос.) В феврале 1917 г. попытка использования стоп-крана лишила машиниста возможности контролировать процесс.

Белла Давыдовна Гальперина

По поводу готовности революции в России в 1917 г. хотелось бы отметить, что не только в народе были недовольство существующим положением, которое должно было неизбежно вызвать взрыв. Об этом же говорили и обращались к царю и великие князья, вдовствующая императрица Мария Федоровна, протопресвитер армии и флота о. Г. Шавельский и др.

Так, во время посещения Марии Федоровны в Киеве 9 ноября 1916 г. вел. кн. Георгий Михайлович говорил, что умы обескуражены: «Мы на пороге революции, необходимо принять меры»¹.

В Ставку к Николаю II приезжали великие князья, пытавшиеся на него повлиять, с ним говорил о. Г. Шавельский и на вопрос об отношении в армии к императрице ответил, что ненавидят².

¹ Дневники императрицы Марии Федоровны (1914–1920). М., 2005. С. 155.

² Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера армии и флота. М., 1966. Т. II. С. 185.

Даже родная сестра императрицы Елизавета Федоровна (неоднократно приезжавшая в Царское Село) 30 ноября 1916 г. в разговоре с Николаем II и Александрой Федоровной говорила о необходимости перемен и отсылке Распутина. Безнадежно¹.

Возможен ли был выход из создавшегося положения? Нельзя с этим не согласиться. Могли быть! Но для этого было необходимо, чтобы это было не царствование Николая II с его характером, поведением и отношением к талантливым государственным людям, которые могли бы его «заслонять» (С.Ю. Витте, П.А. Столыпин), и полностью не владеющим обстановкой в стране даже до вечера 22 февраля 1917 г.

Владимир Прохорович Булдаков

По поводу доклада профессора Хейвуда. Это замечательно, что он наконец поставил вопрос о роли Турецкого фронта в Первой мировой войне. В России часто о нем забывают. Действительно, если бы пролив удалось захватить, теоретически могла бы быть другая ситуация. Из России шло бы зерно в обмен на вооружение, финансовая ситуация была бы не столь плачевной, у русских вооруженных сил могла бы быть совершенно иная ситуация. Но насколько это было реально при том состоянии Черноморского флота, с одной стороны, и железных дорог в России, с другой стороны? Можно ли было перестроить всю транспортную систему так, чтобы она заработала более эффективно? Это вопрос комплексный, и его нужно обстоятельно изучить. Нужно говорить о событиях в Закавказье и на Турецком фронте.

В докладе профессора Хасегавы содержится вопрос, могла ли Февральская революция быть либеральной. Советские историки не могли определиться с идентификацией Февральской революции. Ленин называл ее буржуазно-демократической. Со временем у нас сошлись на том, что это была народная революция. Не стоит идти на поводу у устоявшихся концептов. На мой взгляд, Русская революция (может быть, это относится к любой революции) не выработала адекватного языка самоописания. Те термины и концепты, которыми мы пользуемся, условны и ненадежны. Я, например, свою книгу о революции назвал «Красная смута» — это прежде всего смута (хаос, управляемый непривычными «законами»), а потом уже революция (некий «проект», состоявшийся или не состоявшийся — неважно).

Очень удачно М. Стейнберг поставил вопрос: что такое революция: это локомотив либо наоборот? Я считаю, что всё гораздо проще. Когда поезд (народ, человечество) с помощью технологий устремляется слишком быстро вперед, срабатывает некий защитный механизм, который его останавливает с помощью «стоп-крана» или чего-то еще. Безоглядно заноситься вперед нельзя: природа человека, его умственные и духовные качества не успевают за развитием технологий. И еще одно уточнение. Если во времена Маркса, в эпоху Просвещения и веры в прогресс, уместно было говорить о локомотивах, то в наше время, в условиях поветрия постмодернизма, лучше задуматься об их «тормозах». Мы уже мыслим не так, как Маркс.

И наконец, последнее замечание о соотношении потребительской кооперации и нелегальных организаций. Такая постановка вопроса принципиально важна. В сущности, именно потребительская организация могла реорганизовать всю систему власти изнутри — это была наиболее разветвленная организационная

¹ Камер-фурьерские журналы. 1916–1917. СПб., 2014. С. 369.

система. Но кооператоры позиционировали себя принципиально аполитичными. Правда, в Феврале они заметно «порозовели», «покраснели», но они всё же оставались вне политики. Это характерное для России явление. Практическая деятельность с политической расходятся, в определенный момент это приобретает решающее значение для судеб страны.

Сергей Иванович Гирик

Мой комментарий будет касаться выступления А.И. Миллера о представлении революции как единого процесса. Если рассматривать такое крупное явление, как Революция 1917–1920 гг. как нечто единое, его получится разделить лишь по географическому признаку. Как раз об этом и говорил А.И. Миллер. Однако региональные варианты, которые целиком входят в такое большое явление, как Российская революция, могут являться лишь его частью. И это, в частности, касается Украинской революции. Ее в украинской историографии, как правило, воспринимают как нечто единое и называют «Украинская революция 1917–1920» (иногда верхнюю хронологическую границу поднимают к 1921 г.). Ее не выделяют как особое событие, отдельную революцию, отдельный случай наряду с Российской революцией, которая несравнима с ней по своим масштабам и последствиям. Но нельзя считать, что она целиком входит в Российскую революцию, так как частью Украинской революции являются, например, события на Галичине, в частности объявление Западно-Украинской народной республики в ноябре 1918 г., которые происходили вне границ бывшей Российской империи и, следовательно, не вписываются в концепт «Российская революция». Однако другие региональные варианты революционных событий, имевшие место на окраинах бывшей империи, вполне укладываются в контекст этой большой Российской революции 1917–1922 гг.

Владимир Иванович Шишкин

Прежде всего, я хотел бы отреагировать на выступление В.С. Измозика. Он справедливо сделал замечание, что структура коллоквиума не вполне охватывает весь перечень проблем. Я думаю, что это сделано сознательно для того, чтобы иметь возможность провести еще два коллоквиума. В центре внимания одного может быть Октябрьская революция, а второго — Гражданская война. Относительно хронологических рамок коллоквиума — 1914–1922 гг. Я думаю, что о терминах не спорят — о терминах договариваются. Но договориться о хронологических рамках Российской революции достаточно сложно. Можно рассуждать так, как В.С. Измозик: революция закончилась в 1922 г. Что можно использовать в качестве аргументов, чтобы поставить точку в 1922 г.? Возможно, ликвидацию Дальневосточной республики. Видимо, возвращение Дальнего Востока в состав России. И, видимо, образование СССР. Безусловно, это очень важный рубеж. Таким образом, произошла «перезагрузка» Российской империи. Империя развалилась, но одновременно империя образовалась на других основаниях, она имела другую базу. Можно рассуждать таким образом.

Теперь я хотел бы коротко прокомментировать выступления докладчиков. Мне кажется, что Э. Хейвуд поставил очень интересную проблему, проблему блокады. Хочу напомнить, что для России проливы Босфор и Дарданеллы являлись своеобразной ахиллесовой пятой. С точки зрения России, проливы были одним из важнейших вопросов, которые требовалось решить в Первой мировой войне.

Отсутствие проливов серьезно сказалось и на экономике России, и на положении фронта, и на общественно-политической жизни страны. Блокада привела к тому, что власти были вынуждены с большими трудностями строить Мурманскую железную дорогу, вынуждены были использовать дальневосточный вариант снабжения. Основная часть боеприпасов и снаряжения шла из США и из Японии, и к 1917 г. во Владивостоке скопились сотни тысячи пудов вооружения и снаряжения, закупленного за рубежом. То обстоятельство, что Транссиб не справлялся с транспортировкой этого вооружения и снаряжения, приводило к ухудшению ситуации на фронте и в тылу. Поэтому проблема блокады имеет многоаспектный характер и большие последствия.

Профессор Хасегава, как мне представляется, рассуждает как типичный либерал или демократ: он говорит о легитимности. Я хочу напомнить о том, что для большинства революционеров такого понятия в их политическом лексиконе не существовало. Многие большевики и эсеры знали, что существует проблема легитимности, но для них это был какой-то периферийный вопрос. Поэтому они рассуждали совершенно иначе, чем профессиональные юристы, входившие в состав Временного правительства. Те думали об Учредительном собрании. Для революционеров, особенно радикальных революционеров, революция заканчивается не тогда, когда она обретает легитимность. Она заканчивается тогда, когда контрреволюция перестает реально угрожать революции. Я думаю, что вот тот критерий для революционеров, который говорит о том, что революция завершилась.

Остановлюсь коротко на докладе Дикинса. Я думаю, В.С. Измозик правильно отметил то, что еще Ленин говорил о необходимости умелого сочетания революционерами легальных методов борьбы с нелегальными. Так действовали не только большевики — сторонники Ленина, но и другие социалисты. И в этом смысле опыт Первой мировой войны в России уникален. Казалось бы, в чрезвычайной ситуации режим должен был ужесточить свою политику. Однако в условиях войны в России было создано огромное количество новых гражданских институтов: земские и городские самоуправления, военно-промышленные комитеты, кооперативные объединения, особенно много в Сибири. В.П. Булдаков упомянул, что многие социалисты видели в кооперации путь к реальному социализму. Действительно, было такое понятие — «кооперативный социализм», которое Ленин клеймил как ревизионизм. Были созданы многочисленные общественные организации и структуры, в том числе в Сибири, в которых формировалась контрэлита наряду с элитой властвующей. Контрэлита была разная. Одна элита была либеральной и демократической. Она существовала легально, в рамках легальных структур. Другая была нелегальной или полуполегалной. И, конечно, Февральская революция в провинции в значительной мере была осуществлена через эти структуры, официально легальные, но которые взаимодействовали с полуполегалными структурами и организациями.

Николай Николаевич Смирнов

Прежде всего, мне хотелось бы сказать о докладе профессора Хасегавы. Сама по себе постановка вопроса, которую вы затрагиваете в докладе, необычайно интересна и глубока. Она свидетельствует о том, что здесь есть то, о чем стоит поговорить. Начнем прежде всего с хронологии.

С какого времени вести отсчет Февральских событий 1917 г.? Хочу напомнить, что 30 января 1917 г. один из шведских корреспондентов газеты Svenska Dagbladet

встретился с Павлом Николаевичем Милоковым, и спросил его: «Не кажется ли Вам, что то, что происходит сейчас в России, напоминает новый революционный процесс?» И 30 января 1917 г. Павел Николаевич Милоков ответил: «Ну что вы, в России в ближайшее время революции не будет». Лидер одной из ведущих политических партий не мог просчитать тех событий, которые уже развернулись в столице Российской империи.

Как представляется, мы должны говорить о социальном протесте, с которого начинаются все петроградские события. Этот социальный протест во многом был вызван экономической ситуацией, которая сложилась в стране осенью 1916 г. и развивалась позднее. Петроград в гораздо большей степени, чем любой другой крупный населенный пункт Российской империи, чувствовал на себе сложность экономического положения. И здесь социальный протест начинается не с рабочих окраин, как это традиционно подчеркивалось в советской историографии. Он начинается с центра столицы. В этом социальном протесте первой принимает участие интеллигенция, прежде всего чиновничья, служилая. Именно она во второй половине января 1917 г. выражала недовольство отсутствием товаров первой необходимости в магазинах, расположенных на Невском проспекте и прилегающих к нему улицах. Донесения об этом поступали не только в полицию и жандармерию, но и в городскую думу.

События же, от которых принято вести отчет, 23 февраля 1917 г., стали другой точкой отсчета. К этому времени социальный протест перемещается в рабочие районы столицы и перерастает в нечто большее, что к 27 февраля 1917 г. приводит к созданию, с одной стороны, Временного правительства, с другой стороны, Петроградского Совета рабочих депутатов. Мы наблюдаем, как социальный протест перерастает непосредственно в революцию. Почему в революцию? Потому что создаются новые органы власти. Монарх еще не отрекся от престола, а новые органы власти уже созданы.

Легитимно или не легитимно действовал Временный комитет Государственной Думы? Не соглашусь с А.Б. Николаевым, который считает, что Дума и ее Временный комитет в это время проявляли какую-то очень большую активность. ВКГД был нелегитимен с самого начала. Никто из депутатов IV Государственной Думы его не избирал, никто его не назначал. Здесь собрались те, кто изъявил желание самостоятельно принять участие в частных заседаниях депутатов Государственной Думы, находившихся в это время в Петрограде. Именно они продолжили работу, приведшую к образованию Временного правительства первого состава.

Легитимна ли была сама Государственная Дума? Она могла быть легитимна, если бы ее председатель М.В. Родзянко призвал ВКГД безотлагательно возобновить заседания Думы, тем самым восстановив законодательную ветвь власти. Этого сделано не было. Напротив, он вместе с членами Временного правительства решил отложить возобновление работы Государственной Думы до успокоения на улицах Петрограда. Странное успокоение, которое завершилось в октябре 1917 г. приходом к власти большевиков. Дума так и не возобновила своей работы.

Когда мы говорим о власти как таковой, после отречения Николая II, мы должны понимать, что Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов восполнил лакуну, которую должна была закрыть Государственная Дума, — отсутствие законодательной ветви власти. Была исполнительная власть в лице Временного правительства, был Петроградский Совет, который издает целый ряд постановлений,

носящих характер законов. Петроградский Совет восполняет отсутствие законодательной власти до мая 1917 г., до созыва I Съезда Советов рабочих и солдатских депутатов. Но и далее Советы по-прежнему восполняли лакуну отсутствующей законодательной власти, несмотря на то что они вступили в контакт с Временным правительством и входили в состав коалиционных правительств.

Теперь о хронологии революции. Когда определялись хронологические рамки темы нынешнего коллоквиума, 1914–1922 гг. были определены исходя из того, что речь идет об эпохе войн и революций. Естественно, Первая мировая война и Гражданская война должны были быть обозначены. Что касается хронологии самой революции, и в частности ее завершения, то, как представляется, 10 января 1918 г. Великая русская революция 1917 г. была завершена. Почему? Потому что начавший работу III Съезд Советов рабочих и солдатских депутатов принял Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа — документ, который по своей сути был первым конституционным актом, который закрепил власть Советов. Новая власть была создана. Она носила легитимный характер.

По поводу учредительного собрания. Не могу согласиться с В.И. Шишкиным хотя бы потому, что выборы в Учредительное собрание провело не Временное правительство, а большевики. Именно большевики назначили дату его работы. Сначала 28 ноября, а затем открытие работ перенесли на 5 января 1918 г. Причины этого хорошо известны. Почему Учредительное собрание не выполнило свои функции? Об этом написано О.Н. Знаменским, Л.Г. Протасовым и другими исследователями. Оно после ухода большевиков и левых эсеров из зала заседаний в Таврическом дворце оказалось просто не в состоянии принимать никаких законодательных актов. У него не было кворума. Поэтому и закрытие Учредительного собрания было вполне естественно. Вернуться туда большевики и левые эсеры не могли. Они ставили перед Учредительным собранием условие принять Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. Правые эсеры и меньшевики отказались это сделать, подписав тем самым смертный приговор «хозяину земли русской».

Стоит ли раздвигать рамки революции? Сегодня в одном из комментариев прозвучала мысль о том, что Украинская революция отличается от Русской революции, точно так же как революция в Белоруссии отличалась от Русской революции. Не будем забывать, что конце 1917 г. происходит целый ряд событий, которые свидетельствуют о том, что новая власть — это всерьез и надолго. Лозунг национального самоопределения, который стал осуществляться с предоставления независимости Финляндии, большевики затем распространили на другие российские регионы, и на Закавказье, и на Беларусь, и на Украину. До 1922 г. там существовали самостоятельные государственные объединения. При существовании самостоятельных государственных объединений можем ли мы хронологию революции расширять до 1922 г.? С моей точки зрения, это абсурд. Мы не можем этого делать. С начала 1918 г. в бывшей Российской империи идут совершенно иные процессы, которые не связаны с развитием революционного процесса. Большевики свое дело сделали. Революция 1917 г. свое дело сделала. Она свергла монархию, сначала создав Временное правительство, которое затем, в силу своей несостоятельности вынуждено было уступить место большевикам. Я думаю, что об этом нужно серьезно говорить. И этот вопрос нужно серьезно исследовать. Хотелось бы, чтобы в ходе сегодняшней дискуссии проблемы, которые были подняты на нашей первой сессии, нашли свое отражение.

Уильям Розенберг

Мой вопрос к Э. Хейвуду. Мне хотелось бы, чтобы вы сказали несколько слов о трудностях, с которыми сталкивалась администрация железных дорог в период войны.

От профессора Хасегавы я хотел бы узнать, какую роль играл опыт Первой Русской революции 1905 г. и представление о Французской революции в тех событиях, которые развивались в Феврале.

Дикинс. Я хотел бы узнать, какие были отношения между уполномоченными с различными слоями населения. Они думали, что у них есть общая проблема? Они работали вместе?

Вера Каплан. Язык отгораживает нас от событий. Хотели ли эти люди этого сознательно?

Борис Иванович Колоницкий

Мне кажется, что докладчики и комментаторы поставили очень важные вопросы для нашей профессии. Один из вопросов — об актуальности наших исследований. Это очень важный вопрос. Почему? Потому что интерес к этой теме «пульсирующий». Интерес к Революции 1917 г. раньше был выше, чем сейчас. Почему аспиранты должны выбирать для себя тему изучения революции или смежные? Они выбирают то, что им интересно. Мне кажется, что мы живем сейчас в эпоху, которая актуализирует интерес к революции. Происходят события (назовем их революциями или не назовем — вопрос определения, метода и подхода), которые мы называем «Арабской весной», «цветными» революциями, Украинской революцией. Эти события, как мне кажется, ставят новые интересные вопросы перед историками Российской революции. Например, одна из проблем, которая необычайно актуальна, — проблема коммуникаций. Прежде всего это вопрос о передаче информации. Ситуация на местах в 1917 г. зависела от того, кто, когда и при каких обстоятельствах получил информацию о том, что происходило в Петрограде. В некоторых случаях это приводило к трагическим событиям, как, например, в Гельсингфорсе и Кронштадте, когда информация шла по разным каналам, и там был конфликт.

Также был поставлен вопрос о методе. Это очень важная вещь для нашей профессии. О том, что такое революция, когда она началась, когда закончилась, можно спорить долго и бесплодно, если каждый человек, который об этом говорит, не скажет четко, что он/она понимают под термином «революция». От этого будут отталкиваться и хронологические рамки, и объяснения. Иногда люди говорят о совершенно разных вещах, используя одно и то же слово, что не очень продуктивно в дискуссии. То же самое о легитимности. Конечно, большевики не использовали термин «легитимность» для самолегитимации, но они брали прозой, иногда не подозревая этого. Мы не должны путать язык описания современниками и наш аналитический язык. Кто-то сказал сегодня, что революция не выработала язык собственного описания, что мы находимся в поле влияния этого языка, неадекватного и иногда дезориентирующего. Но если мы используем понятие «легитимность», то мы должны говорить о разных конфликтах, разных принципах легитимации. Легитимация через закон — это один способ. Для большевиков же были важны другие вещи. Например, революция или мировая революция. Или, что связано с вопросом, поднятым в докладе В. Каплан, — кто участвовал в революции, кого именно описывали как важных революционеров. Это вопрос о конструировании легитимности. Это связано с проблемой, которая поставлена в до-

кладе профессора Хасегавы, который во многом опирается и даже усиливает тезис А. Б. Николаева. Кто для кого и чем был легитимен? Конечно, без Государственной Думы, которая воспринималась как легитимный орган, мы не можем себе представить революцию. Многие люди были втянуты в это движение, потому что ориентировались на этот орган. Но Государственная Дума ввязалась во всё это 27 февраля 1917 г., декларируя себя как альтернативный центр власти. Они, конечно, до этого нарабатывали свой оппозиционный авторитет, но открытый вызов власти был брошен 23 февраля. Но для многих других людей были важны другие принципы легитимации. Люди, которые участвовали уже 23, 24, 25, 26 февраля, строили свой авторитет на основании того, что они действовали на улице. Иногда сложно сказать, кто действует в данный момент. Иногда это ВКГД, а иногда люди, которые используют авторитет Государственной Думы. Например, об А. Ф. Керенском, который был членом Государственной Думы, можем ли мы сказать, что он всегда действовал ясно и выразительно как член ВКГД? Б. Д. Гальперина сказала как-то, что Родзянко и Керенский совершенно не напоминают Ленина и Троцкого в 1917 г. Это были совершенно разные люди, у которых были совершенно разные сценарии.

Это связано еще с одним очень важным вопросом, который поднят В. Каплан, и звучит в некоторых других докладах. Это вопрос об источниках. Одной из актуальных проблем, с которой мы сталкиваемся, изучая революции и эпохи кризиса, является асимметричность источниковой базы. Почему? А. Б. Николаев написал замечательную книгу, имея огромный, неисчерпаемый ресурс фонда 1278 и других фондов — это огромная канцелярия Государственной Думы, которая была заведена и оставила источники. Значит ли это, что не было других центров движения в это время? Петроградский Совет в это время своей бюрократией только обзаводился. У многих групп, которые так или иначе организовывали движение в предыдущие дни, не было своей канцелярии. Отчасти потому что они были подпольщиками и не должны были фиксировать свои действия. Как же тогда изучать события там, где асимметричные источники? Надо смотреть на природу движения. Эта дискуссия, может быть, зашла в тупик. Люди не слышат аргументов друг друга или используют методы, которые уже не дали плодов. Февральская революция стихийная? организованная? Уже надоела эта оппозиция.

Энтони Дж. Хейвуд

Я добавлю относительно Румынии. Мне не совсем понятно, как возможно было бы посылать товар через Румынию за границу и получать что-то тем же путем. Это отмечено в источниках, но как это возможно — не совсем понятно.

Нужно сказать, что я очень рад, что железнодорожная тематика привлекла столько внимания в этой секции. Я хотел бы ответить на вопрос, насколько реально была реорганизация железных дорог в течение войны. Нужно не забывать, что все воюющие страны испытывали те же проблемы, перед ними стояли те же самые задачи в сфере логистики. Во всех случился кризис с транспортом, в некоторой степени. Это было неудивительно. Спрос постоянно увеличивается, и, в конце концов, весь вопрос состоял в том, как справиться с этим спросом. Всегда было слишком много заявок на перевозки. Что касается вопросов проливов в этом контексте, то мне кажется, здесь мы имеем дело с возможным уменьшением общего давления на транспортную систему. По моему мнению, большого уменьшения не было нужно для того, чтобы намного облегчить ситуацию.

Мне кажется, что здесь нарратив нуждается в коренном изменении. В основном мы имеем дело с нарративом тех дней. Но кто знал, что произошло на железной дороге? Это было секретное дело. То, что опубликовано в газетах, далеко не являлось сутью дела. Все знают о расстройстве транспорта, в том смысле, что были проблемы с доставкой продовольствия. В 1916 г. министр А.Ф. Трепов упорно доказывал, что нет расстройства. Ему никто не доверял. На самом деле, в его техническо-служебном понимании этого слова расстройство действительно не было. Дороги работали еще более и более интенсивно в 1915–1916 гг. Дело было в другом: как в других воюющих странах, так и в России не было никакой возможности удовлетворить весь спрос на транспорт.

Впрочем, именно из-за этой проблемы получается нарратив всеобщей коррупции на российских железных дорогах. Конечно, примеров злоупотреблений очень много в прессе, в архивных источниках. Но каково было влияние таких преступлений на ход перевозок? Предполагаю, что в конце концов — маргинальное. Почему? Следует спросить, кто хотел дать взятку для совершения перевозки? Логично предположить, что те, кто не имел доступа к сети. Это прежде всего частные отправители, т. е. мелкие торговцы и т. п., поскольку частного движения было очень мало. Коррупция — это прежде всего своеобразная конкуренция между частными грузоотправителями. Что касается государственных перевозок — совсем другое дело. Сюда включаются не только военные грузы, но и основная масса грузов первой необходимости для мирного населения.

Нужно в таком случае спросить, что такое кризис на транспорте? Имеем нарратив развала, а в действительности дело в целесообразности решений по распределению имеющих ограниченных пропускных и провозных способностей.

Владимир Валерьянович Калашников

Как вы относитесь к работе американского историка Ш. МакМикина? Напомню его тезис о том, что эта война больше война России, чем Германии.

Энтони Дж. Хейвуд

Кратко: я не согласен с ним. Например, он утверждает, что мобилизация в России началась в секретном порядке около 12–25 июля. А на основании архивных дел я могу точно доказать, что никакой мобилизации на железных дорогах не было до 17–18 июля. Приведу лишь один пример. Когда начинается военная мобилизация, то общее коммерческое расписание на железных дорогах отменяется, вводится особое военное расписание. Это, безусловно, необходимо для правильной мобилизации. Но такого не наблюдается. Короче говоря, если мы согласны, что без мобилизации железных дорог нельзя проводить военную мобилизацию в 1914 г., то вполне ясно: никакой секретной мобилизации не было, если судить по архивным материалам железных дорог.

Цуёси Хасегава

Поскольку эта секция была посвящена Февральской революции, мне кажется, что вопросы о том, сколько было революций, выходят за рамки моего доклада. Я бы хотел сосредоточиться на вопросе о закономерности или случайности в революционных событиях. Почему российские либеральные элиты за исключением Миллюкова отказались принять конституционную монархию?

Мне кажется, отказ объясняется двумя причинами. Во-первых, это можно объяснить личной борьбой за власть между Милоковым и Родзянко. Это очень важный фактор. Родзянко как государственный деятель пользовался большой популярностью. Поэтому Милоков хотел получить санкцию на создание Временного правительства от нового царя, а не от Государственной Думы. Поэтому он настаивал на том, чтобы великий князь Михаил Александрович принял престол. Во-вторых, Милоков и кадеты не были полностью приверженцами Государственной Думы в качестве источника легитимности Временного правительства, потому что она представлялась пережитком, остатками старого режима.

Я хотел бы отметить, что существовал и важный психологический фактор, который очень сильно влиял не только на большинство либеральной элиты, но и на социалистов Петроградского Совета во время и после Февральской революции. Имела место боязнь восстановления самодержавия и авторитарного способа правления. Старательно пытались избегать всяких действий, которые могли бы считаться произволом. Эта боязнь, мне кажется, дошла до того, что элита колебалась даже в вопросе использования принудительной силы. И Временное правительство не хотело ее использовать. Я хотел бы обратиться к классическому определению государства, которое было дано Максом Вебером. Макс Вебер считал, что два основных условия должны быть выполнены для того, чтобы государство функционировало как настоящее государство. Во-первых, оно должно быть легитимно. Во-вторых, оно должно иметь в качестве *ultima ratio* монополию на легитимное применение силы, для того чтобы обеспечить соблюдение закона. Временному правительству не хватало ни легитимности, ни *ultima ratio*. Это означало что государство, созданное Временным правительством, не являлось настоящим государством. Я хотел бы подчеркнуть, что процесс распада государства при Временном правительстве происходил с марта по октябрь.

Господин Смирнов отметил важность изучения периода, предшествовавшего Февральской революции. Временный комитет Государственной Думы действительно не был легитимным. Это было частное собрание, основанное на легальном конвенте. С другой стороны, Петроградский Совет был создан после ВКГД. При этом очень важно, что Государственная Дума представляла собой не только законодательную власть. Это был символ восстания, это то, куда собирались восставшие массы. Государственная Дума и Родзянко, ее председатель, имели в этот момент огромную популярность.

У. Розенберг задавал вопрос об отношении между Французской революцией и Февральской революцией. Конечно, она имела большое влияние на конструирование новой власти. Появление института комиссаров, замена полиции милицией и т. п. А.Ф. Керенский еще до создания ВКГД 27 февраля настаивал на Учредительном собрании. Государственная Дума должна была объявить национальный сейм. Всё это было эхом Французской революции.

Наконец, я хотел бы отметить важный момент коммуникации и передачи информации в период Февральской революции. В этом смысле это была уникальная революция. Телефонов не было, а коммуникация осуществлялась с помощью телеграмм и аппарата Юза. Поэтому очень интересно смотреть, как Родзянко вел переговоры.

Вера Каплан

Изначально доклад планировалось назвать «Как революция превращается в историю», его идея заключалась именно в анализе процесса историзации

революционных событий. Можно ли распространить эту методологию на изучение деятельности органов власти или других общественных организаций, помимо исторических обществ? Безусловно, можно. У профессора И. В. Лукоянова есть очень интересное исследование, посвященное Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, сформированной «для расследования противозаконных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих высших должностных лиц как гражданского, так военного и морского ведомств». Следственная комиссия была создана как юридический орган, но по мере того, как с юридической точки зрения расследование заходило в тупик, акцент в ее деятельности переносился на сбор информации о функционировании царского режима в последние годы и месяцы его существования. Например, показания П. Н. Милюкова — это практически изложение одной из версий нарратива о разложении царизма. Кроме того, Общество по изучению Революции 1917 г. проводило опросы многих из тех, кто потом выступал в качестве свидетелей в следственной комиссии, среди них были Родзянко и Чхеидзе. Интересно (и важно) посмотреть, насколько уже сложившийся вариант ответа на вопросы исторического общества повторялся потом во время допросов в следственной комиссии. Само осознание февральских событий как великой и окончательной революции стимулировало интерес к сохранению ее истории, что проявлялось в деятельности многих организаций и учреждений, возникших в послефевральские недели и месяцы.

Чрезвычайно интересный вопрос задал профессор Розенберг по поводу процедуры сбора документов о революции и критериев их отбора. Идея заключалась в целенаправленном создании источников для будущих историков. Сохранилась рабочая тетрадь А. Е. Преснякова, в которой он пишет о том, как собирать материалы, как их хранить, и систематизировать. В рамках Общества по изучению Революции была разработана своего рода программа сетевого исследования: исторические комиссии должны были создаваться в воинских частях, на заводах, в университетах. «Комиссия Таврического дворца», которую возглавлял М. А. Полиевктов и которая занималась опросами главных действующих лиц Февральской революции, была одной из комиссий общества. Ее материалы были найдены и опубликованы сравнительно недавно профессором С. Ляндросом, но до сих пор неизвестно, что произошло с материалами других комиссий. Интересно, что в Волынском полку возглавлять историческую комиссию должен был «первый солдат революции» — Тимофей Кирпичников. После слияния Общества по изучению Революции с Обществом Дома-Музея памяти борцов за свободу и особенно после октября 1917 г. предпринимались попытки тематического сбора материалов, например об экономическом положении рабочих. В первую очередь, однако, считалось необходимым фиксировать происходившее в воинских частях, которые многократно переформировывались — старые исчезали, новые появлялись. Поэтому важно было собрать материалы о каждом из воинских подразделений до того, как оно переставало существовать. Очень активно занимался этим в конце 1917 — начале 1918 г. С. Н. Валк, хорошо известный петербургским историкам; за организационные аспекты деятельности общества отвечал в это время С. А. Венгеров. Систематическая, хорошо организованная с источниковедческой точки зрения работа по сбору материалов о революционных событиях проводилась до середины 1918 г.

Был задан вопрос о том, как появляется идея истории современности — ведь принято считать, что историей признавалось только то, что было до «нынешнего»

царствования. Этот процесс начался задолго до 1917 г., еще в конце XIX в., и во многом его инициировали исторические общества, и прежде всего общества промонархические. В моей книге о дореволюционных исторических обществах, которая выйдет в свет в следующем году, я подробно пишу об Обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III, возникшем в 1895 г. Будучи глубоко политизированным, общество ставило своей задачей борьбу против либерализма и либералов, а потому с помощью конкурсов исторических сочинений и активной издательской деятельности стимулировало появление работ, представлявших события недавнего прошлого в совершенно определенном консервативном духе. Следующий шаг был сделан в годы Первой мировой войны, когда была поставлена задача собрать материалы о героях войны. На фронте проводилось «интервьюирование» солдат, получивших Георгиевские кресты, и офицеров, награжденных за храбрость, в тылу устраивались выставки, где представлялись собранные в ходе таких военно-исторических экспедиций материалы. Таким образом, процесс актуализации истории был уже достаточно интенсивным, но он приобрел новый смысл во время революции.

Я хотела бы сказать несколько слов о двух других докладах — они были чрезвычайно интересными. Я думаю, что тема А. Дикинса имеет огромный потенциал. Существует идея, высказанная профессором фон Хагеном в кембриджской «Истории России» (*The Cambridge History of Russia*), о постепенном превращении земско-городского союза и кооперативных союзов в семи-государственные структуры, происходившем в годы Первой мировой войны. Возникновение таких структур в условиях военного времени, согласно Хагену, делало неизбежным изменение политического строя России. Исследование красноярских кооперативов позволяет проследить, как шел процесс «этатизации» и политизации кооперативного движения на региональном уровне.

Кроме того, вопрос о деятельности кооперативных организаций связан и с более широкой темой формальных и неформальных добровольческих ассоциаций и проблематикой гражданского общества в России в целом. Как следует из работ Джозефа Брэдли, добровольческие ассоциации возникают в России в XVIII в., к началу XX в. существовала уже разветвленная сеть таких ассоциаций, и было бы чрезвычайно интересно проанализировать взаимодействие социалистических кооперативов с неполитическими общественными организациями. Уже сейчас понятно, что в рамках такого взаимодействия возникала система неформальных личных связей и персональных отношений, которая вышла на первый план с распадом формальных государственных и общественных институций.

Относительно доклада о железнодорожном транспорте: говоря о железных дорогах, важно принимать в расчет также степень организованности рабочих и их опыт профсоюзного движения, позволивший создать летом—осенью 1917 г. мощный профсоюз железнодорожников. О том, какую роль играл исполком этого профсоюза, знаменитый Викжель, после Октябрьского переворота, написано много; о нем писала Зинаида Гиппиус в стихотворении «Сейчас» в ноябре 1917: «Мы стали псами подзаборными, / Не уползти! / Уж разобрал руками черными / Викжель — пути...» Было бы интересно включить в исследование работы железных дорог в предреволюционный период и вопрос о политических настроениях железнодорожников и деятельности их рабочих организаций.

Относительно вопроса об актуальности темы революции. После того, как начались революции «Арабской весны» на Ближнем Востоке, ко мне обратился корреспондент одной из ведущих израильских газет с просьбой рассказать о том, как произошла Февральская революция. Сравнение Февраля и современных революций показывает, что, несмотря на все исторические различия, режим «рушится» в тот момент, когда нарушается сплоченность элит. С этой точки зрения практически все доклады коллоквиума в той или иной степени касаются вопроса о том, как развивался кризис в отношениях между властью (монархом) и правящей элитой.

Алистер Дикинс

Профессор М. Стейнберг задал вопрос о политической культуре Февраля и о том, была ли возможность из-за этой культуры получить другой, допустим, более демократический Октябрь. После Февральской революции очень быстро изменилась политическая культура, изменились практики, или принципы революционной политики. Один аспект этого — роль классовой борьбы. В первые дни революции работали совместно различные органы власти — Совет и Комитет общественной безопасности. Но после марта стала возрастать важность идеи классовой борьбы. Из-за этого они перестали совместно работать. Еще один аспект — это роль политических партий. Практика выборов очень быстро изменилась в первые месяцы революции. Партии стали очень важны в организации выборов. Это, по моему мнению, один из важных аспектов развития однопартийной диктатуры.

Вопрос о свержении царизма в провинциях и о том, было ли вообще свержение царизма в провинциях. Я понимаю, что революция началась в центре, в Петрограде, но мне кажется, что было настоящее свержение царизма и в провинциях. Один западный историк, Д. Рейли написал в своей очень важной книге, что нужно смотреть на провинцию в первые дни революции не просто как на продолжение революции в Петрограде, но и как на самостоятельные революции. Мне кажется, это важный подход к этому вопросу. Мы знаем, что революция стала общероссийской очень быстро, но также можно задать вопрос, почему так произошло.

Вопрос о социалистах и совместной работе легальных и нелегальных организаций. Это вопрос о разнице между принципами и практиками. Можно сказать, что легальные или нелегальные организации должны работать совместно, но как на практике это произошло, нам тоже нужно узнать. И я согласен, что Первая мировая война была очень важным моментом в этом процессе, потому что она (т. е. война) сделала возможным для социалистов активно действовать в органах местного управления.

Вопрос об отношении кооперативов с населением. Нужно отметить, что первыми членами кооперативов в Красноярске были железнодорожники. В ходе войны произошел огромный рост членства кооперативов, как и везде в России. Кооперативы смотрели на проблемы продовольствия как на общегосударственные проблемы и проблемы общества в целом. Поэтому они хотели совместно работать с другими слоями населения. Также нужно отметить, что кооперативные активисты боялись, что новые члены в кооперативе не будут достаточно сознательны.

Секция 2

РЕВОЛЮЦИЯ И ПРАВО, РЕВОЛЮЦИЯ И СУД

Андрей Борисович Николаев

ВРЕМЕННЫЕ СУДЫ В ПЕТРОГРАДЕ (МАРТ–ИЮЛЬ 1917 Г.): ВЗАЕМ И ПАДЕНИЕ

3 марта 1917 г. министр юстиции А.Ф. Керенский издал приказ № 2 о создании в Петрограде временных судов, каждый из которых должен был состоять из трех человек — мирового судьи, представителя от армии и представителя от рабочих¹. Временный суд, который функционировал в Петрограде в марте–июле 1917 г., называли судом совести², народным судом³, судом революционного народа⁴. Цель данной статьи — дать краткую характеристику деятельности временных судов, рассказать о попытках их реформирования и закрытии.

Судебная практика

Временные суды начали работу в Петрограде 7 марта 1917 г. Из 60 камер мировых судей временные суды были введены только в 21. Каждая из них имела три состава: «Один — судит, другой — ездит по местам заключения и опрашивает арестованных. Третий состав отдыхает»⁵. Тех, кто захвачен случайно, тотчас же освобождают. Третий состав отдыхает»⁵.

Современник, сравнивая порядки в дореволюционном мировом и временном судах, писал: «У мировых судей была ужасная привычка: приглашая стороны и свидетелей явиться в камеру к одиннадцати часам утра, они сами вечно опаздывали и сплошь только в час дня открывали заседание. Не то теперь: ровно в десять судья на месте»⁶. Изменилось и другое: «На обоях выделяется квадратный след от снятого портрета Николая II. Стол выдвинут в середину камеры»⁷. Со стола «убрано зеркало»⁸. За столом: «Председатель — мировой судья, без цепи, справа от него — рабочий, слева солдат с университетским значком»⁹. «Петроградский листок» тоже

¹ Приказы министра юстиции // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 2–3. С. 50.

² Д-да-с, теперь не подебоширишь! Из камеры Временного суда // Маленькая газета. 1917. 6 мая; О временных судах / Городские дела / Хроника // Новое время. 1917. 17 апреля.

³ По городу // Биржевые ведомости. 1917. 29 марта (вечерн. вып.); *Асов*. Странный кортик // Петроградская газета. 1917. 24 июня.

⁴ Провокатор / Перед судом революционного народа // Русская воля. 1917. 18 марта (вечерн. вып.); *Михайлов Д.* Перед судом революционного народа // Там же. 22 марта (вечерн. вып.); Неожиданный финал / Перед судом революционного народа // Там же. 25 марта (вечерн. вып.).

⁵ *Тан*. Всё по-новому. I. Во Временном суде // Русская воля. 1917. 11 марта (вечерн. вып.).

⁶ *Зрячий*. Во Временном суде. (С натуры) // Петроградский листок. 1917. 4 мая. Иллустр. прилож. к № 188. С. 7.

⁷ *Антипов К.* В камере Временного суда. (С натуры) // Рабочая газета. 1917. 26 марта.

⁸ *П.И.Р.* У новых мировых судей // Новое время. 1917. 9 марта.

⁹ *Антипов К.* В камере Временного суда. (С натуры) // Рабочая газета. 1917. 26 марта.

писал о судьбе от солдат с университетским значком¹, который входил в одну из смен Х временного суда (Невский пр., д. 88, Литейный район).

Современники событий положительно оценили судопроизводство временных судов. «Новое время» писало: «Из судопроизводства выкинута вся громоздкая канцелярщина, присущая суду старого порядка. <...> Судопроизводство во временных камерах идет гладко»². «День» сообщал, что при работе временных судов в местах заключения судьи, «избегая ненужных формальностей», «освобождали неправильно арестованных»³.

Перед временными судами за всё время их существования прошли представители различных групп населения столицы, и все в большей или меньшей степени испытали на себе силу народного правосудия. В связи с этим особый интерес представляет вопрос о том, насколько временные суды были связаны материальным и процессуальным законом. Для ответа необходимо использовать те материалы, которые не привлекались исследователями в полной мере⁴. Речь идет в первую очередь о постановлениях (приговорах), выносимых временными судами. В них должны содержаться отсылки к статьям тех или иных законов, на основании которых и выносились приговоры. В фонде 1279 (Следственная комиссия при Государственной Думе) нами выявлено 78 копий постановлений XVIII временного суда⁵ и 1 копия постановления II временного суда⁶. Установлено, что в 74 постановлениях отсылок на законы нет. В фонде 1405 (Министерство юстиции) РГИА хранится несколько десятков поднадзорных дел, возникших в результате жалоб лиц, приговоренных временными судами к различным наказаниям. Напомним, что обжалованию приговоры временных судов не подлежали, но могли быть отменены министром юстиции в порядке надзора (§ 16 «Инструкции для временных судов»). В поднадзорных делах отложились копии протоколов судебных заседаний, определений временных судов и приговоров, а также выписки из книг временных судов. В этих книгах должны были делать записи, в том числе и о том, какое наказание вынесено осужденному временным судом. Анализ всех этих документов в изученных нами поднадзорных делах позволяет утверждать, что в большинстве случаев временные суды, вынося приговоры, не указывали, на основании каких законов наложено то или иное наказание⁷.

Вместе с тем документы, отложившиеся в поднадзорных делах, показывают, что временным судам не была чужда связанность законом. Так, нами выявлено пять постановлений XVIII суда, содержащих отсылки на законы. 19 марта суд единогласно постановил А. И. Юрякину «на основании указа [об] амнистии из-под ареста

¹ См., напр.: *Ф-дер Е. Новое правосудие (Во Временном суде)* // Петроградский листок. 1917. 10 марта.

² *П. И. Р. У новых мировых судей* // Новое время. 1917. 9 марта.

³ Первый день // День. 1917. 8 марта.

⁴ См., напр.: *Лонская С. В. Мировая юстиция в России*. Калининград, 2000. С. 152–154.

⁵ РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 4. Л. 14; Д. 5. Л. 23, 75, 76, 80, 82; Д. 6. Л. 39, 42, 48, 49, 83–85, 95, 97, 101; Д. 8. Л. 4–6, 37, 43; Д. 9. Л. 19, 22; Д. 12. Л. 31, 37; Д. 13. Л. 24–27, 31, 42; Д. 15. Л. 34, 50, 54; Д. 17. Л. 29; Д. 18. Л. 5; Д. 20. Л. 46, 47; Д. 22. Л. 2, 14, 15, 21, 22, 29, 44; Д. 24. Л. 5, 13, 30; Д. 26. Л. 6; Д. 27. Л. 23; Д. 28. Л. 6, 31, 43, 45; Д. 30. Л. 19; Д. 31. Л. 6, 11; Д. 34. Л. 6, 16, 61, 64–66, 73, 78, 86, 98, 104, 107, 110, 112, 115, 142, 145, 151, 155, 165, 170.

⁶ Там же. Д. 24. Л. 26.

⁷ См., напр.: РГИА. Ф. 1405. Оп. 186. Д. 1902. Л. 3.

освободить»¹. 22 марта суд рассмотрел дело о бывшем рядовом 435-го Ямбургского пехотного полка И.Д. Аникине, осужденном в 1916 г. за побег к каторжным работам на 1 год. Он единогласно постановил: «Аникина на основании п. 6 и 12 Указа об амнистии <...> препроводить в распоряжение прокурора В[оенно]-окр[ужного] суда»². В этот же день суд рассмотрел дело бывшего рядового В. Сундюкова, осужденного ранее к 1 году дисциплинарного батальона. Суд единогласно постановил «Сундюкова на основании п. 6 и 12 Указа об амнистии препроводить этапному коменданту для направления в[о] 2[-й] зап[асной] пех[отный] батал[ьон]»³. 20 марта XVIII временный суд постановил признать обвиняемого «на осн[овании] статьи 5 врем[енных] прав[ил] подлеж[ающим] прибыть в распоряжение Петр[оградского] общ[ественного] градоначальства <...> 21 марта 1917 г.»⁴ В этот же день этот суд единогласно постановил бывшего пристава 3-го участка Александро-Невской части подполковника П. Кваснецкого на основании ст. 17 Временных правил «признать подлежащим личному задержанию при Городск[ом] арестном доме»⁵. Необходимо подчеркнуть, что здесь речь идет, конечно, не о законах царского времени, а о постановлениях новой власти — Указе об амнистии от 7 марта 1917 г.⁶ и Временных правилах об освобождении арестованных и производстве новых арестов в городе Петрограде⁷. Ссылались на законы, вынося приговоры, и другие временные суды. 8 июня 1917 г. VIII временный суд (ул. Казанская, д. 40, Казанский район) рассмотрел дело Н.А. Шуляковой по обвинению «за участие в краже по уговору нескольких лиц». В книге временного суда записано, что она «заключена в тюрьму на один год» по ст. 169, п. 5, 170 и 172 Уложения о наказаниях⁸. Вынесенное наказание соответствовало указанным статьям, но не Уложения о наказаниях, а Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. В копию протокола судебного заседания III временного суда (Обводный канал, д. 121, Александро-Невский район) от 26 июня 1917 г. включен приговор, который гласил: «За нарушение закона 27 августа 1916 года [квартирный закон. — А. Н.] Михаила Панфиловича Кузнецова оштрафовать в тысячу рублей, а при несостоятельности его арестовать на три месяца»⁹. Определение X временного суда от 17 июля 1917 г. содержало указание на то, что суд заслушает дело по обвинению Н.И. Полешко по ст. 26 и 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями¹⁰.

Вместе с тем отсылка к тому или иному закону не являлась гарантией прочной связи с ним (т. е. с законом). Например, Н.И. Полешко, которого обвиняли по ст. 26 и 29 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, привлекли к суду за нарушение Указа от 13 сентября 1914 г.¹¹ Но, даже сознавая факт игнорирования

¹ РГИА. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 31. Л. 6.

² Там же. Д. 34. Л. 155.

³ Там же. Л. 170.

⁴ Там же. Д. 20. Л. 47.

⁵ Там же. Д. 34. Л. 104.

⁶ Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Отдел первый (далее — СУ). 1917. № 55. 7 марта. Ст. 346.

⁷ Вестник временного правительства. 1917. 18 марта.

⁸ РГИА. Ф. 1405. Оп. 186. Д. 1844. Л. 17.

⁹ Там же. Д. 2065. Л. 6.

¹⁰ Там же. Д. 1891. Л. 9.

¹¹ Ст. 1 Указа приостанавливала производство исковых дел, в которых одной из тяжу-

закона, X временный суд не стремился вернуться в правовое поле. В определении этого суда от 17 июля 1917 г. указано: «<...> Временный суд, приступая к рассмотрению дел о военных чинах, с момента возникновения своего до сей поры не руководствовался совершенно Указом от 13 сентября 1914 года, что, таким образом, X-му временному суду пришлось уже постановить целый ряд судебных приговоров за разного рода внеслужебные проступки и преступления, совершенные воинскими чинами в Петрограде». Именно поэтому обвиняемый Н.И. Полешко «не может быть исключением»¹.

В судебной практике временных судов встречаются случаи превышения законной меры наказания. В частности, они обнаруживаются в приговорах временных судов по делам о домовладельцах, которые обвинялись в антисанитарии. 20 марта 1917 г. один из временных судов Васильевского острова рассмотрел жалобу квартиронанимателей дома Борхова «на в высшей степени антисанитарное состояние этого дома». Временный суд приговорил домовладельца «к уплате штрафа в 10 000 руб. или при не взносе штрафа к аресту в тюрьме на 1 г. и 6 мес.». Кроме этого, суд обязал Борхова «в семидневный срок привести принадлежащий ему дом в полный порядок». В приговоре суда, по словам «Биржевых ведомостей», также была указана мера, которую предполагалось применить против Борхова, если он не приведет «дом в полный порядок»: «Предложить городскому самоуправлению вступить в управление домом <...> Борхова и за его счет произвести необходимый ремонт»². В начале апреля 1917 г. по постановлению VIII временного суда владельца дома № 113 по Екатерининскому каналу А.Е. фон Таль «за лишение жильцов воды» подвергнута «штрафу в 10 000 р. или аресту при тюрьме на полтора года»³. В апреле 1917 г. жильцы дома № 5 по Коломенской улице через созданный ими домовый комитет обвинили владельца дома, гласного Петроградской городской думы подполковника Н.И. Полешко в том, что «он содержит свой дом крайне неряшливо в пожарном и техническом отношении». Домовой комитет неоднократно обращался в местный комиссариат с просьбой повлиять на Полешко. Можно утверждать, что по одной из жалоб жильцов дома был составлен милицейский протокол, переданный затем во Временный суд. 11 апреля Временный суд приговорил Полешко «за антисанитарию дома № 5 по Коломенской ул.» к штрафу в 6 тыс. руб. или, в случае несостоятельности, к аресту на 6 месяцев⁴. 12 мая 1917 г. XVI временный суд рассмотрел дело В.А. Рунова и за антисанитарное содержание дома присудил его к денежному взысканию в размере 6 тыс. руб. или тюремному заключению на 6 месяцев⁵. Приговор Рунов обжаловал. 10 июня 1917 г. Министерство юстиции постановило отменить приговор и передать его дело для нового рассмотрения в XVII временный суд (ул. Красносельская, д. 16, Петроградский район). Среди

шихся сторон были чины военного и морского ведомства, находившиеся в составе действующей армии или команде флота, «впредь до истечения трех месяцев со дня приведения армии и флота на мирное положение <...>» (СУ. 1914. 18 сентября. № 258. Ст. 2383. С. 3595).

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 186. Д. 1891. Л. 9.

² Хроника // Биржевые ведомости. 1917. 21 марта (вечерн. вып.).

³ Наказанный домовладелец / Разные известия // Новое время. 1917. 8 апреля.

⁴ Заразные гласные, поберегитесь! // Живое слово. 1917. 12 апреля; «Антисанитария» г. Полешко. Штраф в 6000 руб. за антисанитарное состояние дома // Петроградская газета. 1917. 12 апреля.

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 185. Д. 1442. Л. 2.

причин отмены приговора указывались следующие: «1) что в означенном приговоре не содержится указаний на такие действия Рунова, которые с точки зрения действующих законов могли бы признаваться преступными. 2) что признанные судом доказанными недочеты содержания дома находятся в резком противоречии с актами осмотра дома Рунова, составленными 4 мая экспертом архитектором Цейль и 27 мая милицией 3 подрайона Петроградской стороны»¹. 19 июля 1917 г. дело Рунова поступило в XVI временный суд². Судя по имеющимся в поднадзорном деле документам, в XVII временный суд вплоть до прекращения деятельности временных судов его так и не передали.

До революции преследование домовладельцев Мировым судом о делах санитарных производилось по ст. 29 (26) и 55 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями³. Ст. 29 устанавливала, что «за неисполнение законных распоряжений, требований или постановлений правительственных и полицейских властей, <...> когда сим Уставом не определено за то иного наказания, виновные подвергаются денежному взысканию не свыше пятидесяти рублей». Ст. 26 обязывала исполнить упущенное. Иначе говоря, дополнительно к денежному взысканию виновный должен был восстановить нарушенный порядок. Ст. 55 подвергала виновных «в неисправном содержании помойных ям и отхожих мест, а равно в несоблюдении правил о чистоте и опрятности во дворах» денежному взысканию не выше 15 руб.⁴ Более строгие наказания были для лиц, нарушивших обязательные постановления правительственных или полицейских властей. Так, 26 января 1916 г. главный начальник Петроградского военного округа князь Н. Е. Туманов подписал, а 2 февраля опубликовал обязательное постановление о норме тепла в квартирах с отоплением от домовладельцев, за нарушение которого следовало наказание в административном порядке — штраф 3 тыс. руб. или заключение в тюрьме, либо арест до 3-х месяцев⁵.

Временные суды в некоторых случаях выносили приговоры по делам, не подлежащим судебному преследованию. «Маленькая газета» рассказала о деле рабочего Невского механического завода Звонарева и его друга Половиникова, решивших выпить после «тяжелого трудового дня». Они достали «по бешеной цене» полбутылки спирта, пришли на квартиру к Звонареву, сели за стол «с легкой закуской» и «начали выпивать, радуясь завоеванию полной свободы». Не успели они выпить и по паре рюмок, как Звонарев был вынужден открыть дверь патрулю, во главе с милиционером. Как выяснилось, тот имел предписание коменданта Невского района на производство обыска. В результате обыска нашли полбутылки спирта, распитой наполовину. Звонарева и Половиникова «за такое преступление» отвели в Комиссариат, составили протокол и вскоре вместе с протоколом препроводили во Временный суд. Он присудил каждого за распитие спирта к штрафу в 50 руб.⁶

¹ Там же. Л. 5.

² Там же. Л. 5 об.

³ См.: ЦГИА СПб. Ф. 520. Оп. 1. Д. 174.

⁴ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями по официальному изданию 1914 года. С извлечениями из решений Правительствующего Сената, главных военного и военно-морского судов, Свода Законов, сводов военных и морских постановлений, с указанием подсудности, судопроизводственных правил и приложениями / Сост. В. В. Волков. Пг., 1916. С. 85, 90, 159.

⁵ Ведомости Петроградского градоначальства. 1916. 2 февраля.

⁶ Наша милиция. Точно прежде: наша полиция // Маленькая газета. 1917. 20 мая.

Подчеркнем, что ни в законе от 10 июля 1916 г.,¹ ни в законе от 13 мая 1917 г.² нет нормы, которая предусматривала бы наказание за распитие алкогольных напитков дома. М.С. Раввич писал, что «часто вр[еменные] суды присуждают к тюрьме и аресту за деяния, по закону непроступные (покупка водки, “праздношатание” и т. п.)»³.

Временные суды также порывали связь с процессуальным законом, в частности не допрашивали свидетелей защиты. Так, II временный суд (ул. Гончарная, д. 25, Александро-Невский район), рассмотрев 28 июня дело рабочего-железнодорожника Андриана Чижова по обвинению в краже, вынес обвинительный приговор, опираясь на показания только лишь одного свидетеля обвинения Куриловича и отказавшись вызвать свидетелей защиты, указанных обвиняемым. Суд определил по ст. 169 Устава о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, подвергнуть Чижова тюремному наказанию на 6 месяцев. В прессе сообщалось, что «приговор прошел голосами временных судей — солдатского и рабочего представителя» и при особом мнении мирового судьи⁴. На приговор суда была подана жалоба на имя министра юстиции. 22 июля за № 10443 товарищ министра юстиции В.Я. Вальц, подписавший документ за министра юстиции, предложил II временному суду «состоявшийся по настоящему делу приговор суда 28 июня 1917 г. отменить» и дело для нового рассмотрения передать III временному суду «с оставлением Чижова на свободе». Вальц мотивировал это предложение тем, что «судом не были допрошены указанные Чижовым свидетели Лисовский и Большаков». Они, как писал товарищ министра, «должны были удостоверить, что осужденный в ночь совершения кражи работал по составлению поездов и участвовать в краже не мог». Отказом же в допросе этих свидетелей «суд нарушил существенное право защиты»⁵. 6 мая VIII временный суд рассмотрел дело о продаже К.И. Селезневым в своей лавке (Екатерининский кан., д. 97) недопеченного хлеба. Его приговорили «за продажу недопеченного, вредного для здоровья хлеба» к денежному штрафу «в размере 2000 руб., с заменой, в случае неплаты, заключением в тюрьме на четыре месяца»⁶. При этом не были допрошены свидетели защиты — пекарь Н.В. Шишков и контролер над пекарнями III Казанского подрайона И.З. Воловик. Временный суд также не передал на заключение эксперта хлеб, произвольно признанный недопеченным и вредным для здоровья⁷. М.С. Раввич, говоря о нарушении временными судами процессуальных норм, писал: «Свидетели-милиционеры давали показания суду сидя, один из свидетелей был одновременно и экспертом»⁸.

¹ СУ. 1915. № 204. 16 июля. Ст. 1604.

² СУ. 1917. № 123. 31 мая. Ст. 657.

³ *Раввич М.С.* Временные суды // *Право.* 1917. № 17. 13 июня. Стб 972.

⁴ Конфликт временного суда с министром юстиции // *Живое слово.* 1917. 28 июля; Дело А. Чижова 21 и 28 июня 1917 г. рассматривал II Временный суд Адмиралтейского района в составе: столичный мировой судья 23-го участка Николай Николаевич Булгаков и выборные судьи С. Половков и Ив. Юдинсон (РГИА. Ф. 1405. Оп. 186. Д. 2081. Л. 9 об.).

⁵ РГИА. Ф. 1405. Оп. 186. Д. 2081. Л. 8.

⁶ Там же. Оп. 185. Д. 1375. Л. 6.

⁷ Там же. Л. 2–3.

⁸ *Раввич М. С.* Временные суды. Стб 972.

От попыток реформирования к ликвидации петроградских временных судов

Практически с первых дней работы временных судов звучали голоса в пользу реформирования их деятельности. По сообщению «Русской воли», «представители мировой юстиции, в интересах правильного и свободного от политических эксцессов отправления правосудия, неоднократно высказывались за необходимость допущения защиты» при рассмотрении дел во временных судах. При этом, по словам прессы, мировые судьи ссылались на общий принцип «предоставления обвиняемому всех средств и способов защиты». «Русская воля» также озвучила предложение, видимо, исходившее также от представителей мировой юстиции об организации при временных судах института «обязательных защитников хотя бы по тем делам, которые влекут за собой тюремное заключение <...> до одного года и шести месяцев»¹. Любопытно, что именно мировые судьи первыми начали критику временных судов за непредоставление «обвиняемому всех средств защиты»! Они действительно могли считать нарушение права на защиту веским основанием для критики временного суда. Но почему они не внесли этот пункт в «Инструкцию для временных судов» от 6 марта 1917 г., в выработке которой участвовали? Думается, этот вопрос послужил лишь поводом для начала борьбы мировых судей против временных судов, где они чувствовали себя, несомненно, некомфортно. Мировые судьи, работавшие во временных судах, по утверждению прессы, были недовольны, например, тем, что «им приходится быть вроде арестованных: они обязаны [были] находиться в камерах от 10 час. утра до 5 час. вечера в ожидании прихода подсудимых»². Присяжный поверенный И.Л. Балинский намекал на то, что мировой судья как цензовый элемент оказался во временном суде в меньшинстве, так как представителей демократии было двое — судья от солдат и судья от рабочих. В связи с этим заявил: «<...> допущение адвоката в демократизированный суд дало бы равный процент участия классовых представителей: с одной стороны судья и адвокат, как юристы и представители известного класса, а с другой — два представителя демократии»³. Самым тяжелым испытанием для мировых судей стало то, что они теперь принимали решения не единолично, а коллегиально. Учитывая же, что решения временные суды принимали большинством голосов, а члены суда пользовались равными правами, то мировой судья был обречен оставаться при своем мнении⁴, тогда как приговоры и постановления суда проходили голосами судей от рабочих и солдат.

Вскоре критику временного суда начали присяжные поверенные, которые в связи с общей остановкой каких-либо судебных процессов, видимо, рассчитывали найти в них занятие по специальности. Пресса сообщала, что среди критически настроенных к временным судам «есть адвокаты, доказывающие, что суд без адвокатов — не суд»⁵. Не исключено, что присяжные поверенные были также недовольны преследованием со стороны временных судов отдельных членов их сословия.

¹ Назревший вопрос // Русская воля. 1917. 18 марта (вечерн. вып.).

² *Е. Ф-дер.* Новое правосудие (Во Временном суде) // Петроградский листок. 1917. 10 марта.

³ *Е. Ф.* Народный суд. (Из беседы с юристами) // Петроградский листок. 1917. 7 апреля.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 184. Д. 783. Л. 9; Там же. Оп. 186. Д. 2065. Л. 1; 2081. Л. 10; и др.

⁵ *Е. Ф.* Народный суд. (Из беседы с юристами) // Петроградский листок. 1917. 7 апреля.

М.С. Раввич привел примеры «приговоров, несомненно, опасных для правосудия»: «Так, недавно вр[еменный] суд оштрафовал присяж[ного] поверенного за то, что он <...> защищал домовладельца. Другой прис[яжный] пов[еренный], назначенный опекуном над имуществом, подвергся строгому выговору за вину дворника»¹. Видимо, во второй декаде марта Юридический отдел Всероссийского союза городов «возбудил вопрос об организации постоянной защиты при временных судах»² и обратился с этим заявлением в Петроградский совет присяжных поверенных³. По сообщению прессы, тогда же прошло заседание Совета присяжных поверенных, в котором приняли участие председатель Мирового столичного съезда В.В. Меншуткин, присяжные поверенные М.Л. Гольдштейн, А.А. Исаев и др. На нем решили «организовать защиту во временных судах из членов сословия, которые выразят на это свое согласие»⁴. Но организация этой группы присяжных поверенных затянулась.

12 апреля председатель ревизионной комиссии, гласный Н.Н. Клименко внес в городскую думу запрос о временных судах. Он предложил ходатайствовать перед министром юстиции об изменении «Инструкции для временных судов» от 22 марта 1917 г. путем внесения в нее права обжалования и кассирования приговоров временных судов. Городская дума единогласно постановила передать этот запрос на заключение городской юридической комиссии «по вопросу о приемлемости сделанного предложения и о той форме, в какой оно могло бы быть представлено министру юстиции». Для выяснения этого вопроса комиссию дополнили Ф.Н. Паршиным, Г.Б. Слиозбергом, А.А. Исаевым⁵. Комиссия под председательством первоприсутствующего сенатора II департамента Пр. Сената И. М. Тютрюмова приняла решение: «Временный суд, ныне действующий, является судом совести, и как суд совести, он рассматривает каждое дело по существу, не вдаваясь в излишние формальности. Апелляционный суд на суд совести, как и на суд присяжных заседателей, не может быть допущен». Юридическая комиссия вместе с тем предложила улучшить надзор за временными судами. Предлагалось обратиться к министру юстиции А.Ф. Керенскому «об учреждении при нем, как генерал-прокуроре, особой комиссии», в которую вошли бы представители Министерства юстиции, Мирового съезда и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. В эту комиссию «могут быть подаваемы жалобы по делам, рассматриваемым временными судами, в течение трех дней». Комиссия, по замыслу авторов предложения, не могла бы изменить приговор временного суда, но могла «отменить решение и передать дело на новое рассмотрение того же временного суда»⁶. Но и это предложение осталось лишь на бумаге.

В среде присяжных поверенных были сторонники закрытия временных судов. Присяжный поверенный О.С. Трахтерев, обращаясь к мировым судьям, процитировал слова Н.Н. Клименко о том, что «нигде в мире нет суда без апелляции и кас-

¹ Раввич М. С. Временные суды. Стб 972.

² Е. Ф-дер. Новое правосудие (Во Временном суде) // Петроградский листок. 1917. 10 марта.

³ Временные суды // Современное слово. 1917. 1 июля.

⁴ Там же.

⁵ Разные / Обжалование приговоров временных судов / Петроградская хроника // Известия Петроградской городской думы. 1917. № 5–6, май–июнь. С. 201.

⁶ О временных судах / Городские дела / Хроника // Новое время. 1917. 17 апреля.

сации», и от себя добавил: «...суда, где бесконтрольными судьями могут оказаться полуграмотные люди, для которых дух закона, состав преступления, уголовное правосознание совершенно недоступны». Запугивая тем, что временные судьи могут увлечься коммунистическими идеями, Трахтерев призвал мировых судей пойти и сказать министру юстиции: «Довольно! Роль, которая предназначалась Временному суду, уже сыграна»¹.

Почему же ни одно из предложений о реформе временных судов или их закрытии не было проведено в жизнь? Дело в том, что уже в середине апреля комиссия при Министерстве юстиции при участии председателя Петроградского столичного мирового съезда В.В. Меншуткина выработала законопроект о реформе местного суда, «предположенный к введению в непродолжительном времени». Меншуткин писал, что «по проекту Мировой суд в Петрограде восстанавливается в том его виде, в каком он был создан судебными уставами 20 ноября 1864 года при участии в выборах всего населения»². Естественно, временные суды с принятием этого закона должны были прекратить свою деятельность. Поэтому предложения о реформе или закрытии временных судов уже запоздали.

4 мая 1917 г. Временное правительство приняло закон «О временном устройстве местного суда», который «предоставил министру юстиции «озаботиться упразднением, в меру признанной им возможности, временных судов»³. Ю.С. Токарев заметил, что этим постановлением «предусматривалось упразднение судебных установлений, введенных массами по своему почину»⁴. 30 мая пресса сообщала, что Совет при городском голове Ю.Н. Глебове поставил вопрос «о восстановлении института мировых судей для замены временных судов». В его обсуждении участвовали В.В. Меншуткин и И.М. Гютрюмов. Выяснилось, что в мае истекает срок полномочий мировых судей. Поэтому признали необходимым «назначить выборы нового состава мировых судей в июне месяце, когда состав Центральной думы будет пополнен представителями районных дум, избираемых в конце мая»⁵. Это решение, несомненно, было поддержано мировыми судьями, которые до этого «немало тяготились» своим «совершенно» неопределенным положением, «не зная, будут ли выборы вообще»⁶.

В конце июня наконец состоялось совещание присяжных поверенных и их помощников, «давших свое согласие на участие в казенных защитах при временных судах». Обсудив положение, в котором временные суды оказались после принятия закона от 4 мая 1917 г., участники совещания приняли резолюцию. В ней заявлялось, что «вопрос о защите во временных судах потерял свое значение и на очередь должен быть поставлен вопрос о возвращении к нормальному отправлению правосудия». В резолюции также говорилось, что до восстановления нормального

¹ *Трахтерев О. С.* Столичным мировым судьям (Открытое письмо) // Новое время. 1917. 14 апреля.

² *Меншуткин В. В.* Ответ мировых судей присяжному поверенному О. С. Трахтереву // Новое время. 1917. 16 апреля.

³ О временном устройстве местного суда // Вестник Временного правительства. 1917. 9 мая.

⁴ *Токарев Ю. С.* Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март–октябрь 1917 г.). М.; Л., 1965. С. 117.

⁵ Хроника // Право. 1917. № 16. 30 мая. Стб 950.

⁶ Выборы мировых судей // Биржевые ведомости. 1917. 24 июля (вечерн. вып.).

мирового суда «необходимо немедленно обязать временные суды исполнять все законы, как материальные, так и процессуальные». Собрание поручило присяжному поверенному М.С. Раввичу передать резолюцию Петроградскому совету присяжных поверенных с просьбой поставить вопрос о временных судах «на обсуждение общего собрания присяжных поверенных»¹.

Любопытно, что в конце июня — начале июля временные судьи, как из числа мировых судей, так и от рабочих и солдат, судя по всему, не придавали сколько-нибудь серьезного значения информации о готовящейся ликвидации временных судов. Так, в конце июня мировые судьи А.С. Худеков и Е.Г. Тиктин в качестве представителей XIII временного суда (ул. Николаевская, д. 56, Московский район) посетили министра юстиции. Они потребовали от него «объяснений по поводу того, что министр юстиции слишком часто в порядке надзора отменяет приговоры временных судов»². 12 июля общее собрание временных судей приняло решение отправить «на рассмотрение министра юстиции проект о передаче гражданских дел во временные суды». Среди причин необходимости введения этой меры временные судьи называли острый квартирный вопрос, а также отношения «между предпринимателями и рабочими в предприятиях, стоящих вне контроля фабричного инспектора»³.

Но уже через несколько дней, как заметил Е.А. Скрипилов, в среде временных судей «произошел раскол»⁴. Мировые судьи (председатели временных судов) собрались на свой съезд без участия судей от солдат и рабочих и постановили упразднить временные суды, заменив их мировым судом «с единоличными цензовыми судьями». В противовес этому съезду временные судьи от солдат и рабочих собрались на свой съезд. Его участники приняли резолюцию: «Впредь до создания нового закона о мировых судах суд должен сохранить свою революционную форму». 19 июля 1917 г. Петергофский районный Совет рабочих и солдатских депутатов, ознакомился с решением съезда мировых судей и съезда временных судей от солдат и рабочих и заявил: «Временные суды должны существовать вплоть до издания законоположения о судах и судебных уставов Учредительным собранием». Кроме этого, Петергофский Совет «признал необходимым передачу и гражданских дел в ведение временных судов»⁵.

Борьба по вопросу о судьбе временных судов утратила смысл с выходом приказа министра юстиции от 19 июля 1917 г. Согласно ему временные суды упразднялись в соответствующих местностях со дня вступления в должность судей, избранных и назначенных на основании постановления Временного правительства от 4 мая⁶. Но временные судьи от рабочих и солдат не собирались сдаваться. Они направили делегацию к министру юстиции И.Н. Ефремову «для выяснения вопроса о раскас-

¹ Временные суды // Современное слово. 1917. 1 июля.

² Разные известия // Современное слово. 1917. 1 июля.

³ Передача гражданских дел временным судам / Изо дня в день // Петроградская газета. 1917. 13 июля.

⁴ Скрипилов Е. А. К истории временных судов Петрограда в 1917 г. // Правоведение. 1968. № 6. С. 124.

⁵ Районные Советы Петрограда в 1917 году: Протоколы, резолюции, постановления общих собраний и заседаний Исполнительных комитетов / Ред. кол.: С. Н. Валк, Х. Х. Камалов, В. И. Старцев, А. Л. Фрайман; сост.: Б. Д. Гальперина, И. М. Рогозина, В. И. Старцев (отв. сост.). М.; Л., 1966. Т. II. С. 209.

⁶ Об упразднении временных судов // СУ. 1917. № 167. 20 июля. Ст. 911.

сировании временных судов». 24 июля на заседании членов временных судов от рабочих и армии был заслушан доклад членов делегации. Они сообщили, что юнкера их не пустили в Зимний дворец, вели телефонные переговоры, но безрезультатно. Тогда «они попросили их арестовать и под арестом они прошли в здание Зимнего дворца и всё равно ничего не добились». Утром делегаты наконец получили по телефону приглашение министра юстиции прийти к нему в министерство. Но когда делегаты туда пришли, «оказалось, что он в этот день не принимает». Правда, членам делегации удалось переговорить с товарищем министра юстиции. Он заявил, что «считает нужным ввести нормальные суды»¹.

24 июля 1917 г. прошли выборы мировых судей², а 25 июля — председателя Петроградского столичного мирового съезда; в этот же день избранные мировые судьи принесли присягу³. С формально-юридической стороны 25 июля стало последним днем работы временных судов в Петрограде. Вместе с тем материалы прессы позволяют утверждать, что некоторые камеры временных судов работали еще и 26 июля⁴.

Но и после этого вопрос о временных судах продолжали обсуждать в советских кругах. 27 июля Исполком Петроградского районного Совета рабочих депутатов рассмотрел вопрос «О временных судах». По этому вопросу выступил Куликов, член XVI временного суда (Каменноостровский пр., д. 18, Петроградский район). Выслушав его доклад, Исполком постановил «обсуждение этого вопроса отложить до следующего заседания». Кроме этого, Исполком решил «гонорар полученный Куликовым как времен[ным] судьей передать в пользу политических заключенных гор. Петрограда»⁵. На следующий день вопрос «О временных судах» вновь внесли в повестку дня заседания Исполкома. И в этот раз вопрос о временных судах был перенесен с мотивировкой «в виду позднего времени» на обсуждение «следующего заседания» Исполкома. Временным же судьям было предложено «доставить» к этому заседанию «материалы по расформированию временных судов»⁶. 31 июля вопрос «О временных судах» стоял 8-м пунктом в повестке дня заседания Исполкома. Но и в этот раз Исполком не стал его рассматривать, а перенес на четверг. Члену Исполкома Слабишинскому поручалось «доставить все документы»⁷. 3 августа Исполком наконец рассмотрел вопрос о временных судах. Был «заслушан доклад комиссии, избранной к министру юстиции для выяснения мотивировки расформирования револ[юционных] судов». Исполком решил вынести вопрос на общее собрание Совета и принять на нем резолюцию. Вслед за этим предполагалось передать решение районного совета в межрайонное совещание, чтобы оно направило его в ЦИК Советов. Резолюцию должен был подготовить А.К. Скороходов⁸.

¹ ЦГА СПб. Ф. 47. Оп. 1. Д. 13. Л. 18.

² В городской думе / Городские дела // Новое время. 1917. 25 июля.

³ Выборы столичных мировых судей (в городской думе... 24 июля) // Петроградская газета. 1917. 25 июля; Выборы в мировом съезде // Там же. 26 июля.

⁴ Обыски у спекулянтов / Дневник происшествий // День. 1917. 27 июля; Происшествие / Хроника // Новое время. 1917. 27 июля.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 1. Д. 2. Л. 51 — 51 об.

⁶ Там же. Л. 52 об.

⁷ Там же. Л. 54 об.

⁸ Там же. Л. 55 об.

14 августа председатель Петроградского столичного мирового съезда уведомил мировых судей о том, что 17 августа состоится распорядительное заседание съезда, в ходе которого предполагается рассмотреть, в частности, запрос Первого департамента Министерства юстиции «о порядке передачи дел упраздненных временных судов мировым судьям и в общие судебные места»¹. 16 сентября 1917 г., уже после закрытия временных судов в Петрограде, Временное правительство постановило «сократить на половину определенные приговорами временных судов сроки заключения лицам, отбывающим наказания по приговорам названных судов в тех местностях, где таковые суды окажутся уже упраздненными, на основании приказа министра юстиции от 19 июля 1917 года». Исполнение этой меры возлагалось на прокурорский надзор².

Необходимо согласиться с тем, что временные суды работали «довольно интенсивно»³. Только в марте 1917 г. из возникших 5237 дел решено 4548. При этом суды вынесли 1013 оправдательных приговоров и 3089 обвинительных: сделано замечаний, внушений и выговоров — 382, наложено денежных взысканий — 536, арестовано — 523, заключено в тюрьму — 523 человека⁴. Статистических данных за апрель—июль 1917 г. нет. Можно лишь предположить, что за весь период своей деятельности временные суды рассмотрели более 25 тыс. дел. Как справедливо заметил Е.А. Скрипелев, «больше всего было дел о кражах и нарушении уличного порядка»⁵. И если сначала временные суды пользовались поддержкой демократической⁶ и буржуазной печати⁷, были «встречены в рабочих и солдатских кругах очень сочувственно»⁸, а жители столицы осаждали временные суды и интересовались ходом дел⁹, то в дальнейшем они стали терять авторитет в глазах населения Петрограда, и это, как писали «Биржевые ведомости», «чувствовалось во всех слоях, и конечно, главным образом, в городском общественном самоуправлении, куда стекалось немало жалоб на несовершенство института временных судов»¹⁰.

Заключение

Анализ судебной практики временных судов позволяет утверждать, что временные суды не были «совершенно свободны от закона». Правильнее говорить о слабой их связанности царскими законами. Несколько сильнее прослеживается стремление временных судов следовать законам, принятым новой революционной властью. Иначе говоря, временные суды были неполноценной или урезанной формой народного правотворчества и правосудия.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 520. Д. 555. Л. 12.

² СУ. 1917. № 232. 22 сентября. Ст. 1610.

³ Скрипелев Е. А. К истории временных судов Петрограда в 1917 г. С. 122.

⁴ Менищуткин В. В. Временные суды в Петрограде // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 4. С. 189.

⁵ Скрипелев Е. А. К истории временных судов Петрограда в 1917 г. С. 122.

⁶ День. 1917. 8 марта.

⁷ Новое время. 1917. 9 марта.

⁸ Временные суды в Петрограде // Современное слово. 1917. 8 марта.

⁹ Новое правосудие. (Собрание членов Окружного суда) // Петроградский листок. 1917. 9 марта.

¹⁰ Выборы мировых судей // Биржевые ведомости. 1917. 24 июля (вечерн. вып.).

Наибольшую заинтересованность в деятельности и реформировании временных судов проявляли временные судьи от рабочих и солдат, а также районные советы Петрограда. Предложения об улучшении работы временных судов, которые звучали от представителей мировой юстиции и присяжных поверенных, на деле являлись ширмой для критики временных судов, подрыва их авторитета как в глазах жителей Петрограда, так и Временного правительства. Главной целью цензовой общественности являлась ликвидация временных судов и восстановление единоличного принятия решения мировым судьей. Излишне суровые приговоры и нарушение судебных процедур приводили к падению авторитета временных судов среди различных слоев населения столицы.

Решение об упразднении временных судов (закон от 4 мая 1917 г.), их ликвидация (приказ министра юстиции от 19 июля 1917 г.) и существенное сокращение сроков заключений по вынесенным временными судами приговорам (постановление Временного правительства от 16 сентября 1917 г.) свидетельствовали о том, что, во-первых, временные суды фактически ставились в один ряд с судебными установлениями, самочинно введенными народными массами, и, во-вторых, тогдашняя власть признала опыт участия народа в правотворчестве и осуществлении правосудия негодным для судебной системы новой России.

Аарон Б. Ретшиш

ПОИСК СПРАВЕДЛИВОСТИ В РЕВОЛЮЦИИ:
МЕСТНАЯ СУДЕБНАЯ СИСТЕМА ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1917–1922 ГГ.

В театральном разрыве с прошлым вожди советского государства сразу после захвата власти издали указ об упразднении существующей российской судебной системы, заменив ее неофициальными «пролетарскими» судами. Они также отменили существующие гражданский и уголовный кодексы законов в пользу того, чтобы руководствоваться пролетарским сознанием. Хотя эти дерзкие декларации об искоренении буржуазных судов в действительности были не столь громки на деле, тем не менее они ставили и судей, и граждан в удивительно затруднительное положение, когда неясно, где и как решать правовые споры. Многие исследователи дореволюционного волостного суда недавно убеждали, что к 1917 г. крестьяне, как минимум, обладали зрелой правовой культурой, поэтому использовали доступные им правовые возможности, использовали их по собственной воле и часто коллективно¹. Что изменилось в системе местных судов при советской системе? Что произошло с развивающейся правовой культурой после того, как большевики учредили «пролетарскую» судебную систему? Продолжали ли крестьяне использовать суды местных Советов для решения споров в начале советской эры?

Посредством изучения местных народных судов и революционных трибуналов северо-восточной Вятской губернии в 1917–1921 гг. в этой статье рассматривается, как юристы и граждане искали справедливости во время Русской революции. Изучение судебной системы в губернии раскрывает влияние местной политической экологии на революционный опыт и местное взаимодействие нескольких важных вопросов революции — революционная идеология предполагалась в центре и обеспечивала выполнение на местах, робкие попытки губернской и местной бюрократии служить одновременно государству и жителям и обращение обычных граждан к государственной системе для решения своих проблем, даже когда государство еле существовало. Оно также показывает значение личности, прочность административных структур и внешние факторы, такие как близость линии фронта Гражданской войны, формирующие опыт народного и преобразованного правосудия².

¹ *Burbank J.* Russian Peasants go to Court: Legal Culture in the Countryside, 1905–1917. Bloomington, 2004. P. 247–251; *Gaudin C.* Ruling Peasants: Village and State in Late Imperial Russia. DeKalb, 2007; *Frierson C.* “I Must Always Answer to the Law”: Rules and Response in the Reformed Volost’ Court // Slavonic and East European Review. 1997. N 2. P. 308–334; *Frank S.* Crime, Cultural Conflict, and Justice in Rural Russia, 1856–1914. Berkley, 1999; *McReynolds L.* Murder most Russian: True Crime and Punishment in Late Imperial Russia. Ithaca, 2013.

² *Retish A. B.* Russia’s Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1914–1922. Cambridge, 2008; *Russia’s Home Front in War and Revolution,*

Советские лидеры в центре и регионах России использовали суд для поддержания порядка и построения бюрократической власти, администрировавшей обычную жизнь своих подданных. Суды также были неотъемлемой частью жизни граждан, чему свидетельствуют тысячи исков жителей Вятки, поданных даже во времена, когда им приходилось выживать в период распада экономики и политики интервентов, включая насильственную реквизицию зерна и набор в армию. Местные суды — это идеальное окно, чтобы видеть, как разные акторы понимали, каким должно стать новое государство и как им вместе создать работающую, пусть хаотично, систему поиска справедливости. Суды работали по-другому, и гораздо хаотичнее, чем до революции. То, что кажется полным судебным преобразованием с новыми социалистическими целями, структурой, и кадровым составом, было на деле более сложным процессом. Как и в случае с другими советскими административными структурами, полного разрыва с прошлым не произошло¹. В какой мере и насколько успешно суды первых лет советской эры выполняли задачу замещения буржуазного порядка новыми социалистическими нормами? Являлись ли они на самом деле орудием революции?

В то время как история первых советских судов погружена в масштабные дискуссии о роли суда в современном российском государстве, данная работа фокусирует внимание на судах в правовой культуре и построении советского государства. Изучение первых советских судов, особенно местных, показывает то большое значение, которое должностные лица и народ придавали общественной правовой сфере. Для советских лидеров и в центре суды утверждали влияние государства и закладывали социалистические ценности. Многим местным юристам-небольшевикам суды помогали осуществить их реформистские мечты о поддержании социальной стабильности и продвижении их собственного либерального представления о справедливости. Для граждан местные советские суды продолжали возникшую в конце царской эры правовую традицию исправлять допущенные несправедливости и вернуть правосудие. Но с революцией несправедливостей стало больше.

Вскоре после захвата власти в Петрограде новые вожди советского государства упразднили существовавшую судебную систему и уголовный кодекс. В большевистском представлении суд в социалистическом государстве занимал неопределенное место. В.И. Ленин в «Государстве и революции» и другие юристы-марксисты критиковали царские законы как инструмент классового притеснения и надеялись, что советский суд сможет стать оружием пролетарского государства в содействии революции. Эта надежда могла быть реализована принятым в конце ноября 1917 г. Декретом № 1 о суде, самым революционным юридическим декретом советского государства. Краткий документ просто упразднил существующие суды и учредил единую децентрализованную судебную систему. Мировые суды переучреждались в местные, которые вскоре развились в народные суды, возглавляемые народно избранным судьей и двумя народными заседателями. Эти реформы на самом деле продолжили тенденцию к децентрализации власти, которая началась с Февральской революции 1917 г.

1914–22: Russia's Revolution in Regional Perspective / Eds. S. Badcock, L.G. Novikova, A. Retish. Bloomington, 2015.

¹ Гондаренко А. С., Зозуля И. В. Судебная система в России. Сравнительное исследование развития на рубежах XIX–XX и XX–XXI веков (на примере Кубани и Ставрополья). Ставрополь, 2002.

К июню 1918 г. Наркомюст в центре начал попытки централизовать губернскую судебную систему с противоречивыми результатами. Он прекратил короткий эксперимент избрания народом судей по «Положению о едином народном суде». Волостные исполкомы начали назначать судей из списка кандидатов, составленного местными Советами, что должно было гарантировать их политическую лояльность советскому государству¹. На протяжении последующих четырех лет Наркомюст еще сильнее формализовал правила надзора за местными судами — установив юридические границы для местных народных судов, процесс обжалования спорных дел, и ограничение наказаний, которые судьи могли назначить — и начал распространять циркуляры, объясняющие судьям, как следует выносить решения².

Советская судебная система в Вятке

В Вятской губернии на новой должности губернского народного комиссара юстиции один за другим сменялись члены партии большевиков, так как политические махинации и начало Гражданской войны создали текучку кадров. А.А. Вопияков, член партии большевиков с завода в Ижевске на юго-востоке губернии, занимал эту должность с января до апреля 1918 г., когда пришлось вернуться в Ижевск для того, чтобы попытаться пресечь растущее инакомыслие среди социалистов-революционеров-максималистов. Позднее его убили. И.М. Зырянов занимал эту должность в течение месяца до того, как был смещен и заменен ветераном Красной армии И.А. Фараоновым, который позднее возглавил губернский ревтрибунал³. Вятский губернский исполком тщательно охранял руководство и направление отдела юстиции, особенно потому, что использовал ревтрибуналы для подавления инакомыслия в середине 1918 г.

Если «голову» судебной системы контролировали большевики, то «тело» правосудия жило само по себе. Многие судебные деятели смогли наконец осуществить свои реформистские мечты в советском мире. При Временном правительстве и позднее — при советской системе в должности продвигали тех, кто еще в царское время был за правовую реформу. Так было в 1917–1918 гг. с рядовыми представителями Вятского губернского Наркомюста, которые считали, что действительно перестраивают судебную систему России и превращают в справедливую. Их возбуждение заметно на страницах стенограмм съездов Наркомюста 1918 г., где они рассказывают, как вновь изобретают суды на местах, обсуждают, как можно расширить полномочия нижестоящих судов и избрать новых судей. Казалось, распорядители Наркомюста, судьи-большевики и судьи царских времен хотели одного и того же — чтобы советские суды смогли помочь превратить подданных в современных граждан социалистического государства. Эта идея была не нова и корнями уходила в дореволюционную мечту либералов о суде, обучающем отсталых поддан-

¹ Курский Д. О едином народном суде // Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 16–19; Hazard J. Settling Disputes in Soviet Russia: The Formative Years of Soviet Institutions. N. Y., 1960. P. 51.

² Материалы Народного комиссариата юстиции. Вып. I–V. М., 1918; ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 76. Л. 128–129.

³ Палкин К. А. К истории строительства советской судебной системы в Вятской губернии год 1917–1918. Киров, 1966. Л. 29–33 (неизданная рукопись).

ных, в особенности крестьян, стать современными, полноправными гражданами государства. Вятский исполком с готовностью подчинился, предпочтя хаосу административную стабильность.

В Вятских окружных судах высшего порядка судьи царских времен сохранили свои должности и избрали одного из своих, Н. А. Григорьева, председателем своего съезда в апреле 1918 г. Когда Вятский исполком в октябре 1918 г. реформировал окружной суд в орган меньший и, предположительно, более соответствующий советским идеалам, его члены вновь избрали председателем судью царских времен К.С. Петропавловского. Ни губернский Наркомюст, ни исполком не возражали, а напротив, расширили полномочия съезда окружного суда. Теперь он надзирал за народными судами и определял, соответствуют или нет советским законам решения судей.

Наркомюст содействовал постепенному переходу к новым местным народным судам, призывая существующий персонал действовать согласно Декрету № 1 о суде. Губисполком провозгласил создание местных народных судов в январе 1918 г., и уже к весне многие волостные суды преобразовали в народные, участки и юридические полномочия которых расширились¹. Но из-за отсутствия централизованной власти зимой 1917–1918 гг. сложно определить влияние подобных призывов, так как тогда местные жители сами определяли направление своих судов. В Малмыжском уезде волостные суды реорганизовали в народные еще до того, как Вятский Наркомюст узнал о Декрете № 1 в январе 1918 г.² В Вятском уезде практически все судьи мирового суда времен Временного правительства продолжали работать судьями в местных народных судах, и один из них, Н.А. Попов, стал председателем уездного съезда судов.

Писари и секретари старых судов сохранили должности. Местные грамотные женщины стали помощниками секретарей, а мальчишки-подростки — стенографистами в зале суда³. В Орловском уезде большинство народных судей ранее работали в волостных судах писцами или помощниками в залах суда. Некоторые секретари, в частности, происходили из семей духовенства и имели духовное образование, включая обучение в семинарии. Умение писать и знание основ трактовки текстов, вероятно, помогли им устроиться на работу в суд. Но их опыт также приводил их и в советские суды. Вениамин Дьяконов и Н.Н. Игнатьев оба выросли в деревне, в семьях верующих. Дьяконов бежал из деревни, в городе поступил в церковный хор. Он поддержал рабочих в дни Октябрьской революции и, послужив в Красной армии, стал судьей. Игнатьев служил в церкви до 1919 г. Затем его мобилизовали в Красную армию, и потом он стал секретарем в суде Дьяконова⁴. Революция могла изменить законы и власть, но не большинство персонала.

В революционные годы почти все члены местных народных судов с каким-либо юридическим образованием и знанием законов были те же, кто служил еще при царе⁵. Иван Морозов, судья народного суда в Слободском уезде и один из немногих

¹ Суд // Вятская правда. 1918. 19 января.

² Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 50. Л. 3, 14–15; Суд // Вятская правда. 1918. 19 января.

³ ГАКО. Ф. Р-398. Оп. 1. Д. 14. Л. 2–51. Также в Глазовском уезде: Там же. Д. 104. Л. 1.

⁴ ГАКО. Ф. Р-398. Оп. 2. Д. 57. Л. 1–2; Ф. Р-881. Оп. 1. Д. 419. Л. 2–73; Ф. Р-1831. Оп. 1. Д. 241 Л. 1–3 об.

⁵ См. Материалы Народного комиссариата юстиции... Вып. I. С. 73.

большевиков среди юристов, ярко описал в мемуарах свой зал суда. До революции Морозов служил в администрации волости, помогая писарю и наблюдая за залом суда. Тем не менее он ничего не знал ни о законах, ни о процессе и признался, что в первые несколько лет залом суда управлял секретарь, ранее служивший писарем в волостном суде¹.

Одной из должностей, союзных пролетариату, была новая должность — народного заседателя, избираемого из рабочих, который председательствовал наравне с судьями и обязан был представлять народ и привносить в решения суда пролетарское сознание. Тщательное изучение Малмыжского уезда в 1918 г. и Нолинского уезда в 1921 г. показывает, что советское государство получило то, что хотело: почти все заседатели были крестьянами-земледельцами. Один работал на заводе, и еще трое были сапожниками. Типичным заседателем в этих уездах был крестьянин 38 лет с начальным образованием, беспартийный². Нет свидетельств того, что заседатели как-то влияли на решения судов или вообще участвовали в судебном разбирательстве. Руководили разбирательством и выносили решение судья с секретарем.

В первые советские годы у судов Вятки было много проблем в руководстве. Многие судебные работники не имели юридического опыта руководства судебным процессом, а закон не требовал от персонала юридической подготовки (это требование появится лишь в судебную реформу 1922 г.). Вопреки лозунгам, провозглашавшим, что советский режим писаным законам предпочитает пролетарское революционное сознание, на деле неопытность судей и игнорирование ими законов сводило с ума служащих Наркомюста и судебного надзора на окружном уровне. Официальные жалобы на некомпетентность местных судей и крушение мечты этих служащих о власти закона и суда явно продолжали критику волостного суда в последние годы империи. Как и в случае с волостными судами, граждане охотно обращались в местный народный суд в поисках возмещения ущерба и новой выгоды.

Суд был важным орудием советского государства для создания общепринятой системы ценностей и установления отношений с населением. Народ принял советские суды и начал использовать их. В первые годы советской власти местные народные суды в Вятке рассмотрели нереальное количество дел, учитывая все существующие проблемы в инфраструктуре и политический развал времен Гражданской войны. Тысячи исков из волостных судов царской эпохи переполняли местные судебные системы в первый год их существования. Народным судам в Глазовском уезде пришлось рассмотреть почти 1 тыс. из этих дел³. Некоторые иски поступили за несколько лет до этого, например один давний иск на 15 руб. за аренду сельскохозяйственного инструмента, который дети истицы переняли после ее смерти⁴. В то время вятские местные народные суды столкнулись с огромным наплывом исков, и количество их ежегодно увеличивалось. Только в 1920 г. местные народные суды вынесли решения по 14 133 гражданским искам⁵.

¹ Государственный архив социально-политической истории Кировской области (ГАСПИ КО). Ф. 6810. Оп. 1. Д. 81. Л. 45–47.

² ГАКО. Ф. Р-479. Оп. 2. Д. 2. Л. 2–3, 8 — 9 об.

³ Центральный государственный архив Удмуртской республики (ЦГА УР). Ф. Р-611. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–33.

⁴ ГАКО. Ф. Р-1824. Оп. 1. Д. 6. Л. 1–22; Д. 119. Л. 102 — 107 об.

⁵ ГА РФ. А-353. Оп. 4. Д. 106. Л. 14, 80.

Граждане подавали разнообразные иски, продолжая традиции волостных судов, и быстро приспособились к советским реалиям. Гражданские иски до 300 руб. составляли примерно 78 % всех гражданских исков в волостных судах, а дела по разделу наследства — еще 13 %¹. Часть дел, рассмотренных на раннем этапе существования народных судов, составляли семейные дела, имущественные споры, жалобы на оскорбление личности, потраву, дела по усыновлению и т. д. Суд выполнял также важную повседневную бюрократическую функцию выдачи свидетельств о смерти супругов и разрешений на строительство, что означало, что граждане, хоть и неохотно, но признали необходимость суда в их жизни.

В 1918 г. большинство дел в реестрах вятских народных судов составляли заявления на развод. Декрет о гражданском браке, принятый в декабре 1917 г., либерализовал процедуру развода — для развода или аннулирования брака достаточно было заявления в суд. В первый год существования судов число подобных заявлений намного превышало все прочие, так как россияне поспешили разорвать несчастливые браки². В Российской империи развод рассматривал церковный суд, и он имел много ограничений и стоил очень дорого. Заявители также обращались в суд с просьбой аннулировать брак, засвидетельствовав смерть пропавшего супруга. Так поступила Б.И. Шиврина — просила суд аннулировать ее брак с давно пропавшим мужем Петром, чтобы она смогла снова выйти замуж. Суд удовлетворил ее просьбу. Часто суды печатали объявления о пропавшем человеке в газете и вскоре аннулировали брак³. Возможность развода была нова, но его причины у большинства истцов были те же, что и в императорскую эпоху. Женщины обращались в суды, чтобы освободиться от оскорбительного отношения. Ранее подобные ситуации встречались в волостных судах, когда невестки жаловались на плохое обращение членов семьи мужа.

В некоторых случаях солдатские жены направляли в суд жалобы на семью мужа, укравшую у них всю государственную помощь. Так произошло с солдаткой А.А. Кытсиной из Глазовского уезда. Когда ее муж Антон ушел служить в Красную армию, она оставалась в семье мужа, но из-за невыносимой ситуации ей пришлось уйти. Она просила перевести государственную помощь на ее имя⁴. Еще один яркий пример: Ксения Казакова обвинила своего свекра в оскорблениях и побоях. Суд посадил его под арест на три дня, а земельный отдел позднее из-за его плохого поведения предоставил Ксении выгодные условия, чтобы разделить домашнее хозяйство⁵. Матери обращались в народный суд с исками об уплате алиментов, нового официального пособия при советском режиме. Народные суды должны были гарантировать право ребенка на хорошую жизнь, поэтому почти всегда удовлетворяли иски о выплате алиментов.

В народных судах количество уголовных дел существенно перевешивало количество гражданских (шесть к одному), что разительно отличалось от ситуации в волостных судах после 1906 г.⁶ Не все понимали полномочия судов, и в революцию

¹ *Burbank J. Russian Peasants go to Court...* P. 84–85.

² ЦГА УР. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 13. Д. 37; О браках и разводах // Пролетарская революция и право. 1918. № 5–6. С. 11–13.

³ ГАКО. Ф. 439. Оп. 2. Д. 7. Л. 27 об. — 28; ЦГА УР. Ф. Р-278. Оп. 1. Д. 19. Л. 1–9; Деревенский коммунист [Вятка]. 1919. 18, 23 сентября; Крестьянин-Коммунист [Яранск]. 1919. № 4.

⁴ ГАКО. Ф. Р-3238. Оп. 1. Д. 22. Л. 82.

⁵ ГАКО. Ф. Р-2506. Оп. 1. Д. 37. Л. 34.

⁶ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 106. Л. 80; ЦГА УР. Ф. Р-613. Оп. 1. Д. 9. Л. 32–33; Уголовная репрессия в первые годы революции // Еженедельник советской юстиции. 1922. 22 января.

больше уголовных дел направляли в народные суды, поэтому инспекторы и милиция могли передать в новообразованные суды даже такие серьезные преступления. Также сократилось число гражданских исков, а некоторые из них, например по земельным спорам или семейным разногласиям, рассматривались деревенскими общинами или земельными комитетами. Мелкие кражи и грабежи, отказы подчиниться властям, пьянство, невыполнение обязанностей в отношении детей, погромы и кража соседского зерна составляли более половины всех уголовных дел в судебной системе в 1919 г.¹

Многие судьи были снисходительны при вынесении приговоров, и часто назначали ответчикам минимальные штрафы. Однажды суд наказал крестьянина за отказ подчиниться поселковому исполнительному комитету, всего на 5 руб., наказание бессмысленное во времена высокой инфляции и обесценивания денег. Крестьянин всё равно попытался обжаловать такое решение, но закон этого не позволил. Другие мелкие преступники получали всего по 2 руб. штрафа². Судьи предпочитали назначить штраф вместо тюремного заключения.

В общем, истцы давали судам много работы. Народный суд рассматривал от грех до восьми дел за два или три заседания. Несмотря на жалобы служащих Наркомюста, большинство решений местных судов соответствовали советским законам или, по крайней мере, так называемому революционному сознанию.

Революционные трибуналы в Вятской Губернии

Революционный трибунал являлся еще одним орудием советской правовой системы. Руководители Вятского губернского Совета считали трибуналы народными судами и описывали их согласно этим взглядам. Как и народные суды, ревтрибуналы скорее следовали пролетарскому правосудию, чем законам, в то же время с помощью общественных слушаний обучали массы правильному советскому поведению. Но, в отличие от народного суда, ревтрибунал являлся судом обвинения, вынося приговоры по делам, которые государство возбуждало против своих граждан. Трибуналы были созданы по Декрету № 1 о судах в ноябре 1917 г., и Наркомюст вскоре расширил их полномочия, добавив среди прочих преступлений контрреволюционные действия, злоупотребления чиновников, саботаж, бандитизм, торговлю на черном рынке, спекуляцию и любую антисоветскую деятельность³.

19 января 1918 г. вятский губернский народный комиссариат юстиции одновременно с народным судом создал ревтрибунал. И он сразу начал работу, признал обвиняемых милиционера Ивана Изотова и солдата Василия Думбадзе виновными в сокрытии оружия и антисоветской деятельности и приговорил Изотова к меся-

¹ См. фамилии, начинающиеся с буквы А, в кн.: Ведомость справок о судимости за 1919 год. Пг., 1923.

² ГАКО. Ф. Р-439. Оп. 2. Д. 2. Л. 12–18.

³ ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–2 об.; *Титов Ю. П.* Создание системы революционных трибуналов: Учебное пособие. М., 1983; *Портнов В. П., Славин М. М.* Становление правосудия Советской России (1917–1922 гг.). М., 1990; *Rendle M.* 1) Revolutionary Tribunals and the Origins of Terror in Soviet Russia // *Historical Research*. 2011. Vol. 84. P. 693–721; 2) *Defining the 'Political' Crime: Revolutionary Tribunals in Early Soviet Russia // Europe-Asia Studies*. 2013. Vol. 65. N9. P. 1771–1788.

цу общественных работ, а Думбадзе — к лишению гражданских прав на один год¹. Летом 1918 г. большевики, после ухода из коалиционного правительства и перехода в оппозицию левых эсеров, расширили полномочия трибуналов, и разразилась Гражданская война.

Трибуналы отражали хаотичность советской правовой системы. Они не имели ни системы судопроизводства, ни практики административной юстиции. Многие судьи стремились выносить такие приговоры, чтобы иметь как можно больше политического влияния. Вятские трибуналы собирались в качестве военных и уголовных судов и рассматривали дела сначала в Вятке, а затем в начале 1918 г. стали перемещаться по южным районам, где во время насильственного изъятия зерна начинались восстания рабочих и крестьян. Специальные суды также создали на линии фронта в 1919 г. трибуналы. Они состояли из надзорного элемента и шести членов, хотя зачастую на суде присутствовали лишь трое членов. Почти все члены ревтрибуналов были членами РКП(б).

Из-за размытых полномочий судов судьи часто не знали, в какой суд направлять дело. Последствия могли быть ужасны, поскольку народный суд часто назначал невысокие денежные штрафы, тогда как трибунал за то же преступление мог приговорить к долгому тюремному заключению. Народный суд рассматривал уголовные дела, которые, по всей видимости, должен был рассматривать трибунал. Так, дело Николая Семенова из Слободского уезда, судимого за отказ служить в Красной армии по религиозным убеждениям, направили в народный суд, хотя должны были направить в революционный военный трибунал. Ревтрибунал рассматривал дела о самогоне, когда дефицит зерна был на пике, но в обычное время передавал их в народный суд. Народные суды рассматривали дела крестьян, сопротивляющихся изъятию продовольствия, что явно было задачей революционных трибуналов².

Трибуналы, как и народные суды, страдали от неразвитой инфраструктуры и нехватки подготовленных кадров. Тем не менее вятские трибуналы рассмотрели огромное количество дел — более 5 тыс. между 1918 и 1921 гг. — принимая во внимание столь слабую инфраструктуру³. Их количество могло возрасти из-за дел, направленных из центра, или из-за красного террора в середине 1918 г., оккупации территорий в ходе Гражданской войны, кампании против разных видов преступной активности, например спекуляции. Большинство же дел, рассмотренных трибуналами, — это обычные, если не каждодневные, преступления. По официальным данным Наркомюста, дела, связанные с контрреволюционной деятельностью, составляли лишь 15,4 %, а со спекуляцией — всего 5,2 % от общего числа дел, рассмотренных трибуналом между 1920 и 1921 гг.⁴

Ревтрибуналы, как и народные суды в 1918 г., поддерживали порядок — заставляли платить арендную плату, защищали право собственности отрубников в деревенских общинах, а раз даже освободили деревенского урядника, обвиненного

¹ Общее собрание Вятского Совета рабочих и солдатских депутатов // Вятская правда. 1918. 19 января; Народный суд. Революционный трибунал // Вятская правда. 1918. 21 января.

² ГАКО. Ф. Р-439. Оп. 2. Д. 2. Л. 1–18; Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 2059. Л. 1–26.

³ ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1, Д. 1а, 2, 3; ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 51, 12; Оп. 3. Д. 156. Л. 65; Народный комиссариат юстиции. Отчет IX всероссийскому съезду Советов. М., 1921. С. 21.

⁴ Народный комиссариат юстиции. Отчет IX всероссийскому съезду советов. С. 21–22. Из 51 703 дел всего 7962 дела о контрреволюции и 2583 дела о спекуляции.

в 1916 г. в нападении на крестьянина и невыполнении своих обязанностей¹. В одном показательном деле вятский ревтрибунал привлек 17 крестьян к суду за бунт на местном рынке в марте 1917 г., когда группа солдат спровоцировала крестьян потребовать от продавцов продавать товар не по фиксированным ценам. Продавцы позвали волостного старшину, но когда тот прибыл на место, толпа отняла у него револьвер и избила. Следователь Временного правительства допросил продавцов. Советский ревтрибунал использовал эти показания для привлечения крестьян к ответственности. Всех обвиняемых суд признал виновными в участии в беспорядках и назначил штраф от 100 до 300 руб. Трибунал установил приоритет порядка над классовой борьбой и привлек крестьян к ответственности, хотя действия обвиняемых не были направлены против советского государства².

К середине 1918 г., во время антисоветских выступлений во деревнях и в Ижевском и Воткинском уездах вятские трибуналы стали привлекать к ответственности граждан, представляющих опасность для советского государства, и взяли на себя ответственность за содействие классовой борьбе. В августе 1918 г. Вятский губернский ревтрибунал привлек к суду по обвинению в контрреволюционной деятельности Игнатия Акулова и его сына Федора. Трибунал обвинил Акуловых в кулачестве. В июле продовольственный комитет прибыл изъять зерно, и началась перестрелка. В судебном отчете сказано, что в деревне они были зажиточными и имели больше земли, чем другие жители, «нажив свое богатство, покупая и продавая несчастным беднякам», и не признавали советскую власть³. Суд приговорил Игнатия к 10 годам тюрьмы и лишению всех гражданских прав, а его сына — к казни. В свою очередь, подсудимые понимали важную роль классовой борьбы для вятского трибунала и старались соответствовать официальной идеологии. Один крестьянин, обвиняемый в содействии белым весной 1919 г., заявил, что он бедняк и поэтому не мог быть врагом рабочего народа. Трибунал согласился и вынес ему мягкий приговор⁴.

Вятские трибуналы рассматривали множество разных дел и выносили решения в зависимости от индивидуальных обстоятельств каждого дела. Следующие три примера — уклонение от уплаты налогов, дезертирство и неприятие советского режима на религиозных основаниях — демонстрируют разнообразие дел, рассматриваемых трибуналами, и назначаемых ими наказаний. В январе 1922 г. Вятский губернский ревтрибунал рассмотрел дело, в котором четыре крестьянина «категорически отказались платить продовольственный налог». Один из них, Семен Бабурин, также припрятал 22 пуда муки, овсяной крупы и другого зерна. Трое судей пришли в ярость от «злумышленного» характера уклонения от уплаты. В своем решении судьи указали, что своими действиями «все подсудимые показывали дурной пример другим гражданам, подрывали рабоче-крестьянскую власть и обрекали на смерть миллионы детей рабочих и крестьян Волжской области, страдающих от голода». Трибунал конфисковал всё личное имущество крестьян и приговорил их к исправительным работам в работном доме на срок от 2 до 3 лет⁵. Тот же самый трибунал судил Григория Шуклина, 20-летнего крестьянина, дезертира из Крас-

¹ ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1. Л. 1 — 25 об.

² Там же. Д. 30. Л. 1 — 161 об.

³ Там же. Д. 41. Л. 1—45.

⁴ Там же. Д. 652. Л. 63, 69.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 3. Д. 102. Л. 39 — 39 об.

ной армии, начавшего промышлять грабежом. В августе 1920 г. «он подошел в поле к гражданину Крючкову и бил его палкой, пока тот не потерял сознание и не начал истекать кровью, после чего забрал его документы и одежду и оставил на дороге» умирать. Трибунал приговорил его к 4 годам в работном доме¹. Четыре месяца спустя трибунал рассмотрел дело мельника Никиты Пермякова и жены священника Елены Десницкой, обвиняемых в агитации против РКП(б) и даче взяток за освобождение ее мужа из тюрьмы. Что хуже всего, во время религиозной процессии Десницкая распространяла слухи о том, что во время прошедшего незадолго до этого града с неба упал камень, на котором было написано «град упадет там, где коммунисты». Трибунал приговорил обоих к работам в работном доме, но так как Десницкая была больной, а Пермяков — старым и сумасшедшим, их отпустили с предупреждением².

Вятские трибуналы судили как простых граждан, так и советских должностных лиц. Революционный трибунал судил государственных служащих и солдат за широкий спектр незаконных действий, от мелких преступлений, таких как пьянство и драки, до более серьезных — изготовление и продажа алкоголя, злоупотребление полномочиями, незаконный обыск³. Так, трибунал приговорил к 18 месяцам исправительных работ в работном доме начальника милиции Слободского уезда Василия Ефимова за получение взятки в 100 тыс. руб. от гражданина, арестованного за спекуляцию. Тот же трибунал приговорил к исправительным работам 14 членов администрации города Уржума за продажу зерна на черном рынке. Во время одного ошеломительного разбирательства были осуждены за кражу муки и овсяной крупы члены Пилинского волисполкома Уржумского уезда Иван Фоминых, Егор Поляков и Михаил Ширлов. Эти трое мужчин в составе государственного конвоя встретили по дороге толпу из 131 крестьянина, страдающего от голода, которая потребовала отдать им зерно. Мужчины ничего не предприняли, чтобы остановить крестьян. Служащих приговорили к смертной казни, но затем наказание смягчили до 5 лет исправительных работ⁴.

Случаи, когда госслужащие представляли перед судом за излишнюю жестокость при исполнении своих обязанностей, особенно интересны, так как показывают, как трибуналы контролировали применение силы государственными чиновниками и определяли допустимый уровень жестокости. Даже когда большевистское правительство поощряло решительные и жесткие действия, трибуналы пытались обуздать чиновников, которые не подчинялись советским нормам.

К концу Гражданской войны дела по превышению должностных полномочий были наиболее многочисленной категорией в списке дел к слушанию в вятских трибуналах⁵. В ноябре 1919 г. вятский трибунал слушал дело Михаила Ивановича Мочалова и Георгия Степановича Моряхина. В октябре 1918 г., когда местные крестьяне отказались платить налог, секретарь Кадамского волостного комбеда Мочалов призвал комбед принять жесткие меры, в том числе казнь. Отряд Красной армии под руководством Моряхина вошел в село, чтобы поддержать местную власть. Согласно отчету трибунала, «в каждой деревне они избивали неплательщиков,

¹ Там же. Л. 47.

² Там же. Л. 161 — 161 об.

³ ГА РФ. Ф. Р-1240. Оп. 1. Д. 125. Л. 1, 22—33.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 3. Д. 102. Л. 45, 51 — 51 об., 56 — 59 об.

⁵ Народный комиссариат юстиции. Отчет IX всероссийскому съезду Советов... С. 21.

включая женщин и стариков». За десять дней «были убиты несколько десятков человек, что привело к волнениям в селе. В результате таких варварских и преступных действий со стороны Мочалова и Моряхина крестьяне пришли в ярость и выступили против советской власти». Руководителей арестовали и взяли под стражу¹.

Важно отметить, что вятский ревтрибунал привлек к ответственности не весь полк, а руководителей отряда. Действия солдат трибунал оправдал тем, что они лишь выполняли приказы, «так как приказы поступали от сознательных людей, Мочалов, например, учитель, то [солдаты] <...> слепо подчинились»². В данном случае суд оправдал простых людей, поскольку те не обладали интеллектуальными способностями, позволяющими им подвергать сомнению приказы. В то же время Мочалов и Моряхин, как люди политически сознательные, обязаны были действовать в соответствии с советскими нормами поведения. Командиров признали ответственными за преступные действия, совершённые их войсками и ими самими, раз они соответствуют государственному определению сознательной интеллектуальной элиты. Подобные злоупотребления часто упоминались в записях трибуналов. Местный чиновник Раколовской волости Слободского уезда Бородавкин предстал перед трибуналом за обложение всех крестьян чрезмерными налогами и расстрел тех, кто не платил³.

Ревтрибуналы действительно были орудием политического террора и жестокости. В 1921 г. они приговаривали ответчиков к казни за то, чего режим опасался больше всего: дезертирство из армии, подстрекательство против советского режима, халатность, хищения, спекуляцию и т. д.⁴ В целом, в 1919 г. вятские ревтрибуналы были сравнительно снисходительны — смягчение началось после того, как фронт Гражданской войны отделился от региона. Если в Самарской губернии в 1919 г. трибуналы расстреляли почти половину из тех, кто оказался на скамье подсудимых (235 из 518), в Вятской губернии в 1919 г. из 746 осужденных расстреляны 39⁵. Приговоры также сильно различались от судьи к судье, в зависимости от обстоятельств и местных проблем, что отражало децентрализованный характер судебной системы. Например, в октябре 1919 г. вятский ревтрибунал рассмотрел дело крестьян-удмуртов Дмитрия Кудрявцева и Степана Петрова, обвиненных в попытке арестовать главу окружного ЧК и в домогательствах к его жене, когда сражались на стороне белых. Подобные преступления часто карали смертной казнью, но трибунал освободил их без наказания. Это объяснялось не только тем, что советская власть в регионах пыталась завоевать поддержку местного населения после вытеснения оттуда белых, но и тем, что судьи посчитали, что эти крестьяне были «малосознательными... будучи удмуртами, они не понимали ни целей советской власти, ни того, какие преступления им вменялись»⁶.

Несмотря на административные ограничения, ревтрибуналы смогли квалифицированно рассмотреть огромное количество исков. Широкая сфера их влияния могла иметь ужасные последствия, обернувшись свирепым государственным террором, но реально трибуналы проводили совещания и выносили мягкие пригово-

¹ ГАКО, Ф. Р-1322. Оп. 1а. Д. 1574. Л. 1–345.

² Там же. Л. 1 об.

³ ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1. Д. 202. Л. 128.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-1005. Оп. 1. Д. 8.

⁵ ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 51. Л. 12; Оп. 3. Д. 156. Л. 26, 97, 105.

⁶ ГАКО. Ф. Р-1322. Оп. 1а. Оп. 894. Л. 1–53.

ры. Приговоры не были основаны на тщательном следовании букве закона. Судьи местных народных судов основывали свои решения на представлении о том, каким должен быть закон. Ревтрибуналы были важным посредником между государством и населением и служили временной судебной инстанцией, необходимой, чтобы помочь в решении правовых вопросов в государстве, где процветало насилие, и для рассмотрения огромного количества так называемых контрреволюционных преступлений в годы Гражданской войны.

Выводы

Суды стали важной частью опыта революции. В залах судов, временно развернутых по всей Вятке, нашли отражение многие идеи о правосудии и правовой культуре. Народные суды смешивали старые и новые традиции правления. Наркомост содействовал постепенному переходу к новым местным народным судам, оставив на местах прежний персонал. Суды рассматривали огромное количество дел. Граждане подавали разнообразные иски, продолжая традиции волостных судов. Их иски включали в себя семейные дела, имущественные споры, жалобы на оскорбление личности и т. д. Таким образом, народные суды продолжили юридическую традицию в деревне. С другой стороны, народные суды функционировали как новые советские органы, защищали семейное право, вопросы собственности, и являлись органами государственной помощи. Хотя вятские ревтрибуналы рассмотрели меньшее, чем народные суды, количество дел, они имели такое же большое влияние на жизнь людей в революционное время. Как и народные суды, ревтрибуналы исполняли пролетарское правосудие, приводя в исполнение законы, и в то же время обучая массы правильному советскому поведению с помощью общественных слушаний. Конечно, ревтрибуналы в действительности были орудием политического террора и насилия. Они попытались искоренить «неправильные» действия граждан, советских чиновников и чекистов.

Вятские народные суды и ревтрибуналы были двумя равноправными орудиями советской судебной системы. Несмотря на отсутствие установленного статутного права и общего права, суды смогли создать государственную инфраструктуру и сформировать революционные ценности.

Мюррей Фрейм

МИЛИЦИЯ ВО ВРЕМЯ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.:
КОНЦЕПЦИИ И СРАВНЕНИЯ

События 1917 г. в России, подобно всем другим революциям, были отчасти попыткой отделить прошлое от настоящего, перекроить структуры, функции и теоретические основы политических, социальных, экономических и культурных институтов. Одним из проявлений этого трансформационного импульса стал быстрый распад царской полицейской системы с последовавшей заменой ее многогранной милицией. Сложный процесс формирования и организации милиции был весьма подробно изучен, среди прочих, Цуёси Хасегавой, В.И. Старцевым и Рексом Уэйдом. Их работы образуют основополагающую отправную точку для любого исследования новой системы охраны общественного порядка в 1917 г., в частности, если в рамках существующего понимания революционного процесса рассматривать ее как фактор смещения локусов власти в Петрограде¹. В данной статье основное внимание уделяется связанному с этим, но более конкретному вопросу, на который обязана была дать ответ новая власть в связи с исчезновением царской полиции, а именно: какова вообще задача милиции? Несмотря на военизированный характер многих ее сегментов, она в основном рассматривалась в качестве новой, гражданской, системы органов по охране общественного порядка, а не в качестве замены армии (только большевики рассматривали милицию как «вооруженный народ»). Тем не менее, в послефевральской России существовали разногласия между политическими деятелями относительно задач милиции, т. е. ее формальных функций и сферы деятельности.

В статье рассматриваются три концепции милиции, соответствовавшие партийным позициям кадетов, меньшевиков и большевиков в течение 1917 г. Вопрос о функциях милиции пересекался с дебатами о ее организационной структуре и отношении к государству, но главная цель данной работы состоит именно в том, чтобы выявить и сопоставить различные мнения по поводу сферы ее деятельности. Мне хотелось бы также подчеркнуть связь между обсуждением вопроса о милиции и рассуждениями об «идеальных» (абстрактных) типах «полиции» в других странах. Проходившая в течение 1917 г. дискуссия относительно понятия

¹ *Hasegawa T.* 1) *Gosudarstvennost', Obshchestvennost', and Klassovost': Crime, the Police, and the State in the Russian Revolution in Petrograd* // *Canadian-American Slavic Studies*. 2001. Vol. 35. N 2–3. P. 157–188; 2) *The Formation of the Militia in the February Revolution: An Aspect of the Origins of Dual Power* // *Slavic Review*. 1973. Vol. 32. N 2. P. 303–322; *Старцев В.И.* Очерки по истории Петроградской красной гвардии и рабочей милиции (март 1917 — апрель 1917 г.). М.—Л., 1965; *Wade R.* *Red Guards and Workers' Militias in the Russian Revolution*. Stanford, 1984.

«милиция» опиралась на давние концепции существовавших в то время полицейских систем в других европейских странах. Следовательно, этот дискурс о милиции 1917 г. может быть включен в более широкий контекст истории полицейских систем, а не только в контекст динамики революции. На самом деле революция впервые создала в России площадку для открытого обсуждения различных идеальных типов «полиции», которому суждено возобновляться снова и снова на протяжении современной истории.

Идеальные типы полицейской системы

Историки соглашаются, что развитие современных полицейских систем настолько зависело от местных условий, а их функции и организационные формы были настолько разнообразны, что практически невозможно обобщить их происхождение и цели¹. Здесь я хочу отметить две конкретные модели «полиции», которые контекстуализировали бы российский дискурс о милиции, разворачивавшийся на протяжении 1917 г. В основе первой из них лежит идея полиции как государственного управления, которая развивалась в Европе начиная с XVII в. в связи с мероприятиями абсолютистских государств по упорядочению их обществ и более эффективной организации ресурсов. Концепция «полиции» в этом контексте находилась под влиянием камерализма — науки государственного управления — и была смежной с идеей рациональной организации государственного устройства вообще. Самое раннее изложение этой идеи мы находим в «Трактате о полиции» (*Traité de police*) Николая де Ла Маре (Париж, 1722), в котором перечислены основные принципы того, что Марк Раев позже назвал «регулярное полицейское государство»². Основная идея «регулярного полицейского государства» состояла в том, что государство должно взять на себя ответственность за благополучие своего населения, что, в свою очередь, означало, что оно должно быть скорее активным, чем пассивным, скорее интервенционистским (вмешивающимся), чем реакционным (откликающимся).

В рамках этой концепции «полиция» обладает очень широким спектром деятельности. Определение «полиции», данное Блэкстоуном в его «Комментариях к английским законам» (1765), было настолько широко, что, по утверждению одного ученого, оно охватывает «всю внутреннюю политику нации»³. Хорошо иллюстрирует эту широту определение полномочий первого российского полицейского органа, созданного Петром I в Санкт-Петербурге в 1718 г., — именно тогда в первый раз слово «полиция» было официально использовано в России, — по образцу той системы, которая была введена в Париже при Людовике XIV. Помимо надзора за санитарным состоянием города и соблюдением стандартов при производстве строительных работ новая власть должна была «инспектировать продукты питания, тестировать меры и весы на точность, а также сохранять опрятный внешний

¹ *Barrie D. G.* Policing before the Police in the Eighteenth Century: British Perspectives in a European Context // *Oxford Handbook of the History of Crime and Criminal Justice*. Oxford; N. Y., 2016. P. 444; *Finnane M.* The Origins of 'Modern' Policing // *Oxford Handbook...* P. 457.

² *Raef M.* The Well-Ordered Police State and the Development of Modernity in Seventeenth- and Eighteenth-Century Europe: An Attempt at a Comparative Approach // *American Historical Review*. 1975. Vol. 80. N 5. P. 1235.

³ *Fosdick R. B.* European Police Systems. N. Y., 1915. P. 3.

вид цивилизованной жизни»; самым первым заданием полиции было «охотиться на волков и тушить пожары»¹. Если смотреть с точки зрения Просвещения, современные ему системы полиции были тесно связаны с административными задачами, определявшимися контролирующим камералистским государством.

Вторая модель связана со Службой столичной полиции Лондона, созданной Робертом Пилем в 1829 г. и заимствованной другими странами англоязычного мира (Австралией, Новой Зеландией, США). Теоретической основой этой модели является ее ориентация на интересы граждан, а не государства: она устанавливает децентрализованную полицию, легитимность которой проистекает от народа (идея «полиции с согласия»). Более того, ее основной функцией является защита безопасности населения, а не выполнение государственных административных задач². Либеральные историки Великобритании утверждают, что Служба столичной полиции была создана «из-за тревоги по поводу роста преступности и учащения общественных беспорядков»³. Известный сторонник этой интерпретации был Чарльз Рейт, который утверждал, что индустриализация и урбанизация привела к нарастанию беспорядка, которому удалось положить предел только с созданием «превентивной полиции» в XIX в.⁴

Эти две модели, или идеальных типа накладывают на историю полиции определенный отпечаток абстрактности, затмевающий более сложную реальность⁵. В то же время они представляют собой важные способы концептуализации полицейских систем. Обе можно обнаружить в дискуссии о милиции во время Российской революции.

Три концепции милиции

Для Петроградского Совета и Временного правительства, а также для многих стихийно сформированных милицейских ополчений в столице и в других местах преобладающей причиной поиска быстрой замены царской полиции была забота о «порядке». «Порядок» в данном контексте означал, как правило, борьбу с преступностью и обеспечение безопасности граждан. Февральская революция сопровождалась резким ростом преступности, особенно в Петрограде и Москве, вследствие общего краха власти, а также освобождения из тюрьмы сотен преступников наряду с политзаключенными⁶. В первом выпуске «Известий» Совет призвал сол-

¹ *Monas S. Anton Divier and the Police of St Petersburg // For Roman Jacobson: Essays on the Occasion of his Sixtieth Birthday. The Hague, 1956. P. 363.*

² *Johansen A. Police-Public Relations: Interpretations of Policing and Democratic Governance // Oxford Handbook... P. 500–501.*

³ *Emsley C. Introduction // Theories and Origins of the Modern Police. Farnham, Surrey, 2011. P. XII.*

⁴ *Reith C. Preventive Principle of Police // Journal of Criminal Law and Criminology. 1943. Vol. 34. P. 206–209.*

⁵ *Emsley C. A Typology of Nineteenth-Century Police // Crime, Histoire & Sociétés / Crime, History & Societies. 1999. N 3. P. 29–44.*

⁶ *Hasegawa T. Crime, Police, and Mob Justice in Petrograd during the Russian Revolutions of 1917 // Religious and Secular Forces in Late Tsarist Russia: Essays in Honor of Donald W. Treadgold. Seattle, 1992. P. 241–271; Мусаев В.И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001. С. 25; Коваль И.Я. Жестокая борьба: Из истории Московского уголовного розыска, 1917–1919 гг. М., 1963. С. 6–7.*

дат выполнять некоторые основные функции полиции: «Не позволяйте хулиганам обижать мирных граждан, не давайте разбивать магазины или грабить квартиры»¹. В прибавлении к газете, опубликованном в тот же день, была выражена тревога в связи с распространением хулиганства и грабежа: «По городу начинают бродить шайки хулиганов, которые грабят лавки и имущество обывателей. Революционный народ и армия ни в коем случае не должны допустить этого». Хулиганы должны были быть арестованы и отправлены «к коменданту Петрограда при Государственной Думе». Была также выражена озабоченность по поводу «бесцельных выстрелов» на улицах, которые расценивались как пустая трата боеприпасов, которые могли понадобиться в борьбе за утверждение революции. Революционные патрули были призваны разоружать нарушителей.² Рано утром 28 февраля Исполнительный комитет Петроградского Совета призвал заводских рабочих организовать отряды милиции, состоящие из 100 человек на каждую тысячу рабочих, и, хотя ничего не было сказано об их задачах, вскоре стало ясно, что отряды милиции будут функционировать в качестве подразделений местной полиции³. Формировавшееся Временное правительство почти одновременно издало свой призыв к формированию милиции. С утра 1 марта военная комиссия Государственной Думы попросила Дмитрия Крыжановского — архитектора и депутата Петроградской городской думы «организовать милицию от имени общественных организаций Петрограда, с целью поддержания порядка на улицах Петрограда»⁴. Необходимость скорейшего учреждения замены царской полиции вытекала, таким образом, из решимости бороться со вспышкой мелких преступлений и «хулиганства»⁵. В течение нескольких месяцев после Февральской революции, пока власти пытались навязать унитарную структуру многочисленным милицейским организациям, выявились различные мнения о том, какими должны быть формальные функции полиции в постцарской России.

Первое общее заявление кадетов о полицейской системе было написано Н.А. Ленским и появилось в партийной газете «Речь» от 14 марта. Ленский утверждал, что важнейшей задачей новой милиции должна быть защита «нарождающегося правопорядка, личных и имущественных прав граждан». Но также он выступал и за восстановление профессиональной полицейской организации с более широким кругом обязанностей. По мнению Ленского, система милиции, которая была слишком фрагментирована и зависела от добровольцев — которые будут постепенно возвращаться к своей основной профессии, — была бы «совершенно не в состоянии справиться с несением в интересах граждан и органов нового государственного строя разнообразных функций, лежавших на старой полиции, функций так называемой исполнительной полиции». Апеллируя к камералистской идее полиции, Ленский ссылаясь на ее административные задачи, за которые, таким образом, теперь должна быть ответственна милиция: «Наш каждодневный обиход тесно связан с необходимостью иметь по разумным случаям различные удостоверения,

¹ Известия Петроградского Совета рабочих депутатов. 1917. 28 февраля.

² Там же.

³ Там же.

⁴ The Russian Provisional Government 1917: Documents. Vol. 1. Stanford, 1961. P. 57.

⁵ Последующие исследования, однако, убедительно показали, что преступность оставалась серьезнейшей социальной проблемой в столице на протяжении всего 1917 г. и что милиции не удавалось справиться с ней. См.: *Hasegawa T. Crime, Police, and Mob Justice...*

свидетельства, справки. С другой стороны, все органы правительственной и общественной власти нуждаются в инстанциях, доводящих их требования и извещения до сведения граждан». Он признал, что реформа полиции займет некоторое время, но тем временем муниципальная милиция должна не только охранять «порядок и безопасность», она также должна взять на себя функции «исполнительной полиции». Поэтому Ленский предлагал концепцию новой полицейской организации, которая бы служила интересам государства наряду с интересами граждан и чья сфера деятельности была бы аналогична царской полиции; основное различие состояло бы в обязательствах новой милиции по отношению к правопорядку.

Видение Ленским милиции отчасти было выражением беспокойства кадетов по поводу центробежного характера уже развернувшегося процесса формирования добровольных милицейских дружин (и кадетского стремления обеспечить для Временного правительства возможность установить свою власть над страной), а отчасти общего убеждения, что либеральное государство должно иметь эффективный полицейский аппарат под своим командованием. В связи с этим Ленский выразил озабоченность по поводу демократического характера милицейских ополчений. Он предположил, что «излишняя коллегиальность» может помешать «инициативе и энергии» милиционеров в их работе и что дисциплина может быть гарантирована только в том случае, если руководство ополчения не будет ограничено «выборным началом на должности». В связи с этим глава милиции должен назначаться городской думой. Упреждая всякую критику в недостатке «радикализма» в свой адрес, Ленский привел сравнение с Великобританией. До сих пор, говорил он, Россия и Великобритания были «двумя полярно-противоположными странами» с точки зрения того, как были организованы их муниципальные полиции. «Теперь мы в этом вопросе не только пошли дальше всех промежуточных стран, но даже и Англии», потому что, как утверждал Ленский, столичная полиция Лондона не была по сути городской полицией, так как была подчинена государству¹.

Взгляд Ленского предвосхитил основные моменты постановления Временного правительства об официальном создании новой милиции, подписанного министрами 17 апреля и опубликованного 3 мая². Хотя целью постановления было создание единой системы милиции, Временное правительство так никогда и не достигло сколько-нибудь прочного контроля над избытком разрозненных и стремившихся к самостоятельности милицейских формирований в течение 1917 г. Важность постановления для этой статьи заключается в том, что оно показывает, как Временное правительство концептуализировало роль новой полицейской системы России. В постановлении с особой силой делался упор на необходимости создать условия для «регулярного полицейского государства». Милиция должна была представлять собой «исполнительный орган государственной власти на местах, состоящий в непосредственном ведении земских и городских общественных управлений», которые должны были назначать (и увольнять) местных начальников милиции. Высшей властью над милицией обладал министр внутренних дел, на которого возлагалась ответственность за «общее руководство деятельностью милиции».

В разделе 4 были перечислены обязанности милиции, и именно в их перечне явно просупало стремление Временного правительства иметь милицию в ка-

¹ Ленский Н. А. Охрана города и устройство милиции // Речь. 1917. 14 марта.

² Собрание узаконений и распоряжений правительства. 1917. 3 мая. С. 837–843.

честве «исполнительной полиции», которая будет выполнять административные задачи для государства. Первая статья этого раздела (ст. 18 постановления в целом) отражала основную причину формирования милицейских отрядов во время Февральской революции: «Милиция охраняет общественную безопасность и порядок и защищает всех и каждого от всякого насилия, обид и самоуправства». Ст. 19, однако, расширяла роль милиции, передавая ей «дела общественного благоустройства», и в ней были перечислены десять сфер деятельности, за которые ответственна милиция:

- 1) принятие мер к прекращению нарушения порядка, закона или обязательного постановления;
- 2) своевременное оповещение населения о распоряжениях правительственных и общественных властей и об исходящих от них объявлениях и извещениях;
- 3) охрана прав гражданской свободы;
- 4) содействие органам правительственной и общественной власти в осуществлении ими возложенных на них обязанностей;
- 5) выдача удостоверений о личности, а также всех других предусмотренных действующими постановлениями удостоверений, справок, сведений и свидетельств, в том числе свидетельств о бедности;
- 6) ведение учета населения в местностях, где таковой учет установлен;
- 7) составление актов и протоколов о всякого рода несчастных случаях и насильственных действиях, а равно о всякого рода обстоятельствах, если это необходимо гражданам для защиты их прав; <...>
- 8) обеспечение порядка в местах общественного пользования, а равно охрана исправного состояния дорог, мостов, гатей, улиц, площадей и пр. и надзор за порядком движения на них;
- 9) принятие мер к охранению безопасности и порядка при пожарах, наводнениях и других общественных бедствиях, а равно и подача помощи в несчастных случаях, и
- 10) требование содействия граждан для оказания помощи при общественных бедствиях и несчастных случаях.

Другие статьи в этом разделе описывают роль милиции в проведении уголовных расследований и судебных разбирательств, административных вопросах, касающихся военнослужащих, а также в процедурах, связанных с арестами и отчетностью.

Развитие иного взгляда на сферу деятельности милиции в 1917 г. можно проследить в партийной газете меньшевиков «Рабочая газета». Его авторы выступали за наделение милицейской системы более узкой ролью, чем та, за которую выступали Ленский и Временное правительство. В первом комментарии по этому вопросу, в статье неизвестного автора, опубликованной 8 марта в «Рабочей газете», высказывалось предположение, что некоторые товарищи в Петросовете спутали в дебатах о милиции «два понятия». Согласно первому, милиция представлялась в виде «вооруженного народа», который заменил бы армию и защищал революцию от контрреволюционных атак со стороны сторонников старого режима. По словам меньшевистской газеты, однако, в такой милиции не было необходимости, поскольку армия уже поддерживала революцию¹. На эту же точку зрения «Рабочая

¹ Рабочая газета. 1917. 8 марта.

газета» встала и в конце апреля, когда появились Красная гвардия, расцененная меньшевиками как большевистское развитие идеи о том, что люди — или, более конкретно, — рабочие, должны быть вооружены, чтобы защитить революцию¹.

В соответствии со вторым «понятием» необходимо было рассматривать «милицию как гражданскую полицию безопасности» или «гражданскую гвардию», перед которой стоит «неотложная задача» защитить граждан «от грабежей и бесчинств, от всякого самосуда, от погромной агитации», придя на смену царской полиции. Временное правительство, как писала «Рабочая газета», уже занималось решением этого вопроса, и только что объявило о том, что полиция будет преобразована в милицию под руководством местных властей. На такой организации «в настоящий переходный момент, когда часто трудно отличить друга от врага, от волка в овечьей шкуре», лежала огромная ответственность. Следовательно, сотрудникам милиции нужно было хорошо платить, они должны были быть высоконравственны и назначаться на выборных началах.

«Только такая милиция, опирающаяся на безусловное доверие граждан, будет иметь авторитет, необходимый ей как народному органу власти. Только такая гражданская гвардия с успехом может бороться с хулиганами и провокаторами, со всеми темными силами реакции, может обеспечить уличную безопасность и порядок нормальной жизни»².

Выборность контрастировала со скептицизмом Ленского относительно целесообразности демократии в милиции, а также с условием, содержащимся в постановлении Временного правительства: руководители милиции должны назначаться местными органами власти, а все остальные милиционеры должны назначаться руководителями милиции.

Самые пространственные рассуждения о милиции из всех, что появлялись на страницах «Рабочей газеты», были опубликованы Владимиром Шахом, меньшевиком, который организовал милицейское ополчение в Петроградском районе столицы³. В вопросе о функциях милиции и сфере ее деятельности Шах отстаивал два основных положения. Во-первых, отмечал он, система охраны общественного порядка больше не должна была играть политическую роль, как это было в царские времена, когда «она была лучшим орудием власти и угнетения, лучшим оплотом самодержавия». До Февральской революции, по словам Шаха, «только о безопасности граждан не заботилась полиция». Милиция, по его мнению, должна быть передана в ведение муниципальной власти, где она «перестает быть орудием государственной власти и не может быть более использована в целях подавления и угнетения». Децентрализация милиции гарантирует, что она не будет применяться для политических целей.

Во-вторых, Шах также утверждал, что милиция должна быть освобождена от многих из тех обязанностей, что возлагались на нее при царизме. Полицейские расследования, которые при старой власти не приводили к раскрытию правды и оставляли правонарушения и преступников безнаказанными, по мнению Шаха, должны были перейти в ведение специальных органов, подконтрольных юристам. Кроме того, выдача удостоверений будет дешевле для населения, если ее будут осуществлять «домовые и гражданские комитеты и служащие городского самоуправления».

¹ Рабочая газета. 1917. 29 апреля.

² Рабочая газета. 1917. 8 марта.

³ Wade R. Red Guards and Workers' Militias... P. 52–53.

А различные справки будут более точными, если их выдача будет находиться в ведении «специальных гражданских управ». Надзор за санитарно-техническим оборудованием и качеством пищевых продуктов будет более эффективным под контролем общественных, рабочих и профессиональных организаций. Что же, в таком случае, будет делать милиция? Шах отвечал: «Охрана безопасности и неприкосновенности граждан. Я сказал бы даже — помощь гражданам в деле охраны их безопасности»¹. Поэтому для Шаха новая система милиции должна была иметь более ограниченную роль и не могла считаться частью общегосударственной системы управления.

Третья концепция милиции была сформулирована большевиками. На протяжении всего 1917 г. большевики утверждали, что милиция является одним из основных инструментов, с помощью которых рабочий класс может осуществлять власть, предотвращать контрреволюцию, а также гарантировать свободу от угнетения. Другими словами, они рассматривали милицию с точки зрения борьбы классов; ее главная задача в их представлении состояла в том, чтобы защитить интересы пролетариата. Это была не просто идеологическая риторика без какой-либо связи с действительностью: после Февральской революции существовало организационное разграничение между муниципальной милицией, поддерживавшейся Временным правительством, и множеством добровольных рабочих милицейских дружин, базировавшихся на заводах и вокруг них, включая и Красную гвардию начиная с апреля. Для большевиков именно эти конкретные подразделения милиции должны были стать в России новой постоянной силой, предназначенной не только поддерживать общественный порядок в период революционного переустройства государственного строя: «Это — не временная организация для нужд момента», утверждала «Правда» еще 8 марта 1917 г., «это — рабочая армия, самоуправляющаяся и держащая в своих руках порядок в рабочих кварталах». Наличие этой «рабочей армии», развивала свою мысль «Правда», порождало «уверенность, что свобода не пустой звук, а жизненная реальность». Между тем у новой муниципальной милиции имелся «основной дефект», состоявший в том, что она была организована «старым городским управлением», чем и был вызван конфликт между муниципальными и районными милиционерами; единственный же верный путь организовать милицию — «снизу, самоорганизацией»². Идея милиции как пролетарской «армии» была не просто фигурой речи для большевиков. В течение 1917 г. они постоянно утверждали, что только хорошо вооруженный народ мог защитить свою свободу, что и было задачей милицейских рабочих дружин и Красной гвардии. Обращаясь к организации «Красной гвардии пролетариата», «громадной армии пролетариата», Владимир Бонч-Бруевич — брат царского военачальника Михаила — отметил Швейцарию в качестве примера страны, где свобода была гарантирована не постоянной армией, но всенародной милицией³.

Эти тезисы были разработаны В.И. Лениным в статье для «Правды», опубликованной 20 апреля. Суть замечаний Ленина сводилась к тому, что народу требуется самоуправление. Но для лидера большевиков народ означал конкретно пролетариат (а также беднейшие слои крестьянства), и вопрос о статусе милиции был частью классовой борьбы. По мнению Ленина, правительство помещиков и капиталистов пытается создать милицию, ему подотчетную, милицию, «оторванную от народа». Этому следовало противопоставить «всеобщее вооружение народа», милицию,

¹ Рабочая газета. 1917. 2 июня.

² Правда. 1917. 8 марта.

³ Правда. 1917. 18 марта.

которая была бы не отделена от полиции и армии, а полностью их заменила. Отвергая мнение, что нет необходимости вооружать пролетариат, Ленин утверждал, что пока «рабочие и солдаты [не сольются] в единую всенародную милицию», старый «аппарат угнетения остается в силе». Согласно Ленину, создание милиции было также частью процесса построения нового государственного аппарата снизу, что было необходимо для защиты революции:

«Заменить старые органы угнетения — полицию, чиновничество, постоянную армию — всеобщим вооружением народа, действительно всеобщей милицией, — вот единственный путь, гарантирующий страну в наибольшей степени от восстановления монархии и дающий возможность идти планомерно, твердо и решительно к социализму, не “вводя” его сверху, а поднимая громадные массы пролетариев и полупролетариев к искусству государственного управления, к распоряжению всей государственной властью»¹.

Ленин развил этот аргумент более подробно в своей работе «Государство и революция» (написана в августе и сентябре 1917 г., но опубликована только в 1918 г.), в частности в третьей главе, где он обращался к марксову анализу опыта Парижской Коммуны в сфере государственного строительства, чтобы на его основе сформулировать принципы конструирования постреволюционного государства.

Неудивительно поэтому, что большевики весьма критически воспринимали попытки Временного правительства придать милиции статус «исполнительного органа государственной власти», что, по их мнению, было по существу восстановлением царской полицейской системы во всем, кроме названия. 27 мая Конференция петроградских рабочих-милиционеров, организованная большевиками Выборгской стороны, выразила свое недовольство существованием муниципальной милиции во главе с Крыжановским, считая, что она «направлена к полному восстановлению под названием милиции полиции западноевропейского образца, во всем мире ненавистной большинству населения, главным образом беднейшим классам»². Это свидетельствует о том, насколько для большевиков в вопросе о локусе власти в контексте классовой борьбы роль милиции была фундаментальной; партия уделяла внимание не столько конкретным функциям милиции, сколько ее отношению к государству и народу.

Одно из немногих большевистских заявлений о милиции в течение 1917 г., содержащих некоторые подробности о том, каковы могут быть ее практические задачи — помимо общей задачи защиты революции, — сделал М. Ватин, большевик-активист и член редколлегий «Правды» и «Известий» (более известный под своим псевдонимом — В.А. Быстрянский). В брошюре, изданной весной 1917 г., озаглавленной «Не полиция, а всенародная милиция», Ватин изложил позицию Ленина по вопросу о милиции. Он утверждал, что революционная борьба между буржуазией и пролетариатом отчасти была борьбой между различными концепциями государства: той, в которой народ страдает под гнетом армии, бюрократии и полиции, и той, в которой народ осуществляет реальную власть, самостоятельно управляя государственным аппаратом. Во второй модели полиция заменена всенародной милицией: «Власть должна не на словах, а на деле принадлежать всему народу, править должен

¹ Правда. 1917. 20 апреля.

² Ерыкалов Е. Ф. Красная гвардия Петрограда в период подготовки Великой октябрьской социалистической революции // Исторические записки. 1954. Т. 47. С. 75.

организованный и вооруженный народ»¹. Хотя Ватин не расписал конкретных функций всенародной милиции, на протяжении всей брошюры он ссылался на жилищный вопрос и кризис в поставках хлеба и других предметов первой необходимости:

«Всенародная милиция означает, что у богатых классов не будет больше привилегии в деле получения продуктов, что надзор за распределением продуктов не останется на бумаге, что санитарный надзор за условиями жизни и труда не будет простым невинным пожеланием. Сами граждане, привлеченные к обязательной службе в милиции, лучше справятся с делом охраны порядка и безопасности в стране, с санитарным надзором, с распределением продуктов, чем чуждые народу и оторванные от него профессионалы-полицейские»².

Таким образом, Ватин подчеркнул, что милиция может дать людям возможность удовлетворять свои насущные потребности.

После Октябрьской революции радикальное видение большевиками системы гражданской полиции было смягчено требованиями начинающейся Гражданской войны и углублением экономического кризиса. В соответствии с большевистским приоритетом государственного строительства милиция вскоре превратилась в централизованный государственный орган, а в октябре 1918 г. новый отдел Народного комиссариата внутренних дел, Главмилиция, был создан, чтобы управлять профессиональной и укомплектованной на постоянной основе полицейской системой. Первое полноценное заявление советского правительства о функциях милиции появилось 20 октября 1918 г., когда Комиссариаты внутренних дел и юстиции опубликовали постановление «Об организации Советской Рабоче-Крестьянской Милиции (Инструкция)», подписанное Григорием Петровским (наркомом внутренних дел) и Дмитрием Курским (наркомом юстиции)³.

Вводное предложение постановления поясняло, что «инструкции» были «временной мерой», чтобы разобраться с «чрезвычайными условиями», а также для защиты «революционного порядка». Ст. 2 гласила, что милиция является «исполнительным органом Рабоче-Крестьянской Центральной власти на местах, состоящей в непосредственном ведении местных Советов, и подчиняется общему руководству Народного Комиссариата по Внутренним Дела». Эта формулировка была почти идентична соответствующей части постановления Временного правительства: «Рабоче-Крестьянская Центральная власть» заменила «государственную власть», а «местные советы» пришли на смену «земским и городским общественным управлениям». На самом деле во многих отношениях большевистское постановление оказалось просто пересмотренным вариантом постановления Временного правительства, обновленным, чтобы отразить приход Советской власти, но практически без изменений в основной части. Это особенно очевидно в разделе, где определены сферы деятельности советской милиции (ст. 25–28).

Ст. 25 еще раз подтверждала классовое видение большевиками милиции и ее общей роли: «Советская Милиция стоит на страже интересов рабочего класса и беднейшего крестьянства. Главной ее обязанностью является охрана революционного

¹ Ватин М. Не полиция, а всенародная милиция. Пг., 1917. С. 3.

² Там же. С. 10.

³ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918. 20 октября (№ 75). С. 921–926.

порядка и гражданской безопасности» (соответствующая часть постановления Временного правительства, ст. 18, обязывала милицию защищать всех граждан). Сходство постановления большевиков с его более ранним аналогом, изданным от имени Временного правительства, становилось ясно в ст. 26, где задачи милиции были перечислены более подробно. Как и вариант Временного правительства, она содержала десять пунктов:

«К предметам ведения Милиции относятся:

- 1) Предупреждение и пресечение нарушений порядка, установленного Советской властью, ее декретов и распоряжений;
- 2) Строгое наблюдение за исполнением всеми гражданами декретов, законов и распоряжений Центральной Рабоче-Крестьянской власти по учету, распределению и соблюдению твердых цен на продукты промышленности и сельского хозяйства (хлебная монополия, распределение тканей, и т. п.);
- 3) Своевременное оповещение населения о распоряжениях органов Советской власти;
- 4) Содействие органам Советской власти в осуществлении ими возложенных на них обязанностей;
- 5) Составление актов и протоколов о нарушении порядка, преступлениях, проступках и происшествиях, как обнаруженных самой Милицией, так и следовавших ей известными по заявлению учреждений и лиц; <...>
- 6) Наблюдение за выполнением санитарных правил и мероприятий, предпринимаемых Народным Комиссариатом Здравоохранения и местными органами Советской власти;
- 7) Обеспечение порядка на местах общего пользования, а равно наблюдение за исправным состоянием дорог, мостов, гатей, улиц, площадей и проч. и надзор за порядком движения на них;
- 8) Принятие мер к охране безопасности и порядка во время пожаров, наводнений и других народных бедствий, а равно и подача помощи в несчастных случаях;
- 9) Выдача в случаях, предусмотренных распоряжениями Центральной Рабоче-Крестьянской власти, удостоверений о личности, трудовых книжек и других удостоверений, справок, сведений и свидетельств;
- 10) Привлечение граждан для оказания помощи при народных бедствиях, несчастных случаях и отдельных контрреволюционных выступлениях».

Большинство из этих пунктов просто повторяли список милицейских обязанностей из постановления Временного правительства. Только п. 2 и 6, относящиеся к вопросам экономического распределения и здравоохранения, были принципиально новыми и отражали конкретные приоритеты экономической политики большевистского режима (кстати, оба пункта Ватин упоминал в своей брошюре весной 1917 г.). Они заменяли п. 3 и 6 постановления Временного правительства: в задачу милиции больше не входило защищать гражданские свободы или проводить учет и регистрацию населения. Остальные статьи большевистского постановления в разделе, излагающем область милицейских полномочий, были связаны с процедурами расследования уголовных дел.

Будучи всего лишь измененным вариантом постановления Временного правительства, а не совершенно новым документом, который был бы основан на радикальных идеях о милиции, провозглашавшихся большевиками в 1917 г., постановление

октября 1918 г. ясно указывало на то, что роль милиции в основном остается неизменной, по крайней мере с точки зрения ее формально установленного предназначения. Милиция назначалась ответственной не только за обеспечение законности и порядка, но и наделялась целым рядом социальных и надзорных функций, вновь выступая инструментом государственного управления — органом «регулярного полицейского государства». Конечно, роль милиции быстро видоизменялась и возрастала во время и после Гражданской войны¹, но интересно отметить краткосрочную преемственность между основными положениями, сформулированными Временным правительством, и послеоктябрьскими законодательными актами большевиков о функциях и сфере деятельности органов по охране общественного порядка.

В настоящем докладе были кратко изложены три концепции полиции, которые обсуждались на протяжении 1917 г. В заключение я хотел бы подчеркнуть некоторые общие черты, которые имелись у этих концепций с давними устойчивыми идеями о «современных» полицейских системах. Позиция Ленского, изложенная в постановлении Временного правительства в апреле 1917 г., определяла милицию как государственный административный аппарат (исполнительную полицию), а это отражает принципы камерализма, лежавшие в основе развития нескольких европейских полицейских систем с XVII в. и далее (в том числе и в царской России). Большевистская концепция милиции как «вооруженного народа», несомненно, является наиболее радикальной позицией в 1917 г., происходящей в некоторой степени из их понимания Парижской Коммуны, но после Октябрьской революции модель «регулярного полицейского государства» была быстро восстановлена.

У некоторых меньшевиков были значительные оговорки по поводу кадетской и большевистской концепций: централизованная «исполнительная полиция» была потенциальным инструментом угнетения; и не было необходимости вооружать народ, потому что армия уже поддержала революцию. Вместо этого милиция должна была быть децентрализованной, сообразной демократии полицией, и ее главная задача должна заключаться в защите безопасности граждан. В этом смысле позиция некоторых меньшевиков была похожа на модель столичной полиции Лондона, т. е. «превентивной полиции». Таков же был мотив многих стихийно сформированных добровольческих милицейских ополчений, которые быстро распространялись после Февральской революции, хотя в основном они действовали по необходимости (восстановления порядка), а не по теоретической модели полиции.

Конечно, революционный дискурс о полиции в 1917 г. имел свою собственную динамику. Актуальность вопроса о задачах милиции была обусловлена реальной озабоченностью по поводу нарушений общественного порядка, мелких преступлений и хулиганства, кроме того, в спорах по этому вопросу отражались как соперничество идей об отношениях между государством и обществом, так и различные партийные идеологии. Но дискуссия относительно принципов устройства органов по охране общественного порядка протекала в более широком контексте, а именно контексте исторического развития полицейских систем начиная с XVII в. Если смотреть с этой точки зрения, революция создала политическую арену для открытого обсуждения этих систем, а точнее, их идеальных типов.

¹ См., напр.: *Мулукаев Р.С.* Становление советской милиции (1917–1920 гг.) // Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995.

Ёсиро Икэда

**О РАЗДЕЛЕНИИ ВЛАСТИ И ЕДИНЕНИИ ВЛАСТИ
В ДИСКУРСАХ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.**

В России в 1917 г. выдвигались различные проекты установления республиканского строя. Одни из них предлагались для решения задач текущего момента, воплощаясь в деятельности таких совещательных органов, как Московское государственное совещание, Демократическое совещание, Временный совет Российской республики и др. Другие были ориентированы на разрешение задач более длительного периода, находя свое выражение в проектах будущего республиканского строя.

Все эти проекты, отличаясь друг от друга как своей направленностью, так и исходными позициями их авторов, имели одну и ту же цель — осуществление народоправства, т. е. власти народа. Но по одному критерию все они могут быть разделены на две большие группы. К первой следует отнести проекты, основанные на представлениях о единстве государственной власти: совещательные органы 1917 г., проекты будущего политического строя социалистических партий и т. д. Вторую составляют проекты, основанные на идее разделения властей: кадетский проект будущей республики, подготовленный в Юридическом совещании при Временном правительстве, проект временного президента республики и т. д. Нужно подчеркнуть, что такая группировка не имеет жесткой сопряженности с партийной принадлежностью тех, кто в 1917 г. предлагал свои модели республиканского строя.

Таким образом, в революционной России шло соперничество между этими двумя видами проектов республиканского строя. Однако баланс сил был неравный: подходы, основанные на понятии единства государственной власти, доминировали. Этому способствовало и то обстоятельство, что деятельность самого Временного правительства, стремившегося к концентрации в своих руках как исполнительной, так и законодательной власти, в большей степени соответствовала идее отказа от разделения властей.

В настоящей статье мы рассматриваем различные проекты установления республиканского строя, анализируя их на фоне деятельности Временного правительства и, в частности, представлений его членов о власти. Доминирование понятия единства власти в проектах республики и деятельности Временного правительства означает, что в России 1917 г. шел глубоко своеобразный политический процесс, который затруднительно осознать в терминах либерализма. В этом смысле подход автора данной статьи во многом совпадает со взглядами на корпоратизм 1917 г. в статье Д. Орловски и на жизнеспособность совеща-

тельных органов в трудах А.Б. Николаева¹. Многие аргументы в пользу важности представлений о власти при изучении вопросов российской революции почерпнуты автором из работы В.П. Булдакова². Представления о власти являются также важной частью вопроса, касающегося политической культуры революции, и в этом отношении полезным было ознакомление с работами Б.И. Колоницкого, Д.Ф. Гельдерна и др.³

После падения самодержавия возникла парадоксальная ситуация: кадеты, долго требовавшие самостоятельности законодательных учреждений по отношению к правительству, внезапно стали настаивать на необходимости для нового правительства отказаться от разделения властей. Так, 3 марта 1917 г. ЦК кадетов по обсуждению «вопроса о характере власти Временного правительства» постановил, что «Временное правительство должно считаться имеющим законодательную и исполнительную власть». Этот постулат стал ключевым в деятельности Временного правительства до последнего момента его существования. ЦК кадетов также признало, что «следует оставить в бездействующем состоянии Временный комитет Гос[ударственной] Думы, не упраздняя его, а также не изменяя ни в чем нынешнего состояния законодательных палат». Тем самым ЦК кадетов желал законсервировать обе палаты и Временный комитет Государственной Думы⁴.

Любопытно, что сосредоточение власти в руках Временного правительства сопровождалось изменением названия высшего органа исполнительной власти. 8 марта 1917 г. Юридическое совещание при Временном правительстве обсуждало данный вопрос. П. 4 протокола заседания гласил: «По предложению В.А. Маклакова признано желательным не употреблять в публикуемых актах и сообщениях термина Совет Министров, заменяя его словами Временное Правительство»⁵. В соответствии с этим 10 марта 1917 г. Временное правительство по устному предложению управляющего делами Совета министров В.Д. Набокова постановило: «Впредь до установления постоянного правительства, именовать Совет Министров Временным правительством, управляющего делами Совета Министров — управляющим

¹ *Orlovsky D. Corporatism or Democracy: The Russian Provisional Government of 1917 // Landscaping the Human Garden: Twentieth-Century Population Management in a Comparative Framework / Ed. A. Weiner. Stanford, 2003; Николаев А.Б., Поливанов О.А. Российский парламентаризм в 1917 году // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды: Сборник научных статей. Вып. 1. СПб., 1993; Николаев А.Б. «Парламентский» проект В.В. Шульгина // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. Вып. 2. СПб., 1994.*

² *Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010.*

³ *Figes O., Kolonitskii B. Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917. New Haven, 1999; Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть. К изучению политической истории российской революции 1917 года. СПб., 2001; Geldern J. von. Bolshevik Festivals, 1917–1920. Berkeley, 1993.*

⁴ *Протоколы центрального комитета конституционно-демократической партии. Т. 3. 1915–1920 гг. М., 1998. С. 354.*

⁵ *ГА РФ. Ф. 1792. О. 1. Д. 2. Л. 1 об. В.А. Маклаков, член ЦК кадетов, был избран председателем Юридического совещания на этом же заседании (Там же. Л. 1). О Юридическом совещании см.: Стародубова А.Л. Юридическое совещание 1917 г.: Основные направления деятельности: Дис. ... канд. ист. наук. М., 2000.*

делами Временного правительства» и т. д.¹ Мотивировка переименования неясна, но можно предположить, что кроме символического подчеркивания отрыва от прошлого признание экстраординарного характера власти Временного правительства также служило основанием данного решения. Во всяком случае, так родилось правительство революционной власти, объединившее в себе как исполнительную, так и законодательную власть. Тот факт, что Временное правительство основывалось на идее отказа от разделения властей, имел фундаментальное значение для всего процесса революции 1917 г.

Официально не было установлено, к какой форме правления должно привести Россию Временное правительство, поскольку это считалось прерогативой Учредительного собрания. Тем не менее почти все политические группы считали республику единственно возможной формой правления. Кадеты, отстаивавшие на протяжении длительного времени идею конституционной монархии, также оставили свою старую позицию. 10 марта 1917 г. ЦК кадетов на пленарном заседании с участием членов парламентской фракции принял решение предложить намеченному на 25 марта 1917 г. партийному съезду изменить параграф программы партии таким образом, чтобы «вместо парламентской монархии признать необходимость установления демократической республики»².

Как указывал член ЦК кадетской партии А.А. Корнилов в своей лекции на курсах для лекторов и агитаторов партии 20 марта 1917 г., теоретически рассматривалось несколько вариантов республики: «Какой республиканский строй мы желаем: демократический, парламентарный или, может быть, непосредственной демократии, демократии плебисцитарной?» Для Корнилова ответ был ясен. «Я не сомневаюсь, что в России может быть только строй республики парламентарной, т. е. республики, при которой страной управляет избираемый парламентом президент при помощи министерства, ответственного перед народным представительством»³.

В развернутом виде на желательность парламентской республики в России было указано на VII съезде кадетской партии, который проходил в Петрограде с 25 по 28 марта 1917 г. Докладчиком по этому вопросу выступил член ЦК партии и выдающийся теоретик государственного права Ф.Ф. Кокошкин, чей доклад «О государственном строе в России» был впоследствии опубликован отдельной брошюрой под названием «Республика». На первый взгляд, этот доклад напоминал лекцию ученого, делающего упор на теорию разделения властей и типологию исполнительной власти. В действительности же доклад Кокошкина был продуктом стратегического подхода, и красной нитью в нем проходило стремление к удержанию факторов прямой демократии в политическом строе будущей Российской республики. Ф.Ф. Кокошкин указал на два возможных искажения начал народоправства. Первое из них — «сосредоточение всех функций государственной власти в руках одного представительного собрания». Это такая форма правления, которая существовала во Франции в эпоху Конвента и которая «при-

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1: Март—апрель 1917 года. М., 2001. С. 71.

² Постановления Центрального комитета партии народной свободы // Речь. 1917. 12 марта.

³ Корнилов А. А. Партия народной свободы (исторический очерк). Издание Партии народной свободы. Пг., 1917. С. 3, 31.

вела к жестокому деспотизму». Второе искажение — такое, при котором «исполнительная власть республики поставлена слишком независимо от законодателя», как было во Франции при Людовике-Наполеоне. Для того чтобы республиканская форма правления удержалась между этими двумя крайностями, и «должно быть проведено разделение власти».

Говоря о разделении властей, Ф.Ф. Кокошкин лишь бегло коснулся законодательной власти, развернуто изложив свое мнение относительно исполнительной власти, назвав при этом три типа республики. Первый тип — швейцарский, «где во главе правительства стоит не одно лицо, а коллегия». Кокошкин считал, что он «совершенно неприменим вообще к большому государству, в частности к России». Второй тип — американский, где во главе исполнительной власти стоит президент республики, который «управляет страной не на парламентских началах». Третий тип — французский, характерный для Третьей республики (1870—1940), при котором «президент управляет страной через посредство министерства, ответственного пред народным представительством». Кокошкин противопоставлял американский тип французскому, предпочитая последний, поскольку в политической системе Третьей республики президент «не имеет такого реального значения и таких широких прав, как в типе американском», где президент избирается всенародным голосованием. По мнению Ф.Ф. Кокошкина, всенародное избрание ставит президента республики выше народного представительства, и этот фактический авторитет президента «безопасен в тех странах, где, как в Северной Америке, принцип народоправства укрепился давно <...> Но совсем другое дело в странах, вступивших впервые на путь республики». В таких странах, как Россия, такое непосредственное избрание народом президента может привести к победе демагогов типа Людовика-Наполеона⁴.

Опасения относительно проявлений деспотизма как слишком сильным представительным органом, так и всенародно избранным президентом заключали в себе негативную оценку Ф.Ф. Кокошкиным нараставшего влияния народных масс на политику. Его товарищи по партии разделяли подобный подход к вопросу о прямой демократии. Так, А.М. Петрункевич подчеркивала важность косвенной демократии в брошюре о Великой Французской революции. «Действительные мнения и желания народа в его целом имеют только одно законное и справедливое средство выражения: через законодательное собрание, состоящее из выбранных народом депутатов»⁵. В соответствии с этим VII съезд кадетов утвердил доклад Ф.Ф. Кокошкина, основанный на принципе разделения властей⁶.

Решение кадетов о президентстве вызвало критику со стороны социалистических партий, ставивших законодательную власть (представительный орган) выше исполнительной. Впрочем, самое главное отличие позиции социалистов состояло в том, что в их проектах была заметна тенденция к абсолютизации власти на основе представления о ее единстве. В газете «Социал-Демократ» московские большевики писали, например, что «в демократической республике вся полнота власти должна быть сосредоточена в руках народных представителей». По их мнению,

⁴ Кокошкин Ф. Ф. Республика. Пг., 1917. С. 16—20.

⁵ Петрункевич А. О Великой Французской революции. Пг., 1917. С. 32.

⁶ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1: 1915—1917 гг. М., 2000. С. 400.

«президентская власть является вредным пережитком монархии», и «действительное самодержавие народа и существование президента несовместимы»¹.

В партии эсеров разработкой этого вопроса занимался М.В. Вишняк. На основании его доклада III съезд партии эсеров (25 мая — 4 июня) утвердил тезисы «Основные принципы государственного устройства». В соответствии с ними «организация исполнительной власти на единоличном начале должна быть решительно отвергнута. “Символ” государства, воплощенный в личности президента, будучи пережитком царизма, питал бы монархические чувства и грозил бы самому существованию республиканской формы правления». Впоследствии М.В. Вишняк писал в своих воспоминаниях: «И то положение, которое создалось во время революции, когда существовало правительство, но не было главы государства, был министр-президент, но не было президента, видимо, владело моим сознанием». Тезисы М.В. Вишняка отстаивали коллегиальную форму управления как систему, в которой исполнительная и законодательная власть функционируют солидарно с первенством последней. «Избранная народным представительством правительственная *коллегия* совершенно не исключает возможности деятельного сотрудничества власти исполнительной и законодательной на началах политической солидарности и ответственности перед народом и его представительством». При этом в тезисах подчеркивалось, что предложенная коллегиальная форма отличается от швейцарского типа управления наличием, с одной стороны, «*политической солидарности* между органами исполнительной власти и между исполнительной властью и властью законодательной» и отсутствием «необходимости устанавливать заранее *срок*, на который избирается правительственная коллегия» с другой. Тем самым он предлагал, как и большевики, свою версию абсолютизации власти на основе принципа политического единства высших органов государственной власти².

Впоследствии в брошюре «Республика без президента» Евгений Трупп более подробно разъяснял причины негативного отношения эсеров к президентству. Трупп указывал на следующие три недостатка такой формы правления. Во-первых, предлагалось принять во внимание, что «трудно выбрать из всего государства одного такого человека, который был бы угоден всем», и поэтому «президент является всегда представителем одной, самой сильной партии, которая собирает наибольшее количество голосов». Во-вторых, когда «какой-нибудь человек получает большую власть и привыкает к этой власти, ему очень трудно бывает с этой властью расстаться». Такая привычка к власти и почету «очень часто заставляет президента задумываться над тем, чтобы превратиться из президента республики в монарха». В качестве примеров назывались Наполеон III и президент Китайской республики Юань Шикай, объявивший себя императором в 1915 г. В-третьих, «президент выбирается всегда на более или менее продолжительный срок». Вследствие вышеизложенного автор делал вывод о том, что будущей России не нужен президент, власть которого есть не что иное, как «просто остаток старой царской власти». В Древней Греции и Древнем Риме, которые также были республиками, не существовало президента. Также и в Швейцарии обходятся без президента, имеется только председатель Со-

¹ Антонов Н. Нужен ли президент в демократической республике? // Социал-Демократ. 1917. 13 апреля.

² Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 3. Ч. 1. Февраль—октябрь 1917 г. М., 2000. С. 612—614; Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 280—281.

вета министров. Соответственно, желательно, чтобы и в России законодательная палата выбирала ответственное лицо на должность министра-председателя и поручала ему образование Совета министров¹.

Меньшевики тоже шли в ногу с представителями других партий. Так, листовка меньшевистского ЦК из серии «К выборам в Учредительное Собрание» гласила: «Некоторые партии будут требовать, чтобы исполнительная власть принадлежала президенту. Президент будет сам назначать своих министров и всех высших чиновников в государстве. Такого порядка будет добиваться, например, кадетская партия, называющая себя партией народной свободы». «Социал-демократическая рабочая партия будет настаивать, чтобы и вся исполнительная власть также принадлежала собранию народных представителей — парламенту». «Парламент будет сам выбирать всех министров, и собрание (или иначе — кабинет) министров во главе с первым министром (премьер-министр) будет управлять государством в согласии с теми законами, которые издадут народные представители»².

Итак, социалисты критиковали проект кадетов о президентстве, потому что, во-первых, президентство является остатком царизма, и во-вторых, потому что кадетский проект был нацелен на уменьшение роли представительного органа в его отношениях с исполнительной властью. Поскольку проект Ф.Ф. Кокошкина не ставил своей целью сильную президентскую власть, критика об остатке царской власти была мимо цели. Тем не менее социалисты ясно понимали, что кадеты намерены ограничить влияние прямой демократии в структуре власти. Можно сказать, что именно это намерение кадетов давало социалистам повод подчеркивать важность сосредоточения всей полноты власти в представительном органе. Разумеется, и до этого у социалистов было заметно сильное стремление отстаивать идею о единстве государственной власти.

Как отмечено выше, идея единства государственной власти не являлась монополией социалистов. Она же лежала в основе деятельности Временного правительства. Апрельский кризис не ослабил эту тенденцию. Наоборот, этот правительственный кризис подтолкнул приверженцев Временного правительства к тому, чтобы активно выразить свое представление о власти с целью легитимировать деятельность правительства. Так, партийный орган кадетов «Речь» от 30 апреля 1917 г. отметил в своей передовице: «Временное Правительство не есть ответственное министерство. Оно не только нечто большее, совмеща в себе власть законодательную и исполнительную. Оно по существу своему, по происхождению и по положению в государстве есть нечто иное. Конечно, только ради шутки или для полемических целей его можно характеризовать, как коллегии двенадцати самодержцев, заменивших одного»³.

Характерно, что выражение «двенадцать самодержцев», которое здесь было употреблено «только ради шутки», потом применялось вполне серьезно. Член ЦК кадетов, юрист и автор книги «Парламентаризм» (1912) К.Н. Соколов в журнале «Нива» утверждал: «До Учредительного Собрания оно [Временное правительство. — *Ё. И.*] есть единственный носитель верховной власти Российского государства, и часто

¹ *Трунт Е.* Республика без президента. Пг., 1917. С. 11–16.

² *Молотов С.* Вся власть — народу (полновластный парламент). Центральный Комитет Российской Социал-Демократической Рабочей Партии (объединенной). [1917]. С. 2.

³ Передовая // *Речь*. 1917. 30 апреля.

приводимые шутливые слова о “двенадцати самодержцах”, поставленных революцией на место одного, выражают бесспорную юридическую истину¹.

Будучи под постоянным давлением со стороны «революционной демократии» внутри и вне кабинета, кадеты имели собственную причину настаивать на абсолютном характере власти Временного правительства, осуществляемой «двенадцатью самодержцами», равными между собой и ни перед кем не ответственными. После июльских событий, во время образования нового кабинета в газете «Речь» за 14 июля была опубликована статья «О революционной власти», в которой абсолютная власть Временного правительства объяснялась следующим образом: «Революционные силы, создавая новую власть и предопределяя в момент образования состав и программу ее, этим самым передают, так сказать, суверенитет революции в руки созданной революцией власти»².

Безответственность Временного правительства подвергалась нападкам со стороны Частного совещания депутатов Государственной Думы, многие члены которого хотели реанимировать Государственную Думу хотя бы как совещательный парламент. 18 июля 1917 г. на заседании совещания прогрессист А.М. Масленников отметил: «Ведь это правительство опять будет правительством бессилия... Я полагаю, то первое правительство сгубило себя, знаете чем? Тем, что оно послушалось многих людей и сказало: Дума больше не существует, вся полнота власти принадлежит мне, мы, десять человек, самодержцы всея России». «Ну, а Россия, знаете, скативши [так в тексте. — *Е. И.*] с плеч самодержца Николая II, вовсе не пожелала посадить другого, хотя бы и десятиголового самодержца». На это, защищая абсолютную революционную власть Временного правительства, возразил П.Н. Милюков, заявивший, что оно «несомненно, и законодательствует и даже практикует права учредительной власти. Нельзя оспаривать того, что Временное правительство не вмещается в рамки старых основных законов, как не вмещается и вся революция»³.

Кадеты считали, что члены кабинета, и прежде всего министр-председатель, должны быть самостоятельны и по отношению к своей партии. «Речь» 9 августа 1917 г. сетовала на слишком тесную связь между Керенским и партией эсеров. «А.Ф. Керенский занимает теперь самый важный пост в России, по существу стоящий над партиями... Партийные друзья председателя совета министров не должны слишком компрометировать своего вождя, выставляя его кандидатуру повсюду, где это нужно для ловли лишних голосов»⁴. Затем, 21 августа 1917 г., государственный контролер Ф.Ф. Кокошкин послал письмо Керенскому с просьбой встать над партиями. Он писал, что из-за болезни не может быть на заседании правительства, и просил в его отсутствие не ставить в очередь законопроекты министерства земледелия об упорядочении земельных отношений и о рубке лесов. «Земельные комитеты в своем настоящем виде — органы анархии и беспорядка — а расширять их функции значило бы наносить новый и непоправимый удар государству». В заключение он писал: «Высказываю Вам все мои опасения с полной откровенностью,

¹ Соколов К. Политическое обозрение // Нива. 1917. № 20, 20 мая. С. 303; Соколов К.Н. Парламентаризм. Опыт правовой теории парламентарного строя. СПб., 1912; Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. Т. 3. С. 379, 554–555.

² О революционной власти // Речь. 1917. 14 июля.

³ Буржуазия и помещики в 1917 году. Частные совещания членов Государственной Думы. М.; Л., 1932. С. 219, 224.

⁴ Передовая // Речь. 1917. 9 августа.

надеясь на Ваше сочувствие и поддержку. Ведь речь идет сейчас не о партийных программах, а защите государственного порядка и народного достоинства»¹.

Очередной кризис власти в связи с мятежом Корнилова вновь заставил кадетов конкретизировать их представления о власти. Ф.Ф. Кокошкин решил уйти из кабинета после того, как Временное правительство предоставило А.Ф. Керенскому чрезвычайные полномочия. По словам министра путей сообщения П.П. Юренева, интервью с которым было опубликовано в «Петроградском листке» от 31 августа 1917 г., «все последние дни Вр[ременного] Правительства как такового не существовало, были лишь совещания министров». Ф.Ф. Кокошкин увидел в этом положении нарушение равенства между министрами. По его мнению, «чрезвычайные полномочия, предоставленные А.Ф. Керенскому, делают остальных министров простыми исполнителями предубаждений министра-председателя, а быть в роли простого исполнителя он не считает для себя возможным». Правда, нужно признать, что его товарищи по партии считали чрезвычайные полномочия А.Ф. Керенского пока приемлемыми².

В более нормативном виде кадетское представление о власти изложил член Юридического совещания барон Б.Е. Нольде. Его беседа была опубликована в «Петроградском листке» от 5 сентября 1917 г. в связи с провозглашением республиканского строя в России (1 сентября). На вопрос, «почему же с провозглашением республиканского строя в России не провозглашены одновременно конституционные законы?», он ответил: «На это скажу, что конституцией является само Вр[ременное] Правительство, само его существование». Далее он подтвердил интерпретацию Временного правительства как коллегии самостоятельных членов и убеждение в абсолютности его власти. «Не во всех республиках есть президент. Возьмем Швейцарию. Там есть председатель союзного совета, но он не обладает самостоятельной властью президента, а является лишь главою известной коллегии. Так и в России сейчас или вернее во главе Российской республики стоит в настоящее время коллегия в лице Вр[ременного] Правительства, которое, впрочем, у нас соединяет в себе и власть законодательную и исполнительную»³.

В середине сентября 1917 г. началось обсуждение вопросов, относящихся к исполнению постановления Временного правительства о возложении на Юридическое совещание подготовительных работ, связанных с открытием Учредительного собрания. Проекты, подготовленные в этот момент, по своему духу были аналогичны мартовскому докладу Ф.Ф. Кокошкина. Разделение властей в них было определяющим принципом.

14 сентября 1917 г. в заседании Юридического совещания кадет А.М. Кулишер предложил на обсуждение среди прочих вопрос о желательности выработки проекта временной организации исполнительной власти. Интересно, что в данный момент коллегия еще указывается наряду с президентом в качестве высшего органа исполнительной власти. Протокол гласил: «Наконец, по вопросу об организации исполнительной власти, принимая во внимание ряд связанных с ним важных

¹ ГА РФ. Ф. 1807. О. 1. Д. 494. Л. 1 — 1 об., 2 об.

² Министр П.П. Юренев о моменте // Петроградский листок. 1917. 31 августа; Кризис // Речь. 1917. 31 августа.

³ *М-ов Л.* Россия — республика. (Беседа с доктором государственного права проф. Пгтр. университета бар. Б.Е. Нольде) // Петроградский листок. 1917. 5 сентября.

вопросов, как то: кому вверяет Учредительное Собрание исполнительную власть — Президенту или Коллегии, роль Президента или Коллегии, ответственность или неответственность Министров, солидарность Совета Министров и т. д. — вопросы, которые должны быть поставлены и всесторонне освещены — Юридическое Сочещание высказалось за необходимость составления определенной, ясной, вполне объективной справки об организации исполнительной власти в Республике»¹.

Эта справка была составлена делопроизводством Юридического совещания под названием «Организация исполнительной власти при Учредительном Собрании». Как и в мартовском докладе Ф.Ф. Кокошкина, неприятие прямой демократии проходило в ней красной нитью. «Приходится признать, что принцип разделения властей вообще относится лишь к властям, “учрежденным” действующей конституцией. Для учредительной власти этого принципа не существует. Есть только полнота народного суверенитета, всё поглощающая, всё сокрушающая перед собой». Справка также внесла свой вклад, как и Ф.Ф. Кокошкин, в теорию разделения властей. «Напротив, теория парламентаризма дает средний выход. Учредительному Собранию достаточно поставить себя в положение обыкновенного парламента, имеющего ответственное перед ним министерство, чтобы фактически сохранить за собою руководящее влияние на управление. Для этого нет уже надобности производить полное смешение функций и тем самым уничтожать всякую возможность соблюдения принципа законности в управлении»². Далее в справке следовало изложение истории Первой, Второй и Третьей республик во Франции с точки зрения организации исполнительной власти. Характерно, что объем описания Первой республики больше (12 страниц), чем Второй и Третьей (8 страниц), хотя кадеты, составлявшие ядро в Юридическом совещании, предпочитали Третью республику в качестве модели для будущей Российской республики³. Можно сказать, что и здесь отразились опасения относительно разрушительной силы прямой демократии, всё сильнее ощущавшейся к сентябрю 1917 г. в революционной России.

16 сентября 1917 г. вопрос о президентстве на заседании Юридического совещания не обсуждался, однако его председатель кадет Н.И. Лазаревский предложил вниманию собрания вопрос, тесно связанный с функциями президента, — об освобождении Учредительного собрания от дел верховного управления. По мнению Лазаревского, после своего открытия Учредительное собрание будет так сильно поглощено принципиальными вопросами государственного строя (основные законы и др.), что ему некогда будет заниматься ни текущими административными делами, ни делами верховного управления. Поэтому, считал он, следует заранее перевести дела верховного управления, разрешавшиеся в свое время волей монарха, а ныне разрешаемые Временным правительством, на усмотрение органов управления. Их можно было бы предоставить разрешению коллегии министров в виде, например, отделений Малого совета. В итоге Юридическое совещание решило поручить Н.И. Лазаревскому подготовить проект по этому вопросу⁴.

Нам представляется, что именно в этом контексте нужно рассматривать те части «Проекта закона об организации временной исполнительной власти при Учре-

¹ ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 4. Л. 130, 136–138.

² Там же. Д. 31. Л. 17 об. См. также: *Стародубова А.Л.* Юридическое совещание 1917 г. С. 52–53.

³ ГА РФ. Ф. 1792. Оп. 1. Д. 31. Л. 17 об. — 26 об.

⁴ Там же. Д. 4. Л. 153–157; см. также: Там же. Л. 170.

дительном собрании, а также проекта формы издания законов при Учредительном собрании, касающиеся исполнения временным президентом Российской республики дел Верховного управления». Данный проект был подготовлен Юридическом совещанием, и п. 10 проекта в частности гласил: «Временный президент разрешает все дела управления, кои на основании действующих узаконений должны разрешаться верховной исполнительной властью»¹. Мотивом этого и подобных положений было не намерение укрепить власть и влияние временного президента, а освободить Учредительное собрание от дел верховного управления, разрешение которых на практическом уровне, думается, можно было переложить на коллегии министров.

23 сентября 1917 г. Юридическое совещание вернулось к вопросу о главе государства. Примечательно, что на этот раз о коллегии уже ничего не говорилось и речь шла только о президенте. Юридическое совещание выслушало соображения по поводу прав и обязанностей президента в различных государствах с республиканской формой правления, высказанные обер-секретарем Правительственного сената А.А. Боголеповым, к которому обратился Н.И. Лазаревский с просьбой подготовить соответствующую справку. Выслушав его соображения, обозначившие общее направление работы, Юридическое совещание особо высказало пожелание, чтобы в проектируемой справке были приведены не только сведения относительно настоящего положения президентов в различных странах, но «также и те проекты республиканского управления, которые были предложены во Франции и Америке», тем самым выказав большой интерес к историческому опыту Запада².

После этого заседания обсуждение вопросов о будущей исполнительной власти республики было перенесено в Особую комиссию по составлению проекта основных законов при Временном правительстве. Однако провести его она не успела³.

Таким образом, разработка вопроса о президентстве при Временном правительстве в принципе не отклонялась от той линии, которая была выдвинута в мартовском докладе Ф.Ф. Кокоскина. Разделение властей являлось при этом основным принципом, и данная деятельность не ставила своей целью создание института президентства, характеризующегося сильной властью⁴. Однако на арене действительной политики идея о единстве власти вновь была выдвинута на передний план в проекте Временного совета Российской республики.

Одной из причин того, что вопрос о структуре власти будущей республики вышел за пределы Юридического совещания, был тот факт, что отныне оно должно было заниматься задачами России сегодняшней, — подготовкой Временного Совета Российской республики, или Предпарламента⁵. Хотя идея Предпарламента

¹ Стародубова А.Л. Юридическое совещание 1917 г. С. 52; Учредительное собрание. Россия 1918. Стенограмма и другие документы. М., 1991. С. 30–31.

² ГА РФ. Ф. 1792. О. 1. Д. 4. Л. 166–168.

³ Учредительное собрание. Россия 1918. С. 32–50.

⁴ В этом отношении я вполне согласен с оценкой Стародубовой, что Юридическое совещание не имело намерений создавать институт президентства с сильной властью (см.: Стародубова А.Л. Юридическое совещание 1917 г. С. 56–57).

⁵ Из совещательных органов 1917 г. в данной статье анализируется лишь Временный совет Российской республики как своего рода высшая точка в поисках республиканского строя в самом 1917 г.

родилась в Демократическом совещании, где не было представителей цензового общества, кадетские юристы внесли немалый вклад в организацию этого совещательного органа.

22 сентября 1917 г. в Малахитовом зале Зимнего дворца состоялось совещание «о реконструкции власти», где собрались представители Временного правительства, революционной демократии и московские общественные деятели. Речь А.Ф. Керенского показала, что в вопросе о власти между ними и кадетами много общего. В частности он подчеркнул, что проектируемый Предпарламент «не может иметь функции и прав парламента, и Временное Правительство перед этим совещанием не может нести ответственности». В.Д. Набоков и М.С. Аджемов поддержали позицию министра-председателя¹.

Предпарламент называли «зауряд-парламентом» либо «суррогатом народного представительства»². Однако он являлся логичным следствием всего предшествующего хода вещей, поскольку Временное правительство сосредоточило в своих руках как исполнительную, так и законодательную власть. М.С. Аджемов составил первый вариант «Проекта Положения о Временном Совете Российской Республики», который и подвергся обсуждению на заседании Юридического совещания 27 сентября 1917 г. При этом Аджемов рассматривал Временный Совет как совещательный орган в чистом виде. Проект положения был подготовлен на базе «Учреждения Государственной Думы» 1906 г. Так, его пункт о том, что «Временное Правительство может, отвергнув заключение большинства, согласиться с одним из особых мнений или постановить решение отличное от всех, имевших место в Совете, соображений», объяснялся тем, что «тот же порядок существовал в дореформенном Государственном Совете»³.

Такой совещательный орган считался необходимым для закрепления формулы А.Ф. Керенского по вопросу об источнике власти Временного правительства, — «Временное Правительство считает для себя обязательной охрану идеи единого источника власти, исходящего от революции 27 февраля — общенациональной, единой, суверенной и независимой»⁴. На вопрос «Чего вы ждете от Временного совета?» М.С. Аджемов ответил предельно откровенно: «Ясно, что роль Советов Р. и С.Д. должна ступенчатся перед ролью Совета Российской республики»⁵. Кроме ослабления влияния Советов Предпарламент должен был, по мнению М.С. Аджемова, помогать Временному правительству продолжать сохранять абсолютную власть. 12 октября 1917 г. во Временном совете Российской республики тот же Аджемов выступил с речью. Его речь, можно сказать, подытожила поиски Временного правительства и кадетов в вопросе о власти за последние семь месяцев. «Для того чтобы выйти из нынешних тяжелых условий и привести страну к светлому будущему <...> необходимо, прежде всего, чтобы Временное Правительство, которое не есть

¹ Совещание о реконструкции власти // Речь. 1917. 23 сентября.

² Зауряд-государственность // Петроградский листок. 1917. 7 октября; Передовая // Речь. 1917. 26 сентября.

³ Протокол заседания был в полном виде опубликован в: Революционное движение в России в сентябре 1917 г. Общенациональный кризис. М., 1961. С. 241–244. В оригинале есть гриф «Секретно»: ГА РФ. Ф. 1792. О. 1. Д. 4. Л. 186. См. также: Руднева С.Е. Предпарламент. Октябрь 1917 года. Опыт исторической реконструкции. М., 2006. С. 50–53.

⁴ Совещание о реконструкции власти // Речь. 1917. 23 сентября.

⁵ Чего вы ждете от Временного Совета? // Петроградский листок. 1917. 7 октября.

правительство узурпаторов и диктаторов <...>, — нужно, чтобы Временное Правительство, выросшее на волне общенационального движения и облеченное революционным правом всей полнотой власти, действительно этой полнотой власти обладало»¹.

В политике России 1917 г. существовали две категории представлений о власти, в соответствии с которыми должна была быть установлена республиканская форма правления. На основании идеи о единстве государственной власти возникли несколько совещательных собраний и проекты республиканского строя социалистических партий. Временное правительство также оперировало аналогичными представлениями. На основе принципа разделения властей были созданы проект республики Ф.Ф. Кокошкина и проект временного президента республики. Создатели последнего ставили своей практической задачей сдерживание факторов прямой демократии в структуре власти, однако получилось так, что эти проекты поощряли социалистов на выдвижение своих планов, основанных на представлении о единстве власти. В течение всего 1917 г. представления о единстве власти, олицетворяемые совещательными собраниями и проявлявшиеся в деятельности Временного правительства, доминировали над идеями о разделении властей, существовавшими лишь на бумаге.

В заключение хотелось бы немного порассуждать о том, что являлось причиной такого доминирования представлений об отказе от разделения властей в проектах республиканского строя и в самой практике Временного правительства. Во-первых, нельзя отрицать, что в 1917 г. такие представления о власти получили довольно широкое распространение в различных уголках России. Власть Учредительного собрания также иногда понималась в таком свете. В брошюре, изданной Московской просветительной комиссией при Временном комитете Государственной Думы, Н.П. Ануфриев писал: «Образ Учредительного Собрания, как он сложился в глубинах народной души, далеко выходит из обычной формулы собрания народных представителей, избранных на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования. Этой формулой определяются только видимые очертания Собрания, но не его действительность, не его почти чудесное назначение. Учредительное Собрание, понимаемое в таком устремлении, даст нам не демократическую республику, как принято темно и неясно выражаться, а именно народное царство, как следствие соединения власти и народа»².

Во-вторых, огромное влияние на эти представления о власти оказала война, так как концентрация власти и усиление исполнительной власти произошли во всех воюющих странах Европы³. В данном контексте Временное правительство не создало, а лишь усилило тенденцию, которая уже прогрессировала при Совете министров Российской империи с начала Первой мировой войны.

В-третьих, хотя базовые институты, необходимые для осуществления принципа разделения властей, действительно существовали в России 1917 г., они не были ориентированы на реальное функционирование такого представления о власти. В частности, политические партии в России в 1917 г. стремились скорее к прямой,

¹ Временный Совет Российской Республики // Речь. 1917. 13 октября.

² Ануфриев Н.П. Два русских Учредительных собрания. Исторические параллели (1613–1917 гг.). М., 1917. С. 6.

³ См.: Концентрация власти // Речь. 1916. 23 ноября.

чем к представительной демократии. «Граждане, немедленно присоединяйтесь к той или иной политической партии!», — призвал популярный сборник партийных программ¹. Не было установлено порядка избрания главы первой партии в парламенте в премьер-министры. В связи с этим весьма показательно, что «Организационный устав РСДРП» не имел положения о главе партии².

Все эти моменты содействовали усилению представлений о единстве государственной власти в революционной политике России 1917 г. Идеи разделения властей отступили на второй план еще до установления Советской республики.

¹ Программы <sic> главнейших русских партий. М., [1917]. С. 1.

² Второй съезд РСДРП. Июль–август 1903 года. Протоколы. М., 1959. С. 425–427.

Дискуссия

Николаус Катцер

Наверное, не является случайным, что история права России (и Советского Союза) в XX в. в целом и революции в особенности не имеет долгой традиции, демонстрирует большие пробелы и не знает продуктивных научных споров. Например, лучше всего исследована правовая практика чрезвычайных органов власти во время и сразу после Гражданской войны, которая в процессе против социалистов-революционеров в 1922 г. достигла апогея и временного завершения, затем показательные процессы с конца 1920-х гг., процессы над военными преступниками (на различных уровнях) после окончания Второй мировой войны, определенные практики критики и самокритики (также внесудебные публичные обвинения и самообвинения), прошения и жалобы в органы власти или феномен доносительства.

Едва ли эти выборочные исследования в предположительно ключевых областях права и законности могут дать связную картину. Поэтому можно только приветствовать доклады на второй секции, и сами по себе они имеют большое значение. Однако самое важное состоит в том, что они обращаются, не скажу к началу, но точнее, к фазе перехода от правовой системы эпохи позднего царизма к правовой системе революционных лет 1917–1918 гг. Я назвал бы эту фазу «инерционным периодом», заимствуя понятие, обычно используемое для сравнимых процессов в армии. Для того чтобы в данном случае суметь понять драматичный и динамичный переход от «старой» структуры к «новой» (от гражданского и уголовного кодексов к «пролетарскому сознанию»), исследование должно проводиться одновременно «в замедленной съемке» и «под увеличительным стеклом». Только так появится надежда, что мы сумеем более точно описать изменение конкретных отношений, взаимодействие специфических местных факторов. Речь идет о периоде резкого перехода «свободы» (открытие тюрем, изгнание ненавистных судей) сначала в насилье и потом в уничтожение первых революционных институтов права.

Четыре представленных доклада сильно отличаются друг от друга как по постановке исследовательских вопросов и по источниковой базе, так и в том, что касается подходов к теме и методов анализа. Тем не менее я хотел бы для начала назвать то, что их объединяет. По моей оценке, этим является интерес:

- к правовой культуре и правовой практике в переходные периоды истории, что на английском называется *transitional justice* — правосудие переходного периода, или переходное правосудие,

- к конституционным концепциям в сравнении с конституционной действительностью,
- к характерным особенностям «политической культуры», для которой центральное значение имеют закон и правосудие, конституционный порядок и разделение властей.

Таким образом, хотя предмет изучения и ключевые вопросы всех четырех докладов различны, они не только подходят для обсуждения общей темы «Революция во время войны», но дополняют друг друга и позволяют подойти к теме с разных сторон.

Доклады Андрея Борисовича Николаева и Аарона Ретигша почти идеально дополняют друг друга. Они рассматривают два непосредственно следовавших друг за другом периода революции («Февраль» и «Октябрь») и концентрируются на региональных или локальных событиях (Петроград и Вятская губерния). Благодаря тому, что они скрупулезно реконструируют возникновение «временных судов» и «местной судебной системы», они могут, в частности, точно уловить важные детали изменений. Таким путем хаотичные, в реальности едва ли обозримые события «растягиваются» и «замедляются». Это адекватный подход, так как он непосредственно подводит к истокам революции, или, точнее говоря, к точкам изменения понятий и символов (или сдвигов в их семантике), переосмысления правовых практик и в конечном счете передачи власти. Таким образом можно найти что-то новое о революции!

Мюррей Фрейм и Ёсиро Икэда расширяют взгляд на проблему разделения властей и в целом на складывание конституционного порядка. Мюррей изучает не только изменение функций милиции, но также различные предписания того, что этот вооруженный орган революционной внутренней политики должен или не должен был осуществлять. Становится понятно, что односторонний, негативный опыт отношения к «полиции» царского времени в момент смены власти вызвал амбивалентные, если не противоречивые последствия. Более того, политическим силам во Временном правительстве, очевидно, не хватало общей «нейтральной», что означает прагматичной, концепции вооруженных органов внутренних дел. Сцена освободилась для разнообразного ансамбля различных сценаристов, драматургов и суфлеров. Было бы необходимо глубже исследовать акты и сцены этой публичной драмы, а именно практику милиции и ее ведущих деятелей и не в последнюю очередь идеологию той деятельности, на которую они себя самоуполномочили (легитимацию) — это в контексте споров о концепциях в партиях, в правительстве и в конституционных органах переходного времени.

Ёсиро начинает на еще более высоком уровне. Он ищет в некотором смысле ответа на вопрос, в какой мере вообще было перспективным создание новой в своей организации постцаристской (постимперской?) правовой системы, включая, мы должны добавить, совместимую милицейскую структуру. Его результаты подтверждают взгляды скептиков. Если республиканский строй с разделением властей не считался надежной перспективой теоретиками и партийными политиками, то каким же образом тогда он должен был функционировать на практике? Перевес тех, кто предпочитал концентрацию властей, был, соответственно, таким подавляющим, что нужно будет еще раз основательно осмыслить реализацию таких различных концепций, как «социализм», «либерализм» и «демократия». По сути, это означало бы, что решение по поводу конституции, которое должно было быть

принято на Учредительном собрании, было уже предрешено. «Непредрешенство» партий Февраля (и позже белых в Гражданской войне) было бы бесполезным промедлением в принятии неизбежных решений, фатальной потерей времени, фундаментальной ошибкой.

В сравнении с Андреем Николаевым и Аароном Ретишем Мюррей и Ёсиро выбрали противоположный подход. Они работают исходя из перспективы центра, анализируют тексты и концепции, выводят свои заключения для практики из источников нормативного характера. Таким образом, в ходе дискуссии мы можем приблизиться к теме секции «Революция и право, революция и суд» с двух сторон — «снизу» и «сверху». Хотя четыре представленные доклада заведомо не согласовывались в своей тематике друг с другом, всё же кажется, что случайное совпадение (в образе или из-за мудрости отборочной комиссии докладов для конференции) здесь сослужило добрую службу.

Так как моя первоочередная задача заключается не в том, чтобы хвалить докладчиков за проделанную ими работу, подобно тому, как Маяковский возносил оды революции, то я хочу обозначить некоторые проблемы и сформулировать вопросы, которые могут быть значимы для дискуссии.

Сначала одно предварительное замечание: уголовное право может быть предметом для исследования того, отказывалось ли постреволюционное государство в какой-нибудь момент времени от своего контроля общества с помощью закона и судебной бюрократии или милиции и других силовых органов. Или оно с самого начала делало ставку на суды и вооруженные формации как инструменты революции? В любом случае следует выяснить, как далеко простирались подобные контрольные механизмы в реальности.

В заключение сформулируем некоторые принципиальные соображения.

Коренной вопрос состоит в том, что может дать история права (и конституционализма) в рамках истории революции (и почему она так долго была в забвении). В чем заключается ее специфическая прибавочная стоимость, которую другие дисциплины не могут дать? Нельзя оспаривать тот факт, что правосознание составляет существенную составную часть политической культуры. Но то, как это востребуется в момент революции, должны показать в дальнейшем исследования отдельных случаев (*case studies*). На локальном уровне решающим было: как глубоко укоренилось установленное право, его воспитательная функция и его политическая созидательная сила (лояльность), во всяком случае, мне кажется, что подход Андрея и Аарона является многообещающим, но требующим от исследователя перед лицом массы материала, который нужно просмотреть, долгого дыхания. Анализ материалов отдельных судебных процессов должен дать очень богатый материал для обобщений.

Познавательными должны быть и биографические исследования (индивидуальные и коллективные), которые могут облегчить раскрытие переплетения творчества, судебной практики и вмешательства властных органов. Кем были праведы, адвокаты, судьи, нотариусы, судебные заседатели? Как соотносятся профессионализация и «дилетантизм»? Почему эксперты в области права считали себя незаменимыми и свободными от обязательной капитуляции перед «пролетарским сознанием»? Что можно сказать о мотивах столь разнородных акторов? Как мы представляем себе «законника»? Имел ли значение тот факт, что Ленин был юристом по образованию и помощником присяжного поверенного? Какое

«воображаемое» «грезится» тому, кто находится у мирового судьи, в местных судах или перед трибуналом? Какой смысл он видит в захватывающих дух событиях, исходя из своих ожиданий? И куда же делись женщины?

Едва ли можно переоценить значение войны для революции. Но какие последствия она имела для правосознания и правовой практики, доверия конституционным властям и охране? В период между 1913 и 1918 гг. ни один год не похож на другой. Необходимо поставить вопрос: препятствовали ли чрезвычайные законы и специальные суды упорядоченной реформе, или, иначе формулируя, имелся ли в какой-нибудь момент времени вообще шанс повернуть назад от военного опыта. Во всяком случае, необходимо выяснить, в какой степени более старые представления об «идеальном полицейском государстве» были дискредитированы войной.

Как мне кажется, существует значительный запрос на исследования в сфере понятий и их семантики (народный суд, народоправство, народ судит, правосудие, власть закона). О каком народе здесь идет речь? Эсеровском? Толстовском? Горьковском сентиментально-большевистском? Как раз исследования на локальном уровне, но также ссылки на споры внутри элит позволяют предположить, как обстоит дело с семантикой циркулирующих понятий (а также в отношении к обычному праву). Она была изменчивой, отражалась в волне новых законов, распоряжений, декретов, инструкций и смешанных (гибридных) толкований на практике. Имела ли «справедливость» в этих рамочных условиях не только философское, но также и юридическое качество?

Если говорится о революции права, то необходимо принять во внимание, что на самом деле речь не идет о замене одной правовой системы другой. Правовые отношения до революции были сложными, многогранными и разноуровневыми. Вообще, мыслимо ли, чтобы в гигантской империи была возможна *tabula rasa*, таким образом, что равное право для всех и равенство перед законом могли бы утвердиться в центре и на периферии, в столицах и в провинции? Наверное, история права способствует как раз пониманию того, как утопична была революция и почему она должна была так трагически завершиться.

В истории права имеется разъясняющая метафора «око закона». Она отнюдь не означает нечто ясно определенное, однозначное. Скорее в ходе истории это «око» глядело с очень различных лиц, было и близоруким, и дальнозорким, выглядывало через замочную скважину или наблюдало в образе ночного сторожа за спокойствием горожан. Но никогда оно не смотрело равнодушно, чаще подозрительно, нередко скрытно или зловеще. Когда мы изучаем правовые отношения или конституционные начала и их изменения в ходе революции, речь идет всё время о мотивах и интересах, целях и привычках. Они часто противоречат «букве закона» или «духу конституции», нормативным текстам юридической науки или политическим инстанциям. Доклады секции побуждают нас раскрыть более глубокие слои революции права и политической культуры, ее подтексты и контексты.

Владимир Юрьевич Черняев

Проблема «Революция и право, революция и суд» гораздо шире содержания представленных докладов. Поэтому, комментируя, придется говорить не только о том, что в докладах, но и о том, чего в них нет, но что важно для обсуждения проблемы.

В ходе Февральского восстания в Петрограде почти за день восставшие разрушили полицейский аппарат и вместо него создали по общественной инициативе

милицию. Изначально в милиции было три самостоятельные организации: городская, студенческая (вскоре растворилась в городской) и рабочая. С задачей милиция справлялась, но в ней изначально присутствовали уголовники. Это побудило провести чистку ее рядов и создать общегородскую организацию. Временное правительство санкционировало замену полиции народной милицией с выборным начальством, подчиненным органам местного самоуправления.

В своем замечательном докладе профессор Мюррей Фрейм дал интересный сравнительный анализ идеальных типов полицейской системы и концепций милиции у кадетов, меньшевиков и большевиков. Он доказал связь основных пунктов постановления Временного правительства о создании милиции с либеральной кадетской концепцией.

Меньшевики и большевики фактически возглавляли ячейки рабочей милиции (некоторые из них почти сразу именовались Красной гвардией), которые были хорошо вооружены и лучше несли постовую службу. О них говорили: «Рабочего с поста бомбой не спишибешь». Комиссариаты рабочей милиции формально подчинялись Управлению городской милиции, но держались независимо. Управление милиции не смогло подчинить их, поскольку правительство санкционировало выборность милиции сверху донизу и ее децентрализацию.

Профессор Фрейм отмечает, что в концепции большевиков милицию рассматривали с точки зрения борьбы классов — как пролетарскую армию, способную предотвратить контрреволюцию и гарантировать свободу. В конце апреля возникли предложения создать отдельно самостоятельную рабочую Красную гвардию, что было в русле ленинской идеи всеобщего вооружения народа, всеобщей милиции, реализация которой позволяла, как писал Ленин, «идти планомерно, твердо и решительно к социализму». Руководство меньшевиков и эсеров категорически высказалось против, запретило членам своих партий участвовать в этом, а большевики полулегально продолжили по воскресеньям обучаться стрельбе. Управление милиции не могло удалить комиссаров-большевиков, ведь их выбрали районные думы. К чему привело это в октябре, всем известно.

Поэтому первый вопрос для дискуссии: не была ли предложенная большевиками радикальная концепция милиции изначально нацелена на захват их партией всей государственной власти?

Год спустя после свержения Временного правительства большевики превратили милицию в централизованный государственный орган. Однако в октябрьское постановление 1918 г. наркоматов внутренних дел и юстиции, как убедительно доказал профессор Фрейм, фактически вошел почти весь список милицейских обязанностей из постановления Временного правительства с доработкой в интересах своего полицейского государства.

Приемлемый государственный строй немыслим без суда, независимого от местной и государственной власти и пользующегося доверием населения. Видный юрист, последний министр юстиции Временного правительства Павел Николаевич Малянтович, социал-демократ и ранее большевик, признал, что в суде к февралю 1917 г. «были плохи люди или несовершенно учреждения, но не принципы, на которых строились законы и учреждения»¹. Судебный устав провозглашал

¹ *Малянтович П.Н.* Революция и правосудие. (Несколько мыслей к воспоминаниям). М., 1918. С. 4.

принцип независимого суда, но он был чужд царскому режиму, который стремился превратить суд в орудие политической власти, что подрывало доверие к суду в целом и не только в политическом судопроизводстве.

Временное правительство в постановлении от 25 марта 1917 г. об образовании Комиссии для восстановления основных положений судебных уставов и согласования их с произошедшей переменой в государственном устройстве отмечало, что поздние царские узаконения подорвали «начало правильного судоустройства»; «независимость судей стала пустым звуком, гласность исчезала из суда по первому желанию администрации, наиболее важные дела — о государственных и должностных преступлениях, о проступках в печати — были изъяты из ведения суда присяжных заседателей». Обычным явлением стал военный суд. Часты были «подлоги в актах следствия», а иногда и пытки подозреваемых¹. В результате доверие сохранялось лишь к суду присяжных и отдельным судьям².

Судебную систему при Временном правительстве составляли Правительствующий Сенат, обновленный избранием в сенаторы выдающихся юристов и правоведов; судебные палаты по уголовным и гражданским делам, в которых упразднили институт сословных представителей; окружной суд и созданное в июле Управление уголовного розыска, подчиненное прокурору окружного суда; выборный мировой суд, в состав которого в мае ввели участковых и добавочных мировых судей и расширили их компетенцию; вместо военно-полевых судов создали военно-революционные суды с равным представительством офицеров и солдат, а в военно-окружных судах постоянных судей заменили присяжными военными. Временное правительство провело самую широкую в российской истории амнистию осужденных по политическим и религиозным обвинениям, осуществило свободу слова, собраний и союзов, сняло национальные ограничения, отменило смертную казнь, которая позднее частично была восстановлена, но только за воинские преступления на фронте, и очень редко применялась.

Временное правительство провело кадровую чистку и увольнение реакционных судей и прокуроров и стремилось поднять правосудие на почти недостижимую высоту. Оно отказалось преследовать за политические убеждения, но создало при генерал-прокуроре (а им с царских времен являлся министр юстиции) Чрезвычайную следственную комиссию Временного правительства для расследования противоправных по должности действий бывших министров, главноуправляющих и прочих должностных лиц гражданского, военного и морского ведомств. Впервые Россия начала создание административной юстиции, где в административном суде ответчиком выступала власть, и каждый гражданин может защитить свои права, нарушенные органом администрации; где разрешались споры и конфликты между общественными и государственными учреждениями, между местной и центральной властью. Членов Дома Романовых лишили активного и пассивного избирательного права³.

¹ Сборник указов и постановлений Временного правительства. Вып. 1. 27 февраля — 5 мая 1917 г. Пг., 1917. С. 109–110.

² *Малянтович П.Н.* Революция и правосудие. С. 5.

³ Подробнее см.: *Черняев В.Ю.* 1) Временное правительство и его реформы // Власть и реформы. От самодержавной к советской России. М., 2006. С. 594–620; 2) *Демократические революции: право и власть // Революционный процесс и общественное сознание.* СПб., 2009. С. 132–194.

Жаль, что для нашего коллоквиума не нашлось историка, который дал бы анализ судебной системы Временного правительства в целом. Есть лишь довольно интересная реконструкция ее маленького фрагмента в докладе профессора А.Б. Николаева о создании временных судов в Петрограде, их составе и деятельности в марте—июле 1917 г. Возникновению временных судов предшествовали разгром и разграбление в дни Февральского восстания более половины камер мировых судей с уничтожением в них документации и дел.

Профессор Николаев указывает, что громилами наряду с уголовниками были рабочие, солдаты и унтер-офицеры, и неизвестно ни одного случая убийства, избиения, ареста либо задержания мирового судьи или служащего камеры. Поэтому второй вопрос для дискуссии: насколько правомерно рассматривать погром и разграбление камер мировых судей как революционную борьбу против царской судебной системы?

В Петрограде вместо разгромленных камер мировых судей возникли временные суды, созданные по общественной инициативе. В их состав включили практически всех мировых судей. Кроме мирового судьи во временный суд, согласно приказу министра юстиции А.Ф. Керенского от 3 марта, выбрали по одному выборному представителю от рабочих и от армии. Армеец редко имел юридическое образование. Эти суды выносили приговор обычно большинством голосов полуграмотных рабочих и солдат, которые исходили из собственного представления о праве, без опоры на закон, нередко превышая меру наказания. Дурные результаты такого правотворчества были осознаны, и новый министр юстиции И.Н. Ефремов приказом от 19 июля упразднил временные суды.

Профессор Николаев считает временный суд «неполноценной или урезанной формой народного правотворчества». Урезана она, надо понимать, присутствием мирового судьи царских времен. А если бы этот суд состоял только из полуграмотных рабочих и солдат без мирового судьи, стал бы он полноценной формой народного правотворчества? Был бы результат лучше?

История временных судов побуждает предложить для дискуссии третий вопрос: народное правотворчество полуграмотных рабочих и солдат в судебной системе России 1917 г. — это нереализованный шанс или вредная утопия?

Реформированная Временным правительством судебная система была нацелена соблюдать законы и охранять общественные интересы. Ее уничтожил еще до созыва Всероссийского Учредительного собрания Декрет о суде, подписанный 22 ноября 1917 г. В.И. Лениным, юристом по образованию. Он упразднил окружные суды, судебные палаты, Правительствующий Сенат, военные и морские суды, судебных следователей, прокурорский надзор, присяжную и частную адвокатуру и все законы, противоречащие декретам советской власти и программам-минимум РСДРП и Партии социалистов-революционеров (именно так в декрете). Фактически упразднили мировой суд (в России он возрожден только в конце 1998 г.). Его заменили местные суды. На них возложили предварительное следствие, что нарушало демократический принцип отделения следствия от суда. Для борьбы с политическими противниками учредили рабочие и крестьянские революционные трибуналы¹. К маю 1918 г. их сеть накрыла всю РСФСР. Декрет от 7 марта 1918 г. дополнил местные суды окружными, с участием народных заседателей. Декрет от 20 июля 1918 г.

¹ Декреты советской власти. М., 1957. Т. 1. С. 85—87.

расширил компетенцию местного суда на все составы преступлений. Затем его заменили единым народным судом, где дела рассматривал судья единолично, либо с народными заседателями, которые не имели юридического образования, но, как и судья, были большевистски настроены. Теория разделения властей была забыта. Высший контроль осуществлял нарком юстиции и давал руководящие разъяснения и указания. Суд стал инструментом исполнительной государственной власти. Смертная казнь применялась с размахом, в России еще невиданным.

Деятельность советской судебной системы с 1917 по 1922 г. в масштабе Вятской губернии интересно рассмотрел в своем докладе профессор Аарон Ретиш. Уже на 1-й странице доклада он дает четвертый вопрос для нашей дискуссии: «Что произошло с развивающейся правовой культурой после того как большевики учредили “пролетарскую” судебную систему?»

Любопытны наблюдения докладчика, что в этой губернии, близкой к Колчаковскому фронту, большевики контролировали «голову» судебной системы, а «тело» правосудия жило само по себе». Должности занимали те, кто выступал за правовую реформу в царские годы и при Временном правительстве, в вятских окружных судах были судьи царских времен, а «местные жители сами определяли направление своих судов», где уголовные дела значительно преобладали над гражданскими.

Профессор Ретиш выяснил, что в 1921 г. в уездах практически все судьи «были крестьянами, работавшими и на полях» (правда, в докладе названы они почему-то мировыми судьями), что типичная жалоба на судей народного суда — что они совершенно не имеют опыта, не разбираются в работе суда и «вообще едва знают грамоту», что с момента создания революционные трибуналы в губернии защищали права собственников и поддержание порядка ставили выше классовой борьбы и лишь с середины 1918 г. начали преследовать тех, кто опасен для советской власти, но снисходительно вынося мягкие приговоры, сравнительно редко прибегая к расстрелам, что Ревтрибуналы были своеобразной альтернативой ЧК.

Как известно, ВЧК заняла место, пустующее после уничтожения царской охранки, и намного превзошла ее по размаху, коварству, жестокости, проводя внесудебную кровавую расправу по классовому принципу. Были созданы губернские, уездные, пограничные, транспортные, фронтовые, армейские ЧК, корпус войск ВЧК, боевые отряды местных ЧК, широкая тайная агентура осведомителей и провокаторов. Не используя материалов ЧК, доклад профессора Ретиша рисует слишком благостную картину отношения большевиков к смертной казни в прифронтовой Вятской губернии.

Интересный анализ неосуществленных проектов республиканского строя в 1917 г. в России дал в своем докладе профессор Ёсиро Икэда. Начну с пояснения. Профессор Икэда пишет, что неясна мотивировка того, что Совет Министров переименовался во Временное правительство. Первый департамент Правительствующего Сената так определил существо власти Временного правительства: «Временное правительство волею народа облечено диктаторской властью, самоограниченной его собственной декларацией и сроком до Учредительного собрания». Поэтому новый текст воинской присяги гласил: «Обязуюсь повиноваться Временному Правительству, ныне возглавляющему Российское Государство, впредь до установления образа правления волею народа при посредстве Учредительного Собрания»¹. Признав свой переходный характер и свое создание на срав-

¹ Подробнее см.: *Черняев В. Ю.* Демократические революции: право и власть. С. 157–158.

нительно недолгий срок, Временное правительство не позволяло себе издавать акты, предрешавшие волю Учредительного собрания, поэтому издавало постановления, распоряжения, но не считало себя вправе издавать законы.

В докладе профессора Икэды сказано, что представления Временного правительства о единстве власти доминировали над идеей разделения властей, что оно стремилось соединить в своих руках исполнительную и законодательную власть. Однако на законодательную власть Временное правительство не претендовало. А соединение в нем властей невольно получилось постольку, поскольку, не желая зависеть от Государственной Думы, отчитываться перед нею, Временное правительство отказалось от ее созыва. Оно могло превратить умеренно-либеральную Государственную Думу в свою опору, в противовес набиравшемуся сил и левейшему Петроградскому Совету. Наконец, оно могло провозгласить Государственную Думу Учредительным собранием, а с его помощью избавиться в своем названии от слова «Временное» и даже, возможно, преодолеть губительное двоевластие.

Уравняя российских граждан перед лицом закона независимо от их вероисповедания, национальности, класса, сословия, демократическое Временное правительство стремилось обеспечить все гражданские права и свободы, превратить Россию в передовое правовое европейское государство. Идея народоправства, как замечательно показал профессор Икэда, являлась исходной позицией авторов разнообразных проектов установления республиканского строя в России. В демократической революции идея народоправства была стержневой.

И в этой связи последний, пятый вопрос для дискуссии: не было ли роковой ошибкой Временного правительства его стремление строить правовое государство на основе порожденного революцией стихийного и хаотичного процесса самоорганизации народа, да еще в условиях мировой войны? Не стало ли это одной из главных причин кровавого заката демократической революции в России?

Владислав Бэнович Аксенов

Я подробнее остановлюсь на теме выступления профессора Мюррея Фрейма. Была поднята проблема трех дискурсов революции, трех концепций. Мне кажется, стоит упомянуть еще и четвертый дискурс, четвертую концепцию — концепцию обывателя, маленького человека, безмолвствующего большинства. Молодой человек с повязкой на руке с буквами ГМ (Городская милиция) стал одним из первых символов революции. Отношение к этому символу определяло отношение и к Временному правительству, и к революции вообще. Были уже отмечены две проблемы — полицентризм формирования милиции и стихийность этого процесса. Возвращаясь к поднятой сегодня еще на первой секции теме локального течения революции, стоит отметить, что этот полицентризм был прежде всего характерен для Петрограда. В Москве уже не так четко просматривалось разделение милиции на городскую и рабочую. В то время когда в Петрограде шла охота на полицейских, городских, в провинции многим чинам уголовной сыскной полиции удавалось договориться со студентами. Например, 7 марта в Одессе прошел съезд приставов и чинов сыскной полиции, который вынес резолюцию с поддержкой князя Львова и Временного правительства. Или, допустим, газеты далекого Томска писали о том, что студенческая милиция и сыскная полиция скоординировались. Студенты несли наружную охрану, а старые чины сыскной полиции продолжали заниматься сыскным процессом. Также было указано на большую роль уголовных

элементов. Можно привести такой пример: в Александро-Невскую часть Петрограда устроился некий Филиппов, бывший фальшивомонетчик-рецидивист. Причем устроился не один, но и двух своих сыновей, тоже рецидивистов, устроил в это отделение полиции. В Москве начальник городской милиции только в мае спохватился, что у милиционеров никто не проверял документы. Началась сплошная проверка московских милиционеров. Я хотел обратить внимание на эту проблему с точки зрения концепции молчаливого большинства. Понятно, как на это отреагировали простые обыватели. Для них основная функция милиции — это охрана их жизни и личного имущества. Милиция с этим не справлялась, поэтому в городской смеховой культуре, в анекдотах и карикатурах, рождается новый образ того милиционера, символа февральско-мартовских дней. Первый типичный образ — это 10–12-летний карапуз. Нужно сказать, что помимо студентов милиция привлекала еще и бойскаутов ко всяким обязанностям. Второй образ, характерный для смеховой культуры, — это образ уголовника. Таким образом, обыватели приходят к выводу, что милиция не только не защищает их жизни и имущество, но и сама является источником для беспокойств и конфликтов. К чему это приводит? Во-первых, к тому, что обыватели пытаются взять дело безопасности в свои собственные руки, создаются домовые комитеты. Во-вторых, по всем городам катится волна самосудов, которые тоже можно рассматривать как отношение и реакцию на деятельность милиции. Учитывая, что милиция была символом революции, становится понятно, почему те же самые Октябрьские события 1917 г. произошли в условиях политической апатии, когда большинство, по крайней мере средние слои, разочаровались в идеалах революции.

Надежда Юрьевна Черепенина

До недавнего времени мы назывались архивом Октябрьской революции, и в нашем архиве хранятся обширные документы по истории событий в Петрограде в 1917 и последующие годы. Тут уже говорилось о необходимости работать с источниковой базой. Я хотела бы напомнить, что в конце 1970–1980-х гг. была предпринята попытка создать полную базу Октябрьской и Февральской революций. Архивистам поступило задание провести массовое выявление документов, касающихся событий 1917 г. Мы составляли карточки в двух экземплярах, один должен был быть отправлен в Москву, и там была создана обширная база. К сожалению, политические события помешали осуществлению этого. Хотя когда мы начали работать, мы увидели, что иногда невозможно собрать свидетельства и представить события из-за рассредоточенности их по различным документам. Так что тема революции требует значительных поисков в архивах.

Здесь много говорили о милиции. Несомненно, эта тема достаточно хорошо исследована, поскольку в нашем архиве хранится практически полный фонд милиции Временного правительства и, кроме того, фонд уголовного розыска. Я хотела бы обратить внимание на очень интересный момент. Милиция составляла ежедневные отчеты о происшествиях, которые произошли в городе. На нашей новой выставке мы продемонстрировали отчеты милиции за 25–26 октября 1917 г. Там есть большая графа «События, имеющие общественное значение». Так вот, и в милиции Адмиралтейского района, и в городской милиции стоит большой жирный прочерк. Как будто ничего не случилось в октябре. Хотя об Июльских событиях отмечена стрельба в разных частях города.

Белла Давыдовна Гальперина

Созданные в начале 1917 г. районные советы в Петрограде, Киеве, Москве, Одессе были чисто политическими учреждениями. Не случайно В.И. Ленин говорил, что с переходом Совета рабочих и солдатских депутатов в Петрограде и Москве, а также в этих городах районных советов на сторону большевиков можно поставить вопрос о взятии власти. Любопытен пример с Адмиралтейским советом 25 октября 1917 г. На заседании обсуждали два вопроса. Первый. Слушали: власть в Смольном захватили большевики. Постановили: принять к сведению. А вот второй вопрос: просьба матери инвалида выдать ему галоши, заняла долгое обсуждение, отраженное на многих страницах, жаль инвалида, но их задача только политические вопросы, а этот вопрос решают военные думские управы. Одним из первых был большевиками разогнан Адмиралтейский совет и все районные и городские Советы стали заниматься «галошами», а политикой — обкомы и горкомы.

Борис Борисович Дубенцов

Мне хотелось бы обратить внимание на некоторые аспекты сегодняшней секции, которыми объединены все четыре сегодняшних доклада. Это прежде всего соотношение того, что описано нашими авторами, с тем, что, собственно, имело место до февраля 1917 г., не говоря уже об октябре. Если обратиться к докладу Андрея Борисовича Николаева, то здесь наиболее важно уточнить, какова была репутация мирового суда. Насколько все эти «расправы», являвшиеся, можно сказать, разрушительными, хулиганскими действиями, диктовались именно неприятием широкими массами, в первую очередь социальными низами того, как была устроена судебная система в столице, и особенно к тому, каким было ее низшее звено, наиболее близко стоящее к населению. И здесь вспоминаются работы американских исследователей, которым принадлежит заслуга раскрытия очень важной роли мировых судов именно в столицах, в Петербурге и в Москве, в деле защиты прислуги от произвола господ. То, что положение прислуги в начале XX в. даже не в самых богатых домах было проблемным, хорошо известно по источникам. Очень важно для решения задач, стоящих в докладе Андрея Борисовича Николаева, было показать, что было прежде. То же самое касается и устройства судебной системы в революционные месяцы. Население до революции имело в Вятской губернии доступ к судебной помощи? Насколько легко было решить с помощью суда тот или иной вопрос? Эти вопросы возникают при чтении доклада Аарона Ретиша.

В докладе профессора Фрейма речь идет о муниципальной полиции и государственной полиции: полиции, которая напрямую, например, через выборных руководителей и даже выборный состав, подотчетна тому населению, для которого работает, или же полиции, которая формируется сверху и подотчетна только своему внутреннему начальству. Этот вопрос поставлен. Надо только принять во внимание, что отношение к полиции до революции было чрезвычайно критическим, а мордобой, если мы обратимся даже к такому источнику, как художественная литература, был совершенно обыденным явлением. Мне кажется здесь классическим знаменитый рассказ писателя И.С. Шмелева «Гражданин Уклейкин». Р.Ш. Ганелин неоднократно пересказывал историю своей няни, которая наблюдала на Васильевском острове, как полицейских буквально убивали на улице, причем не мужчины, а женщины. Убивали кошелками, топтали ногами до тех пор, пока полицейский не переставал двигаться. Мы понимаем, что каждый источник требует

критического к себе отношения, так же как и этот устный рассказ няни Рафаила Шоломовича, но, как мне представляется, эта история показательна.

Разумеется, итоговый выбор, который был уже сделан при советской власти, входит в противоречие с внешней демократической структурой Советов. Система Советов была многоступенчатой, но по принципиальным своим основам вполне была способна формировать милицию именно муниципального типа, т. е. подотчетную прямо или опосредованно населению.

В докладе уважаемого профессора Икэда существует очень серьезная терминологическая проблема. Прямая демократия, как мне кажется, это не совсем то, что упоминается в докладе. Все-таки прямая демократия, по крайней мере в современном восприятии, это плебисцитарная демократия. Тот дискурс, который вы изучаете, по-моему, касается разных форм республики при представительной демократии, а не прямой. Что касается соединения власти исполнительной, законодательной, краха Временного правительства, я не соглашусь со сказанным Владимиром Юрьевичем Черняевым. Можно было сколько угодно заявлять о том, что мы-де на законодательную власть не претендуем и в конечном итоге все основные решения будут проведены Учредительным собранием. На практике постановления Временного правительства имели значение законов. А.Б. Николаев показал в докладе уничтожение временных судов, их отмену и восстановление мирового суда, пусть и на новых демократических основах. Это явно свидетельствует о том, что никто Учредительного собрания не дожидался. Орган пусть даже формальной исполнительной власти продолжает осуществлять и законодательные функции. Дискурс кадетской партии прямо показывает, что имелись и теоретические подходы в этом вопросе. Разумеется, необходимо учесть обстановку войны, что было упомянуто и в докладах, и в комментариях. К этому нужно прибавить и экономические трудности, нараставшие день ото дня. В этих условиях довольно сложно ставить вопрос о классической республиканской форме с представительной демократией и жестким разделением властей. Не надо забывать, что даже судебная власть оказалась в ходе «революционного творчества масс» не так уж отделена от исполнительной. Формирование состава судов, по крайней мере в первой инстанции, очень сильно подвергалось влиянию Советов. Совет, разумеется, не судебный орган, а исполкомы Советов даже по своему названию являлись органами исполнительной власти.

Владимир Прохорович Булдаков

Революции права, право и суд — на эту тему стоило бы провести отдельную конференцию. Можно поставить вопрос так: «Право, справедливость и социальный протест в России на протяжении XX в.»

В русском языке «право» и «справедливость» вроде бы от одного корня. На самом же деле под «правом» в обиходе подразумевается нечто противоположное справедливости. «Право» — это прежде всего право сильного. Что касается «справедливости», то в силу своей недостижимости она выступает скорее как некая метафизическая величина или утопический ориентир. Такой характерный парадокс. То есть формальные законы с понятием справедливости в российском социальном, ментальном, моральном пространстве до сих пор расходятся. Возможно, здесь один из узловых вопросов революции.

Возможно ли сблизить формальное право, формальный закон, без которого никуда не деться, с чувством справедливости? Между прочим, справедливость в революционное время каждый понимает по-своему. «Неправых» не остается.

Как, откуда зарождалась демократия в России? Задолго до революции либералы справедливо полагали, что ее нужно строить снизу. Совершенно логично они ставили вопрос о мелкой земской единице. И вот в 1917 г. вопрос о мелкой земской единице предстал во всей своей социокультурной полноте. Что же произошло? Даже в такой продвинутой в правовом отношении губернии, как Петроградская, крестьяне к земству отнеслись более чем прохладно. В конечном счете они решили, что современная выборная демократическая процедура им ни к чему. Как на сельском сходе, через привычное «толковище», им хотелось «своих» наверх (то ли над собой, то ли под собой) продвинуть. Отголоски обычного права в ходе революции особенно интенсивно проникали на самый верх. Многие события современности также связаны с тем, что в России право и справедливость понимают не так, как во всем цивилизованном мире.

Хотелось бы сделать также замечание о роли милиции. Ее облик в 1917 г. эволюционировал. Сначала в ее рядах преобладали студенты, особо озабоченные выявлением черносотенцев, а не ловлей преступников. Потом студентов стали заменять солдатами-отпускниками, солдатами-инвалидами и т. д. Насколько такая милиция была эффективнее? Этот вопрос, как и все вопросы, касающиеся правопорядка и правоприменения, нужно анализировать на локальном уровне, на местном материале.

Несколько слов по поводу доклада профессора Икэда. Иван Солоневич как-то забросил идею: если бы Махно выдвинул подходящего царя, то он бы победил. Шутки шутками, а на самом деле после революции многие обыватели рассуждали просто: «Да, пускай республика, только бы царя хорошего дали». Под видом «народной демократии» был востребован «справедливый» авторитаризм. Я думаю, что на примере революции стоит показать это во всей убедительности.

Революция протекала в разных измерениях. Старая элита, образованное общество считало, что революция — это движение вперед. Народ тянуло «назад», к «порухнутой утопии». В итоге под покровом «углубления революции» развивались дезинтеграционные, энтропийные процессы (принимаемые за «революционное творчество масс»). Вот суть того, что происходило в 1917 г.

Уильям Розенберг

Я хочу продолжить обсуждение вопроса о языке, терминологии и мышлении. Эта секция называется «Революция и право, революция и суд». Почему не «Революция и закон»? Где эта разница между справедливостью, революционной юстицией, революционным судом? Когда мы говорим о справедливости — это то, как разрешались споры между людьми или частями населения. Это обычно гражданские споры, вопросы о штрафах и т. д. Вятские суды были местной справедливостью, от которых, как все думали, исходит право. Тем не менее, это было общество без прав. Что это значит? Можем ли мы представить республику без концепции права? Можно ли представить республику без концепции верховного суда, где должны были решаться споры по поводу того, какое право выше всех? Это основы республики. Если этого нет, то нет правильного понимания этой концепции. Закон и законность означают порядок. Есть закон, к закону можно апеллировать. Но законность можно изменить без внимания к вопросу о справедливости. Я думаю, для того, чтобы понять важность суда, важность права, важность законности, нужно понимать, что мы имеем в виду, когда так говорим.

Что было революционного в революционном суде и революционной юстиции? Мы читаем, например, Е.Б. Пошуканиса или Н.А. Семашко, которые думают, что революция означает фундаментальные изменения концепции справедливости. Преступление и наказание должно изменить значение в революционном обществе. Должно быть действие против общества. Это были очень актуальные размышления до и после Октябрьской революции. В их основе лежала итальянская точка зрения, итальянское мышление о юстиции.

Борис Иванович Колоницкий

Я хотел бы тоже, как В.Б. Аксенов, начать с разговора о символах, о визуальных репрезентациях. Он говорил о визуальных репрезентациях полиции и милиции. Были ли визуальные репрезентации права и суда? Какие-то были. Например, есть серия почтовых открыток, посвященная деятельности Временного правительства. На всех из них портрет министра и символический образ его сферы деятельности. Прокурор Священного Синода Львов — паломники на фоне монастыря, государственный контролер Годнев — группа россиян, которые смотрят государственный бюджет, приход и доход. Визуальный образ министра юстиции Александра Федоровича Керенского — горящая тюрьма. Авторы этой серии представляли именно такой идеал права, справедливости и законности. Именно горящие тюрьмы были локальной репрезентацией революции. Горящая тюрьма «Голстая Маргарита» в Таллинне, Литовский замок в Петрограде.

Я говорил с одной пожилой дамой в 1991 г., которая еще помнила это время. Она была из социалистической семьи. Свою мать она назвала «верующей социалисткой». Когда ее мать узнала, что в свободной России после Февраля есть еще какие-то тюрьмы, она сказала: «Это не моя революция». О чем это может сказать?

Я бы прокомментировал и этот мемуар, и эти картинки источником, который изучал. Я изучал несколько сот обращений к Керенскому после Февральской революции с поздравлениями. Выясняется, что разные люди хотели совершенно разного от министра юстиции. У них были совершенно разные ожидания. Кто-то хотел восстановления закона, попранного при старом режиме. Реставрация какого-то подлинного законодательства. Кто-то хотел установления новой справедливости. Кто-то считал главной задачей немедленно карать врагов народа, врагов свободы, врагов революции.

Это подводит нас к другому вопросу, который связан с природой революции. Если говорить о веберовском понимании власти, то революцию можно представить себе как ситуацию, когда государство теряет свою исключительную монополию на право использования насилия, на законодательство и законоприменение. Революция — это такое время, когда люди одновременно живут в нескольких правовых системах, ориентируясь на легитимный для них источник законодательного творчества. Кто-то воспринимает Временное правительство как законный орган законодательства. Кто-то воспринимает Петроградский Совет. Кто-то в качестве такого органа воспринимает Украинскую Центральную раду. А кто-то — комитет 125-го запасного полка, который может решить всё что угодно, включая существование Бога. Есть замечательная резолюция, в которой комитет одного полка принял решение вопрос о существовании Бога отложить до Всероссийского Учредительного собрания.

В данном случае октябрьский рубеж, может быть, и не так важен. Эта ситуация многомерных и разнообразных правовых систем имела место даже внутри одного лагеря. Борьба между различными группами у большевиков, например между Революционным трибуналом и ВЧК, Наркоматом юстиции.

Владлен Семенович Измозик

Позвольте продолжить то, что говорил Борис Иванович Колоницкий. Тут, наверное, немало людей, которые помнят последнюю российскую революцию, 1989–1993 гг. (безусловно, это была революция). Одноклассник моей дочери, который в эти времена служил в милиции рядом с нашим домом, рассказывал, что они нередко на ночь запирались в отделении, побаиваясь преступников, и не занимались патрулированием улиц. Революция высвобождает эту энергию, которая скована какими-то рамками, законами и т. д. Тем не менее мы знаем, что и до 1917 г. российские газеты не раз сообщали о случаях самосуда в российской провинции: над конокрадами, над ворами и т. д. Отношение к праву и закону было весьма своеобразно.

В свое время мой коллега, человек довольно эмоциональный, написал статью, что революцию в Петрограде в феврале 1917 г. сделали хулиганы и проститутки. Это, конечно, колоссальное преувеличение. Мне представляется, что во времена революций большинство старается выжить. Революция обостряет все экономические проблемы, и люди семейные стараются добывать средства к жизни, как-то обеспечить семью. Я напому знаменитую фразу аббата Сийесса, которого спросили, чем он занимался во время революции. Он ответил: «Я жил». Большинство просто живет. Но я помню, что в фонде 4000 Партархива (ныне ЦГАИПД СПб) мне встретились воспоминания большевика с 1917 г., который (цитирую по памяти) рассказывал примерно так: когда начались февральские события, мы были шпаной на Выборгской стороне, и для нас не было большего удовольствия, чем подражаться с полицией и жандармами. На улицу выходят не только недовольные люди, доведенные до крайности, но люди активные. В России в этот период молодежь, люди до 30 лет, составляли до 30%, если не больше. Молодежь всегда более нетерпелива, она верит, что счастье рядом, за углом. Моральные ее устои еще весьма относительны.

Когда эта масса выходит на улицы, проблема в том, чтобы обуздать эту массу. В декабре 1917 г., когда пришло сообщение о том, что матросы хотят расправиться с офицерами, сидящими в Петропавловской крепости, Совнарком решил их защитить. Офицеров тайно перевезли в Смольный, потому что силы у нового правительства, чтобы обуздать этих матросов, «красу и гордость революции», тоже еще не существовало. Обыватель, обычный гражданин, хотел пусть и жесткой власти, но власти, которая способна его защитить от совершенно неуправляемых толп. Революция заканчивается, когда она сумеет обуздать, хотя бы в какой-то степени, вышедших на улицы и почувствовавших себя властью.

Если мы берем законодательство первых лет НЭПА, мы видим сочетание утопизма с реальными проблемами. В первом проекте уголовного кодекса высшее наказание, кроме расстрела и высылки за границу, было три года тюремного заключения. В окончательном варианте — всего 5 лет. [В.И. Шишкин, с места: Как говорили, «до победы революции в мировом масштабе».] Да, или «заключение в концлагерь до окончания Гражданской войны». Карательная политика тоже

менялась. Например, в 1920 г. карательная политика была гораздо более мягкой, чем в 1919 или 1921, потому что у власти в эти годы был огромный страх перед способностью удержать власть, а в 1920 г. казалось, что победа уже почти достигнута.

Мне кажется, когда мы изучаем эти вещи, мы должны отойти от прекрасных либеральных представлений о законе, праве, а обратиться к реальной жизни. Как историки мы должны мыслить категориями не сегодняшними, не теоретическими, а категориями того времени.

Вера Каплан

У меня не столько комментарии, сколько короткая история, которая, как мне кажется, может позволить поставить некоторые вопросы. Поскольку речь идет о практиках права, то очень важно пытаться проанализировать, как в этих практиках начинают использоваться новые советские законы и какую роль играет в них система мандатов, предоставляющих отдельным лицам защиту и покровительство от лица новой власти. В личном архиве историка Николая Дмитриевича Чечулина отложилась очень интересная переписка, которую он и его брат, Сергей Дмитриевич, в прошлом земский врач, вели с местными советскими властями в конце 1918 — начале 1919 г. о своем небольшом имении, расположенном недалеко от Череповца. Имение было реквизировано, но семье Чечулиных вместе с их бывшими слугами разрешают создать что-то вроде товарищества по обработке земли и таким образом пользоваться землей имения и продолжать жить в нем. Однако приезжает новый представитель советской власти, человек пришлый, который принимает решение реквизировать всё их личное имущество и выселить из имения. В этой ситуации братья Чечулины начинают действовать по-разному. Историк, Николай Чечулин, воспользовавшись своими старыми профессиональными связями, через московских коллег обратился к Луначарскому и, заручившись его защитой, получил разрешение вернуться в имение. Его брат, Сергей Чечулин, человек либеральных взглядов и земский интеллигент, действует в соответствии с советским законом, который запрещает отбирать личное имущество, и обращается в советский судебный орган — трибунал. Трибунал не осуждает виновного в незаконной реквизиции, поскольку тот ничего не присвоил себе лично, а передал «отобранное» в Губземотдел, но возвращает Чечулину символическую часть реквизированного имущества — 1/8 фунта аниса, и оставляет в силе решение о выселении. Ситуация выглядит во всех отношениях парадоксальной: бывший помещик обращается к пролетарскому правосудию, пытаясь применить новый закон, но закон оказывается значительно менее эффективным, чем сложившаяся система личных связей, обеспечившая его брату покровительство новой власти. Насколько характерной была такая ситуация? Как быстро советские законы вошли в правовую практику? Существовали ли прецеденты, когда новые законы сочетались с обычным правом, с законами периода Временного правительства или дореволюционным законодательством? Анализ переплетения разных правовых норм, вероятно, позволит нам лучше понять, как формировалась новая правовая культура.

Владимир Иванович Шишкин

Мне кажется, что на проблему права мы можем посмотреть еще под принципиально иным углом зрения, под другим ракурсом. Я имею в виду ракурс, который может быть условно назван «политическая адаптация». Дело в том, что в России

проблема политической адаптации в XX в. вышла на одно из первых мест. В России политические системы и политические режимы за XX в. стремительно менялись многократно, начиная с русско-японской войны, Первой русской революции; затем случилась Первая мировая война, новая революция, Гражданская война, военный коммунизм, НЭП, сталинская «революция сверху», Великая Отечественная война, хрущевские реформы, оттепель, потом «заморозки», перестройка. Политическая система, политические режимы менялись. Население, для того чтобы чувствовать себя комфортно, должно было успеть адаптироваться к этим политическим системам и режимам. Оно должно было включиться в политическую жизнь для того, чтобы чувствовать себя полноценно.

Важную роль в адаптации играла юридическая система, система судебная, потому что она выполняла не только функцию наказания при преступлении, но и очень важную превентивную функцию. Она социализировала молодежь, помогала воспитывать граждан в соответствующем духе. В то же время мы наблюдаем и прямо противоположную тенденцию, когда население, подвергавшееся такому политическому воздействию, благодаря чему всё время менялась политическая культура населения, в свою очередь оказывало влияние на политическую систему, на политический режим, на судебную систему. Иногда это влияние было абсолютно стихийным, спонтанным. Иногда это влияние было организованным. Создавались какие-то группы, политические партии, которые оказывали воздействие на политическую систему, на политический режим. В данном случае речь может идти о ко-адаптации. Но случалось и так, что народ и власть общего языка не находили, тогда происходила дезадаптация и серьезные события. Например, революции, в том числе революция в конце перестройки.

Также интересный вопрос — это письма во власть. Есть уникальный набор писем, обращенных во Временное правительство и к князю Львову, немного — в Петроградский Совет. И то, как написаны письма, с какими просьбами обращаются рядовые люди к представителям власти, свидетельствует о том, что они понимают под властью, как они ее понимают, как воспринимают. Есть множество смешных обращений. К Керенскому обращаются с разными вопросами. Например: «Мне нужен велосипед, я люблю кататься, не могли бы вы мне подарить, у вас ведь несколько машин», «Дяденька, одолжите денег 200–300 рублей». Суммы назывались разные: «У вас ведь большая зарплата, это вам ничего не стоит». Но есть и более серьезные просьбы и предложения. В том числе как лучше организовать российскую государственную систему, наладить работу судебных органов.

Марк Стейнберг

Мой вопрос в продолжение общей дискуссии, которая связана с законом и правом, справедливостью. Как реалии на улицах, особенно беспорядки, влияли на восприятие права? В центре внимания четырех докладов — разные концепции правовых и судебных пластов. Если ясно, что порядок был главной целью, очевидно и то, что беспорядок был социальной проблемой. Но возможно, они воспринимали беспорядок на улицах как протест, может быть, выражение гнева и злости, но все-таки протест, легитимный и справедливый. Троцкий, например, в «Истории Русской» сказал то же самое: то, что было на улицах, было справедливо, может быть, неясно, некрасиво, может быть, грубо, но все-таки справедливо. Или же, как обычно говорится в газетах, то, что было на улицах, это дикость, это зверство, это

отражение духовной отсталости народа. И поэтому происходящее совсем несправедливо, нелегитимно.

Елена Львовна Варустина

В качестве примера того, как воспринималось право, я расскажу историю из жизни последнего владельца особняка Бобринских, Алексея Александровича Бобринского. Он был историком, председателем Императорской Археологической комиссии, членом различных зарубежных археологических обществ. Он также вел активную политическую деятельность, был членом II и III Государственной Дум. После революции, когда вся его семья эмигрировала, А.А. Бобринский в 1918 г. вернулся в Петроград и предложил властям передать сам дворец и уникальные экспонаты, которые были собраны за 150 лет. Таким образом, он надеялся, что государство сможет сохранить все сокровища дворца и сам дворец от разграбления. Однако он оказался неправ, в итоге почти ничего из его собраний не сохранилось.

Андрей Борисович Николаев

Профессор Н. Катцер, рассуждая в том числе и о моем докладе, высказал следующее соображение: «Коренной вопрос состоит в том, что может дать история права <...> в рамках истории революции (и почему она так долго была в забвении). В чем заключается ее специфическая прибавочная стоимость, которую другие дисциплины не могут дать?» Прежде чем ответить на его вопрос, необходимо пару слов сказать об историографии темы моего исследования. Замечу, что изучение истории временных судов в Петрограде началось уже в 1917 г. с выходом обширной статьи председателя Петроградского столичного съезда мировых судей В.В. Меншуткина. Автор кратко охарактеризовал причины создания временных судов, их правовую базу, особую форму организации и деятельность¹. Должностное положение предопределяло заинтересованность Меншуткина в том, чтобы защитить интересы своей корпорации — мировых судей, которые были нарушены введением временных судов с выборными представителями от армии и рабочих. Поэтому, подводя итоги деятельности временных судов за март 1917 г., он, с одной стороны, считал ее «удовлетворившей требования момента», а с другой — выступал против сохранения временных судов в дальнейшем. Основные претензии касались того обстоятельства, что временные суды, вынося приговоры, не руководствовались уголовным кодексом и имели слишком «широкий простор в выборе наказаний». Неприемлемым считал Меншуткин и то, что стороны были лишены права обжалования приговоров. Автор также выступал против участия в суде представителей от армии и рабочих, утверждая, что мировой судья «справится с порученным ему делом и единолично»². Необходимо учитывать, что Меншуткин писал о первом месяце функционирования временных судов из их пятимесячной истории. Иначе говоря, полной картины истории временных судов в его работе не содержится. Присяжный поверенный М.С. Раввич в статье, опубликованной 13 июня 1917 г., сосредоточил свое внимание на недостатках Временного суда, подчеркивая, что «всё зло вр[е- менных] судов не в составе их, но в их организации», т. е. в том, что они «не связа-

¹ Меншуткин В.В. Временные суды в Петрограде // Журнал Министерства юстиции. 1917. № 4. С. 169–190.

² Там же. С. 189–190.

ны законом — ни материальным, ни процессуальным»¹. В 1917 г. было положено начало изучению народного правотворчества, при котором в качестве народного суда рассматривался именно Временный суд Петрограда. Одним из зачинателей изучения народного правотворчества и Петроградского временного суда как суда народного являлся М.А. Рейснер. Он, пожалуй, первым заметил, что практика Временного суда являлась источником «народного права»². В последующий период о временных судах встречались лишь упоминания в историко-правовых трудах³ и учебных пособиях⁴. И.И. Крыльцов писал в 1945 г. о слабой изученности истории временных судов⁵. Любопытно, что эта слабая изученность проявилась и в исследовании самого Крыльцова. Автор, судя по всему, принял временный суд за реформированный Временным правительством мировой суд. В пользу этого утверждения говорит, например, название статьи — «Временные (мировые) суды при Временном правительстве». Кроме этого, Крыльцов заявил, что временные суды окончательно были ликвидированы с победой Октябрьской революции. Хотя временные суды прекратили свое существование в конце июля 1917 г. На временные суды обратил свое внимание и крупнейший историк революции 1917 г. Ю.С. Токарев. Он писал, что «эти суды разрешали лишь второстепенные уголовные дела, а представительство [от солдат и рабочих. — А. Н.] в них подтасовывалось»⁶. Наконец, в 1968 г. вышла специальная работа Е.А. Скрипелева, в которой особое внимание уделялось правовой основе Временного суда, сообщалось о роли Петроградского и Районных советов рабочих и солдатских депутатов в формировании выборной части состава временных судов, вкратце показан механизм их функционирования. Автор отмечал, что «временные суды были более демократичными, чем царские мировые суды». По мнению Скрипелева, «именно в несвязанности временных судов Петрограда царскими материальными и процессуальными законами и состоит наиболее ценная сторона их деятельности»⁷. В 1969 г. была опубликована монография А.С. Фарфеля, в которой проанализированы правовая база и практика временных судов. В связи с этим интересно наблюдение автора о том, что практика временных судов формировалась под советским влиянием. Фарфель пришел к выводу о том, что создание временных судов было самым демократическим актом Временного правительства в области судостроительства, так как «впервые в истории русской юстиции в суд в качестве полноправных его членов входили представители от рабочих и солдат»⁸. После подъема во второй половине 1960-х гг. интереса к истории

¹ *Раввич М.С.* Временные суды // *Право*. 1917. № 17. 13 июня. Стб 972.

² *Рейснер М.А.* *Право и революция*. Пг., 1917. С. 27.

³ *Ундревич В., Карева М.* *Пролетарская революция и государственный аппарат*. М., 1935. С. 39.

⁴ *Исаев М.М.* *Общая часть уголовного права РСФСР*. Л., 1925. С. 56; *История советского уголовного права / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов, М.М. Исаев, Б.С. Утевский*. М., 1947. С. 26; *Карев Д. С.* *Организация суда и прокуратуры в СССР*. М., 1954. С. 64 и др.

⁵ *Крыльцов И.И.* Временные (мировые) суды при Временном правительстве // *Социалистическая законность*. 1946. № 1–2. С. 59–60.

⁶ *Токарев Ю.С.* *Народное правотворчество накануне Великой Октябрьской социалистической революции (март–октябрь 1917 г.)*. М.; Л., 1965. С. 116.

⁷ *Скрипелев Е.А.* К истории временных судов Петрограда в 1917 г. // *Правоведение*. 1968. № 6. С. 121–122, 124.

⁸ *Фарфель А.С.* *Борьба народных масс против контрреволюционной юстиции Временного правительства*. Минск, 1969. С. 24–27, 30.

временных судов, в 1970-х гг. наметился спад в их изучении. Это, на наш взгляд, привело к тому, что некоторые исследователи, как и во второй половине 1940-х гг., стали смешивать мировые суды с временными. Так, В.И. Старцев писал, что «приказом Керенского уже 3 марта началась проводиться реформа мирового суда», суть которой состояла в замене единоличных мировых судей «временными судами»¹. В современный период упоминания о временных судах встречаются в учебных пособиях², а также трудах, посвященных российской судебной системе³, мировому суду⁴ и др.

Можно утверждать, что история временных судов Петрограда не привлекла должного внимания отечественных исследователей, а многие вопросы их истории так и не были решены вплоть до сегодняшнего времени. Иначе говоря, «специфическая прибавочная стоимость» изучения истории права в рамках истории революции состоит, во-первых, в выяснении всех обстоятельств создания временных судов; во-вторых, в выявлении и анализе всех нормативно-правовых основ деятельности временных судов в Петрограде; в-третьих, в установлении механизма наполнения временных судов выборными представителями от солдат и рабочих; в-четвертых, в изучении судебной практики временных судов, а также связанности этих судебных органов материальным и процессуальным законами. Кстати, прояснение ситуации со связанностью временных судов материальным и процессуальным законами позволяет выяснить, насколько прочна была старая царская судебная система, насколько народные суды были свободны от законов царских и, конечно, не менее важно знать, насколько они были готовы следовать новым революционным законам. Замечу, что временные суды не уничтожали мировой суд. В Петрограде он заработал в 18 камерах мировых судей 21 марта 1917 г. Мировой суд рассматривал гражданские дела, а временный суд — уголовные дела. Изучение истории создания и деятельности петроградских временных судов позволяет расширить знания о народном правотворчестве в революционной России.

В.Ю. Черняев задал вопрос о разгромах камер мировых судей: этот разгром говорил о том, что народ не любил мировой суд или просто пришли уголовники, выпущенные из тюрем, которые решали свои проблемы? В связи с этим необходимо установить участников разгрома камер мировых судей и причины, побудительные мотивы этого движения. Судя по всему, основным сигналом к наступлению на большинство камер мировых судей стал поджог здания судебных установлений (Литейный пр., д. 4). Во всяком случае, руководитель отряда солдат, явившихся в камеру 15-го участка, заявил мировому судье, «что здесь участок, его нужно обыскать, уничтожить дела» и выдать оружие. Мировой судья, обращаясь к нему, объяснил, что у него нет оружия, и спросил: «Зачем уничтожать дела?» Болотин так передал ответ унтер-офицера: «<...> разве я не знаю, что Окружной суд со-

¹ Старцев В.И. Внутренняя политика Временного правительства первого состава. Л., 1980. С. 187.

² См., напр.: Исаев И.А. История государства и права в России: Учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2004. С. 539.

³ Шевчук В.Б. Реформирование судебной системы России во второй половине XIX — нач. XX в. (историко-правовое исследование): Дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2004. С. 167.

⁴ Лонская С.В. 1) Мировая юстиция в России. Калининград, 2000. С. 152–154; 2) Мировая юстиция Российской империи в очерках. Статья 2. Мировые судьи в Российской системе судов (1864–1917 гг.) // Мировой судья. 2013. № 4. С. 26–29.

жжен и всё там уничтожено». Попытки объяснить руководителю отряда, что мировой суд — это суд выборный, отличающийся от суда короны, должного эффекта не произвели. Унтер-офицер в ответ заявил: «<...> теперь этих законов нет, теперь всё по-новому <...>». Можно предположить, что восставшие, участвуя в разгроме камер мировых судов, тем самым боролись против царской судебной системы, т. е. действовали по-революционному. Конечно, абсолютизировать осознанность этого действия всеми его участниками было бы неправильно, но руководители отдельных отрядов, скорее всего, считали разгром камер мировых судей революционным актом!

О политической составляющей разгрома камер мировых участков писал и В.В. Менишуткин. По его словам, «в разгроме камер участвовали и лица, убежденные, что они серьезно помогают уничтожить следы деяний ненавистных властей царского режима, между тем как они настолько не осведомлены о роде дел, производившихся у мировых судей, что при находке дел об охране имущества слышались торжествующие возгласы: “вот, где дела охраны”»¹. Конечно, охранительные дела не имели никакого отношения к политическим делам. Но восставшие настойчиво искали их в камерах мировых судей. Так, мировой судья А.В. Болотов передавал свой разговор с руководителем отряда солдат, пришедших уничтожать дела в его камере: «Выслушав меня, унтер-офицер спросил, а где у меня дела политические. Тут я уже не мог удержаться от улыбки и старался объяснить, что такие дела мировых судей совсем не касаются, до нас к ним и на пушечный выстрел не подпустили бы». В действительности же мировые суды политическими делами занимались. Дела о политической неблагонадежности проходили в мировой юстиции как разновидность уголовных дел. Поэтому поиск восставшими в камерах мировых судей политических дел носил обоснованный характер. Лица, признанные мировыми судьями политически неблагонадежными, естественно, знали о роли мирового суда в своей судьбе. Иначе говоря, в уничтожении всех уголовных дел были заинтересованы пострадавшие по политическим мотивам в силу неуверенности в победе революции. Быстрее было сжечь все уголовные дела, чем выявить среди них дела политические. Никто не знал, сколько еще дней Петроград будет в руках восставших! Не исключено, что и мировые судьи, стремящиеся скрыть свою причастность в той борьбе, которую вело царское самодержавие против своих политических врагов внутри страны, были заинтересованы в полном уничтожении всех уголовных дел, среди которых были и политические. Возможно, именно этим объясняется то, что именно их, т. е. уголовные дела, и предлагали сжигать мировые судьи участникам разгрома камер. Поэтому списывать весь ущерб, понесенный камерами мировых судов, исключительно на уголовников нельзя, точно так же было бы существенным преувеличением превратить их в главных участников разгромов этих камер. Известно, что в разгроме камер мировых судей принимали участие и рабочие. Московский присяжный поверенный В.В. Быховский, бывший в дни Февральской революции в Петрограде, «обратился к рабочим с вопросом о причинах разгрома камер». Рабочие ответили ему, что «мировые судьи за последнее время усиленно защищали интересы домовладельцев, беспощадно выселяя квартирантов», что и «послужило причиной озлобленности толпы»².

¹ Менишуткин В. Временные суды в Петрограде. С. 183.

² Раннее утро. 1917. 5 марта.

Насколько Петроградский временный суд был справедлив, и что такое справедливость? Здесь совершенно правильно коллеги говорили, что справедливость для всех разная. В связи с этим приведу следующий пример. В Технологическом институте сложился местный революционный центр, который явочным порядком приобрел и судебные функции. Судя по словам А.И. Тарасова-Родионова, назначенного 28 февраля 1917 г. Военной комиссией Временного комитета Государственной Думы комендантом Московского района и Технологического института, он сам выступал в роли судьи. В частности Тарасов-Родионов вспоминал, что к нему обратилась женщина с просьбой развести ее с мужем. Тарасов-Родионов писал: «Я заставил ее привести с собой своего прежнего мужа. Он оказался каким-то счетоводом, и через полчаса женщина уходила с лучезарно-счастливым лицом, трепетно сжимая мое постановление о разводе, конечно, с печатью “Общества взаимопомощи студентов-технологов”. Ну разве можно без печати?!»¹ Укажу, что в прессе эта история была подана иначе. Жителям Московского района стало известно о том, что в Технологическом институте открылся студенческий суд, который «судит <...> по-честному, а, главное, по-новому». К этому суду и обратилась одна женщина с жалобой на мужа: «Жить нельзя: бьет, заработок отбирает, пьянствует. Пробовала уходить — он через полицию требует. — Освободите, родные, сил больше нет! <...> И студенты освободили: живо составлен был даже не отдельный вид на жительство, а акт о разводе». Через несколько дней женщины, мечтавшие о разводе, «гуськом потянулись» в Технологический институт. Но состав суда уже изменился и во главе его стоял «законник — присяжный поверенный»². Трудно установить, кто в действительности развел эту женщину — комендант Московского района и Технологического института А.И. Тарасов-Родионов или студенческий суд, но и в первом, и во втором случае речь идет о народном правотворчестве. И главное: эту женщину развели с мужем и для нее это было очень справедливое решение. Может, и муж был счастлив. Но никаких законных оснований для развода не было, так как вопрос о расторжении брака решался духовной консисторией и Святейшим Синодом.

Известен также факт вмешательства уже временного суда в процедуру бракоразводного процесса. Вечерний выпуск «Биржевых ведомостей» 29 марта 1917 г. сообщал, что находившийся на фронте солдат узнал, что его жена, проживающая в Петрограде, ему изменяет. Солдат приехал в Петроград и застал на квартире свою жену с любовником. По словам газеты, «обманутый муж», недолго думая, «схватил платье виновной жены и ее любовника и выбежал на улицу с криком: — Товарищи, сюда!» Солдат рассказал собравшейся толпе об измене жены и «попросил всех в этом удостовериться». «Биржевые ведомости» писали, что «был составлен протокол, после чего всех отправили в суд». Временный суд приговорил жену солдата «за развратное поведение подвергнуть аресту на 6 месяцев, а мужу выдать расписку для <...> получения развода». Насколько справедлив был этот приговор? Для солдата, получившего какой-то документ на развод, предположительно он был справедлив. А для его жены? И вновь напомним, что вопрос о расторжении брака в светских судах не разрешался. То есть справедливость для одной из сторон судебного процесса достигалась нарушением связанности временных судов с материальным и процессуальным законом.

¹ Тарасов-Родионов А. Февраль: Роман-хроника. М., 1931. С. 273.

² Русская воля. 1917. 22 марта (вечерн. вып.).

В.Ю. Черняев спрашивает: «Что такое народное правотворчество? Это нереализованный шанс или же это ошибка?» Сказать, что народное правотворчество относится к нереализованному шансу или является ошибкой, значит погрешить против истины. Отчасти шанс был реализован: в Петрограде временные суды функционировали в марте–июле 1917 г. Нельзя также введение временных судов списать на ошибку А.Ф. Керенского. Дело в том, что временные суды в Петрограде работали эффективно и первое время пользовались поддержкой со стороны горожан и прессы разной направленности. Другое дело, что в процессе своей деятельности временные суды выносили такие приговоры, которые походили на расправу. Даже преступлений таких нет, а они судят. Временные судьи иногда придумывали нормы, которых ни в царских, ни в новых законах не было. На мой взгляд, такой произвол был вреден. Подрывалась вера в демократию, в народное правосудие. Естественно, периодическая печать стала обращать на эти приговоры внимание. Сколько было пострадавших от произвола временных судов, сказать трудно. Думается, что речь идет о сотнях людей, которые считали, что судьи нарушили судопроизводство, вынесли им несправедливые приговоры. Это были совершенно разные жертвы: от домовладельцев до женщин легкого поведения. Среди недовольных оказались и мировые судьи, входившие в состав временных судов. Дело в том, что при вынесении приговоров они оказывались в меньшинстве.

Аарон Ретиш

Я хотел бы обратить внимание на три главных вопроса. Первый о непривычности и изменении управления. Мюррей Фрейм писал о том, что, как и все революции, события 1917 г. частично были попыткой отделить прошлое от настоящего, перекрыть структуры, функции и теоретические основы политических институтов. Конечно, были попытки отделить ранее существующее право и суд от нынешних. Большевики отменили существующие гражданские и уголовные кодексы, вынесение приговоров. Полагаясь на пролетарское сознание, они устроили новую судебную систему. Но полного разрыва с прошлым не произошло.

Второе: суд и участие в управлении государством. Народные суды напоминают нам о том, что советское государство не контролировало свои органы. По всей Вятке в залах судов нашли выражение многие идеи о правосудии и правовой культуре. В народные суды обычные граждане (особенно крестьяне) обращались с исками, будь то по семейному праву, по вопросу собственности или о государственной помощи, и обсудить конфликты в деревне. Тогда как отдельные судьи решили эти дела на основе своих традиций, ментальности и понимания законов.

Третий вопрос — суд и право. Что такое законы, право? Суд был важным местом, где действующие лица обсуждали свои идеи о праве и юстиции. Но в конце концов советское государство сделало суд органом революционной правды и репрессий. В докладе я рассматриваю две ветви местной судебной системы: народный суд как возможность распространять юридическую традицию в деревне и революционный трибунал, который распределял наказания и устанавливал террор. Однако нельзя сказать, что народные суды и революционные трибуналы и ЧК были двуликими Янусами, когда один представлял собой путь к демократии, а другой — к тоталитарному режиму. Революционные трибуналы стали символом власти и порядка в государстве. Народные суды тоже функционировали как революционные органы. Советское государство, как и царское государство, утверждало

монополию права. Ленин писал, что советские суды основаны на авторитете трудящихся и пролетарском сознании. Американские ученые писали, что большевики установили законы беззакония (legalised lawlessness). Может быть, правильнее сказать, что советское государство установило незаконную законность (lawless legally). Несмотря на отсутствие установленного правового кодекса, суды смогли создать государственную инфраструктуру и сформировать революционные ценности. В этом смысле суды помогли создать советских граждан.

Мюррей Фрейм

Мне хотелось бы сказать, что я совершенно согласен с тем, что милиция была сформирована снизу, что это была стихийная демократическая организация и что она имела разные самостоятельные формы. Это была власть народа на практике. В этом смысле было много понятий милиции. Перспектива моего доклада — это перспектива сверху, взгляд политических групп и правительства на милицию. Политики хотели создать единую систему милиции, чтобы установить государственную власть после краха царизма. С этой целью была связана одна из задач политиков, состоявшая в том, чтобы уточнить формальные роли единой милиции. Реальность, конечно, была иная. Этот дискурс сверху показывает разные концепции и, таким образом, разные возможности для новой системы милиции.

Ёсиро Икэда

Во-первых, я хочу ответить на вопрос о том, почему Временное правительство не показало инициативу в области законодательной действительности. Я не думаю, что Временное правительство не претендовало на законодательный статус. Наоборот, особенно в Юридическом совещании кадетские юристы были полны энергии, чтобы подготовить новые законы для новой республики. Но все-таки некоторые серьезные законы, например об уничтожении сословий, было невозможно подготовить быстро. В июне и в июле на Юридическом совещании они начали готовить проект по поводу уничтожения сословия как института. Но сразу оказалось, что почти все стороны юридического порядка дореволюционной России связаны с сословной системой. Например опекунов, каждое сословие имело систему опеки. И так далее. Поэтому тот факт, что Временное правительство не уничтожило институт сословия, не означает, что они не хотели уничтожить его.

Уже на первом заседании Временного правительства были приняты очень важные решения по поводу юридического порядка в революционной России. Они решили, что основные законы Российской империи прекратили действие. Это очень важная инициатива в области юридической.

После Февральской революции исполнительная власть, правительство стало сильнее по сравнению с дофевральской эпохой. В начале XX в. существовал вопрос, как создать ответственное правительство. После Октябрьской революции работало правительство, ответственное перед Съездом советов. Конечно, только де-юре. Де-факто по крайней мере до начала 1990-х гг. не было ответственного правительства в России.

Вопрос о гендере, о женщинах — каким образом Временное правительство и лидеры Советов пробовали интегрировать женщину в новое гражданское общество. Мне кажется, что женщины начали интегрироваться в революционное общество не просто как его члены, граждане, а как какой-то коллектив. Женщины высту-

пили как одна корпорация, как одна организация. После октябрьской революции не только женщина, но вообще все члены российского общества корпорировались в политической сфере не как простой гражданин, а как член какой-то организации.

Несколько слов скажу о корпоратизме. К 1917 г. парламентаризм в России был очень слаб. В этот период уже не существовало парламента в прямом смысле слова. Как организовать людей? Корпоратизм являлся одним из адекватных методов. Например, юристы-кадеты считали, что для новой республики нужна двухпалатная система. Вторая палата должна была состоять из представителей организаций.

Профессор Розенберг поставил вопрос о том, как мы говорим о юстиции вообще. Я хочу сказать, что всегда справедливость, право и юриспруденция могут существовать там, где уже существует принудительный аппарат, где существует насилие. Февральская революция произошла в годы Первой мировой войны, когда государство уже не обладало монополией на насилие. Каждый солдат носил оружие. Они все могли выступить как исполнители закона, права, справедливости. Александр Федорович Керенский стал вождем только после того, как он стал военным министром. Когда он был министром юстиции, он еще не был вождем. У него еще не было военных сил. Значит, право и справедливость могут существовать только там, где существует насилие.

Профессор Стейнберг задал вопрос о том, что мы можем думать о восприятии людей права и республики в связи с насилием на улицах. Действительно, к лету 1917 г. слово «республика» оценивалось невысоко из-за появления множества республик на территории России: Царицинская республика, Кронштадская республика и т. д. В восприятии людей все они были связаны с анархией на улицах. Поэтому я думаю, что насилие на улицах оказало сильное влияние и на восприятие слова «право».

Секция 3

РЕВОЛЮЦИЯ И ВЛАСТЬ

Владимир Иванович Шишкин

АДМИНИСТРАТИВНАЯ ЭЛИТА СИБИРИ ВЕСНОЙ 1917 г.

Не подлежит сомнению, что главный вопрос любой революции — это вопрос о власти, о том, с одной стороны, кого в результате революции этой власти лишают, а с другой — к кому она переходит. Но в обоих случаях в первую очередь должны быть проанализированы изменения, которые произошли вследствие революционных преобразований с правившей административно-политической элитой и противостоявшей ей контрэлитой.

Февральская революция в России в этом отношении не составляет исключения. В специальной научной литературе последних лет, в многочисленных публикациях на смежные темы и в обобщающих трудах по истории революций 1917 г. получили отражение изменения, которые произошли в судьбе столичной и тем самым в значительной мере общероссийской элиты в ходе Февральской революции и в последующие за ней месяцы. Что же касается изучения процессов элитообразования в 1917 г. в провинции, то здесь пока больше лакун, чем основанных на фактическом материале результатов.

Если говорить о Сибири, то в советской историографии эта тема не изучалась ни специально, ни попутно. Показателен хотя бы тот факт, что в двух специальных монографиях, посвященных Февральской революции и двоевластию в Сибири, совершенно отсутствуют фамилии деятелей, возглавлявших на местах новые органы государственного управления и городского самоуправления¹. Избирательно и очень односторонне в публикациях советских историков были показаны лишь лидеры местных большевиков, части Совдепов и профсоюзов.

Только в постсоветской литературе указанный недостаток постепенно стал преодолеваться. Появились статьи, диссертации и монографии, в которых в научный оборот стала вводиться информация о персональном составе и руководителях созданных в Сибири местных органов государственной власти, самоуправления и разных общественных организаций². Благодаря этому стала формироваться

¹ *Сидоренко С.А.* Февральская буржуазно-демократическая революция и начало перехода к революции социалистической в Сибири (март–апрель 1917 г.). Челябинск, 1970; *Бабикова Е.Н.* Двоевластие в Сибири. Томск, 1980.

² См.: *Кучак Л.Л.* Местное управление на Урале и в Западной Сибири в марте–октябре 1917 г.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002; *Кононенко А.А.* Тюмень на перепутье: власть и общество в 1917–1921 гг. Тюмень, 2009; *Дробченко В.А.* Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск, 2010; *Шанова Л.В.* Февральская революция 1917 года в Иркутске: конструирование системы местного управления // Сибирский город в XVIII–XX веках: Сборник статей. Иркутск, 2010; *Чудиков О.В.* Городское самоуправление в Сибири в годы Первой мировой войны и период социальных катаклизмов (июль 1914 — первая половина 1918 г.). Омск, 2013; *Захарова К.Л.* Комитеты общественной безопасности в Сибири (весна–лето 1917 г.) // Трансформация

база данных, необходимая для описания объекта исследования в целях последующего его анализа.

* * *

23 февраля 1917 г. в Петрограде начались антиправительственные выступления горожан и войск гарнизона, через неделю приведшие к свержению самодержавия и установлению новой власти. Но сибиряки в течение нескольких дней ничего не знали об этих революционных событиях, так как на публикацию в газетах телеграмм Петроградского телеграфного агентства, содержащих информацию о столичных новостях, местными властями был наложен запрет.

Судя по всему, до 2 марта 1917 г. даже генерал-губернаторы и губернаторы Сибири плохо представляли реальную ситуацию в Петрограде. Во всяком случае 1 марта А.И. Пильц просил МВД «срочной телеграммой сообщить положение»¹. Царское правительство скупое и невнятное информировало их о развитии событий, поскольку надеялось нормализовать положение. Но оно настойчиво требовало от провинциальных властей принять превентивные меры, чтобы не допустить антиправительственных выступлений на подконтрольной им территории.

Несмотря на информационную блокаду Сибири, уже с 28 февраля 1917 г. по Ачинску, Барнаулу, Иркутску, Красноярску, Омску и Семипалатинску циркулировали слухи о крупных изменениях в жизни столицы. Источниками их появления стали частные телеграммы и служащие телеграфа.

Первую официальную информацию о том, что в Петрограде произошла революция, а власть перешла к Исполнительному комитету Государственной Думы, сибиряки получили по железнодорожному телеграфу. Это была телеграмма, которую в ночь на 1 марта 1917 г. отправил депутат Государственной Думы А.А. Бубликов, назначенный комиссаром министерства путей сообщения. 2–3 марта власти Иркутского и Степного генерал-губернаторств распорядились прекратить информационную блокаду.

В результате 3–4 марта почти во всех газетах Сибири была опубликована важнейшая информация, подтверждавшая первоначальные сведения о государственном перевороте и не оставлявшая сомнений в победе революции в столице. Из нее сибиряки узнали о создании и составе Временного правительства, об организации Петроградского Совета рабочих депутатов, об отречении Николая II, а также о первых шагах новой власти.

В Сибири первым днем революции фактически стало 2 марта. В крупных и большей части средних городов края официальные сведения о победе революции в столице мгновенно и радикально изменили политическую обстановку. Явочным порядком в жизни городского социума Сибири утверждались демократические свободы слова, собраний, ассоциаций и печати. Местные власти, которые были лучше населения осведомлены о политической обстановке в Петрограде, никаких мер по пресечению несанкционированных публичных мероприятий не предпринимали и в события не вмешивались.

российской политической системы в период революции и Гражданской войны: сибирская специфика: Сборник научных статей. Новосибирск, 2014 и др.

¹ ГА РФ. Ф. Р-1778. Оп. 1. Д. 419. Л. 9.

Общественность Сибири прекрасно сознавала, что успех революции в столице нуждается в поддержке и в организационном закреплении на провинциальном уровне. Эта же мысль рефреном звучала в телеграммах, направленных Временным правительством на места и опубликованных в газетах. Но из-за отсутствия конкретных указаний со стороны Петрограда о том, кто и как должен это сделать, дальнейшие события в разных населенных пунктах Сибири развивались по различным сценариям, обусловленным местной спецификой.

В городах Сибири в большинстве случаев почин по осуществлению местных «революций» исходил от общественных деятелей и бывших политических ссыльных. По их инициативе для обсуждения петроградских событий и выражения отношения к ним созывались чрезвычайные или экстренные заседания городских дум или управ, собрания представителей общественных организаций, митинги и собрания горожан. По итогам многочасовых дискуссий, проходивших в атмосфере революционной эйфории, выносились резолюции о солидарности с новой властью, отправлялись в адрес Государственной Думы и Временного правительства соответствующие телеграммы, вырабатывались первоочередные практические меры, направленные на их поддержку. Важнейшим итогом этих мероприятий стало создание местных органов новой, революционной власти.

Под разными, но очень близкими названиями — комитеты общественной безопасности, комитеты общественных организаций, комитеты общественного спасения и безопасности, комитеты общественного порядка, комитеты общественного спокойствия, исполнительные комитеты, коалиционные комитеты и т. п. — такие органы были учреждены 2 марта в Иркутске, Ишиме, Красноярске, Омске, Ново-Николаевске, Томске, Тюмени, 3 марта — в Бийске, Боготоле, Каинске, Минусинске, Нижнеудинске, Татарске, Черемхове, Чите, 4 марта — в Ачинске, Балаганске, Барнауле, Кузнецке, Петропавловске и Якутске, 5 марта — в Киренске, Семипалатинске и Тобольске, 6 марта — в Верхнеудинске, 7 марта — в Вилуйске и Кургане. Таким образом, в кратчайший срок, не превышавший недели, задача по созданию новых органов власти была успешно решена во всех губернских, областных и самых крупных уездных центрах Сибири.

Чаще всего эти органы именовались временными комитетами общественной безопасности (КОБа́ми). Как правило, в первый состав КОБов избирали гласных городских дум, представителей биржевых и военно-промышленных комитетов, кооперации, учреждений и предприятий, учебных заведений, профсоюзов, иногда — воинских частей. В их числе было много бывших политических ссыльных, юристов, журналистов, служащих.

В большинстве КОБов Сибири были представлены все социальные слои и группы горожан, кроме местной верхушки бывших деятелей царского режима, служащих жандармерии и полиции. В политическом отношении члены КОБов исповедовали разные взгляды. Среди них присутствовали беспартийные и либералы, демократы и социалисты, анархисты и националисты. Их объединяло не только прошлое — борьба против царизма, но и настоящее, а также ближайшее будущее: поддержка программы Временного правительства и ставка на Учредительное собрание как на хозяина земли русской. Фактически КОБы Сибири стали воплощением широкой коалиции либерально-демократических и социалистических сил на местах, тон в которой в большинстве случаев задавали умеренные социалисты.

Убедительным свидетельством коалиционного характера и политического плюрализма КОБов являлся корпус их первых председателей, составивших высший слой новой административной элиты Сибири. В Тобольске временный комитет возглавил бывший политический ссыльный, присяжный поверенный В.Н. Пигнатти, являвшийся энесом (народным социалистом); в Тюмени — гласный городской думы, глава Тюменского комитета Союза городов, председатель местного военно-промышленного комитета, директор частного коммерческого училища В.И. Колокольников; в Омске — председатель биржевого комитета, симпатизировавший социалистам беспартийный Н.Д. Буяновский, которого через несколько дней на этом посту сменил председатель Омского комитета Союза городов, член бюро Омского областного военно-промышленного комитета энес Н.А. Филашев (А.И. Новиков); в Семипалатинске — председатель Семипалатинского союза кооперативов эсер К.П. Ляшкевич; в Барнауле — видный предприниматель, председатель Совета Алтайского союза кооперативов энес А.М. Окороков; в Томске — гласный городской думы, присяжный поверенный Б.М. Ган (беспартийный, но «левых» взглядов); в Ново-Николаевске — банковский служащий эсер Н.Е. Жернаков; в Красноярске — врач, видный общественный деятель, бывший народоволец В.М. Крутовский, который считал себя беспартийным социалистом и симпатизировал эсерам; в Иркутске — политический ссыльный, бывший депутат Государственной Думы II созыва меньшевик И.Г. Церетели; в Чите — ветеринарный врач, близкий к кадетам беспартийный А.А. Дудукалов; в Верхнеудинске — меньшевик-интернационалист Е.А. Петров; в Якутске — политический ссыльный, депутат Государственной Думы IV созыва большевик Г.И. Петровский.

Столь же разнообразным в партийно-политическом и в остальных отношениях оказался состав заместителей председателей, секретарей и других членов руководящих органов КОБов: президиумов, исполкомов, бюро и т. п. Так, товарищами председателя Тобольского комитета общественного спокойствия были избраны популярные местные общественные деятели В.С. Ланитин (секретарь Тобольского губернского музея) и А.Н. Чеботарев (ветеринарный врач, беспартийный), а секретарями — Е.Л. Писаревский (меньшевик-интернационалист) и директор Тобольской учительской семинарии М.Д. Холзаков¹.

Товарищем председателя Томского комитета общественного порядка и безопасности стал писатель и публицист эсер В.И. Анучин, секретарем — помощник присяжного поверенного эсер Е.В. Захаров, членами комитета от городской думы — присяжный поверенный С.В. Александровский (беспартийный, но «левый»), Н.В. Патрушев («левый центр»), техник Н.В. Соколов («левый центр») и предприниматель К.Р. Эман («правый»), а от общественных организаций — большевики А.В. Данилов (нелегальная кличка А.В. Шотмана) и А.Ф. Иванов и меньшевик В.П. Денисов².

Товарищами председателя Красноярского комитета общественной безопасности стали бывшие политические ссыльные присяжный поверенный эсер В.Я. Гуревич и большевик А.Г. Шлихтер, секретарями — местные общественные деятели А.В. Байкалов (кооператор, меньшевик), С.Д. Розинг (ученый лесовод, беспартийный) и А.Р. Шнейдер (кооператор и журналист, сочувствующий социал-демократам)³.

¹ Бюллетени Тобольского временного комитета общественного спокойствия. 1917. 9 марта.

² Сибирская жизнь [Томск]. 1917. 4 марта; Утро Сибири [Томск]. 1917. 4 марта.

³ Енисейский край [Красноярск]. 1917. 7 марта.

В члены президиума исполкома общественных организаций города Иркутска прошли эсеры М.Г. Бочарников, А.Р. Гоц и С.Н. Салтыков, меньшевик С.Л. Ванштейн, социал-демократ В.С. Войтинский, большинство из которых были известны не только в революционных кругах, но и широкой российской общественности, а также местный общественный деятель Н.Н. Кармазинский (до Февральской революции был кадетом, после — эсером)¹. После отъезда 13 марта в Петроград И.Г. Церетели, В.С. Войтинского и А.Р. Гоца вместо них членами президиума были избраны эсеры А.А. Никольский и Е.М. Тимофеев, а председателем комитета — А.П. Крутливков².

Если анализировать первый состав руководящих органов КОБов Сибири, то нужно признать, что в нем «первую скрипку» играли бывшие политические ссыльные. Думается, что В.М. Крутовский, хорошо осведомленный о том, что и как происходило в Сибири, правильно объяснил причины, по которым в большинстве случаев в КОБах задавали тон «политические»: «<...> Местные люди были все-таки осторожны, колебались и выжидали, а у “политиков” никаких колебаний не было. Им рисковать было нечем. Они смело шли на форум и заняли первые места в революционном движении»³.

Изначально КОБы создавались для содействия Временному правительству и недопущения вакуума, который мог возникнуть в процессе перехода власти из одних рук в другие, а также для обеспечения порядка на подведомственной им территории и безопасности населения. «Мы прекрасно представляли себе, — вспоминал позднее В.С. Войтинский, — какая вакханалия убийств, грабежей, насилий грозит в насыщенной уголовными элементами Сибири, если край, хоть на короткое время, останется без власти или если авторитет центрального правительства в населении будет поколеблен неосторожными шагами местных деятелей»⁴.

Но руководство революционных органов сначала не решилось самостоятельно отстранить от должности прежних начальствующих лиц и взять на себя всю полноту власти. Так, 3 марта В.М. Крутовский от имени Красноярского КОБа послал председателю Совета министров телеграмму, в которой сообщил, что «авторитет местных представителей старой власти поколеблен, население им не доверяет» и в то же время просил «указать пределы полномочий [и] район действий к[омитета]»⁵. Во многом аналогичную телеграмму председателю Государственной Думы М.В. Родзянко, членам думы А.Ф. Керенскому и Н.С. Чхеидзе 4 марта отправило руководство комитета общественных организаций Иркутска. Оно сообщило о создании комитета, о взятии им на себя руководства местными делами и одновременно просило немедленно отстранить А.И. Пильца и назначить представителей правительства для управления краем⁶.

Объективная обстановка, однако, побудила КОБы, не дожидаясь указаний новой верховной власти, резко расширить перечень своих задач, взять на себя полную ответственность за положение в городах и на прилегающих территориях. Они офи-

¹ Известия исполнительного комитета общественных организаций гор. Иркутска. 1917. 10 марта.

² Сибирь [Иркутск]. 1917. 15 марта.

³ К[рутовский] В. Областное обозрение // Сибирские записки. Красноярск. 1917. № 4—5. С. 103—104.

⁴ Войтинский В.С. 1917-й. Год побед и поражений. Chaldize Publications, 1990. С. 15—16.

⁵ Енисейский край. 1917. 5 марта.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-1788. Оп. 2. Д. 74. Л. 14.

циально объявили населению, что являются высшими органами государственной власти на местах, подчиненными Временному правительству. Возникнув в качестве городских, КОБы быстро распространили свою компетенцию на близлежащие уезды, а иногда и на губернии / области в целом. Из-за отсутствия правовой базы, которая регламентировала бы деятельность КОБов, они были вынуждены самостоятельно определять свои права, функции, структуру и направления работы, действовать по собственному усмотрению с учетом местных условий, но с оглядкой на верховную власть.

Главная задача, которую пришлось немедленно решать КОБам, заключалась в выработке и реализации грамотной политики по отношению к государственным структурам свергнутой царской власти. Почти все служащие старой администрации, начиная от губернаторов и жандармских полковников и кончая околоточными и тюремными надзирателями, реагируя на перемену верховной власти в стране, заявили о своей готовности служить Временному правительству. Более того, забайкальский военный губернатор В.И. Мустафин 3 марта даже участвовал в предварительном совещании, принявшем решение об организации КОБа в Чите, а томский губернатор В.Н. Дудинский в тот же день издал объявление, в котором по сути дела признал комитет общественного порядка и безопасности высшей местной властью. Он назвал постановления комитета безусловно обязательными для всех жителей Томска, а от чинов гражданского ведомства потребовал оказывать комитету «неукоснительное содействие»¹.

Лояльность представителей бывшей царской элиты не стала гарантией их оставления не только на службе, но и даже на свободе. По распоряжениям КОБов почти сразу же были произведены аресты генерал-губернаторов, губернаторов, некоторых вице-губернаторов, начальников жандармских управлений и полицмейстеров. Причины, по которым КОБы отдали распоряжения об этих арестах, были разными. Высших сановников, как правило, арестовывали по указаниям верховной власти из Петрограда или по требованию местных рабочих и солдат.

Вместо арестованного 4 марта Иркутского губернатора А.И. Югана исполком общественных организаций города в тот же день назначил на эту должность, получившую позднее название губернского комиссара Временного правительства, служившего в течение пяти предыдущих лет управляющим местной казенной палатой беспартийного А.И. Лаврова². Неделю спустя исполком Иркутска ввел должность комиссара по судебным делам, назначив на нее бывшего присяжного поверенного, политссыльного эсера С.С. Старынкевича, предоставив ему права прокурора судебной палаты³. Затем 14 марта с согласия А.И. Лаврова последовали назначения бывшего чиновника П.П. Агапьева помощником губернского комиссара и Н.Н. Кармазинского — управляющим казенной палатой⁴.

¹ Сибирская жизнь. 1917. 4 марта; *Соколов В.* Февральский «переворот» в Чите // Северная Азия: Общественно-научный журнал. Кн. 1. М., 1927. С. 36; Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Забайкальской области (март 1917 — ноябрь 1918 г.). Томск, 1991. С. 8.

² Известия Исполнительного комитета общественных организаций гор. Иркутска. 1917. 11 марта; *Лавров И.А.* На рубеже. Харбин, [1938]. С. 11.

³ Известия Исполнительного комитета общественных организаций гор. Иркутска. 1917. 12 марта.

⁴ Известия Исполнительного комитета общественных организаций гор. Иркутска. 1917. 15 марта.

Еще более решительно действовал Омский коалиционный комитет. По его распоряжению 4 марта были арестованы генерал-губернатор Степного края и командующий войсками Омского военного округа генерал от кавалерии Н.А. Сухомлинов, помощник наказного атамана Сибирского казачьего войска генерал-майор П.Я. Ягодкин, командир дислоцировавшейся в Омске 3-й Сибирской запасной стрелковой бригады генерал-лейтенант А.В. Ромашов, губернатор А.В. Колобов и вице-губернатор Н.И. Князев, старший председатель судебной палаты В.В. Едличко, прокурор палаты А.К. Висковатов и другие начальники прежней администрации. Для управления Акмолинской областью Омский коалиционный комитет немедленно назначил члена окружного суда И.П. Законова временно исполняющим обязанности губернатора, а председателя механического отдела областного военно-промышленного комитета гражданского инженера Н.И. Лепко — исполняющим обязанности вице-губернатора¹.

В коалиционном комитете немедленно было создано 11 отделов, руководителями которых были назначены квалифицированные специалисты, имевшие хорошую репутацию в либеральных и социалистических кругах: кадеты Е.П. Березовский, Н.П. Двинаренко, В.А. Жардецкий и З.С. Кадыш, меньшевики В.П. Балиев и Д.А. Лиознер, эсер А.Е. Корякин, энес Н.А. Филашев². Тем самым управление Акмолинской областью возглавила новая генерация администраторов, состоявшая из прежней контрэлиты.

Более того, Омский коалиционный комитет «покусился» на права генерал-губернатора. По его распоряжению 14 марта И.П. Законов вступил во временное исполнение обязанностей комиссара по Степному генерал-губернаторству, тогда как Н.И. Лепко заменил его на посту временно исполняющего обязанности губернатора³.

В том же направлении развивались события в Томске. Удовлетворяя просьбу губернатора В.Н. Дудинского, комитет общественного порядка и безопасности постановил отстранить его от управления губернией. Считая возникшее положение требующим экстренных мер, комитет для временного управления губернией решил учредить комиссариат из трех лиц. 5 марта закрытым голосованием в губернский комиссариат были избраны видные общественные деятели демократической ориентации: неперменный член по крестьянским делам Томского губернского управления беспартийный А.А. Барок, сотрудник переселенческого управления, помощник заведующего переселением в Томском районе беспартийный М.А. Войскобойников и присяжный поверенный П.В. Вологодский, по своим взглядам близкий к эсерам. О своих «кадровых» решениях комитет немедленно поставил в известность министра внутренних дел, закончив телеграмму словами «Просим срочно полномочий и указаний»⁴. Через три дня Томский губернский комиссариат был утвержден Временным правительством⁵.

С большой тревогой новая местная власть ожидала реакции на происходившие события командного состава и солдат гарнизонов. Однако среди служивших в Си-

¹ Акмолинские областные ведомости [Омск]. 1917. 8 марта; Сибирский листок [Тобольск]. 1917. 12 марта; Сибирская жизнь. 1917. 17 марта.

² Бюллетени Тобольского временного комитета общественного спасения. 1917. 17 марта.

³ Акмолинские областные ведомости. 1917. 22 марта.

⁴ Сибирская жизнь. 1917. 7 марта.

⁵ Свободная Сибирь [Ново-Николаевск]. 1917. 10 марта.

бири генералов и офицеров нашлось всего несколько десятков человек, которые вспомнили о том, что когда-то они присягали на верность российскому императору. Оба командующие военными округами, большинство начальников гарнизонов и командного состава дислоцировавшихся в Сибири воинских частей почти сразу же заявили о себе как о сторонниках Временного правительства. Начальники гарнизонов и командиры частей публично продемонстрировали свою лояльность, выведя подчиненных им офицеров и солдат на улицы и площади городов под красными знаменами. Полковые оркестры вместо привычного «Боже, царя храни» без устали играли французскую «Марсельезу».

Клятва верности новому правительству не спасла большинство старших командиров от снятия с должности. Вместо арестованного Н.А. Сухомлинова в тот же день на собрании командного состава войск Омского гарнизона почти единогласно новым командующим войсками был избран генерал-майор Г.В. Григорьев, якобы «пострадавший» еще до Мировой войны от бывшего генерал-губернатора Е.О. Шмита и потому имевший репутацию «либерала», на должность начальника штаба округа общее собрание офицеров избрало генерал-майора В.Г. Владимирову, а помощником командующего и комендантом города — эсера прапорщика С.М. Немчинова. Коалиционный комитет утвердил выборных командиров в должностях¹. Тем не менее он проявил революционную бдительность, назначив при командующем войсками округа двух своих комиссаров: уже упоминавшегося Н.Д. Буяновского и бывшего присяжного поверенного, товарища председателя Омского военно-промышленного комитета кадета Д.С. Каргалова².

Командующий Иркутским военным округом генерал от инфантерии Я.Ф. Шкинский и начальник 2-й Сибирской запасной стрелковой бригады генерал-лейтенант Н.А. Лашкевич тоже признали новую власть. Но они не смогли найти общий язык с руководством Совета военных депутатов, которое посчитало, что названные генералы «не пользуются достаточным доверием со стороны войска» и, кроме того, «не проявляют той горячей веры в новую армию и свободную Россию, которую надлежало бы проявлять начальникам войска». Поэтому 6 марта Иркутский комитет общественных организаций совместно с руководством Совета военных депутатов, «тщательно и осторожно обсудив вопрос», постановил генералов Я.Ф. Шкинского и Н.А. Лашкевича отрешить от должности. Вместо них временно командующим округа было решено назначить командира 10-го полка полковника П.Г. Фелицына, а командиром бригады — командира 11-го полка полковника Н.Г. Гусаревича. Комитет обратился к военному министру с просьбой утвердить его постановление и возбудил перед министром ходатайство о производстве П.Г. Фелицына в генералы³. Военный министр немедленно удовлетворил первую часть просьбы Иркутского комитета, приказав полковнику П.Г. Фелицыну вступить во временное командование войсками Иркутского военного округа⁴.

¹ Очерки истории города Омска. Т. 2: Омск. XX век. Омск, 2005. С. 252.

² Бюллетени Тобольского временного комитета общественного спокойствия. 1917. 15 марта.

³ Известия Исполнительного комитета общественных организаций гор. Иркутска. 1917. 11 марта.

⁴ Там же; Сибирь. 1917. 12 марта.

* * *

Временное правительство стремилось реагировать на импульсы, которые шли снизу, и контролировать развитие ситуации на местах. Сначала оно не признало КОБы Сибири органами власти на местах и не передало им государственные функции. Оно настойчиво внушало населению мысль о том, что КОБы являются всего лишь разновидностью общественных организаций, основная задача которых заключается не в управлении местными делами, а только лишь в объединении населения вокруг Временного правительства и его представителей — комиссаров.

Как известно, согласно указаниям Временного правительства от 4 и 5 марта КОБам надлежало устранить от власти губернаторов и уездных исправников, временно передав управление губерниями и уездами председателям соответствующих губернских и уездных земских управ, которым присваивалось звание правительственных комиссаров.

Поскольку в Сибири земство отсутствовало, Временному правительству пришлось вносить коррективы в свои указания и принять решение о передаче губернской власти городским головам. Но в Сибири их состав оставлял желать лучшего с точки зрения как деловых качеств, так и политических взглядов. Сами городские головы понимали, что в столь сложной обстановке они не смогут вписаться в новую политическую систему, и стали отказываться от лестного предложения. Например, 10 марта городской голова Тобольска М.П. Пепеляев послал председателю Временного правительства такую телеграмму: «Чувствую себя не в силах и неподготовленным управлять губернией в настоящее время, тем более что в губернии началось народное волнение». Он просил правительство сложить с него обязанности губернатора и командировать своего представителя.

Принимая во внимание такое развитие событий в Тобольской губернии, присутствие губернских установлений обратилось в Совет министров с просьбой срочно назначить правительственного комиссара и предложило на эту должность кандидатуру В.Н. Пигнатти. Аналогичное обращение направил телеграфом в Петроград Тобольский временный комитет общественного спокойствия¹. Временное правительство вошло в положение тоболяков и удовлетворило их просьбу, назначив В.Н. Пигнатти губернским комиссаром².

Однако Временное правительство не оставляло намерений поставить в качестве губернских и областных комиссаров Сибири своих кандидатов. Видимо, еще 8 марта МВД приняло решение о назначении правительственных комиссаров для губерний и областей Сибири и Дальнего Востока. В принципе все они были хорошо известны сибирской общественности по своей предыдущей деятельности. Депутат Государственной Думы I и II созывов от Сибирского казачьего войска, член Государственного совета И.П. Лаптев был назначен комиссаром Акмолинской и Семипалатинской областей, т. е. фактически получил полномочия генерал-губернатора Степного края. Член Государственного совета, профессор, бывший ректор Томского технологического института кадет по политическим взглядам Е.Л. Зубашев намечался комиссаром Енисейской и Томской губерний, депутат Государственной Думы IV созыва энес А.С. Суханов — комиссаром Тобольской губернии,

¹ Бюллетени Тобольского временного комитета общественного спокойствия. 1917. 14 марта.

² Сибирский листок. 1917. 14 марта.

ученый-геолог профессор П.И. Преображенский — комиссаром Иркутской губернии¹. Обязанности комиссара по Якутской области Временное правительство возложило на находившегося там в ссылке депутата Государственной Думы IV созыва большевика Г.И. Петровского.

И.П. Лаптев, прибыв 16 марта в Омск, день спустя официально объявил о своем вступлении в управление Степным краем². Но реально его деятельность была сразу же сведена к нулю. Коалиционный комитет настоял на передаче большинства функций по управлению краем своему выдвигенцу И.П. Законову. И.П. Лаптев вынужден был подписать приказ, в котором говорилось, что «все распоряжения по Степному генерал-губернаторству будут исходить от Омского коалиционного комитета за подписью назначенного последним комиссара по управлению Степным генерал-губернаторством И.П. Законова»³.

Не менее странно развивались события в случае с А.С. Сухановым. 10 марта из Петрограда он как правительственный комиссар обратился к служащим правительственных учреждений Тобольской губернии, призвав их «спокойно, не за страх, а за совесть, с большой энергией трудиться на благо народа»⁴. Но буквально сразу же он направил председателю КОБа В.Н. Пигнатти телеграмму, в которой рекомендовал ему согласиться занять должность губернского комиссара. Телеграмма заканчивалась такими словами: «Я выезжаю в Тобольск для содействия»⁵. 13 марта заместитель министра внутренних дел Д.М. Щепкин направил тобольскому городскому голове М.П. Пепеляеву телеграмму, в которой проинформировал последнего о том, что В.Н. Пигнатти назначен губернским комиссаром, попросил М.П. Пепеляева передать ему власть и сообщил, что А.С. Суханов выехал в губернию «для выяснения общих вопросов»⁶.

В действительности А.С. Суханов в губернский центр не поехал. Вместо этого он отправился в Ишимский, Курганский, Тюкалинский, Тюменский и Ялуторовский уезды, в отдельных населенных пунктах которых возникли инциденты, чтобы разъяснить ситуацию, возникшую после свержения самодержавия, и внести успокоение в крестьянскую среду. Причем в Ишиме, Тюмени и Тюкалинске он смог быстро организовать и успешно провести крестьянские уездные съезды, в каждом из которых приняло участие по несколько сотен человек.

После проведения съезда в Ишиме А.С. Суханов с гордостью сообщил в губернский центр о том, что около четырехсот местных крестьян приняли присягу в верности Временному правительству. Свои впечатления о Тюкалинском съезде он завершил такими словами: «Прием, как представителя нового правительства, восторженный. Новая жизнь налаживается»⁷. Таким образом, А.С. Суханов, получив полномочия комиссара Временного правительства по Тобольской губернии, занимать эту должность по каким-то соображениям отказался.

¹ ГА РФ. Ф. Р-1788. Оп. 2. Д. 89. Л. 6.

² Акмолинские областные ведомости [Омск]. 1917. 22 марта.

³ Очерки истории города Омска. Т. 2: Омск. XX век. С. 253.

⁴ Сибирский листок. 1917. 14 марта.

⁵ Бюллетени Тобольского временного комитета общественного спокойствия. 1917. 14 марта.

⁶ Сибирский листок. 1917. 14 марта.

⁷ Бюллетени Тобольского временного комитета общественного спокойствия. 1917. 17, 21, 23, 27 марта.

Резко отрицательно отреагировала на назначение Временным правительством комиссаров социалистическая общественность Иркутска и Томска. Она исходила из того, что в демократическом государстве назначение комиссаров является прерогативой местных революционных властей, и посчитала такую акцию правительственных верхов нарушением принципов демократии. В результате такой позиции П.И. Преображенский и особенно Е.Л. Зубашев оказались в роли потенциальных, но явно нежелательных начальников.

Правда, положение П.И. Преображенского было намного легче, поскольку руководство Иркутского комитета общественных организаций было заблаговременно проинформировано Д.М. Щепкиным о том, что к ним командирован П.И. Преображенский, имеющий задание выяснить все вопросы на месте и получивший инструкцию «действовать в связи с местными организациями». Более того, прибывшие в Петроград В.С. Войтинский, А.Р. Гоц и И.Г. Церетели уже 20 марта представили в МВД исчерпывающий доклад о состоянии Иркутской губернии. В этих условиях миссия П.И. Преображенского сводилась к чисто информационной. Об этом В.С. Войтинский сообщил руководству Иркутского комитета общественных организаций срочной телеграммой, попросив его максимально помочь комиссару выполнить поручение Временного правительства¹.

21 марта П.И. Преображенский приехал в Иркутск и был немедленно принят президиумом Иркутского комитета общественных организаций. Между сторонами состоялся обстоятельный обмен информацией о положении в столице и в Иркутске. В ходе этой беседы П.И. Преображенский быстро сориентировался в обстановке и выбрал единственно верную и приемлемую для обеих сторон линию поведения. Он объяснил иркутянам, что задачей Временного правительства на местах является «всемерная поддержка революционной самостоятельности организованных народа и армии». В то же время правительственный посланец стал восторженно характеризовать иркутские порядки. «Большей организованности революционного движения, — заявил он, — чем в Иркутске и в Иркутской губернии, ему нигде при проезде не приходилось наблюдать». Отсюда П.И. Преображенский сделал вполне резонный вывод, что возложенное на него поручение «само собой отпадает».

Вечером П.И. Преображенский присутствовал на пленарном заседании комитета. На нем правительственный посланец еще раз выразил «чувство глубокого удовлетворения как фактическим положением дел в Иркутске, так и правильностью основной политической линии, проводимой Исполнительным комитетом». Считая свою миссию исчерпанной, он огласил телеграмму, которую уже отправил товарищу министра внутренних дел Д.М. Щепкину. В ней говорилось: «Ознакомившись с положением дела, считаю необходимым довести до Вашего сведения, что все сколько-нибудь активные общественные силы объединились в комитете общественных организаций, обладающем всей полнотой власти при полном единении с войсками. Благодаря этому, порядок почти не нарушался и организация налаживается всё более и более; поэтому мне здесь делать нечего; наоборот, мое пребывание здесь в качестве комиссара возбудит надежды у таких элементов, которые враждебны всему перевороту, и это нанесет тяжелый удар высокому моральному престижу Временного правительства». Телеграмма заканчивалась такими словами: «<...> Те осведомительные цели, которые преследовало Временное пра-

¹ ГА РФ. Ф. Р-1788. Оп. 2. Д. 74. Л. 56–57.

вительство при моем назначении, я считаю достигнутыми и, следовательно, поручение, данное мне, выполненным, почему и возвращаюсь в Петроград».

В свою очередь Иркутский комитет общественных организаций посчитал нужным принять по итогам командировки П.И. Преображенского специальную резолюцию. В резолюции комитет «с чувством полного удовлетворения» констатировал, что «между ним и Временным правительством нет разницы в понимании взаимных отношений», что «в основе этих отношений должны лежать ничем не ограничиваемая революционная самостоятельность организованных на местах армии и народа».

Положительный эффект от достигнутого в ходе командировки П.И. Преображенского усиливался благодаря тому, что на пленарном заседании Иркутского комитета общественных организаций присутствовали Читинский областной комиссар А.А. Дудукалов, бывший депутат Государственной Думы III созыва, член Читинского комитета общественной безопасности меньшевик А.А. Войлошников и представитель Верхнеудинского комитета общественных организаций меньшевик И.А. Пятидесятников, которые выразили свою солидарность с позицией Иркутского комитета общественных организаций¹.

В отличие от остальных посланцев Временного правительства, направленных в Сибирь в статусе губернских комиссаров, Е.Л. Зубашев принял свое назначение всерьез. Он на деле попытался возглавить администрацию Томской губернии, в которой имелся ранее утвержденный Временным правительством коллективный губернский комиссариат, к тому времени уже подчинивший себе местный исполнительный аппарат. Парадоксально, но факт: МВД, прекрасно зная о таком казусе, не предприняло никаких мер для того, чтобы развязать этот узел. Не исключено, что оно попыталось использовать известного в общественных кругах Томска крупного государственного деятеля для того, чтобы ограничить влияние местных социалистов, пытавшихся превратить Томск в сибирский Кронштадт.

Около полутора месяцев Е.Л. Зубашев безуспешно вел полемику с томскими эсерами, меньшевиками и большевиками. В середине мая 1917 г., так и не найдя общего языка с бывшими земляками и под влиянием жесткой критики со стороны местных социалистов, Е.Л. Зубашев заявил о сложении с себя обязанностей губернского комиссара, которые ему так и не пришлось нести. Томичи же твердо стояли на том, что «назначение комиссара сверху совершенно недопустимо, должность эта должна замещаться по выборам»².

* * *

Анализ того, что происходило с административной элитой и в административной элите Сибири весной 1917 г., позволяет утверждать, что произошел резкий разрыв в преемственности ее развития. Контрэлита стремительно и почти полностью заменила собой верхушку царской администрации. Исключения имели единичный характер и были абсолютно случайными. Такого обновления административного аппарата и столь высоких темпов как нисходящей, так и восходящей вертикальной мобильности провинциальная элита Сибири никогда не испытывала.

¹ Известия Исполнительного комитета общественных организаций гор. Иркутска. 1917. 22 марта.

² Постановления первой сессии Томского губернского народного собрания (с 20 апреля до 18 мая 1917 г.). Томск, [1917]. С. 43.

То обстоятельство, что постфевральская административная элита Сибири сформировалась как коалиция либерально-демократических и социалистических элементов при некотором доминировании умеренных социалистов, не являлось отражением специфики социальной структуры Сибири. Такое соотношение сил объяснялось главным образом наличием политической ссылки и было явлением преходящим. Но возникновение такой коалиции позволило быстро и в исключительно «мягких» формах осуществить замену верхнего эшелона административной власти в Сибири, не допустить в ней разгула анархии и революционного экстремизма.

В ходе революционных преобразований не обошлось без локальных «схваток» за власть в отдельных губерниях / областях Сибири. В принципе, они являлись ожидаемой и вполне естественной пробой сил центральной, столичной и провинциальной элиты. Как показал опыт назначения «сверху» губернских / областных комиссаров Временного правительства, МВД, во главе которого стоял сам министр-председатель, не всегда действовало четко, грамотно и верно прогнозируя последствия своих шагов. Что касается элиты Сибири, то она смогла не только довольно быстро сформулировать и артикулировать свою концепцию центр-периферийных отношений, но и попыталась закрепить ее на практике. Центральная власть ею признавалась, но решение всех местных вопросов безоговорочно считалось прерогативой провинциальной элиты.

Антон Викторович Посадский

НАРОДНЫЕ ЭЛИТЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ИСТОЧНИКИ И ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ

Элита — давно привычный термин в политической науке и истории. В названии статьи стоит это классическое понятие, хотя его наполнение часто вызывает споры. Наш исследовательский проект, ставший поводом для данного материала, содержит вовсе не академическое словечко «вожаки» — «народные вожаки» Гражданской войны.

Итак, о ком же должна идти речь?

На наш взгляд, это «неопределенное множество» людей, которые в условиях крушения властных иерархий и прежней системы ценностей оказались способны возглавить, «оседлать» пореволюционные массы. Данный процесс происходил в разных режимах, под разными знаменами, в различных масштабах. Но именно способность к лидерству в условиях силового противостояния, при отсутствии очевидных авторитетов и работающих институтов власти и общества объединяет этих людей.

Высказывая некоторые соображения по заявленной теме, мы будем опираться на выводы и наблюдения, сделанные в рамках выполнения названного проекта кругом привлеченных к работе авторов. Приведем несколько позиций, характеризующих проект. Его цель — сформировать основу для справочника по представителям народной военно-политической элиты периода Гражданской войны 1918–1922 гг. — предполагала поэтапную реализацию.

На данный момент издана серия научных сборников и тематических рубрик по тематике проекта в периодических и продолжающихся изданиях¹. На связи с руководителем проекта находится порядка ста авторов из России, Украины, Белоруссии, Казахстана, Узбекистана, Польши, США. Большая часть из них стала авторами статей и научных публикаций в упомянутых изданиях. Таким образом, за три года сформирован круг исследователей, представляющих основные макрорегионы в пределах восточнославянского расселения Российской империи.

Круг привлеченных авторов довольно разнообразен. Данное обстоятельство связано с необходимостью использовать достижения и методологию как

¹ Проект будет реализовываться далее в режиме развивающейся базы данных. Потенциально в поле зрения должны оказаться тысячи активных персон, проявивших организаторские и лидерские качества в условиях междоусобной борьбы от волостного уровня и выше. Для этого в рамках реализации проекта сформированы существенные предпосылки. Усилиями участников созданы перечни и выборки, которые служат основой следующих, расширенных версий справочной базы данных.

академической науки, так и краеведения, музееведения, архивоведения. В число привлеченных авторов вошли признанные исследователи, авторы концептуальных идей в области крестьяноведения в целом и крестьянского движения в частности (В.Л. Дьячков, В.В. Канищев, В.В. Кондрашин, В.Ж. Цветков, А.А. Штырбул и др.). Значительный вклад внесли профессиональные архивисты, музейные работники, молодые исследователи, недавние выпускники-историки, независимые исследователи.

В результате собран биографический материал на значительный корпус народных вожаков различной политической ориентации, а также на лидеров, не имевших оторефлексируемой позиции.

В процессе реализации проекта опубликовано более 150 различных материалов. Сборники статей и материалов содержат также значительный объем фотографий. Это фотопортреты народных вожаков, фото боевых действий, фотографии мест описываемых событий, сделанные самими авторами, картографический материал. Большинство фотографий являются редкими или публикуются впервые.

Полученные результаты позволяют сделать некоторые наблюдения и наметить дальнейшие пути изучения феномена народного лидерства¹.

Немаловажно, что параллельно реализуются тематически близкие проекты по изучению крестьянского движения, социальной самоорганизации, проблемы лидерства в массовых протестных выступлениях периода революции и Гражданской войны в России. Назовем проект С.Ю. Разина и П.П. Марчени «Народ и власть», исследования В.Л. Дьячкова, В.В. Канищева по всестороннему изучению провинциальной элиты рубежа веков, мощные публикаторские проекты, начатые В.П. Даниловым и ныне продолжаемые В.В. Кондрашиным и другими исследователями. Кроме того, набравший силу процесс персонификации истории как реакция на во-

¹ Основной массив собранных и обнародованных сведений за годы выполнения проекта аккумулирован в трех сборниках, сформированных по инициативе и под редакцией руководителя проекта А.В. Посадского. Они изданы в сотрудничестве с издательством «Ассоциация исследователей российского общества XXI века» в рамках серии «Эпоха революций в России. XX век» и, таким образом, являются собой тематический блок. В них и в упомянутых ниже рубриках опубликовано следующее количество материалов, в том числе участниками гранта с указанием грантовой поддержки со стороны РГНФ.

1. Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: Сб. статей и мат-лов / Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2013.

2. От «германской» к Гражданской: становление корпуса народных вожаков русской смуты: Сб. статей и мат-лов / Сост. и науч. ред. А.В. Посадский. М., 2014.

3. «Атаманщина» и «партизанщина» в Гражданской войне: идеология, военное участие, кадры: Сб. статей и мат-лов / Сост. и науч. ред. А. В. Посадский. М., 2015.

4. Военно-исторические исследования в Поволжье: Сборник научных трудов. Вып. 10. Саратов, 2014. Рубрика «Повстанцы и партизаны в Гражданской войне».

5. Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 1. От Великой войны к Гражданской войне в России / Ред. кол. В. И. Голдин и др. Архангельск, 2014. Рубрика «Лики повстанчества».

6. Альманах Ассоциации исследователей Гражданской войны в России. Вып. 2: Гражданская война в России в контексте международных отношений первой четверти XX века / Ред. кол. В.И. Голдин и др. Архангельск, 2015. Рубрика «Лики повстанчества».

7. Военно-исторические исследования в Поволжье: Сборник научных трудов. Вып. 11. Саратов, 2015 (в печати). Тематическая рубрика.

пиющую обезличенность позднесоветских десятилетий, также уже дал серьезные результаты. Во-первых, это ряд развитых и пополняемых баз данных. Среди них списки солдат — Георгиевских кавалеров Великой войны, списки репрессированных по политическим мотивам, созданные «Мемориалом», база данных на социалистов и анархистов, пострадавших в СССР (также проект «Мемориала») и др. Во-вторых, наблюдается интенсивное развитие региональной истории и краеведческой периодики. Именно в этом горизонте часто вспоминаются местные имена, теряющиеся в «большой» истории. Между тем некоторые вожаки, даже далеко не с робингудовской репутацией, как, например, сибирский атаман-долгожитель Кочкин, оставили весьма заметный след в местной исторической памяти и фольклоре.

И.Л. Солоневич в «Великой фальшивке Февраля» дал характеристику тем представителям общества, которые были на стороне революции: «Делала революцию вся второсортная русская интеллигенция последних ста лет. Именно второсортная. Ни Ф. Достоевский, ни Д. Менделеев, ни И. Павлов, никто из русских людей первого сорта — при всем их критическом отношении к отдельным частям русской жизни — революции не хотели и революции не делали. Революцию делали писатели второго сорта — вроде Горького, историки третьего сорта — вроде Милюкова, адвокаты четвертого сорта — вроде А. Керенского. Делала революцию почти безымянная масса русской гуманитарной профессуры, которая с сотен университетских и прочих кафедр вдалбливала русскому сознанию мысль о том, что с научной точки зрения революция неизбежна, революция желательна, революция спасительна. Подпольная деятельность революционных партий опиралась на этот массив почти безымянных профессоров». Даже со скидкой на известную публицистическую дерзость Солоневича, надо признать наблюдение верным. И речь здесь даже не о персоналиях и личных качествах людей, для которых революция имела облик «прекрасной дамы». Речь о принципиальной беззастенчивости и пошлости идеи резкого социального переустройства, которая отгалкивала людей с кругозором, в том числе настроенных вполне либерально и прогрессистски.

По-другому обстояло дело с народной интеллигенцией и стремительно становившимся грамотным молодым крестьянством.

С.С. Ольденбург отмечал, что интеллигенция отошла от революции между 1905 и 1914 гг., зато полуинтеллигент увлекся революционными схемами¹. Разумеется, это следует понимать не более как общую тенденцию со множеством вариаций по регионам, социальным стратам и возрастным генерациям. Но сама тенденция была заметна многим. 1905–1907 гг. создали политически развитое «сознательное» крестьянство с опытом организации протестных действий и ориентацией на социалистическое понимание социальной справедливости.

Великая война 1914 г., а затем и «революционная» армия 1917 г. потребовали от русского простолюдина определенных качеств, с одной стороны, и дали ему новый военный и политический опыт, с другой.

Вот на этом перекрестье и сформировались предпосылки для выдвижения новых лидеров в условиях рухнувших привычных иерархий. В условиях культурного раскола русского общества и запоздавшей гражданственности основной массы крестьянского населения всплыло немало разнохарактерных мотиваций, оживлявших

¹ См.: *Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Т. 2 (репринт).* М., 1992. С. 122.

как недавние социальные проблемы, так и ментальные пласты сознания. Они находили свое выражение в революционных типах лидерства, в самой новой, гораздо более развитой, эмоциональности общественной жизни. Весьма быстро на смену политическим событиям после отречения императора пришли события военные.

В военных перипетиях междоусобицы выкристаллизовались новые типы, остро востребованные в сложившихся условиях. Очень типажно точен, на наш взгляд, М.А. Булгаков: «Всю свою жизнь до 1914 года Козырь был сельским учителем. В четырнадцатом году попал на войну в драгунский полк и к 1917 году был произведен в офицеры. А рассвет четырнадцатого декабря восемнадцатого года под оконцем застал Козыря полковником петлюровской армии, и никто в мире (и менее всего сам Козырь) не мог бы сказать, как это случилось. А произошло это потому, что война для него, Козыря, была призванием, а учительство лишь долгой и крупной ошибкой. Так, впрочем, чаще всего и бывает в нашей жизни... Происходит это, надо полагать, от несовершенства нашего социального строя, при котором люди сплошь и рядом попадают на свое место только к концу жизни. Козырь попал к сорока пяти годам. А до тех пор был плохим учителем, жестоким и скучным». Любопытно, что очевидный прообраз героя — А. Козырь-Зирка, возможно, и не имел за спиной многолетнего учительства, если ориентироваться на соображения Я. Тинченко¹.

Действительно, война и революционный 1917 г. позволили сформироваться той среде простолюдинов и полуинтеллигентов, которые готовы были выступить в роли лидеров при подходящих условиях. К ним примыкали кадровые офицеры с особым военным опытом или складом характера. Прежде всего очевидно, сколь ярко развернулись в войне Гражданской «нерегулярные» таланты офицеров — командиров войсковых партизанских отрядов Великой войны.

Источники формирования лидерства, растущего снизу в режиме самоорганизации, самовывдвижения, предполагают некую среду, способную таких лидеров (и ядро решительных сподвижников) дать. В этом отношении очень перспективны изыскания, которые проводятся тамбовскими историками, прежде всего В.Д. Дьячковым. Речь идет в частности о выделении демографически перегруженных сел с большим процентом населения молодых возрастов, не имевших выхода ни в город, ни в самостоятельное хозяйствование дома. Крестьянство разных регионов находилось на разных стадиях аграрной эволюции. Вожаки общинного бунта в перенаселенной центральной России и атаманы рейдовых отрядов степной зоны, очевидно, по-разному выдвигались и по-разному взаимодействовали с поддерживавшей их сельской средой. В первом случае речь идет, как правило, об атаманском, вожаческом типе руководителя и системе опорных сел, сети информаторов и иных помощников. Идеология и риторика — в основном анархистская или социалистическая, в том числе национально-окрашенная (украинские губернии). Среди махновских командиров практически нет земледельцев. Почти все они — выходцы из деревни, порвавшие с сельским трудом. Потому и аграрный вопрос не превалирует в политической риторике махновцев. Во втором случае работает общинный механизм, в режиме бунта, при неявном или ситуативном лидерстве. Вопрос о земле или о продовольственных ресурсах оказывается главным. Оказавшиеся в роли видимых руководителей лица нередко вовлекаются в движе-

¹ Тинченко Я. Белая гвардия Михаила Булгакова. Киев; Львов, 1997. С. 52.

ние насильственно, с целью востребовать их профессиональные навыки. Прежде всего это касается офицеров по выслуге — односельчан. Реальные инициаторы, весьма вероятно, не попадали в поле зрения государственных органов и, соответственно, историков.

Описанная ситуация ставит методологическую задачу оценки лидерства, разработки методики учета лидеров. Представляется перспективным исследование крупных и продолжительных выступлений на предмет выявления механизмов выдвижения и смены лидеров.

Гражданская война выразительно демонстрирует и «игру крови», оживление культурно-исторических ролей. Так, хоперские села (Новохоперский уезд Воронежской и Балашовский уезд Саратовской губерний), населенные потомками однопольцев или окрестяненными потомками казаков, оказались более активными и дружными в зеленом движении 1919 г., дали кадр вождей, поднимавших соседей. В украинской историографии разрабатывается идея о связи зоны расселения запорожских и реестровых казаков с зонами наиболее активного атаманского повстанчества Гражданской войны. Нам подобная связь кажется вполне возможной, хотя вопрос о корректном установлении таковой представляется открытым. В белорусском повстанчестве в числе руководителей партизан, как правило, были местные люди, командовавшие земляками. При этом повышенной активностью и упорством в противостоянии большевикам отличался Игуменский уезд Минской губернии, в котором более половины населения относилось к мелкопоместной шляхте или ее потомкам.

Есть очевидные горизонты понимания природы военного лидерства революционной эпохи. Об этом немало написано начиная с 1920-х гг. Так, М. Кубанин писал о «гнездовости» крестьянского повстанчества, о выдвижении местных лидеров. О том, что стихия восставших покорялась только своим, т. е. лидерам из своей среды, писал Л. Спирин в 1960-х. Однако на фоне рутинной практики земляческой поддержки и организации боевых единиц по территориальному принципу выявляются прямые родственные или свойственные связи между крупными повстанческими лидерами (например К. Вакулин — Ф. Попов). Нередко фиксируется параллельное или преемственное руководство повстанческими формированиями со стороны братьев (Жигаловы в Смоленской губ., Ивановы на Украине, Короткевичи в Белоруссии, Озеровы в Ярославской губ. и др.). При этом, как правило, налицо опорные села, которые дают кадры основных лидеров и вождей.

Среди народных вожаков есть стереотипные по своему формированию и системе воззрений (что не отменяет никак их харизматичности и личных талантов) и, так сказать, экзотические фигуры. К лидерам первого типа можно отнести унтер-офицеров и офицеров по выслуге, георгиевских кавалеров, поднимавших своих односельчан на восстания, сколачивавших боевые партизанские части из земляков. Это магистральный путь низовой военной карьеры междоусобицы.

Степень имущественной поляризации и сословное соседство создавали ситуацию «близкого врага». Там, где такое напряжение существовало, уже с весны 1918 г. разворачивается жестокое местное противостояние. Такова ситуация с застарелой враждой казаков и иногородних, на Дону прежде всего. На красной стороне большим числом выступили донские и отчасти кубанские иногородние, имевшие давние счёты к казакам, служившие, как правило, в регулярной кавалерии Императорской армии; они дали значительную часть кадров красных партизан. Но многие

из этой среды повернули оружие против коммунистов в 1920–1921 гг. или были в «пограничном» настроении. Такова ситуация и в районах, существенно расколотых стольшинскими преобразованиями, например в самарском Заволжье, во многих местностях украинских губерний. Тяжелые земельные споры с аборигенным населением легко прочертили линии фронтов в районах интенсивного переселенческого движения в восточных районах страны. В названных случаях выдвижение лидеров и сплочение наиболее активных потенциальных воинов не требовало демагогического «подогрева», противостояние было очевидным. Необходимо заметить, что при тотально большевистской власти в городах центральных губерний сельские большевики оказывались в принципиально лучшем положении, чем их противники. Пара сотен винтовок из уездного города на вооружение местной красной гвардии, бронелетучка оттуда же на подавление сельского восстания — это внушительные гири на весах местного противостояния. В подобных условиях разворачивалась деятельность Чапаева и Сапожкова, формирования которых составили основу 4-й армии красного Восточного фронта в 1918 г. При этом Сапожков в 1920 г. поднимет антибольшевистское восстание, находясь в должности начальника кавалерийской дивизии. Сходной парой служат на Юге юный левозероковский боевик Киквидзе, вырастивший свой отряд в дивизию внеочередного формирования, и знаковая фигура в красноказачьем движении на Дону — Филипп Миронов. Что характерно, и судьбы их отчасти повторяют судьбы Чапаева и Сапожкова: один погиб в бою, возможно, не совсем случайно, второй оказался на грани открытого восстания в 1921 г. и вскоре был уничтожен большевиками.

Украинский автор так характеризует «атаманию» малороссийских губерний: «Это была своеобразная вождистская, народная элита, а “атаманская идея” заключалась в бесконтрольности местной власти и самоорганизации сел, что враждебны городской культуре и городской власти». Большинство атаманов были унтер-офицерами и прапорщиками Мировой войны по выслуге¹. Эта вождистская культура могла одеваться в довольно разнообразные одежды. Например, атаман, за которым в области всяческих «ориентаций» безоговорочно следует его отряд (банда). Или красный (краснопартизанский) командир, в которого верит отряд и который сам может быть далеко не коммунистических убеждений и настроений; борющийся скорее против, а не за что-либо. Наиболее крепкие белые соединения, выросшие из повстанцев, характеризовались железной дисциплиной в бою и житейским панибратством вне строя, подчинением исключительно своим офицерам. Выразительные примеры дают северный и восточный белые фронты. В этих, по-разному окрашенных проявлениях по разные стороны фронта нельзя не увидеть очевидных пересечений.

Спецификой украинского повстанческого движения являлось широкое использование боевых псевдонимов, в том числе с национально-политической окраской. В качестве таковых нередко использовались имена (клички, прозвища) народных героев прошлых эпох: Железняк (Зализняк), Гонта, Сирко и т. п. Кроме того, в ходу были клички с устрашающей акцентировкой: Хмара, Лихо, Черный Ворон. Данное обстоятельство существенно затрудняет идентификацию тех или иных персон и ставит дополнительные задачи перед исследователем. В рамках про-

¹ Савченко В.А. Авантюристы Гражданской войны: историческое расследование. Харьков; М., 2000. С. 201.

екта его участник Ю.В. Котляр подготовил статью об украинских атаманах, действовавших под боевой кличкой «Лихо». Их оказалось по меньшей мере трое. Целесообразно вспомнить вывод, сделанный русским военным писателем генералом Н.Н. Головиным: в Великую войну великорусские губернии уступили малорусским в соотношении между кровавыми потерями и потерями пленными в структуре военных потерь. То есть малоросс в массе своей сражался более мотивированно и самоотверженно. Как раз среда наиболее отличившихся солдат и обер-офицеров дала сотни украинских атаманов с более или менее выраженной «самостийной», местнической, национальной позицией. Данное наблюдение следует учитывать при обсуждении природы и проявлений молодого украинского национализма на уровне местных военных вождей.

Наряду с обрисованным большинством военных вождей крестьянских миров можно говорить и о борцах за справедливость, как на советской, так и на чисто крестьянской платформе, без лишней жестокости, с апелляцией как к советским лозунгам, так и к библейской аргументации. В этом ряду находятся, например, тверской антибольшевистский лидер Василий Калявин-Вещий и яркая фигура повстанческой Рязанщины — Степан Никушин.

Просматриваются сходные линии послереволюционной судьбы, однако, сильно расходящиеся в дальнейшем развитии Гражданской войны. Известно, что А.С. Антонов возглавлял уездную милицию в Кирсановском уезде и именно с этого советского поста ушел на повстанческое положение. Начальником же Лебедянской, той же Тамбовской губернии, милиции был некий Кучеров, также пошедший в атаманы. Его банда действовала в 1920–1921 гг. и в конце концов сдалась с телом убитого соратниками вожака. Можно предполагать какие-то сходные мотивы разочарования в советах и волевой импульс, толкнувший на поступок. При этом об устойчивой связи лебедянских повстанцев с антоновскими формированиями неизвестно.

Вообще в числе руководителей повстанческого антибольшевистского движения определенный сегмент составляли разочаровавшиеся партийные и советские работники. Об этом свидетельствуют, например, такие боевые клички, как «Прокурор» или «Политрук», случался уход на повстанческое положение даже продработников (М. Пятаков). Данный сюжет менее известен, в отличие от перехода в повстанцы красных командиров, нередко со значительной частью подчиненных (Сапожков, Маслаков, Вакулин, Колесов и др.).

Катастрофический распад государства и масштабная Гражданская война создавали необходимость какой-то интерпретации идеи государства каждым субъектом противостояния. Свои «большие проекты» создавали белые и красные, пафос сотворения государства мог воодушевлять часть украинских и белорусских военных деятелей. Однако для многих идея государства существовала как бы отдельно от той реальной власти, против которой и выступал повстанческий отряд. Или же, напротив, от тех ипостасей защищаемой власти, которые никак не соответствовали желаниям или ожиданиям сражавшихся. Такое парадоксальное положение можно связать, на наш взгляд, с исконным крестьянским отношением к бунту как к посланию, сигналу. Власть необходимо скорректировать, заставить снять самые нежелательные позиции, без покушения на общее переустройство. Отсюда происходит целый словарь повстанцев из РККА для обозначения врага в своих рядах: «лжекоммунисты», «бумажные коммунисты», «портфельщики» (бюрократы), о «комиссародержавцах»

любили говорить выходцы из небольшевистской социалистической среды. Большинство вожakov пореволюционных масс ориентировалось на идею социальной справедливости, правды, понимавшейся в широком спектре — от полнейшей анархии и самоуправства в рамках отдельной волости до установления справедливого строя жизни, понимаемого как антитеза буржуазности и бюрократизму. Отсюда и идеи «вольных советов», «советов без коммунистов», т. е. без назначенцев извне.

Можно предположительно говорить об использовании, наверняка интуитивном, повстанческими вождями архетипических обозначений. Так, «Армией правды» назовет свое формирование Сапожков. «Царь Правый», царь Правды — привычное название русского великого князя и царя в XVI столетии. Борьба за «солнце правды» и иные подобные метафоры выдают действие глубинных пластов народного сознания, которое могли улавливать харизматичные вожди.

Велика значимость вопроса о национальной ориентации низовых активистов. Усложнение местной жизни и необходимость делать управление гигантской империей более гибким были видны и до революции. Проект федерализации, предложенный С.Е. Крыжановским¹, представлял собой вариант решения назревавшей проблемы. После же революции сам факт исчезновения императивов общего государства, подданчества, службы создавал вакуум, который неизбежно должен был заполняться иными императивами. Официальное и стихийное низовое областничество, «губернский патриотизм», молодые национализмы внесли свой заметный вклад в формирование корпуса народной элиты. Так, белорусские партизанские вожди во многом исповедовали местническо-националистическую позицию, обусловленную судьбой белорусских губерний быть театром боевых действий и прифронтовой зоной на протяжении 1915–1920 гг. Определяющим в 1917–1918 гг. был мотив самоопределения на своей земле, в тисках чужих игроков — умирающих фронтов Великой войны, германских оккупантов, поляков, большевиков, литовцев. Национальные идеалы при этом могли подчиняться аграрно-хозяйственным. Атаманы петлюровской ориентации, как правило, были жестокими антисемитами, а махновской — вполне лояльными к еврейству, что объяснялось аграрными занятиями еврейского населения «махновского» района.

Кроме того, в аграрном социуме, сформировавшемся в высоких широтах, очень сильна была мотивация на активность, связанная с голодом или его угрозой. В классической работе «Голод как фактор» П.А. Сорокин оперирует в числе прочего и событиями Гражданской войны в России. Угроза голода, в том числе и из-за действий власти (а как правило, они резко осложняли положение при недороде) была очевидной причиной повышения протестной активности крестьянства. При этом степень давления угрозы голода напрямую определяла географию выступлений и объясняла их неравномерность. Повстанческий удар по «коммуне» и ссыльным пунктам совершался непременно. При этом местный атаман, даже самый жестокий, мог заслужить долгую благодарную память только тем, что в голодный год не дал вывезти или вернул сельчанам отобранный у них хлеб. Так было, например, с известным уральским повстанцем Степаном Дрёминым. В этой связи представляется важной разработка сюжета выдвижения и поведения лидеров протестных выступлений, мотивированных угрозой голода.

¹ См.: *Смирнов А.Ф.* Николай II как правитель и законодатель // Журнал российского права. 1997. № 1. С. 188–191.

Некоторые значимые сюжеты предстоит исследовать в режиме «изучения отсутствия». 250 лет в России существовала разветвленная, многочисленная и очень социально «плотная» староверческая жизнь, жизнь с напряженной духовной и общественной активностью, с удивительными навыками самоорганизации. Однако в Гражданской войне староверчество как серьезная социальная и тем более военно-политическая сила не выступает. Сами староверы при объяснении этого феномена делают упор на социальную пассивность, оборонительный характер своих действий по отношению к государству. Одно из светских объяснений — большевистская экспроприация и мощный удар по самим социальным основам прежней жизни парализовали эту среду. Другое, более увлекательное, состоит в том, что радикальное староверие — многочисленное беспоповство — как раз поддержало большевиков, стало их массовой базой. Соответственно, староверческие мотивации, староверческое присутствие в окружении харизматичных красных лидеров в провинции — вполне обычное явление. Сейчас эти идеи вслед за О.Л. Шахназаровым¹ разрабатывает А.В. Пыжиков². Определенные соображения можно будет высказать, лишь разработав тему на уровне корпуса персоналий. Еще одна массовая сила предреволюционных лет — правые, черная сотня. Эта величина после 1917 г. сходит на нет как политическая сила. Либералы неоднократно писали о легком переходе рядовых черносотенцев в большевики, весной—летом 1917 г. черносотенно-большевистский альянс был замечен многими. Однако вряд ли эти наблюдения исчерпывают всю массу судеб местных лидеров правых на уровне волость—уезд в годы Гражданской войны. Тем более что и в мемуарах низовых красных активистов вполне обыденной является ассоциация «кулаков» и местных белогвардейцев с черносотенцами. Выявление судеб черносотенного провинциального ядра после 1917 г. позволит выяснить, дало ли оно военных и повстанческих вождей на фронты Гражданской войны.

Выявлен значительный повстанческий потенциал низовых деятелей партии левых социалистов-революционеров, идейно ориентированных именно на «революционную» войну в нерегулярном, повстанческо-партизанском формате. При этом враг мог видаться как во внешнем оккупанте-«империалисте», так и в партийном диктаторстве большевиков. В то же время психологическая близость к большевикам делала достаточно легким переход на большевистские позиции, в ряды РКП(б) и РККА. Данные сюжеты разрабатывались в рамках проекта Я. Леонтьевым, Д. Рублевым, М. Зайцевой.

В принципе, возможен и исследовательский ход «от обратного». Например, рассмотреть судьбы после 1917 г. тех персон, кто находился на выборных должностях на уровне волости—уезда, возглавлял кооперативы, общественные организации, неформальные объединения, партийные группы и т. п. (сельская администрация, клир и члены церковных советов, члены партийных групп, лидеры местного учительства, земской интеллигенции и т. п.). В такой логике можно увидеть, насколько устойчивые предреволюционные группировки оказались представлены в военно-политическом «творчестве масс» периода Гражданской войны.

В повстанчестве просматривается и своего рода разделение функций. Наиболее явно это видно, пожалуй, в костромском Поветлужье, недавно подробно

¹ Шахназаров О.Л. Старообрядчество и большевизм // Вопросы истории. 2002. № 4. С. 72–97.

² Пыжиков А.В. Корни сталинского большевизма. М., 2015. Характерно, что соображения автора встретили возражения на сайте «Современное Древлеправославие».

исследованном С.В. Завьяловой¹. Отдельные повстанческие группы во главе с местными уроженцами с опытом военной службы имели в селах так называемых «маток» — зажиточных крестьян, которые материально обеспечивали повстанцев-«нелегалов». Подобными же базами для атаманов служили, например, хутора парицынского Заволжья, что вызывало их сселение и иные карательные меры. Следует предполагать, что в какой-то части новое «социалистическое» землеустройство с первых советских лет мотивировалось военно-политическими соображениями. Часто хутора оказывались базой и питательной средой повстанчества. Отсюда сселения, и затем сквозная советская традиция многократных «укрупнений». Кроме того, в значительных повстанческих формированиях возникает повторяющаяся фигура «идеолога», как правило, полуинтеллигента с эсеровским стажем. В формировании Вакулина—Попова, например, таковы Шкуратов и Матцев. Собственно харизматично-атаманская, полководческая, и идеолого-организаторская функции в организованных повстанческих формированиях могли оказываться в руках разных людей.

Тема партизанщины, повстанщины, самодеятельного способа ведения военных действий всегда ставит вопрос о соседстве таковых с откровенно криминальной деятельностью, с нефункциональной жестокостью, о криминальном типе как одном из вариантов военного вожачества. Действительно, рассмотрение вожаков самодеятельных формирований под данным углом зрения (уровень и характер жестокости по отношению к противнику, отношение к местному населению, эволюция формирований — деградация в бандитизм или становление дисциплины воинского типа, — наличие или отсутствие политической идеи или программы и т. д.) может дать еще один методологический ключ к оценке рассматриваемого явления. На сегодняшний день наиболее рельефно разработана тема криминального поведения партизанских формирований в Сибири, прежде всего усилиями А.Г. Теплякова. Сибирь как регион многолетней ссылки имела к моменту революции значительный контингент откровенно криминальных волевых личностей. Многие из них оказались в роли командиров отрядов разной ориентации.

Таким образом, изучение корпуса народных вожаков Гражданской войны представляет обширное поле для длительной и кропотливой исследовательской работы.

¹ Завьялова С.В. Крестьянское восстание в Поволжье 1918 г. Нижний Новгород, 2014.

Александр Рабинович

**ВЫЖИВАНИЕ БОЛЬШЕВИКОВ: ПРАВИТЕЛЬСТВО И КРИЗИСЫ В ПЕТРОГРАДЕ
В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (НЕКОТОРЫЕ ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВЫВОДЫ)**

Главной целью моих более ранних исследований темы петроградских большевиков в 1917 г. была попытка лучше понять тот процесс, который привел большевиков к власти¹. Основной интерес моих работ последних лет — пролить новый свет на то, как большевизм в Петрограде преодолевал угрозы для своего выживания в послереволюционный период, и показать влияние этой борьбы на формирование ранней советской политической системы². То есть я сосредоточился на опыте Гражданской войны в Петрограде, чтобы лучше понять процесс, посредством которого впервые была сформирована централизованная, авторитарная советская система с доминирующей партией. В этом докладе я сосредоточу внимание на трех темах и их политическом влиянии, которые иллюстрируют некоторые из направлений моего текущего проекта книги, которая пока носит название «The Bolsheviks Survive: Government and Crises in Civil War Petrograd» («Выживание большевиков: правительство и кризисы в Петрограде в годы Гражданской войны»). Это следующие темы: 1) волна забастовок в марте 1919 г. и левые эсеры; 2) усилия петроградских большевиков по строительству эффективного городского и регионального правительства и партийной организации в 1919 г.; 3) военный кризис в октябре 1919 г. в Петрограде.

Волна забастовок в марте 1919 г. и левые эсеры

Главной причиной волны забастовок в марте 1919 г. была болезненная нехватка продовольствия. В обращении по случаю Нового 1919 года, которое было озаглавлено «Голодным рабочим и работницам: вместо новогоднего поздравления», Григорий Зиновьев, к которому уже относились как к петроградскому вождю, признал: «При необычайно тяжелой обстановке встречаем мы новый год... голодовка достигла небывалых размеров». В этом обращении Зиновьев умолял «голодных братьев и сестер Петрограда не терять духа», обещая, как он часто делал, что

¹ *Рабинович А.* 1) Кровавые дни: Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992; 2) Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989. Я хочу поблагодарить петербургского историка В. В. Калашникова за его ценные комментарии к первоначальной версии моего доклада.

² *Рабинович А.* Большевики у власти: первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2008 и мой нынешний проект книги, в рамках которого подготовлен настоящий доклад.

ситуация была как раз на грани улучшения¹. Однако в последующие недели ситуация с обеспечением продуктами ухудшилась, подрывая авторитет большевистской партии среди петроградских фабричных рабочих. Ранее запрещенные партии меньшевиков и эсеров были официально вновь узаконены в декабре 1918 и феврале 1919 г. соответственно². В действительности ни одна из партий не имела никакого влияния в правительстве. Их членов продолжали травить и преследовать. К ним относились как к врагам. Партия левых эсеров, несмотря на жесткие репрессии, была единственной массовой политической партией, еще достаточно сильной, чтобы, опираясь на народные волнения, бросить вызов власти большевиков. Осенью 1917 г. левые эсеры были союзниками с большевиками в подрыве Временного правительства и присоединились к ним в коалиционном национальном советском правительстве в период с ноября 1917 по март 1918 г. Левые эсеры вышли из правительства Ленина в знак протеста против подписания Брест-Литовского договора. Более того, в июле 1918 г. Центральный комитет партии левых эсеров организовал убийство графа Вильгельма Мирбаха, посла Германии в Москве, неудачно пытаясь спровоцировать возобновление войны. Естественно, этот отчаянный поступок помог увеличить пропасть между большевиками и левыми эсерами. Таким образом, к концу 1918 г. левые эсеры оказались полностью в антибольшевистском лагере. На Всероссийском съезде в декабре 1918 г. они приняли политическую декларацию с требованием роспуска Совнаркома, ЧК и Красной Армии, восстановления свободы прессы, свободы собраний и свободно избираемых профсоюзов, немедленных выборов свободных рабочих и крестьянских Советов³. В январе следующего года левые эсеры в Петрограде поддержали убийство ведущих большевиков в качестве средства ослабления советской большевистской власти⁴. Я не нашел никаких доказательств того, что это решение было реализовано. Тем не менее, левые эсеры в северной столице вскоре инициировали попытку использовать потерю большевистских кадров и резкое недовольство нехваткой продовольствия, чтобы организовать политические забастовки среди рабочих фабрик, а также волнения среди войск Красной Армии. Целью этого движения было положить быстрый конец советскому правительству большевистского типа в Петрограде.

Уже в конце января 1919 г. на Александровском Главном механическом заводе и локомотивных мастерских Николаевской железной дороги рабочие начали покидать рабочие места, чтобы протестовать против неспособности правительства сдерживать слово об обещанном увеличении продовольственных пайков⁵. На пленарном заседании Петроградского Совета 4 февраля, после того как комиссар труда Николай Иванов признал, что жалобы рабочих Александровского завода, возможно, обоснованы, но всё же настаивал на том, что «в Советской России не может быть забастовок», глава вагонной мастерской резко возразил, что «мы согласны рабо-

¹ Петроградская правда. 1919. 1 января.

² На практике результатом стало то, что с середины июня 1918 г. и меньшевики, и эсеры были нелегитимны (*Павлов Д.Б.* Большевистская диктатура против социалистов и анархистов. 1917 — середина 1950-х годов. М., 1999. С. 26–29).

³ РГАСПИ. Ф. 564. Оп. 1. Д. 7. Л. 62 — 62 об.

⁴ Об этом решении ВЧК было проинформировано (*Литвин А.Л.* Левые эсеры и ВЧК: Сб. документов. Казань, 1996. С. 293).

⁵ *Яковлева К.* Забастовки фабрично-заводских рабочих г. Петрограда за первую четверть 1919 года // Материалы статистики труда. Вып. 5. Пг., 1919. С. 53.

тать, но мы не можем голодать, и я думаю, что это справедливо»¹. Уже тогда в большевистских кругах левые эсеры были обвинены в подъеме рабочих Александровского завода².

Рабочие фабрик в Петрограде в основном молчали до конца февраля. По всей стране советское правительство пыталось предотвратить антиправительственную агитацию левых эсеров. К концу месяца большевик Петр Залуцкий опубликовал статью в Петроградской правде «Над смердным трупом лев-эс-эровщины» в которой писал «Левые эсеры последнее время делали попытки подняться из тлена и заполнить своим зловонием революционный Петроград». Залуцкий заканчивал тем, что в то время, когда Красный Петроград подвергался нападкам со стороны бесчисленных внутренних и внешних контрреволюционеров, было преступлением позволить левым эсерам помогать им³. Атака на петроградских левых эсеров, которую начал Залуцкий, продолжалась в течение многих недель.

Одновременно в значительной степени находящееся в состоянии покоя забастовочное движение возобновилось с новой силой; к концу марта это привело к прерыванию работы на пятнадцати петроградских заводах и фабриках, в которых принимали участие 34 704 работников⁴. Движение повторно началось 6 марта на большом митинге протеста на Путиловском заводе и верфи, по-прежнему еще самом огромном промышленном предприятии Петрограда. Доведенные до отчаяния допущенным авторитарным, репрессивным большевистским правительством мучительным голодом и нарушенными обещаниями о скором улучшении продовольственных пайков, рабочие на этом митинге одобрили приостановку работы и избрали делегацию, чтобы заявить о своем тяжелом положении правительству в Смольном⁵.

Через четыре дня (10 марта) примерно 10 тыс. бастующих рабочих Путиловского завода вновь собрались и приняли подавляющим большинством подстрекательскую антиправительственную, находящуюся под влиянием левых эсеров резолюцию. Согласно архивным документам, это резолюция состояла из двух частей: 1) обобщенная преамбула, подчеркивающая серьезность как никогда распространившегося и усиливающегося голода и указание единственного средства борьбы с ним — создания подлинно «народного» национального правительства, представляющего всю страну, а не только одну партию; 2) ожесточенная атака на большевистскую власть за предательство идеалов «Октябрьской революции», установившую диктатуру ЦК большевиков и ведущую войну против левых эсеров. За этой атакой последовал список из 15 конкретных неотложных политических требований. Эти требования включали в себя устранение существующей однопартийной

¹ Северная коммуна. 1919. 5 февраля.

² ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 338. Л. 3–4.

³ Петроградская правда. 1919. 21 февраля.

⁴ Яковлева К. Забастовки фабрично-заводских рабочих г. Петрограда... С. 53. Станислав Струмилин опубликовал те же самые цифры (Красная газета. 1919. 8 апреля). По оценкам пояснительной записки авторов из ПЧК (Пояснительно-информационная записка к забастовкам), датированной 2 января 1920 г., о волне забастовок 1919 г. в Петрограде, 32 102 из 39 258 рабочих заводов участвовали в забастовках (Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО. Ф. 1. Л. 18).

⁵ Архив УФСБ РФ по СПб и ЛО. Ф. 1. Л. 18; Питерские рабочие и «диктатура пролетариата». Октябрь 1917 — 1929. Экономические конфликты и политический протекст: Сб. документов. СПб., 2000. С. 177.

диктатуры; передачу всей государственной власти в руки свободно избранных рабоче-крестьянских советов; ликвидацию отрядов ВЧК, коммунистических охранных подразделений и продовольственных отрядов; свободу слова и собраний для работников; реализацию «социализации» земли, фабрик и заводов свободно избранными советами; конец «бесчеловечной дисциплины» в Красной армии и на флоте; освобождение из тюрьмы заключенных левых эсеров¹. Вооружившись этой резолюцией, эмиссары с Путиловского завода разошлись по заводам всего Петрограда, чтобы убедить рабочих этих заводов присоединиться к антиправительственным действиям.

13 марта рабочие Путиловского завода собрались снова, чтобы услышать от комиссара труда Иванова ответ на свои требования от 10 марта. Иванов сообщил, что для увеличения выпуска продукции на заводах, связанных с транспортировкой, народные комиссары в Москве согласились дать рабочим петроградских транспортных предприятий, которые превысили нормы производства, дополнительный хлебный паек².

Николай Николаевич Глебов, широко известный как Глебов-Путиловский, ответил Иванову от имени бастующих рабочих Путиловского завода. Он сформировал небольшую единую рабочую партию³. Основной целью этой партии было объединение всех фракций в российской социал-демократии, выступающих за самоуправление рабочих. Избранный, чтобы представлять Путиловский завод на каждых выборах в Петроградский Совет в 1917–1918 гг., в конце июля 1918 г. в ходе рейда ЧК на региональную рабочую конференцию Чрезвычайного собрания в Москве он был арестован⁴. В 1919 г. его близость к таким знаковым социал-демократам, как покойный Георгий Плеханов (Глебов много работал в личной библиотеке Г.В. Плеханова) и его известность как голоса трудовых масс защищали его. Среди доведенных до отчаяния рабочих Путиловского завода в 1919 г. его идеи о единстве рабочего класса и власти имели резонанс, и он оставался среди них авторитетной фигурой.

В своем выступлении 13 мая Глебов проигнорировал предложенную Ивановым поощрительную хлебную пайку и потребовал утверждения продзакупки и политики распределения, которая, как он выразился, не «расстреливала бы и уничтожала рабочих, требующих за работу хлеба, а нашла бы выход, чтобы уменьшить страдания народа». У большевиков нет способных рабочих, добавил он, следовательно, необходимо объединить все социалистические силы в единую социалистическую систему. В этом духе Глебов предложил резолюцию, которая была принята и добавлена к резолюции, состоящей из двух частей, согласованной путиловцами 10 мая⁵.

Между тем комитеты Северной области и левых эсеров Петрограда выработали и распространили более подстрекающие листовки, которые осуждали большевиков как «палачей», обращаясь к войскам Красной армии и морякам Балтийского

¹ Полный текст резолюции путиловцев см.: ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 302. Л. 3 — 4 об.

² ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 302. Л. 1.

³ Представительную коллекцию политических заявлений Единой рабочей партии см.: Собрание уполномоченных и питерские рабочие в 1918 году: документы и материалы / Сост. Е. Цудзи. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 562–589.

⁴ О судьбе этой конференции см.: *Rabinowitch A. The Bolsheviks in Power. Bloomington; Indianapolis, 2007. P. 255–256.*

⁵ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 302. Л. 5 — 5 об.

флота за поддержкой для рабочих Путиловского завода, и призвали всех к подготовке к всеобщему дню протеста в ближайшее время. Большевистские власти, в свою очередь, осудили всех забастовщиков как предателей и призвали к особо решительному осуждению левых эсеров. Как указывалось в листовке Петроградского Совета и Петроградского совета профсоюзов, волнения на Путиловском заводе были работой «контрреволюционных провокаторов» и «банд левых эсеров». Их поддержка на предприятии шла от меньшинства своекорыстных, непролетарских элементов, «бывших колбасников, лавочников, бывших городских, мешочников», которые заменили «тысячи и тысячи лучших рабочих-путиловцев», которые ушли на фронт или на работу в деревни¹.

Для петроградских большевиков распространение беспорядков на петроградских заводах, вызванных путиловцами, пришлось на особенно трудное время. Помимо продолжающего углубляться дефицита продовольствия и его политических последствий это совпало с первым визитом в Петроград иностранных делегатов на вновь образованный Третий (Коммунистический) Интернационал — их запланированные визиты на заводы должны были быть отменены. Это также совпало с подъемом напряженности и мобилизации, связанной с вторжениями белофиннов в Карелию, а также успехом сил Колчака на Востоке, и поспешной подготовкой к важному, быстро приближающемуся Восьмому Всероссийскому съезду Коммунистической партии в Москве².

14 марта после тревожной речи Феликса Дзержинского из ЧК о нестабильности и восстании по всей стране центральное большевистское руководство в Москве проголосовало за восстановление полномочий, отнятых у ЧК лишь месяцем ранее и побуждение прессы к усилению в вопросе преследования левых эсеров³. Реакция Петроградского правительства и большевистского городского партийного руководства на требования путиловцев последовала на заседаниях Петроградского Совета 14 марта и Петербургского комитета большевиков 15 и 28 марта.

В собрании Петроградского Совета 14 марта участвовали лишь большевики, беспартийные депутаты, и, возможно, полтора десятка меньшевиков и эсеров. На нем левые эсеры были подвергнуты невиданным словесным оскорблениям. Известный большевик Сергей Зорин заявил, что честным рабочим надо разрешить стрелять в левых эсеров по собственному желанию. Обстановка настолько накалилась, что Зиновьев чувствовал себя вынужденным успокоить депутатов. Увещевая кричавших о немедленном линчевании левых эсеров, он заверил их, что «если эти господа выступают на улицу и будут продолжать то, что они начали <...> мы раздавим этих людей так, что от них останется мокрое место»⁴. Принятая на этом собрании резолюция сделала Исполнительный комитет Совета ответственным за принятие любых шагов, необходимых для избавления Путиловского завода и других

¹ «К рабочим петроградских фабрик и заводов, к красноармейцам и матросам» (РНБ). Нет доказательств, чтобы обосновать обвинение, что Путиловский завод был затоплен рабочими в 1919 г. Что касается продолжительности работы путиловцев в это время, см.: *Носач В.И.* Состав и состоятельный облик рабочих Петрограда (1918–1920) // Исторические записки. 1977. Т. 98. С. 70.

² Восьмой съезд собрался в Москве 18–23 марта 1919 г.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 10. Л. 4–5; Известия ЦК КПСС. 1969. № 7. С. 146, 151, 161 [сноска № 3]; Декреты советской власти. Т. 1. М., 1968. С. 400–402.

⁴ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 15. Л. 20, 37–38.

заводов от левых эсеров, меньшевиков и им подобных врагов¹. На следующий день кронштадтские матросы и солдаты Красной Армии были направлены на Путиловский завод, чтобы «очистить» его.

Обсуждение 15 марта Петербургским комитетом большевиков волнений рабочих и того, что делать с левыми эсерами на рабочем месте, было более вежливым и сбалансированным, чем в Петроградском Совете днем ранее. Некоторые члены Петербургского комитета, казалось, признавали, что бастующие рабочие имели законные претензии и что развивающаяся тревожная ситуация возникла отчасти вследствие паралича большевистских районных комитетов². Тем не менее результат был одинаков — комитет также согласился, что вооруженным силам следует умиротворить Путиловский завод и очистить его от провокационных элементов³.

28 марта на заседании Петербургского комитета Семен Лобов, глава Петроградской Чрезвычайной комиссии, сообщил об аресте 225 левых эсеров, из которых четырех он предложил расстрелять. Он пришел к выводу, что значительная доля вины за всё, что произошло, возлагалась на самих коммунистов, потому что они недостаточно активно вели партийную работу среди масс, в то время как провокаторы из числа левых эсеров постоянно вертелись среди них. Комитет предоставил Лобову карт-бланш стрелять во всех, в кого необходимо, и принял решение направить дополнительный персонал в районы, в которых забастовки были наиболее распространены⁴.

На следующую ночь взрывы на двух водопроводных станциях Петрограда, в которых получили ранения несколько рабочих и один был убит, вызвали волнения городских властей. Обеспокоенные тем, что взрывы могли быть частью широкого заговора с целью свержения советской власти, городские власти приняли экстренные меры по обеспечению безопасности ключевых правительственных зданий и государственных служб, партийных служб, коммуникационных и транспортных объектов, а также заводов⁵. В долгосрочной перспективе взрывы дали возможность расправиться с левыми эсерами.

В середине марта сообщения о разрастающемся забастовочном движении в Петрограде дошли до арестованных по всей стране левых эсеров, которые теснились в крошечных камерах печально известной Бутырской тюрьмы в Москве, что привело их к выводу, что «новая революционная волна растет»⁶. Тем не менее чуть более чем через месяц после организованной кампании репрессивных мер, направленных на умирение бастующих рабочих и левых эсеров, эта волна беспорядков утихла.

Относительно забастовочного движения в марте 1919 г. в Петрограде мое исследование до настоящего времени показывает, что это движение было более значительным и политически показательным, чем обычно принято считать. Из до-

¹ Северная коммуна. 1919. 15 марта.

² ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 338. Л. 11; Оп. 2. Д. 26. Л. 2.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 338. Л. 11; Оп. 2. Д. 26. Л. 2; Антонов И. Путиловский завод // Новый путь. 1919. № 10–12, июнь–июль. С. 60–63. Окончательный состав из четырех человек Чрезвычайной комиссии для непосредственной реорганизации Путиловского завода и чистки нежелательных лиц из его рабочей силы был утвержден Петербургским комитетом большевиков 17 марта (ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 338. Л. 13).

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 230. Л. 14.

⁵ ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 283. Л. 63.

⁶ «Вы арестованы» // Кремль за решеткой (Подпольная Россия). Берлин, 1922. С. 163–164.

ступных сегодня документов видно следующее: забастовочное движение явно было довольно широко укоренено с точки зрения политических объединений и разных включенных промышленных секторов; общее число бастующих (почти 35 тыс.) намного превосходило количество членов Петроградской большевистской партии в то время (их число оценивалось в 8815 человек, из которых 41% были в партии менее шести месяцев¹); влияние этого движения было существенно преувеличено, поскольку оно сложилось во время эскалации военных угроз, а также внутренних кризисов. Неудивительно, что правительственные, большевистские внутрипартийные и военные документы отражают глубокую тревогу². Наконец, нападения и как следствие потери, понесенные петроградскими левыми эсерами во время и после волны забастовок в марте, подорвали их способность серьезно угрожать большевизму в северной столице.

Усилия петроградских большевиков по строительству эффективного городского и регионального правительства и партийной организации в 1918–1919 гг.

Конечно, усилия по созданию эффективного правительства и партийной организации в Петрограде в 1918–1919 гг. были сформированы отчасти идеологией, в основном ленинскими переработками марксизма. Тем не менее мое исследование говорит о том, что инициативы по сохранению власти и построению жизнеспособного революционного правительства и правящей партии в революционном Петрограде были продиктованы преимущественно повседневными реалиями, а не марксистско-ленинской идеологией. Среди наиболее важных из этих реалий были, конечно, дефицит продуктов питания, топлива и продолжающийся недостаток способных кадров, вызванный отчасти военными условиями. Я уже касался разрушительного политического влияния дефицита продовольствия на главную политическую базу большевиков — фабрично-заводских рабочих. Нехватка топлива вынудила остановить многие заводы, не имеющие существенного значения для войны, что оставило десятки тысяч петроградских рабочих без работы. Только в течение первой половины 1919 г. военные чрезвычайные ситуации, подрывавшие выполнение цели организационного строительства, одновременно включали наращивание вторжения финских белогвардейцев в Восточную Карелию — не раз эти нападения, казалось, непосредственно угрожали оккупацией Петрограда со стороны северо-запада — и тот факт, что ранее массы петроградских большевиков и беспартийных заводских рабочих были спешно отправлены из петроградского региона для борьбы с неумолимым наступлением Колчака с Западной Сибири до Поволжья и Центральной России.

Кроме того, начиная с середины мая Петроград столкнулся с первой из двух попыток Северного корпуса генерала Николая Юденича захватить Петроград с юго-запада. Поощряемое и поддерживаемое англичанами, это первое наступление под руководством Юденича на Петроград развернулось с удивительной

¹ Тщательный анализ данных о партийном членстве петроградского большевистского лидера Кирилла Шевалина от 1 марта см.: Петроградская правда. 1919. 20 марта.

² Воспоминание об этом моменте всё еще беспокоило Зиновьева в середине 1920-х гг. (см.: *Зиновьев Г.* На пути к порабощению нашей партии. Доклад на пленуме Ленинградского Губкома РКП(б). Л., 1924. С. 45).

скоростью, так как целые отряды Красной Армии в панике бежали или дезертировали в массовом порядке при приближении противника¹. К счастью для выживания большевистской власти в городе, к этому времени наступление Колчака было отменено, и Москва смогла уделить защите Петрограда достаточно внимания, чтобы остановить Северный корпус неподалеку от ворот города.

Между тем в марте 1918 г., на следующий день после того, как советское правительство поспешило эвакуироваться в Москву, оставшиеся в Петрограде большевики во главе с Зиновьевым попытались сформировать в городе эффективное революционное правительство. В апреле петроградские большевики объединились с левыми эсерами, чтобы сформировать правительство в масштабах всего региона — Совком Северной области (СК СО) или «Северную Коммуну», как часто называли Северную область. Огромное удовлетворение лидеры петроградских большевиков испытывали, оценивая свою «Коммуну» как наследницу Парижской, и во время празднования первой годовщины Октябрьской революции гордость Красного Петрограда как «колыбели» мировой революции стала особенно очевидна². Москва, однако, с самого начала была равнодушна к притязаниям и нуждам Северной Коммуны. Народный комиссар внутренних дел Григорий Петровский, например, упорно отказывался даже официально признать существование Коммуны³.

5 ноября 1918 г. разрыв между Петроградом и Москвой по правительственным вопросам отразился в материалах конференции представителей из провинций Северной Коммуны. По этому случаю Петровский совершил необычную поездку в Петроград. На конференции он и Зиновьев дебатировали о будущем Северной Коммуны, и резолюция, признающая ее дальнейшее существование абсолютно необходимым, впоследствии была принята числом голосов: 150 — за, 3 — против, 15 — воздержались⁴. Тем не менее будущее Северной Коммуны оставалось шатким. Это стало ясно на заседании Центрального исполнительного комитета (ЦИК) 23 декабря после представления отчета комиссии ЦИК, которая тоже имела задачу помочь определить будущее областных правительств⁵.

5 февраля 1919 г. «Северная Коммуна» опубликовала объявление, в котором сообщила петроградским гражданам, что 22 февраля в Смольном соберется третий очередной съезд Советов Северной Коммуны и третьим пунктом в его повестке дня будет вопрос «формы будущего существования Северной области [Коммуны]». Тем не менее в доступных документах почти ничего не сказано о том, что большевистские лидеры в Петрограде были обеспокоены неустойчивым существованием своего правительства. 19 февраля, за два дня до начала запланированного съезда Советов Северной Коммуны, Исполнительный комитет Петроградского совета одобрил

¹ См.: Оликов С. Дезертирство в Красной Армии и борьба с ним. Л., 1926. Для осознания масштабов дезертирства в Красной Армии и интересные выводы об их причинах см.: Hagen M. von. Soldiers in the Proletarian Dictatorship: The Red Army and the Soviet Socialist State. Ithaca, 1990. P. 69–80.

² Рабинович А. Большевики у власти. С. 539–556.

³ Об истории Северной Коммуны, ее проблемах с Петровским и политическим альянсом большевиков и левых эсеров в Петроградском регионе см.: Рабинович А. Большевики у власти. С. 387–395, 405–414.

⁴ Росляков М. Союз коммун Северной области // Хозяйство Северо-Западного края. 1927. № 9. С. 17–18.

⁵ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 21. Д. 4. Л. 73–74.

важные процессуальные реформы без намека на раннее фундаментальное системное изменение¹.

Третий Северный областной съезд Советов открылся 24 февраля. После докладов Сарры Равич о работе облисполкома и Зиновьева о «текущем моменте» Анатолий Луначарский, народный комиссар просвещения и заместитель председателя СК СО (Совкома Северной области), представил доклад о блестящих успехах создания и достижениях правительства Северной Коммуны. После этого он сразил всех новостью, что ЦК Коммунистической партии отдал приказ о роспуске Северной Коммуны из-за насущной потребности в своих опытных кадрах в других местах. Он подчеркнул, что это было решение, принятое в последнюю минуту (что, как представляется, было правдой), и ясно дал понять, что оно должно соблюдаться всеми членами партии². Резолюция о роспуске СК СО, предложенная Луначарским, была принята просто поднятием рук. Она подтверждала, что правительство успешно завершило свою работу, что сильная центральная власть теперь укрепилась, и поэтому целесообразно связать составные провинции области непосредственно с Москвой. Согласно резолюции, отдельные наркоматы в Москве должны были нести ответственность за ликвидацию соответствующих областных комиссариатов и распределить свои обязанности между отделами города или провинциальными советами³. После этого Третий съезд советов Северной области был закрыт. На практике перераспределение обязанностей обернулось крайне беспорядочным процессом. Оно растянулось с осени 1919 по 1920 г. — в это время правительство в Петрограде и окрестных провинциях было поделено конкурирующими местными ведомствами и отделами государственных комиссариатов с дублирующими функциями (все подпадали под директивы органов партии).

В первые месяцы 1919 г., в то время как была окончательно решена судьба Северной Коммуны, другие основные тенденции в петроградском правительстве, наметившиеся в 1918 г., осуществлялись. К ним относятся смена реальной политической власти на городских и районных уровнях от советов до органов большевистской партии. Эти изменения были осложнены напряженностью между профсоюзами и партийными органами, — периодами военных кризисов, в течение которых осадное положение, впервые объявленное в апреле 1919 г. и официально поддерживаемое на протяжении остатка года, строго соблюдалось. В периоды, когда внешние угрозы возрастали, сотрудники даже ключевых правительственных ведомств были мобилизованы на военную службу (правительственные ведомства, не имея военного значения, были полностью закрыты). Вся власть была передана от партийных комитетов и советских органов к специально созданным могущественным, исключительно большевистским комитетам безопасности и тройкам, а также к петроградским ЧК. Это уничтожило любую возможность рационального партийного и государственного строительства⁴.

Помимо институционального строительства эффективное правление также было подорвано бюрократизацией регулярных партийных и государственных органов, а также широким распространением коррупции, пьянства и других злоупотреблений властью, особенно, но не исключительно со стороны советских

¹ ЦГА СПб. Ф. 1000. Оп. 3. Д. 58. Л. 31–32.

² Там же. Оп. 54. Д. 2. Л. 49–57.

³ Северная коммуна. 1919. 25 февраля.

⁴ Большинство или все из этих следствий отразились в военном кризисе весной 1919 г.

сотрудников, спешно набранных партийных членов нижнего уровня и военнотружущих, а также милиции.

Беспокойство по поводу чрезмерной бюрократизации государственных и партийных органов, должностных преступлений, безмерного употребления алкоголя сохранялось на протяжении 1919 г. В первом квартале того года, когда прямая критика внутрипартийных и государственных злоупотреблений властью была разрешена и даже поощрялась, в ежедневной печати открыто обсуждались внутренние проблемы¹. Бюро Петербургского комитета, Петербургский комитет в полном составе, Собрание организаторов, а также различные государственные учреждения уделяли много времени изучению путей борьбы с внутренними проблемами. Значительная часть пленарного заседания Петроградского Совета 14 января была посвящена проблеме чрезмерной бюрократизации, и на следующий день в «Северной Коммуне» появился откровенный отчет об этом. В соответствии с этим отчетом, после внимательного разбора горячих нападок на комиссаров в советском правительстве, которые «имитировали» дореволюционную бюрократию, советские депутаты приняли резолюцию, провозглашающую, что отныне бюрократические проволочки будут рассматриваться как преступление против революции².

Продолжающаяся борьба с должностными преступлениями еще была в центре внимания на пленарном заседании Петроградского Совета 18 августа. Согласно докладу Филиппа Медведя, тогдашнего главы Петроградского ЧК, не менее 40 % случаев, находившихся тогда на расследовании в его ведомстве, были связаны с должностными преступлениями. Кроме того, он отметил, что во времена военной угрозы Петроградский ЧК был вынужден сосредоточиться на борьбе с контрреволюцией; как только непосредственная внешняя опасность ослабла, комитет снова обратился к внутренним проблемам, таким как должностные преступления в ведомстве. (Это можно сказать о партийном и государственном строительстве в 1919 г. в Петрограде в целом.) По мнению Сарры Равич, комиссара внутренних дел в петроградском правительстве, должностные преступления при исполнении служебных обязанностей принимали угрожающие размеры «во всех учреждениях сверху донизу». Если ПЧК еще и не выявил некоторые преступления такого рода, то только потому, что они были «составлены так искусно, что их трудно вскрывать»³.

В дополнение к партийным судам, для того чтобы изгнать «тухлые яйца» в 1919 г., петроградские большевики обратились к полной партийной перерегистрации, чтобы отсеять их в массовом порядке. В июне еще одной целью перерегистрации стало содействие быстрой военной мобилизации членов партии. Перерегистрации должны были сопровождаться массовыми «партийными неделями», во время которых большевистские ряды снова пополнялись.

¹ См., напр., отчет Кирилла Шелавина на общегородском собрании петроградских большевиков, созванном Петербургским комитетом 5 января 1919 г., чтобы обсудить нарушения партийной дисциплины, выраженные в пьянстве среди членов партии и советских работников, а также бюрократизации советских органов (Петроградская правда. 1919. 7 января). Меры по исправлению положения, принятые на этом заседании, были утверждены Собранием организаторов Петербургского комитета 16 января и опубликованы в «Петроградской правде» 17 января 1919 г.

² Северная коммуна. 1919. 15, 16 января.

³ Сборник стенографических отчетов заседаний Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, заседание третье. 18 августа 1919 г. С. 42–70.

Полная партийная перерегистрация была первоначально санкционирована VIII съездом партии в марте. В Петрограде перерегистрация откладывалась дважды, прежде чем, наконец, была проведена 12–22 июля¹, в период, на время которого пришелся еще один эпизод беспорядков среди трудящихся из-за нехватки продовольствия и еще одна мобилизация на военную службу².

Отчасти вследствие этих хронических проблем, а также плохого планирования первая широкая перерегистрация петроградских большевиков была абсолютной катастрофой. В течение первых трех дней перерегистрации повторный процесс приема прошли лишь 560 большевиков³. По ее завершении общее число зарегистрированных членов партии было ничтожным — 3 тыс. (по сравнению с приблизительно 8815 петроградскими большевиками в начале марта)⁴. Положение ухудшалось то, что высокий процент большевиков, прошедших перерегистрацию, составляли относительно новые члены партии. Зиновьев был близок к истине, когда писал, что в результате перерегистрации из партии ушли «большей частью не рабочие, а люди более или менее привилегированных слоев, которые пытались примазаться к нам потому, что мы стоим у власти и что через нашу организацию они могут получить место или какую-либо другую выгоду»⁵. Но факт остается фактом: членство в партии было достаточно низким. Как Зиновьев сам это отметил в марте 1919 г., когда число членов партии было почти в три раза больше, чем после перерегистрации: число членов «является числом весьма низким, весьма незначительным. В Петербурге мы должны иметь 50 000 [членов]»⁶. Члены партии по сути терялись среди примерно 130 тыс. устойчивых беспартийных рабочих профсоюза⁷.

Еще одним аспектом партийного и государственного строительства была кампания по набору женщин. В начале марта 1919 г., до перерегистрации, женщины составляли мизерное число — 595 человек из 8815 членов партийной организации Петрограда⁸. Более того, соответственно очень мало женщин участвовало в работе правительства. Поскольку тысячи мужчин-большевиков и рабочих в целом направлялись в провинции с отрядами продразверстки в поисках зерна или были призваны на военную службу на фронт, это было признано недостатком. На самом деле еще в январе 1919 г. Петроградское большевистское руководство активизировало свою кампанию, начатую в 1918 г., по привлечению в партию большего числа женщин, работавших на фабриках, и крестьянок⁹.

¹ Детальные инструкции Петербургского комитета большевиков по ведению перерегистрации были опубликованы в «Петроградской правде» 11 июля. Они не публиковались в «Красной газете» до 13 июля (день после того, как процесс перерегистрации начался).

² В данном случае — на Южный фронт для борьбы с продвижением Деникина.

³ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 344. Л. 32.

⁴ Там же. Д. 338. Л. 32–33; Петроградская правда. 1919. 25 июля; 20 марта.

⁵ Петроградская правда. 1919. 10 августа.

⁶ Петроградская правда. 1919. 30 марта. Пятьдесят тысяч соответствует расчетному количеству петроградских большевиков в октябре 1917 г.

⁷ Это искренне признавалось. См., напр.: Петроградская правда. 1919. 5 августа.

⁸ Красная газета. 1919. 14 марта. В качестве информации: 10 816 фабричных женщин приняли участие в забастовках в марте 1919 г. (Красная газета. 1919. 8 апреля).

⁹ Об усилиях петроградских большевиков по привлечению фабричных женщин в 1918 г. см.: Рабинович А. Большевики у власти. С. 112–114, 372–374, 544–545.

Тем не менее в первой половине 1919 г. результат усилий, особенно со стороны ведущих петроградских большевичек, по вовлечению фабричных женщин и крестьянок в большевистское движение и пополнению ими партийной и государственной службы был сомнительным. Это было отчасти потому, что большое количество работниц текстильных фабрик были уволены из-за нехватки топлива. К тому же, несмотря на то что райкомы партии были ослаблены потерями мужского персонала, они не придавали большого значения сплочению женщин. Во время крупных военных мобилизаций, как это имело место в середине апреля, лидеры петроградских большевиков приняли резолюцию, которая предусматривала, что женщины заменят уходящих мужчин на ответственных должностях всюду, где это возможно. До поры до времени такие цели существовали в основном на бумаге. В середине мая подготовка к большевистской общегородской конференции, направленной на привлечение фабричных женщин к советской работе, была обнадеживающей¹. Однако церемония открытия конференции в конце месяца совпала с первой атакой генерала Юденича на ворота Петрограда. Запланированная на несколько дней конференция прервалась после первого дня². Наконец, в конце июля 1919 г., к моменту, когда силы Юденича полностью отступали, выборы в Петроградский Совет обозначили начало значительного прогресса в достижении целей большевиков среди фабричных женщин.

Вскоре после этого (4 августа) началась первая большевистская «партийная неделя» в Петрограде. Продленная до 17 августа, «партийная неделя» (иногда ее называют агитационной, или коммунистической неделей) предназначалась для пополнения большевистской партийной организации в Петрограде новыми членами. Ссылаясь на недавно завершённую перерегистрацию петроградских большевиков в открытом письме, опубликованном во время партийной недели, Зиновьев пояснил, что большевистские ряды были «очищены» от тех, кто не заслужил большую честь называться большевиком, и двери партии теперь были широко открыты для трудящихся людей, которые должны находиться в ее рядах³.

Открыты они были широко! Во время партийной недели почти все принятые процедуры, регулирующие членство в партии, были приостановлены. Каждому члену партии было приказано рекрутировать трех беспартийных работников. В партию допускались только рабочие заводов, солдаты и матросы. При приеме рабочих единственным существенным критерием было то, как долго рабочие, мужчины и женщины, работали на своих заводах (другими словами, ветераны-рабочие считались по умолчанию квалифицированными для членства в партии, независимо от их уровня образования или политического сознания). Кроме того, массовый набор рабочих на отдельных заводах поощрялся⁴.

Во время этой первой партийной недели в партийной прессе шла агитационная кампания по набору. Однако результат пресс-блицкрига в сочетании с интенсивной агитацией на фабриках, в общественных столовых и даже на квартирах рабочих разочаровал. 19 августа было объявлено, что 6101 человек вступил в партию в течение партийной недели и число ее членов было около 10 тыс.⁵

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 1. Д. 344. Л. 30.

² Там же. Д. 509.

³ Красная газета. 1919. 10 августа.

⁴ Петроградская правда. 1919. 5 августа.

⁵ Петроградская правда. 1919. 19 августа. Значительное число этих новобранцев оказались солдатами и матросами.

Тем не менее 6 тыс. новобранцев означали, что более 50 % большевистской организации в Петрограде были совсем новыми членами партии, которые нуждались в идеологической обработке и обучении. После решительного отпора первой атаки генерала Юденича на Петроград успокоенная большевистская власть в городе считала, что спокойный период в развитии революции, наконец, наступил. Исходя из этого предположения, партийные лидеры предприняли шаги, чтобы сформировать более эффективные партийные школы для обучения новых членов и партийные клубы, в которых члены могли согреться, отдохнуть, почитать, послушать лекции или посмотреть фильм. Партийные лидеры также обратились к более масштабным изменениям, направленным на улучшение агитации и организационной эффективности, оживляя и систематизируя самый низкий уровень партийных ячеек, и на выстраивание новых связей между большевиками, занятыми избирательными участками партии на заводах и проводившими полный рабочий день на государственной или партийной работе с фабрично-заводскими рабочими¹.

Тем не менее прогресс здесь был почти сразу же подорван продолжающимися успехами генерала Деникина на Южном фронте и, самое главное, взятием в середине сентября Воронежа и Курска силами его войск, а также быстрым продвижением вперед на Орел и Москву. 26 сентября 1919 г. Центральный комитет отреагировал на угрозу Деникина приказом о немедленном перемещении на юг лучших сил с Северного фронта и Петроградской части Западного фронта, максимального числа ответственных членов партии и командного состава со всех других фронтов и большого числа большевиков и сочувствующих большевикам из большинства отделов центральных и местных органов власти в Москве, в том числе советов². Скоро Петрограду был отдан приказ о такой же стремительной «политической мобилизации» лидеров большевиков и в Петрограде. На самом деле уже 29 сентября Петербургский комитет большевиков в беспрецедентных масштабах и на уровне острой необходимости начал мобилизацию петроградских большевиков на Южный фронт³.

В начале заседания Петербургского комитета РКП(б) 29 сентября Зиновьев рассказал его членам о решениях ЦК по мобилизации. В связи с резким ухудшением военной обстановки петроградской партийной организации было нужно отправить тысячи рядовых членов партии и сотни ответственных партийных работников на Южный фронт. Членов партии будут отбирать из всех правительственных комиссариатов, кроме комиссариатов продовольствия, транспорта и по военным делам. Перемещение на таком уровне, несомненно, нанесет ущерб затронутым комиссариатам и, косвенно, партийной организации, так как, по Зиновьеву, девять десятых партийных сил должны были бы уйти, чтобы бороться с Деникиным⁴. На следующий день в Смольном на собрании большевиков по поводу мобилизации Зиновьев подчеркнул, что ситуация на Петроградском фронте была спокойной⁵. Для него, как и для Центрального комитета, перелом ситуации на Южном фронте в настоящее время был приоритетнее, чем что-либо. Первоначальный список

¹ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 230. Л. 55, 72–73, 102, 127–128.

² Там же. Оп. 2. Д. 24. Л. 1.

³ Там же. Оп. 6. Д. 230. Л. 89.

⁴ Там же.

⁵ Петроградская правда. 1919. 1 октября. Троцкий разделил эту точку зрения. На партийном собрании в Москве в конце сентября он оценивал Северо-Западную армию как просто безобидную, полностью деморализованную группу (Боевая правда. 1919. 28 сентября).

лидеров правительства, партии и профсоюза, отбывающих на Южный фронт, появился в выпуске «Петроградской правды» от 30 сентября. Несколько дней спустя Зиновьев хвалился, что число тех, кто отправился на фронт, было вдвое больше, чем ожидал Центральный комитет, включая наиболее ценные элементы петроградской партийной организации¹.

Военный кризис в октябре 1919 г. в Петрограде

В то время как в конце сентября 1919 г. петроградских большевиков призывали на срочную службу на Южный фронт, генерал Юденич делал последние приготовления к еще одной попытке взятия Красного Петрограда. На втором наступлении Юденича настаивали британцы, которые, помимо ценной разведки, помогали Северо-Западной армии воздушной и морской поддержкой, а также военным снаряжением. Кроме того, Великобритания и Соединенные Штаты осуществляли огромные поставки продовольствия, чтобы накормить голодное население Петрограда после ожидаемой близкой оккупации города.

28 сентября, за день до того, как большевики в Петрограде начали полную мобилизацию для Южного фронта, части Северо-Западной армии Юденича в Гдове нанесли диверсионный удар с двух сторон: в юго-восточном направлении по Луге и в южном направлении по Пскову. Что более важно, 9 октября части Северо-Западной армии в Нарве, поддерживаемые отдельными эстонскими отрядами, начали с трех сторон главное наступление Юденича, направленное на скорейший возможный захват Петрограда. Несмотря на значительно большее превосходство численности Красной Армии — в первую очередь подразделений Советской 7-й армии — наступление не встретило почти никакого сопротивления. Часто, как это происходило в мае и июне, войска Красной Армии бежали в панике при первых признаках Белых сил. В ночь с 11 на 12 октября его войска контролировали Ямбург, а к 16, всего через неделю после начала их наступления, они приблизились к Гатчине и к самым окрестностям Петрограда.

Среди убедительных причин такого неожиданного поворота событий, отраженных в исторической литературе, — «Октябрьский сюрприз» Петрограда — были деморализация войск 7-й армии из-за бездействия, усталости и голода²; большая широта фронта, который защищала 7-я армия в отличие от узконаправленных, хорошо спланированных линий атаки Юденича и переброска войск Красной Армии из Петрограда на Южный фронт. К этим причинам я бы добавил провалы в разведке со стороны красных. Если советская военная разведка была в курсе планирования и подготовки Юденича, то она не воспринимала полученные ею данные серьезно, в отличие от Юденича, для которого постоянно обновляемые разведданные были важны. Более того, недавнее, казалось бы, решительное поражение Юденича также следует отнести к списку этих причин. Военные и гражданские власти Петрограда, видимо, исключали возможность его быстрого восстановления. Начало мирных переговоров между советским и эстонским правительствами было так-

¹ Красная газета. 1919. 5 октября.

² Эти проблемы не должны были стать сюрпризом. Они отражены в ежедневных кратких докладах подразделений с линии фронта в это время (см., напр.: ЦГА СПб. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–14).

же существенным фактором¹. Зиновьеву и его товарищам казалось, что эти переговоры исключали участие Эстонии в другой атаке на Петроград.

Причиной того, почему молниеносная атака Юденича застала Красный Петроград врасплох и город оказался настолько не готов, является то, что в то время большевистские лидеры были обеспокоены поражениями Красной Армии на Южном фронте и обременительной задачей выполнения по настоянию Москвы немедленной передачи туда каждого борца для чрезвычайной службы там. Так и получилось, что 6 октября Петербургский комитет партии, казалось бы, не обращая внимания на усиливающуюся опасность на Петроградском фронте, под давлением Центрального комитета и своих членов, обеспокоенный сокращением персонала, запланировал начало второй партийной недели на 12 октября². Еще отметим один момент: единственными пунктами повестки дня пленарного заседания Петроградского совета 9 октября 1919 г. — в день, когда Юденич нанес свой основной удар, — были: 1) посадка овощей в окрестностях Петрограда, 2) мобилизация на Южный фронт и 3) создание музея революции³. Всё это время полным ходом шел поток большевиков из Петрограда и войск с Петроградского на Южный фронт. В партийной мобилизации, начавшейся 29 сентября, приоритет был отдан немедленной переброске на Южный фронт максимального числа большевиков, способных занять «ответственные посты». На заседании Петроградского совета 9 октября Григорий Евдокимов объявил, что эта фаза мобилизации окончена и обратил внимание на массовый призыв рядовых членов партии, который уже начался⁴.

Петроградские лидеры не обращали внимания на передвижения войск Юденича и не воспринимали его второе наступление серьезно примерно до 14 октября, когда оно уже существенно продвинулось. На самом деле даже после этого подконтрольная партии петроградская пресса и такие официальные лица, как Зиновьев, стремились преуменьшить угрозу от Юденича. Преобладающая тенденция нашла отражение в идее, инициированной петроградскими властями и широко распространенной в это время, а именно что быстрая предварительная поездка в Гдов, чтобы раздавить остатки Северо-Западной армии, была бы отличным средством обучения большей части рядовых большевиков, призванных для более сложного Южного фронта.

Наконец, на экстренном заседании Петроградского Совета ранним вечером 15 октября Зиновьев признал, что военная ситуация под Петроградом внезапно стала

¹ Авторитетные воспоминания об этих переговорах см.: *Debo R.K. Survival and Consolidation: The Foreign Policy of Soviet Russia. Montreal, 1992. P. 127–142.*

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 230. Л. 91 об. Начавшись с большой помпой в соответствии с графиком, эта вторая партийная неделя была приостановлена через несколько дней после того, как она началась. Опять же все формальные ограничения на членство в партии для рабочих, солдат и матросов были приостановлены. На этот раз, однако, Центральный комитет снизил целевой набор персонала для отдельных членов партии от трех до одного или двух (Петроградская правда. 1919. 1 октября). В конце недели от отдельных большевиков в армии требовалось передать в свои ячейки отчет о количестве большевиков, рекрутированных ими (Боевая правда. 1919. 11 октября).

³ Сборник стенографических отчетов заседаний Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, заседание седьмое, 9 октября 1919 г. С. 353.

⁴ Там же. С. 377. О роли Петербургского комитета большевиков в этой второй фазе мобилизации см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Л. 91–93.

тревожной. Тем не менее даже сейчас, когда войска 7-й армии в панике бежали, он преуменьшал силы Юденича. По его словам, они были гораздо меньше, чем в мае, с численностью не более 3–4 тыс. человек, в основном офицеров, и они не имели никаких бронированных автомобилей или поездов, танков или артиллерии (что было неверно). Малые эстонские и финские подразделения, участвующие в атаке, не были поддержаны своими правительствами. Основная проблема, на взгляд Зиновьева, состояла в том, что на юг было направлено так много войск, а большое количество тех, которые остались, были истощены предыдущими кампаниями. Для Зиновьева, хоть и не было никаких оснований для паники, немедленное выступление петроградских рабочих в таком же партизанском стиле, которое подавило мятеж генерала Лавра Корнилова в августе 1917 г., было критически важным. В ту же самую ночь надо было закрыть большинство фабрик, и трудящиеся мужчины и женщины, всё еще находящиеся там, должны были быть переведены на военное положение, переформированы в партизанские отряды и отправлены сражаться. Кроме того, Зиновьев предупредил, что «Белые банды» внутри Петрограда могли попытаться воспользоваться складывающейся ситуацией и, следовательно, было необходимо быть готовыми к этому. Обращение к петроградским рабочим и петроградским частям Красной армии и Военно-морского флота, заключающее в себе основные взгляды Зиновьева, было принято на этом экстренном заседании без обсуждения. Оно закончилось менее чем за час воодушевленным исполнением Интернационала и пониманием того, что совет не будет снова собираться до тех пор, пока силы Юденича не будут побеждены¹.

Москва также запоздала с принятием всерьез наступления Юденича. В телеграмме от 14 октября в Исполнительный комитет Петроградского Совета (день, когда вооруженные силы Деникина заняли Орёл), Ленин оценил наступление Юденича как не более чем «маневр, чтобы отвлечь наш натиск на юге»². Центральное партийное руководство не признавало растущей угрозы для Петрограда до 15 октября, когда была созвана специальная сессия Политбюро, посвященная угрожающей ситуации на Южных и Петроградских фронтах. После рассмотрения этого вопроса высшие руководители партии (среди них Ленин и Троцкий) согласились, что Советская Россия столкнулась с самой страшной военной опасностью, которую можно себе представить и что было необходимо превратить всю страну в «военный лагерь». Петроград не должен был быть сдан. Кроме того, Троцкий должен был принять срочные меры в Реввоенсовете Республики (РВСР), частично, очевидно, относящиеся к защите Петрограда, после чего он должен был съездить туда на сутки. Тем не менее безопасность Москвы оставалась главным приоритетом — оборона Петрограда была вторым по важности вопросом после Москвы³.

¹ Сборник стенографических отчетов заседаний Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов, заседание восьмое, 15 октября 1919 г. С. 386–402.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 51. С. 56.

³ Известия ЦК КПСС. 1990. № 4. С. 164–166. Согласно Троцкому, даже такая очередность означала большую уступку по стороны Ленина. Много лет спустя он вспоминал, что Ленин, заинтересованный больше всего в обороне Москвы и убежденный Зиновьевым, что удержание Петрограда было безнадежным, первоначально выступал против выделения каких-либо дополнительных военных ресурсов для его защиты. Троцкий добавляет, что Крестинский и, возможно, Сталин присоединились к нему в отношении критической стратегической и военной важности защиты Петрограда и что по прошествии многих часов Ленин смягчился (*Trotsky L. My Life. N. Y., 1970. P. 423–424*).

Троцкий отбыл из Москвы в Петроград 16 октября на своем уже легендарном бронированном поезде. Ночью (с 16 на 17 октября) он получил известие, что оккупация Петрограда неизбежна. От железнодорожного узла в Бологом, на полпути к месту назначения, в сообщении в Петроград, которое было напечатано в его железнодорожной газете «В пути» 18 октября и в «Известиях Петроградского Совета» на следующий день, он призывал петроградских рабочих подготовиться и сокрушить войска Юденича в пределах города:

«Задача не в том только, чтобы отстоять Петроград, но в том, чтобы раз навсегда покончить с северо-западной армией. С этой точки зрения для нас в чисто военном отношении наиболее выгодным было бы дать юденческой банде прорваться в самые стены города, ибо Петроград не трудно превратить в великую западню для белогвардейских войск. Прорвавшись в этот гигантский город, белогвардейцы попадут в каменный лабиринт, где каждый дом будет для них либо загадкой, либо угрозой, либо смертельной опасностью... Конечно уличные бои сопряжены со случайными жертвами, с разрушением культурных ценностей. Это из причин, почему полевое командование обязано принять все меры к тому, чтобы не подпустить врага к Петрограду. Но если бы полевые части не оказались на высоте <...> это вовсе не означало бы конца борьбы на Петроградском фронте. Готовься Петроград! Дни октября не раз бывали в истории для тебя великими днями»¹.

По прибытии в Петроград Троцкий поехал в Смольный на заседание Комитета обороны Петроградского укрепленного района. К тому времени ситуация Петрограда еще ухудшилась. Армия Юденича разместилась в Гатчине, в 50 км от города. Более того, она оказалась в шаге от захвата станции Тосно на Николаевской железной дороге, что позволило бы ей заблокировать подкрепление и пополнение запасов Петрограда непосредственно из Москвы. У Юденича были основания для уверенности; теперь он издал приказ загрузить запасы продовольствия для голодного Петрограда и телеграфировал Колчаку, что падение города было близко².

Полным ходом шло укрепление *внешней* обороны Петрограда. Но основное внимание заседания Комитета обороны Петроградского укрепленного района 17 октября (теперь он был переименован в Комитет по внутренней обороне Петрограда) было сосредоточено на спешной подготовке к обороне Петрограда *изнутри*³. Было решено, что мощные революционные тройки, впервые сформированные районными советами в мае, будут заменены сетью влиятельных районных штаб-квартир для внутренней обороны, подчиненных новому Комитету по внутренней обороне Петрограда. Последний был возглавлен Дмитрием Авровым, бывшим младшим офицером императорской армии. В вопросах, касающихся обороны Петрограда, ему теперь подчинялся даже ПЧК.

Петербургский комитет большевиков собрался вместе с Исполнительным комитетом Петроградского Совета поздно вечером 14 октября для разрешения

¹ В пути. 1919. 18 октября.

² Смоллин А. В. Белое движение на Северо-Западе России, 1918–1920. СПб., 1999. С. 358.

³ Запись этого заседания см.: ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 274. Л. 193–198. Эта запись показывает, что решения по обороне Петрограда, принятые на этом заседании, проистекали из начального заявления Троцкого о «Главных задачах» и относящейся к этому резолюции (ЦГА СПб. Ф. 54. Оп. 1. Д. 20. Л. 99; Ф. 9618. Оп. 1. Д. 274. Л. 193).

углубляющегося военного кризиса. Вплоть до 27 октября, когда войска Юденича были остановлены, он больше не собирался¹. Ведущие большевики еще в Петрограде сосредоточили свою деятельность в период между 17 и 27 октября на лидерстве в таких специальных органах обороны, как Комитет по внутренней обороне Петрограда и его учреждения районного уровня. Семьи некоторых большевиков теперь поспешно эвакуировались из Петрограда². Быстрое возвращение Троцкого в Москву было безоговорочно отложено, вероятно, потому что ситуация на Южном фронте внезапно улучшилась, в то время как в Петрограде была противоположная ситуация³. В практических целях руководство обороной Петрограда было теперь в руках Троцкого.

Организационные изменения, связанные с обороной Петрограда, а также строительство траншей, артиллерийских и пулеметных оружейных окопов и блиндажей в пределах города теперь ускорились. Необходимой считалась максимально быстрая работа, поскольку военная ситуация за пределами города всё еще продолжала ухудшаться⁴.

В отношении фабричных работниц имеется достаточно доказательств того, что начиная с конца сентября они позитивно реагировали на призывы занять места мужчин, ушедших на Южный фронт. В середине октября, во время подготовки к внутренней обороне Петрограда, число женщин увеличилось. Документы об их новом и разнообразном вкладе в защиту Петрограда можно найти в ежедневной прессе⁵. Именно теперь женские секции, прикрепленные к большевистским районным комитетам партии, заняли значительное место. Важно отметить, что отказ

¹ На 11-й городской конференции петроградских большевиков в конце ноября 1919 г. большое меньшинство новых, молодых членов партии, составляющее почти половину делегатов конференции и названных «оппозицией», раскритиковало провал Петербургского комитета в руководстве во время пика кризисных дней (ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 23. Д. 337. Л. 24 — 24 об). Это обвинение, если это правда, возможно, отражает разброс членов Петербургского комитета в те дни.

² ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 274. Л. 197. Эти семьи получили разрешение вернуться домой 12 ноября (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 6. Д. 230. Л. 172 об.).

³ Красная контратака на юге началась с повторного захвата Орла 20 октября.

⁴ Первый приказ Аврова об обороне, отражающий организационные решения, принятые 17 октября, был издан до конца этого дня (ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 274. Л. 193–198; Д. 283. Л. 173–176). Первое заседание представителей из районных штаб-квартир для внутренней обороны состоялось 19 октября (ЦГА СПб. Ф. 485. Оп. 1. Д. 26. Л. 36). Важно отметить, что планирование обороны продолжалось до конца октября и в ноябре после того, как непосредственная угроза для Петрограда исчезла. По крайней мере были подготовлены и распространены два варианта детального плана для обороны города сектор за сектором, район за районом. Первый из них, по-видимому, одобренный в ночь с 21 на 22 октября и в значительной степени завершённый к 28 октября, устанавливал три основных внутренних, сильно укрепленных линии обороны (а также пути для отступления), а также соответствующие приоритеты для вооружения и военной стратегии, если границы Петрограда будут нарушены войсками Юденича, наступающими с юга/юго-запада (ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 274. Л. 203; Петроградская правда. 1919. 29 октября. С. 2; ЦГА СПб. Ф. 54. Оп. 1. Д. 20. Л. 129–133). Второй план, датированный 1 ноября, предусматривал то же самое в случае совместного удара Юденича по Петрограду с юга/юго-запада *вместе* с финскими оккупационными силами с севера (ЦГА СПб. Ф. 54. Оп. 1. Д. 20. Л. 149 — 150 об.).

⁵ См., напр.: Петроградская правда. 1919. 19–24 октября.

признать за женщинами их важную роль в обороне Петрограда в октябре 1919 г. вызвал бурю сильных протестов на 11-й Городской конференции петроградских большевиков в конце ноября¹.

Между тем 18 октября генерал А.П. Родзянко, верховный командующий Юденича на поле сражения, поручил «надвигающуюся задачу» оккупации Петрограда. Одновременно на большинстве фабрик Петрограда власти города объявили новую, *обязательную* мобилизацию рабочих в возрасте от 18 до 40 лет. Это было явным признаком того, что *добровольный* призыв, объявленный Петроградским советом, на партизанскую войну на Петроградском фронте, не был удовлетворительным. Более того, 19 октября Петроградский Совет вновь поспешно собрался еще на одну сессию, полностью посвященную обороне. Вначале Зиновьев вновь подчеркнул слабость Юденича. Однако он был резок в отношении того факта, что реакция на призыв Совета к оружию двумя днями ранее была заурядной, и что в результате над городом всё еще висела угроза успешной атаки противника.

Со своей стороны Троцкий признал, что из Петрограда было переведено слишком много личного состава. Он заверил депутатов, что в пути находилось достаточное подкрепление. Но предупредил, что для их прибытия потребуется время. На данный момент Петрограду придется полагаться на свои собственные ресурсы как для укрепления фронта, так и для обеспечения внутренней обороны города. Тот, кто не мог быть использован на фронте, как женщины, так и мужчины, должны быть мобилизованы для ведения борьбы внутри города. Троцкий выразил уверенность в том, что Красный Петроград останется тем, чем он был всегда, по его словам, «светочем революции, стальной скалой, на которой мы строим церковь будущего». Резолюция, принятая единогласно вслед за выступлениями Зиновьева и Троцкого, была задумана как самое решительное обращение к рабочим, находившимся еще в Петрограде, чтобы сделать абсолютно всё ради выживания их великого города².

Принимая во внимание всё более отчаянное положение в Петрограде в это время, иронично, что именно теперь ПЧК начал новое жесткое преследование левых эсеров, и это несмотря на их продолжительную слабость и обещание их центрального руководства объединить усилия для защиты революции от общего врага³. Среди контрреволюционных групп, оставшихся незатронутыми нападениями на левых эсеров и других мнимых врагов в это время, еще находилась активная законспирированная группа со свободными связями с антибольшевистским Национальным центром⁴. Члены этой группы включали личный состав Красной армии и Балтийского флота, бывших царских контрразведчиков и военных, некоторые из которых служили в качестве военных специалистов, и бывших политических деятелей,

¹ ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Оп. 23. Д. 337. Л. 24 — 24 об.

² Сборник стенографических отчетов заседаний Петроградского совета рабочих и красноармейских депутатов (созыв второй половины 1919 года), заседание девятое, 19 октября 1919 г. С. 406—438.

³ ЦГА СПб. Ф. 9618. Оп. 1. Д. 300. Л. 177. В середине сентября лидеры большевиков и левых эсеров обсудили возможность перемирия в своих враждебных отношениях; однако эти переговоры быстро провалились (*Steinberg I. N. In the Workshop of the Revolution. N. Y., 1953. P. 186—188*). Эта неудавшаяся инициатива отражена в большевистских протоколах.

⁴ О национальном центре см.: Всероссийский национальный центр. М., 2001; Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1990.

активно выступающих против большевиков. Среди них люди, которые были тесно связаны с британским ведущим шпионом и диверсантом Полом Дюксом (сам Дюкс бежал из Петрограда в конце августа 1919 г.).

В сентябре — начале октября члены этой группы работали, чтобы облегчить наступление Юденича и его захват Петрограда, проникнув в учреждения армии и флота на высшем уровне. Военный специалист, враждебный к большевикам, Владимир Люндеквист сыграл важную роль в этой стороне усилий группы благодаря своей должности начальника штаба 7-й армии, обороняющей Петроград. Он и его коллеги посадили одинаково мыслящих военных специалистов на ключевые должности в Петрограде, Кронштадте и на фронте. Впоследствии они снабжали Юденича подробными сведениями о диспозиции войск Красной Армии и квалифицированными полезными советами о том, как обойти их. В то время как войска Юденича близко подошли к Петрограду, группа Люндеквиста разработала план по захвату власти в Петрограде, когда атакующие части достигли Обводного канала, который неравномерно тянулся вдоль южной границы города. Согласно дальнейшим показаниям Люндеквиста, он был назначен, чтобы взять на себя общее командование восстанием. Однако в отличие от волны стачек в марте с участием левых эсеров это «движение» против советской власти, контролируемой большевиками, имело небольшую привлекательность для масс. Оно была «раскрыто» совершенно случайно в конце ноября. После ареста Люндеквист дал показания, что планы его группы были прерваны еще до «решающих моментов» в борьбе за Петроград из-за своей неспособности привлечь адекватную военную поддержку¹.

Эти решающие моменты возникли 21–22 октября, когда войска Юденича пытались одержать победу над защитниками Петрограда, окопавшимися на Пулковских высотах, последней линии обороны, проходящей вдоль южного края центра города. Ранее генерал Ветренко, белый генерал, получивший приказ от Родзянко взять Тосно, чувствовал себя настолько уверенным в незамедлительной оккупации Петрограда и настолько полным решительности не упустить момент славы, что проигнорировал приказ Родзянко относительно Тосно². Поэтому к моменту начала битвы за Пулковские высоты войска 7-й армии были снабжены крайне необходимыми продуктами питания, которые помогли улучшить их моральный дух. Более того, они были пополнены не только петроградскими рабочими, закаленными

¹ Об этом заговоре — его масштабе, последствиях, провале и раскрытии см.: Сборник стенографических отчетов заседаний Петроградского Совета рабочих и красноармейских депутатов (созыв второй половины 1919 года), заседание двенадцатое, 22 ноября 1919 г. С. 532–553; ЦГАИПД СПб. Ф. 1. Д. 1038. Л. 2 — 8 об.; *Кутузов В.А., Ленетохин В.Ф., Степанов О.Н.* Чекисты Петрограда на страже революции. Л., 1987. С. 363–408; *Измозик В.С.* Английский шпионаж: реальный и мнимый. Дело Поля Дюкса // Исторические чтения на Лубянке. М., 2009. С. 3–34; Петроградская правда. 1919. 23 ноября; *Виноградов В., Перемышленникова Н.* Архив ВЧК: сборник документов. М., 2007. С. 127–128.

² Объясняя поражение своих сил перед Петроградом в октябре 1919 г., Родзянко выдвинул самодовольство своих ключевых подчиненных и, в частности, невыполнение генералом Ветренко распоряжения о захвате Тосно (*Родзянко А.П.* Воспоминания о Северо-Западной армии. Берлин. 1920. С. 112–113). Полезные описания этих событий см.: *Смолин А.В.* Белое движение... С. 363–364; *Рутыч Н.Н.* Белый фронт генерала Юденича: Биографии чинов Северо-Западной армии. М., 2002. С. 162–165, 294. О Ветренко см.: *Рутыч Н.Н.* Белый фронт... С. 159–167. См. также: *Kukk H.* The Failure of Iudenich's Northwest Army in 1919, A Dissenting White Russian View // Journal of Baltic Studies. 1981. Vol. XII. N 4. P. 362–383.

ми отрядами из поезда Троцкого и кронштадтскими моряками, но и значительным числом новичков из военных кадетских школ, войск Красной Армии и ЧК. Многие из них были передислоцированы в Петроград из московского региона и с Восточного и даже Южного фронтов через Москву и Тосно¹. Защитники Петрограда в Пулково, вместе взятые, далеко превосходили силы Юденича и в то время как восторженные, но преждевременные сообщения об оккупации Красного Петрограда облетели весь земной шар, успешно противостояли им. Контрнаступление, которое 23 октября начала Красная 7-я армия, отнюдь не было безоблачным². Однако еще до исхода месяца разбитая и разношерстная армия Юденича была отброшена назад в Эстонию.

Выводы

Каждая из тем, которые я затронул в данной статье, является важной нитью в монографическом исследовании правительства и кризисов в Петрограде в период Гражданской войны, над которым я сейчас работаю. Антибольшевистская волна забастовок в марте 1919 г. отражала растущее нетерпение и политическое недовольство увеличивающегося числа фабричных рабочих Петрограда, вызванные в первую очередь, но не только, ухудшением экономических условий. Тот факт, что многие петроградские большевики, ранее активные на рабочих предприятиях, теперь оставили партийную работу ради службы в правительстве или были отправлены на фронт, усугублял трудности правящей партии. Также следует учесть и тот факт, что левые эсеры, важные союзники большевиков в революции 1917 г. и в период сразу после нее, были вынуждены уйти в оппозицию. Подвергшись гонениям и притеснениям, в конце 1918 и в марте 1919 г. они восстали против большевиков, помогли спровоцировать и развернуть крупное забастовочное движение.

Одновременно с этим осознанные требования выживания в условиях Гражданской войны побудили Центральный комитет большевиков в Москве потребовать немедленной всероссийской политической и государственной централизации под своей гегемонией. Больше не было места децентрализованной советской власти, наподобие той, что проросла в Петрограде впоследствии после «Октября» и длилась на протяжении всего 1918 г. В 1919 г. региональные правительственные структуры, которые отражали меру революционного идеализма и автономии, такие как Северная Коммуна, не могли больше рассчитывать на толерантное отношение. В правительстве на городском уровне партийные комитеты осуществляли в постоянно возрастающей степени контроль над советами посредством организованных в них партийных фракций. В моменты военной чрезвычайной ситуации местная государственная власть перешла к всесильным комитетам обороны и районным тройкам. Даже в редкие моменты *между* военными кризисами реалити и потребности

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 51. С. 63, 68; Фрайман А.Л. Балтийские моряки в борьбе за власть советов в 1919 г. Л., 1974. С. 253–254, 263, 348–349, сн. 176, 177, 180.

² Например, в по большей части хвalebном докладе о поведении солдат и матросов, участвовавших в контрнаступлении Красной Армии, лидер ВЧК Яков Петерс, который был спешно доставлен в Петроград около 20 октября, описал случаи в том числе дезертирства, трусости и самопричинения ран во избежание участия в бою (Петроградская правда. 1919. 2 ноября).

военного времени подрывали усилия по очистке партии от карьеристов и криминальных элементов, укреплению своих рядов и осуществлению даже относительно скромной партийной и правительственной реформы.

Последняя из моих тем — успешная оборона Красного Петрограда в октябре 1919 г. — часто рассматривалась как следствие неумелого использования Белой армией и союзниками наличных возможностей или еще чаще как героическая победа революции над глобальной контрреволюцией. Как часто бывает с конкурирующими историческими интерпретациями, здесь есть зерно истины в обоих аргументах. Провал белых в Тосно, не менее чем вдохновенная военная оборона во главе с Троцким в дни Октября, способствовали выживанию города. Еще нечто более важное проистекает из богатого корпуса малоиспользуемых источников, которые теперь доступны для изучения в российских архивах. Мое представление, основанное на моих исследованиях, до сих пор таково, что история Октября 1919 г. в Петрограде и в более общем смысле выживания большевистского Петрограда во время Гражданской войны по своей полноте изобилует малоизученными историческими проблемами, важными для понимания основных процессов и результатов, как изобиловала история прихода большевиков к власти в Петрограде в 1917 г., когда редкие источники в Советском Союзе, относящиеся к ней, впервые стали доступны.

Константин Андреевич Тарасов

**ВЫБОРНАЯ ВЛАСТЬ В ПЕТРОГРАДСКОМ ГАРНИЗОНЕ В 1917–1918 гг.:
КОМИТЕТЫ, КОМАНДИРЫ, КОМИССАРЫ**

Выборность офицерства в Февральский период революции

Начало «демократизации» армии было положено Приказом № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (ПСРиСД). Приказ был воспринят в солдатской среде как распоряжение о выборах воинских начальников. Хотя в документе этого пункта не было, солдаты произвели «чистку» офицеров, которых считали недостойными оставаться в полках. На их места выбирались другие командиры. Формально эти действия ПСРиСД не признавал, что выразилось в разъясняющих Приказах № 2 и 3. В них подчеркивалось, что «приказ не установил, чтобы эти комитеты избирали офицеров для каждой части»¹. На заседании I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов в июне 1917 г. член подотдела о демократизации армии вновь отметил, что выборы командиров не допускаются, они назначаются только правительственной властью².

Официальная позиция ПСРиСД, по-видимому, расходилась с мнением части депутатов, даже членов партий эсеров и меньшевиков. Соответствующие заявления были сделаны на общем собрании Совета 1 марта 1917 г.³ Меньшевик-интернационалист Ф. Ф. Линде в своей речи предлагал солдатам выбирать «своих командиров», а не «тех, кто подготавливает передачу власти Родзянко», председателю Временного комитета Государственной Думы⁴. Лидер фракции социалистов-революционеров в солдатской секции ПСРиСД Е. И. Огурцовский, оспаривая выборы командира

¹ Революционное движение в русской армии. 27 февраля — 24 октября 1917 года. М., 1968. С. 24. Два исследователя, изучавшие происхождение Приказа № 1, В. И. Миллер и Ю. С. Токарев пришли к противоположным выводам о существовании в первоначальной редакции пункта о выборности начальства. Токарев предполагал, что такой пункт существовал, но удален по соглашению с правительством (*Токарев Ю. С.* Приказ № 1 Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов // *Вспомогательные исторические дисциплины*. Т. VII. Л., 1973. С. 59). Миллер же считал, что его и не подразумевалось. Он привел достаточно убедительные аргументы в пользу того, что особое влияние на такие настроения оказала совместная листовка Межрайонного комитета РСДРП и Петроградской организации эсеров, выпущенная одновременно с приказом. Солдат призывали, кроме организации комитетов, не доверять офицерам, «этой романовской шайке», и изгонять или арестовывать тех, кому нельзя доверять (*Военно-исторический журнал*. 1966. № 11. С. 111–112).

² Солдатское слово. 1917. 20 июня.

³ До 1 (14) февраля 1918 г. даты даются по старому стилю.

⁴ Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году. Т. 1. Л., 1991. С. 52.

1-го пулеметного запасного полка, признавал себя, однако, сторонником выборности начальства¹. Эсер В.Л. Утгоф (Дерюженский), один из авторов реформ по «демократизации» армии, на лекциях и заседаниях Совета всегда отстаивал идею выборности военного начальства, но с оговоркой, что осуществление этого принципа возможно только после окончания войны². Утгоф утверждал, что в феврале—марте 1917 г. была лишь «одна видимость» избирательного процесса, а на старшие должности выбирались офицеры по старшинству чина³.

Однако далеко не всегда действовала подобная практика. В запасном батальоне Преображенского полка⁴ солдаты арестовали 18 своих начальников во главе с командиром князем К.С. Аргутинским-Долгоруковым⁵. Согласно протоколу № 1 комитета этого батальона, в начале марта 1917 г. стоял вопрос о том, чтобы выбрать командиром не офицера, а одного из нижних чинов. В итоге решили, что управлять полком должен представитель командного состава, лучшей кандидатурой сочли подпоручика М.В. Заринга⁶.

В частях Петроградского гарнизона должность сохранил только командир семеновцев полковник П.И. Назимов⁷.

Поначалу представители командного состава получили места в выборных органах солдатского самоуправления — ротных, командных, полковых и батальонных комитетах⁸. Выборный командир запасного батальона Литовского полка прапорщик М.Ф. Потриваев до 20 марта возглавлял комитет, покинув этот пост только в связи с болезнью⁹. Комитеты запасных батальонов Преображенского, Измайловского и 3-го стрелкового полков долгое время заседали под председательством своих выборных командиров¹⁰. В руках этих начальников сосредоточивалась вся власть в воинской части. Та же история могла повториться и в запасном батальоне Московского полка, однако полковник П.М. Яковлев 5 марта

¹ Петроградский Совет... Т. 3. М., 2002. С. 293.

² Утгоф [В.Л.] Декларация прав солдата // Голос солдата. 1917. 26 мая.

³ Там же.

⁴ В Петрограде стояли запасные батальоны гвардейских полков, находившихся в это время на фронте.

⁵ Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. Л., 1985. С. 87.

⁶ Обращение к солдатам выборного командира Преображенского запасного батальона 3 марта 1917 // РГВИА. Ф. 1343. Оп. 10. Д. 3863. Л. 50.

⁷ Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. С. 87. Причиной этого может быть тот факт, что в первый полк гвардии попадали офицеры военного времени, получившие высшие баллы, и в нем удалось создать благоприятную атмосферу взаимоотношений между командным составом и солдатами ([Назимов П.И.] Семеновцы в революции // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 178. Л. 18; Русская смута глазами проигравших. К 95-летию революции. Михаил Корнфельд, Олег Керенский // Радио «Свобода». URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24777802.html> (дата обращения: 19.03.2016); Макаров Ю.В. Моя служба в старой гвардии. 1905—1917. Мирное время и война. М., 2014. С. 381).

⁸ Соболев Г.Л. Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. С. 93—94.

⁹ Протокол батальонного комитета запасного батальона Литовского полка 20 марта // РГВИА. Ф. 15587. Оп. 1. Д. 2. Л. 6 — 6 об.

¹⁰ [Приказ командира батальона по полку] // РГВИА. Ф. 2571. Оп. 2. Д. 2. Л. 32; Протоколы заседаний комитета запасного батальона Измайловского полка 2 марта и 5 мая // РГВИА. Ф. 7734. Оп. 1. Д. 1. Л. 5, 90; Избрание президиума полкового комитета 3 стрелкового полка // ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 269. Д. 126. Л. 24.

снял свою кандидатуру на выборах председателя батальонного комитета¹. Однако ему предоставили право «единолично распоряжаться всеми делами, касающимися внутреннего распорядка батальона»². Таким образом, в первые месяцы революции в ряде случаев наблюдалось объединение военной и политической власти.

«Чистка» командного состава Петроградского гарнизона обострила уже ощущавшуюся нехватку офицеров³. В некоторых полках оставалось не более 25 офицеров⁴. В запасном батальоне Московского полка в дни Февральского восстания трое офицеров убиты, несколько ранено, многие арестованы и «подверглись всякого рода издевательствам»⁵. Вместо четырех ротных командиров были избраны рядовые⁶. Из всего командного состава солдаты оставили лишь семь офицеров и еще четырнадцать офицеров одобрили позже⁷. Авторитетом, однако, по-видимому, не пользовались и они. «Впечатление затравленных» произвели офицеры на полковника С.В. Анохина, расследовавшего причины вооруженного выступления москвичей 3–5 июля 1917 г.⁸

В гарнизоне ощущалась предубежденность солдат по отношению к кадровым офицерам⁹. По словам подпоручика В.Д. Попова, в 1-м пулеметном полку почти всех их изгнали, заменив в основном только что произведенными¹⁰. Общее собрание выборных от рот и офицеров запасного батальона Волынского полка постановило послать делегацию к главнокомандующему Петроградским военным округом (ПВО) генерал-лейтенанту Л.Г. Корнилову с просьбой исключить из гарнизона всех кадровых офицеров¹¹.

Деятельность солдатских комитетов в марте–октябре 1917 г.

Выборные солдатские организации создавались еще в первые дни революции и были утверждены знаменитым Приказом № 1¹². В.И. Миллер считал, что

¹ Протокол заседания комитета запасного батальона Московского полка 5 марта // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 6. Л. 4.

² Протокол заседания комитета запасного батальона Московского полка 11 марта // Там же. Л. 23 об.

³ Г.Л. Соболев привел данные о том, что в среднем на 50–60 солдат гвардейских и армейских частей приходилось по одному офицеру (*Соболев Г.Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. С. 20).

⁴ Там же. С. 91; РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 2. Л. 137 об., 138, 140, 141, 143, 145, 153, 156, 162, 166, 169, 171, 195, 198, 210, 221, 225, 226.

⁵ 1917. Разложение армии. М., 2010. С. 236.

⁶ Правда. 1917. 11 марта.

⁷ 1917. Разложение армии. С. 236.

⁸ Рапорт начальника Главного военно-судного управления // РГВИА. Ф. 1343. Оп. 2. Д. 490. Л. 182 об.

⁹ См. речи на заседаниях Совета рабочих и солдатских депутатов (Петроградский Совет... Т. 1. С. 50–52, 108–110, 524).

¹⁰ Показания поручика В.Д. Попова // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 10. Л. 148 об.

¹¹ Протокол заседания комитета запасного батальона Волынского полка 6 марта // РГВИА. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 78. Л. 5 об.

¹² Много фактического материала о деятельности комитетов Петроградского гарнизона в 1917 г. привел в своей работе Г.Л. Соболев. По этому вопросу его книга не потеряла актуальность до сих пор (*Соболев Г.Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. С. 81–96).

партийная прослойка в них в большинстве случаев была невелика, преобладали носители «беспартийной революционности», которых отличала поддержка революции и политического курса основных социалистических партий без ясного представления об их отличиях¹.

В первые комитеты выбиралась «солдатская интеллигенция», наиболее образованные солдаты, бывшие служащие и представители городских профессий². Для обозначения специфических характеристик этого особого слоя А. Уайлдман ввел термин «комитетский класс». Он так описывал его представителей: «Их облик совсем другой [по сравнению с крестьянской частью армии. — *К. Т.*], как и социальное происхождение. Они обладали иной политической информацией и очень отличались от рядовых солдат, хотя считали себя революционерами, социалистами»³.

При этом, как отметил Б.И. Колоницкий, представители «комитетского класса» «готовы были драться за свое новое положение», что было важнее, «чем политические формулы, найденные партийными лидерами». Этот своеобразный карьеризм, по мнению исследователя, приводил к изменчивости их политических взглядов от поддержки умеренных социалистических партий весной—летом 1917 г. к требованию передачи всей власти Советам осенью⁴. В связи с этим именование первых комитетов «эсеро-меньшевистскими», распространенное в советской историографии, не вполне корректно.

Формально подчинение ПСРиСД являлось актом свободной воли членов комитетов⁵. Но на практике комитеты стали проводником влияния Совета и полностью подчинились ему. Эта тенденция отразилась в резолюции общего заседания всех ротных, полковых и батальонных комитетов в Таврическом дворце 21 марта, которая провозглашала ПСРиСД высшим руководством солдатских организаций. Ротные, полковые и прочие комитеты объявлялись его «органами» на местах. Задним числом представители рот в ПСРиСД были включены в комитеты⁶. Как резюмировал А. Уайлдман, «комитеты стали ответвлением “демократической власти” в Петрограде, вместо того чтобы быть представительным органом и голосом “революционных масс” на местах»⁷. По сути, система солдатского самоуправления была введена «явочным порядком», а ее окончательное правовое оформление (определение компетенции, состава, системы выборов) произошло только после I Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов в июне 1917 г.⁸

¹ *Миллер В.И.* Осторожно: история! М., 1997. С. 40.

² *Рабинович С.Е.* Борьба за армию в 1917 г.: Очерки партийно-политической борьбы и работы в армии в 1917 г. М.; Л., 1930. С. 83; *Соболев Г.Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. С. 82–83.

³ *Wildman A.K.* The end of the Russian imperial army. The old army and the soldiers' revolt (March–April 1917). Princeton, 1980. P. 377–378.

⁴ *Колоницкий Б.И.* Красные против красных. К 90-летию окончания Гражданской войны в России // Нева. 2010. № 11. С. 144–164.

⁵ См. Проект положения о ротных и полковых комитетах (Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 22 марта).

⁶ Дело народа. 1917. 22 марта.

⁷ *Уайлдман А.К.* Армия и вопрос о законности власти в России // Отечественная история. 1994. № 2. С. 23. См. также: *Wildman A.K.* The end of the Russian imperial army.

⁸ *Миллер В.И.* Солдатские комитеты русской армии в 1917 г.; *Гаврилов Л.М.* Солдатские комитеты в Октябрьской революции. М., 1983.

Первое время комитеты пользовались доверием солдат, они сыграли большую роль в налаживании внутренней жизни воинских частей, порой играя в них руководящую роль, составляя определенную конкуренцию командному составу¹.

По мнению В.И. Миллера, выбор в пользу определяющего значения комитетов или воинских начальников связан с ходом Февральского восстания. В тех частях, где офицеры оставались на своих постах, комитеты появились только после издания Приказа № 1 и не пользовались большим влиянием. Там же, где офицеры отказались от руководства восстанием, солдаты были вынуждены создавать собственные органы власти — комитеты².

По свидетельству ефрейтора 180-го запасного пехотного полка А.Н. Венцеславского, при избрании членов комитета многие выборщики не задумывались над тем, что представлял собой кандидат, считая, что не оправдавшего доверия можно в любой момент переизбрать. А.Н. Венцеславский отмечал в июле 1917 г.: как только члены комитета становились «на сторону порядка и справедливости: воспрепятствуют беспорядкам, налагают взыскания, объявляют публичные выговоры», это воспринималось как возврат к дореволюционным порядкам. Логику солдат он выразил так: «Комитет потакает — принимает свободу; комитет за порядок — значит... к старому режиму тянет»³.

Уже в начале мая частое переизбрание батальонных комитетов побудило члена ЦК Трудовой народно-социалистической партии подпоручика В.Б. Станкевича посвятить этому вопросу отдельную статью в газете «Голос солдата». В ней он так описал ситуацию: «В последнее время с разных сторон стали поступать сведения, что решения и постановления солдатских комитетов не проводятся в жизнь потому, что солдатская масса отказывается им подчиняться. Не подчиняющиеся при этом рассуждают таким образом: комитеты выбраны нами и должны исполнять нашу волю; раз мы с их решением не согласны, значит, они постановили неправильно; значит — мы можем им не подчиняться»⁴. В.Б. Станкевич считал, что к перевыборам комитетов следует прибегать в крайних случаях, когда «солдаты видят, что иным способом нельзя достигнуть правильной деятельности комитета»⁵.

Однако с вовлечением рядовых солдат в политическую жизнь комитеты зачастую перестали отвечать представлениям о том, что соответствует интересам выборщиков. Можно привести много примеров, как мнение выборных расходилось с мнением всего полка, поэтому члены комитетов считали, что их решения нелегитимны для исполнения⁶. Они расценивали подобные резолюции как выражение недоверия и складывали свои полномочия. Комментируя это явление, В.И. Миллер сделал вывод, что комитеты признавали свое право на существование в данном составе, лишь пока выражали точку зрения своих избирателей⁷.

¹ *Соболев Г.Л.* Петроградский гарнизон в борьбе за победу Октября. С. 84–85, 94–96.

² *Миллер В.И.* Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. М., 1974. С. 22–23.

³ [Жизнь 50 дивизии]. 1917. 21 июля.

⁴ *Станкевич В.* Солдатское самоуправление // Голос солдата. 1917. 9 мая.

⁵ Там же.

⁶ Протокол заседания батальонного комитета 12 июня // РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 32. Л. 1 об.; Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году. СПб., 2003. С. 345; Голос солдата. 1917. 4 июля; ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 269. Д. 126. Л. 80–85; Показания прапорщика З.Б. Славинского // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 4. Л. 67.

⁷ *Миллер В.И.* Осторожно: история! С. 48

Положение «солдатской интеллигенции», выбранной в комитеты, прочное и уверенное в большинстве воинских частей в начале 1917 г., постепенно начало меняться. Пытаясь проводить непопулярные в солдатской среде решения ПСРиСД, они теряли авторитет в глазах избирателей. В ряде воинских частей за ними не признавали права принимать решения от имени солдат без консультаций с ними. Комитетам стали противостоять общеполковые собрания, где решения, касающиеся всей воинской части, утверждали сообща¹. В тех случаях, когда комитет не смог отстоять свою власть, он терял возможность воздействовать на солдат.

Комитет запасного батальона Московского полка с начала апреля по июль переизбирался четырежды, всякий раз — когда возникал вопрос об отправке пополнений на фронт. Реальной власти такой комитет не имел, с его распоряжениями солдаты могли не считаться². Главнокомандующий ПВО П.А. Половцов в рапорте военному министру 21 июня отметил, что «влияние батальонных и ротных комитетов значительно поколеблено». Он связывал это явление с агитацией большевиков против умеренно настроенных комитетов³.

После 3–5 июля 1917 г. и удаления наиболее беспокойных элементов гарнизона комитеты вновь обрели власть. В статье «Голоса солдата» отмечался этот перелом в настроениях солдатской массы. Если раньше член комитета «не мог заикнуться о беспорядке, чтобы не быть обвиненным в возврате старого режима», то уже в августе он «может говорить полным голосом и может настаивать на своем требовании»⁴.

Корниловское выступление также способствовало оживлению политической деятельности комитетов и одновременно их полевению. Они стали активнее вмешиваться в деятельность офицеров, авторитет которых был подорван. Началась новая «чистка» командного состава. Как отмечалось в резолюции общего собрания комитетов Гренадерского резервного полка⁵, «не видя инициативы со стороны командного состава, [полковой комитет] приступил сам к организации полка, и в этом отношении столкнулся с такими функциями, которые по праву принадлежали командиру полка»⁶. Эти события дали повод полковому комитету поставить вопрос о доверии выборному командиру полковнику Н.А. Кореневу, который 28 февраля 1917 г. лично привел батальон к Таврическому дворцу⁷. Из-за подозрений в сочувствии Корниловскому выступлению

¹ Тарасов К.А. Общеполковые собрания как институт прямой демократии в 1917 г. (на материалах Петроградского гарнизона) // Революция 1917 года в России: новые взгляды и подходы. СПб., 2015. С. 205–211.

² Выводы Особой следственной комиссии по расследованию вооруженного выступления запасного батальона Московского полка 3–5 июля // ЦГИА СПб. Ф. 1695. Оп. 2. Д. 1. Л. 17 об.

³ Рапорт главнокомандующего Петроградским военным округом Военному министру // РГВИА. Ф. 2015. Оп. 1. Д. 6. Л. 15.

⁴ Шарк А. Батальонный комитет // Голос солдата. 1917. 1 августа.

⁵ В июне–июле 1917 г. запасные батальоны гвардейских полков были преобразованы в гвардейские резервные полки.

⁶ Собрание комитетов Гренадерского резервного полка 30 августа // РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 197. Л. 101.

⁷ Жизнь солдат зап[асного] батальона гвардии Гренадерского полка (казарма на обновленных началах). Пг., 1917. С. 9.

комитетами были отстранены от своих должностей командиры Финляндского и Измайловского резервных и 180-го пехотного запасного полков¹.

Комитеты на протяжении всего 1917 г. оставались важной частью системы управления революционной армией. Однако со временем всё чаще они попадали в зависимость от настроений рядового состава запасных воинских частей. В тех случаях, когда умеренно настроенным членам комитета удавалось сохранить свой авторитет, все важные политические решения не передавались на обсуждение солдат. Таким комитетам удавалось сдерживать свои воинские части от вооруженных демонстраций, направленных против правительства.

Роль комиссаров в борьбе за власть в воинских частях

Создание Военно-революционного комитета при ПСРиСД (ВРК) внесло коррективы в расстановку сил в столичных воинских частях. Фактически он формировался как «революционный штаб» для контроля действий командования ПВО по организации обороны города, чтобы не ослабить гарнизон, необходимый для защиты от возможных контрреволюционных действий². Большевики и их союзники использовали ВРК для укрепления власти леворадикального большинства ПСРиСД.

В запасные полки Петрограда и на важные стратегические пункты были направлены комиссары ВРК. Можно согласиться с выводом С.Е. Рабиновича о том, что институт комиссаров «являлся представителем советской власти, призванным советизировать воинскую часть»³. В инструкции комиссарам говорилось об их задаче «реорганизовать старые негодные аппараты на началах самодеятельности и демократизации»⁴. На практике это означало, по словам комиссара Финляндского резервного полка большевика Я.М. Рудника, разъяснение солдатам, «что единственным хозяином является народ, и мы развиваем самодеятельность т[оварищей] солдат и их инициативу, не дожидаясь приказов сверху»⁵.

Деятельность комиссаров ВРК началась в непростой для новой власти период. В первые дни после Октябрьского переворота необходимо было организовать отпор наступлению войск А.Ф. Керенского. 29 октября состоялось гарнизонное совещание, на котором выступили представители полков. Делегат Финляндского резервного полка сообщил, что «офицерство расколото на три части, из них одна вполне солидарна и идет вместе с солдатами, другая осторожно пытается действовать против новой власти и часть офицерства заняла выжидательную позицию»⁶.

¹ [Резолюция общего собрания] // ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 269. Д. 126. Л. 271; Обращение общества офицеров Измайловского полка в ЦИК // ГА РФ. Ф. р-1235. Оп. 78. Д. 117. Л. 4; Большевиизация Петроградского гарнизона: Сборник материалов и документов. Л., 1932. С. 262–263.

² *Афанасьев И.Л.* Первый этап становления Военно-революционного комитета при Петроградском Совете // Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1980. С. 144–150. См. также: *Афанасьев И.Л.* Материалы газет как исторические источник по истории Петроградского военно-революционного комитета: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.

³ *Рабинович С.Е.* Комиссары Петроградского совета до и после 1917 г. // Красная летопись. 1929. № 6 (33). С. 60.

⁴ Инструкция комиссарам ВРК // ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 12. Л. 159.

⁵ Донесение комиссара Я.М. Рудника 12 ноября // ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 13. Л. 69.

⁶ Правда. 1917. 31 октября.

26 октября ВРК предписал подвергнуть аресту всех офицеров, не признавших его власти¹. После этого в ряде воинских частей последовали аресты офицеров². Один из комиссаров докладывал, что в его полку «с 26 по 30 октября шла усиленная работа по организации и налаживанию дела без командного состава»³. Комиссар Я.М. Ярослав писал, что во главе Московского резервного полка также стоит комитет⁴. В Гвардейском саперном батальоне после ареста не подчинившихся офицеров было создано Военно-революционное бюро из шести представителей комитета. Бюро должно было «действовать в полном контакте с комиссаром батальона и революционным комитетом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, все приказания этого бюро должны выполняться беспрекословно»⁵. Аналогичные органы были созданы в Гренадерском, Егерском, Семеновском резервных полках⁶. Полковые комитеты стали фактически брать на себя командные функции.

Лишь левому эсеру подполковнику М.А. Муравьеву, руководившему при Временном правительстве организацией добровольческих отрядов и в условиях наступления войск А.Ф. Керенского назначенному командующим войсками ПВО, удалось привлечь офицеров к работе и наладить военные действия⁷.

С другой стороны, комиссарам необходимо было бороться и с нейтралитетом, которого придерживалась большая часть комитетов запасных воинских частей. Как вспоминал Н.И. Подвойский, один из руководителей ВРК, полки Петрограда «считали свое дело законченным, а себя героями». Солдаты заявляли, что были готовы бороться с врагом в самой столице, «а против войск Керенского, которые ведь где-то в Гатчине, пускай воюют местные гарнизоны, им ближе»⁸.

29 октября совещание полковых комитетов, командиров и комиссаров Петроградского, Кексгольмского, Измайловского и Семеновского резервных полков решило отказаться от выступления на позиции против войск А.Ф. Керенского, остаться вооруженными в казармах и обратиться к другим полкам с предложением заключить перемирие⁹. В тот же день аналогичное решение принял комитет Егерского резервного полка. Представитель егерей на гарнизонном совещании 29 октября заявил, что это произошло под воздействием командира¹⁰.

Выступивший против войск Керенского Волынский резервный полк по постановлению ротных, командных и полкового комитетов 30 октября решил вернуться в Петроград и предложил организовать переговоры для мирного разрешения

¹ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. 1917 год: Сборник документов и материалов. Л., 1948. С. 240.

² Там же. С. 325–327.

³ *Елов Б.* После июльских событий // Красная летопись. 1923. № 7. С. 101.

⁴ Там же. С. 102.

⁵ Протокол общего собрания Гвардейского саперного батальона // ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 16. Л. 155, 156.

⁶ [Резолюция общего собрания Гренадерского резервного полка] // ЦГА СПб. Ф. 6276. Оп. 269. Д. 126. Л. 357; Донесения комиссаров... С. 101; *Филатов В.Т.* [Воспоминания]. б/м., 1957 // ЦГАИД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 2149. Л. 2.

⁷ *Антонов-Овсеенко В.А.* Записки о Гражданской войне. Л., 1933. С. 84.

⁸ *Подвойский Н.И.* Ленин в 1917 году (Из воспоминаний). М., 1957. С. 161.

⁹ Петроградский Военно-революционный комитет... Т. 1. С. 334; Донесения комиссаров... С. 334; В семеновском полку // Дело народа. 1917. 1 ноября.

¹⁰ Петроградский Военно-революционный комитет... Т. 1. С. 350; Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. М., 1957. С. 819.

конфликта¹. После этого комиссар, переложив ответственность за произошедшее на комитет и командира, сложил свои полномочия². Комитет 171-го пехотного запасного полка, выступившего на позиции, по мнению агитатора ВРК П.А. Залуцкого, «саботирует боевое настроение полка, склоняет его к сепаратным вступлениям в переговоры с Керенским о мирном изжитии конфликта»³. Таким образом, комиссарам приходилось действовать в условиях, когда на комитет и командный состав нельзя было положиться.

По-видимому, в октябре комиссары продолжали свою деятельность вплоть до самороспуска этого органа. Как справедливо отметил М.А. Молодцыгин, «нельзя, однако, не заметить тенденции к снижению в числе назначений, вполне естественному в условиях демократизации: желание масс самим выбирать себе руководителей»⁴. Уже с конца октября Петроградский ВРК порой лишь утверждал комиссаров, избранных комитетами или личным составом⁵. Одним из первых выборных комиссаров стал подпоручик А.П. Лисов, произведенный в офицеры из солдат за воинские заслуги (в бою он лишился руки)⁶. Лисов сменил направленного в Преображенский резервный полк Г.И. Чудновского, уже 27 октября получившего новое назначение⁷. В связи с этим собрание полкового и ротных комитетов 30 октября и приняло решение выбрать комиссара из состава полка⁸.

¹ Рабочий и солдат. 1917. 3 ноября; Постановление вольнского полка // Дело народа. 1917. 1 ноября.

² Петроградский Военно-революционный комитет... Т. 2. С. 7.

³ [Донесение Залуцкого] // ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 12. Л. 1.

⁴ Молодцыгин М.А. Красная армия. Рождение и становление. 1917–1920 гг. М., 1997. С. 16.

⁵ См. ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 1. Д. 87. Л. 2, 3, 15, 27, 54, 64, 68, 75, 78, 83, 88, 91, 105, 129, 132; Д. 15. Л. 32; Протокол заседания комитета 6-го саперного батальона // РГВИА. Ф. 8158. Оп. 1. Д. 166. Л. 61; Петроградский военно-революционный комитет... Т. 2. С. 224.

⁶ Волков С.В. Офицеры российской гвардии: Опыт мартиролога. М., 2002. С. 284; Андоленко С. Л.-гв. Преображенский полк в Великую войну. Париж, 1969. С. 7. Согласно позднейшим показаниям бывшего офицера полка Д.Д. Зуева, А.П. Лисов оставался комиссаром вплоть до разоружения и роспуска Преображенского полка весной 1918 г. При этом он принимал участие в тайной антисоветской организации полка и его значение в воинской части было «настолько значительно, что делать какую-либо политику в полку без связи с ним было невозможно» (Показания полковника Преображенского полка Д.Д. Зуева // Тинченко Я.Ю. Голгофа русского офицерства в СССР, 1930–1931 годы. М., 2000. С. 372; см.: Милицын С.В. Из моей тетради. Последние дни Преображенского полка // Архив Русской Революции. 1921. Т. 1. С. 185).

⁷ Петроградский Военно-революционный комитет... Т. 1. С. 180.

⁸ Собрание ротных и полкового комитетов Преображенского резервного полка 30 октября // РГВИА. Ф. 2571. Оп. 2. Д. 2. Л. 258; Донесения комиссаров... С. 104. Среди материалов сборника документов Петроградского ВРК содержится отношение исполнительного комитета Преображенского полка 30 октября, которое практически совпадает с документом, выявленным среди протоколов полкового комитета Преображенского полка. Однако вместо Г.И. Чудновского в нем фигурирует корнет Н.И. Покровский в качестве комиссара (Петроградский Военно-революционный комитет... Т. 1. С. 416). Также в сборнике опубликовано заявление исполнительного комитета, датированное «не ранее 8 ноября» 1917 г., в котором говорится о самоотводе комиссара полка корнета Н.И. Покровского в связи с доносом на него. Полковой комитет выбрал новым комиссаром его помощника А.П. Лисова (Там же. Т. 2. С. 264–265). В неопубликованных документах ВРК удалось найти протокол заседания ротных и командных комитетов Преображенского резервного полка от 7 ноября 1917 г.

В некоторых частях назначенные комиссары получили полную поддержку и свободу действий. В других коллегиальность и выборность власти были ближе к сложившейся практике, отвечали представлениям части солдат об организации власти. Назначенные комиссары опирались на полковые собрания, которые вновь, как и в период мая–июля 1917 г., становились важным пространством политической борьбы.

«Полная демократизация» Петроградского гарнизона

Одной из задач новой власти стало проведение «полной демократизации» армии, о чем было заявлено уже 25 октября 1917 г. в воззвании II Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов «К гражданам России»¹. Идея выборности командного состава, муссированная с момента издания Приказа № 1, была поднята уже на первом заседании Народного комиссариата по военным делам 3 ноября 1917 г.² Проект новой «декларации военнослужащих» был составлен на следующий день и до обсуждения в ПСРиСД предложен для рассмотрения в полках гарнизона³. Солдаты должны были получить право самостоятельно решать, насколько достоин их командир занимать свою должность. Кроме того, предполагалось расширить права комитетов, к которым переходила «руководящая роль в правлении хозяйственной, строевой, культурно-просветительской и политической жизнью полка»⁴.

Выборное начало в полках Петроградского гарнизона стали вводить с середины ноября 1917 г. Офицерство, окончательно утратившее авторитет после отказа от борьбы против войск А.Ф. Керенского, прошло очередную «чистку», в этот раз она носила характер восстановления своеобразно понимаемой справедливости. Офицеры не просто лишались своих должностей, их разжаловали в рядовые⁵. Командные же должности часто занимали солдаты⁶. Общее собрание 4-го батальона 1-го пехотного запасного полка под руководством большевиков А.В. Грибаса и Л.К. Славкина решило вовсе упразднить должность батальонного командира, а его обязанности передать члену батальонного комитета, «который пользуется

В нем говорится о выборах нового помощника комиссара (ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 16. Л. 128). Вероятно, после ухода Чудновского Лисов не был утвержден в ВРК и комиссаром был назначен Покровский (возможно, он был помощником прежнего комиссара). При нем помощником числился Лисов. После отстранения Покровского Лисов стал комиссаром.

¹ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. М., 1974. С. 11.

² Протокол заседания Народного комиссариата по военным делам // РГВА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21. Л. 6.

³ Донесения комиссаров... С. 119; Протокол комитета 1-го запасного пехотного полка // РГВИА. Ф. 7739. Оп. 1. Д. 148. Л. 3.

⁴ 8 ноября 1917 г. доработанный текст Декларации был опубликован в «Газете Временного Рабочего и Крестьянского правительства».

⁵ Донесения комиссара Я. Рудника 12 и 16 ноября // ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 13. Л. 65, 69; Резолюция общего собрания 4 батальона 1 пехотного полка 29 ноября // Солдатская правда. 1917. 1 декабря; Выборность командного состава // Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 24 ноября.

⁶ Донесения комиссаров... С. 96, 97, 100; Общее собрание ротных и полкового комитетов Преображенского резервного полка 28 ноября // РГВИА. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 82. Л. 37; Донесение комиссара 4-го железнодорожного батальона // ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 13. Л. 8.

боевой опытностью». Кроме того, было выдвинуто требование о необходимости уравнивать офицеров с солдатами¹. Аналогичное требование вынесло 14 ноября общее собрание Финляндского резервного полка².

Делалось это, по сути, явочным порядком, поскольку в газетах только 23 ноября 1917 г. опубликован проект «демократизации» армии³. Лишь 29 ноября главнокомандующий ПВО В.А. Антонов-Овсеенко приказал «приступить к выбору лиц командного состава», а с 1 декабря отменялись все чины и звания⁴. Можно согласиться с мнением следующего главнокомандующего округом К.С. Еремеева: этот приказ «только фиксировал уже создавшееся положение, при котором офицерство явно не играло никакой роли, и все его прерогативы уже давно лишлись всякого обаяния»⁵. Иными словами, приказ закреплял то, что уже фактически произошло.

Наблюдалось и противодействие введению выборности офицеров. Заседание ротных и командных комитетов Преображенского резервного полка постановило, что право принимать решения относительно переустройства армии имеют только действующие полки⁶. В Волынском резервном полку вопрос о введении выборности обсуждался весь ноябрь и неоднократно откладывался. Только на общем собрании 28 ноября по докладу комиссара большевика Л.В. Горбатенко большинство представителей от рот высказалось за введение выборного начала⁷.

По сообщению газеты «Воля народа» приказ об отмене знаков различия вызвал недовольство ефрейторов и унтер-офицеров. Ober-офицеры же встретили это распоряжение с покорностью⁸. Несмотря на то что общее собрание Преображенского резервного полка в конце концов 3 декабря 1917 г. одобрило этот приказ, командир полка полковник Б.А. Шоманский продолжал пользоваться авторитетом. Выразив на этом заседании свое сожаление об упразднении погон, он сложил с себя обязанности командира. В протоколе отмечалось, что, «пожелав самых лучших пожеланий в дальнейшей работе, собрание, встав с места, бурно и продолжительно аплодировало» своему командиру, вступившему в должность еще в мае 1917 г. в чине капитана⁹. Более того, на выборах 8 декабря Шоманский получил большинство голосов и вновь стал командиром части¹⁰. Полковник

¹ Резолюция общего собрания 4 батальона 1 пехотного полка 29 ноября // Солдатская правда. 1917. 1 декабря.

² Донесение комиссара Я. Рудника 14 ноября // ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 13. Л. 72.

³ Проект декларации народных комиссаров по военным и морским делам (подлежащий утверждению Совета народных комиссаров) // Армия и флот рабочей и крестьянской России. 1917. 23 ноября.

⁴ Солдатская правда. 1917. 1 декабря.

⁵ Еремеев К. Начало Красной армии // Пролетарская революция. 1928. № 4 (75). С. 156.

⁶ Протокол общего собрания ротных и полкового комитетов Преображенского резервного полка 6 ноября // ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 16. Л. 127, 128.

⁷ Протоколы общих собраний ротных и полкового комитетов Преображенского резервного полка 23, 25, 28 ноября // РГВИА. Ф. 7733. Оп. 1. Д. 82. Л. 31 об., 34, 37.

⁸ Уничтожение отличий // Воля народа. 1917. 6 декабря.

⁹ Донесение комиссара Преображенского резервного полка 9 декабря // ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 16. Л. 137.

¹⁰ Там же. Л. 135. В записках преображенца С.В. Милицына содержится характеристика Б.А. Шоманского: «На днях [полковник Б.А. Шоманский. — К.Т.] встретил преображенца в расстегнутой шинели, остановил, распек, а затем распеловал. Солдат смутился, сейчас же

Р.-Ф.В. Бржозовский, командир Семеновского резервного полка с июня 1917 г., также сохранил свое место¹.

Только 16 декабря приказом Народного комиссариата по военным делам вышла новая «декларация прав», включавшая «равенство в правах всех военнослужащих», «уничтожение всех чинов, внешних отличий и привилегий», «выборность комсостава до командира полка и одинаковое довольствие всех военнослужащих»². В некоторых полках Петроградского гарнизона выборность командного состава была проведена в жизнь только после вступления этих декретов в силу³.

В тот же день вышел и декрет Совнаркома «О выборном начале и об организации власти в армии»⁴. Он передавал власть внутри каждой войсковой части солдатским комитетам и Советам. Еще раньше газета большевиков «Солдатская правда» связывала усиление власти солдатских выборных организаций с необходимостью проведения их перевыборов⁵. Переизбрание полковых комитетов началось в Петроградском гарнизоне еще в начале ноября 1917 г. и инициировалось комиссарами⁶. Мотивировки переизбрания были различны. Комиссар Литовского резервно-

привел себя в порядок и вытянулся» (*Милицын С.В.* Из моей тетради. Последние дни Преображенского полка. С. 185). «Но насколько я успел подметить, популярность Ш[омацкого] особенная. Преображенцы его действительно любят, вспоминают, каким он был хорошим командиром, как ругался, но как-то шутивно, улыбаясь, любят. А пойти против большевиков — это еще для них большой вопрос. В глазах их он все-таки старорежимец» (Там же. С. 186).

¹ Он сохранил свою должность даже после реформирования полка в «Полк по охране Петрограда» и оставался в нем до ноября 1918 г. (*Волков С. В.* Офицеры русской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002. С. 79). Вот какую характеристику дал много лет спустя своему командиру бывший семеновец М.Г. Корнфельд: «Я считал полковника Бржозовского идеальным полковым командиром. Меня удивляла та легкость и естественность, с которой он командовал и разрешал самые сложные и деликатные проблемы, он пользовался абсолютным доверием офицерского состава и любовью солдат. Если ко всему этому добавить личное обаяние и рыцарскую внешность, станет понятным его непререкаемый авторитет» (Русская смута глазами проигравших. К 95-летию революции. Михаил Корнфельд, Олег Керенский // Радио «Свобода». URL: <http://www.svoboda.org/content/transcript/24777802.html> (дата обращения 19.03.2016)).

² Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г.: Сборник документов. М., 1973. С. 282–283.

³ Донесение комиссара 1-го Донского казачьего полка Ф. Агапова // ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 1. Л. 89; Донесение комиссара 4-го стрелкового полка 22 декабря // ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 16. Л. 190. Среди донесений, связанных с этими событиями, было выявлено сообщение комиссара 171-го пехотного запасного полка Силина, которое раскрывает механизм проведения декрета в жизнь (цитируется с сохранением орфографии и пунктуации источника): «Получению первого декрета о выборе новова комадова состава был таже соброн митенг и разесено как должны приисходить выборы и результаты выборов показали что блшенство прошло из сред солдат» (ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 16. Л. 195). Кроме открыто низкого образовательного уровня комиссара, можно отметить, что декрет воспринимался и им, и солдатами как руководство к действию.

⁴ Октябрьская революция и армия. 25 октября 1917 г. — март 1918 г.: Сборник документов. М., 1973. С. 283.

⁵ Демократизация армии // Солдатская правда. 1917. 30 ноября.

⁶ Донесение комиссара Солодянкина 29 декабря // ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 16. Л. 69; *Елов Б.* После июльских событий. С. 94, 95, 102, 119, 121, 128.

го полка большевик В.А. Солодянкин предложил солдатам устранить из комитета всех тех, «кто уклоняется» от посещения заседаний¹. Комиссары 180-го пехотного и Вольнского резервных полков докладывали, что переизбрание объясняется «неработоспособностью» комитетов².

В состав новых комитетов очень часто избирались большевики и их союзники³. Однако в большинстве выборных организаций воинских частей Петрограда после переизбрания не удастся обнаружить в президиуме большевиков. Чаще левые элементы, вошедшие в комитет, впоследствии становились большевиками. В частности, выбранными осенью 1917 г. председателями полковых комитетов Павловского, Финляндского и Гренадерского резервных полков стали соответственно М. Глухов, А.И. Жеханов и Ф.П. Никонов⁴. Они вступили в партию большевиков только после Октябрьского переворота.

«Полная демократизация» стала шагом правительства навстречу требованиям радикально настроенных солдат. Требования расширения полномочий комитетов и выборности командного состава выдвигал этот слой с начала революции. С другой стороны, она служила способом борьбы за контроль над гарнизоном, чему оказывали противодействие комитеты, ориентировавшиеся в своей деятельности на эсеров и меньшевиков, и офицеры, в которых видели контрреволюционную силу.

Дальнейшие события показали, что создание выборной системы управления воинскими частями не способствовало установлению той сознательной дисциплины, к которой стремились еще сторонники «демократизации» Февральского периода революции. В связи с демобилизацией в гарнизоне был поднят вопрос о разделе между солдатами полковых сумм и имущества, иногда это стихийное стремление масс не удавалось остановить⁵. Солдаты даже прибегали в таких случаях к переизбранию комитетов и комиссара⁶. В конце января 1918 г. общее собрание 4-го стрелкового полка постановило разделить рафинад из полкового продуктового склада между солдатами. После протеста против этого решения, выраженного председателем полкового комитета, собрание решило «считать себя правомочным в решении полковых вопросов, оставить свое постановление в силе и ответственность за него принять на весь полк, а не на полковой комитет»⁷.

Провалом закончилась проводившаяся комиссарами вербовка в Красную армию добровольцев в период германского наступления в феврале 1918 г.

¹ Там же. С. 106.

² Там же. С. 94; Петроградский Военно-революционный комитет... Т. 2. С. 90.

³ Там же; Донесение комиссара Б. Капа 22 ноября // ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 16. Л. 99; Елов Б. После июльских событий. С. 95; Донесение комиссара 176-го пехотного полка // ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 16. Л. 90; Протокол заседания комитета Павловского резервного полка // РГВИА. Ф. 14988. Оп. 1. Д. 4. Л. 126; Протокол заседания комитета Егерского резервного полка 6 ноября // РГВИА. Ф. 16094. Оп. 1. Д. 17. Л. 31.

⁴ Протокол полкового комитета 5 сентября // РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 197. Л. 29; Протокол полкового комитета 12 октября // РГВИА. Ф. 15475. Оп. 1. Д. 2. Л. 72; Протокол полкового комитета 24 августа // РГВИА. Ф. 366. Оп. 1. Д. 197. Л. 95.

⁵ Протокол совещания комиссаров полков Петрограда 19 января // РГВА. Ф. 25888. Оп. 3. Д. 11. Л. 5–6.

⁶ Рабинович С.Е. Комиссары Петроградского Совета... С. 67; Донесение комиссара Елкина // ГА РФ. Ф. 1236. Оп. 1. Д. 16. Л. 82.

⁷ Бюллетени бюро военных комиссаров. 1933. № 7. С. 32.

Из многотысячного состава запасных воинских частей, за редчайшим исключением, готовы были выйти на фронт от нескольких десятков до нескольких сот солдат¹.

Неудивительно, что, когда военное ведомство возглавил Л.Д. Троцкий, радикально изменив курс строительства Красной армии, 21 марта 1918 г. Высший военный совет издал приказ об отмене выборного начала в армии². 27 марта последовал приказ Народного комиссара по военным делам о ликвидации солдатских комитетов и других военно-демократических организаций³.

Эксперимент по «демократизации» армии как попытка остановить ее разложение был неудачным. Различные властные органы (ПСРиСД, командование ПВО и ВРК) стремились поставить под свой контроль внутреннюю жизнь запасных воинских частей. В итоге сложилось несколько параллельных вертикалей власти. Неудачной стала и попытка объединить их в единую систему путем проведения «полной демократизации». Практика показала, что выборность командного состава, необходимая для политических целей, не оправдывает себя для управления армией в период военных действий. Появление комитетов привело к обострению политической борьбы за массы, а та, в свою очередь, к распаду военного организма. Деятельность комиссаров не всегда могла объединить солдат на позициях поддержки новой власти. Однако вопрос о позитивном и негативном значении «слома» старой армии, который активно обсуждается в историографии⁴, не являлся основным для данного исследования.

Важнее обратить внимание на тот факт, что в период революции власть могла основываться только на прямом участии масс в принятии решений. Ни назначение, ни представительное народовластие не отвечали взглядам солдат на «справедливую» форму демократии. Любые попытки ввести единоначалие воспринимались

¹ Информационный лист организационно-агитационного отдела Всероссийской коллегии по созданию Красной армии по городу Петрограду // РГВА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 66. Л. 37–40.

² *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов (1917–1920 гг.). М., 1988. С. 79.

³ Войсковые комитеты действующей армии. Март 1917 г. — март 1918 г. М.: Наука, 1982. С. 535. Троцкий вспоминал впоследствии: «Старая армия выдвинула выборные солдатские комитеты и выборный командный состав, фактически подчиненный комитетам. Эта мера имела, разумеется, не военный, а революционно-политический характер. С точки зрения управления войсками в бою и подготовки войск для боя она была недопустимой, чудовищной, убийственной. Управлять войсками через посредство выборных комитетов и через подчиненных комитетам выборных и в любой момент сменяемых командиров не было и не могло быть никакой возможности. Но армия и не хотела сражаться» (*Троцкий Л.* Путь Красной Армии // Материалы и документы по истории Красной армии. Т. 1: Как вооружалась революция. 1918 г. М., 1923. С. 15).

⁴ *Голуб П.А.* Советская историография о сломах старой армии и отвоевании солдатских масс под знамя октября // Военно-исторический журнал. 1970. № 10. С. 113–121; *Кляцкин С.М.* На защите Октября: Организация регулярной армии и милиционное строительство в Советской республике. 1917–1920. М., 1965. С. 68; *Городецкий Е.Н.* Рождение советского государства. М., 1987. С. 372; *Базанов С.Н.* К истории развала русской армии в 1917 году // Армия и общество. 1900–1941 гг.: Статьи, документы. М., 1999. С. 67; *Гаврилов Л.М.* Истоки и финал демократизации русской армии // Там же. С. 110; *Молодцыгин М.А.* Красная армия. Рождение и становление. 1917–1920 гг. С. 203–204.

как возвращение к дореволюционным порядкам. Требования солдат должны были учитываться выборными организациями. В тех случаях, когда их мнения расходились, происходило переизбрание. Эта ситуация была характерна и для февральского и для октябрьского периодов революции. Прямое народовластие стало важной частью управления революционной армией, хотя законодательно оно так и не было оформлено.

При этом нельзя согласиться с выводом С.Н. Базанова, что «борьба большевиков со своими политическими противниками за власть в армии не принесла победу никому»¹. Следует в принципе отказаться от взгляда на солдат как на предмет политического торга. В период революции армия из «великой молчалиницы» превратилась в активный самостоятельный субъект политической жизни. До того момента, пока она существовала, претендентам на власть приходилось с ней считаться. Апелляция к решениям солдатской массы являлась единственным ресурсом власти в этот период, а выборность — единственным принципом, на котором могла существовать власть. Заручившись поддержкой солдат, получив от них право на руководство, можно было использовать армию в своих целях. Однако это не означает манипулирование толпой, которое, по-видимому, также имело место. Справедливее было бы утверждать, что только власть, отвечавшая интересам солдат, могла рассчитывать на длительное существование.

¹ *Базанов С.Н.* Борьба за власть... С. 224.

ДИСКУССИЯ

Зива Галили

Четыре доклада, представленные здесь, отражают широкий спектр исследований по общей теме «Революция и власть». Каждое из них посвящено тому, как власть меняется, формируется и осуществляется в «революционных условиях», тогда, когда она перестает существовать в качестве фиксированной точки отсчета. Каждый доклад рассматривает эти процессы сквозь призму конкретного места, конкретного момента или промежутка, а также сквозь призму различных арен, на которые проецируется и осуществляется власть. Взятые вместе, они демонстрируют трудности и даже опасности обобщений при изучении революционного времени.

Существует и другая опасность. Она заключается в том, что каждый доклад (который и есть «нарратив») отражает смысл, логику той ситуации, которую он описывает и анализирует. Невольно сюжет диктует заключения, и так иногда получается некий детерминизм.

Шишкин и Тарасов преимущественно исследуют период с февраля по октябрь, когда быстро менялся язык политики, и когда происходила мобилизация социальных групп в политическое действие. Исследование Шишкина всё же допускает некоторые обобщения, так как оно посвящено раннему этапу революции (март месяц), когда власть, видимо, мирно и упорядоченно была перенята Временным правительством в Петрограде. Более того, автор отмечает, что из-за демографических и социальных особенностей Сибири известия о перевороте и следующие за ними претензии на местную власть исходили от относительно узкой и однородной группы образованных людей: городского среднего класса, общественных деятелей и политических ссыльных.

Сформированные ими «комитеты общественной безопасности» представляли собой коалиции либералов и социалистов — на два месяца раньше коалиционного правительства в Петрограде. Кстати, некоторые социалисты создали также местные советы, однако эти советы, а также конфликты, возникающие между двумя формами общественной самоорганизации, остались за пределами рассмотрения автора.

Исследование фокусируется на том, как быстро общественные комитеты заявили о претензиях на государственную власть и как расширилась география их власти и сфера ответственности. Шишкин описывает, как «сознание» местных общественных активистов, т. е. понимание ими своей роли в ситуации революции, формировалось по ходу событий и сводилось к принципиальной позиции о том,

что «решение всех местных вопросов... [является] прерогативой провинциальной элиты». Другими словами, общественные организации претендовали на «демократическое право» определить, кто должен обладать государственной властью на местном уровне.

Другое понимание демократических прав находится в центре исследования Тарасова о «выборности офицерства» в воинских частях, размещенных в Петрограде. Выборность в данном случае оценивается и как концепция, и как практика. И то, и другое свидетельствует, что понимание «демократии», «справедливости» и «легитимности» было весьма неоднородным и нестабильным.

С одной стороны, развитие выборности было характерно для общества, подвергающегося радикальному смещению социальных иерархий. Это заметно в растущем предпочтении солдатами непрофессиональных «произведенных офицеров» и в их недоверии комитетам, ими избранным, но состоящим по большей части из так называемой «солдатской интеллигенции».

Вместе с тем солдаты придерживались своеобразных представлений о принципах демократии и справедливости. Когда их понимание революционных событий сталкивалось с позицией избранных ими комитетов, солдаты склонялись к прямой демократии общеполковых собраний. Автор показывает, как после октября большевики воспользовались такими склонностями солдат, чтобы обеспечить легитимность назначенных комиссаров, а также переизбрать комитеты, заменив меньшевиков и эсеров на радикально настроенных солдат.

Резюмируя, автор приводит следующее соображение: «В период революции власть могла основываться только на прямом участии масс в принятии решений. Ни назначение, ни представительное народовластие не отвечали взглядам солдат на “справедливую” форму демократии».

И всё же в докладе описываются примеры, когда умеренным членам комитетов удавалось сохранить свой авторитет и не передавать важные политические и военные решения на обсуждение солдат. Как объяснить такие случаи? Что позволило этим комитетам устоять перед радикализацией солдатских масс с их общим предпочтением прямой демократии? Личные качества руководства комитетов? Особенности военного подразделения? Или что-то другое?

Между заключительной частью доклада Тарасова и докладом Рабиновича о «большевиках и кризисах в Петрограде в годы Гражданской войны» есть как минимум две общие черты. Помимо единства темы революции и войны, эти две работы связывает интерес к действиям большевиков, стремившихся ограничить, обратить или подавить те самые практики, которые они инициировали или поддерживали на более ранних стадиях революции.

В последней части своей работы Тарасов описывает ситуацию после Октября, когда каждое решение относительно военных вопросов должно было утверждаться тремя источниками власти: выборным офицерством, комитетами и комиссарами. Эта дискуссия, мне кажется, приводит к заключению, что ликвидация солдатских комитетов и всех прочих форм армейской демократии в марте 1918 г. была неизбежной. Интересно будет услышать, как отреагирует Тарасов на эту трактовку.

Для Рабиновича такая ликвидация вызывает фундаментальный вопрос: при каких условиях и ограничениях большевики развернули вспять свои лозунги и требования демократизации? Автор исходит из предположения (которое уже представлено в его предшествующих работах) о том, что действия и политика большевиков

во время Гражданской войны не были продиктованы заранее намеченным планом, а развивались в ответ на конкретные ситуации.

Одной из таких ситуаций являлась забастовка на Путиловском и других заводах в марте 1919 г., вызванная нехваткой продовольствия, но также отражающая острое недовольство политикой большевиков. Автор показывает степень угрозы со стороны этих забастовок, а также решительные, даже brutальные действия, предпринятые большевиками в ответ на нее.

Еще один момент был связан с серьезной военной опасностью в октябре 1919 г., а именно с продвижением Северной армии Юденича на Петроград. Хотя ее игнорировали и петроградские большевики, и партийное руководство в Москве до тех пор, пока не стало почти совсем поздно, эта опасность была в итоге устранена в основном благодаря ответу «центра», т. е. принявшему командование обороной Петрограда Троцкому, а также благодаря участию отборных войск Красной Армии и ВЧК, отправленных в Петроград с других фронтов.

Третий момент в докладе Рабиновича — попытки петроградских большевиков построить эффективную городскую и региональную организацию в 1919 г. Он рисует тревожную ситуацию: простаивающие из-за нехватки топлива заводы; мобилизация рабочих, партийцев и профсоюзников на Южный фронт и для выполнения других задач; бюрократизм и коррупция среди тех, кто остался на месте. Успехов было мало. Возможным достижением являлось то внимание, которое было уделено регистрации женщин в качестве членов партии. Но, как показывает автор, самый серьезный удар по петроградским большевикам был нанесен извне: решение ликвидировать Северную Коммуну (Северную Область) и подчинить регионы непосредственно центру. Здесь вызывает удивление отсутствие сведений об оппозиции со стороны петроградских большевиков. Возникают вопросы: неужели не было несогласных в Петербургском комитете большевиков на совещаниях в марте 1919 г., в разгар Путиловской забастовки? Разве не было противодействия объявлению ликвидации области на Съезде советов Северной Области в феврале этого года? И если такие голоса звучали, то что представлялось в качестве альтернативы? В общем, существовали ли такие альтернативы, или же все меры, принятые большевиками, надо считать неизбежными?

Переходя к докладу Посадского о народных элитах Гражданской войны, я должна признать, что мне мало известно о явлениях, которые он анализирует, и о его подходе, который мне представляется близким к исторической социологии.

Исследование автора представляет собой исключение на нашей сессии. Люди, которых он изучает, «народные вожаки», по-видимому, действовали вне существующих властных структур. Вернее, они в общем действовали против таких структур. И хотя они часто появлялись в конкретном социальном, демографическом, географическом или национальном контексте, их влияние исходило от них самих и от лояльности со стороны вооруженных людей. Такая лояльность не требовала формального одобрения сверху или подтверждения посредством выборов или аккламации.

Более того, власть «вожаков» не была в строгом смысле основана на политике. Как напоминает нам автор, некоторые наиболее известные вожаки попеременно сражались то за большевистскую власть, то против нее. Интерес автора заключается не столько в их политической позиции, сколько в «типологии» контекстов, в рамках которых они действовали. Для меня недостающим в этом коротком обзор-

ре «народных элит» является собственно контекст Красной Армии. Я полагаю, что «вожаки», вышедшие из рядов Красной Армии, имели гораздо больше возможностей стать частью новой «элиты» в рамках нового большевистского порядка.

Мне бы хотелось завершить свой отзыв следующим наблюдением: взятые вместе, четыре доклада являются весомым подтверждением тезиса об ограниченности и непредсказуемости власти в революционные времена. Власть никогда не бывает полностью независимой от социального, экономического и культурного контекста, она никогда не бывает «самодержавной». Но, как показано в этих докладах, война и последовавшая за ней революция подтолкнули как минимум три процесса (или явления), которые, вместе взятые, способствовали разрушающей фрагментации государственной власти: во-первых, растущая неспособность центральной государственной власти справляться с экономическими, военными и административными вызовами; во-вторых, вхождение новых социальных групп на политическую арену; и, в-третьих, распространение языка «демократии» и «справедливости», которые понимались разными группами по-разному.

Большевики, которые ранее настаивали на радикальной интерпретации «демократизации» на петроградских заводах и в воинских частях, видимо, не могли смириться с ограниченностью, во всяком случае, не в той критической экономической и военной ситуации, что сложилась. Установление контроля посредством укрепления дисциплины рабочих и солдат, как и установление верховенства центра над областями, послужило лишь началом длительного процесса консолидации власти, столь фрагментированной революцией.

Владимир Валерьянович Калашников

Историографическая ситуация: три направления

Вначале несколько слов об общей ситуации в новейшей отечественной историографии Русской революции 1917 г. Достаточно условно в ней можно выделить три основных направления.

Первое направление составляют те историки, которые явно или неявно развивают советскую историографическую традицию, внося в нее разные по масштабам изменения. Их объединяет позитивная оценка Октябрьской революции как исторически необходимого события, которое обеспечило ускоренное развитие России и позволило ликвидировать опасное отставание от Запада в эпоху империализма, в эпоху борьбы великих держав за передел мира. Признание исторической *необходимости* Октября отнюдь не трактуется как равнозначное признанию *неизбежности* победы большевиков в ходе Русской революции. Отметим, что и в советской историографии тезис о неизбежности никогда не доминировал, но напрямую редко оспаривался¹.

Второе направление представлено историками либеральных взглядов. Для них характерно позитивное отношение к Февральской революции. К Октябрьской революции отношение негативно, поскольку она закрыла путь либерально-демократического развития России, который признается оптимальным.

¹ См. об этом подробнее: *Калашников В.В.* Об альтернативах в развитии Русской революции 1917 года (историографические заметки) // *Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии.* СПб., 2013. С. 59–75.

Третье направление составляют историки, которых можно назвать представителями православно-монархического направления, или «почвенниками», «традиционалистами». Их отличает позитивное отношение к известной триаде «православие, самодержавие и народность». В ней они видят своего рода «генетический код» русской цивилизации. Для историков третьего направления Февраль был такой же «катастрофой», как и Октябрь, ибо именно Февраль прервал «блестящий» ход российской истории в рамках традиционных ценностей и форм государственной жизни, а затем открыл путь к Октябрю. Обе революции рассматриваются как два варианта верхушечного переворота. Русская революция в целом оценивается как исторически ненужное явление, вызванное случайными факторами. Главная вина возлагается на либералов, которые восприняли «ложные» идеи западного либерализма и в условиях тяжелой войны положили начало революции, организовав заговор против царя — хранителя традиционных ценностей.

Каков удельный вес каждого из выделенных направлений в новейшей историографии? Ответить на этот вопрос трудно, потому что большинство исследователей Русской революции принципиально избегают общих оценок и занимаются изучением частных вопросов. Эта позиция вполне объяснима на фоне острых разногласий, существующих в российском обществе в оценке прошлого и настоящего. В современной России история Русской революции 1917 г. — пока еще не та страница истории, страсти по которой «давно уж откипели».

Рассмотрим доклады, представленные на нашем коллоквиуме в рамках темы «революция и власть», с учетом отмеченных особенностей современной отечественной историографии.

Революция и провинция

Начну с доклада В.И. Шишкина, который показал, что в Сибири:

- февральский переворот сразу встретил активную поддержку населения, проявившуюся в массовых митингах и уничтожении символов прежней власти, включая портреты бывшего царя;
- представители и органы старой власти не только не оказали сопротивления, но и почти сразу пошли на сотрудничество с органами новой власти, способствуя их становлению;
- местная контрэлита в течение недели заменила прежнюю власть «во всех губернских, областных и крупнейших уездных центрах Сибири»: в главных городах новые органы власти были созданы уже 2 марта, т. е. в течение первого дня после получения известий о событиях в столице;
- новая власть представляла собой коалицию либералов и социалистов, в которой в большинстве случаев «задавали тон» умеренные социалисты;
- новая власть делала ставку на Учредительное собрание как хозяина земли русской, что с учетом роли социалистов говорило о стремлении покончить с монархией и установить республиканский строй;
- новая власть действовала самостоятельно, ограничивая вмешательство Временного правительства, но признавая авторитет центральной власти.

Что из этого следует? На наш взгляд, такая реакция Сибири показывает высокую степень *готовности провинции к антимонархической демократической ре-*

волюции, и тем самым демонстрирует слабость точки зрения тех историков, которые трактуют историю Февраля как верхушечный переворот. Верхушечный переворот можно совершить в столице, но нельзя совершить в стране в целом. Быструю смену власти в Сибири нельзя объяснить только традиционной для России готовностью провинции послушно следовать за столицей. Эта традиция явно не была решающим фактором. В противном случае для старой элиты и для контрэлиты была бы характерна выжидательная позиция. Быстрая смена власти и высокая степень самостоятельности, продемонстрированная новой местной властью, противоречат тезису о «послушной провинции». Так произошло потому, что к 1917 г. в стране в целом произошли серьезные изменения в отношении провинции к центру. Рост уровня образования и развитие разного рода массовых организаций (профсоюзы, кооперативы, просветительские общества и др.), которые наблюдались в довоенный период и усилились в годы Мировой войны, повысили самостоятельность и самооценку жителей провинции. Люди хотели влиять на положение дел в стране, а не быть пассивным объектом политики столичных властей, и они имели уже опыт и организационные формы для оказания такого влияния.

По сути, В.И. Шишкин своим докладом ставит в повестку дня *крупную исследовательскую задачу*: сравнить ситуацию первых дней революции в разных регионах России, выявить превалирующую модель, а также региональные особенности в поведении населения, элиты и контрэлиты. Если говорить о Сибири, то несомненной особенностью, отмеченной автором, является высокая роль политических ссыльных, а также отсутствие земства, что не позволило Временному правительству создать новые органы власти в Сибири на базе земств.

Однако и до решения этой задачи можно сделать следующий вывод: приведенный материал и выводы В.И. Шишкина вносят существенный вклад в понимание того, почему ни в одном из провинциальных регионов России не было даже попытки организовать некую монархическую Вандею. Этот факт уже сам по себе свидетельствует о том, что самодержавная власть в стране отжила свой век.

Хочу отметить, что доклад А. Дикинса о ситуации в Красноярске подтверждает выводы профессора В.И. Шишкина. А. Дикинс также показал, что смена власти в Красноярске прошла быстро, и подчеркнул готовность к такому повороту событий со стороны местных формально неполитических организаций. Это стало возможным во многом потому, что после поражения первой русской революции социалисты в провинции переключились на работу в легальных организациях и к 1917 г. стали частью местной контрэлиты, которая и пришла к власти сразу по получении известий о перевороте в Петербурге. А. Дикинс привел точку зрения ряда социологов, которые на основании анализа современных примеров свержения репрессивных режимов утверждают, что «эффективные революционные действия, как правило, осуществляются легально созданными группами, которые организованы и тесно интегрированы в социальную жизнь, а не группами, которые находятся в изоляции». В этой связи позволю себе сформулировать для обсуждения такой тезис применительно к конкретной ситуации в России: легальная работа социалистов в условиях Мировой войны стала более эффективным инструментом подготовки революции, чем нелегальная.

Раскол элиты: причины и следствия

Профессор В.И. Шишкин, выводя в своем анализе тему «Революция и власть» на общероссийский уровень, отмечает растущую популярность тезиса, согласно которому *раскол элиты (высшей бюрократии и политической элиты в целом)* являлся *важнейшим* фактором, обусловившим крушение монархии. Как я понял, автор выступает против абсолютизации этого тезиса, называя его дискуссионным и напоминая, что каждая революция происходит под влиянием «совокупности разного рода факторов». Разделяю эту позицию и предлагаю более подробно рассмотреть два вопроса: о причинах раскола элиты и роли этого фактора в истории Февральской революции. Предварительно оговорю, что в данном случае, не вдаваясь в терминологические споры, под элитой понимаю тех, кто занимал важное положение в царской России и в силу этого своего положения принадлежал к некому целому. Иначе нет смысла говорить о расколе элиты, ибо расколоться может только некое целое. Поясно примером: лидер большевиков Ленин не принадлежал к политической элите Российской империи (его можно считать представителем контрэлиты), а лидеры Прогрессивного блока к ней принадлежали, и их оппозиция правительству — свидетельство раскола элиты, а оппозиция Ленина таким свидетельством не является¹.

Первый вопрос: о причинах раскола элиты. В силу отмеченных особенностей развития отечественной историографии считаю важным подчеркнуть, что раскол элиты накануне и в ходе Февральской революции — это не субъективная измена одной части элиты государю, обусловленная борьбой за власть разных группировок, а *отражение системного кризиса* старого строя, который стал причиной и раскола элиты, и революции.

Кто виноват в этом кризисе и революционном взрыве как его итоге?

Во всех известных революциях, как правило, виновата власть. В России с ее очень терпеливым народом это правило не знает исключений. И 1905 г., и Февраль 1917 г. были прямым следствием упрямого сопротивления власти назревшим реформам и, более того, прямым следствием ее преступных действий — двух «Кровавых воскресений». В условиях самодержавной России в Февральской революции 1917 г. была виновата не просто некая абстрактная «власть», т. е. некий правящий слой царской России, а виноват один человек — самодержец. Иными словами, роль субъективного фактора в данном случае выступает на первый план в своем самом радикальном варианте. Николай II не учел уроков 1905 г. и в последние десять лет правления совершил три ошибки:

- 1) создал третьеиюньский политический режим, лишив общество реального участия во власти, и стремился сохранить этот режим в условиях очевидного кризиса доверия к власти на рубеже 1917 г., когда даже великие князья умоляли его создать «правительство доверия»;
- 2) выбрал тот вариант аграрной реформы, который подготовил крестьянскую революцию; в результате столыпинских реформ, в ходе которых зажиточ-

¹ Признаю правомерность других подходов к определению понятия «элиты». В неграмотной России вполне можно относить к элите всю интеллигенцию, а к политической элите — всю ее активную часть. Тогда и Ленин, и Милюков, и Столыпин в равной мере относятся к политической элите империи, но понятие «раскол элиты» становится расплывчатым, а сам раскол — перманентным, ибо В.И. Ленин и значительная часть интеллигенции никогда не принимали существующий строй.

ные крестьяне выводили из общины лучшую землю, большинство крестьян еще больше прониклись убеждением в необходимости уничтожения частной собственности на землю; свое убеждение крестьяне выразили сразу после падения самодержавия в наказах, привезенных на I Съезд крестьянских депутатов; эти наказы предопределили судьбу Русской революции;

- 3) втянул страну в мировую войну, которая требовала беспрецедентных жертв, в то время как ее цели были непонятны народу и не отвечали национальным интересам России.

«Гремучая смесь» из трех ошибок породила и системный кризис, и раскол элиты, и итог — Февральскую революцию, мгновенно победившую во всей стране. Царь — главный автор и виновник революции.

Важно отметить, что все три вышеупомянутых ошибочных решения имели реальные альтернативы, которые предлагались царю представителями высшей бюрократии. В их числе можно назвать премьеров С.Ю. Витте, В.Н. Коковцова и даже П.А. Столыпина, если иметь в виду роковое решение начать войну с Германией. Все три самых крупных премьера последних мирных лет империи выступали против военных авантюр.

В этой связи сформулирую еще один тезис для размышлений и обсуждения: война с Германией закрыла путь мирной модернизации России, а союз с Германией, напротив, обеспечивал такую возможность. Условно этот тезис можно обозначить как «тезис Дурново», памятуя о знаменитом письме, которое бывший министр внутренних дел эпохи Первой революции, сенатор П.Н. Дурново направил царю вскоре после отставки премьера В.Н. Коковцова в январе 1914 г. Накануне отставки премьер на Особом совещании министров высказался «в смысле крайней нежелательности вовлечения России в европейское столкновение», считая «в настоящее время войну величайшим бедствием для России»¹. Позицию премьера разделяли далеко не все министры. Сенатор П.Н. Дурново, один из умнейших монархистов, воспринял отставку Коковцова как поражение курса на уклонение от войны с Германией. Именно поэтому он отреагировал письмом, в котором объяснял царю, почему России нельзя воевать с Германией: во-первых, это не в ее интересах, а во-вторых — крайне опасно. Война приведет к глубокой социальной революции, которая сметет династию и весь старый строй².

Так и случилось. Россия впервые за свою историю потеряла в ходе войны около 2 млн убитыми, 3 млн пленными, 5 млн тяжелоранеными. На фоне ранее невиданных военных потерь и тягот все политические, социальные и экономические проблемы обострились и вызвали глубокий раскол элиты. Наиболее ярко раскол был представлен формированием и деятельностью Прогрессивного блока в Государственной Думе, объединившего думских либералов и даже часть правых. С 1 ноября 1916 г. лидеры блока, реагируя на растущее недовольство масс, начали жесткую критику правительства, которая задевала и царя, и царицу. Позиция думских либералов находила сочувствие во всех слоях российского общества, включая офицерский корпус и чиновников госаппарата.

Второй вопрос: какова роль раскола элиты как фактора революции? Чтобы ответить на этот вопрос, на мой взгляд, надо посмотреть на историю Февраля как на *последовательность* трех фаз.

¹ Сборник документов по истории СССР. М., 1977. С. 176–181.

² Дурново П. Записка Дурново // Красная новь. 1922. № 6. С. 189, 195–196.

Первая фаза: стихийные и мирные демонстрации рабочих столицы. Это был протест против тягот войны, что и выразили лозунги «Хлеба» и «Мира».

Вторая фаза: стихийное вооруженное восстание солдат петроградского гарнизона. Это протест против стрельбы по демонстрантам, спровоцированной приказом царя, протест против преступных действий власти. Именно вооруженное восстание солдат превратило мирные демонстрации рабочих в революцию: в открытую борьбу за свержение прежней власти.

Третья фаза: согласие лидеров Думы возглавить начавшуюся революцию. Позиция Думы обеспечила поддержку со стороны армии и провинции и быструю победу над самодержавной властью.

Таким образом, на третьей фазе революции раскол элиты действительно сыграл важнейшую роль. Но третья фаза была совокупным результатом первой и второй. А какова была роль оппозиционной элиты в событиях первой и второй фазы революции? Критика, которой до революции лидеры Прогрессивного блока подвергали правительство, способствовала радикализации широких масс. Однако рабочее движение в России весь период своей истории развивалось самостоятельно. Октябристы и кадеты в глазах рабочих были буржуазными партиями, а, следовательно, враждебной силой. Именно поэтому рабочие на всех думских выборах голосовали за социалистов, а не за либералов. Попытки либералов в годы войны установить контроль над рабочим движением через «Рабочую группу» при Военно-промышленном комитете не имели успеха. «Рабочие группы» были созданы реально лишь в Петербурге, Москве и Киеве. В остальных городах попытка их создать провалилась. К.А. Гвоздеву и его товарищам приходилось постоянно подчеркивать перед рабочими свою независимость от буржуазных деятелей. В феврале 1917 г. забастовки и демонстрации рабочих начались не по призыву либералов, а вопреки их стремлению успокоить рабочих, с тем чтобы не дать царю повода распустить Думу (февральское воззвание П.Н. Милокова к рабочим).

Стихийное восстание солдат еще в меньшей степени может быть объяснено влиянием либеральной оппозиции. Восстание было вызвано одним всепоглощающим фактором: пролитой кровью мирных демонстрантов.

Таким образом, роль либералов в *иницировании* первой и второй фаз революции была второстепенной, опосредованной. И такая роль не была случайной. Вся деятельность Прогрессивного блока была направлена на то, чтобы упредить назревавшую революцию умеренными реформами. Считаю искренней и показательной позицию председателя Государственной Думы М.В. Родзянко, выраженную днем 27 февраля при принятии им важнейшего решения возглавить Временный думский комитет¹. По свидетельству правого депутата, монархиста В.В. Шульгина М.В. Родзянко сказал: «Я не бунтовщик, никакой революции не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались»².

Либералы не виноваты и в *углублении* революции. Сразу после начала массовых демонстраций М.В. Родзянко просил царя создать правительство доверия, т. е. то же самое, о чем он просил с момента создания Прогрессивного блока, с лета 1915 г. Царь ответил стрельбой по демонстрантам. Пролитая кровь и ответное солдатское восстание изменили обстановку: теперь минимум, что могли тре-

¹ Это решение превращало Думу в штаб революции. См.: *Николаев А.Б.* Государственная Дума и Февральская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года // *Февральская революция.* СПб., 2014. С. 233–338.

² *Шульгин В.* Годы. Дни. 1920 год. М., 1990. С. 457.

бовать думские лидеры, это отречение Николая II в пользу сына. Требование передачи трона было направлено на то, чтобы быстро закончить революцию ярким победным актом — отречением Николая II как виновника всех бед — и перейти к этапу сотрудничества Думы с новым малолетним монархом и уступчивым регентом в лице великого князя Михаила. Так что М.В. Родзянко стремился не углубить, а остановить революцию, когда в телеграфном разговоре с генералом Н.В. Рузским в ночь на 2 марта отклонил как запоздалый проект манифеста о даровании «ответственного министерства» и настаивал на отречении Николая II.

Кто сорвал план Родзянко? Его сорвали социалисты, опиравшиеся на поддержку рабочего класса и солдат Петрограда, которые выступали за республику. Здесь уместно напомнить известный эпизод, когда утром 3 марта вернувшийся из Пскова с манифестом об отречении А.И. Гучков, выступая перед рабочими железнодорожных мастерских Варшавского вокзала, предложил здравицу в честь нового царя Михаила: рабочие чуть не разорвали его за известие о том, что вместо одного царя будет другой. Великий князь Михаил трезво оценил ситуацию и отказался от предложенного ему трона. Иными словами, в падении монархии главную роль сыграли не либералы, а рабочие и солдаты Петроградского гарнизона, позицию которых выражал Петросовет. И это тоже надо учесть, определяя роль либеральной оппозиции в третьей фазе революции.

Однако позиция Петрограда не была решающей: решающей была реакция на события в столице со стороны действующей армии. Историки монархического направления представляют эту реакцию с акцентом на тезис о заговоре и измене генералов. Анализ конкретных событий показывает, что измены не было: ни один из высших военачальников не выступил против царя и не занимался саботажем его приказов. В строгом соответствии с уставом военачальники позволяли себе лишь изложить царю свое мнение о ситуации, оставляя за ним принятие решений. При этом позиция генералов, так же как и позиция думских либералов, менялась под влиянием *изменения ситуации в стране и поведения своих солдат*. Уже 28 февраля Н.В. Рузский и А.А. Брусиллов — двое из пяти главнокомандующих фронтами — поддержали перед царем просьбу М.В. Родзянко об образовании «правительства доверия», видя в этом способ остановить революцию, а следовательно, иметь возможность решить главную задачу — продолжить войну. Однако после решения царя послать надежные войска в Петроград для подавления восстания Ставка и главнокомандующие фронтами сделали все необходимые распоряжения. Утром 1 марта переброска эшелонов на Петроград шла по графику. И в этой ситуации никто из командующих не ответил на телеграмму М.В. Родзянко о переходе «правительственной власти» в руки Временного думского комитета ввиду самоустранения старого правительства¹. Напротив, около 11 часов генерал-адъютант М.В. Алексеев, начштаба Верховного главнокомандующего, подписал, а затем отправил из Ставки телеграмму, адресованную М.В. Родзянко, в которой говорилось, что «высшие военные чины и армия в массе *свято исполняют долг перед царем и родиной согласно присяге*». Генерал потребовал от М.В. Родзянко «оградить армию от вмешательства <...> недопустимого по нашей военной организации и принесенной присяге», прямо указав на «ваши телеграммы ко мне и к главнокомандующим»². Более того, М.В. Алексеев направил телеграмму

¹ Красный Архив. 1927. Т. 2 (21). С. 36.

² Там же. С. 44.

царю, в которой предлагал ему сделать выбор: «Если Ваше Величество считает невозможным идти путем уступок Думе, то необходимо установление военной диктатуры и подавление силой революционного движения»¹.

Однако во второй половине дня Ставка получила известия о победе революции в Москве и переходе Балтфлота на сторону Думы. Генералу М.В. Алексееву стало ясно, что «беспорядки» в двух столицах и на Балтфлоте нельзя будет подавить без серьезного кровопролития, без гражданской войны. А поступающая информация о братании посланных с фронта солдат с местными гарнизонами, вставшими на сторону революции, и о случаях расправы с контрреволюционным офицерством убедили генералов в том, что у сторонников монархии нет сил для ведения гражданской войны. В результате в 3 часа дня 1 марта генерал М.В. Алексеев просит царя дать «правительство доверия», а ночью уже просит согласия на «ответственное министерство», т. е. правительство, ответственное перед Думой². Царь дал такое согласие, также понимая слабость своих позиций.

Но эти уступки уже запоздали. Утром 2 марта военачальники, столкнувшись с требованиями столицы об отречении Николая II, поддержали эти требования в форме, которая оставляла за царем принятие окончательного решения: они не отказались выполнять приказы верховного главнокомандующего и не останавливали движение эшелонов на Петроград. Царь сам отменил приказы о переброске войск, не решившись начать гражданскую войну. Таким образом, позицию военачальников в критический момент уже начавшейся революции и перед лицом реальной угрозы гражданской войны, которая неизбежно вела к поражению России на внешнем фронте, следует оценить как разумную и патриотичную. Понимая победу в войне как высший приоритет, они видели в отречении царя необходимый шаг, чтобы закончить революцию. Отметим, что реального выбора у них не было: попытка начать гражданскую войну в ситуации 3 марта привела бы царя, царскую семью и военачальников к быстрому и роковому концу. События 2–3 марта в Кронштадте и Гельсингфорсе (убийство матросами командующего Балтфлотом адмирала А.И. Непенина и около 90 морских офицеров) позволяли легко представить этот конец.

Из сказанного можно сделать два вывода:

1. До начала революции раскол элиты не носил рокового характера: он не закрывал для царя свободы маневра. Царь мог резко снизить опасность революции буквально в последние дни перед ее началом своим согласием на правительство доверия, которое переносило всю ответственность за положение дел в стране на думских лидеров. Роковым раскол стал уже в условиях революции, начавшейся снизу: практически вся элита империи не поддерживала монарха потому, что считала его курс обреченным на поражение.
2. В общем контексте революции раскол элиты не может быть принят как ее *важнейший* фактор. Это один из факторов, который формировался под воздействием других и взаимодействовал с ними в рамках динамичной системы. Однако в одном аспекте его решающая роль несомненна: решение Думы возглавить революцию привело к быстрой и бескровной победе над самодержавием.

¹ Дегтярев А. Я. Генерал Алексеев: трагедия без триумфа // Наше Наследие. 2014. № 110.

² Красный Архив. 1927. Т. 2 (21). С. 40, 53–54.

Фундаментальная причина

В докладе К.А. Тарасова проблема «власть и революция» рассмотрена сквозь призму деятельности солдатских комитетов, командиров и комиссаров в частях Петроградского гарнизона. Автор показал, что в разных частях ситуация была очень разной и менялась в зависимости от общей обстановки. В то же время материал доклада высвечивает ряд общих черт и вопросов революции.

Прежде всего, обратим внимание на ту легкость, с которой офицеры гарнизона в марте 1917 г. буквально за один-два дня потеряли власть над своими солдатами. Почему так произошло? Ответ очевиден: власть офицеров рассматривалась солдатами как чужая, нелюбимая, и держалась только на страхе перед репрессиями. Здесь мы напрямую сталкиваемся с одной из фундаментальных социально-психологических причин Русской революции. Она состоит в том, что многовековой раскол между верхами и низами перешел после 1905 г. в новую стадию: *осознания* последними униженности своего положения и нежелания оставаться в таком статусе. В армии разрыв между верхами и низами был особенно очевиден, и прежде всего — в тыловых гарнизонах, где солдату каждый час давали чувствовать его униженное неравноправное положение. Неудивительно, что бунт солдат в тыловых гарнизонах сразу начался с расправ над теми, кто их унижал. В зоне боевых действий эта проблема не была столь острой: в окопах офицеру было опасно обижать солдата, ибо в любой атаке можно было получить пулю в спину. В тылу такой опасности не было, поэтому немало офицеров заслужили ненависть солдат и стали объектами расправы в дни Февраля.

Автор отмечает, что солдаты сразу выдвинули целый ряд требований по демократизации армии (выборности офицеров, отмены чинов и знаков различия и т. п.). И новая власть не могла их не учитывать. Эта ситуация также отражает одну из важнейших общих особенностей революции: не вожди из числа интеллигентов формировали программу революции, а массы выбирали и поддерживали тех вождей, которые выражали их интересы и принимали их требования.

Отмечаю и разделяю общий вывод К.А. Тарасова: в условиях войны, в условиях массового вооружения народа только та власть могла рассчитывать на длительное существование, которая отвечала интересам солдат.

«Народные вожаки» в период Гражданской войны

Профессор А.В. Посадский рассматривает проблему власти и революции на материалах периода Гражданской войны. В докладе изложены предварительные результаты выполнения исследовательского проекта, направленного на сбор биографического материала и изучение феномена «народных вожakov различной политической ориентации, а также лидеров, не имевших отрефлексированной позиции». Участниками проекта накоплен и частично обобщен большой фактический материал. Теперь, как справедливо отмечает автор, встает «методологическая задача оценки лидерства, разработки методики учета лидеров». Без ее решения накопленный материал будет в основном носить иллюстративный характер.

На наш взгляд, первым шагом в решении этой задачи должно стать более точное определение понятия «народные вожаки». В докладе А.В. Посадский так

определяет это понятие: это «люди, которые в условиях крушения властных иерархий и прежней системы ценностей оказались способны *возглавить, «оседлать» пореволюционные массы*. Данный процесс происходил в разных режимах, под разными знаменами, в различных масштабах. Но именно способность лидерства в условиях силового противостояния <...> объединяет этих людей».

По моему мнению, это определение носит слишком общий характер и выделяет лишь один критерий — способность к лидерству, намеренно игнорируя «режимы», «знамена» и «масштабы». При таком подходе феномен «народного вожака» растворяется в массе очень разных руководителей периода Гражданской войны. Опираясь на материалы доклада А.В. Посадского и сделанные им наблюдения, я предлагаю более узкое понимание этого феномена, которое точнее соответствует удачно найденному термину «народный вожак». Русский язык способен передать тонкие нюансы, определяющую специфику разных категорий руководителей масс. И поэтому семантический потенциал самого термина «народный вожак» следует использовать по максимуму, но не выходить за его пределы¹.

Предлагаю в основу определения положить тезис о том, что «народный вожак» — это *выходец из народной среды*, поскольку в эпоху революции возглавить и «оседлать» массы могли отнюдь не только выходцы из народной среды. Таким умением обладали Л.Д. Троцкий, А.Ф. Керенский и многие другие яркие политические вожди из числа интеллигентов, которые своим ораторским искусством вели за собой многотысячные аудитории. Однако вряд ли уместно называть Л.Д. Троцкого или А.Ф. Керенского «народными вожаками». Для них более подходят термины «вождь», «лидер», которые не привязаны к социальным корням, но подчеркивают масштаб их деятельности. Иными словами, *первый критерий* «народного вожака» — *социальный* (происхождение и положение).

Второй критерий — *идеологический*. «Народный вожак» может быть действительно народным только тогда, когда отражает идеологию и интересы выдвинувшего его народа. Представляется важным вывод автора о том, что крестьянские вожаки, как правило, выражали свою приверженность принципам социальной справедливости, были носителями стихийно-социалистического сознания в разных его формах. В докладе отмечается, что эта идеологическая позиция отнюдь не была равнозначна поддержке большевиков на всех этапах Гражданской войны. Очень многие «народные вожаки» выступали против продовольственной политики большевиков (продразверстка, монополия на торговлю хлебом и др.), но при этом не считали свою позицию антисоветской, антисоциалистической. Аналогичный вывод сделал и В.В. Кондрашин, изучив антибольшевистское крестьянское повстанческое движение. По его мнению, программа крестьянства заключалась в стремлении «создать свою *народную власть*, чтобы защитить свое право на свободную хозяйственную деятельность, завоеванное в ходе *общинной революции* 1917 г., от чрезмерных посягательств на него большевистской власти»².

Ясно, что идеологический критерий нуждается в серьезной методологической разработке. Особенно по отношению к казачеству. А.В. Посадский справедливо

¹ Термин «народные элиты» считаю неудачным, поскольку семантически «элита» и «народ» — антиподы.

² Кондрашин В.В. Лозунги и программа крестьянского повстанческого движения в годы Гражданской войны // Крестьянский фронт 1918–1922 гг.: Сб. статей и мат-лов. М., 2013. С. 87.

показывает, что привилегированное сословное положение часто спланивало бедных и богатых казаков перед лицом иногородних крестьян. И в этой связи стоит вопрос, как быть с казачьими вожаками, выдвинутыми из низов, но защищавшими казачьи привилегии перед лицом крестьян? Можно ли их называть «народными вожаками»? Можно ли, например, считать таким А.Г. Шкуро? Он происходил из семьи простого казака, дослужившегося до чина полковника, к 1917 г. был подполковником, в 1918 г. создал партизанский отряд, влился в армию Деникина и получил чин генерал-лейтенанта. Считал себя защитником казачьего строя. На мой взгляд, Шкуро по своей идеологии «народным вожаком» не был. Не были ими атаман А.И. Дутов и многие другие атаманы, воевавшие за белых, поскольку победа Белого движения была несовместима с народной властью, как ее понимали крестьяне. А красный казак Ф.К. Миронов, убитый по приказу Л.Д. Троцкого, «народным вожаком» был, поскольку, хотя и выступал против политики «расказачивания», ставил принципы социальной справедливости выше казачьих привилегий.

В качестве *третьего критерия* я бы выделил *территориальный*, имея в виду территориальный масштаб деятельности и влияния «народного вожака». Термин «вожак» удачно передает ограниченный потенциал и масштабы деятельности руководителя по сравнению понятием «вождь». Вожаки — это лидеры местного характера: село, уезд, область, губерния. Выход на межрегиональный и тем более на общенациональный уровень превращает «вожака» в «вождя». И, наверное, это уже другой феномен, хотя и связанный с первым. Например, Нестор Махно в разные периоды своей деятельности попадал в эти две разные категории.

Стоит подумать и о *четвертом критерии* — *институциональном*, который раскрывает механизм появления народного вожака — изначально он самовыдвиженец или выдвинутый из низов, т. е. появляется не как назначенец со стороны какой-либо властной структуры. В этой связи был бы интересен анализ изменений в поведении того «народного вожака», который меняет свой институциональный статус и превращается, например, в командира Красной армии. Когда и при каких условиях этот командир перестает быть «народным вожаком»?

На мой взгляд, использование этих критериев (социальный, идеологический, территориальный, институциональный) позволяют более точно определить границы понятия «народный вожак», а значит, более точно проводить сравнительный анализ, определять общее и особенное в рамках этого феномена, его роль в Гражданской войне, что, конечно же, обогатит наше понимание особенностей этой войны. Разумеется, любую классификацию следует рассматривать только как условную модель, не исключая переходные формы и типы любого явления. Например, сельский интеллигент в первом поколении, который всей своей жизнью связан с деревней, вполне может рассматриваться как народный вожак, если он выполняет роль лидера по отношению к крестьянской среде, которая его выдвинула и считает своим. Иными словами, финальный обобщающий критерий для «народного вожака» — свой для простого народа.

И еще одно замечание. Понять феномен «народного вожака» нельзя без четкого взгляда на природу и характер Гражданской войны в России, без ответа на главный вопрос: почему несмотря ни на что большинство крестьян поддержало большевиков на всех этапах Гражданской войны: на «розовом» («демократическая контрреволюция», Комуч), на «белом» (Колчак, Деникин), на «зеленом» («антоновцы», «махновцы» и др.).

Большевики: стратегия выживания

Косвенный ответ на этот вопрос дает профессор А. Рабинович — один из самых авторитетных американских специалистов по истории Русской революции. Его доклад представляет собой предварительные выводы из готовящейся новой книги, посвященной деятельности партии большевиков в Петрограде в 1919 г. Книга продолжает известный цикл, получивший всеобщее признание¹. Проанализировав ситуацию в Петрограде, автор делает общий вывод о том, что в 1919 г. «требования *выживания* в Гражданской войне побудили Центральный комитет большевиков в Москве потребовать *немедленной всероссийской политической и государственной централизации под своей гегемонией*. Больше не было места для децентрализованной советской власти, как той, что проросла в Петрограде после “Октября” и которая продлилась далеко на протяжении 1918 года». Мне этот вывод представляется правильным и методологически важным.

Доклад порождает два принципиальных вопроса: 1) насколько сами по себе важные события 1919 г. для становления политической системы Советского государства? 2) была ли альтернатива курсу ЦК большевиков на централизацию власти и системы управления государством в условиях 1919 г.?

На мой взгляд, курс на диктатуру большевистской партии и централизацию государственной власти принципиально определился уже летом 1918 г. в результате воздействия трех факторов. Первый имел политический характер и был связан с позицией партии левых эсеров, которые вышли из правительства в знак протеста против подписания Брестского мира, а затем в июле попытались захватить власть. Действия левых эсеров положили конец реальной двухпартийной системе в Советах. Вторым фактором стала Гражданская война и иностранная интервенция, которая и позволила внутренним противникам большевиков развязать масштабную Гражданскую войну. Без иностранной интервенции такая масштабная война была маловероятной. Третий фактор — тяжелейшее экономическое положение, попросту — голод, который был прямым итогом интервенции. Оккупация германскими войсками Украины и части Дона лишила центр России 90 % угля, 70 % металла и почти двух третей товарных запасов хлеба, поступавших с Украины, Дона и Кубани. Восстание Чехословацкого корпуса обусловило потерю хлеба Поволжья и Сибири. Ответом большевиков стали однопартийная диктатура, продовольственная диктатура, создание регулярной армии на основе воинской повинности.

Была ли возможность как-то изменить политику большевиков в условиях 1919 г.? Определенная возможность была, и ее реализация во многом определялась поведением левых эсеров. Они оставались серьезной политической силой и могли влиять на ситуацию в стране. Профессор Рабинович анализирует действия левых эсеров в Петрограде весной 1919 г., и показывает, что они:

- устроили забастовку на 15 заводах, охватившую свыше 35 тыс. человек;
- приняли решение о терроре против лидеров большевиков;
- призвали рабочих и солдат создавать повстанческие отряды.

Отметим, что действия петроградских левых эсеров соответствовали установкам IV Партийного съезда (октябрь 1918 г.), и особенно решениям II Совета партии

¹ Рабинович А. 1) Кровавые дни: Июльское восстание 1917 года в Петрограде. М., 1992; 2) Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989; 3) Большевики у власти: первый год советской эпохи в Петрограде. М., 2008.

(декабрь 1918 г.), где был взят курс на организацию восстаний в деревне и армии, забастовок в городах, упразднение СНК с передачей его функций ВЦИК, ликвидацию ВЧК, роспуск комбедов, отказ от принудительного изъятия хлеба, перевыборов Советов¹. Эта антибольшевистская политика осуществлялась в условиях начавшегося наступления армий А.В. Колчака на Восточном фронте и обострения обстановки вокруг Петрограда, которому грозили удары с запада и севера. Иными словами, весной 1919 г. левые эсеры как партия продолжали совершать ту трагическую ошибку, которая и вела к созданию однопартийной диктатуры большевиков. Они выступили против большевиков в надежде захватить власть в самый тяжелый период Гражданской войны.

Такое поведение левых эсеров весной 1919 г. закрыло возможность восстановления двухпартийной системы в рамках Советской власти. Это стало ясно на тех переговорах, которые лидеры обеих партий провели в сентябре 1919 г. Большевики не поверили в искреннюю готовность ЦК партии левых эсеров пойти на сотрудничество в условиях наступления Деникина на Москву. Основания для недоверия давали и питерские, и московские эсеры. Вопреки линии своего ЦК, выступившего за прекращение вооруженной борьбы против большевиков, московские левые эсеры приняли участие в организации 25 сентября взрыва в здании МК РКП(б) в Леонтьевском переулке, в результате которого были убиты 12 человек, в том числе секретарь МК В.М. Загорский, ранены 55 человек. Теракт организовывался с целью убить В.И. Ленина, который должен был приехать в здание МК.

Важно отметить и еще одно обстоятельство. Программа, предложенная левыми эсерами весной 1919 г., была программой децентрализации системы управления как в экономическом, так и в политическом аспектах. И эта программа не могла решить две главные проблемы момента: накормить города и армию хлебом и остановить продвижение белых на всех фронтах.

Это понимали и большинство питерских рабочих, что и позволило большевикам так легко подавить попытку левых эсеров поднять против них заводы Петрограда. На многих предприятиях забастовки были короткими и прекращались после встречи рабочих с городским руководством. Большинство рабочих ругали большевиков за голод, жесткие методы руководства, но при этом понимали, что выступление против большевиков окончится приходом белых и белым террором. Понимали и то, что левые эсеры в случае прихода к власти хлеба не дадут. Рабочий знал, почему деревня не дает хлеб: без угля, металла и хлопка город не мог предложить деревне продукцию для обмена. Без этого крестьянин не готов был дать даже небольшую часть хлеба в форме государственного налога.

Эта проблема встала во весь рост уже в конце 1917 г. С осени 1917 по осень 1918 г. государство сумело заготовить только около 50 млн пудов зерна, т. е. почти в 7 раз меньше, чем было заготовлено в 1916/1917 хозяйственном году². Крестьянин не давал хлеба, хотя хлеба в деревне было достаточно. Политическая культура крестьян оказалась слишком низкой для того, чтобы подняться до уровня понимания неотложных интересов Советской власти, оказавшейся перед задачей накормить хлебом города и потребляющие губернии в условиях резкого спада промышленного производства. Большевики вынуждены были отбирать хлеб любыми методами,

¹ Пролетарская революция. 1927. № 4. С. 137–138.

² Четыре года продовольственной работы. Статьи и отчетные материалы. М., 1922. С. 18.

что часто порождало эксцессы и вызывало восстания крестьян. Голод и был главным фактором, который породил продразверстку как основной элемент стратегии выживания. В этом и была основная трагедия Гражданской войны.

В конкретных условиях войны принятая большевиками «стратегия выживания», воплощенная в политике «военного коммунизма» не имела реальной альтернативы. Речь могла идти только о более или менее гибких формах ее применения. Но эта возможность зависела от уровня политической культуры всех участников Великой драмы, а она была низкой не только у крестьян.

В настоящее время мало кто из историков отрицает тот факт, что курс на централизацию политической и экономической власти был одной из главных причин победы большевиков в Гражданской войне. Но самая главная причина была всё же другой. Она состояла в том, что большинство крестьян и рабочих в период Гражданской войны все-таки поддержали большевиков, а не их противников, что и обусловило итоги этой войны. Анализ ситуации в Петрограде, проведенный А. Рабиновичем, на мой взгляд, доказывает оба последних тезиса.

Дайана Коенкер

У меня вопрос, касающийся разницы между столицей Петроградом и периферией. Можно ли сказать, что процесс революции в провинции — только эхо Петрограда или у них свои закономерности: практики, понимания власти, о демократической власти, об экономике? Возможно ли реконструировать модель революции без Петрограда?

Вера Каплан

Когда появляется понятие «вождь», как оно связано с понятием «народного вожака», и как они действуют в дискурсе революции?

Владимир Прохорович Булдаков

В последнее время у нас в историографии и не только в историографии особый интерес (помимо власти) вызывают всевозможные элиты. Люди, которые никогда не употребляли этот термин, словно сдвинулись на элитах. Вероятно, это результат политологической деформации нашего общественного сознания. Против термина я, разумеется, ничего не имею. Элита означает отбор, отбор естественный. Это не только отбор в результате медленной селекции — процесс может быть искусственно ускорен. Однако в любом случае элита — это то, что остается в данном качестве на долгое время. Но можно ли применительно к революции говорить об элитах? Троцкий в свое время бросил блестящую фразу: «Революция — это великая пожирательница людей и характеров». Те, кто считает себя элитой, через некоторое время могут уйти в политическое небытие.

Нынешняя суета вокруг элит нашла странноватое отражение в некоторых докладах. К элите (и контрэлите) причислили и представителей старой бюрократии, которые с точки зрения другой элиты (интеллигенции) были марзаматиками и вырожденцами. Наряду с этим к элите приписываются и «народные вожаки», которые, на взгляд интеллигенции, были просто бандитами. Какие-то странные «элиты» мы вытаскиваем из нашего прошлого (про современность я и не говорю). Думаю, с терминологией надо быть поаккуратнее. Представителем элиты или контрэлиты считать, например, графа П.В. Гендрикова? Этот орловский губерна-

тор, человек 33 лет, получив известия о Февральской революции, заявил о готовности возглавить местный «революционный» Комитет общественных организаций. Кто он: элита, контрэлита? И если через некоторое время он был смещен с прежнего поста и ушел в политическое небытие, то что такое то и другое? А большевик Г.И. Петровский, вероятно, очень удивился бы, если бы его назвали представителем элиты, поскольку после Февральских событий он стал комиссаром Временного правительства в Якутске. В.И. Шишкин отметил характерную особенность формирования новых властных структур в Сибири, в результате чего в «элилу» вроде бы невольно вошли бывшие политические ссыльные. Но смогли ли они существовать в этом качестве? Надо учитывать и то, что иные представители новоявленных «элит» оказались просто революционными выскочками, людьми случайными. Таких хватало и в столице, и в провинции. В воспоминаниях К.Г. Паустовского описан характерный случай: заезжий столичный гастролер, человек весьма легкомысленный, возглавил на время местную власть. Хлестаков революционного времени — тоже элита? На мой взгляд, не стоит в революционное время втискивать понравившиеся нам словечки, придавая им статус «понятий». Этим деформируются культурные ландшафты прошлого.

Хотел бы отметить еще один момент. Помимо термина «народный вожак», «народный лидер» можно использовать и более современный термин «полевой командир». Но при предложенном Посадским подходе к «народной элите» придется причислить, в частности, петлюровских и махновских атаманов и «батек», оставивших жуткий кровавый след в истории еврейского населения. Эти вроде бы народные вожаки напоминают скорее «революционных» садистов.

Очень интересно вопрос о выживании большевистской власти поставил А.Е. Рабинович. У нас, к сожалению, даже не задумываются о том, что большевики, придя к власти, сразу же оказались в критической ситуации. Проблема выживания новой власти оказалась за пределами их управленческих способностей и лидерских возможностей. Пролетарское население Петрограда катастрофически таяло. Оставшаяся его часть пребывала в депрессивном состоянии, сказывался фрустрационный момент. В целом наблюдался упадок сил и способностей у всей массы активного населения. Народ почти исчерпал возможность выбора. Социальная среда истощилась настолько, что у большевиков появился неполитический «ресурс» удержания власти. Они на некоторое время оказались «наедине с собой» и своими утопиями, хотя не уставали твердить о враждебном окружении.

Андрей Кушко

Я хотел бы развить вопрос, поставленный профессором Коенкер, о том, как отличалась революция в центре и на периферии. Классические теории революции себя уже давно изжили. Тем не менее они во многом правы, когда говорят о том, что революция являет собой феномен, подобный некой инфекции, которая распространяется сама по себе. В докладе профессора Шишкина мне показалось очень интересным, насколько быстро сибирские контрэлиты взяли на себя власть. Кажется, что они были уже совершенно готовы к этому. С чем это связано? Это долгосрочный феномен или он связан с мировой войной, с тем, что война породила или ускорила консолидацию неких организаций, параллельных государственному аппарату, в деятельность которых эти контрэлиты (или некоторые элементы контрэлит) были вовлечены? Мне кажется, что очень интересна

роль 1914–1918 гг., периода войны, в консолидации этих контрэлит. К тому же отношения «центр–периферия» очень интересны с методологической стороны. На местном уровне некоторые коалиции, которые возникли непосредственно в марте 1917 г., были крайне разнородными. Например, в Бессарабии сложилась очень интересная ситуация, когда комиссарами Временного правительства поочередно были два деятеля либерально-консервативного направления. Один из них был помещиком, другой — земским деятелем, но далеко не радикалом. Отношение Временного правительства к этой периферии было далеко не стабильным на протяжении 1917 г.

Второй момент, который я очень кратко хотел бы затронуть, касается доклада профессора Рабиновича и вопроса о соотношении между прагматизмом и идеологией. Профессор Рабинович ясно дает понять, что большевистский режим во многом установился благодаря своей реактивности, благодаря тому, что он сумел решить насущные проблемы, даже тогда, когда идеология вообще не использовалась в этом дискурсивном плане или была второстепенной. Это мы видим на протяжении всей Гражданской войны. Я бы сказал, что ситуация намного сложнее и противоречивее, потому что революция может восприниматься на двух уровнях. На уровне дискурса верхов, как мы видели на прошлой секции, происходило заимствование западных идеологических и концептуальных элементов (модель Французской революции XVIII в., революций 1848 г.). В то же время уровень повседневного осуществления и выживания власти во многом противоречил этим концептуальным моделям. Власти имели дело с обществом, общественным пространством, которое дезинтегрировалось. Эти два уровня сосуществуют.

Владлен Семенович Измозик

Во-первых, я позволю себе не согласиться с уважаемым В.П. Булдаковым относительно того, что большевики сумели удержать власть в 1919 г. потому, что силы петроградского пролетариата были уже истощены и они не могли выйти на улицу. Но возьмем февраль 1921 г. Казалось бы, силы еще больше истощены, численность пролетариата в Петрограде еще более сократилась, кадры, на которые можно было опереться, отправлены на различные фронты, резко сократился и значительно обновился состав петроградской парторганизации. Тем не менее мы видим мощнейшее выступление в феврале 1921 г. Почему оно закончилось? Конечному, на мой взгляд, в немалой степени положили события в Кронштадте и пропаганда большевиков, сообщавшая о том, что власть в Кронштадте взяли царские офицеры и генералы. Тут сыграл роль глубочайший социокультурный раскол, который существовал в России на протяжении десятков и сотен лет. Это видно даже в языке. Если брать начало XX в., обращение зависело от одежды: сударь/сударыня, или «Пойди-ка, братец, сюда», «Подойди, уважаемый»... Дама садилась в экипаж, баба выскакивала на улицу. Барышня выходила из дома, девка бежала по улице. Барин почивал, мужик дрыхнул и т. д. Для крестьянина или рабочего люди в сюртуках, с котелками на голове были «господа», «баре». Получив известия о восстании в Кронштадте под руководством офицеров, рабочие прекратили забастовки в Петрограде, наступило некоторое успокоение, хотя и неполное. Кстати, и кронштадтцы требовали свободы выборов лишь для социалистических партий. Плюс проводились, конечно, чистки заводов.

Уильям Розенберг

Много лет назад я исследовал Комитеты общественных организаций периода Февральской революции. Я был очень удивлен, что почти везде были организованы такие общественные организации. Не только в Сибири, а почти везде. Почему? Потому что мы сейчас смотрим на Февральскую революцию с точки зрения политики. Конечно, политика зависит от центра, от событий в Петрограде. Но нельзя забывать, что революции тоже зависят от социального устройства. В разных городах в течение нескольких лет с начала войны люди собирались вместе, чтобы решать экономические проблемы города: организации железнодорожного сообщения, дефицита. Среди них были интеллигенты, социал-демократы, которые были членами Союза земств и городов и Военно-промышленного комитета на местах, которые собирались в Петрограде два раза, в 1915 и 1916 гг. Они обсуждали положение на местах и хотели его контролировать, потому что были абсолютно уверены в том, что в центре невозможно решить такие проблемы. И для многих это была возможность включить в дискуссии в этих комитетах и общественных организациях недовольных рабочих и крестьян, чтобы стабилизировать положение с социально-экономической точки зрения. Что касается вопроса об элитах. Это не были элиты в прямом смысле слова. Это были те люди, которые разрешали практические дела, касавшиеся экономики на местах.

Теперь вопрос. Когда я читал солдатские письма, мне показалось, что конфликт между офицерами и солдатами на фронте прежде всего касался вопроса компетентности. Жизнь солдата была в руках офицеров. Доверие могло подрывать то, что у многих офицеров были немецкие фамилии или они просто не справлялись со своими обязанностями. Стоял вопрос о коррупции. На фронте был дефицит, солдатам приходилось докупать еду и одежду, получать что-то из дома. Это значит, что солдаты хотели иметь офицеров, которым бы они верили. Я хотел бы узнать у К.А. Тарасова, как обстояло это дело в Петроградском гарнизоне.

Тамара Александровна Абросимова

Представлены интересные доклады, но особенное мое внимание привлек доклад профессор А. Рабиновича, эта тема на данный момент мне близка. По этому докладу не было большой дискуссии прежде всего потому, что он мало дискусионен, поставленная задача решена образцово. Но решив свою задачу, в то же время доклад побуждает выйти за ее пределы и еще раз взглянуть на отдельные проблемы. К таким проблемам относятся, в частности, рабочие волнения в марте 1919 г. Профессор Рабинович отмечает, что это движение было более значительным, чем принято считать. С этим нельзя не согласиться. Действительно, пожалуй, с 1917 г. такой масштабной акции не было. 1919 г. вообще начинался спокойно. Казалось, общество привыкает к новому режиму. Неожиданно в марте начинаются забастовки, бастуют 15 заводов и фабрик с общей численностью 35 тыс. человек. Возникает ощущение, что что-то вызвало перелом в поведении рабочих. Безусловно, изменения в поведении рабочих, их непосредственное участие в организации митингов произошли не без влияния эсеров, которые были чрезвычайно популярны в тот период. Власть растеряна, произошедшее слишком неожиданно, но ситуация требовала с растерянностью справляться быстро и действовать, что власть и сделала. Хотя выступления рабочих, судя по резолюциям, и были оппозиционны, но на политические устои никто из бастовавших не покушался, не требовал свержения власти.

Скорее, эти выступления рабочих нужно характеризовать как экономические, с определенными политическими требованиями. Закончились забастовки так же неожиданно, как и начались, на трех заводах власть применила силу, а на остальных она не потребовалась, волнения были достаточно аморфны и прекратились сами собой. Поведенческие особенности власти и общества в этот период не совсем понятны, чрезвычайно интересны и требуют дальнейшего изучения.

Даниил Александрович Коцюбинский

Два слова хотел бы добавить к начавшемуся здесь разговору о том, что такое раскол элит. Говорить о расколе элит применительно к 1917 г. надо, исходя не из парадигмы 1917 г. и даже не из парадигмы Первой мировой войны, а из всего предреволюционного десятилетия. Почему так легко произошла революция, почему так легко власть рухнула в Петрограде и так легко ее смогли взять революционеры даже в далекой Сибири? К этому времени была делегитимирована не только личность Николая II как самодержца, но и институт самодержавия. Это произошло не потому, что Николай II совершал какие-то ошибки. Ошибки совершаются на протяжении всего существования дома Романовых и до этого. Тем не менее революции происходили не всякий раз. Делегитимация монархической власти как института и личности Николая II как персонификации этого института случилась, потому что на протяжении более десяти лет, начиная с 1905 г., в России существовала фактически бесцензурная пресса (карательная цензура была, но она была неэффективна) и существовала Государственная Дума, которая законы не принимала, но дискурс оппозиционный всё время поддерживала. Если мы пронаблюдаем, как развивался этот раскол элит, то мы увидим, что первой третиной уже весной 1908 г. была дискуссия о большой военно-морской программе. Октябристы оказались недовольны тем, что навязывал Николай II. В 1909 г. произошел первый министерский кризис, в 1911 г. — второй. Дальше по нарастающей идет, раскалываются националисты, начинается раскол в тех структурах, которые должны были обеспечивать консенсус элит. 1914 г. уже в состоянии политической бодрости встречает российская общественность, включая ее самые умеренные круги. Недовольство уже было ярким и очевидным. Начиная с 1909 г. в прессе неуклонно развивается распутинский скандал — главная инвектива, которую русская общественность адресует Николаю II и через призму которой видится вся абсурдность самодержавного устройства. Образованная часть общества перестает быть лояльной не только к Николаю II, но и к самодержавию. Поэтому так легко получилось перейти не от одного царя к другому, а от царя к Временному правительству и дальше открыть дискуссию на тему о том, как Учредительное собрание должно обустроить жизнь этой огромной страны. То, что происходило внутри 1914—1916 гг. — это субъективные факторы. Раскол элит — это фундамент тех событий. Когда наверху играет музыка, внизу рано или поздно начинают хотеть танцевать. Эта оппозиционная, конфронтационная по отношению и к Николаю II и к самодержавию в целом музыка начала играть практически сразу по окончании Первой русской революции. Первая русская революция и Вторая — это не разные исторические события, это единый процесс, который на какой-то момент был приостановлен, а потом снова стал идти по нарастающей. Вектор был предопределен. Рано или поздно эта система должна была взорваться, потому что политическая свобода и самодержавное жесткое политическое устройство были несовместимы.

Игал Халфин

Мы здесь используем понятие «элита», это новация в историографии России. Я не уверен, что где-либо есть такая вещь, как единая элита. Любая элита в любой стране состоит из разных, иногда конфликтующих, составляющих. Меня поражает в нашей дискуссии, то, что в историографии есть традиция обсуждения раскола элит. Это старый тезис Марка Раева об интеллигенции, об эффекте реформ Петра Великого и расколе в российском обществе. Давайте называть вещи своими именами и возвращаться к этой историографии, хотим мы ее поддерживать или нет. То, что здесь было сказано, явно вписывается в русло дискуссии, которая уже идет 50 лет.

Борис Борисович Дубенцов

В первую очередь мне бы хотелось подчеркнуть, что все четыре доклада, представленные в нынешней секции, имеют между собой нечто общее. Мне думается, что это общее состоит в изучении соотношения, если брать терминологию конца 70—80-х гг. XIX в., между «героем и толпой». В трех случаях речь идет о том, как общество генерирует, выделяет из себя тех, за кем готово идти, и их этим выдвиганием легитимирует. В четвертом случае, в докладе А. Рабиновича, ставится вопрос о том, как те, кто на волне общественной поддержки взял власть, в дальнейшем этой властью пользуются и обеспечивают свою собственную легитимность, которая на самом деле уже исчезла. Прежде всего мне хотелось бы сказать несколько слов о расколе элит. Вопрос этот правильно поставлен. Признаки раскола элит можно обнаружить во времена, далекие от кануна революции, но активное противостояние, взаимные претензии друг к другу внутри элит, как мне кажется, обнажились со второй половине 90-х гг. XIX в. И здесь должна быть упомянута не только знаменитая реакция П.Б. Струве на не менее знаменитую речь Николая II о «бессмысленных мечтаниях». Но еще 1 января 1897 г., когда уже явно был решен вопрос о введении золотого обращения, Николай II разворачивается к помещицкому дворянству и созывает многолетнее Совецание о нуждах дворянского сословия, которое очень неплохо изучено А.П. Карелиным. А позднее о противостоянии в высших слоях общества открыто заявит председатель предпринимательской организации в Нижнем Новгороде, произнес знаменитую фразу о том, что дворянину и купцу на одной шее народа уже сидеть невозможно. Мне кажется, что и отношения разных групп общества к проблеме политической свободы, хотя и весьма куцей при жестком самодержавном режиме, заслуживает нашего внимания.

Главная ценность доклада А. Рабиновича в том, что он подводит итог изучению тех явлений, тех событий и того конфликта в Петрограде, которые наблюдались между управляемыми и управляющими. Наша задача теперь увидеть, какими средствами достигалось удержание большевиками власти. Мне кажется чрезвычайно ценной реплика В.С. Измозика о событиях 1921 г. В данном случае нам известен ответ на этот вопрос. Для 1919 г. он неочевиден. Какими средствами удавалось значительную долю рабочих удерживать в рамках лояльности большевистской власти? Если оставить в стороне содержание пропаганды, вопрос о которой напрашивается в первую очередь, то здесь уместно упомянуть несколько мероприятий, на которые пошли большевики. Это отступление петроградских властей от принципов политики «военного коммунизма» и, в первую очередь, ослабление запретов на торговлю и натуральный обмен, на бартер. Второе — это организация выборов в Советы, о соблюдении прежних принципов демократии и народного волеизъявления

вряд ли уже можно было говорить. Третье, это активизация традиционно политически инертных слоев петроградского общества: женщин и молодежи. По источникам (особенно отражающим деятельность Петербургского комитета большевиков) видно, что именно в этой социальной среде они искали дополнительную опору. Другой вопрос, нашли ли они ее?

Мне представляется, что прозвучавшие доклады уже являются достижением новейшей историографии и вместе с тем открывают чрезвычайно важные назревшие перспективы дальнейшей исследовательской работы.

Владимир Иванович Шишкин

Я абсолютно согласен с В.П. Булдаковым в том, что нужно очень аккуратно работать с терминологией. К сожалению, термины «элита» и «контрэлита» очень неопределенные. Даже в элитологии есть разное понимание того, какой смысл вкладывается в эти термины, потому что элиты формируются по-разному, они фрагментарны. Термин «элита» существует давно. То, что мы его заимствовали из другой науки, абсолютно нормально. Мы обогащаем собственную терминологию, концепцию, подходы. Я думаю, что мы сделали шаг навстречу междисциплинарным подходам. Другое дело, что нужно выработать более четкие критерии того, что входит в элиту, что включается в элиту. Но поскольку границы элиты очень размыты, элита стремительно, особенно в революционные времена, обновляется и меняется, изучать ее очень трудно. Это предмет трудноуловимый.

В.П. Булдаков обратил внимание на то обстоятельство, что некоторые политические деятели одновременно и в элите, и в контрэлите. Так оно и есть. Возьмите А.Ф. Керенского, он одновременно сидел на двух стульях изначально. Он был и в элите, входя во Временное правительство, и одновременно был и в контрэлите, являясь одним из руководителей Петроградского Совета.

На протяжении 1917 г. шло обновление и вытеснение административно-политической элиты, которая сформировала Временный комитет Государственной Думы, советской элитой. Произошло это потому, что была создана параллельная структура в лице Советов. Эта параллельная структура, особенно после того как Ленин выдвинул лозунг «Вся власть Советам», усиливалась, приобрела стройность, создала всероссийские руководящие органы. В рамках этой параллельной структуры шло формирование сначала альтернативной элиты, а потом элиты, которая после Октябрьского переворота заменила административно-политическую элиту Временного правительства.

Я пропустил еще одно важное замечание по поводу собственного доклада. Очень признателен профессору Халфину за то, что он напомнил о Марке Раеве, который говорил о расколе элит со старых времен. [*И. Халфин, с места: Он называл контрэлитой интеллигенцию.*] Дело в том, что раскол российской элиты начался не за десять лет до Февральской революции. Хочу напомнить еще одного классика по фамилии Ульянов, который написал статью памяти Герцена, в которой говорил о трех этапах освободительного движения. Декабрь 1825 г. — разве это не показатель раскола элит? Элиты никогда не бывают монолитны. В элитах всегда существуют разные сегменты, группировки, уровни. Это адекватная оценка состояния российской элиты.

Я хотел бы сказать несколько слов о докладе, который был посвящен народным вожакам. Тема исключительно интересная. Правда, сразу же возникает вопрос,

можно ли говорить о «народной элите», правильно ли так говорить. У меня есть некоторые сомнения. Я занимался этой проблемой больше 30 лет, написал довольно много о таких людях, которые выдвинулись из народа, стали не только вожаками, но и вождями. Некоторые так официально и назывались. Например, на Алтае был командир партизанской армии Е.М. Мамонтов, который официально называл себя «вождем». Он таковым и был для многих людей, и сам воспринимал себя именно как вождь. К сожалению, трагична судьба этого человека, он погиб в конце февраля 1922 г. вблизи Барнаула в пьяной драке. Советская власть пыталась его «приватизировать». Ему предлагали вступить в Коммунистическую партию, но он отказывался. Ему давали командовать бригадой, дивизией, но он так и не интегрировался в коммунистическую власть, потому что у него оставались большие сомнения по поводу коммунистов. Многие другие народные вожаки вошли во власть, причем вошли в силовые структуры власти: в органы ВЧК, милицию. Они хотели иметь наган, саблю, винтовку и ничего не делать. Среди народных вожаков оказалось довольно много таких, которые не хотели ни к станку становиться, ни пахать землю. Они хотели быть у власти.

Антон Викторович Посадский

Профессор З. Галили обратила внимание на действительно интересный сюжет, связанный с контекстом Красной армии: насколько легче было тем, кто воевал на красной стороне из таких «самородков», войти в элитные сегменты советского государства. С одной стороны, это, конечно, так. Судьба антисоветских повстанческих атаманов очень однообразна. Практически для всех жизнь закончилась либо в бою, либо расстрелом, мало кто смог уйти за кордон. В то же время из тех, кто вырос в Красной армии, иногда дошедших до высоких командных постов, тех, кто наиболее искренне пошел в революцию, для кого наиболее очевиден был враг, кто в 1918 г. понимал, за что и с кем он сражается, — многие такие люди в 1920–1921 гг. переходили на повстанческое положение. Это и Г.С. Маслаков, который ушел из 1-й конной армии, это и комбриг первой конной И.П. Колесов, который просто приехал в отпуск на родину, ахнул и собрал банду. Это А.В. Сапожков. Я называю самые известные имена. Наконец, такие «культовые» фигуры, как Б.М. Думенко и Ф.К. Миронов. У них были какие-то шатания. Такие командиры имели мало шансов встроиться в будущую элиту мирной жизни.

Дальше по поводу рассуждения В.П. Булдакова о терминологии. Действительно, «народная элита» — рабочий термин. Под словом «элита» можно понимать разные группы. Элиты — это те, кто смог оседлать, обуздать революционные массы. Это те, кто выдвинулись, те, кому поверили и вручили бразды правления или кто сам взял и смог удержать. Поэтому у меня название проекта — народные вожаки. Оно подчеркнуто неакадемичное, оно оставляет свободу для всякого рода интерпретаций.

В.П. Булдаков предлагает термин «полевой командир». Во-первых, этот термин тоже скорее журналистский. Во-вторых, это только один сегмент тех, кто попадает в народные вожаки в моем понимании. Далеко не все из них были полевыми командирами. Некоторые были руководителями восстаний, не превращаясь в командиров повстанческих соединений.

Моя тематика позволяет сделать здесь амбивалентные наблюдения о социокультурном расколе. Очень показательны воспоминания генерала П.Г. Григоренко, знаменитого диссидента. Его детство прошло в Приазовье, который считался

махновским районом. Почти все мужики служили у Махно или у красных — это не различалось. Махновские части были в Красной армии, отрывались от нее, потом снова присоединялись. Врагом для них были болгары и немцы, местные колонисты, которые были побогаче. Несколько человек побывали в плену у белых, кого-то высекли, никого не расстреляли, все вернулись. В 1921 г. было разоружение деревни, чрезвычайные тройки брали заложников и партиями их расстреливали, пока не сдадут оружие. Если сдавали мало, бралась следующая пятерка. В некоторых деревнях по три партии расстреливали, в его деревне только одну. Григоренко пишет, что психологически село было на стороне красномахновской, поэтому порки белыми помнились, а расстрелы красными были вытеснены из сознания.

Очень часто пишут о том, как не могли между собой договориться врангелевцы и махновская вольница, которая уже сражалась против красных. В то же время есть известный сюжет в воспоминаниях белых, когда при разворачивании второго Корниловского полка рядовым составом стали пленные, недавние махновцы. Полк прекрасно сражался в белых рядах, под корниловским знаменем, потому что хороший командир был, капитан Пашкевич. Получился замечательный полк. Действительно, проблема диффузии элит, проблема социокультурного раскола имеет огромное количество всевозможных самостоятельных сюжетов, различающихся по местности, по ситуации, здесь какое-то общее решение затруднительно.

Константин Андреевич Тарасов

Я хотел бы ответить на вопрос З. Галили о том, чем объяснялось, что некоторые умеренные комитеты смогли сохранить свой авторитет, свою власть. На мой взгляд, в этой связи можно отметить целый ряд факторов. Отчасти, действительно, роль личности. Где-то очень популярные «комитетчики», где-то, наоборот, очень популярные представители большевистской партии могли перетянуть на свою сторону мнение солдат, чтобы весь полк пошел за ними. Свою роль играло и ораторское искусство, и неформальный авторитет. Кроме того, когда в ситуации 1917–1918 гг. мы говорим о том, что некоторые комитеты противостояли большевикам, это не означает, что они не поддерживали советскую власть. Они могли не поддерживать большевиков, которые, по их мнению, захватили власть вместо того, чтобы передать ее Советам на II Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов. В конечном итоге история с выступлением Керенского—Краснова закончилась ничем исключительно потому, что комитеты в итоге признали, что большевики имеют большее право на руководство по сравнению с их оппонентами. Также оказывала свое влияние и структура запасного полка. В некоторых воинских частях преобладали «сорокалетние», солдаты старшего возраста. По большей части они были настроены инертно. Они спокойно передавали право заниматься внутренними делами полка своим избранным комитетам. Политическая борьба их не волновала.

О том, насколько неизбежен был крах «демократизации армии». Если конец этой системы был неизбежен, то этого не понимал никто из тех, кто принимал решения: ни военное руководство при Керенском, ни большевистское военное командование. Они считали, что эти меры наиболее адекватны происходящим событиям. Мне кажется, идеи по реформированию армии А.И. Верховского, последнего военного министра Временного правительства, были реализованы на практике Народным комиссариатом по военным делам уже нового советского правительства.

«Полная демократизация» была логическим продолжением реформ, начавшихся еще в марте 1917 г.

Почему офицеры так легко потеряли власть, насколько офицерская власть была лишняя, чужая? Действительно, можно говорить о том, что солдаты ощущали свое униженное положение в период Первой мировой войны. Если не вдаваться в подробности, то достаточно сказать, что одним из первых решений по «демократизации» армии была отмена именованья солдата на «ты». Не буду говорить о других унижительных ограничениях солдатской жизни вроде запрета ездить внутри трамвая, прогуливаться по тротуару. Но и без этого, на мой взгляд, офицеры запасных батальонов в Петрограде не имели авторитета в этот период. На службе в гарнизоне в основном оказывались выздоравливающие офицеры, получившие ранение на фронте. Они очень часто вообще не интересовались внутренней жизнью полка. В основном обучением солдат запасных воинских частей занимались унтер-офицеры и прапорщики военного времени. В этом случае очень часто приходится говорить о внеуставных отношениях. Таким образом, разрыв между офицерами и солдатами объяснялся не только социальным антагонизмом. Неудивительно, что офицерская власть в первые дни революции так быстро была отброшена.

В период революции офицеры теряли свою власть в Петроградском гарнизоне из-за отсутствия не военной, а политической компетентности. Их очень часто обвиняли в том, что они не могут разобраться в современных политических течениях, не могут руководить солдатами, потому что они политически не подкованы. И наоборот, те офицеры, которые вели политические беседы, читали газеты вместе с солдатами, очень часто сохраняли свою власть. Действительно, как указал У. Розенберг, вопрос о коррупции также был очень актуален. Причиной отстранения командиров запасных батальонов в феврале—марте было обвинение в том, что они укрывают запасы продовольствия, сапог и т. д. В революционной армии на смену принципу субординации приходит вопрос о доверии командирам и их авторитете. И здесь даже личные качества офицеров имели большое значение.

Секция 4

РЕВОЛЮЦИЯ И ИМПЕРИЯ. ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА РЕВОЛЮЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС

Питер Холквист

ОККУПАЦИОННАЯ ПОЛИТИКА ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА КАК ОСВОБОЖДЕНИЕ НА ПРИМЕРЕ «ТУРЕЦКОЙ АРМЕНИИ»

Как и во внутренней политике, Временное правительство давало громкие освободительные обещания в отношении территорий, оккупированных Русской армией, в то время как условия там быстро и трагически ухудшались. Для районов Османской империи, находившихся под контролем российской армии — «Османской Армении», или «Турецкой Армении», говоря словами сторонников Армении, — эта ситуация усугублялась еще и тем, что авторы политики Временного правительства недальновидно сфокусировались на исправлении того, что, как они считали, было антиармянской и прокурдской политикой имперских властей до февраля 1917 г. Подобная сосредоточенность на исправлении этой, по их мнению, предвзятости была в той же степени обусловлена антипатией к предыдущей российской администрации, что и реальными фактами на местах.

Поведению Русской армии на оккупированных территориях с большим количеством армянского населения в целом, и во времена Временного правительства в частности, было посвящено несколько исследований. Они многое сделали, чтобы показать либо преследования армян двуличным российским режимом, либо гонения на мусульман прохристианским, проармянским имперским Российским государством¹. Излишне говорить, что обе эти позиции полностью расходятся, и в таком качестве они и были втянуты в водоворот дискуссий об османской резне армян в 1915 г. Исповедующие такой подход, как правило, хотят обличить виновных, но при этом обращают внимание на фактические намерения и динамику российской политики только в качестве сопутствующих феноменов якобы всеобъемлющих нарративов: русских, угнетающих армян (в проармянских представлениях), или христиан, угнетающих мусульман (в представлениях, симпатизирующих мусульманам)².

¹ Различие таких подходов см.: *Hovannisian R. Armenia on the Road to Independence*. Berkeley, 1967. P. 67; *Somankian M. Empires in Conflict: Armenia and the Great Powers, 1895–1920*. London, 1995. P. 106–119; *Bodger A. Russia and the End of the Ottoman Empire // The Great Powers and the End of the Ottoman Empire*. London, 1984. P. 99; *Киракосян Дж.* Западная Армения в годы Первой мировой войны. Ереван, 1971. С. 387–395; *Акопян С.М.* Западная Армения в планах империалистических держав. Ереван, 1967; *Арутюнян А.О.* Кавказский фронт, 1914–1917. Ереван, 1971; *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской Империи: Государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны. М., 2004; *McCarthy J.* Death and Exile: The Ethnic Cleansing of Ottoman Muslims, 1821–1922. Princeton, 1995. Ch. 6.

² Сейчас это мнение меняется. См.: *Reynolds M. Shattering Empires: The Clash and Collapse of the Ottoman and Russian Empires, 1908–1918*. N. Y., 2011.

Политика России в Армении, 1914–1917 гг.

Во время Первой мировой войны МИД определял официальную политику царского правительства в отношении оккупированных территорий, которыми можно было распоряжаться только после заключения мира. В то же время российские власти относились к этим районам как ко временно оккупированной территории. Несмотря на большинство трактовок в историографии, у России не было планов или намерений включить в свой состав большие куски этих оккупированных территорий до того, как «Соглашение Сайкса–Пико» в середине 1916 г. поставило царское правительство перед свершившимся фактом. Но даже тогда имперские власти без энтузиазма смотрели на аннексию больших территорий, не в последнюю очередь из-за опасений включения значительного числа потенциально нелояльных и революционно настроенных армян¹.

Однако вплоть до заключения мира оккупированными территориями фактически управляло командование Русской армии. Высшее военное руководство, ответственное за эту политику, включало Верховного главнокомандующего (сначала, до августа 1915 г., им был великий князь Николай Николаевич, а после — император Николай II), начальника штаба Главнокомандующего (генерал Н.Н. Янушкевич, позже генерал М.В. Алексеев) и наместника на Кавказе, который во время войны одновременно служил и главнокомандующим Кавказской армией (И.И. Воронцов-Дашков, октябрь 1914 — сентябрь 1915 г., позже великий князь Николай Николаевич, когда его отстранили от занимаемой должности Верховного Главнокомандующего). Успешным командующим Кавказской армией на протяжении большей части этого периода был очень способный генерал Н.Н. Юденич².

В качестве Главнокомандующего великий князь Николай Николаевич вместе с большей частью Совета министров выступал за стратегию, особо выделяющую Восточный фронт. Он согласился с распространенным мнением российского штаба, что путь на Константинополь лежит через Берлин³. Русская армия занимала на Кавказском театре военных действий оборонительную позицию, пока Османская империя не вступила в войну. И даже тогда Кавказский фронт остался второстепенным по сравнению с борьбой против Австро-Венгрии и Германии.

Великий князь Николай Николаевич и генерал Янушкевич, однако, не пренебрегали ни политикой, ни вопросами военной оккупации. Они уделяли самое

¹ *Holquist P.* The Politics and Practice of the Russian Occupation of Armenia, 1915 — Feb. 1917 // A Question of Genocide, 1915: Armenians and Turks at the End of the Ottoman Empire / Eds. R.G. Suny, F.M. Gocek, N. Naimark. N. Y., 2011. P. 151–174; *Smith Jr. C.J.* The Russian Struggle for Power: A Study of Russian Foreign Policy during the First World War. N. Y., 1969. P. 368–382. Подробнее см.: *Paléologue M.* Ambassadeur de France à Petrograd, à M. Aristide Briand, Président du Conseil, Ministre des Affaires étrangères, Petrograd, 11 March 1916, nos. 203, 204 and 13 March 1916, no. 210 // Les grandes Puissances, l'Empire ottoman et les Arméniens dans les archives françaises (1914–1918) / Ed. A. Beylerian. Paris, 1983. Docs. 185, 186, 189; Ambassador Sir G. Buchanan (Petrograd) to FO, 26 Feb. / 10 March 1916, Ambassador Sir G. Buchanan (Petrograd) to FO, 28 February / March 12, 1916, no. 351 // National Archive the United Kingdom: Foreign Office 371/vol. 2767/1916/47088).

² Историю Кавказского фронта см.: *Масловский Е.В.* Мировая война на Кавказском фронте, 1914–1917 гг.: стратегический очерк. Париж, 1933; *Allen W.E.D., Muratoff P.* Caucasian Battlefields: A History of the War on the Turco-Caucasian Border, 1828–1921. Cambridge, 1953.

³ *Allen W.E.D., Muratoff P.* Caucasian Battlefields... P. 240.

пристальное внимание австрийской Галиции и Буковине, которые они, как и многие другие консерваторы, считали «исконно русскими землями». Чтобы способствовать предполагаемому включению региона в состав Российской империи, великий князь и генерал Янушкевич проводили политику в пользу одних этнических групп и против других. В частности, они санкционировали повсеместное изгнание еврейского населения из региона, что повлекло за собой депортацию евреев в течение большей части следующего года¹.

Пока великий князь занимал пост Верховного главнокомандующего, он мало задумывался об османских восточных провинциях (известных под именами «Турецкая Армения», или «Курдистан»). Эти проблемы были оставлены наместнику Кавказа И.И. Воронцову-Дашкову. Многие в российском правительстве считали, что он проводил свою собственную проармянскую политику. Действительно, он скрупулезно информировал Совет министров о таких своих действиях, как, например, план вооружать армян в ожидании начала войны с Османской империей². Однако его программа была воплощением русского имперского величия с использованием этнических особенностей в свою пользу. С 1912 г. Воронцов-Дашков в равной степени стремился заручиться поддержкой курдских лидеров для русского дела³. В своем обращении к Кавказской армии в период начала военных действий генерал наставлял своих солдат, что они «не [должны] делать никаких различий в отношении вероисповеданий. Мусульманское население должно пользоваться таким же положением, как и христианское»⁴. Тем не менее, в основном из-за придворной политики и бюрократического соперничества Воронцов-Дашков стал рассматриваться в качестве сторонника армян (его жена, графиня Воронцова-Дашкова, была известна тем, что питала особую симпатию к армянам). При обсуждении событий на Кавказском фронте летом 1915 г. Совет министров выразил обеспокоенность тем, что наместник Кавказа проводил военную политику в пользу армян, используя для этого Кавказскую армию, чтобы освободить районы Османской Турции с большим количеством армянского населения. Председатель Совета министров отметил, что «создание Армении будет только нам [бременем] на шею и явится в будущем источником различных осложнений на Востоке». Министр сельского хозяйства А.В. Кривошеин соглашался: «[Мы] видим, как кавказские власти готовы жертвовать русскими интересами во имя армянских»⁵. Важно отметить, что пре-

¹ Бахтурина А.Ю. Политика Российской империи в Восточной Галиции в годы Первой мировой войны. М., 2000; Hagen M. von. War in a European Borderland: Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914–1918. Seattle, 2007; Holquist P. The Role of Personality in the First (1914–1915) Russian Occupation of Galicia and Bukovina // Anti-Jewish Violence: Rethinking the Pogrom in European History / Ed. J. Dekel-Chen. Bloomington, 2010. P. 52–73.

² Католикос всех армян Геворг V — Воронцову-Дашкову, 5 августа 1914; Воронцов-Дашков — Горемыкину, 9 августа 1914; Горемыкин — Воронцову-Дашкову, 19 августа 1914 (РГИА. Ф. 1276. Оп. 10. Д. 848. Л. 4, 7–9, 10). Совет министров обсуждал этот вопрос 23 сентября 1914; Совет Министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А.Н. Яхонтова / Ред. Б.Д. Гальперина. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. С. 74.

³ Reynolds M. Shattering Empires... P. 56–72. Работа Рейнольдса является важным вкладом в наше понимание ирредентистских программ, лелеемых обеими империями после 1908 г.

⁴ Приказ по Кавказской Армии № 106, Тифлис, 31 окт. 1914 // ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1880. Л. 1. Приказ был широко опубликован в местных газетах.

⁵ Prologue to Revolution: Notes of A.N. Iakhontov on the Secret Meetings of the Council of Ministers, 1915 / Ed. M. Cherniavsky. Englewood Cliffs, 1967. P. 36–37 (пер. на англ. работы

емник Воронцова-Дашкова, великий князь Николай Николаевич, верил этим слухам и искал способ противодействия «проармянской» ориентации.

Император Николай II сменил великого князя Николая Николаевича на посту Верховного Главнокомандующего в сентябре 1915 г. Однако фактически в управление всеми военными делами вступил начальник штаба М.В. Алексеев. Генерал не одобрял никаких территориальных приобретений в этом регионе и выступал за сепаратный мир с Османской империей. Победы России весной 1916 г., полагал Алексеев, должны быть использованы, чтобы добиться от османов мира. В частности, он был обеспокоен тем, что «Соглашение Сайкса—Пико» навязывало России слишком большую часть азиатской Турции: «Начальник штаба с опасением относится к обострению в наших пределах армянского вопроса». В частности, он выступал против желания российского Военно-морского министерства расширить границы России на Черноморском побережье от Трапезунда до самого Синопа¹. Помимо Алексеева, МИД и Николай II также были против таких экспансионистских приобретений.

Тем временем с августа 1915 г. оккупированные территории Турции перешли в руки Николая Николаевича². Великий князь оставил при себе в качестве начальника штаба генерала Янушкевича. Тот был известен как реакционер и антисемит. Его антипатии распространялись и на армян, о которых он говорил, что они «те же жидаы» — зловещее заявление из уст человека, который организовал выселение евреев из Галиции силами российской армии³. И великий князь Николай Николаевич, и Янушкевич, однако, сознавали, что их интервенционистская и преобразовательная программа в оккупированной Галиции не увенчалась успехом. Критики, в том числе многие в высшем командовании, утверждали, что в Галиции они преследовали политику ради политики в ущерб армии. Именно с этим опытом за плечами великий князь и Янушкевич вступили в свои обязанности на Кавказе. При этом с середины 1916 г. оккупированные территории перешли под контроль «военного генерал-губернатора областей Турции, занятых по праву войны», который подчинялся непосредственно великому князю. В качестве своего ставленника Николай Николаевич выбрал генерала Н.Н. Пешкова, который добросовестно проводил его политику⁴.

Великий князь считал, что его задача как нового наместника — кардинально изменить «проармянскую» политику И.И. Воронцова-Дашкова⁵. Отход от этой

«Тяжелые дни»). См. также: Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны: Бумаги А.Н. Яхонтова / Ред. Б.Д. Гальперина. СПб., 1999. Вопрос снова поднимался 4 августа 1915: см.: Prologue to Revolution. P. 45.

¹ Ставка и министерство иностранных дел // Красный архив. 1928. Т. 28. С. 10, 30; НИА, Nikolai A. Bazili Papers. Box 2. File «General Headquarters, 1914–1917: Correspondence».

² Сочувственное изображение деятельности великого князя во время войны см.: Данилов Ю.Н. Великий князь Николай Николаевич. Paris, 1930. Гл. 11 повествует о периоде его наместничества на Кавказе.

³ Цит. по: *Грaбарь В.Э.* [Дневник], 26 апреля 1915 // Библиотека Тартуского университета, Эстония. Отдел редких книг и рукописей. Ф. 38. С. 50. Л. 86 об. Антисемитскую программу Янушкевича см.: *Holquist P.* Role of Personality...

⁴ Временное положение об управлении областями Турции, занятыми по праву войны // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 17. Л. 3 об. — 13 об.

⁵ Великий князь Николай Николаевич — Сазонову, 3/16 июля 1916 // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3481. Л. 15 — 16 об.; воспроизведено: Раздел Азиатской Турции по секретным документам б. министерства иностранных дел / Ред. Е.А. Адамов. М., 1924.

политики лучше всего заметен в его попытках добиться расположения вождей курдских племен и в приказе переформировать армянские добровольческие дружины в составе Русской армии в регулярные стрелковые полки. Такие решения были приняты на фоне занятия Русской армией районов, пострадавших от резни 1915 г. В связи с этим армянские организации заклеили его сторонником бессердечной и несправедливой антиармянской политики. Воронцов-Дашков также искал расположения курдских лидеров на османских территориях, но князь Б.Н. Шаховской (бывший русский консул в Дамаске), считал, что позиция Воронцова-Дашкова создала в армии обстановку, исключая привлечение курдов на свою сторону¹. Николай Николаевич предоставил Шаховскому широкие полномочия для примирения с курдскими племенами. Великий князь пытался облегчить его усилия, выпустив курдского лидера Симко, который выразил лояльность русским еще до 1914 г., но впоследствии встал на сторону османов и был захвачен в плен русскими войсками. Несмотря на свое освобождение, Симко продолжал действовать против российских войск в Северной Персии и далее². Шаховской не мог похвастаться большими успехами. Он объяснял свои неудачи действиями армянских дружин, которые делали невозможным любое перемирие с курдами³.

К началу 1917 г. великий князь Николай Николаевич, который с самого начала не был расположен к армянам, под влиянием аргументов князя Шаховского склонился к мысли, что армяне губят отношения между российскими властями и курдами⁴. Уже после Февральской революции доверенное лицо великого князя, князь Гаджимуков, занимавшийся ведением переговоров с курдскими племенами, подтолкнул генерала Н.Н. Юденича проводить более агрессивную прокурдскую политику и отказаться от какой-либо поддержки армянских интересов. Он заключил: «Рассматривая это явление [резню армян. — П. Х.] не с общечеловеческой, а с политической точки зрения, и как факт уже совершившийся, по вине самих армян, нужно сказать, что в нем имеется та положительная сторона, что Турция оставляет нам Армению без армян»⁵. В нескольких работах заявление Гаджимукова представлено как разоблачающее истинные намерения российского правительства в Армении⁶. На самом деле его высказывание было скорее

¹ См.: *Reynolds M. Shattering Empires... Ch. 5.*

² О Симко в этот период см.: *Van Bruinessen M. A Kurdish Warlord on the Turkish-Persian Frontier in the Early Twentieth Century: Isma'il Aqa Simko // Iran and the First World War: Battleground of the Great Powers / Ed. T. Atabaki. London, 2006.* О политике России в отношении к курдам в широком контексте см.: *Лазарев М.С. Курдский вопрос (1891–1917). М., 1972,* а также: *Reynolds M. Shattering Empires...*

³ Отчет князя Шаховского в Ставку Кавказской армии, 16 янв. 1916, № 10 // АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 567. Л. 6–12. Британцы скептически относились к стараниям Шаховского: курдские группы для России «оказались невыгодными и даже опасными союзниками» (Colonel Marsh to the Department of Military Intelligence, 13/26 May 1916 // NAUK FO 371/1916/2778/N101880).

⁴ Секретное донесение князя Шаховского начальнику штаба Кавказской армии, 31 янв. 1917, № 14: Тифлис // АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 567. Л. 13–28. Сделанные на полях пометки Великого князя свидетельствуют об одобрении предложений Шаховского.

⁵ Областной начальник Дерсимского района Гаджемукров — командующему Кавказской армией Юденичу, 14 марта 1917 // РГВИА. Ф. 2168. Оп. 1. Д. 274. Л. 2 об.

⁶ *Somankian M. Empires in Conflict... P. 111; Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in*

не утверждением общей политики, а призывом к армии отказаться от того, что он считал *проармянской* политикой. «Армения без армян» была желанием Гаджемукова. Эта фраза должна была послужить критикой российской политики, а не ее описанием.

Таким образом, российские оккупационные власти действительно с подозрительностью, если не сказать с откровенной враждебностью, относились к армянам¹. Здесь, однако, не было общей координации. Политика высшего военного командования проводилась через отдельных армейских командиров. Некоторые из них были известны своим пренебрежением или даже враждебностью по отношению к армянам, находящимся в тяжелом положении. Представители армян утверждали, что это было неизбежным результатом якобы прокурдской ориентации наместника². Для них громким делом стали действия генерал-майора Андрея Николаева, командира Баязетского отряда, который захватил Ван в июне 1915 г. Он позволил курдам переселиться в Ванский вилает, что привело к возмущенным протестам среди армян³.

Тем не менее большинство российских командующих, вступая на землю, которая только что стала свидетелем систематической резни армян, сами при этом страдая от периодических атак курдских партизан, склонялись к другой крайности. Российские командиры практиковали частые «карательные экспедиции» против местных мусульманских деревень и изгнанных курдских общин⁴. Казачьи отряды в частности обрушили беспощадную кару на местное мусульманское население⁵. Когда казацкие войска отвоевали Ардаган, «учинились резня и погром», они «разграбили базар, сожгли мусульманский квартал и убили на месте всех турок,

Russia during World War I. Bloomington, 1999. P. 152.

¹ См., напр.: *Цысс, полковник*. Меморандум о покупке армянами земель Персии и Турции, граничащих с Кавказом [б/д., ок. мая 1916?] // Центральный государственный исторический архив Грузии. Ф. 13. Оп. 27с. Д. 4353. Л. 1–5. Об общем мнении русских об армянах, см.: *Suny R.G.* Looking Toward Ararat: Armenia in Modern History. Bloomington, 1993. Ch. 2.

² См., напр.: Докладная записка епископа Месропа, Хатисова и С.С. Арутюнова графу Воронцову-Дашкову о неправильных действиях русского командования в Армении [ок. июля 1915] // ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1960. Л. 1–3; Статья о верности армян России и о несправедливом отношении к ним русских военных властей [ок. лета 1915] // ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1778. Постоянные обновления, публиковавшиеся в «Армянском вестнике», связанном с кадетами и либеральной оппозицией, отмечают эту политику: Обзор прессы // Армянский вестник. 1916. № 45. 4 декабря. С. 8–10; Обзор прессы // Армянский вестник. 1917. № 17. 30 апреля. С. 11–12; *Арутюнян Е.* Генерал Калитин в Армении // Армянский вестник. 1917. № 35–36. 10 сентября. С. 3–5.

³ См. документы, относящиеся к этому делу, составленные проармянскими активистами: ГА РФ. Ф. 579 (П.Н. Милоков). Оп. 1. Д. 1880. Л. 3–8. См. также дискуссию в: *Reynolds M.* Shattering... P. 159–161.

⁴ Director of Military Intelligence to Colonel Marsh, 19 May 1916 // NAUK FO 371/1916/2768/file 938/N96903. P. 306; Colonel Marsh to the DMI (Secret-Intelligence), May 24, 1916 // NAUK FO 371/1916/2778/N101879); Князь Шаховской — Ставке Кавказской армии, 9 янв. 1916, № 7 // АВПИР. Ф. 144. Оп. 489. Д. 567. Л. 2–5; Defrance in Cairo to Ministre des Affaires étrangères, 2 May 1916, N 144 // Archive du Ministere des affaires étrangères. Guerre 1914–1918. Turquie. Vol. 888 (reel 1). S. 31.

⁵ См.: *Елисеев Ф.И.* Казаки на Кавказском фронте 1914–1917: Записки полковника Кубан. казачьего войска в тринадцати брошюрах-тетрадах. М., 2001.

попавшихся им на глаза»¹. Армянские дружины, позже преобразованные в стрелковые полки, также не были милосердны к курдским и турецким общинам². Таким образом, русская оккупационная администрация под началом великого князя отталкивала армян своим принципиально прокурдским уклоном. В то же время на практике поведение отдельных армейских и корпусных командиров настроило курдское население на враждебный лад по отношению к российской власти³.

«Радость, охватившая Россию, стала бы и для вас всех такую же радостью и чтобы вы... постарались бы заслужить то счастье, которое вас ожидает, стать в будущем российскими гражданами».

Политика российского имперского правительства и военных до февраля 1917 г. установила стандарт, которому противопоставляло себя Временное правительство. Вместо того чтобы анализировать противоречивые и расплывчатые факты происходящего на местах, оно решило просто реализовать политику, обратную политике царских властей⁴. Тот факт, что великий князь Николай Николаевич и генерал Янушкевич были известны как одни из самых реакционных деятелей в России, сделал убедительными аргументы в пользу разворота политики в отношении Армении.

Во время войны либеральная оппозиция в России сочувствовала тяжелому положению армян как из-за их преследований со стороны самодержавия до и во время войны, так и благодаря их участию в войне в качестве такой же «малой страны», как Бельгия, принесенная в жертву германскому милитаризму. На протяжении 1915–1916 гг. ведущие кадетские деятели выражали свою солидарность в русскоязычном «Армянском вестнике», который открыто стремился навести мосты с российской общественностью. С.А. Котляревский и А.А. Кизеветтер, например, написали по короткой передовой статье для этого журнала в начале 1916 г.⁵

¹ Price M.P. War and Revolution in Asiatic Russia. London, 1918. P. 208. Прайс был официальным корреспондентом *The Manchester Guardian* и много путешествовал по всей территории региона.

² См., напр.: Price M.P. War and Revolution in Asiatic Russia. P. 140–141; а также: Доклад князя Шаовского в Ставку Кавказской армии, 9 янв. 1916, № 7 // АВПРИ. Ф. 144. Оп. 489. Д. 567. Л. 2–5.

³ См.: Holquist P. Forms of Violence during the Russian Occupation of Ottoman Territory and in Northern Persia (Urmia and Astrabad), October 1914 — December 1917 // *Shatterzone of Empires: Coexistence and Violence in the German, Habsburg, Russian and Ottoman Borderlands* / Eds. E. Weitz, O. Bartov. Bloomington, 2013. P. 334–361. Эта критика действий армии с обеих сторон нашла отражение в историографии: с негативными оценками систематической антимусульманской предвзятости, выдвигаемыми турками и промусульманскими авторами, а также с негативными оценками полного пренебрежения к ним и фактической прокурдской ориентации — со стороны армян.

⁴ См. об отношении Временного правительства: Hagen M. von. War in a European Borderland; Ansky S. The Enemy at His Pleasure: A Journey through the Jewish Pale of Settlement during World War I. N. Y., 2002. P. 297–301. По поводу документов см.: Брусилов — Львову, коп. Деникину и Милокову, 6 апреля 1917 // РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 14. Л. 474 — 474 об.; Князь Львов — председателю Комиссии Объединенных организаций Галицко-Буковинских деятелей // ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 2. Д. 201. Л. 4.

⁵ Котляревский С. Трагедия армянского народа // Армянский вестник. 1916. № 2. 7 февраля; Кизеветтер А. Привет Армении // Армянский вестник. 1916. № 6. 6 марта.

П.Н. Милоков работал с армянскими организациями и принимал участие в их кампании против военной политики имперского правительства. Кроме того, кадеты имели тесные связи с некоторыми членами министерства иностранных дел (Г.Н. Трубецким, Б.Э. Нольде, С.Д. Сазоновым). В свою очередь МИД координировал Армянскую национальную делегацию в Париже. Во время войны Милоков имел собственные взгляды на Армению. Он одобрял русскую аннексию в то время, когда правительство России выступало за сохранение суверенитета Османской власти¹. Его аргументы, однако, в основном сводились скорее к обеспечению безопасности армян и их защите от османского преследования, чем к преимуществам экономической эксплуатации этого региона для самой России.

В военные годы Милоков собирал сведения о нарушениях со стороны правительства и распространял эту информацию как среди других оппозиционных движений внутри России, так и среди иностранных должностных лиц, с которыми кадеты имели связи². Весной 1916 г. Милоков осудил поведение «армянофобской» администрации великого князя Николая Николаевича на Кавказе, который был «более дружелобен к [курдам], чем к старым друзьям»³. Во время своего участия в парламентской делегации во Франции, Великобритании и Италии в апреле–мае 1916 г. Милоков обсудил политику России по отношению к Армении с министром иностранных дел Великобритании Эдвардом Греем, а также с руководителем Армянской национальной делегации, Погосом Нубаром, в Париже. В этой последней встрече также принял участие доктор Акоп Завриев, представитель делегации в Петрограде⁴.

Однако первые меры по осуществлению преобразований революции на оккупированных территориях берут свое начало не в Петрограде, а на самом фронте. Новости о Февральской революции достигли Трапезунда, занятого русскими войсками весной 1916 г., 4 марта 1917 г. Через четыре дня местные военные газеты опубликовали обращение Временного правительства, а день спустя военное министерство отозвало командующего Трапезундским укрепрайоном, генерала А.В. Шварца. Сразу же после этого «временный исполнительный комитет» сродни тем, что возникли по всей России, взял на себя поддержание мира и порядка в городе⁵.

¹ Милоков П. Судьба Турецкой Армении // Речь. 1914. 5 декабря. См. также: Черновая записка П.Н. Милокова по вопросу об Армении (1914 г.) // ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1874. Армянский национальный совет по понятным причинам выступал за предложение Милокова (Boghos Nubar's Papers and the Armenian Question, 1915–1918: Documents / Ed. and transl. V. Ghazarian. Waltham, 1996. P. 16, 69, 72).

² См. его личные дела: ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Кадетские доклады о преследовании армян, которые оказались за рубежом см.: Swiss Professor Naville to FO, 16 May 1916 // NAUK FO 371/1916/2778/N103491; Lucien Wolf to Lord Bryce // YIVO. Wolf–Mowcowitch Collection. Folder 65. P. 185–191 [reel 6, frames 543–549]. Вольф получил множество отчетов о преследовании евреев, многие из которых дублируют документы, найденные в личных файлах Милокова.

³ Цит. по: *Hovansisian P. Armenia...* P. 63; *Somankian M. Empires in Conflict...* P. 110.

⁴ Протокол заседания см.: Boghos Nubar... P. 336–338. Дела в архиве Милокова также содержат довоенный доклад доктора Завриева о его встрече с генеральными инспекторами, которым было поручено осуществить несостоявшуюся армянскую программу реформ 1914 г. (Отчеты А. Завриева о его встречах с генеральными инспекторами европейских стран в Турецкой Армении (16 мая 1914; 25 л.) // ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1868).

⁵ Трапезундский военный листок. 1917. 4, 8, 9 марта. Оценку революции одним из помощников Шварца см.: *Мицлов С.Р.* Трапезундская эпопея: дневник. Киев–Трапезунд–Финляндия. Берлин, [1925]. С. 256–260.

Новые рекомендации по управлению всей оккупированной территорией появились две недели спустя. Генерал Б.С. Романовский-Романько, временный генерал-губернатор областей Турции, занятых по праву войны, издал обращение «Народам завоеванных [sic] областей Турецкой империи». В нем он объявил:

«Народы завоеванных областей!!! И вас ждет счастье войти на лоно Российских народностей и приобщаться к свободной жизни, открывающейся отныне перед всеми русскими гражданами.

Объявляю вам об этом, чтобы радость, охватившая Россию, стала бы и для вас всех такую же радостью и чтобы вы, в предвидении скорейшего слияния с народами Великой России, побратались бы с нами и постарались бы заслужить то счастье, которое вас ожидает, стать в будущем российскими гражданами»¹.

Романовский-Романько издал это обращение, чтобы убедить население в том, что Кавказская армия будет подчиняться новому Временному правительству. Однако в обращении к населению оккупированной территории как «в будущем российским гражданам» он вышел за рамки своих полномочий. Он относился к ним как к населению территории, которая *аннексирована*, — состояние, которое может быть определено только за столом мирных переговоров. Две недели спустя, в отчете о состоянии генерал-губернаторства областей Турции, занятых по праву войны, Особому закавказскому комитету Временного правительства генерал указал, что нуждается в наставлении. Призванный контролировать военные вопросы, генерал-губернатор также имел задачу «выполнять роль строителя новых форм гражданской жизни края, и в этом отношении должно неуклонно идти по стезе культурно-созидательной деятельности, в самом обширном значении этого слова построить новые формы общественной жизни в регионе и, следовательно, неизбежно должен заниматься творческой культурной работой». При этом «по вопросу национальному Генерал-Губернаторство ставило себе в непременный долг совершенно одинаковое доброжелательное отношение ко всем народностям завоеванного края». В этом Романовский-Романько повторял официальную программу всех предыдущих российских чиновников: Воронцова-Дашкова, Сазонова и Великого князя Николая Николаевича. Однако, по его мнению, скорейшие преобразования в отношении самоуправления осложнялись тем, что «более культурные и сочувствующие нам в борьбе с Турцией народности» составляли на оккупированных территориях меньшинство.

По этой причине Романовский-Романько и запросил указаний от Временного правительства. Во-первых, считается ли население оккупированной территории полноправными гражданами «Свободной Русской Державы» с признанием всех сопутствующих прав самоуправления? Или они будут рассматриваться как население оккупированной территории, которая еще была неприсоединенной и «потому неприобщенной к благам возведенных в России свобод, впрямь

¹ Генерал Романовский-Романько, Временный генерал-губернатор на территориях Турции, занятых по праву войны, «Народам завоеванных областей Турецкой империи» // Кавказское слово. 1917. 14 марта. Копию обращения на русском, армянском и старотурецком см.: РГВИА. Ф. 132. Оп. 2. Д. 149. Л. 80–81.

до заключения мира»?¹ Иначе говоря, Романовский-Романько спрашивал, распространяется ли имманентное обещание Революции на оккупированную территорию, преодолевая формальные государственные границы, или существующие стандарты норм международного права вооруженных конфликтов, проводящие различие между оккупированными и аннексированными территориями, всё еще сдерживали возможности Революции.

Учитывая широкие вопросы общественной жизни, которые были неразрывно связаны с управлением оккупированной территорией, Б.С. Романовский-Романько предложил «учредить при Генерал-Губернаторстве особый орган комиссариата, как постоянный корректив и проводник всех взглядов и стремлений Временного Правительства»². Военное командование *само* запросило раньше каких-либо указаний от Временного правительства, чтобы военная администрация находилась под политическим контролем, и даже специально ходатайствовало о назначении политического комиссара для наблюдения за оккупационными властями.

Февральская революция, таким образом, сразу привнесла ряд позитивных изменений в управление оккупированными территориями. Военные, как в целом, так и в частности на оккупированных территориях, стали политически ответственны за свои действия. Это изменение выразилось в замене «временного военного генерал-губернатора», назначенного Главнокомандующим, политическим комиссаром, назначенным и подотчетным Временному правительству.

Появилась возможность привлечь к судебной ответственности военных должностных лиц за их неправомерные действия. В рамках этой общей динамики некоторые самые печально известные командиры, отождествляемые либо с прокурдской политикой, либо с антикурдскими эксцессами, были уволены. Так, генерал Ф.Г. Чернозубов был освобожден от занимаемой должности и осужден за свою политику против курдов, в то время как князь Б.Н. Шаховской, доверенное лицо великого князя Николая Николаевича, был арестован за свою прокурдскую политику³. Эта практика в оккупированных областях затем покатила вниз по инстанциям. На очередном собрании представителей генерал-губернаторства областей Турции, занятых по праву войны, было принято постановление, устранявшее от работы всех, кто в прошлом или настоящем занимался полицейской работой любого рода, а также всех должностных лиц, которые заработали «позорную репутацию». В постановлении говорилось, что проводниками русского правосознания должны быть «вполне подготовленные и честные люди, способные высоко держать русское знамя», поскольку под ним «найдут покровительство, раскрепощение и свободу все угнетенные и покоренные народы отныне великой и свободной России»⁴.

¹ Доклад военного генерал-губернатора в Особый закавказский комитет о положении дел в завоеванных областях Турции и принимаемых мер в управлении таковыми и приложения к докладу (28 марта 1917) // РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 149. Л. 18–19.

² Там же. Л. 19 об.

³ Отставка Ген. Чернозубова // Закавказская речь. 1917. 24 марта; Хроника: Дело кн. Шаховского и Ген. Чернозубова // Кавказское слово. 1917. 9 июня. В июне 1917 г. исполнительный комитет Эрзерума освободил от должности командира первого района Эрзерумского региона, штабс-капитана Алексева за присвоение средств во время масштабного обыска в местной деревне (Хроника: Эрзерумский исполн. Комитет // Кавказское слово. 1917. 18 июня).

⁴ В управлении воен. губернатора занятых областей Турции // Кавказское слово. 1917. 23 марта.

К началу апреля 1917 г. Временное правительство начало создавать новые структуры для управления оккупированными территориями. В то время П.Н. Милоков, бывший оппозиционер, стал министром иностранных дел. Его помощником был Б.Э. Нольде, который присоединился к кадетскому ЦК в начале 1916 г. К тому моменту он уже долгое время являлся юрисконсультантом МИД¹. В феврале 1915 г., после победы России в Сарыкамышском сражении и продвижения вглубь османской территории Нольде составил для министерства иностранных дел проект под названием «Будущее устройство Армении: основные положения»². По существу это было неудавшееся многостороннее соглашение по армянской реформе 1914 г., с добавлением более активного надзора, который должен был осуществлять европейский генерал-губернатор³. МИД заново утвердил эту общую политику в июле 1915 г. К этому времени правительство России было в полной мере осведомлено о массовых убийствах армян⁴.

Однако под руководством Милокова министерство иностранных дел Временного правительства должно было занять гораздо более агрессивную проармянскую позицию. В начале апреля 1917 г. доктор Завриев, член партии Дашнакцутюн и представитель Армянского национального совета в Петрограде, представил Милокову характеристику генерала Евгения Евгеньевича Вышинского⁵. В апреле 1917 г. Вышинский был дежурным генерального штаба Кавказской армии. Он имел давние связи с регионом: служил военным атташе России в Эрзеруме, а в 1912 г. представил доклад «О значении Армении для будущей войны». Он утверждал, что интересы России требовали поддержки местных христиан. Завриев заверил Милокова: «Настроенный благоприятно в отношении армян, он [Вышинский. — П. Х.], в то же время не позволил себе несправедливости в отношении других народностей». В заключение Завриев заявил, что генерал Вышинский — «единственный человек среди лиц Кавказа, к которому армяне отнеслись бы с доверием на этой должности»⁶. Чувствуя, что прежняя администрация была решительно антиармянской, Завриев делал всё, чтобы должностное лицо, симпатизирующее армянам, было назначено в качестве советника Временного правительства. Его усилия принесли свои плоды. На заседании правительства 6 апреля 1917 г. для обсуждения вопросов

¹ О взглядах Нольде в этот период см.: *Holquist P. The Dilemmas of an 'Official with Progressive Views': Baron Boris Nolde // Kritika. 2006. Vol. 7. N 2. P. 241–273.*

² [Нольде Б.] Будущее устройство Армении: Основные положения // АВПРИ. Ф. 340. Оп. 610. Д. 172.

³ По поводу соглашения о реформе 1914 г. см.: *Mandelstam A. 1) Le Sort de l'Empire Ottoman. Lausanne; Paris, 1917. P. 206–245; 2) La politique russe en Arménie turque à la veille de la Grande Guerre // Monde slave. T. 1. 1935; Davison R.H. The Armenian Crisis, 1912–1914 // American Historical Review. 1948. Vol. 53. N 3. P. 481–505; Kieser H.-L., Polatel M., Schmutz T. Reform or Cataclysm? The Agreement of 8 February 1914 regarding the Ottoman Eastern Provinces // Journal of Genocide Research. 2015. Vol. 17. N 3. P. 285–304.*

⁴ Министр иностранных дел Сазонов поручил послу Бенкендорфу в Лондоне, чтобы «формирование автономной Армении в рамках суверенитета султана и в рамках трехстороннего протектората России, Франции и Англии было бы естественным результатом давнего добрососедского отношения не только России, но ее союзников, с турецкими армянами» (Раздел Азиатской Турции... С. 139).

⁵ О служебной карьере Вышинского см.: *Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года: Биобиблиографический словарь. М., 2005. С. 56–57.*

⁶ Рукописная записка от доктора Завриева, Петроград, 3 апреля 1917 года // ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 2243. Л. 1–5.

организации районов «Турецкой Армении» был вызван генерал Вышинский, которого за три дня до того порекомендовал Милокову Завриев. Вышинский представил проект свода основных принципов управления оккупированным регионом, который соответствовал рекомендациям, официально выпущенным Временным правительством¹. Армянские активисты считали, что «устаи П.Н. Милокова оно [Временное Правительство. — П. Х.] заявило, что, поскольку старое правительство твердо и определенно проводило в Армении “курдскую ориентацию”, постольку оно будет проводить “армянскую ориентацию”»².

Руководящие указания Временного правительства для управления оккупированными районами Османской империи (или, как Временное правительство теперь называло их, «Турецкой Арменией») вышли в свет 26 апреля 1917 г. Здесь Завриев снова повлиял на мнение властей. Он направил письмо Временному правительству с изложением своих взглядов на то, как следует поступить с администрацией оккупированных территорий: «Армяне не могут допустить никакого подчинения Генерал-Коммиссара военным властям Кавказа и не могут пойти в этом ни на какие уступки и компромиссы. Это является основным условием для раскрепощения армян от турецко-курдского господства, и от насилий военного чиновничества, и поныне сохранившегося неизменным на Кавказе». Завриев выразил недоверие генералу Н.Н. Юденичу, который в его глазах был, как и его бывшие начальники, приверженцем прокурдской ориентации.

Дилемма для Завриева и для армянских активистов в целом состояла в том, что Временное правительство, выражая свою приверженность Армении, при этом проводило политику без аннексий. Это означало, что оккупированную Армению не планируется включить в новое, революционное Российское государство. В этой ситуации лучшим исходом для Завриева и сторонников армянского дела был бы полный переход управления оккупированных территорий из рук военных в руки комиссара, подотчетного исключительно Временному правительству. Именно это Завриев и изложил. Кроме того, он настаивал, чтобы при комиссаре состоял помощник по гражданской части и начальник канцелярии, назначенные из «числа лиц, принадлежащих к армянской национальности». Собственно, именно Завриев поставил вопрос об управлении оккупированной Арменией на повестку дня Временного правительства, и именно он представил проект предложения.

26 апреля 1917 г. Временное правительство выпустило постановление о том, как управлять «оккупированной Турецкой Арменией». Она начиналась со ссылок на ст. 42 и 43 Гаагской конвенции 1907 г. По сути дела, в этих статьях ничего не сказано о том, под чьим контролем должна находиться оккупированная территория: военных или гражданских властей. Они регулировали только условия, на которых управление переходит от суверенной власти государства к оккупанту. Временное правительство включило статьи международного права не для того, чтобы скрыть отношение России

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. М., 2001. С. 238; Проект указа Временного правительства об утверждении в должности генерал-губернатора областей Турции, занятых по праву войны, генерал-майора Вышинского // ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1750.

² О временном управлении в завоеванной у Турции Армении // Армянский вестник. 1917. № 16. 23 апреля. С. 1–2. В статье отмечалось, что Романовы проводили враждебную и мстительную политику по отношению к армянам. «Цель эта диктовала доброжелательное и провинциально-покровительственное отношение к курдам, явным врагам армян, которое создало невежественную и нелепую “курдскую ориентацию” в Армении».

к оккупированной территории, но в качестве дополнительного, изворотливого и неточного обоснования политического контроля со стороны Временного правительства вместо военного контроля со стороны Кавказского фронта. Постановление Временного правительства от 26 апреля гласило: «1. Территория “Турецкой Армении”, занятой российскими войсками, в отношении гражданского управления, изымается из ведения кавказских властей, а равно военных властей Кавказского фронта, и непосредственно подчиняется Временному правительству; 2. Ближайшее осуществление означенных полномочий <...> вверяется Временным правительством назначенному им Генеральному комиссару Турецкой Армении; и 3. При Генеральном комиссаре Турецкой Армении состоит помощник по гражданской части»¹.

Что касается третьего пункта, из опубликованной декларации Временного правительства была исключена формулировка, присутствовавшая в проекте, которая содержала явное пожелание Завриева: «...назначаются Временным Правительством из числа лиц, принадлежащих к армянской национальности»². Тем не менее, хотя из постановления была исключена эта формулировка, на практике Временное правительство отвечало этим пожеланиям: в качестве заместителя Генерального комиссара по гражданской части оно назначило самого Завриева³.

Это постановление, однако, было официально опубликовано только месяц спустя⁴. В результате власти на Кавказе, в том числе должностные лица самого генерал-губернаторства, не знали о нем⁵. Доходило до того, что в начале июня сам Генеральный комиссар генерал П.И. Аверьянов, назначенный на эту должность в середине мая, жаловался на отсутствие опубликованного постановления правительства, без которого он не мог издавать никаких указаний⁶.

Когда новый Генеральный комиссар 15 мая 1917 г. выехал из Петрограда, при нем были инструкции от Временного правительства⁷. Они четко указывали на стремление новых властей искупить предыдущую антиармянскую ориентацию

¹ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 1. С. 356–357. В последующие дни постановление было разослано Кавказским властям: РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 17. Л. 42; Телеграмма из Петрограда Главнокомандующему Кавказской армии генералу Юденичу и председателю Закавказского комитета Харламову, 1 мая 1917 // РГВИА. Ф. 2168. Оп. 1. Д. 416. Л. 9–11.

² Проект постановления Временного правительства от 26 апреля 1917 об устройстве Турецкой Армении, арт. 3 // ГА РФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1470. Л. 8–9.

³ Журналы заседаний Временного правительства. Т. 2. М., 2002. С. 377.

⁴ Вестник Временного правительства. 1917. 25 мая.

⁵ Хроника: В управлении военного генерал-губернаторства // Кавказское слово. 1917. 4 мая.

⁶ Секретная телеграмма от Генерального комиссара Аверьянова, 1/14 июня 1917 и ответ министра иностранных дел Терещенко, 6/19 июня 1917 // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4129. Л. 4–5. Постановление было опубликовано в «Кавказском слове» только 11 июня (Постановление Временного Правительства о Турецкой Армении // Кавказское слово. 1917. 11 июня). О военной карьере Аверьянова см.: *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды. С. 9–10. Вышинский, которого требовал Завриев, предположительно был нужен для других задач: 7 апреля, более чем за две недели до декрета Временного правительства, он был назначен начальником штаба Кавказской армии.

⁷ Указания, выданные Генеральному комиссару регионов Турции, занятых по праву войны (утверждено Временным правительством 15 мая 1917 года и лично передано генералу Аверьянову) // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4129. Л. 2. Л. 36–37. Опубликованы в Журнале заседаний Временного правительства. Т. 2. С. 376–377.

с помощью нынешней энергичной проармянской политики. Признавая, что правительство выступает за мир «без аннексий и контрибуций, на принципах самоопределения народов», тем не менее было сказано, что «не предпринимая вопроса о будущих географических и политических границах Армении, Временное правительство из занятых ныне в Азиатской Турции по праву войны областей считает искони армянскими вилайеты: Ванский, Тбилисский и Эрзерумский». Большое количество армян проживало в этих регионах, но при этом они составляли лишь одну четверть населения в этих регионах до массовых убийств и выселений в этом регионе¹. Тем не менее «в интересах поднятия хозяйства страны, а также во имя справедливости для восстановления прав армян, резней и выселением погранных Турцией», Временному правительству «надлежит принять теперь же меры к обратному заселению этих областей армянами», как из России, так и любых беженцев с контролируемой османами территории. При этом Временное правительство объявляло, что запрещает возвращение всех турок, курдов и лазов, ушедших с турецкими силами. Этим оно окончательно заявило, что новые власти выступают на стороне армян на оккупированных территориях. Правда, инструкции предусматривали, что ограничения не распространяются на тех турок, курдов и лазов, которые остались в регионе.

Здесь нужно отметить несколько важных особенностей. Во-первых, эта политика ознаменовала радикальный отход от линии имперского правительства, независимо от того, какой она была на практике. И воззвание И.И. Воронцова-Дашкова в октябре 1914 г. и переписка между великим князем Николаем Николаевичем и С.Д. Сазоновым летом 1916 г. направили российское правительство на справедливый и беспристрастный курс по отношению ко всему населению оккупированной территории². Во-вторых, провозглашая себя приверженным принципам национального самоопределения, Временное правительство при этом одновременно выступало на стороне армянского населения, которое было меньшинством на территории, признанной «армянской». И, наконец, эта политика де-юре нарушала международное право оккупации, поскольку стремилась манипулировать демографическими тенденциями, пока российские войска занимали эти регионы, но еще официально не аннексировали их. Действительно, инструкции Временного правительства Генеральному комиссару Аверьянову, вероятно, нарушали ст. 43 Гаагской конвенции — ту самую статью, на которую Временное правительство ссылалось в декрете 26 апреля о создании Генерального комиссариата.

Известие о назначении Завриева привело к протестам мусульманских организаций и советов, представляющих мусульманские города и воинские части,

¹ M. Zarzecki, vice consul à Van, à M. Pichon, Ministre des Affaires étrangères, Van, le 11 Oct. 1913: № 20: Le question kurdo-arménienne vue des vilayets de Van et de Bitlis // Ministère des affaires étrangères: Archives diplomatiques. Guerre 1914–1918. Turquie. Vol. 887: Arménie I [août 1914 — décembre 1915]. P. 4; Куропаткин А.Н. Границы России в результате войны 1914–1915 годов. (Соображения к требованиям при заключении мира) // ГА РФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 751, т. 2. Л. 216–218; Минорский В.Ф. Курды: Заметки и впечатления // Известия Министерства иностранных дел. 1915. № 3. С. 189–231.

² Приказ № 106 по Кавказской армии, Тифлис, 31 окт. 1914 // ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1880. Л. 1; Сазонов — Великому князю Николаю Николаевичу, 1/14 июня 1916 и ответ Великого князя Сазонову, 3/16 июля 1916 // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 3481. Л. 11–13, 15 — 16 об. Опубликовано: Раздел Азиатской Турции. С. 207–209, 211–212. Более широкий контекст см.: Holquist P. Politics and Practice...

утверждавших, что было несправедливо назначить дашнакского активиста для наблюдения за многонациональным регионом. Они требовали назначить мусульманина в качестве еще одного помощника, чтобы компенсировать влияние Завриева¹. Временное правительство не согласилось. Завриев, как ответил им министр иностранных дел М.И. Терещенко, был хорошо знаком с «исконно армянскими» вилайетами Эрзерум, Ван и Битлис. Кроме того, «Временное правительство приняло все меры по обеспечению всей юридической поддержки и защиты населения занятой нами Турции, без различия национальностей»².

Это последнее заявление, должно быть, поразило жителей региона своей фантастичностью. На протяжении всего периода 1914–1917 гг. военное насилие в регионе было безжалостным и жестоким. Оно подчиняло гражданское население диктату «военной необходимости». Подозреваемые в нелояльности часто подвергались высылке и насилию. Но это была целенаправленная политика, хотя и сопровождавшаяся разгулом насилия и частыми эксцессами. В течение 1917 г. в связи с развалом военной дисциплины и разногласиями по поводу применения законной силы создалась ситуация, при которой насилие стало вездесущим. В любом случае, стало хуже, потому что не хватало системы обычного военного насилия. Вместо того чтобы беспокоиться об общих военных нуждах армии или ее операций, войска всё чаще заботились о собственном выживании³.

В то время как подчинение военных политической власти, несомненно, было позитивным шагом, эти положительные сдвиги сопровождались крахом способности государства обеспечить выполнение своих желаний по всей России, на фронте, а также на оккупированных территориях. Временное правительство проводило однозначно проармянскую политику, согласно которой три вилайета признавались исконно армянскими. Это заявление, радостно воспринятое армянскими организациями, вышло именно тогда, когда армия всё менее и менее была в состоянии обеспечивать такую программу. Действительно, в течение года армяне, а также курды, турки, греки и сами русские всё чаще подвергались мародерству, грабежам и изнасилованиям со стороны отдельных российских военных частей.

Первой проблемой, ставшей очевидной, была общая нехватка войск для поддержания порядка⁴. Имперские власти еще в 1916 г. приняли решение нанять полицей-

¹ Телеграмма от Закавказского мусульманского комитета князю Львову и Военному министру Керенскому, Баку, 16 июня 1917 // ГА РФ. Ф. 1778. Оп. 1. Д. 254. Л. 2; Хроника: Просьба мусульман // Кавказское слово. 1917. 20 июня; Телеграмма от председателя Тифлисского мусульманского комитета Временному правительству и Петросовету, 23 июня 1917; Телеграмма от исполнительного комитета Дагестана, 24 июня 1917 // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4129. Л. 12–14, 15–17.

² Министр иностранных дел Терещенко — председателю Исполнительного комитета Дагестана, Темир-Хан-Шуре, 5 июля 1917 // АВПРИ. Ф. 151. Оп. 482. Д. 4129. Л. 22.

³ *Holquist P. Forms of Violence...*

⁴ Например, все многократные запросы в июне–июле 1917 г. регионального комиссара Эрзерума предоставить ему воинские части для охраны дорог и борьбы с бандитизмом и мародерством были отклонены высшим командованием (РГВИА. Ф. 2168. Оп. 1. Д. 15. Л. 15–17); или жалобы начальника гарнизона в Казвине, что у него совсем нет хоть сколько-нибудь надежных войск, с помощью которых можно было бы бороться с грабежами, осуществляемыми его собственными подразделениями в городе (Командир Первого Кавказского корпуса — Главе Казвинского гарнизона, 16 июля 1917 // ГА РФ. Ф. Р-4738. Оп. 1. Д. 245. Л. 11). Таких случаев — великое множество.

ских чиновников для этих целей. Некоторые сотрудники полиции, а также другие государственные служащие подали заявки на эти должности. Однако в связи с революцией все они в одночасье стали «полицейскими чиновниками старого режима»¹.

Прямым следствием увольнения Временным правительством всех полицейских чиновников, нанятых до февраля 1917 г., была катастрофическая нехватка работников для управления оккупированной территорией на местах. Солдат, занявших их место, было недостаточно даже для удовлетворения потребностей муниципальной полиции, не говоря уже о сельской местности. В таких условиях, писал Генеральный комиссар, он просто не мог осуществлять какую-либо власть в регионе под своим номинальным контролем². Кроме того, наблюдалась и общая нехватка войск в регионе, поскольку он считался второстепенным театром военных действий. Помимо этого всё больше и больше военнотружеников отказывалось от назначений за пределами своих гарнизонов. Создалась ситуация, при которой у военного командования, управлявшего оккупированными районами, не хватало силы для борьбы с мародерством и грабежами недисциплинированных воинских частей. Кризисная ситуация с продовольственным снабжением в течение 1917 г., которая и до того на Кавказском фронте была ужасна, только усилила разложение армии.

Достижение заявленных Временным правительством целей в оккупированной Армении осложнялось двумя факторами. Один из них был очевидным: отсутствие того, что Ларс Ли назвал «реальной силой»³. Отчасти это было связано с преднамеренным устранением определенных учреждений и персонала (например полиции), которые ранее служили старому режиму. В большей степени это было связано с отсутствием какого-либо консенсуса о курсе Революции сразу после того, как она свершилась. Вторым фактором было одобрение Временным правительством армянских претензий как искупление предыдущей «реакционной» политики старого режима. Это был фактор, над которым у Временного правительства *был* контроль. Его близорукая приверженность действиям *против* прежней политики — быть революционным означало быть антиреакционным — привела к значительным осложнениям в управлении «Турецкой Арменией». После октября 1917 г. развал Русской армии имел катастрофические последствия для армян, оставшихся в этом регионе.

¹ Одной из характерных фигур был Адриан Опалев. Он стремился сделать хорошую карьеру. Будучи крестьянином из-под Вятки, он отучился на чиновника. Армия привела его во Владикавказ в 1886 г., и он оставался там, медленно поднимаясь по служебной лестнице. В сентябре 1916 г. этот 53-летний коллежский регистратор при Владикавказском съезде мировых судей подал заявление на один из постов на оккупированных территориях. Его мотивация была сугубо материальной: он был отцом шестерых детей. Заработная плата на оккупированных территориях была выше. В декабре 1916 г. он получил назначение журналистом 9-го класса полицейского управления города Вана. Однако после Февральской революции человек, всю жизнь прослуживший в судебной системе Владикавказа, превратился в представителя полицейского режима старого порядка, и как таковой он был освобожден от своих обязанностей. Это клеймо не позволяло ему работать на оккупированных территориях, при этом не позволяло ему вернуться и к своей прежней работе в суде во Владикавказе. Этот 53-летний отец шестерых детей оставался без работы на протяжении большей части 1917 г. (Файл о личном назначении Адриана Опалева // РГВИА. Ф. 13227. Оп. 2. Д. 137).

² Телеграмма от Генерала комиссара Аверьянова в Тифлисе командующему Кавказской армией в Эрзеруме, 1 августа 1917 // РГВИА. Ф. 2168. Оп. 1. Д. 15. Л. 26.

³ *Lih L. Bread and Authority in Russia, 1914–1921. Berkeley, 1990. Ch. 7.*

Сэмюэль Хирст

ПЕРВЫЕ СОВЕТСКИЕ ДИПЛОМАТЫ В АФГАНИСТАНЕ И ТУРЦИИ В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

В начале 1920-х гг. в Кабуле и Анкаре представители Советской России сотрудничали с местными коммунистами и вели подрывную деятельность против интересов Британской империи. Также дипломаты время от времени пытались поддерживать афганскую и турецкую экономическую политику. Антиимпериалистическая риторика правительств Амануллы-хана и Мустафы Кемала создавала возможности для межгосударственного сотрудничества, что допускало трансляцию опыта самой Советской России. Так, после того как В.И. Ленин настоял в Москве на необходимости государственного контроля иностранных концессий, С.И. Аралов запросил из столицы детальную информацию о советской концессионной политике, чтобы предоставить примеры турецким коллегам в Анкаре¹. Концессионная политика послужила поводом для советско-турецкого взаимодействия, поскольку оба государства опасались потерять экономическую независимость. После Первой мировой войны Ленин много писал о концессиях, пытаясь понять, как можно заполучить иностранный капитал для восстановления России, но не допустить ущемления автономии своего правительства². Политические деятели Турецкой Республики при принятии законов, обязывающих иностранных концессионеров вести коммерческую деятельность на турецком языке и нанимать турецких граждан, исходили из других представлений³. Несмотря на все идеологические различия, советская корреспонденция из Анкары и Кабула свидетельствует о том, насколько легко принципы советской экономической политики могли быть переведены на языки бывших полуколоний.

Послевоенные правительства в Москве, Кабуле и Анкаре объединяла, помимо прочего, тревога по поводу своей экономической неразвитости по сравнению с Западом. Идея о том, что государство обязано обеспечить продуктивность иностранных капиталовложений для развития национальной экономики, рефреном проходила через дипломатическую корреспонденцию. Когда Я.З. Суриц говорил об английском и французском капитале как о «хищническом», он намекал на то, что разграбление природных ресурсов колоний не сыграет исторически прогрессивной роли. С другой стороны, переговоры советских дипломатов с афганскими

¹ Письмо С.И. Аралова Г.В. Чичерину. 28 февраля 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2204. Л. 50.

² *Донгаров А.Г.* Иностранный капитал в России и СССР. М., 1990.

³ *Koraltürk M.* Erken Cumhuriyet Döneminde Ekonominin Türkleştirilmesi. İstanbul, 2011.

и турецкими партнерами о возможности продуктивного использования немецкого или итальянского капитала выражают их надежду на то, что с надлежащими мерами предосторожности иностранный капитал мог быть использован для обеспечения промышленного роста¹. Желание обеспечить экономическую независимость через регулирование отношений с Западом способствовало сотрудничеству Советской России с такими государствами, как Афганистан и Турция.

В некотором смысле здесь нет ничего удивительного. Исследования советской национальной политики показали, что представления об историческом развитии нации сформировали политический курс Москвы по отношению к бывшим колониальным народам в составе СССР². Несмотря на то что исследователи советской национальной политики подчеркивали приверженность советского государства политической и культурной автономии, нетрудно догадаться, как советские понятия о развитии наций, возникшие из потребности экономической интеграции территорий бывшей Российской империи, могли ориентироваться на экономическую независимость бывших колониальных народов на территории других государств³. Недавние работы о советской внешней политике, бесспорно, выявили центральное место экономических вопросов в дипломатии Советской России⁴.

И все-таки на фоне всё увеличивающегося потока публикаций о транснациональных связях после Первой мировой войны переписка таких фигур, как С.И. Арапов, Я.З. Суриц, Ф.Ф. Раскольников и Л.М. Рейснер, выходит на новый уровень значимости. В своей книге «Вильсоновский момент» Эрез Манела рассматривает язык национального самоопределения в строго политических терминах и делает вывод, что вариант национального самоопределения Советской России приобрел популярность в колониальном мире только после краха либерализма Вудро Вильсона⁵. Адам Туз возвращает экономическую тематику в повествование о политических событиях после Первой мировой войны и обращает внимание на узкие рамки исследования Манелы, но, как и Манела, Туз создает историю, в высшей степени ориентированную на Америку⁶. В то же время Туз отмечает, что хотя число наций увеличилось после Первой мировой войны, возросли и их опасения за свой суверенитет, принимая во внимание мощный потенциал новых международных политических и финансовых организаций. Именно в контексте этой обеспокоенности

¹ См., напр.: Письмо Сурица Карахану. 19 июля 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 85. Оп. С-Турция. Д. 103. Л. 16.

² *Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // *Slavic Review*. 1994. Vol. 53. N 2. P. 414–452; *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca, 2001; *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca, 2005.

³ *Payne M.* Stalin's Railroad: Turksib and the Building of Socialism. Pittsburgh, 200; *Khalid A.* Backwardness and the Quest for Civilization: Early Soviet Central Asia in Comparative Perspective // *Slavic Review*. 2006. Vol. 65. N 2. P. 232.

⁴ *Шишкин В.А.* Становление внешней политики послереволюционной России (1917–1930) и капиталистический мир: от революционного «западничества» к «национал-большевизму»: очерк истории. СПб., 2002; Москва–Рим: Политика и дипломатия Кремля. 1920–1939 / Отв. ред. Г.Н. Севостьянов. М., 2002.

⁵ *Manela E.* The Wilsonian Moment: Self-Determination and the International Origins of Anti-colonial Nationalism. Oxford, 2007.

⁶ *Tooze A.* The Deluge: The Great War, America and the Making of the Global Order, 1916–1931. N. Y., 2014.

по поводу независимости Советская Россия играла важную роль по крайней мере в Афганистане и Турции.

Первая половина этой статьи посвящена двум годам, которые Раскольников и Рейснер провели в Афганистане, и раскрывает мотивы, заставившие их перейти на язык экономических терминов в своих рассуждениях о стране. Вторая часть относится к тому же временному периоду в Турции, где Аралов вел переговоры об экономическом развитии с турецкими коллегами с первого дня своего прибытия. Неудача Аралова в Анкаре служит ярким подтверждением того, что советские дипломаты не просто экспортировали идеи из Москвы, им приходилось многому учиться в своих поездках. Фокус внимания на Кабуле и Анкаре исключает Тегеран и Улан-Батор, помимо других столиц, но личность Сурица во многом способствует установлению связей между ними. Из всех дипломатов, упомянутых в данной работе, Суриц, несомненно, добился большего успеха, чем другие, но не только широта взглядов Сурица проходит красной нитью через всю хронику. Он был предшественником Раскольникова в качестве представителя Москвы в Кабуле и стал преемником Аралова в Анкаре. Это пересечение отражает повторяющиеся опасения относительно экономической зависимости от Запада и подчас далекие от реалий идеи о том, как Советская Россия могла содействовать в противостоянии этой зависимости.

Кабул. 1921–1923

Раскольников и Рейснер прибыли в Кабул 16 июля 1921 г., и на тот момент они могли и не думать о своих хозяевах в национальных категориях¹. Москва, которую они покинули, уже становилась транзитным узлом в международной сети антиколониализма. Индусские революционеры внушили Ленину в Москве надежду на то, что антианглийские настроения, подпитываемые в Афганистане, перетекут в Индию². Раскольников и Рейснер были осведомлены об этих разговорах и понимали, что Кабул был космополитическим городом³. Ведь Афганистан являлся отправной точкой для революции не только в Индии. Когда османский офицер Казим⁴ в 1916 г. приехал в составе османско-немецкой делегации, его успех зависел не только от разделяемых многими идей антиколониализма, но и от модернизационных идей, объединяющих определенную часть мусульманского мира. Раскольников и Рейснер не могли не знать о деятельности Казима, поскольку он сыграл весомую роль в привлечении внимания советского руководства к Афганистану⁵. Незадолго до того, как Рейснер и Раскольников отправились в Кабул, афганские и турецкие представители заключили в Москве соглашение о дружбе. Трехсторонние отношения между Анкарой, Москвой и Кабулом оставались крайне важными

¹ Письмо Раскольникова Чичерину. 25 августа 1921 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 49. Л. 51.

² Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан, 1919–1929. Иркутск, 1998. С. 16–17.

³ См.: Stolle C. “Enough of the Great Napoleons!” Raja Mahendra Pratap’s Pan-Asian Projects (1929–1939) // *Modern Asian Studies*. 2012. Vol. 46. N 2. P. 403–423.

⁴ Kazim Orbay.

⁵ См.: Панин С.Б. Советская Россия и Афганистан... С. 9; Adamec L. *Afghanistan’s Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century: Relations with the USSR, Germany, and Great Britain*. Tucson, 1974; Hughes T.L. *The German Mission to Afghanistan, 1915–1916* // *German Studies Review*. 2002. Vol. 25. N 3. P. 447–476.

все первые годы второго десятилетия XX в. Иранский антиколониализм был также известен Рейснер и Раскольникову, поскольку они боролись за быстро распавшуюся Социалистическую Республику Гилян в 1920–1921 гг.¹ И всё же, несмотря на все эти связи, Рейснер и Раскольников видели свою миссию в Афганистане в местных и ограниченных условиях.

Раскольников приехал в Афганистан вскоре после заключения первого советско-английского торгового соглашения, и он ясно понимал, что стадия мировой классовой революции сменялась периодом межгосударственных отношений. Столкновение с англичанами было в конечном итоге неизбежно, но на первых порах ему приходилось вести себя более дипломатично, чем в Иране². Годом ранее Раскольников умолял Ленина и Троцкого разрешить ему остаться в Иране нелегально, чтобы «исполнить мой долг революционера до конца»³. В Афганистане Раскольникову приходилось прикладывать усилия, чтобы соблюдать закон: он «сугубо конспиративно» поддерживал отношения с индийскими революционерами⁴. Примечательно, что Раскольников первое время не проявлял большого интереса к афганской экономике, равно как и к афганской политике. В письмах в Москву Раскольников подчеркивал, что он и афганский эмир Аман-Аллах почти не говорили «о социально-политическом положении Афганистана, об его внутренней политике», ограничиваясь «темами внешней политики»⁵. Задачей Раскольникова была выработка антианглийской внешней политики; яростнее же всего он боролся с чувством «национальной гордости» афганцев. Раскольников сожалел, что «Афганистан совершенно не похож на Персию, которая в течение целого ряда лет уже привыкла к роли слепого орудия в руках той или иной иностранной державы»⁶. Высказывание Раскольникова о русско-английском противостоянии в борьбе за Иран свидетельствует о том, что в начале своего пребывания в Кабуле он представлял геополитику как биполярную систему, в которой Афганистан союзничал либо с Москвой, либо с Лондоном.

Но если Раскольников изначально и полагал, что Афганистан стоял перед взаимоисключающим выбором между советским и английским партнерством, то вместе с Рейснер они постепенно начали выступать за поддержку Афганистана, которая позволила бы этой стране наметить самостоятельный путь. Убедить Москву было непростой задачей: в конце первого отчета Раскольникова из Кабула Сталин написал презрительный ответ: «Большие мошенники эти афганцы»⁷. Стараясь привести аргументы в пользу оказания помощи Афганистану, Раскольников и Рейснер неоднократно провозглашали, что Советская Россия может и должна предложить механизмы для обеспечения независимости государствам, которым грозило экономическое господство империализма. Эти доводы уже больше не обосновывались тем, что Афганистан станет советским союзником; не было и обещаний преобразований социального строя, не говоря уже о социалистическом будущем.

¹ *Персиц М.А.* Персидский фронт мировой революции: Документы о советском вторжении в Гилян (1920–1921). М., 2009.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2128. Л. 2.

³ *Персиц М.А.* Персидский фронт... С. 51.

⁴ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 49. Л. 70.

⁵ Там же. Л. 76–77.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2128. Л. 12.

Попытки Раскольников и Рейснер добиться содействия Москвы осложнялись местоположением Афганистана на советской границе¹. С точки зрения большевиков в Ташкенте, и тем более на любой военной базе на реке Пяндж, Афганистан был скорее врагом, чем союзником. Из-за незащищенности границ в 1920-х гг. возник целый ряд конфликтов, что в большой степени сформировало представления об Афганистане в советской Средней Азии². Большевицкое руководство в Ташкенте видело в связях Аман-Аллаха с басмачеством следы панисламизма, что только укрепляло их убежденность в реакционном характере афганской политики³. Из-за пограничных конфликтов и страха Советской России перед панисламизмом историки часто пишут о взаимодействии Москвы с Афганистаном как о временном, циничном союзе⁴.

Большевики в Кабуле тем не менее основывались на позициях, определяемых скорее глобальной логикой империализма, чем особенностями Средней Азии. Раскольников приехал в посольство Советской России в 1921 г. на смену Я.З. Сурицу, и в то время, что они пересекались в полпредстве, обозначились значительные расхождения во мнениях. Раскольников и Суриц во многом были солидарны друг с другом, но в декабре 1921 г. Суриц предпринял необычный шаг, отправив в Москву письмо с объяснением своего несогласия со старшим коллегой. Раскольников заблуждался, настаивал Суриц, полагая, что Афганистан будет сотрудничать либо с Англией, либо с Советской Россией, — внешняя политика больше не была для афганского правительства приоритетом. Суриц заявлял, что Аман-Аллах сосредоточился на внутренних проблемах страны, и что война с кем бы то ни было в принципе была невозможна. Англия, в свою очередь, начала новую гонку за экономическим доминированием. «Это, прежде всего, путь концессий, — говорил он, — путь просачивания в хозяйственный организм, во все стороны экономической жизни и отсюда распространяющих свое влияние на политическую»⁵. И всё же Суриц призывал к спокойствию, несмотря на ограниченные экономические возможности большевиков. По мере того как английская политика двигалась к «неизбежной сейчас “колониционной” полосе», задачей большевиков становилось предложить незыблемую дипломатическую поддержку Афганистану и любую экономическую помощь, которую они только могли мобилизовать. Суриц взял слово «колониционная» в кавычки и подчеркнул медленный ход этого процесса. Он ссылаясь на со-

¹ Во многих недавних работах, посвященных большевицкой национальной политике в Средней Азии, Афганистан грозно маячит на горизонте. *Northrop D. Gender and Power in Stalinist Central Asia*. Cornell, 2003. P. 39–40, 136, 168; *Keller S. To Moscow, Not Mecca: The Soviet Campaign against Islam in Central Asia, 1917–1941*. Westport; Praeger, 2001. P. 44–48; *Edgar A. Tribal Nation: The Making of Soviet Turkmenistan*. Princeton, 2004. P. 67.

² О границе см. *Shaw C. Friendship under Lock and Key: The Soviet Central Asian Border, 1918–1934* // *Central Asian Survey*. 2011. Vol. 30. N 3–4. P. 331–348.

³ Камолуддин Абуллаев объясняет пограничные конфликты проявлением афганской государственности, а не панисламизмом. См.: *Абуллаев К. Эмир Аманулла и Советская Средняя Азия* // Афганистан и безопасность Центральной Азии / Под ред. А. Князева. Бишкек, 2005. С. 148.

⁴ *Noorzooy M.S. Long-term Economic Relations between Afghanistan and the Soviet Union: An Interpretive Study* // *International Journal of Middle East Studies*. 1985. Vol. 17. N 2. P. 151–173; *Stone D.R. Soviet Arms Exports in the 1920s* // *Journal of Contemporary History*. 2013. Vol. 48. N 1. P. 57–77.

⁵ РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 49. Л. 81.

общения в индийской прессе о железнодорожных изысканиях и утверждал, что «пожертвование» англичанами телеграфной проволоки являлось попыткой получить концессию для развития телеграфа в Афганистане. Суриц отстаивал тезис, что большевики больше не должны пытаться заполучить Афганистан в качестве союзника в борьбе с Англией — их целью должно было стать предотвращение последовательного экономического порабощения страны¹. Говоря о «колониционном» процессе, Суриц намекал на постепенную утрату экономической независимости Османской империи и Ирана в конце XIX в. и обязанность Советской России бороться против подобного хода событий.

Постепенно узнававшему положение дел в Кабуле Раскольникову в итоге стала ближе точка зрения Сурица. Одной из миссий Раскольникова стала демонстрация того, что большевики могли уменьшить экономическую зависимость Афганистана от Англии. Его важнейшей задачей было удостовериться в выполнении Москвой условий советско-афганского соглашения 1921 г., согласно которому Советская Россия давала обязательство направить туда финансовую помощь и военную технику. Однако его амбиции этим не ограничивались². В апреле 1922 г., учитывая бедственное положение Советской России, Раскольников обратился в Москву с просьбой рассмотреть возможность использования «германского экзотического капитала», а именно возможность переправления немецких денежных средств через Москву для инфраструктурного развития Северного Афганистана³. Идея использования немецких денег импонировала Раскольникову по той же причине, что и Аман-Аллаху: оба были убеждены в том, что условия Версальского договора не позволяли Германии превратить экономическое влияние в установление политического господства в Средней Азии⁴. В октябре Раскольников снова подчеркнул переход от мировой войны и революции к новой, «более ровной и спокойной полосе наших отношений с Афганистаном»⁵. Его телеграммы, предшествующие этому выводу, означают, что он с пристальным вниманием следил за прибытием итальянской делегации для обсуждения экономических отношений с Афганистаном⁶. Итальянские представители даже обратились к Раскольникову в надежде на сотрудничество в экономической сфере, чтобы оказать противодействие Британской империи⁷. В своем письме, посвященном этой новой фазе советско-афганских отношений, Раскольников посвятил первую содержательную часть «борьбе за экономическое влияние»⁸. Он описывал мечты англичан поработить афганскую экономику, а также стремление итальянцев этому противостоять. По большому счету, уверял он, наблюдать приходилось аналогичное столкновение интересов, которое прослеживается во взаимодействии итальянцев и англичан в отношении Турции. Раскольников заключал, что «сейчас не приходится терять времени», что «Наркоминделу

¹ О «колониционном» плане см.: *Masoero A. Territorial Colonization in Late Imperial Russia: Stages in the Development of a Concept // Kritika. 2013. Vol. 14. N 1. P. 59–91.*

² РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 49. Л. 52.

³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2179. Л. 112.

⁴ *Nicosia F. “Drang Nach Osten” Continued? Germany and Afghanistan during the Weimar Republic // Journal of Contemporary History. 1997. Vol. 32. N 2. P. 235–257.*

⁵ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2129. Л. 45.

⁶ См.: Там же. Л. 151.

⁷ Там же. Л. 46.

⁸ Там же.

следует немедленно сделать распоряжения о передаче помощи» Афганистану, и что Москва должна незамедлительно выполнить условия договора 1921 г. Эта помощь вовсе не обязательно сделала бы Афганистан союзником, но она могла бы сохранить экономическую независимость страны¹.

Вне дипломатических кругов в Москве обращения Раскольниковы наталкивались на глухую стену. Политбюро отказалось санкционировать ежегодные субсидии, закрепленные в договоре 1921 г., и уж тем более выделять дополнительные средства². Даже после получения прошений из Кабула Политбюро продолжало прислушиваться к Ташкенту³. Лишь 1 марта 1923 г. Политбюро приняло решение, согласно которому Раскольникову предстояло провести передачу обещанных боеприпасов, но строго на условиях предоставленной им гарантии, что вооружения не будут использованы против Советской России⁴. В том же месяце разочарованные косностью Политбюро Рейснер и Раскольников получили долгожданное известие о том, что их ссылка в Кабуле в скором времени завершится. Рейснер отправилась в Москву в одиночестве, Раскольников последовал за ней через несколько месяцев.

Письма Рейснер Раскольникову с дороги и из Москвы повествуют о ее личной кампании по оказанию поддержки Афганистану. В Кандагаре Рейснер обнаружила, что один из ее недавних очерков получил негативные отзывы в Москве: «Не время в столь “сочувственном” тоне писать об Афганистане»⁵. Еще в Кандагаре она столкнулась с коллегами, нетерпимо относящимися к Кабулу, и тревожилась, что Москва «была охвачена эпидемией кушкинской и ташкентской информации»⁶. С советско-афганской границы к северу от Герата Рейснер в полном отчаянии писала, что многие рассматривали Афганистан исключительно как территорию пограничных конфликтов. Находясь в Ташкенте и услышав заявление: «У нас нет почвы для экономического сближения с Афганистаном», Рейснер уверяла мужа, что «грызла вчера подушку и редела, как дура, всю ночь»⁷. Характерна и оценка Рейснер, согласно которой от близорукости большевиков пострадает не мировая революция, а конкретная нация, Афганистан, и его «бедный эмир» Аман-Аллах.

По прибытии в Москву Рейснер искала союзников. Г.В. Чичерин рассказывал ей про убежденность Сталина в том, что афганцы — это «разбойничье племя, развращенное столетними английскими подачками»; в силу же того, что большевики не могли даже надеяться состязаться с предложением англичан, Сталин не видел смысла в поддержке Афганистана. Чичерин посоветовал Рейснер в качестве альтернативы обратиться к Яну Рудзутаку, соратнику Сталина, только что вернувшемуся из Ташкента. Рейснер рассказывала Раскольникову, что она проспорила с Рудзутаком два с половиной часа, и что защита Рудзутаком интересов Средней Азии вынудила Рейснер выругаться: «Пойдите Вы к черту с Вашей Бухарой!» В конце концов Рудзук пообещал убедить Сталина начать отправку материальной помощи Афганистану. Москва отвергла требование англичан отозвать Расколькова и даже совершила неординарный шаг, позволив Раскольникову принять медаль

¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2129. Л. 45.

² РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 49. Л. 11.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 31. Л. 7; Ф. 17. Оп. 3. Д. 336. Л. 2.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 338. Л. 8.

⁵ РГАСПИ. Ф. 562. Оп. 1. Д. 3. Л. 80.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Л. 94–95.

от афганского правительства. Политбюро настаивало, что советским дипломатам не разрешалось и не будет разрешено получать медали от капиталистических правительств, но решило «в виде исключения разрешить тов. Раскольникову принять орден от афганского правительства, как правительства угнетенной империализмом страны»¹. Решение Политбюро было явно исключительным, но оно признавало, что несоциалистические страны могли быть разделены на угнетателей и угнетенных.

Как бы то ни было, последнее слово не было произнесено, и еще несколько раз в течение 1920-х гг. Раскольников добивался поддержки для Афганистана². Он продолжал говорить на языке, который усвоил в Афганистане, и в декабре 1923 г. являлся советником в комиссии, признавшей сотрудничество с Италией для экономического развития Афганистана соответствующим интересам Советского Союза³. В ноябре 1925 г., когда советские войска отбили у афганских пограничников остров Урта-Тугай, Раскольникова вызвали для определения советской позиции в последующих переговорах⁴. Раскольников снова оказался по другую сторону баррикад от представителей советской Средней Азии, и в итоге остров был возвращен Афганистану⁵. Рейснер рассталась с Раскольниковым и готовилась к еще одной поездке, в этот раз на Запад. До отъезда она писала Раскольникову, что по вечерам навещала Федора Ароновича Ротштейна, в свое время большевистского представителя в Тегеране. Рейснер усматривала много общего между ее собственным отчаянием в Кабуле и безысходностью Ротштейна в Тегеране. Вместе они «пили чай и ругали Сталина» за неспособность Москвы защитить от угрозы империализма такие восточные государства, как Иран и Афганистан⁶. Жалоба Рейснер характеризует ту второстепенную роль отношений с неевропейскими государствами, которая была характерна для советского руководства вплоть до волны деколонизации в 1950-х гг.

Анкара. 1922–1923

В отличие от Раскольникова и Рейснер, Аралов много размышлял об экономике, отправляясь на свой новый дипломатический пост в начале 1922 г. Перспектива открытия экспортного рынка в Турции внушала оптимизм в Москве и на Кавказе. На корабле, везущем товары для торговли, Аралов пересек Черное море и сошел в турецком порту Самсун⁷. Поразительным свидетельством наложения друг на друга его дипломатической и экономической службы является тот факт, что Аралов первые три месяца своего пребывания в Анкаре подчинялся одновременно Наркоминделу и Наркомвнешторгу⁸. Обеспокоенность Аралова была сходна с опасениями Раскольникова в Афганистане: он тревожился из-за присутствия английского

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 373. Д. 1.

² См.: РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 49. Л. 23.

³ Там же. Л. 32.

⁴ См.: *Panin S. B.* The Soviet-Afghan conflict of 1925–6 over the island of Urta-Tugai // *Journal of Slavic Military Studies*. 1999. Vol 12. N 3. P. 122–133; *Панин С.Б.* Советская Россия и Афганистан... С. 110–135.

⁵ РГАСПИ. Ф. 62. Оп. 2. Д. 532. Л. 35.

⁶ Там же. Ф. 562. Оп. 1. Д. 3. Л. 99.

⁷ *Иванов И.И.* Перспективы товарообмена России с Турцией. 3 мая 1921 г. // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 531. Л. 64–81; Письмо Чичерина Красину. 23 июля 1923 г. // Там же. Д. 1686. Л. 8.

⁸ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1686. Л. 13; Там же. Д. 842.

капитала и возлагал надежды на то, что немецкие или итальянские альтернативные источники капитала смогут гарантировать Турции экономическую независимость. Два с лишним года в Кабуле заставили Раскольникова признать принципиальную важность экономического развития, тогда как Аралов прибыл в Анкару, уже будучи убежденным в этом. Очевидна была необходимость развития Турции после многолетней разрушительной войны. Вместе с тем Аралов с трудом вникал в особенности страны, которая на протяжении долгого времени билась над теми же вопросами, что и он¹. Время, проведенное Араловым в Турции, можно считать в некотором смысле провалом. Он не воспринимал тревогу принимающей стороны по поводу экономической независимости, и в конечном счете на его место в качестве замены прислали Сурица. Различия в достижениях Аралова и его преемника указывают на то, что советские дипломаты постепенно узнавали, что Турция, как и Советская Россия, сопротивлялась западному капиталу, но по-своему.

Аралов прибыл в Анкару 27 января 1922 г., и обстановка показалась ему знакомой. Первые впечатления Аралова в Анкаре только подкрепили его убежденность в опасности «серьезного продвижения западного капитала и американского в Анатолию»². На открытии Торгового представительства в Анкаре он объявил, что в отличие от капиталистического Запада Советская Россия намеревалась задействовать торговлю, чтобы помочь Востоку «стать на собственные промышленные ноги»³. В этих его словах была доля правды, если учесть, что на протяжении почти всех 1920-х гг. Советская Россия обменивала нефть и цемент на турецкие апельсины и лимоны. Сегодня трудно выяснить, с какими именно словами выступил на встрече с Араловым представитель из Мерсина Салахаддин-бей⁴, но Аралову показалось, что эти слова свидетельствовали о том, что турки усвоили «сознание опасности попасть в условия тяжелой иноземной эксплуатации»⁵. Одна из причин, по которой Салахаддин и другие турецкие политики с такой готовностью приезжали к Аралову, заключалась в том, что Советская Россия была одним из немногих иностранных государств, признавших анкарское правительство и направивших свое представительство в Анкару. Аралов чувствовал себя задавленным визитами недавно назначенных правительственных министров, жаждущих получить консультацию советского представителя. Министр экономики Серры-бей⁶ неоднократно приезжал для обсуждения иностранных концессий⁷. Три законопроекта, доставленные Аралову («о праве разработки недр земли, о предприятиях, сдаваемых на эксплуатацию на концессионных основаниях, о выработке нового таможенного устава и ставок ввозных пошлин»), убедили его в том, что турецкие коллеги имели дело с трудностями, похожими на трудности Советской России⁸. Правительства обеих стран пытались контролировать вхождение западного капитала в экономические сферы, ставшие особенно уязвимыми из-за отставания в развитии и разрушений Первой мировой войны.

¹ См.: *Toprak Z. Türkiye'de Milli İktisat, 1908–1918*. Istanbul, 2012.

² РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2204. Л. 36. 14 февраля 1922 г.

³ Письмо Аралова Чичерину. 1 марта 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 117. Л. 16.

⁴ Hüseyin Selâhattin Köseoğlu.

⁵ Письмо Аралова Чичерину. 25 марта 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 117. Л. 44.

⁶ Sırrı Day.

⁷ РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 117. Л. 16.

⁸ Письмо Аралова Чичерину. 22 февраля 1922 г. // Там же. Л. 3.

Даже при том, что Аралов полагал, что нашел единомышленников, он был раздосадован тем, что изменения в Турции не происходили более высокими темпами. В разочаровании Аралова легко прочитывается его убежденность в необходимости участия государства в организации экономической жизни страны. Концессии и тарифы, безусловно, являлись частью государственного регулирования экономики, но Аралов особое внимание уделял тому, что Серры-бей говорил о национализации различных отраслей экономики¹. Аралов констатировал, что проблема Турции заключалась не в отсутствии капитала, а в том, что капитал существовал «в очень неорганизованном виде»² и был «разбросан по всей Анатолии»³. В таком состоянии турецкий капитал мог с большой вероятностью «уплыть для торговли с Западом»⁴. Аралов предполагал, что монополия внешней торговли Советской России предназначалась для решения схожей задачи — установить контроль над товарообменом с Западом. Он отмечал, что надеялся использовать советское Торговое представительство с подобной целью для организации турецкого капитала. Как и Раскольников, Аралов надеялся, что Москва сможет использовать финансовые ресурсы Германии. Он хотел привлечь немецкий капитал для открытия нового турецкого банка «под русской вывеской» и «при участии русских директоров», чтобы этот банк уменьшил зависимость Турции от иностранных капиталов⁵. Аралов был намерен создать русско-турецкое торговое общество; он заявлял: «Я ставлю необходимым условием концентрацию турецкого капитала около этого общества»⁶. Идеи Аралова могут показаться надуманными, но тем не менее всего два года спустя берлинский *Garantie und Kreditbank für den Osten* участвовал в переговорах о создании советско-турецкого смешанного акционерного общества⁷.

Не прошло и нескольких месяцев после приезда Аралова, как удача стала ему изменять. Он так и не смог признать, что нарастающий советско-турецкий конфликт частично возник из-за разного понимания экономических императивов Турции. В апреле в Москве задержали ряд турецких дипломатов по обвинению в шпионаже, а в августе в советском полпредстве вспыхнул пожар. Обе стороны вначале рассматривали эти события как сигналы перемен в отношениях, но в конечном итоге влияние этих происшествий на общий курс советско-турецких отношений было сведено к минимуму⁸. Экономическое представительство самой Советской России на проверку оказалось намного более трудной задачей. Иismet-паша встретился с Араловым 4 ноября для разъяснения причин, по которым его правительство требовало прекращения деятельности Внешторга в Турции. В силу того, что Внешторг являлся правительственным представительным органом с российским флагом, но отвечал за торговлю, турецкое правительство выражало обеспокоенность тем, что коммерческое предприятие приобрело статус экстратерриториальности⁹. По всей видимости, Аралов был

¹ Письмо Аралова Лежаве. 11 апреля 1922 г. // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 842. Л. 1.

² Письмо Аралова Лежаве. 25 февраля 1922 г. // Там же. Л. 27.

³ Письмо Аралова Чичерину. Середина марта 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 117. Л. 33.

⁴ Там же.

⁵ РГАСПИ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 842. Л. 27.

⁶ РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 117. Л. 33.

⁷ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 19. Д. 1873. Л. 21–24.

⁸ Письмо Аралова Карахану. 8 мая 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2204. Л. 114; АВП РФ. Ф. 4. Оп. 39. Папка 233. Д. 53020. Л. 153.

⁹ Разговор с Иismet Пашой. 4 ноября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 58. Л. 114.

не осведомлен, что статус европейских фирм в османской коммерческой деятельности в XIX в. проливал свет на то, почему новое турецкое правительство особенно болезненно реагировало на проблему экстратерриториальности. Аралов требовал, чтобы его отозвали в Москву в качестве показательного примера, сравнил свое положение с нахождением в лагере врага и пытался найти объяснения того, что ему представлялось внезапной переменой в турецкой политике¹. Несмотря на настоятельные уверения Рауф-бея², что закрытие Внешторга не являлось политическим актом, Аралов уведомлял Москву: «Существо дела находится в их взаимоотношениях с Францией»³. Он был убежден, что турецкие возражения против Внешторга были несущественны, и что они отражали новую расстановку сил на международной арене.

Неспособность Аралова понять обеспокоенность турок положением Внешторга привела к серьезному ухудшению советско-турецких отношений и его замене. На Лозаннской конференции Г.В. Чичерин встретился с турецкой делегацией и выслушал их жалобы на Аралова⁴. Эти отчеты наряду с его собственным разочарованием побудили Чичерина высмеять Аралова и его «чувствительную душу милого русского интеллигента»⁵. В письмах своим коллегам Чичерин подчеркивал, что Аралову нельзя доверять, что он был склонен к «скороспелым выводам» и усматривал в действиях турков то, чего не было⁶. Если Аралов видел, как турецкий министр подавлял чихание и затем сообщал в Москву, что министр «недовольно морщился», то Чичерин пытался понять контекст турецкого сопротивления Внешторгу. В Лозанне Чичерин не раз встречался с Риза Нуром и Исмет-пашой и начал понимать суть попытки турецкого правительства трансформировать османскую многонациональную экономику в турецкую национальную экономику. Чичерин сообщал, что в Анкаре «туркизируют банки и коммерческие предприятия»⁷. По его замечанию, именно это объясняло происходящее с Внешторгом: «В такой момент, когда турки отовсюду выгоняют иностранцев, иностранное производство, иностранную торговлю <...> понятно, что эта ксенофобия отражается и на нас, и еще более обостряет и без того трудный вопрос о Внешторге»⁸. Чичерина не покидала надежда, что могла быть достигнута договоренность, позволившая бы Внешторгу продолжить вести деятельность в Турции, но он признавал, что Москве придется приложить много сил, чтобы понять особенности турецкой политики.

Я.З. Суриц приехал в Анкару в июне 1923 г., и ему стало понятно, что конфликт с Внешторгом отражал самые что ни на есть реальные опасения турок. Его выбрали на замену Аралову частично из-за того, что он считался экспертом по торговым отношениям⁹, и вскоре после прибытия Сурица Политбюро дало ему распоряжение выяснить, что именно во Внешторге напоминало Турции о наследии подчинения

¹ Письмо Аралова Чичерину. 24 октября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2205. Л. 135.; Письмо Аралова Чичерину. 7 ноября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 544. Оп. 3. Д. 117. Л. 177.

² Rauf Orbay.

³ Письмо Аралова Чичерину. 9 ноября 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 58. Л. 4; Ф. 544. Оп. 3. Д. 117. Л. 177.

⁴ Письмо Чичерина Литвинову. 9 декабря 1922 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 19. Л. 64.

⁵ Письмо Чичерина Литвинову. 23 января 1923 г. // Там же. Л. 289.

⁶ Письмо Чичерина Литвинову. 21 декабря 1922 г. // Там же. Л. 115.

⁷ Письмо Чичерина Литвинову. 19 декабря 1922 г. // Там же. Л. 100.

⁸ Письмо Чичерина Литвинову. 10 января 1923 г. // Там же. Л. 228.

⁹ Письмо Красина Чичерину. 7 мая 1923 г. // РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1649. Л. 329–330.

Османской империи европейскому империализму¹. Очень быстро Суриц осознал, что конфликт с Внешторгом более глубинный, чем он полагал, и что этот конфликт не зависел от общего курса советско-турецких отношений². С замечательной ясностью он докладывал в Москву о том, что конфликт с Внешторгом был связан «в представлении турок с действительным и реальным осуществлением своей независимости»³. Более того, он пришел к выводу, что это не было культурной особенностью, а являлось плодом турецкой экономики: «Мы не учли, что органы нашей внешней торговли, по самой своей идее призванные сыграть роль барьера против натиска более сильного капитала, в странах со слабо развитой экономической структурой превращаются в свою противоположность — в органы экономической эксплуатации»⁴.

Турецкие коллеги помогли понять причины, по которым Внешторг создавал трудности в Анкаре, а разговор Сурица с тогдашним министром экономики Махмудом Эсатом был крайне показателен. Махмуд Эсат озвучил то же ощущение турецкой экономической отсталости, которое Суриц транслировал в Москву. Турецкий министр экономики поднял «вопрос этатизма» и признал, что «Турции придется стать на путь огосударствления отдельных отраслей своего хозяйства, в частности своей внешней торговли»; но, учитывая крайнюю нужду Турции в иностранном капитале и тот факт, что Советская Россия была не в состоянии предоставить этот капитал, Турция была вынуждена обратиться к Западу⁵. Советский Внешторг являлся моделью, которую Махмуд Эсат ассоциировал с этатизмом, и он сочувствовал такой модели, но для Турции время было неподходящим. В отличие от Аралова, Суриц выслушивал своих турецких коллег по экономическим вопросам и подробно отчитывался об этих встречах Москве. Он прослужил в Анкаре больше десяти лет, вплоть до того момента, когда этатизм, о котором говорил Махмуд Эсат, стал официальной частью государственной политики Турции в 1931 г.

Заключение

Собранные в этой работе высказывания рассеяны в переписке, которая охватывает широчайший спектр вопросов. Этот материал мог бы быть скомпонован по-другому, и, пожалуй, само собой разумеющимся было бы использовать эти сведения в качестве части повествования о советской внешней политике в Турции и Афганистане. Однако освещенные здесь события показывают, как советские дипломаты были вовлечены в транснациональную историю становления послевоенного мира. За последние два десятилетия турецкие историки продемонстрировали, насколько элиты Турецкой Республики были поглощены созданием национальной экономики, определенной в этнических категориях, а Чичерин и Суриц это видели уже тогда⁶. Причем когда Суриц старался разъяснить Москве положение дел в Турции,

¹ Проект директивы Сурицу. 4 июля 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 364. Л. 4.

² Письмо Сурица Карахану. 17 июня 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2158. Л. 25–27; Письмо Чичерина Сурицу. 12 июля 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 159. Оп. 2. Д. 57. Л. 117.

³ Письмо Сурица Карахану. 19 июля 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 85. Оп. С-Турция. Д. 103. Л. 11.

⁴ Там же.

⁵ Записка Сурица в НКВД. 4 октября 1923 г. // Там же. Л. 46–49.

⁶ *Bali R. Cumhuriyet Yıllarında Türkiye Yahudileri: Bir Türkleştirme Serüveni, 1923–1945.* İstanbul, 1999; *Aktar A. Varlık Vergisi ve ‘Türkleştirme’ Politikaları.* İstanbul, 2000.

ему не представилось сложным обрисовать экономику Турции в знакомых понятиях. Ввиду того что капитал в Османской империи находился в руках иностранцев, борьба турок приобрела особенно националистический характер; впрочем, этапы этой борьбы были аналогичны российским. Суриц писал, что после периода «военного национализма» Турция вступает в полосу «своего национального НЭПа»¹. А турецкое правительство, предсказывал он, будет вскоре бороться «за известные экономические “высоты”»². Суриц приехал в Анкару после службы в Кабуле и был одним из немногих, чьи действия связывали Москву, Кабул и Анкару между собой, равно как и с другими частями света.

Данная работа далека от намерения утверждать, что Советская Россия предложила альтернативную модель экономического развития в начале 1920-х гг. Суриц не скрывал, что для него соперничество с Англией в Афганистане не сводилось к тому, вступит ли Афганистан в союз с социалистической Россией или с капиталистической Англией. Напротив, для него вопрос состоял в том, сможет ли Афганистан развиваться самостоятельно и могла ли Советская Россия помочь Кабулу. Суриц, безусловно, относил Афганистан к категории, отличной от Советской России, но он надеялся, что равная обеспокоенность экономическим преимуществом Запада способствует выработке общего языка для диалога двух стран. Язык этот не был собственно продуктом марксистско-ленинской идеологии — даже до Первой мировой войны османские политики начали развивать идеи о централизованном управлении экономикой, и важную роль в этой дискуссии сыграл русский эмигрант Александр Гельфанд-Парвус³. После войны для Махмуда Эсата было вполне естественным вернуться к языку этатизма в разговоре с Сурицем. Как бы очевидны ни были основания для сотрудничества в экономической сфере, перемены во взглядах Раскольникова и неспособность Аралова добраться до сути в ситуации с Внешторгом свидетельствуют о сложном процессе взаимного познания.

¹ Письмо Сурица Карахану. 19 июля 1923 г. // РГАСПИ. Ф. 85. Оп. С-Турция. Д. 103. Л. 18.

² Там же.

³ См.: *Toprak Z. Türkiye’de Milli İktisat; Kieser H.-L. World War and World Revolution: Alexander Helphand-Parvus in Germany and Turkey* // *Kritika*. 2011. Vol. 12. N 2. P. 387–410.

Брендан МакГивер

РЕАКЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ НА АНТИСЕМИТИЗМ В 1918 г.

Вступление

В данной статье представлен анализ реакции большевиков на всплеск антисемитизма, поднявшийся сразу после Октябрьской революции 1917 г. и продолжавшийся несколько месяцев. Большевики пришли к власти в октябре 1917 г. на волне революционного оптимизма и надежды, что может быть создано новое общество, свободное не только от классово-эксплуатации, но и от национального угнетения. Тем не менее в течение нескольких недель и месяцев, последовавших за Революцией, эти радужные настроения подверглись испытанию, когда массовые вспышки антисемитского насилия охватили целые области, ранее находившиеся в черте оседлости на западных и юго-западных окраинах. Эти погромы подняли принципиальные вопросы большевистского проекта, ибо они показали характер и степень приверженности рабочего класса и крестьянства антисемитской репрезентации еврейства. В отличие от погромов середины–конца 1919 г., которые были в значительной степени осуществлены Белой армией или местными антибольшевистскими повстанческими подразделениями, погромы и насилие весны 1918 г. возникли главным образом в рядах самой Красной Армии. В некоторых областях бывшей черты оседлости большевистская власть фактически устанавливалась *посредством* антиеврейского насилия. После прихода к власти, таким образом, первое испытание, с которым большевики столкнулись по вопросу антисемитизма, было противостояние антисемитскому насилию, осуществляемому их собственными кадрами.

До сих пор наше понимание попыток большевиков справиться с антисемитизмом после 1917 г. формировалось в основном за счет предположений, а не путем интенсивного научного исследования. Большинство подходов к предмету начинаются с хорошо известного Декрета Совнаркома, подписанного В.И. Лениным 26 июля 1918 г., который обещал поставить всех погромщиков «вне закона»¹. Однако, как я покажу в этой статье, этот указ ознаменовал не начало, а *кульминацию* первой советской реакции на антисемитизм. Более того, этот доклад «разукрупняет» «большевистскую» реакцию на антисемитизм, переводя фокус на индивидуальные и коллективные формы агентности (*agency*) проводивших эту кампанию. При этом в статье показано, что, вопреки существующему мнению, первая советская реакция

¹ Аронсон Г.Я. Еврейская общественность в России в 1917–1918 гг. // Книга о русском еврействе 1917–1967 / Ред. Я.Г. Фрумкин, Г.Я. Аронсон, А.А. Гольденвейзер. Нью-Йорк, 1968. С. 132; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм. М., 2003. С. 56; Schwarz S.M. The Jews in the Soviet Union. N. Y., 1951. P. 274.

на антисемитизм исходила не от руководства партии большевиков, как это часто предполагается, а от небольшой группы меньшевистских еврейских социалистов в Московском областном еврейском комиссариате. Реакция Советского правительства на антисемитизм *была*, но она не была большевистской по своей природе.

Красноармейский антисемитизм весной 1918 г.

Важно сразу отметить, что Красная Армия была в числе наименее склонных к погромам среди всех вооруженных сил Русской революции. В своем классическом исследовании Н.Ю. Гергель подсчитал, что Красная Армия была ответственна за 8,6% всех погромов Гражданской войны, а большая их часть — на совести войск Петлюры и Деникина (40 и 17,2 % соответственно)¹. Тем не менее погромы Красной Армии остаются наименее изученными в литературе². Хотя и будучи маргинальными в общей картине антиеврейского насилия во время Гражданской войны, красные погромы весной 1918 г. имеют большое значение для настоящего исследования в силу поднимаемых ими *фундаментальных вопросов политики Советского правительства и его антирасистской стратегии*. Далекое не «случайный», как когда-то предположил Наум Юльевич Гергель³, красноармейский антисемитизм был, как я покажу в своей книге, которая скоро выйдет в свет, важной особенностью революционного процесса на западных и юго-западных окраинах страны.

В период с марта по май погромы вспыхнули по всем этим городам и деревням северо-востока Украины. Преступники, добровольцы-красногвардейцы и матросы, нападали на евреев, маршируя при этом под красным флагом. В этих регионах «классовая борьба» была переопределена антисемитизмом до такой степени, что «еврей» стал главной мишенью и воплощением антибуржуазных настроений. И эти настроения отнюдь не ограничивались северо-востоком Украины. В Екатеринославе (ныне Днепропетровск), крупном южном городе с долгой историей погромного насилия⁴, «защита революции» и «борьба против буржуазии» стали не-

¹ *Gergel N. The Pogroms in the Ukraine in 1918–1921 // YIVO Annual of Jewish Social Science. 1951. N 6. P. 248.*

² О погромах Гражданской войны см.: *Штиф Н.И. Погромы на Украине (Период Добровольческой армии)*. Берлин, 1922; *Чериковер И. История погромного движения на Украине 1917–1921*. Берлин, 1923; *Шехтман И.Б. Погромы Добровольческой армии на Украине (К истории антисемитизма на Украине в 1919–1920 гг.)*. Берлин, 1932; *Gergel N. The Pogroms in the Ukraine in 1918–1921; Cherikover I. Di ukrainer pogromen in yor 1919*. N. Y., 1965; *Kenez P. Cinema and Soviet Society, 1917–1953*. Cambridge, 1992; *Budnitskii O.V. Jews, Pogroms, and the White Movement: A Historiographical Critique // Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History. 2001. N 2 (4). P. 1–23; Будницкий О.В. Российские евреи между красными и белыми, 1917–1920*. М., 2005; Книга погромов: погромы на Украине, в Белоруссии и европейской части России в период Гражданской войны 1918–1922 гг. Сб. документов / Сост. Л.Б. Милиякова. М., 2008; *Anti-Jewish Violence: Rethinking the Pogrom in East European History / Eds. J. Dekel-Chen, D. Gaunt, N.M. Meir and I. Barta*. Bloomington, 2011; *Булдаков В.П. Хаос и этнос: этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарии, анализ*. М., 2010.

³ *Gergel N. The Pogroms in the Ukraine in 1918–1921*. P. 246.

⁴ *Wynn C. Worker, Strikes, and Pogroms: The Donbass–Dnepr Bend in Late Imperial Russia, 1870–1905*. Princeton, 1992; *Surh G. Ekaterinoslav City in 1905: Workers, Jews, and Violence // International Labor and Working-Class History. 2003. N 64. P. 139–166.*

отделимы от антисемитского насилия среди некоторых слоев населения¹. Даже в центральной России, в сердце революции — в Москве и Петрограде, антисемитизм заметно усилился в этот период². Однако именно на северо-востоке Украины имели место самые масштабные вспышки антисемитского насилия.

Красноармейский погром в Глухове, март 1918 г.

Самым жестоким проявлением «красного антисемитизма», несомненно, был погром в начале марта в Глухове, городе на востоке Черниговской области Украины, недалеко от российской границы. В начале марта, когда большевики установили военный контроль над Глуховом, лозунг местной советской власти был «Вырезать всех буржуев и жидов!»³. Свидетельские заявления в полной мере показывают тот ужас, который был выпущен на волю этим заявлением⁴. Во-первых, теперь, когда красные уверенно контролировали город, украинский Батурицкий полк перешел на сторону противника и присоединился к большевикам, провозгласив, что они воевали против советской власти главным образом только потому, что «жиды» заплатили им за это⁵. Как можно видеть, эти войска апеллировали непосредственно к большевистскому антисемитизму в попытке спастись от карательных мер. После того как полк был включен в состав большевистских войск, красноармейцы продолжили ходить от двери к двери, спрашивая: «Где здесь живут жиды?» Согласно свидетельству очевидцев, многие из местных христиан указывали красногвардейцам на еврейские кварталы⁶. В мемуарах, написанных в 1930 г., Рогатинский вспоминает, что немедленно по прибытии красные просто выстроили перед собой целые еврейские семьи и расстреляли их на месте⁷. По меньшей мере 100 жителей города были безжалостно убиты, а согласно харьковской меньшевистской газете «Социал-демократ», это число было около 425, и все они были евреями⁸. Некоторые отчеты даже называли общее число погибших в районе 5000⁹. В любом случае, из газетных сообщений и свидетельств очевидцев понятно, что вся еврейская интеллигенция города была жестоко убита, как и все без исключения еврейские мальчики школьного возраста. После двух дней непрекращающихся убийств большевики издали следующий приказ: «Красная гвардия! Хватит крови!» Но это был отнюдь не конец Глуховской бойни, ибо те же комиссары-большевики, которые призывали прекратить расстрелы, сразу после этого инициировали крупномасштабное разграбление еврейской собственности и домов. Местная синагога была разрушена,

¹ Чериковер И. История погромного движения... С. 152, 302.

² Булдаков В.П. Хаос и этнос...

³ Чериковер И. История погромного движения... С. 146.

⁴ Там же. С. 287–297; Книга погромов... С. 6–8; Рогатинский И. Глухівська трагедія: Із записок Іллі Рогатинського // Життя і знання. 1930. № 8 (32). С. 229–233.

⁵ Чериковер И. История погромного движения... С. 287.

⁶ Основано на сообщении неназванного жителя города, написанном в середине марта и опубликованном в Петроградском идиш-язычном еженедельнике «Unser Togblat» 19 апреля. Сообщение вновь опубликовано в работе: Чериковер И. История погромного движения... С. 286–291.

⁷ Рогатинский И. Глухівська трагедія... С. 31.

⁸ Чериковер И. История погромного движения... С. 145.

⁹ Булдаков В.П. Хаос и этнос... С. 679.

а Тора разорвана на куски. Очевидно, после этого красноармейцы праздновали содеянное в центре города, подняв большой красный флаг с надписью: «Да здравствует Интернационал!»¹ Советская власть самоутверждалась за счет и с помощью насильственного антисемитизма.

Всего через неделю после Глуховской резни Верховный Главнокомандующий Красной армии в Украине, Антонов-Овсеенко, приказал осуществить немедленное переформирование всех частей Красной Армии в Глухове и на прилегающих к нему территориях. Вечером 19 марта он приказал всем «отдельным красным отрядам» расформироваться и воссоединиться под единым командованием большевистского командующего Рудольфа Сиверса². Чтобы подчеркнуть серьезность ситуации, он приказал Сиверсу без церемоний расстреливать любого красноармейца или группу солдат, оказывавших сопротивление этим мерам³. Вполне возможно, что Антонов-Овсеенко принял эту меру именно в свете Глуховского погрома, но у нас нет источников, чтобы подтвердить это. Так или иначе, в период после событий, описанных выше, никакого расследования действий местных большевиков не проводилось, и ни один из комиссаров Глуховского совета или Красной армии не был наказан. Такое бездействие привело Чериковера к выводу, что советские лидеры воспринимали страдания евреев равнодушно и что они пресекали погромы исключительно с инструменталистскими целями, т. е. только тогда, когда они начинали угрожать советской власти⁴.

Советская реакция на антисемитизм весной 1918 г.

Как же тогда советское правительство реагировало на эту волну антисемитского насилия? Во-первых, важно отметить, что в течение весны и в начале лета 1918 г. ни советское правительство, ни большевистское руководство не поднимали вопрос об антисемитизме. Недавно опубликованные документы Петроградского комитета РКП(б) и Петроградского советского правительства (Совнаркома) показывают, например, что антисемитизм не стоял на повестке дня *ни на одном* из совещаний, проведенных этими ключевыми учреждениями в период с октября 1917 по конец июля 1918 г.⁵

В конце концов, 26 июля 1918 г. советское правительство издало декрет о борьбе с антисемитизмом, подписанный Лениным, который обещал поставить «вне закона» всех погромщиков. Традиционно историки начинают свои дискуссии о большевистской позиции по антисемитизму после 1917 г., ссылаясь на этот важный декрет⁶. Однако, как было отмечено выше, этот указ ознаменовал не начало, а куль-

¹ Чериковер И. История погромного движения... С. 290–291.

² Сиверс родился в Петрограде в 1892 г., руководил Пятой советской армией во время сражений с Германией в марте и апреле 1918 г.

³ Директивы командования фронтов Красной Армии, 1917–1922: Сб. док-тов: В 4 т. / Сост.: Т.Ф. Каряева, Н.Н. Азовцев. Т. 1. М., 1971. С. 108.

⁴ Чериковер И. История погромного движения... С. 151.

⁵ Петербургский комитет РКП(б) в 1918 г.: протоколы и материалы заседаний / Сост.: Т.А. Абросимова, В.Ю. Черняев, А. Рабинович. СПб., 2013; Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 г. / Сост.: Ю.Н. Амиантов, В.М. Лавров, А.С. Покровский, Е.Ю. Тихонова. М., 2006.

⁶ Аронсон Г.Я. Еврейская общественность... С. 132; Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина... С. 56; Schwarz S.M. The Jews in the Soviet Union... P. 274.

минацию первой советской реакции на антисемитизм. В период с апреля по июль 1918 г. проводилась ранее не документированная кампания против антисемитизма. Однако она была запущена не партийным руководством, а одним конкретным учреждением: Московским еврейским комиссариатом (далее — Московский евком).

Московский еврейский комиссариат

Московский евком был сформирован на собрании небольшевистских еврейских социалистов в Москве в начале марта 1918 г.¹ После этой встречи ключевые позиции в новообразованном комиссариате были выделены для небольшой группы идиш-говорящих еврейских революционеров, активистов таких организаций, как Поалей Цион, Объединенная еврейская социалистическая рабочая партия и левые эсеры. Несмотря на то что он был основан на откровенно просоветской базе, Московский евком, как и многие другие еврейские комиссариаты того периода, не имел в своем составе ни одного большевика². Были созданы три «комиссии» в рамках внутренней структуры Московского евкома: Комиссия по культпросвету, Комиссия по социальной помощи и Комиссия по борьбе с погромами. Именно последняя была, безусловно, самой важной. Внутренний отчет о деятельности Московского евкома, написанный в начале июня 1918 г., отмечал, что кампания против антисемитизма и погромов занимала практически всё время работы евкома до такой степени, что работа двух других комиссий даже не началась³. Другими словами, Московский евком на практике был учреждением, которое существовало исключительно для борьбы с антисемитизмом. Необходимо отметить, что Московский евком играл ведущую, а время от времени и *единственную* роль в инициировании советской правительственной реакции на погромы весной 1918 г.

Несмотря на глубокие политические разногласия между Поалей Цион и Объединенной еврейской социалистической рабочей партией по так называемому «еврейскому вопросу»⁴, ведущие активисты обеих партий объединились вокруг евкома. В отличие от известных еврейских большевиков, таких как Троцкий, Свердлов и Зиновьев, эти еврейские радикалы совсем недалеко ушли по пути ассимиляции, и большинство из них имели активные и очень реальные связи с идиш-говорящими культурными мирами. Более того, несмотря на их различия, ведущие члены и Поалей Цион, и Объединенной еврейской социалистической рабочей партии были непосредственно связаны с еврейским национальным проектом в широком

¹ ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 148. Л. 21.

² На самом деле большинство провинциальных еврейских комиссариатов были укомплектованы не-большевиками, т. е. левыми эсерами, членами Поалей Цион, левыми бундовцами и внефракционными рабочими. В Перми, к примеру, евком состоял из двух «поалей-ционистов», одного левого эсера — и не включал ни одного большевика. См.: *Gitelman Z. Jewish Nationality and Soviet Politics: The Jewish Sections of the CPSU, 1917–1930. Princeton, 1972. P. 138.*

³ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 561. Л. 104 — 104 об.; ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 148. Л. 21 об.

⁴ В широком смысле «Поалей Цион» выступал за сионистское решение «еврейского вопроса», в то время как политика Объединенной еврейской социалистической рабочей партии коренилась в «экстерриториальном» подходе, который заключался в предоставлении автономии евреям в России. Классическое описание этих позиций см.: *Frankel J. Prophecy and Politics: Socialism, Nationalism, and the Russian Jews, 1862–1917. Cambridge, 1981.*

смысле. В этом смысле они были частью более широкого процесса, названного Кенном Моссом «еврейским ренессансом» в русской революции¹.

Московский евком входил в состав Совета народных комиссаров Московской области (далее Московский Совнарком)². Этот Московский Совнарком был отделен от основного во главе с Лениным и по сравнению с ним был гораздо более политически инакомыслящим. Например, Московский Совнарком был явно левокоммунистическим по составу, а более трети ее членов были левыми эсерами³. Даже сама московская большевистская партия отражала это разнообразие: в 1918 г. левые коммунисты получали поддержку в партбюро Московской области больше, чем где-либо еще во всей республике⁴.

Советская кампания против антисемитизма весной 1918 г.

Первая известная дискуссия об антисемитизме в центральных учреждениях советского государственного аппарата состоялась 7 апреля на четвертом заседании Коллегии Наркомнаца, которую в то время возглавлял Сталин⁵. Единственное существующее письменное свидетельство этого обсуждения — одно-единственное предложение в протоколе совещания, просто заявляющее, что «на заседании отмечена предоставленная Диманштейном информация о еврейских погромах»⁶. Впрочем, нам известно куда больше о политическом фоне этой встречи: за несколько дней до этого Диманштейн получил свежие отчеты — скорее всего, от Цви Фридлянда (секретаря Московского евкома) — о погромах, учиненных Красной Армией в Чернигове. Фридлянд, видимо, передал Диманштейну отчеты в надежде на то, что Сталин как комиссар по делам национальностей мог гарантировать, что этот во-

¹ Moss K. *Jewish Renaissance in the Russian Revolution*. Cambridge, 2009.

² ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 561. Л. 104 — 104 об.

³ Ключевые позиции в Московском Совнаркоме занимали: М.Н. Покровский (левый коммунист), председатель; А.А. Биценко (левый эсер), товарищ председателя; Г.Н. Максимов, товарищ председателя; В.М. Смирнов (большевик, позже лидер левой оппозиции в 1923 г.), комиссар финансов; В.П. Ногин (умеренный большевик, который в конце 1917 г. выступал против закрытия Учредительного собрания и формирования исключительно большевистского правительства), комиссар труда; В.Ф. Зитта, комиссар земледелия; П.К. Штернберг (большевик), комиссар просвещения; А.И. Рыков (большевик, как и Ногин, был против закрытия Учредительного собрания), комиссар продовольствия; А. Ломов (левый коммунист), комиссар народного хозяйства; В.Е. Трутовский (левый эсер), комиссар местного хозяйства; Браун, комиссар транспорта; В.Н. Яковлева (левый коммунист), комиссар связи; Н.Я. Жилин, комиссар контроля и учета, С.Я. Будзыньский, комиссар призрения; Голубков, комиссар здравоохранения; Н.И. Муралов (большевик, позже член левой оппозиции и сторонник Троцкого в Объединенной оппозиции), военный комиссар и, наконец, В.М. Фриче (большевик) комиссар иностранных дел. Московский евком был создан в рамках комиссариата иностранных дел под руководством Фриче. См.: Хромов С. *Гражданская война и военная интервенция в СССР*: Энциклопедия. М., 1953. С. 358.

⁴ Colton T.J. *Moscow: Governing the Socialist Metropolis*. Boston, 1995. P. 87.

⁵ Smith J. *Stalin as Commissar for Nationality Affairs, 1918–1922 // Stalin: A New History / Eds. S. Davies, J. Harris*. Cambridge, 2005. P. 45.

⁶ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 1. Д. 1. Л. 4–6; см. также: *Протоколы руководящих органов Народного Комиссариата по делам национальностей РСФСР 1918–1934 гг.: Кат. документов / Отв. ред. В.П. Козлов*. (Архив новейшей истории России. Т. 7. Сер.: Каталоги). М., 2001. С. 18.

прос будет передан наверх, в руки исполнительной власти Советского правительства — Совнаркома — «чтобы Совет Народных Комиссаров высказал свой протест по поводу происходящих погромов в России»¹. Однако оказалось, что этот вопрос так и не был передан в Совнарком: любое свидетельство этого наверняка было бы отмечено либо Евкомом, либо Совнаркомом в их исчерпывающих внутренних отчетах. Тем не менее подобной записи нет в архивах ни одного из этих учреждений. Вопрос не был поднят и перед Коллегией Наркомнаца. Эта общая пассивность центральных органов власти побудила ключевых фигур Московского евкома взять дело в свои руки, обратившись для этого непосредственно к самым высокопоставленным фигурам советской власти.

Первое такое обращение было подано четыре дня спустя, 11 апреля, когда Давид Львович Давидович из Объединенной еврейской социалистической рабочей партии был делегирован Московским евкомом, чтобы поставить вопрос о красных погромах на V сессии Всероссийского центрального исполнительного комитета (далее ВЦИК), формально высшего законодательного органа зарождающегося Советского государства. То, в какой манере Давидович представил свое дело председателю ВЦИКа Якову Свердлову, было крайне показательным: «Я понимаю, что есть в России немало важных вопросов: вопрос о десанте во Владивостоке, о намерении высадить десант в Мурманске, захватить его, что есть (более) важные вопросы, чем те, которые предлагаются в порядок дня...»²

Во избежание каких-либо сомнений Давидович проследил, чтобы сообщение достигло адресата: «Я понимаю, что население волнуют вопросы гораздо более важные, чем тот, которой я предлагаю». Следует отметить робкий, почти извиняющийся тон, в котором Давидович пытался поднять вопрос о погромах перед Свердловым. Для Давидовича и его товарищей в Московском евкоме борьба с антисемитизмом была сутью и смыслом их политической мобилизации, а также формирования самого Евкома и их сотрудничества с зарождающейся советской властью. Представляя свое дело Свердлову, Давидович, однако, сформулировал вопрос антисемитизма совершенно отлично от того, как он сделал это при его обсуждении среди своих товарищей в Московском евкоме. Подчеркивая второстепенное значение погромов, Давидович, судя по всему, взвешивал, как этот вопрос будет воспринят ВЦИКом, и, видимо, не был уверен в получении положительного ответа. «Тем не менее», он продолжал: «Вы, вероятно, читали о том, что в Глухове было вырезано всё еврейское население... все эти обстоятельства я считаю достаточными, чтобы ЦИК высказал свое суждение по этому поводу, выразив свой протест...»³

Свердлов ответил обещанием поручить Президиуму ВЦИКа создать специальную комиссию с участием представителей Евкома, задачей которой было бы разработать публичное заявление, недвусмысленно объявлявшее, что Советская власть будет «[принимать] все меры к тому, чтобы никакие погромы нигде в России и в других странах не имели место»⁴. Однако никакой комиссии так никогда и не было сформировано, ВЦИК *не* выпустил призыв к подавлению погромов, а потому центральным органам советского государства еще предстояло сформировать

¹ ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 19. Д. 5. Л. 42.

² Там же. Л. 42–43.

³ Там же. Л. 42–43.

⁴ Там же. Л. 43–44.

какой-либо ответ на антисемитское насилие, совершаемое на Украине и в других местах. Эта пассивность не осталась незамеченной еврейскими политическими партиями: 25 апреля Временный Еврейский национальный совет — орган, представляющий все основные социалистические и несоциалистические еврейские партии — выпустил жалобу на то, что Советское правительство «не в состоянии принять какие-либо серьезные меры против насилия погромщиков», и что в очередной раз «евреям предоставлено самим себя защищать»¹. Трудно проследить, какое влияние, если таковое имелось, этот протест и другие, которые последовали за ним², оказали на советское руководство, хотя стоит отметить, что в пресс-службе центрального Евкома, безусловно, им уделялось самое пристальное внимание³. Так или иначе, на фоне того, что подобная критика в адрес советского правительства становилась всё слышней, лидеры Московского евкома активизировали усилия по инициации советской кампании против антисемитизма.

19 апреля секретарь Московского евкома Цви Фридлянд написал высшему руководству Советской России резкое письмо с требованием, чтобы советское правительство отреагировало на бурный рост антисемитизма. В то время как неделю назад Давидович поднял этот вопрос перед Свердловым почти извиняясь, Фридлянд в своем письме обратился прямо к сути проблемы:

«В Комиссариат по еврейским делам г. Москвы и Московской области поступают сведения о еврейских погромах в Глухове и других местечках Витебской губ. и погромной агитации в Петрограде и Москве... Правительство рабочих и крестьян должно сделать всё возможное для подавления погромных попыток внутри страны, для борьбы со всё растущим антисемитизмом. Комиссариат по еврейским делам г. Москвы и Московской области предлагает правительству рабочих и крестьян перед лицом всего мира затребовать [объяснения] по поводу непрекращающихся погромов и потребовать принятия мер для их прекращения. Защита чести и жизни мирного еврейского пролетариата — это дело международного пролетариата, это задача *российского социалистического правительства* [курсив автора. — Б. М.]»⁴.

В тот же день активист Московского евкома Илья Добковский написал отдельное письмо, на этот раз непосредственно самому Ленину. Опять же была подчеркнута серьезность ситуации:

«Совнарком должен раз и навсегда покончить с этой провокацией [антисемитизма] и своим властным голосом заявить решительный протест против погромов

¹ Рассвет. 1918. № 16–17. С. 28; Аронсон А.А. Еврейский вопрос в эпоху Сталина // Книга о русском еврействе 1917–1967 / Ред. Я.Г. Фрумкин, Г.Я. Аронсон, А.А. Гольденвейзер. Нью-Йорк, 1968. С. 12–15.

² Участники заседания Петроградского Еврейского общинного совета 2 июня протестовали против того, что погромы устраивались «теми же самыми вооруженными группами, от которых зависит существование Советского правительства». См.: Еврейская неделя. 1918. 15 июня. С. 16–17; Книга погромов... С. 765.

³ Такие протесты отслеживались в еженедельном внутреннем отчете Центрального евкома о еврейской прессе. См., напр.: ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 552. Л. 3; Д. 560. Л. 234.

⁴ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 212. Л. 1. Документ также доступен: ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 561. Л. 437; Д. 221. Л. 25 — 25 об., и недавно опубликован: Книга погромов... С. 754–755.

<...> Комиссариат по еврейским национальным делам, выражая волю еврейских рабочих, заинтересован в том, чтобы все трудящиеся массы ясно видели, с чьей стороны исходят погромы, и просит Вас, уважаемый товарищ, на ближайшем заседании СНК поставить вопрос о мерах борьбы с погромами и провокацией»¹.

Есть три важных момента в этих письмах: во-первых, совершенно очевидно, что толчок к советской реакции на антисемитизм исходил *не* из центральных аппаратов советского государства, но от его периферии, Московского евкома. Это *он* оказывал давление на центр. Во-вторых, как ясно свидетельствует тон обоих писем, Московский евком считал, что советское правительство было не в состоянии противостоять антисемитизму, настолько, что в случае Фридлянда он счел необходимым «напомнить» Совнаркому, что противостоять антисемитизму — *его обязанность*. В-третьих, стоит обратить особое внимание на то, *как* Добковский и Фридлянд ставили сложный вопрос агентности и ответственности. Они сделали это очень деликатно, без единого неудобного напоминания о том, что погромы на советской территории в значительной степени устраивались именно Красной армией. Нет никаких сомнений, что Фридлянд, Добковский и Давидович были полностью осведомлены о том, что эти погромы были делом рук именно Красной армии и местных «большевистских» сил². Как мы скоро увидим, при обсуждении этого вопроса с другими активистами Московского евкома всего четыре дня спустя, 21 апреля, Добковский и Фридлянд сформулировали вопрос совсем по-другому, и тут они не тратили время на описание специфики агентности весенних погромов.

Как же тогда Ленин и Советское правительство отреагировали на эти последние призывы? Шесть дней спустя, 23 апреля, секретарь Ленина В.Д. Бонч-Бруевич ответил на заявления Фридлянда и Добковского, пригласив Диманштейна в Центральный евком, чтобы он мог присоединиться к дискуссии советского правительства о разработке «конкретного списка мер по борьбе с погромами и провокацией»³. Тем не менее, эта «дискуссия» не состоялась еще в течение трех месяцев, а это означает, что в апреле, мае, июне и июле при отсутствии какого-либо серьезного сотрудничества с центром Московскому евкому в значительной степени пришлось развивать советскую кампанию против антисемитизма в одиночку.

Как видно из приведенного выше, ряд запросов во ВЦИК, Совнарком, Наркомнац и даже к самому Ленину, — всё закончилось либо бюрократическими проволочками, либо невыполненными обещаниями составить обращения и создать комиссии. Активисты Московского евкома нашли гораздо более непредубежденную и активную аудиторию в лице московских региональных властей. 17 апреля, по просьбе Московского евкома в Московском Совнаркоме прошло совещание, на котором обсуждались недавние погромы в Чернигове и резкий рост антисемитизма в Московской области. Первая советская государственная реакция на антисемитизм, таким образом, зародилась хотя и в советской столице, но в Московском

¹ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 212. Л. 3; Ф. 1318. Оп. 1. Д. 555. Л. 485. См. также: Книга погромов... С. 755–756.

² Как было отмечено выше, евком привлекал общественное внимание к погрому в Глухове самое позднее с 11 апреля, а вероятно, и с 7 апреля. Невозможно себе представить, чтобы главные активисты не знали о событиях в этом регионе.

³ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 212. Л. 2.

правительстве регионального уровня. В отличие от предыдущих попыток, описанных выше, эта встреча породила ряд резолюций, которые обязывали все советы обширной Московской области провести специальные встречи, на которых рабочим объяснили бы угрозу, исходящую от антисемитизма. Еще один интересный факт: в результате этого совещания советские газеты были проинструктированы «распубликовывать всесторонне проверенные факты погромов»¹. Это была, конечно, завуалированная критика в адрес большевистской печати, в которой до сих пор не было сделано ни одного упоминания о пособничестве Красной Армии и местных большевистских сил погромному насилию.

Совещание поручило Московскому евкуму совместно с Московским комиссариатом по военным делам (также являвшимся частью более широкого ведомства — Московского Совнаркома) создать специальную комиссию по борьбе с погромами². Через четыре дня, 21 апреля, таковая комиссия была создана. В нее вошли Добковский и С.М. Цвибак³ из Центрального Евкома и А.Я. Аросев⁴ и Рабинович⁵ из Военного комиссариата. На заседании 21 апреля новосформированная комиссия выпустила ряд рекомендаций, которые оказались глубоко противоречивыми и привели к жарким спорам в рамках более широких структур Совнаркома, занимающихся стратегией борьбы с антисемитизмом.

Споры вращались вокруг предложения Комиссии сформировать специальные военные подразделения для конкретной цели: борьбы с антисемитизмом и погромами «с немедленным вступлением в силу». Эти подразделения должны были переезжать из города в город, борясь со всеми формами антисемитизма по всей обширной Московской области. Наиболее спорным было заявление Комиссии, что эти войска в случае необходимости могли частично или даже *полностью* состоять из активистов «несоветских» социалистических партий, «если только эти отряды [поставили] себе целью всемерно бороться с погромами». Другими словами, это был открытый призыв к меньшевикам, эсерам, Бунду и другим еврейским социалистическим партиям, которые отвергли Октябрьскую революцию, помочь Советскому государству в борьбе с антисемитизмом. Не менее интересным было требование, чтобы в командование каждого подразделения вошли представители Московского евкама. Активисты Еврейского комиссариата пытались принять все меры, что-

¹ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 561. Л. 369; ЦГАМО. Ф. 66. Оп. 3. Д. 865. Л. 8; Ф. 4619. Оп. 1. Д. 3. Л. 58; Оп. 2. Д. 148. Л. 1; Д. 140. Л. 25. Также опубли.: Известия ЦИК. 1918. 28 апреля; и несколько лет спустя: *Агурский С.* Еврейский рабочий в коммунистическом движении (1917–1921). Минск, 1926. С. 153.

² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 378. Л. 5; Ф. 1318. Оп. 1. Д. 561. Л. 369; ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 148. Л. 1; Ф. 66. Оп. 3. Д. 865. Л. 8; Ф. 4619. Оп. 1. Д. 3. Л. 58. Решения также были направлены в Московскую ЧК и Военный комиссариат: ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 140. Л. 25; Ф. 4619. Оп. 2. Д. 178. Л. 3; а также опубликованы: *Рассвет*. 1918. 28 апреля. № 15. С. 26.

³ О Цвибаке известно немного. Кроме того, что он был секретарем Центрального евкама в 1918 г., он также был близок к Союзу евреев-воинов и Союзу еврейских солдат. Например, в недавно опубликованном собрании документов утверждается, что он работал «комиссаром» в этом Союзе с целью приведения его под советский контроль. См.: *Книга погромов...* С. 914–915.

⁴ Александр Яковлевич Аросев, род. в 1890 г., присоединился к большевикам в 1907 г. и был одним из ведущих участников Октябрьской революции в Москве.

⁵ Неясно, кто был этот Рабинович. Вероятнее всего, это был Д. Рабинович, который работал в Московском евкуме в тот период. См.: ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 561. Л. 298.

бы не только создать эти институты, но и фактически руководить ими. И наконец, в отличие от деликатного подхода, избранного им в своем письме к Ленину, Добковский заявил на этой встрече, что «хорошей почвой для антисемитской пропаганды даже в рядах красноармейцев является низкий культурный уровень этих отрядов при почти полном отсутствии политической и культурной работы в частях»¹. Впервые конкретная проблема *красного антисемитизма* была открыто озвучена в рамках советского государственного аппарата. И, что крайне важно, Московский евком наконец обрел постоянную аудиторию и политическую платформу, на базе которой можно было принимать ответные меры на проявления антисемитизма.

В попытке конкретизировать эти предложения Комиссия представила их на заседании Московского Совнаркома шесть дней спустя, 27 апреля². К сожалению, подробный протокол этого совещания не сохранился. Тем не менее очевидно, что ключевое предложение — создать специальные военные оборонительные отряды — было категорически отклонено. Вместо этого по результатам заседания 27 апреля был выпущен новый набор рекомендаций для противостояния антисемитизму, который был широко опубликован в советской печати в Москве. Вместо военных отрядов Московский Совнарком предложил стратегию, основанную исключительно на политике просвещения и убеждения.

Например, он предлагал, чтобы в Красной Армии проводилась «систематическая культурно-просветительская работа», чтобы Московский евком «немедленно» опубликовал брошюры об антисемитизме, и чтобы советская пресса регулярно публиковала статьи по этому вопросу³. Это были не пустые обещания: на протяжении оставшейся части апреля и мая ряд статей об антисемитизме действительно был опубликован в московских «Известиях»⁴. Самое главное из предложений Совнаркома состояло в том, чтобы Рабиновичу из Московского евкома на заседании 27 апреля было поручено сформировать новую «комиссию», задачей которой было бы координировать агитацию конкретно в Красной Армии. Скорее всего, этот шаг был направлен на то, чтобы подорвать попытки Добковского и Цвибака привлечь «несоветские» партии к участию в кампании; комиссия Рабиновича категорически должна была включать в себя только активистов из просоветских партий⁵.

Невзирая на разногласия по поводу воинских формирований самое, пожалуй, поразительное в решениях, принятых на заседаниях 21 и 27 апреля, было то, что они определили именно Красную армию в качестве главного и по сути единственного слоя общества, в котором эта кампания должна была проводиться. Это было самым важным достижением Московского евкома за весь напряженный период кампании: им удалось протолкнуть вопрос об антисемитизме в Красной армии на центральную позицию в правительстве Москвы. Решения, принятые на заседании

¹ ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 148. Л. 3 — 3 об.; Д. 25. Л. 129 — 129 об.; Д. 178. Л. 20; Д. 177. Л. 2–3.

² Там же. Д. 148. Л. 2; Оп. 1. Д. 3. Л. 19, 27; Ф. 66. Оп. 2. Д. 69. Л. 54–55. Отредактированная версия резолюции также опубл.: Известия советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов г. Москвы и Московской области. 1918. № 86. С. 1.

³ ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 1. Д. 3. Л. 19; Оп. 2. Д. 178. Л. 8; Д. 177. Л. 20; РГАСПИ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 71. Л. 8.

⁴ Московский евком написал в редколлегиям «Известий» в конце апреля с напоминанием, что их долг — публиковать такие статьи. См.: ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 148. Л. 4.

⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 272. Оп. 1. Д. 71. Л. 8; ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 1. Д. 3. Л. 19; Оп. 2. Д. 177. Л. 20; Д. 178. Л. 7, 8.

27 апреля, обрели некоторое очевидное влияние: Московский совет сразу разослал телеграммы с основными рекомендациями, в том числе инструкциями не создавать специальные военные подразделения, во все тринадцать губерний в пределах обширной Московской области¹. В следующем месяце, 15 мая, Тамбовский совет подтвердил, что они получили резолюцию и что по городу были развешаны плакаты, предупреждающие рабочих и солдат, что «всякие попытки к устройству еврейских погромов... будут подавляться Советом самым беспощадным и решительным образом вплоть до расстрела виновных»². Насколько эти угрозы проводились в жизнь местной советской властью, однако, неизвестно.

2 мая Московский евком пригласил Центральный евком на первое заседание вновь сформированной комиссии (получившей теперь полное название: Комиссия по борьбе с антисемитизмом и погромами)³. Это был ключевой момент: Центральный и Московский евкомы впервые вступили в дискуссию, а участие Центрального евкома, на первый взгляд, расширяло сферу доступа и влияния новой комиссии. На следующий день, 3 мая, о формировании Комиссии было объявлено на первой полосе московских «Известий»⁴. В течение следующего месяца в той же газете появлялись регулярные сообщения, подробно описывающие ее работу. Например, 9 и 14 мая было отмечено, что Комиссия успешно инициировала «широкую агитационную кампанию против антисемитизма в Красной армии»⁵. Те же статьи обращались ко «всем пролетарским организациям и отдельным лекторам и ораторам», заинтересованным в участии в работе Комиссии, чтобы они связались с Московским евкомом. Неизвестно, сколько людей откликнулись на этот призыв, но, судя по всему, размах кампании Комиссии интенсивно рос в течение следующих двух недель: 30 мая Комиссия успешно создала «Коллегию лекторов» в рамках Культпросвета Московского совета, задачей которого было перемещаться между заводами и частями Красной армии, агитируя на тему борьбы с антисемитизмом. Сфера ответственности Комиссии включала в себя организацию специальных рабочих учебных курсов по борьбе с антисемитизмом, а также гарантировала, что аналогичные лекции должны были быть включены в программы уже существующих сельскохозяйственных, профсоюзных и кооперативных курсов⁶.

Другими словами, к началу мая 1918 г. Московский евком успешно создал и поддерживал видимость бурной деятельности первой кампании советского государства против антисемитизма. Это было сделано путем дальнейшей выработки ряда организационных структур в рамках местных аппаратов государственной власти в Москве (и прежде всего в Московском Совете). Эти новые структуры, в частности Коллегия лекторов, свою основную задачу видели в том, чтобы завоевать поддержку большевиков по вопросу социалистической политики, свободной от антисемитизма.

¹ ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 178. Л. 2.

² Там же. Д. 26. Л. 130. Неизвестно, как местные советы отреагировали в остальных 13 губерниях.

³ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 561. Л. 314.

⁴ Известия. 1918. 3 мая.

⁵ Там же. С. 4; 14 мая.

⁶ Известия. 1918. 25, 30 мая; Еврейская трибуна. 1918. 3 июня. № 3–4. С. 12.

Свертывание советской кампании по борьбе с антисемитизмом

В то время, когда кампания шла полным ходом, уже был готов план распустить Московский евком и, собственно, весь Московский Совнарком. По крайней мере с середины апреля Сталин стремился покончить со всеми региональными комиссариатами по национальным делам¹. Более того, сам Ленин с февраля резко высказывался против засилья левых коммунистов в региональных правительственных учреждениях в Москве². После напряженного политического конфликта между двумя московскими совнаркомовскими правительствами, вспыхнувшего в результате подписания Брестского договора³, центральный ленинский Совнарком в конце концов победил, а Московский областной был расформирован. Процесс централизации проходил в несколько этапов: 13 мая Московский евком был закрыт Центральным (возглавляемым Диманштейном)⁴. Две недели спустя, 28 мая, уже сам Московский Совнарком был расформирован⁵, а 21 июня даже газета Московского Совнаркома, московские «Известия», была перезапущена в качестве явно пробольшевистского органа печати.

Основные органы советской кампании против антисемитизма, таким образом, были распущены на пике своей политической активности, имевшей тенденцию к расширению и централизации в пределах советского государства. Всего за пять недель горстка активистов успешно протолкнула вопрос об антисемитизме на повестку дня в каждом из основных советских государственных аппаратов (ВЦИКе, Совнаркоме и Московском Совнаркоме). Более того, они инициировали, а затем возглавили первую в истории пропагандистскую кампанию против антисемитизма в советской прессе. И, самое главное, активисты Московского евкома были единственной группой в советском правительстве, которая обратила внимание общественности и приняла меры против роста антисемитизма, в частности в Красной Армии.

Распуск Московского евкома имел самые серьезные последствия: спланированная кампания в прессе немедленно была свернута, и в дальнейшем никаких статей об антисемитизме не появлялось в московских «Известиях» на протяжении всего лета. То же случилось и с «Правдой», главной партийной газетой. После того, как Московский евком был распущен, «Правда» не опубликовала ни одной агитационной статьи на тему антисемитизма на протяжении всего 1918 г. Самым ощутимым результатом прекращения деятельности Московского евкома стала немедленная

¹ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 1. Л. 7 — 9 об. См. также: Протоколы руководящих органов Народного Комиссариата по делам национальностей... С. 18.

² Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 35. С. 399–409; Kowalski R.I. The Bolshevik Party in Conflict: The Left Communist Opposition of 1918. Pittsburgh, 1991. P. 121–137; Daniels R.V. The Conscience of the Revolution. Communist Opposition in Soviet Russia. London, 1960. P. 70–90; Schapiro L. The Origin of the Communist Autocracy. Political Opposition in the Soviet State. First Phase: 1917–1922. 2nd ed. London, 1977. P. 130–146.

³ Для левых коммунистов договор был предательством революции. Недовольство было так сильно, что 24 февраля Московское областное бюро, в котором преобладали левые коммунисты, заявило, что оно не питало «никакого доверия» к ленинскому ЦК и откажется подчиняться любому решению, вытекающему из договора. См.: Daniels R.V. The Conscience of the Revolution. P. 76.

⁴ ГА РФ. Ф. 1318. Оп. 1. Д. 547. Л. 1; ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 148. Л. 2.

⁵ ЦГАМО. Ф. 4619. Оп. 2. Д. 28. Л. 18.

отмена учебных семинаров и курсов по антисемитизму, организованных вышеупомянутой Коллегией лекторов. Кампании апреля и мая 1918 г., таким образом, пришел конец на уровне как структуры, так и агентности.

Ленинский Совнарком наконец-то реагирует: июль 1918 г.

Московский евком в середине апреля настойчиво добивался от большевистского руководства авторитетного заявления о погромах, но реакция правительства последовала только три месяца спустя. 25 июля 1918 г. ленинский центральный Совнарком наконец собрался, чтобы обсудить этот вопрос¹. На следующий день Декрет о борьбе с антисемитизмом был исправно разослан во все области Советской России², а 27 июля опубликован в советской прессе³.

В существующей литературе этот указ обычно приводится в качестве первого советского правительственного отклика на антисемитизм⁴. Однако, как показал материал данной работы, указ ознаменовал не начало, а *кульминацию* первого этапа советской реакции на антисемитизм. Он появился, когда Московский евком уже был распущен, и, что еще важнее, через три месяца после того, как Московский евком впервые потребовал правительственной реакции на антисемитизм. К концу июля 1918 г. большевики потеряли районы бывшей черты оседлости, где имели место красные погромы, поэтому Декрет уже не мог быть применен к ключевым горячим точкам антисемитского насилия, и его влияние на практике, таким образом, было в лучшем случае незначительным.

Заключение

Исследование показало: то, что до сих пор рассматривалось как «большевистская» реакция на антисемитизм в 1918 г., нуждается в изучении по отдельным составляющим. Как было выяснено, эта реакция в значительной степени зависела от группы небольшевистских еврейских радикалов, которые объединились вокруг региональных аппаратов местного Моссовета.

Показательно, полагаю, что первая советская кампания против антисемитизма в 1918 г. была продуктом несхожего формирования небольшевистских еврейских социалистических организаций. Сионисты ли, территориалисты ли, — эти еврейские радикалы занимались разработкой еврейского национально-культурного проекта в широком смысле. Они были совершенно очевидно не теми, кого Дойчер удачно назвал «нееврейскими евреями»⁵. Выводы этой статьи поэтому указывают на определенное сродство между советской реакцией на антисемитизм в 1918 г. и тем, что Кен Мосс называет «еврейским ренессансом в русской революции»⁶. Ре-

¹ РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 164. Л. 92–93.

² ГА РФ. Ф. 1235. Оп. 93. Д. 77. Л. 199 — 199 об.

³ Правда. 1918. 27 июля; Известия. 1918. 27 июля; Владимир Ильич Ленин: Биографическая хроника, 1870–1924: В 12 т. М., 1974. Т. 5. С. 566–568. Декрет доступен на английском: Lenin on the Jewish Question. N. Y., 1974. P. 141–142.

⁴ См. сноску 1 к статье.

⁵ Deutscher I., Deutscher T. The Non-Jewish Jew and Other Essays. London, 1968.

⁶ Moss K. Jewish Renaissance...

акция первой в мире успешной марксистской революции на антисемитизм при ближайшем рассмотрении оказалась тесно связана с гораздо более широким еврейским национально-культурным проектом при участии диаспорных еврейских социалистов и даже марксистских сионистов, которые временно забыли о своих стремлениях вернуться на родину, чтобы вместо этого внести свой вклад в глубинную культурную и политическую революцию в еврейской общественной жизни в Советской России.

Эти небольшевистские еврейские интеллектуалы, как отметил Дэвид Шнеер, принесли свою собственную культурную, политическую и идеологическую повестку дня в советское государство¹. Этот доклад показал, что они принесли критически важную степень агентности в кампанию по борьбе с антисемитизмом. Также неудивительно, что Москва стала сердцем этой политической кампании: к началу 1918 г. здесь находился центр советского «идиш-проекта» со значительным числом некоммунистической идиш-говорящей интеллигенции, движущейся в направлении установления сотрудничества с советским государством, которое осуществлялось прежде всего посредством еврейских комиссариатов².

Тем не менее к концу 1918 г. большинство из этих активистов были исключены из евкама или перешли в другие сферы правительственной работы. Когда на Украине в начале 1919 г. разразилась самая свирепая волна погромов, советское правительство оказалось неподготовленным: его институты для борьбы с антисемитизмом либо были распущены вследствие растущего стремления к централизации, либо выбыли из строя из-за нехватки персонала. Вплоть до самого включения в мае 1919 г. в состав Советского правительства нового слоя еврейских активистов (в данном случае коммунистов-бундовцев и членов Фарейникте), ситуации не уделялось подобного комплексного внимания. Как и в 1918 г., эта группа аутсайдеров приступила к разработке новой кампании против антисемитизма. Но это уже история для другой статьи.

¹ *Shneer D.* Yiddish and the Creation of Soviet Jewish Culture: 1918–1930. Cambridge, 2004. P. 29.

² *Estraikh G.* In Harness: Yiddish Writers' Romance with Communism. Syracuse, 2005. P. 37–45.

Сергей Иванович Гирик

**КОРЕНИЗАЦИЯ ДО КОРЕНИЗАЦИИ: ИНТЕГРАЦИЯ «НАЦИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ»
В ПАРТИЙНЫЙ И ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АППАРАТ УССР и БССР (1919–1923)**

Официально политика коренизации началась в апреле 1923 г., т. е. после окончания XII съезда РКП(б). Резолюцией последнего «По национальному вопросу» было предусмотрено увеличение численности национальных кадров в руководстве республик и обеспечение возможности употреблять местные языки в сношениях с органами власти:

«10. <...> съезд рекомендует членам партии в качестве практических мер добиться того, чтобы:

<...> д) органы национальных республик и областей строились по преимуществу из людей местных, знающих язык, быт, нравы и обычаи соответствующих народов;

е) были изданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное инонациональное население и национальные меньшинства, — законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав и в особенности прав национальных меньшинств»¹.

Однако на практике процессы коренизации в республиках, образовавшихся на территории бывших западных окраин Российской империи, были запущены значительно раньше. В Украинской ССР о первых проявлениях будущей политики украинизации (а также идишизации в местах компактного проживания евреев) можно говорить уже в 1920, а в отдельных случаях даже в 1919 г. В 1920 г. они впервые имели место и в Белорусской ССР.

Изначально лидеры территориально украинских организаций РКП(б) не проявляли интереса к привлечению национальных кадров и, в частности, выходцев из украинских партий, к руководящей работе в партии большевиков и созданных ею органах власти. Отдельные шаги такого рода, имевшие место в конце 1917–1918 гг., в числе прочего формирование первого советского правительства Украины с участием таких украинских деятелей, как Василий Шахрай, а позже — Евгений Неронович и Юрий Лапчинский, играли роль сугубо тактических приемов. Реальные полномочия на местах имели старые партийные кадры, среди которых,

¹ [Резолюция] По национальному вопросу // Двенадцатый съезд РКП(б) 17–25 апреля 1923 года: Стенографический отчет. М., 1968. С. 695–696.

конечно, были и украинцы или выходцы из Украины, но их происхождение и уровень владения языком при назначении не имели особого значения. Более того, на первом съезде КП(б)У в Москве в июле 1918 г. была принята резолюция «Об отношении к другим партиям», гласившая: «Никакого сотрудничества с мелкобуржуазными партиями (меньшевики, российские эсеры, украинские эсеры, украинские социал-демократы, бундовцы и т. д.), беспощадная борьба с ними»¹.

Провозглашение УССР в марте 1919 г. и принятие ее первой конституции не повлекли серьезных изменений в национальной политике большевиков. Предпосылок к изменению кадровой или культурной политики правящей партии в тогдашних партийных и государственных документах обнаружить не удалось. Однако сам факт допуска к участию в Третьем всеукраинском съезде советов представителей местных политических сил (прежде всего боротьбистов) и озвученного согласия учесть их поправки в итоговом тексте резолюции съезда по земельному вопросу говорил о том, что политика большевиков претерпевает изменения. Уже тогда некоторые представители руководства партии боротьбистов высказывают мысли о возможном организационном слиянии с большевиками. Соответствующий тезис был озвучен в резолюции по докладу Александра Шумского о состоянии и тактике партии, принятой на I (V) съезде Украинской партии социалистов-революционеров (УПСР) одновременно с переименованием этой политической силы в УПСР (коммунистов) и заявлением о ее переходе на «коммунистическую платформу»: «В связи с существованием на Украине почти идентичной с У.П.С. — Р.К. коммунистической партии К.П.У.Б. [т.е. КП(б)У. — С. Г.] пятый съезд считает необходимым с целью сохранения единства пролетарского фронта установить с нею как можно более тесный контакт и координацию работы. Принимая это во внимание, съезд предлагает Ц.К. партии принять меры [к тому], чтобы в дальнейшем партийная работа в центре и на местах по возможности координировалась с соответствующими органами К.П.Б.У. и готовилась основа для полного слияния этих двух отрядов коммунизма на Украине»². В то же время в сфере национальной политики в начале 1919 г. имели место многочисленные случаи проявления желания подчеркнуть окончательность решения «национального вопроса», основную роль русского языка и вторичную — украинского и т. д.³ Логическим следствием таких действий был отказ от налаживания сотрудничества с местными национальными партиями.

В течение следующих месяцев с переменным успехом происходили оживленные переговоры между представителями большевиков и боротьбистов о вхождении последних в правительство республики. В мае они увенчались согласием правящей партии предоставить последним несколько мест в Совнаркоме. Речь шла о постах народных комиссаров юстиции, финансов и просвещения, а также о нескольких должностях заместителей наркомов. Этот шаг вполне можно считать подготовкой

¹ Первый съезд Коммунистической партии (большевиков) Украины, 5–12 июля 1918 года: Протоколы. Киев, 1988. С. 190.

² Резолюції по докладу т. Шум-Борового про стан і тактику партії // Перший (п'ятий) з'їзд Української партії С.-Р. комуністів 3–11 березня 1919 р. в м. Харкові: Доклади і резолюції. Київ, 1919. С. 19.

³ Ряд примеров приведен: *Ефименко Г.* Форма и реальное содержание «положительной деятельности» советской власти в сфере национальной политики // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI Международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 159–160.

к дальнейшей инкорпорации представителей этой политической силы в партийный и административный аппарат. Аналогичную оценку можно дать и факту дотирования большевиками партийных газет украинских и еврейских национальных партий, продолжавших легальную деятельность на контролируемой красными войсками территории (эти партии получили название «советских», поскольку заявляли о своем переходе на «советскую платформу» и участвовали в выборах в советы на местах).

Сотрудничество с боротьбистами в правительстве УССР продолжалось всего три месяца. Оно было прервано наступлением войск Деникина, взявшего Киев 31 августа 1919 г. Республиканские органы власти в эвакуации не действовали. Руководящие органы КП(б)У до момента восстановления советской власти на Украине не делали попыток наладить отношения с боротьбистами. Несмотря на это именно в августе—сентябре 1919 г. представители боротьбистского руководства в Москве впервые вошли в прямые сношения с ЦК РКП(б) и Исполкомом Коминтерна.

В то же время в сближении между большевиками и боротьбистами летом 1919 г. следует видеть прежде всего тактический союз — без демонстрации желания сотрудничать с отдельными местными политическими силами власть КП(б)У было бы крайне сложно стабилизировать на более-менее продолжительное время. Попытки представителей УПСР/УПСР(к)-УКП(б) в Совнаркоме республики проводить ограниченную украинизацию делопроизводства в регионах и выдвижение аналогичных требований к большевикам постоянно сталкивались с жестким противодействием со стороны представителей последних¹. Лишь события второй половины 1919 г., вследствие которых бывшая территория УССР оказалась под контролем Деникина и отчасти Директории, изменили политику большевиков Украины в национальном вопросе, благодаря чему стало возможно — и желательно, поскольку КП(б)У испытывала кадровый голод, нуждаясь во владеющих украинским языком и знающим местные условия деятелях — поглощение украинских и еврейских национальных партий Украины².

После восстановления власти большевиков на Украине переговоры с боротьбистами об участии последних в управлении республикой были начаты с нуля. Причиной тому стала жесткая позиция боротьбистов в вопросе о формировании Украинской красной армии, в состав которой должны были влиться боротьбистские партизанские отряды. Лишь в середине декабря 1919 г. представители центральных комитетов КП(б)У и УКП(б)³ подписали договор «О межпартийном сотрудниче-

¹ См. полемические статьи в центральном органе партии боротьбистов: *Блакитний В.* Розгніваний Юпітер (Відповідь т. Вл. Мешерякову) // *Боротьба* [Киев]. 1919. 8 лип. Ч. 116 (173). С. 1; *Гарт В.* [Еллан-Блакитний В.] Печатка (До чистки радянських установ) // *Боротьба*. 1919. 3 лип. Ч. 112 (169). С. 1; *Х-ко.* Жарти Наркомзему (Відповідь т. Мешерякову) // *Боротьба*. 1919. 20 лип. Ч. 127 (184). С. 1.

² Эволюцию культурно-языковой политики КП(б)У в этот период исследовал Геннадий Ефименко: *Ефименко Г.* Мовне питання в політиці більшовиків в Україні в роки першого комуністичного штурму (1919–1920 рр.) // *Проблеми історії України: факти, судження, пошуки*. Вип. 21. Київ, 2012. С. 166–187. Отдельные аспекты влияния этих событий на отношение большевиков к местным партиям исследовал Юрий Борыс: *Borys J.* The Sovietization of Ukraine 1917–1923. The Communist Doctrine and Practice of National Self-Determination. Edmonton, 1980. P. 249–278.

³ После поглощения УПСР(к) (т. е. боротьбистами) небольшой Украинской социал-демократической рабочей партии (независимых левых) партия была переименована в Украинскую коммунистическую партию (боротьбистов).

стве во Всеукраинском ревкоме», согласившись на введение в этот временный верховный орган власти УССР и в ревкомы на местах представителей боротьбистов и Украинской партии левых социалистов-революционеров (борьбистов) при условии отказа У КП(б) от агитации за создание Украинской красной армии¹. Позже руководители КП(б)У неоднократно обвиняли боротьбистов в нарушении этого условия², однако до окончательного разрыва дело не дошло. Вскоре после этого была восстановлена работа ВУЦИК, а вместо Всеукрревкома был сформирован Совнарком УССР. Именно тогда при участии представителей боротьбистов в этом органе впервые был выпущен декрет о полном равноправии украинского и русского языков в республике, предусматривавший жесткие санкции за отказ от приема заявлений на каком-либо из этих языков³.

В апреле 1920 г., после сложных переговоров между ЦК У КП(б) и КП(б)У под давлением ЦК РКП(б) и Исполкома Коминтерна Всеукраинская конференция У КП(б) приняла решение о роспуске партии. Проходившая одновременно с боротьбистской Четвертая конференция КП(б)У (на правах съезда) утвердила решение о «слиянии» с У КП(б). Однако это слияние было оформлено как принятие бывших членов партии боротьбистов в КП(б)У в индивидуальном порядке тройками из числа двух большевиков и одного боротьбиста.

В контексте темы нашего доклада стоит отметить, какую именно роль отводили этой партии — наибольшей из числа поглощенных большевиками национальных политических сил — лидеры КП(б)У. Должности в Совнаркоме республики, предоставленные боротьбистам в мае 1919 г., были второстепенными. Наркомат финансов и Наркомат юстиции, по сути, не вели самостоятельную политику. Однако важно отметить, что боротьбисты получили также Наркомат просвещения, игравший ключевую роль в деле реализации культурной политики. В дальнейшем, уже после поглощения боротьбистов большевиками, пост наркома просвещения вплоть до 1927 г. оставался «боротьбистским» — в 1920–1922 и 1924–1927 гг. его занимают бывшие члены ЦК У КП(б) Григорий Гринько и Александр Шумский. Уже в 1921 г. — за два года до провозглашения политики украинизации — аппарат Наркомата просвещения в значительной мере перевел делопроизводство на украинский язык, что было отмечено резолюцией ВУЦИК по докладу Наркомата просвещения от 23 июля 1921 г.⁴

Бывшим боротьбистам в эти годы также отдается на откуп руководство республиканской прессой: главным редактором центрального правительственного органа «Вісті ВУЦВК» в 1921 г. стал один из бывших лидеров и основных идеологов боротьбистов Василий Эллан-Блакитный, который позже, после официального провозглашения курса на украинизацию, занял ведущее положение в литературной жизни УССР, возглавив крупнейшую украинскую литературную организацию.

¹ См. текст документа: Радянське будівництво на Україні в роки Громадянської війни (1919–1920). Збірник документів і матеріалів / Упор. А.З. Барабаш та ін. Київ, 1957. С. 22.

² Один из красноречивых примеров — открытое письмо Владимира Затонского к ЦК У КП(б): *Затонский В.* Открытое письмо Центральному комитету Украинской коммунистической партии боротьбистов. Б. м., [1920]. С. 9–11.

³ Текст декрета см.: Культурне будівництво в Українській РСР. Важливіші рішення Комуністичної партії і радянського уряду, 1917–1959 рр.: Збірник документів: В 2 т. Т. 1 (1917 — червень 1941 рр.) / Ред. О.І. Євсєєв. Київ, 1959. С. 63.

⁴ Культурне будівництво в Українській РСР. Т. 1. С. 128.

Литературная жизнь республики также оказывается под контролем бывших боротьбистов — в начале апреля 1923 г., за три недели до принятия резолюции XII съезда РКП(б) о начале коренизации, начинает выходить журнал «Червоний шлях», который в течение полутора десятилетий был главным «толстым» литературным журналом УССР. Его основателем и первым главным редактором стал выходец из УКП(б) Г. Гринько.

В промежутке 1921–1922 гг.¹ В. Эллиан-Блакитный направил в ЦК КП(б)У письмо «С чего начинать украинизацию Украины», в котором предложил ряд мер образовательного и организационного характера, которые были реализованы на практике после упомянутой выше резолюции XII съезда РКП(б): привлечение в партийный и административный аппарат владеющих украинским языком кадров, проведение краткосрочных курсов украинского языка и «украиноведения» для партийного актива, улучшение качества и повышение тиражей украиноязычной прессы и т. д.²

Дальнейшее поглощение КП(б)У украинских национал-коммунистических групп, изначально действовавших вне этой партии, имело место уже после начала политики украинизации³.

Аналогичные процессы начиная с 1920 г. развернулись и в Белорусской ССР. В момент создания Коммунистической партии (большевиков) Белоруссии в декабре 1918 г. национальный вопрос вообще не поднимался. Более того, I съезд КП(б)Б начался как VI Северо-Западная областная конференция РКП(б)⁴. Местные национальные партии были гораздо менее развиты, чем украинские. Раскол Белорусской социалистической громады на марксистскую Белорусскую социал-демократическую партию и народническую Белорусскую партию социалистов-революционеров произошел лишь в 1918 г., тогда как на Украине размежевание между национальными народническими и марксистскими группами — будущими УПСР и УСДРП — имело место еще в 1905–1907 гг. Выделение леворадикальных групп внутри БПСР и БСДП также происходило значительно медленнее, чем в украинском случае. Лишь в ноябре–декабре 1919 г. БПСР сблизилась с большевиками и достигла соглашения о сотрудничестве с представителями ЦК Коммунистической партии Белоруссии и Литвы⁵. Этот процесс, однако,

¹ Точную дату определить не удалось. На письме указана дата без года (15 сентября). Судя по сопутствующим материалам, в момент направления письма в ЦК КП(б)У наркомом просвещения УССР был Г. Гринько, что позволяет считать верхней — и наиболее вероятной — датой создания документа 1922 г. Нижняя дата (1921) менее вероятна, так как в сентябре 1921 г. В. Эллиан-Блакитный еще был членом ЦК КП(б)У, а значит, документ такого содержания скорее был бы подготовлен в форме записки в политбюро ЦК, а не письма в ЦК партии.

² Центральный государственный архив общественных объединений Украины (ЦДАГОУ). Ф. 1. Оп. 20. Д. 159. Л. 44.

³ Речь идет о ликвидации Украинской коммунистической партии и принятии части ее членов в КП(б)У в 1925 г. В этом случае, в отличие от боротьбистов, на руководящие посты в республике выходцы из поглощенной политической силы не назначались.

⁴ Протокол I-го Съезда Коммунистической Партии (Большевиков) Белоруссии. Минск, 1919. С. 1.

⁵ Белорусская партия социалистов-революционеров // Октябрь 1917 и судьбы политической оппозиции. Совместное российско-белорусское исследование: В 3 ч. Ч. II: У истоков политического противостояния: Материалы и документы по истории общественных движений и политических партий Республики Беларусь. Гомель, 1993. С. 22–23.

не завершился слиянием — в июле между БПСР и КП(б)БиЛ произошел конфликт, после которого сотрудничество между ними стало невозможным.

Вместе с тем в эти же месяцы КП(б)Б поглотила первую национал-коммунистическую партию республики — Белорусскую коммунистическую организацию. Эта группа, действовавшая в БПСР на правах автономной организации, в январе 1920 г. заявила о безоговорочном признании программы и тактики РКП(б). В дальнейшем БКО отказалась от проведения самостоятельной политики и в августе 1920 г. влилась в партию большевиков¹. Несмотря на малочисленность БКО, именно выходцы из нее наиболее активно проводили политику белоруссизации, в том числе до ее официального провозглашения. В декабре 1920 г., всего через четыре месяца после ликвидации БКО, ее бывший лидер Всеволод Игнатовский стал наркомом просвещения и, по совместительству, наркомом земледелия БССР. Позже, после провозглашения курса на коренизацию, он возглавил Институт белорусской культуры и, после преобразования последнего в Белорусскую академию наук, стал ее первым президентом. Выходцами из этой организации были такие деятели, как Иосиф Кореневский (с сентября 1920 г. — заместитель наркома просвещения БССР) и ряд других сотрудников аппарата Совнаркома БССР и аппарата ЦК КП(б)Б, которые 1 февраля 1921 г. направили в ЦК РКП(б) и КП(б)Б так называемое «Заявление 32» с требованием присоединить к БССР Гомельскую, Витебскую и часть Смоленской губернии, входившие в то время в состав РСФСР, развернуть белоруссизацию делопроизводства, привлекать к работе в партийном и хозяйственном аппарате владеющих белорусским языком работников, дублировать все нормативно-правовые акты республиканских властей, издающиеся по-русски, на белорусском языке, выпускать массовыми тиражами белоруссоязычную агитационную литературу и т. д.² В целом эти требования были аналогичны предложениям касательно политики большевиков на Украине, озвученным в упомянутом выше письме В. Эллана-Блакитного. Несмотря на резко отрицательную реакцию на этот документ части партийного руководства КП(б)Б, перечисленные в нем меры отчасти начали реализовываться еще до XII съезда РКП(б). Так, уже 4 февраля 1921 г. ЦИК БССР принял постановление, предусматривавшее переход школ с преимущественно белорусским контингентом учеников на преподавание на белорусском языке, развертывание подготовки белоруссоязычных учителей, введение обязательного изучения белорусского языка во всех средних, профессиональных и высших учебных заведениях республики независимо от языка преподавания и увеличение объемов белоруссоязычного книгоиздания³.

¹ *Сташкевіч М. С.* Беларуская камуністычная арганізацыя // *Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 1.* Мінск, 1993. С. 374.

² *Ладзеў У., Брыгадзін П.* Паміж усходам і захадам: станаўленне дзяржаўнасці і тэрытарыяльнай цэласнасці Беларусі (1917–1939 гг.). Мінск, 2003. С. 141–143. Текст «Заявления 32»: Там же. С. 287–291.

³ Текст документа помещен в подготовленном для генштаба армии Республики Польша в 1928 г. анонимного аналитического труда «*Krótki zarys zagadnienia białoruskiego*». Текст постановления на белорусском языке приведен в современном переиздании этой работы: *Кароткі нарыс беларускага пытання.* Мінск, 2009. С. 155. Неизвестный автор книги сопровождает публикацию документа подстрочным примечанием о том, что это постановление на практике не выполнялось.

Вместе с тем пересмотр границ республики — этот вопрос для составителей документа был наиболее принципиален — имел место позже. Еще до официального провозглашения политики белоруссизации был основан Институт белорусской культуры (предшественник Белорусской академии наук) — подготовка к его созданию началась в 1921 г.

В связи с тем, что значительный процент населения УССР и БССР составляли евреи, процесс поглощения национал-коммунистических групп большевиками и дальнейшего включения выходцев из этих партий в управленческий аппарат охватил и еврейские партии. Прежде всего речь идет о Бунде, левое крыло которого — по отдельности и в разное время в УССР и БССР — вошло в состав партии большевиков. 1 марта 1919 г. левое крыло Бунда в УССР под руководством Моисея Рафеса переходит на «советскую платформу» и сменяет название на «Коммунистический бунд». В мае Комбунд слился с Объединенной еврейской социалистической рабочей партией (Фарейникте) в Коммунистический союз (Комфарбанд), а в августе новообразованная партия вошла в состав КП(б)У, став основой для формирования еврейских секций в ее составе. Аналогичный процесс через в ноябре 1919 г. повторился в БССР, однако там левое крыло Бунда лишь заявило о разрыве с РСДРП(м) и присоединении к Коминтерну, даже не подав заявки о вступлении в последний¹. Позже его члены в индивидуальном порядке вступали в КП(б)Б.

Процесс поглощения еврейских национальных кадров затронул и социалистическое крыло сионистского движения. В августе 1919 г. в Гомеле представители левого крыла ЕСДРП (Поалей-Цион) провели совещание, результатом которого стало создание Еврейской коммунистической партии (Поалей-Цион)². Ячейки последней действовали в УССР, БССР и РСФСР. Территориально украинские организации этой партии были наиболее многочисленными. В УССР они сблизилась с боротьбистами³ (обе партии регулярно публиковали статьи взаимно комплиментарного характера в своих официальных органах), а после поглощения последних большевиками начали тесно сотрудничать с КП(б)У. Уже в 1922 г. ЕКП(ПЦ) во всех республиках была ликвидирована, а многие ее члены вошли в состав евсекций КП(б)У, КП(б)Б и РКП(б). Как и в случае с бывшими членами Бунда, выходцы из ЕКП(ПЦ) в партии большевиков активно включились в работу по строительству еврейской национальной жизни в республиках, развитию образовательной деятельности на идиш, выпуске идишеязычной прессы и т. д.

Как и в случае с украинскими национал-коммунистами (УКП), после ликвидации Коммунистического бунда, Комфарбанда и ЕКП(ПЦ) продолжала действовать одна еврейская национал-коммунистическая группа (Еврейская ком-

¹ Рафес М. Еврейское коммунистическое движение // Коммунистический интернационал. 1919. № 9. Стб 1305–1306.

² Резолюции Гомельской конференции опубликованы: Накануне: Орган центр. комитета Е.К.П. (Поалей-Цион). М., 1919. № 1.

³ В Циркуляре № 1 Украинского центрального партийного бюро ЕКП(ПЦ) по этому поводу давалась директива партийным организациям на местах «вступить в тесный контакт для совместных выступлений с У.К.П. (боротьбистов), К.П.У., и У.П.Л.С.Р. (борьбистов)» (Коммунистическое слово: Бюллетень Украинского центрального партийного бюро Евр. Ком. Партии (Поалей-Цион). 1919. № 2 [газета на одном листе с односторонней печатью]).

мунистическая рабочая партия (Поалей-Цион)), однако после ее ликвидации в 1928 г. ее члены уже не инкорпорировались в партию большевиков. Однако история ЕКРП(ПП) выходит за рамки нашей темы.

Форма, которую приняли процессы поглощения национал-коммунистических политических групп в УССР и БССР, представляла собой своего рода «коренизацию до коренизации» и вполне соответствовала проекту, описанному в принятой после описанных событий резолюции XII съезда РКП(б). Прежде всего речь шла о привлечении к работе в партийном и государственном аппарате местных национальных кадров (украинцев, белорусов и евреев), способных использовать украинский, белорусский язык и идиш в сношениях с местным населением. При этом в Беларуси она имела меньшие масштабы, чем в УССР.

Андрей Кушко

**ВОЙНА И РЕВОЛЮЦИЯ В БЕССАРАБИИ:
МЕЖДУ АВТОНОМИЕЙ, ФЕДЕРАЛИЗМОМ И НАЦИОНАЛИЗМОМ (1917–1918 гг.)**

**Бессарабия и «бессарабский вопрос» в годы Первой мировой войны
(1914–1916)**

Первая мировая война стала переломным моментом для Российской империи не только с точки зрения дальнейших событий, приведших к революции и Гражданской войне, но и в более узком смысле этнической и «национальной» политики. В начальный период войны тенденции по «национализации» империи Романовых привели к определенным изменениям в местной иерархии этничности в Бессарабии. Эти сдвиги в политике центра относились не только к евреям и немецким колонистам Южной Бессарабии, которые однозначно входили в категорию «вражеских инородцев» наряду с другими немецкоязычными сообществами юга России, но и к румыноязычным крестьянам и (частично) интеллигенции, которых подозревали в тайных «румынофильских» симпатиях. Всё же случай румыноязычных жителей Бессарабии отличался некоторыми особенностями в сравнении с другими этническими группами с сомнительной лояльностью. Власти империи дифференцировали местное население по признаку лояльности и потенциала к «сепаратизму». Власти считали, что разные социальные группы в среде румыноязычных жителей Бессарабии имели разный уровень политической благонадежности и лояльности по отношению к империи. Только незначительная группа местной интеллигенции была предрасположена к сепаратизму. В то же время крестьянские массы и большинство местных помещиков воспринимались как лояльные верноподданные империи¹. Это сложное восприятие местного населения в корне отличается

¹ Не стоит недооценивать конфессиональный/религиозный фактор при изучении «национальной политики» Российской империи во время Первой мировой войны. Он играл основную роль в политике российских оккупационных властей в Галиции, особенно на первом этапе российского военного присутствия в этом регионе, в 1914–1915 гг. Несмотря на преобладающую «национальную» призму и на риторику «восстановления национального единства» и достижения этнографических границ русского национального «пространства», практические вопросы, связанные с влиянием униатской церкви, стали «головной болью» для российских оккупационных властей. Управление Галицией также обнаружило разницу в подходах между частью военной администрации и наступательной стратегией, которой следовал архиепископ Евлогий. Подробное обсуждение «конфессиональной политики» Российской империи в оккупированной Восточной Галиции см.: *Бахтурина А.Ю.* Окраины Российской империи: Государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны, 1914–1917 гг. М., 2004. С. 167–208. О «войне вер» и специфической

от отрицательного отношения к «вражеским инородцам» в империях Романовых (в первую очередь к немцам и евреям) и Габсбургов (в особенности к украинцам Галиции) во время войны. В последних случаях преобладало однозначное и негативное восприятие этих этнических и/или культурных групп.

Связь между внутренними процессами и внешнеполитическими приоритетами была очевидной и на других окраинах или временно оккупированных территориях. Одним из подобных случаев являлась Северная Буковина, часть Австро-Венгрии, непосредственно граничившая с Бессарабией. Этническая структура этой провинции (включавшая украинцев, румын, немцев, евреев, венгров и т. д.) поставила перед российскими властями очередной трудноразрешимый «национальный вопрос». Хотя Северная Буковина, как и Восточная Галиция, была включена в «ментальную карту» российского национального пространства благодаря присутствию значительной доли украинского населения, реальная политика российских военных властей во время кратковременной оккупации этой территории осенью 1914 г. серьезно отличалась от сценария, осуществляемого в Галиции. Российские власти пытались удовлетворить запросы румынских элит Буковины, проявляя гибкое и положительное отношение к провинциальной иерархии православной церкви и опираясь на некоторых представителей местной румынской элиты в администрации. Так, еврейский мэр Черновцов был заменен влиятельным чиновником румынского происхождения. Более того, представитель российского МИДа в Буковине поддержал передачу власти выборным представителям местного румынского населения после возможного отхода российских войск из этого региона. Таким образом, российская «национальная политика» на этой территории подчинялась более важной на тот момент цели вовлечения Румынии в войну на стороне Антанты. Хотя отношение местного населения к Российской империи было в целом враждебным, временные российские власти предпочли проводить прагматичную политику, рассчитывая таким образом укрепить российское влияние на бухарестское правительство¹.

После официального объявления войны в конце июля 1914 г. Бессарабия вошла в зону военной администрации². Это временное изменение в юридическом статусе региона имело прямые последствия для имперской политики в Бессарабии. Кроме присутствия в губернии «нелояльных» евреев и немецких колонистов проблематичной с точки зрения властей выглядела и лояльность румыноязычного населения. Хотя любое сравнение в этом смысле было бы рискованным, потенциальное обвинение в «румынофильстве» в условиях неопределенности курса румынского правительства и реальной угрозы присоединения Румынии к Центральным державам могло повлечь гораздо более серьезные последствия, чем раньше. Важные изменения произошли в отношении местной власти к проявлениям «подрывной

роли Евлогия и митрополита Андрея Шептицкого во время российской оккупации Галиции см.: *Hagen M. von. War in a European Borderland: Occupations and Occupation Plans in Galicia and Ukraine, 1914–1918.* Seattle, 2007. P. 37–42.

¹ *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи... С. 156–157.

² О влиянии военных операций на положение в Бессарабии, а также о последствиях войны для бессарабского общества в целом см.: *Poștarencu D.* Acțiuni de luptă pe teritoriul Basarabiei în decursul Primului Război Mondial // *Revista de Istorie a Moldovei.* № 3, iulie–septembrie. 2014. P. 84–99, а также сборник статей: *Primul Război Mondial și Basarabia (1914–1918)* / Ed. de A. Emileiuc. Chișinău, 2015.

деятельности». Распространение ложных или вредных слухов среди гражданского населения губернии и в особенности в рядах резервистов в период мобилизации стало уголовно наказуемым преступлением. Роль слухов в общем контексте военных неудач и периодически возникавшей в связи с намерениями Румынии «паники» в годы войны была довольно значительной¹.

К концу 1915 г. в официальной переписке жандармского управления возникает «призрак» сепаратизма и национального движения в Бессарабии. Несмотря на усиление проантантистских симпатий в Румынии, позиция бухарестского правительства оставалась неопределенной, а возможность российско-румынского конфликта — вполне реальной. В этом контексте жандармский чиновник Нордберг отмечал «особенность Бессарабской губернии — национальный молдавский вопрос, который до сего мало, или лучше сказать совсем, не обращал на себя внимание, так как население этой национальности считается вполне лояльным. Безусловно, это так»². Крестьянские массы описываются как «спокойные», не слишком восприимчивые к «русскому патриотизму», но в то же время хорошо осознающие экономическую выгоду своего нахождения в составе Российской империи, особенно по сравнению с румынским крестьянством³. Всё же он подчеркивал, что «в последнее время события 1905 г. и празднование столетия присоединения Бессарабской губернии создало среди местной интеллигенции группу людей, стремящихся к “культурному самосознанию молдаван”, или, как они теперь чаще называют, “румын”»⁴. Особое беспокойство вызывало у шефа жандармов то, что «эти элементы начинают вести пропаганду в крестьянской массе». Касаясь непосредственно военного контекста, Нордберг заключал, что «настоящая война создает... иллюзии сепаратистского характера», а само движение «имеет отражение в обществе»⁵. Статус «оспариваемой окраины» приобретал осязаемые формы в условиях дипломатических маневров противоборствующих сторон в Восточной Европе. Умеренные требования национально ориентированной бессарабской «интеллигенции» (составлявшей явное меньшинство местного «общества») преподносились как проявления полномасштабного «сепаратистского» проекта. Опасения насчет дестабилизации ситуации на окраинах (в том числе в Бессарабии) всё же имели определенные основания. Как и в других подобных случаях, война полностью изменила данные «бессарабского вопроса», переместив его из сферы русско-румынского «символического противостояния» в сферу практической политики.

Бессарабия не фигурировала в качестве важного пункта стратегического противостояния между двумя враждебными блоками. Тем не менее эта территория изредка воспринималась в тогдашних источниках либо как потенциальная база для военных операций против России, либо как одна из «национальных окраин» Рос-

¹ Это неудивительно, учитывая шпиономанию, процветавшую в этот период. Вообще слухи возникали с завидной регулярностью в моменты осложнения международной ситуации. Так, во время русско-японской войны появились туманные разговоры о «делегации бессарабцев», якобы посетившей румынского короля Карла I и попросившего его держать румынские войска наготове для «занятия Бессарабии» в случае поражения России: Национальный архив Республики Молдова (НАРМ). Ф. 297. Оп. 1. Д. 26. Л. 12.

² Там же. Д. 312. Л. 6, 9.

³ Там же. Л. 6, 9.

⁴ Там же. Л. 9.

⁵ Там же.

сийской империи, отторжение которой соответствовало интересам ее противников. Возможность такого развития событий обсуждалась не только прогерманскими кругами в Румынии, но и антироссийскими эмигрантскими организациями. Украинская эмиграция была крайне активна в Румынии в период нейтралитета и имела прочные связи с прогерманскими элементами, в том числе с бессарабскими эмигрантами в Бухаресте. «Союз освобождения Украины» (СОУ), созданный во Львове в августе 1914 г. с целью организации восстания в российской части «украинских» территорий при поддержке Центральных держав, вскоре распространил свою деятельность на Румынию. После российской оккупации Галиции осенью 1914 г. эта организация (включавшая несколько известных украинских националистов как из Австро-Венгрии, так и из Российской империи) перенесла штаб-квартиру в Вену, а пропагандистскую деятельность — в основном в свои филиалы в Бухаресте и Константинополе. В сентябре 1914 г. бухарестский филиал СОУ издал манифест, в котором призывал к общей борьбе украинского и румынского народов против российского самодержавия. Манифест также содержал отдельный «Призыв к румынскому народу» и предисловие, написанное известным бессарабским эмигрантом с богатым революционным прошлым Замфиром Ралли-Арборе. Это неудивительно, учитывая социал-демократические убеждения большинства членов СОУ и связи самого Арборе с российским левым движением¹. Один из самых любопытных планов по использованию территории Бессарабии для подрывной деятельности связан с представителями той же организации, находившимися на территории Османской империи в начальный период войны. Константинопольское отделение СОУ планировало совместную военную операцию турецких войск и украинских добровольческих отрядов, которые должны были одновременно высадиться около Одессы (в южной Бессарабии) и на Кубани и поднять восстание среди местного населения. Хотя из этого утопического плана ничего не вышло, неудачная операция по высадке турецкого десанта в регионе всё же состоялась в декабре 1914 г. Первоначальный план предусматривал высадку 24 турецких кавалеристов в южной Бессарабии (около Аккермана). Этот малый отряд должен был прорваться в Румынию, предварительно уничтожив часть российской инфраструктуры в Бессарабии. В конце концов высадка десанта состоялась на острове Змеином, в устье Дуная, и закончилась полным провалом: отряд попал прямо в руки российским войскам². В целом военная уязвимость Бессарабии не вызывала особого интереса противников России и имела довольно ограниченное влияние на ситуацию в крае (если не считать мелких стычек между российскими и австрийскими войсками в приграничной зоне на севере Хотинского уезда).

Всё же пропагандистская война между Антантой и Центральными державами оставила важное документальное свидетельство, имеющее прямое отношение к Бессарабии. Речь идет о меморандуме, автором которого был известный бессарабский писатель и журналист Алексей (Алексис) Ноур. Он участвовал в издании первой румыноязычной газеты в Бессарабии в 1906–1907 гг., являясь в то же время (с 1903 г.) издателем одного из самых популярных печатных органов Бессарабии — либеральной газеты «Бессарабская жизнь», симпатизировавшей кадетам.

¹ Pavel T. Între Rusia țarilor și Germania Wilhelmiană: Un memoriu basarabean inedit din 1916. Cluj-Napoca, 1996. P. 60, 99.

² Kirimli H. The Activities of the Union for the Liberation of Ukraine in the Ottoman Empire during the First World War // Middle Eastern Studies. 1998. Vol. 34. N 4. P. 190.

Около 1912 г. он эмигрировал в Румынию и, обосновавшись в Яссах, стал одним из основных сотрудников уже упоминавшегося Константина Стере. В это время он публикует ряд своих статей по «бессарабскому вопросу» в печатном органе «попоранистского»¹ кружка Стере — журнале *Viața Românească* (Румынская Жизнь)². Меморандум Ноура прямо связан с информационной войной, в которую были вовлечены восточноевропейские империи, пытаясь использовать «национальную карту» друг против друга. Одним из аспектов этой «секретной войны» была поддержка, оказываемая немецким правительством эмигрантским организациям антироссийского направления. Одной из них была «Лига инородцев России» (*Liga der Fremdvölkern Rußlands*), созданная в апреле 1916 г. и базировавшаяся в Швейцарии и Швеции. Эта организация появилась в результате слияния ранее существовавшего «Союза национальностей» во главе с известным литовским писателем и журналистом Юозасом Габрисом с более мелким прогерманским эмигрантским кружком под руководством прибалтийского немца барона Фридриха фон Роппа. «Лига» финансировалась германским Министерством иностранных дел и стала одним из главных центров антироссийской пропаганды³. Непосредственным предлогом для написания меморандума был манифест «Лиги», обнародованный в марте 1916 г. и призывавший к опубликованию коллективной работы по национальному вопросу в России, в которой содержалось бы описание основных национальностей империи Романовых в «сравнительной» перспективе. Хотя целью этой работы объявлялось «информирование европейского общественного мнения», она носила ярко выраженный прогерманский характер. Меморандум Ноура стал одной из глав этой книги, выведшей «бессарабский вопрос» в сферу международной полемики.

Меморандум датирован 15 мая 1916 г. и был передан немецким послом в Бухаресте канцлеру Бетманн-Гольвегу месяцем позже. Важность этого документа вытекает из двух основных факторов. Во-первых, он являлся чуть ли не первым примером интернационализации «бессарабского вопроса» до падения династии Романовых. Хотя после 1917 г. «бессарабский вопрос» активно обсуждался в контексте советско-румынских отношений, меморандум Ноура был первым прецедентом, обрисовавшим основные данные этого конфликта на международной арене. Во-вторых, это один из немногих примеров описания бессарабского случая в Румынии вне рамок узкого национального контекста. С одной стороны, меморандум прямо намекал на дебаты о возможной перестройке Российской империи на федеративных основах. С другой стороны, Ноур построил свой текст как идеологический призыв к румынско-украинскому союзу против Российской империи (вспомним, что поздней весной 1916 г. Румыния всё еще была нейтральна). Отношение Ноура к федерализму как к возможной альтернативе «единой и неделимой России» очень двусмысленно. Федералистские идеи были очень популярны среди большинства политических движений в Бессарабии (особенно в рядах левых партий). Это стало вполне очевидно в 1917 г., когда националисты оказались в меньшинстве и не воспринимались серьезно вплоть до прихода к власти большевиков и кол-

¹ «Попоранизм» (poroganism, от *рум.* porog — народ) — идеологическое течение в Румынии, во многом напоминавшее русское народничество. К. Стере был одним из его главных вдохновителей.

² См., напр.: *Nour A.* «Alsacia-Lorena» româno-rusă // *Viața Românească*. 1915. Т. X. N 4. P. 170–203.

³ *Pavel T.* Între Rusia țarilor... P. 100–102.

лапса местной власти в январе 1918 г. Федерализм имел определенных сторонников и в Румынии, особенно среди интеллектуалов, находившихся под влиянием Стере или австро-венгерских политических дебатов. Ноур, однако, совершенно отвергал такую возможность, считая крушение Российской империи лишь делом времени и предвещая создание на ее основе ряда независимых государств (на окраинах), связанных между собой союзными договорами. В случае Бессарабии, по мнению Ноура, единственной реальной альтернативой было ее объединение с Румынией¹. Ноур подчеркивал стратегическую важность Бессарабии для румынского национально-го проекта и остро критиковал румынские элиты за «игнорирование» и «незнание» бессарабских реалий. При этом он приводил пример реакции на юбилейные церемонии 1912 г., сравнивая ее (в отрицательном ключе) с гораздо более энергичными протестами по случаю празднования столетия австрийской аннексии Буковины в 1875 г. В целом меморандум Ноура, хотя и предназначенный для иностранной аудитории, также отражал усиливавшуюся в бессарабском политическом спектре тенденцию предпочтения национализма, а не социального реформизма или федерализма в качестве своей политической платформы. После вступления Румынии в войну на стороне Антанты в августе 1916 г. наступило временное затишье, вскоре сменившееся революционной «бурей» 1917 г.

Союзники или враги?

Война и революция на Румынском фронте в 1917 г.

Падение царского правительства в марте 1917 г. радикально изменило политическую и военную обстановку в Бессарабии и на всем юге России. События в Бессарабии на протяжении 1917 и начала 1918 г., к которым я обращаюсь в последнем разделе, были во многом обусловлены внешним контекстом и в первую очередь нестабильным положением на Румынском фронте. После вступления Румынии в войну на стороне Антанты в августе 1916 г. вскоре последовало тяжелое военное поражение. К началу 1917 г. большая часть Румынии была оккупирована немецкими войсками. Зона немецкой оккупации включала всю южную часть страны (в том числе Бухарест). Остатки румынской армии и союзные российские войска с трудом удерживали шаткую линию фронта на востоке, в румынской Молдове. В месяцы, предшествовавшие Февральской революции, возникли серьезные планы по эвакуации румынского правительства и королевской династии в Бессарабию или даже дальше на восток, во внутренние губернии. Хотя этот план так и остался на бумаге, осенью 1917 г. Румыния оказалась у края пропасти. Несмотря на временные военные успехи союзных операций против войск Центральных держав летом 1917 г., когда наступление русско-румынских войск ознаменовалось важными победами местного значения, положение резко ухудшилось к середине осени и стало практически безнадежным после захвата власти большевиками. Крайне взрывоопасное военное положение еще больше усугубилось из-за влияния русской революции на весь регион боевых действий. Таким образом, почва для советско-румынского противостояния была готова к концу 1917 г.

Открытый конфликт между Румынией и советским правительством, разразившийся в самом конце 1917 и начале 1918 г., который на короткое время даже

¹ Pavel T. Între Rusia țarilor... P. 71–78.

перешел в фазу военных столкновений, в основном на территории Бессарабии в январе 1918 г., коренился в нараставшем напряжении между румынскими властями и российскими войсками, дислоцированными на Румынском фронте¹. Первые признаки этого напряжения стали заметны в апреле 1917 г., одновременно с созданием Советов при российских воинских частях². Первый значительный инцидент, который оказал большое влияние на отношения между румынским правительством и новыми российскими временными властями, произошел 1 мая 1917 г. в конце митинга, организованного российскими солдатами, расквартированными в Яссах, временной румынской столице. Во время этого митинга в числе других требований солдаты выдвинули идею провозглашения румынской республики. К тому же Христиан Раковский, в то время один из лидеров румынских социалистов, который был арестован после вступления Румынии в войну за пропаганду в пользу Центральных держав, был освобожден из-под домашнего ареста³. В течение следующих нескольких месяцев российское Временное правительство и румынские гражданские и военные власти оказались не в состоянии противостоять действиям российских солдат, всё больше подпадавших под влияние эсеров и меньшевистских интернационалистских комитетов. Начиная с лета 1917 г. российские военные комитеты в Румынии всё чаще организовывали стихийные митинги, на которых высказывались требования о выходе России и Румынии из войны. Более того, солдаты отказывались подчиняться приказам и совершали нападения на офицеров, грабили и держали в постоянном страхе гражданское население, а также предлагали защиту и покровительство румынским социалистическим группам, помогая последним в их агитационных кампаниях среди румынских солдат и матросов⁴.

С помощью российских социалистов-интернационалистов Раковский организовал летом 1917 г. в Одессе румынский социал-демократический комитет, который провозгласил своей непосредственной целью разжигание революции в Румынии, следуя российскому примеру. Комитет сразу же начал активную кампанию революционной агитации среди румынских портовых и железнодорожных рабочих, которые были эвакуированы осенью и зимой 1916 г. с территории южных

¹ В 1917 г. Румынский фронт представлял собой четвертую группу российской армии, формально находившуюся под командованием румынского короля Фердинанда I, а фактически управлявшуюся генералом Шербачевым в качестве заместителя Фердинанда. Фронт также координировал коммуникации между румынскими политическими и военными властями и командованием российской армии (*România în anii Primului Război Mondial*. Vol. 2. București, 1987. P. 93–94).

² *Ferro M.* The Russian Soldier in 1917. Undisciplined, Patriotic, and Revolutionary // *Slavic Review*. 1971. Vol. 30. N 3. P. 483–512.

³ *Solomon F.* Un diplomat al revoluției. Cristian Racovski și social-democrația rusă în 1917 // *Partide politice și minorități naționale din România în secolul XX*. Vol. 6. Cluj-Napoca, 2011. P. 269; *Hichins K.* The Russian Revolution and the Rumanian Socialist Movement, 1917–1918 // *Slavic Review*. 1968. Vol. 27. N 2. P. 271.

⁴ Обширная информация по этой теме содержится в следующих архивах: Российском государственном военно-историческом архиве, Москва (РГВИА); в фондах Директората полиции и Генерального охранного бюро в Национальном центральном историческом архиве в Бухаресте (ANIC); в фондах Главного управления полиции из Национального архива в г. Яссы (ANI); в фондах Архива румынского МИДа в Бухаресте (АМАЕ), а также в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ) в Москве.

румунских уездов, находившихся под оккупацией немецких войск¹. В начале июля 1917 г. ясский комитет Румынской социал-демократической партии, который «собрался для подготовки революции», отправил письмо Петроградскому Совету, в котором выступал за прямое вмешательство русской армии в румынские события². После свержения Временного правительства и установления советской власти в Петрограде такого рода призывы стали намного радикальнее. Например, меморандум, подписанный в декабре 1917 г. румынским социал-демократическим комитетом, заседавшим в Одессе, подчеркивал, что в целях организации революции в румынской Молдове, которая могла бы перекинуться на Валахию и на другие балканские страны, крайне необходима помощь «представителей российской революционной демократии». Эта помощь подразумевала не только напечатание «сотен тысяч манифестов, прокламаций, брошюр», но и прямое вовлечение российских войск, дислоцированных в Румынии, в революционную пропаганду среди румынских солдат³.

Кроме румынских солдат и рабочих, другой целевой аудиторией пропаганды румынских социалистических кругов, которые находились под влиянием и руководством Раковского, являлось российское общественное мнение и политические деятели. Начиная с мая 1917 г. в военной печати левого толка или в партийных печатных органах российских социал-демократических течений и фракций стали регулярно публиковаться статьи о Румынии. В этих статьях распространялись весьма красочные и идеологически нагруженные образы румынского общества. Подобные материалы имели большой потенциал влияния на настроения российских читателей. Например, в газете «Известия фронтового отдела Румчерода» 6 октября (23 сентября ст. ст.) 1917 г. была опубликована статья под названием «Несколько фактов о румынских реалиях»⁴. Автор утверждал, что ежедневные злоупотребления и насилия румынских властей намного хуже, чем даже суровая реальность, существовавшая при царском режиме в России. Между декабрем 1917 и мартом 1918 г. румынская тема постоянно присутствовала на страницах советских газет в Петрограде и Москве. Некоторое время Румыния даже играла обобщающую роль в качестве воплощения отрицательного стереотипного образа капиталистического мира в целом. Румыния описывалась как уменьшенная копия царской России под руководством «коррупцированных министров», в которой население было лишено всех прав, а «социалисты подвергались преследованиям и расстреливались». В этом смысле интересен пример передовой статьи, появившейся в официальной большевистской газете «Правда» 16 января 1918 г. Эта статья была первой частью из серии публикаций, посвященных изданию документов из Архива бывшего императорского Министерства иностранных дел, связанных со вступлением и участием Румынии в Первой мировой войне⁵. Некоторые из характерных черт, с которыми ассоциировалась Румыния в социалистической прессе Москвы и Петрограда на протяжении 1917 и начала 1918 г., включая суждения о румынской внешней политике, во многом напоминали отрицательные образы Румынии, встречавшиеся в российских газетах и до Первой мировой войны. В этом смысле стоит упомянуть

¹ *Hitchins K.* The Russian Revolution and the Rumanian Socialist Movement, 1917–1918... P. 272.

² ГА РФ. Ф. 6978. Оп. 1. Д. 1037. Л. 10.

³ Солдатская Правда [Петроград]. 1918. 4 января.

⁴ Известия фронтового отдела Румчерода [Яссы]. 1917. № 4, 23 сентября (6 октября). С. 4.

⁵ Правда. 1918. 17 января. С. 2.

о заметках Льва Троцкого в газете либерального направления «Киевская мысль», которые он опубликовал во время Второй балканской войны¹.

В последние предвоенные годы произошло политическое сближение между двумя странами. В 1913 г., во время Второй балканской войны Россия частично поддержала румынские территориальные притязания в Южной Добрудже². Во время визита императора Николая II и российского министра иностранных дел Сергея Сазонова в Констанцу в июне 1914 г. румынский король Карл I и премьер-министр И. Брэтиану получили заверения, что Россия поддерживает национальные устремления трансильванских румын. После начала Первой мировой войны Румыния получила обещания новых территориальных приобретений за счет Австро-Венгрии. Безусловно, румынские правящие круги вряд ли могли позволить себе игнорировать эти заманчивые предложения³. В отличие от политических элит руководители российской армии относились к попыткам привлечь Румынию в войну на стороне Антанты отрицательно. Это объяснялось опасениями, что армии придется предпринять дополнительные военные и организационные усилия для удержания еще одной линии фронта протяженностью в несколько сот километров. Армейское командование утверждало, что было бы вполне достаточно, если бы Румынское королевство сохранило нейтралитет⁴. Желая отметить особое место Румынии в Антанте и сохранить некоторую свободу действий, румынское правительство настояло на том, чтобы военная конвенция, подписанная непосредственно перед вступлением Румынии в войну, включала особые статьи о размежевании юрисдикции и дислокации русской и румынской армий. Часть румынского военного командования не доверяла русской армии, считая, что единственной целью российского военного присутствия в Румынии были планы экспансии Российской империи в направлении Босфора и Дарданелл⁵. Иными словами, это был альянс «двух союзников, которые не доверяли друг другу»⁶.

На протяжении всего 1917 г. в Румынии преобладал отрицательный образ революционной России. Он вырисовывался из отчетов разведывательных служб и местных органов полиции, из статей, появлявшихся в местной печати, или во время переговоров с российским военным командованием. Другим важным источником сведений о событиях, происходивших в России, были отчеты румынских дипломатов, аккредитованных в Петрограде, и рапорты офицеров, командированных в качестве атташе при Ставке⁷ или выполнявших секретные задания по сбору информации в прифронтовой зоне. Весной 1917 г. румынский премьер-министр Брэтиану смог составить свое собственное мнение о тогдашнем положении в России, находясь непосредственно в гуще событий, во время своего визита в Петроград, ко-

¹ Часть этих материалов была опубликована в 1922 г.: *Троцкий Л., Раковский Х.* Очерки политической истории Румынии. М.; Пг., 1922.

² *Кросс Б.Б.* Румыния между Тройственным Союзом и Антантой. Псков, 1996. С. 71–114.

³ Там же. С. 115.

⁴ *Torrey G.* Indifference and Mistrust: Russian-Romanian Collaboration in the Campaign of 1916 // *The Journal of Military History.* 1993. Vol. 57. N 2. P. 279–300.

⁵ *Ibid.* P. 284–285.

⁶ *Spector S.D.* Romania at the Paris Peace Conference. A Study of the Diplomacy of Ioan I.C. Brătianu. N. Y., 1962. P. 36.

⁷ См., напр.: *Popa V.* 1) *Misiunea Generalului Coandă la Stavka (1916–1917).* București, 2010; 2) *Ion Cerăceanu, Vasilica Manea, Misiunea Generalului Coandă la Kiev (1917–1918).* București, 2012.

торый он предпринял по приглашению Временного правительства¹. В результате этого визита румынские власти сделали ложный вывод, что трудности их союзника носят сугубо временный характер и что после предполагавшейся стабилизации ситуации на фронте больше не будет необходимости прибегать к чрезвычайному плану срочного отступления румынской армии и эвакуации румынского правительства и королевской семьи вглубь российской территории². Подобного рода надежды подкреплялись неоднократными обещаниями и гарантиями российского Временного правительства продолжить войну и активные операции против немецких войск вместе с остальными союзниками³.

Однако после захвата власти большевиками эти надежды превратились в иллюзии. В декабре 1917 г. Румыния, которая к тому времени представляла собой лишь осколок своей бывшей территории, контролирующей только центральные и северные молдавские уезды с центром в Яссах, оказалась в безнадежном положении. Румынская армия была окружена с одной стороны наступающими войсками Центральных Держав и с другой — более чем 40 дивизиями бывших российских Четвертой, Восьмой и Девятой армий, которые были подвержены революционной пропаганде или находились в состоянии разложения и хаотичной спонтанной «демобилизации»⁴. Ходили упорные слухи о скором убийстве членов румынского правительства большевиками и о предстоящем аресте румынской королевской семьи⁵. В письме румынскому генералу, командированному с особой миссией в Ставку и находившемуся тогда в Киеве, Брэтиану прямо заявлял, что «действия анархического характера в рядах русской армии... стали совершенно хаотичными, приводя к грабёжам и насилию и представляя собой угрозу для существования румынского государства»⁶. В начале зимы 1917 г. один из министров румынского правительства в Яссах писал в своем дневнике, что в конце очередного заседания Совета министров, во время которого было принято решение подписать перемирие с Центральными державами, король Фердинанд возложил ответственность за военные провалы союзных армий в Румынии на Советскую Россию. По мнению короля, советское правительство было виновно в «беспрецедентном акте предательства, не имевшем аналогов в истории»⁷. В декабре 1917 и январе 1918 г. ясская пресса в самых мрачных красках описывала события, происходившие в России. Приход к власти большевиков воспринимался как большая опасность не только для самой России, но и для всей Европы. В статье, опубликованной в газете *Mișcarea* с красноречивым названием «Петроградские султаны», которая была посвящена напряженным

¹ Oprea I.M. *România și Imperiul Rus 1900–1924*. Vol. 1. București, 1998. P. 115.

² Значительная часть отчетов, отправляемых в Яссы румынскими дипломатами, находившимися в России, в период с апреля по октябрь 1917 г. содержала аналитические записки, оценивавшие перспективы стабилизации политического и военного положения. См., напр.: ANIC. F. Casa Regală. *Diverse Ferdinand*. File 1/1917; 3/1917; AMAE. Vol. 33, *Primul Război Mondial*. *Telegrame Petrograd, Odesa, Ismail, Moscova*, 1915–1918.

³ Васюков В.С. *Внешняя политика Временного правительства*. М., 1966. С. 134–149, 248–249.

⁴ Torrey G.E. *The Romanian Battlefield in World War I*. Lawrence, 2011. P. 257–270; Шаццло В. *Первая Мировая война, 1914–1918: Факты, документы*. М., 2003. С. 358.

⁵ Dusa I.G. *Amintiri politice*. Vol. III. München, 1982. S. 31.

⁶ Popa V., Cerăceanu I., Manea V. *Misiunea Generalului Coandă la Kiev (1917–1918)*. București, 2012. P. 161, документ № 45.

⁷ Dusa I.G. *Amintiri politice...* P. 15.

русско-румынским отношениям в январе 1918 г., говорилось между прочим, что «действия максималистов [большевиков] сводятся к уничтожению всего того, что человечество приобрело веками труда, культуры и цивилизации. Это революция, которая уничтожила старый режим, но вместо него принесла только террор, анархию и бесчестие. Она уничтожила всё, но не создала ничего нового»¹. Подобного рода аргументы, как и растущие опасения Антанты насчет полного перехода российской армии под контроль большевиков², подтолкнули румынское правительство к решительным и репрессивным мерам. В конце декабря 1917 г. бо́льшая часть российских войск, находившихся на Румынском фронте и признавших власть советского правительства, была разоружена румынскими властями. Не обошлось без военных столкновений и попыток вооруженного сопротивления.

Бессарабия в 1917–1918 гг.: между автономией, федерализмом и национализмом

На этом фоне всеобщей нестабильности, взаимного недоверия и в конце концов открытой враждебности, проявившейся в русско-румынских отношениях, и одновременно в условиях коллапса Румынского фронта события в Бессарабии начали развиваться в ускоренном темпе. Февральская революция, падение императорского режима в марте 1917 г. и последующие события оказали глубокое влияние на ситуацию в Бессарабии. Главным вопросом, определившим политическую конфигурацию в этот период, стал конфликт между национальным и социальным аспектом революционных преобразований. Как и на других окраинах Российской империи (и с гораздо большей интенсивностью, чем в 1905 г.), противостояние между «социалистами» и «националистами» стало основным водоразделом в политической борьбе, разгоревшейся в Бессарабии между мартом 1917 и мартом 1918 г. В это время предпринимаются первые успешные шаги по политизации и (в меньшей степени) национализации крестьянских масс. Среди политических сил, которые боролись за преобладание на местном уровне, можно условно выделить три основных «лагеря»:

1. Революционное течение, представленное местными организациями большевиков и социалистов-революционеров (эсеров), которые выступали за скорейшее решение аграрного вопроса и за уравнительное распределение земельной собственности между крестьянами губернии. Протестные настроения крестьянства вкупе с активной пропагандой левых партий в сельской местности привели к беспрецедентному всплеску крестьянского насилия на протяжении 1917 г. Результатом многочисленных крестьянских восстаний и бунтов стала фактическая ликвидация крупного землевладения в Бессарабии, что позднее отразилось на условиях проведения аграрной реформы в регионе;
2. Националистическое течение, группировавшееся вокруг газеты «Кувынт Молдовенеск» (Молдавское слово) и позднее вокруг Молдавской национальной партии (МНП), созданной в апреле 1917 г. Тем не менее молдав-

¹ Mişcarea. 1918. 10 (23) января. P. 1.

² Bradley J.F.N. The Allies and Russia in the Light of French Archives (7 November 1917–15 March 1918) // Soviet Studies. 1964. Vol. 16. N 2. P. 164.

ское национальное движение было далеко от единства в вопросе о будущем статусе края и о приоритетах политического действия в контексте революции. Так, радикально настроенное националистическое крыло (во главе с Пантелеймоном Халиппой и Ионом Пеливаном) с самого начала настаивало на приоритете национальных и культурных требований и на частичной политической самостоятельности. В отличие от них «петроградская группа» (состоявшая в основном из членов партии эсеров молдавского происхождения, находившихся в российской столице и участвовавших в февральских революционных событиях) отвергала любые проявления сепаратизма, настаивая на признании верховной власти Временного правительства и на безусловном приоритете социальных реформ. Главными представителями этой группы, вернувшимися в Бессарабию летом 1917 г., были Ион Инкулец и Пантелеймон Ерхан;

3. Правые и монархические организации находились в глубоком кризисе, особенно после фактической дезинтеграции органов местной власти весной 1917 г. Как дворянские элементы, так и популистские лидеры право-монархических формирований не смогли организовать какого-либо значительного отпора революционной волне, захлестнувшей Бессарабию. Это показывает глубину социальных изменений, произошедших за годы войны, и прямую зависимость этих кругов от государственной поддержки. Впрочем, умеренные монархисты и деятели земского движения оставались активными участниками политического процесса (можно привести примеры Константина Мими и Владимира Кристи, которые были назначены губернскими комиссарами, т. е. представителями Временного правительства в Бессарабии).

Местные бессарабские мнения о будущем статусе Бессарабии в рамках зыбкого постимперского пространства в основном складывались в пользу автономии, ставшей главным требованием местных элит. Понимание сущности и рамок бессарабской автономии было различным, в зависимости от политических пристрастий, планов и конкретного контекста того или иного проекта. Так, в начале апреля 1917 г. программа Молдавской национальной партии (которая уделяла основное внимание «молдавскому вопросу») требовала «широкой автономии» для Бессарабии в административной, судебной, церковной, образовательной и экономической области. Характерно, что одним из основных аргументов для новоявленных бессарабских автономистов был прецедент кратковременного «автономистского эксперимента» начала XIX в. В то же время в программе МНП упоминался принцип «национального самоопределения». Распространенное в молдавской историографии мнение о том, что лидеры МНП перешли от первоначального «конфедеративного сценария» к более умеренным требованиям «национально-региональной автономии», представляется по меньшей мере сомнительным. Напротив, лидеры этой организации на всем протяжении 1917 г. колебались между различными моделями отношений с центральной властью, но никоим образом не ставили под вопрос принадлежность Бессарабии к российскому государству. Радикальные сдвиги в первоначально умеренной автономистской программе произошли только после прихода к власти большевиков в октябре 1917 г. В общем, пока существовала реальная надежда на восстановление и консолидацию стабильного центрального правительства в Петрограде, местные бессарабские лидеры, безусловно, оставались в рамках вообразимого (и реального) российского политического пространства.

В то же время в Бессарабии этого периода было очевидно влияние федералистских проектов, в том числе заимствованных (прямо или косвенно) из репертуара дебатов того времени по поводу перестройки политического пространства в монархии Габсбургов. Федералистская модель была, пожалуй, доминирующей среди бессарабских политических деятелей данного периода. Однако принципы будущей федеральной организации российского государства были объектом жарких споров бессарабских политических формирований. На протяжении 1917 г. велись переговоры о достижении компромисса между этнонациональными принципами, отстаиваемыми представителями «молдавского блока» во главе с МНП, и территориальными критериями, за которые выступали представители других этнических групп, опасавшиеся превращения полиэтничной Бессарабии в «молдавское» национальное образование. Эти конфликты вылились в открытое противостояние в ходе подготовительных заседаний, предшествовавших созыву местной представительной ассамблеи — *Сфатул Цэрий*. Этот орган формировался не на основе прямых выборов, а путем кооптирования представителей местных крестьянских сообществ, земств, профессиональных корпораций и сословий. *Сфатул Цэрий* должен был выполнять функции высшего представительного и законодательного органа на местном уровне вплоть до созыва всероссийского Учредительного собрания. Представителям «молдавского блока» удалось провести принцип этнического представительства, согласно которому молдаване должны были иметь в будущем собрании 70 % депутатов (105 из 150 членов), в то время как остальным этническим группам отводилось всего лишь 30 % от общего числа депутатов. Это вызвало протесты меньшинств, которые доказывали, что данное распределение мандатов не только не соответствует демографической пропорции молдавского населения в Бессарабии¹, но и подготавливает почву для провозглашения «национального государства» в регионе. Так, один из бывших российских чиновников заявлял: «Я знаю, что вы [молдавские сепаратисты. — А. К.] хотите создать в Бессарабии национальное государство. Это мечта всего XIX в., но она не удалась в Великороссии, а вы хотите провозгласить национальное государство здесь, в Бессарабии, которая так похожа на Россию с этнографической точки зрения»².

Казалось бы, в этом случае очевидно столкновение между унитарной моделью российской государственности и тенденцией к распаду бывшей империи по этническому и национальному признаку. Однако ситуация была далеко не такой однозначной. Местный национализм оставался крайне слабым и в принципе не оспаривал принадлежность Бессарабии символическому и политическому пространству России. Процесс «национализации» части бессарабских интеллектуалов был двусмысленным и оставался незавершенным даже накануне событий 1918 г., приведших к интеграции Бессарабии в Румынское королевство. Один из самых интересных примеров в этом смысле содержится в официальной декларации автономии Бессарабии (Молдавской Демократической Республики), принятой *Сфатул Цэрий* 2 декабря 1917 г. Этот основополагающий документ бессарабской автономии завершался торжественным упоминанием «нашей общей матери — Великой Российской Демократической Республики» (которая к тому времени стала в свою очередь

¹ Напомним что, согласно данным переписи 1897 г., включавшей классификацию на основе «родного языка», молдаване составляли лишь 47,6 % населения Бессарабии. Реальное число колебалось, видимо, около отметки в 50–55 %.

² *Negru G. Țarismul și mișcarea națională a românilor din Basarabia. Chisinau, 2000. P. 96.*

лишь воображаемым проектом). По иронии судьбы всего лишь через три с половиной месяца после этого события то же собрание торжественно провозгласило «вечное объединение» Бессарабии со своей «матерью — Румынией». Что же объясняет превращение маргинального проекта панрумынского объединения во вполне жизнеспособный и реальный вариант развития событий к весне 1918 г.?

По нашему мнению, три основных фактора привели к кардинальному изменению политической ситуации в Бессарабии. Во-первых, нужно вкратце остановиться на важнейшей роли молдавских «национальных» военных формирований в национализации бессарабского политического спектра. В результате политики национализации армии, проводимой Временным правительством, а частично и в результате самоорганизации солдатских комитетов в условиях анархии, царившей на Румынском фронте в 1917 г., в политическом сознании солдат и офицеров бессарабского происхождения произошли значительные изменения. Российская армия оказалась очень эффективным инструментом возросшей политизации и национализации крестьянских масс. Кроме влияния пропаганды революционных партий первые признаки национальных требований среди «молдавских отрядов» были заметны уже весной 1917 г. Кампания по национализации молдавских войск, дислоцированных в Киеве и Одессе, приняла особый размах вследствие интенсивных контактов с румынскими пленными из австро-венгерской армии. Влияние этих процессов довольно скоро стало очевидным и в самой Бессарабии. Первые полноценные политические программы были сформулированы еще на съездах крестьян и учителей, проходивших в апреле и мае 1917 г. Однако решающие шаги по оформлению требований автономии Бессарабии и созыва местного собрания (*Сфатул Цэрий*) были предприняты именно во время Молдавского военного съезда, состоявшегося в Кишинёве 20–27 октября 1917 г. Именно здесь проявились в полной мере глубокие разногласия между национально и социально ориентированными группами внутри бессарабских политических и военных организаций. Финальная резолюция съезда, представлявшая собой компромисс между противоборствующими течениями, провозгласила приверженность Бессарабии проекту российской федеративной демократической республики, частью которой объявлялась бывшая губерния. Обсуждение конкретных условий политической и территориальной автономии Бессарабии предполагалось отложить до созыва всероссийского Учредительного собрания. Итак, рамки политической легитимности всё еще определялись принадлежностью к российскому государству и исходили из будущего решения представительного органа обновленной и «демократической» России.

Два других фактора сделали невозможным такое развитие событий. Первый из них был связан с объявлением автономии, а затем и независимости украинского государства. Отношения бессарабской временной администрации и политических элит с Украинской Радой были довольно напряженными из-за территориальных претензий, выдвигавшихся киевским правительством. Эти требования вначале касались Хотинского и Аккерманского уездов (где «русинские» и «малороссийские» элементы составляли значительную часть населения), но потом были расширены, распространившись на всю территорию Бессарабии. Отклонение этих требований и противостояние «украинской угрозе» было полностью поддержано всеми политическими партиями Бессарабии и явилось одной из главных причин официального провозглашения автономии 2 декабря 1917 г. Более того, существование украинского политического образования автоматически означало

разрыв всех прямых связей с петроградским правительством. Это серьезно повлияло на сторонников центрального правительства в регионе, сделав их более восприимчивыми к лозунгу местной автономии. Вторым и, по существу, решающим фактором, повлиявшим на дальнейшее развитие событий, было исчезновение какого бы то ни было легитимного в глазах бессарабских элит центра власти в России после прихода к власти большевиков. Кроме местного отделения РСДРП(б) ни одна группа политически активного бессарабского населения не признала новое правительство в Петрограде. На начальном этапе призыв к румынским войскам занять Бессарабию, озвученный частью *Сфатул Цэрий* в первых числах января 1918 г., объяснялся крайне напряженной внутренней ситуацией в Бессарабии, неспособностью местной власти контролировать события и реальной угрозой захвата власти большевиками в Кишинёве и других крупных городах¹. Другими словами, местные элиты стремились восстановить порядок и стабилизировать военную ситуацию в условиях полной дезинтеграции фронта. Постепенно вариант объединения с Румынией стал восприниматься как «меньшее зло» в тогдашних обстоятельствах. Это касалось как зажиточных элементов среди горожан, крестьянства и части дворянства (направивших петицию румынскому королю Фердинанду I еще в январе 1918 г.), так и большей части членов *Сфатул Цэрий*, даже из числа симпатизировавших более умеренным левым партиям. Хотя румынское государство казалось далеко не идеальным с точки зрения общественных устоев и политической системы, оно воспринималось как единственная альтернатива распадавшемуся и хаотичному российскому социальному и политическому пространству. Тема румынского культурного и политического единения периодически возникала на протяжении 1917 и начала 1918 г. Радикальные молдавские националисты и некоторые румынские интеллектуалы (как, например, трансильванский писатель и журналист Онисифор Гибу) пытались вести пропаганду в этом направлении. Это течение, однако, оставалось абсолютно маргинальным в плане политического действия как до, так и во время русской революции 1917 г. Только непредвиденные события военного времени, перипетии международной политики и полная (как тогда казалось) дезинтеграция российского политического пространства вынудили большую часть бессарабских элит к переговорам и поиску компромисса с румынским правительством в первые месяцы 1918 г.²

¹ Нейтральное, подробное и хорошо документированное изложение румынской военной кампании в Бессарабии, проведенной в январе 1918 г., в том числе военных операций против местных большевиков, а также крайне неоднозначной роли румынского военного командования в период, предшествовавший объединению Бессарабии с Румынией (январь–март 1918 г.), см.: *Torrey G.E. The Romanian Battlefront in World War I. P. 271–281*. Вполне справедливо указывая на насилие и карательные операции, которыми сопровождался ввод румынских войск в Бессарабию, на злоупотребления, допускавшиеся румынской военной администрацией, а также на давление и запугивание, которым подвергались некоторые бессарабские политические лидеры со стороны румынских военных, автор в то же время подчеркивает, что к началу января 1918 г. румынская армия являлась «единственным дисциплинированным военным формированием союзников на Восточном фронте» (р. 271). Эта совокупность прагматизма, отсутствия любой реальной альтернативы, прямого и косвенного силового давления и желания восстановить порядок и безопасность во многом объясняет окончательный исход событий 1917–1918 гг. в Бессарабии.

² Более полемически нагруженную интерпретацию, во многом опирающуюся на советскую историографию, но предлагающую несколько более убедительную трактовку событий

24 января 1918 г., в условиях немецкой военной гегемонии в Восточной Европе была провозглашена независимость Молдавской Демократической Республики (дата была выбрана не случайно: она совпадала с годовщиной объединения Молдавии и Валахии в 1859 г.). Через два месяца, 27 марта / 9 апреля 1918 г., большинством голосов *Сфатул Цэрий* (86 за, 3 против при 36 воздержавшихся; остальные депутаты не приняли участия в голосовании) была принята «Декларация об объединении Бессарабии с Румынией». По сути этот документ был именно попыткой компромисса между бессарабскими политическими кругами и румынским правительством. В Декларации предусматривалось 11 условий, на которых Бессарабия присоединялась к Румынии. Гарантировалось сохранение *Сфатул Цэрий* в качестве местного представительного органа, скорейшее проведение радикальной аграрной реформы, сохранение автономии, введение всеобщего избирательного права, создание особых местных воинских частей, соблюдение прав этнических меньшинств, а также основных гражданских прав и свобод. Видимо, бессарабские политики планировали создание федералистской схемы отношений между центром и новоприсоединенной провинцией. Хотя шансы для практического воплощения такого сценария были минимальными (учитывая структуру румынской политической системы и ограниченное пространство для маневров, остававшееся бессарабским лидерам), этот документ очень показателен для анализа политических устремлений бессарабской элиты того периода. Перспектива национального объединения была лишь одним из многих вариантов развития событий (и отнюдь не самым популярным) на протяжении 1917 г. Этот вариант стал серьезно рассматриваться лишь в начале 1918 г., когда сложились описанные выше обстоятельства.

Несоответствие между сферами дискурса и практической политики, свойственное бессарабскому контексту, особенно ярко проявилось в 1917–1918 гг. Ожидания и политические стратегии бессарабских элит были в гораздо большей степени ориентированы на решение неотложных социальных проблем, обострившихся во время революции, чем на воплощение румынского национального проекта. Когда им наконец позволили проявить свою «субъектность», политически активные слои бессарабского (в том числе румыноязычного) населения во многом проигнорировали логику русских и румынских проектов, боровшихся за их лояльность, и попытались выработать собственную политическую программу. В этой программе преобладали автономистские и федералистские элементы. Однако к концу 1918 г. динамика событий вновь сменила траекторию и положила начало новому этапу истории бессарабской «окраины», на этот раз в составе Румынии. На своем последнем заседании, созванном 27 ноября 1918 г., *Сфатул Цэрий* отменил все прежние условия объединения с Румынией, а затем самораспустился. Несколько дней спустя, 1 декабря 1918 г., на карте Европы появилось новое государство — «Великая Румыния», продукт сложной послевоенной международной политики и дипломатических комбинаций, осуществивший мечту румынских националистов о «государстве всех румын». Бессарабия была полностью включена (хотя и ненадолго) в проект румынского нацистроительства.

1917–1918 гг. в Бессарабии, можно найти в книге: *Левит И. Э.* Год судьбоносный: От провозглашения Молдавской Республики до ликвидации автономии Бессарабии (ноябрь 1917 г. — ноябрь 1918 г.). Кишинёв, 2000.

Заключение

Роль начального периода Первой мировой войны (1914–1916 гг.) в переосмыслении лояльности и этничности является ключевой в бессарабском случае. Первые два года войны стали поворотным пунктом в изменениях, коснувшихся политико-этнического характера Бессарабии и его восприятия центральными властями. Объявление войны и особенно радикальная трансформация политики российского правительства хотя и не повлияли на Бессарабию в полной мере, но создали благоприятные условия для дальнейшей постепенной политизации масс, которая проявилась в социальных потрясениях и политической борьбе во время и после Февральской революции. После падения империи в марте 1917 г. и в контексте ухудшающихся русско-румынских отношений и дезинтеграции Румынского фронта осенью 1917 г. противостояние между «национальными» и «социальными» составляющими революционного движения стало определяющим фактором политической жизни в Бессарабии. Несмотря на то что социальное измерение было более важным и доминировало на протяжении всего периода, постимперский политический контекст стал благоприятным полем для «открытия» бессарабского политического пространства. Это привело к беспрецедентной активизации местных политических инициатив в сфере социальных преобразований и политики идентичностей. Национальный фактор играл довольно ограниченную роль во время жарких политических дебатов на протяжении 1917 г., в которых по большей части использовался «язык» автономии и федерализма в рамках идеала будущего восстановленного российского демократического государства. Однако всё более осязаемое значение этничности и этнических иерархий, проявившееся во время войны, обусловило возможность неожиданного успеха прежде маргинального, если не утопического национального «панрумынского» проекта.

Дискуссия

Карстен Брюгеманн

Чтение этих интересных докладов заставило меня заниматься такими регионами империи, которые мне не очень знакомы. В своих комментариях я поэтому сосредоточусь на тех аспектах, где есть какие-то связи с более близким мне регионом, т. е. с Прибалтикой.

Как мне кажется, мы уже несколько лет находимся в такой фазе изучения периода войн и революций, которая открывает варианты всем известных событий в центрах, которые произошли в регионах и на окраинах империи (т. е. революции во множественном числе, о которых говорит и формулировка темы нашего коллоквиума). К сожалению, прибалтийская революция, которая в конце концов в какой-то мере выполняла «задачи Февраля» и вела к рождению правовых демократических государств — правда, на основе национальных территорий — не представлена на нашем коллоквиуме специальным докладом. Поэтому я воспользуюсь возможностью в какой-то степени напомнить вам о революционном опыте таких близких к столице провинций.

Доклады говорят об одном центральном аспекте периода войны и революции: отношении между центром и окраинами, от Украины до Узбекистана. Все они затрагивают, однако, еще один вопрос, который тесно связан с первым: роль национальностей в борьбе разных групп центра за власть. Мы вернемся к этой общей теме в конце выступления.

Переходим к конкретным докладом. Во-первых, мне хотелось обратиться к А. Кушко, так как он занимается вопросом, с которым я тоже в последнее время столкнулся, а именно вопросом восприятия окраин центром. Итак, в своем докладе он говорит о том, что «жители Бессарабии имели разный уровень политической благонадежности и лояльности» в глазах центра. Здесь очевидна параллель с восприятием жителей прибалтийских губерний глазами разных групп в центре. Но восприятие это не было однозначно. Например, сторонники власти традиционных элит продолжали видеть в прибалтийских немцах самых верных подданных царя, в то время как после августа 1914 г. для авторов передовых статей их национальность стала причиной критики немецкого «внутреннего врага». В отличие от Бессарабии крестьянские массы, т. е. эстонцы и латыши, после событий революции 1905 г. тоже стали объектом недоверия, ведь и в них стали видеть таких же потенциальных сепаратистов, как и в немцах. Но опять-таки, восприятие эстонских и латышских крестьян было не таким однозначным, ведь сыграл большую

роль, и в этом я тоже согласен с А. Кушко, религиозный фактор. После конверсий 1840-х гг. в Ливонии и Эстляндии жили свыше 100 тыс. православных эстонцев и латышей, которых и в начале XX в. не стоит недооценивать, если говорить о восприятии региона в глазах центра. Именно в них определенные круги центра увидели залог большего сближения региона с Россией. Похожим образом складывался и территориальный аспект восприятия. Как и Бессарабия, Прибалтика воспринималась тогда либо как потенциальная база для военных операций против России, либо как одна из «национальных окраин» империи, отторжение которой соответствовало интересам ее противников. Мне кажется, тему ментальных карт разных акторов надо учитывать в нашей дальнейшей работе.

А как обстоит дело с образом России среди нерусских подданных и у соседей? В связи с этим у нас к А. Кушко конкретный вопрос, касающийся периодизации трансформации образа России в Румынии. С одной стороны, вы пишете, что вступление страны в войну в качестве сторонника России «привело к трансформации образа России в румынских политических кругах». Но на той же странице читаем, что уже в довоенные годы «произошло политическое сближение между двумя странами» (контекст балканских войн). Кажется, что политическое сближение еще не привело к трансформации образа. Мне бы хотелось в дискуссии больше узнать о ментальных картах разных групп населения и в Румынии, и в Бессарабии.

Если говорить о политических взглядах на окраинах и роли федерализма, то опять мы наблюдаем параллели. Эстонские политические лидеры практически до самого конца 1917 г. ждали от революции именно того, что Февраль, видимо, обещал: демократическую федерацию. Только после роспуска Учредительного собрания большевиками эстонцы взяли курс на интернационализацию «эстонского вопроса» и провозглашение независимости именно в день начала немецкой оккупации (24 февраля 1918 г.). Как раз Эстония была в сравнительно более выгодном положении, так как ее территория до Февраля 1918 г. целиком находилась в составе России. Это, как мне кажется, ключевой фактор, если мы хотим объяснить разницу в региональном развитии в эти годы, ведь Литва была оккупирована немцами уже с 1915 г., и по линии реки Даугавы с того же года шел фронт, разделяя территории будущей Латвии на две части.

Разница между Бессарабией и Эстонией была все-таки большой: местный представительный орган в Бессарабии формировался в 1917 г. не путем выборов, как в Эстонии, а путем кооптирования представителей местных организаций, где сразу же возник спор о национальной репрезентации. В эстонском «предпарламенте» такого спора не было, но здесь уже летом 1917 г. произошло замечательное переосмысление политических альянсов: умеренные эстонские социалисты голосовали вместе с национальными партиями против большевиков. Так, уже до Октября формировался национальный социализм как революционный феномен. Именно этот национальный революционизм дал впоследствии самый популярный ответ на социальные и национальные вопросы. Именно он выиграл и демократические выборы, которые состоялись в Эстонии уже весной 1919 г. Если в этот период в Бессарабии, по словам А. Кушко, противостояние между национальными и социальными вопросами определяло политическую жизнь, эстонские левые партии нашли объединяющий эти вопросы компромисс, который стал впоследствии и решающим фактором формирования независимого государства. И этот февральский выборный орган (Земский совет), считается сегодня в эстонской историографии легальным предшественником национального парламента Рийгикогу (Riigikogu).

Естественно, как говорит А. Кушко, война была очень важным фактором для политизации, и это можно сказать и об Эстонии, для национализации масс. С этим замечанием мы переходим на доклад П. Холквиста. Он, правда, не очень много говорит о массах, но и его текст показывает, что для революционного правительства, в отличие от царского, национальная политика стала решающим инструментом определения «друзей» и «врагов». Когда в эстонском случае Временное правительство решительно поддерживало эстонских лидеров из кадетских членов Государственной Думы и подтверждало закон об автономии Эстляндии (включая территориальное расширение губернии за счет этнических эстонских округов Лифляндии), на турецком театре войны Временное правительство связало свою судьбу с армянами. П. Холквист очень хорошо демонстрирует разницу между политикой царского и революционного правительств. При том, что в первые годы войны многое зависело от личного фактора представителей на местах и царила недостаточная всеобщая координация, со сменой власти центр попытался выдавать своим представителям на месте определенные инструкции. Но в связи с общей ситуацией его авторитет стал падать с каждым днем. И опять личный фактор стал решающим.

Мне было интересно узнать, что военные в 1917 г. сами просили, чтобы их власть подчинялась гражданской. И это имеет определенную связь с Эстонией. Надо вспомнить, что и эстонская армия была ребенком Февральской революции, ведь эстонские части Российской армии формировались приказом военного министра Керенского весной 1917 г. Кажется, это был с самого начала политический проект, ведь в течение этого года с помощью дислоцирования этих частей старались защищать их от большевистского влияния, которое росло именно в городах в замечательном темпе (как и в центральных городах империи). Это соотношение гражданских и военных властей наблюдалось в Эстонии и впоследствии: даже в дни больших военных успехов весной 1919 г. главнокомандующий эстонской армией Йохан Лайдонер не забыл свою позицию. В конце мая, когда эстонская территория была освобождена от врага, он послал Учредительному собранию в Таллине телеграмму о своей отставке, так как его задача считалась выполненной. Конечно, это был символический шаг, но Лайдонер сам вспоминал впоследствии, что он ориентировался на пример швейцарской армии (это как раз покажет транснациональную ноту эстонской войны о независимости).

Таким образом, на белом Петроградском фронте Гражданской войны Лайдонер был настоящим наследником идей Февраля, в то время как главный белый генерал в этом районе, Н.Н. Юденич, всё время смотрел на Лайдонера (который на самом деле служил во время Первой мировой на Кавказском фронте под командованием Юденича) как на неполноценного генерала узурпаторского правительства. Юденич, как мне кажется, совсем не согласился со стремлениями эстонцев и с существованием Эстонии вообще. П. Холквист, однако, писал, что на Кавказе Юденич поддерживал курдов. Тут возникает вопрос: как вы думаете, каким образом генерал понял, так сказать, требования дня? Как он относился к революции и к национальному вопросу во время войны? Был ли он «политическим генералом» (как Маннергейм или Лайдонер)? Какую роль в политике Временного правительства в пользу армян играл религиозный фактор? Это тоже затрагивает вопрос о ментальных картах Временного правительства.

Б. МакГивер и в каком-то смысле также С. Хирст и С. Гирик показывают, что «дискурсивная власть» революции была достаточно слабой не только на окраинах.

Б. МакГивер спрашивает, как обстояло дело с интернационализмом в рядах Красной армии в связи с антисемитизмом. Хотя он, наверное, сам понимает, что большинство солдат и многие из офицеров в это время не очень четко поняли смысл этого слова. Очень убедительно показано в его докладе, как «аутсайдеры», как он выражается, проявили инициативу для борьбы с антисемитизмом. Для этого еврейские активисты находили поддержку в московских структурах и удачно использовали конфликт между московскими и центральными органами в своих целях. Но поражение Москвы в этой борьбе явилось и их поражением. Какой вывод можно делать из всего этого? Что с революционными идеалами? Были ли они в условиях 1918 г. безнадежно на втором плане, так как прагматическое сохранение власти было решающим в этом напряженном моменте? А что вообще с антисемитизмом? Был ли он достаточно популярным явлением, и большевики просто не хотели позиционировать себя вне «мейнстрима», чтобы не потерять еще больше контакта с населением? Была ли июльская резолюция принята просто как тактическая мера в тот момент, когда Кремль уже потерял власть в том регионе, где происходили погромы? Какими были мотивы этого решения?

С. Хирст вводит нас в историю трансформации роли Советской России на международной арене: от авангарда революции во внешней политике к стороннику «реалполитик». Мы знаем, что в разных ведомствах молодого государства было много расхождений по вопросу, как вести себя в сношениях с остальным миром. Напряженность между революционными идеалами и прагматическими требованиями дня наблюдается и в этом отношении. Не подлежит сомнению, что опыт советских дипломатов играл определенную роль в формулировании внешней политики. Но были ли рапорты дипломатов, например из Кабула или Анкары, решающим фактором или они были использованы представителями разных ведомств в своих целях? Другими словами: была ли вообще нужна эта, как автор выражается, «транснациональная» перспектива для Москвы? И еще насчет «транснациональности» — я не совсем понял, где именно в его докладе скрывается «транснациональность». Ведь в каком-то смысле в самой Москве уже хватало «транснациональности», ведь советское государство само было тогда каким-то «транснациональным экспериментом». Что именно даст, по-вашему, концепт транснациональности для понимания поднятых вами вопросов и вообще для изучения ранней советской внешней политики?

Вопрос о прагматичном подходе к реальным условиям борьбы за власть мы находим и в докладе С. Гирика. Должен признаться, что я с трудом разбирался во всех этих аббревиатурах разных так называемых «партий» и «групп». Поэтому автоматически возник первый вопрос. Можно ли вообще сказать, сколько членов было в этих организациях? Кого они на самом деле представляли? Кто именно были те деятели, которые скрывались за этими шифрами, т. е. названиями этих групп?

Очень интересен процесс поглощения национал-коммунистических групп большевиками в Украине и в Беларуси. По сравнению с Эстонией и Латвией, кажется, эти группы были слишком слабыми, чтобы играть большую роль в судьбе их стран. В этой связи мне хотелось бы привести еще один пример того, как силен был дискурс левого социалистического национализма в Латвии. В октябре 1920 г. страна устроила торжественный прием последним латышским стрелкам, которые еще в 1918 г. воевали за Ленина и только теперь вернулись через Владивосток домой. В Латвии консолидация общества вокруг идеи национальной независимости

и радикальных социальных реформ, прежде всего в земельном вопросе, позволяла правительству во имя единства нации простить даже тех латышей, которые воевали на советской стороне. Не забудем, что и в Риге власть сменилась семь раз в течение шести лет, но в Прибалтике как-то удалось, в отличие от собственно России, предложить «своим» массам новый выход из положения смуты с помощью организации национального государства и конструкции нарратива, который, по-видимому, объединял всех. Одна из причин, почему (в отличие от других регионов бывшей империи) это удалось, — по-моему, как раз то, о чем мы уже говорили: контролировать пространство насилия (*spaces of violence*), реализуя гражданский контроль над войсками.

Вернемся к «коренизации до коренизации». Чтобы быть честным, я должен сказать, что не вижу в этом чего-то удивительного. Прагматичный подход к положению диктовал новым властям, что без местных кадров нельзя. Мне кажется, что в свете этого предположения можно смотреть на решение XII съезда как на попытку легализации или даже идеологизации того, что в регионах уже предполагалось или даже реализовалось. В последний раз мне бы хотелось привести пример из Прибалтики. Всем понятно, однако, что в связи с «коренизацией» в Прибалтике речь будет идти уже о другом времени. Когда Л.П. Берия после смерти Сталина провозглашал «новый курс» для тех регионов, которые вошли в состав СССР в результате пакта Молотова—Риббентропа и Второй мировой войны, то он имел в виду прежде всего, что опыт коренизации 1920-х гг. надо будет повторить и в этих регионах (что было в какой-то степени типичным для тех времен вариантом возврата к политике Ленина). Берия хотел прежде всего увеличить число русских товарищей на местах, которые владели бы местными языками. В этом, конечно, он исходил из логики власти и не хотел поддерживать каким-то образом местную культуру. По понятным причинам его инициатива не привела к решающим результатам, но она лишним раз иллюстрирует структурную проблему властной центральной политики уже со времен возникновения прибалтийского православия в середине XIX в.: число тех русских представителей, которые владели местными языками, всегда было очень маленьким. Если в славянских регионах языковая проблема не была такой уж острой, в неславянских регионах ситуация было совсем другой.

Последняя моя заметка касается вопроса об актерстве в связи с ролью национальностей в борьбе разных групп центра за власть. После того как я прочитал доклады, мне кажется, что надо больше внимания обращать на роль «окраинных», периферийных активистов в эти годы всеобщей смуты на территории империи. Армянин и эстонец в Петрограде, еврей в Москве: все они имели — может быть только на определенном промежутке времени — редкую возможность сказать свое слово и влиять на политику центра. Кажется, именно в момент центральных властных конфликтов, когда центральная власть слаба (или вообще при условии сложных межведомственных отношений) представители окраин обладали возможностью повлиять на курс центра. Они, таким образом, являются специфическими этническими предпринимателями в центральной «диаспоре», о которых мы пока не знаем очень многого, и если знаем о них, то чаще всего в рамках исследований, касающихся истории одного народа или этнического меньшинства. Было бы интереснейшим проектом посмотреть на их работу в центрах «коллективно», от последних десятилетий империи до 1930-х гг. Но это уж другой разговор, может быть, даже, так сказать, «транснациональный».

Алексей Ильич Миллер

Первый вопрос, который, мне кажется, здесь был поставлен — это вопрос о роли национального фактора в революции и о том, как менялась эта роль, о динамике. Возьмем за отправную точку уже упоминавшийся здесь доклад Дурново. О национальном факторе он говорит примерно на полстраницы. Он перечисляет все возможные проблемы (польскую, финскую, мусульманскую, украинскую). По всем говорит о том, что они будут важны и значимы в том случае, если будет «включен» международный фактор (влияние Швеции, Германии, Османской империи). По всем заключает, что это не такая большая проблема. Заметно более сложная и опасная вещь, по мнению Дурново, это социальный вопрос. Как мы знаем, все другие прогнозы Дурново подтвердились. Отсюда вопрос: он не разбирался в национальном вопросе и чего-то не понял? Или на самом деле он поставил правильный диагноз, но потом в какой-то момент значимость национального фактора существенно возрастает? Когда этот момент наступает? Какова эта динамика? Мне кажется, что мы говорим об очень сложных и многоплановых процессах, некоторые аспекты которых упомянуты в докладах. У нас есть сама природа войны как войны, в которую Россия вступает как *nation in arms*, как нация. Совершенно очевидно, что это само по себе мобилизует. У нас есть понятие «военного национализма», о котором последнее время интересно пишет Эрик Лор. Дальше у нас есть, конечно, соревнование держав, которые в определенный момент поняли, что эта война является тотальной, войной за выживание. Как следствие они отбросили те конвенциональные ограничения, которые у них были в течение долгого времени. Прежде «общий скелет в шкафу» (разделенная Речь Посполитая) заставлял их вести себя очень осторожно в этих вопросах.

Потом появляются новые элементы, а именно: 1) феномен беженства, о котором писал Питер Гетрелл; 2) немецкие и австрийские лагеря для военнопленных, в которых проводилась национализирующая политика в отношении прежде всего украинцев, для которых были созданы отдельные лагеря; 3) оккупационная политика, которую на примере Обер Ост проанализировал Вейяс Люлевичус, а на примере Украины Френк Грелка; наконец 4) очень поздний (1917) феномен национализации воинских частей. Это многообразие еще необходимо выстроить в систему. Джошуа Санборн попытался, с моей точки зрения, не вполне удачно. Предложенная им концепция деколонизации здесь не работает.

Следующая большая тема, отчасти с этим связанная, это тема, которую упоминал Сэмюэль Хирст — революция и революции, их множественность. Революции на окраинах, революции на сопредельных территориях, большевики, которые участвуют в нескольких революциях и при этом смотрят на эти несколько революций потенциально как на одну революцию. Но это и история о том, как одна революция становится многими революциями. Потому что еще в 1917 г., как пишет Андрей Кушко, Бессарабия находится в рамках российского политического пространства. Вполне ли справедливо говорить о бессарабской революции как отдельном явлении? Думаю, что нет. Только с приходом большевиков бессарабские элиты решают, что нужно спасаться в рамках не очень их привлекавшего румынского государства.

Второй аспект этой темы состоит в том, что мы в России почти не занимаемся революциями на окраинах. В некотором смысле, если мы говорим о революции, мы говорим о революции именно в России. Это отчасти превращает революции на окраинах в отдельный феномен. В рамках процесса «национализации» истории,

который происходит в постсоветских республиках в последние 25 лет, эта отдельность, безусловно, акцентируется. И в этом смысле было приятно читать доклады Андрея Кушко и Сергея Гирика, потому что они как раз преодолевают эту тенденцию. Поэтому, мне кажется, очень важно этим вопросом заниматься вместе.

Еще один очень важный аспект этого вопроса — это связи. Мне очень не хватало информации о том, например, имели ли белорусские и украинские меньшевистские левые какие-либо связи между собой. Или хотя бы о том, как они смотрят друг на друга. Мне не совсем понятно, какова последовательность. Если смотреть на вашу хронологию, там получается, что Элан-Блакитный формулирует свою программу требований позже белорусов. А мы привыкли думать, что украинцы формулируют прежде белорусов. Есть связи, и есть заимствования без непосредственной связи. Это как раз та самая «транснациональность».

И еще один вопрос, который я бы хотел поставить, затронет несколько докладов. Карстен Брюгеманн в конце своего выступления сказал о том, что, когда мы смотрим на эти группы, украинские, белорусские партии, группы еврейских радикалов в Москве, то видим, что за ними в реальности политической силы не стоит или стоит очень незначительная. Но они оказываются в условиях и Временного правительства, и большевистского режима очень эффективными лоббистами, представляющими интересы разных этнических групп. Этот феномен стоит подробнее изучить. Феномен этнического лоббизма характерен и для Российской империи. Мы знаем, что и лоббисты были другие. Все-таки барон Гинсбург непохож на еврейского радикала-социалиста из московского комиссариата. И общался он с другими людьми, и механизмы этого лоббизма были разные. Но мы очевидным образом видим, что большевики умели этих лоббистов слушать. Что означает податливость большевиков на этот лоббизм? Одна часть ответа на этот вопрос: что они такие слабые, что им обязательно нужна была эта помощь. Вроде бы, правда. Но как много этой помощи эти люди могут дать? Вот вы говорите о том, что боротьбисты получили мало влияния. С моей точки зрения, они получили непропорционально много влияния. То, что они получили Наркомпрос без малого на 10 лет, это колоссальное влияние. Это показатель слабости большевиков? Или показатель того, что эти вопросы для большевиков не являются первостепенными? Они готовы именно по этим вопросам заключать компромиссы, «платить» в этой сфере за что-то другое. Большевики в центре, но что они несут с точки зрения подхода к национальному вопросу? Может быть, для них это сугубо экспериментальные вещи? Я пытался рассмотреть этот вопрос на примере Особого политического отдела при министерстве иностранных дел Российской империи, который занимался славянским вопросом, а потом концентрировался на украинском и белорусском вопросе. Они работали с царским правительством. На рубеже 1915–1916 гг. они высказали несколько очень интересных предложений по части модификации политики Российской империи. Потом приходит Временное правительство, эти служащие переформулируют свой способ аргументации. Царизм наряду с австрийскими и немецкими империалистами становится в ряд главных виновников того неблагоприятного положения дел, которое имеется в 1917 г. Но неизменным остается концепт триединой русской нации. Для них это в 1917 г. в условиях Временного правительства по-прежнему остается главным тезисом. И они работают до середины 1918 г., их забыли разогнать. Они писали свои последние доклады для большевиков, где они тоже пытались уже через риторику прав трудящихся отстаивать тезис

триединой русской нации. Но мы знаем, что как раз для большевиков эта вещь оказалась абсолютно неинтересной, а даже наоборот. П. Холквист говорит о том, что Временное правительство строило свою политику от противного (попытка переформулировать наоборот царскую политику). Большевики же выстраивают достаточно рациональную концепцию исходя из того, кто является их главным врагом. Это прежде всего Белое движение и другие слои, которые являются носителями русского национализма в его имперской версии. Тогда получается, украинские, белорусские левые меньшевистские силы получают так много, так непропорционально много по сравнению со своим весом и возможностями, потому что большевики в какой-то момент, услышав это предложение, приняли его. Они не уступают там, где им принципиально трудно отступить, а как раз там, где им вполне удобно пожертвовать проектом триединой русской нации, потому что этот проект им враждебен, а они враждебны этому проекту.

Насчет автономии, федерации... Конечно, это не вопрос о терминах. Это вопрос о концепциях. Я был в свое время поражен, когда узнал, что представители Закавказского комиссариата в 1918 г. на переговорах с турками декларировали, что они являются частью свободной России и верны Временному правительству, которое на тот момент отсутствовало в течение полугода. О чем здесь речь? Центр провалился, лояльность большевикам невозможна, поэтому выстраиваются самые разные стратегии. Когда у тебя рядом такой сосед, как Турция, которая пытается действовать на Кавказе в 1918 г., то понятно, что у грузинских и армянских товарищей очень сильная ностальгия по хоть какой-нибудь России.

Вопрос о самоопределении нации, сама его формула возникают в 1918 г. Интересно было бы заняться вопросом о том, когда и откуда она возникает. У меня есть предположение, что первым был не американский президент Вильсон и не Ленин, а немцы, которые вбрасывают эту идею через «Лигу нерусских народов России».

Игорь Владимирович Лукоянов

Я попробую сформулировать некоторые проблемы, адресуя их как докладчикам, так и участникам общего обсуждения. Сам по себе процесс разработки внешней политики Российской империи, как она оформлялась во время Первой мировой войны, в общих чертах известен. В том числе можно оценить и отношения с союзниками, и позицию по отношению к противникам, на эту тему существует уже много исследований. Правда, иногда всплывают любопытные сюжеты. Например, П. Холквист мимоходом упомянул, что М.В. Алексеев выступал за сепаратный мир с Турцией. Это является «новеллой» для русскоязычной историографии точно, кажется, так же, как и для англоязычной. Это весьма любопытный аспект. Но интересно было бы узнать, как позиция Петрограда по отношению к армянскому вопросу и ее изменения были связаны не только с деятельностью местной администрации на Кавказе, как гражданской, так и военной, а с общими видами столыпинского министерства иностранных дел в отношении войны на турецком фронте. Возможно, это было связано и с более общими вопросами. Во всяком случае, в докладе П. Холквиста есть небольшое замечание о том, что П.Н. Милюков во время своего визита в Великобританию обсуждал с Эдвардом Греем в том числе и армянский вопрос. Милюков — глава Прогрессивного блока, не имевший никакого отношения к внешней политике империи, — и министр Эдвард Грей. Не является ли следствием этого обсуждения, а также контактов Милюкова с другими видными

политиками союзных держав, прежде всего Англии и Франции, курс на укрепление Антанты, в том числе идея решить армянскую проблему в несколько ином духе? Известно, что Российская империя всегда поддерживала контакт с курдами, с интересом смотрела на них как на одну из угроз официальному Стамбулу с Востока. Не являлся ли армянский вопрос не только результатом изменения взглядов людей, может быть, каких-то конъюнктур, но и общих линий, связанных с укреплением Милоковым союзнических отношений в 1917 г. через такое решение армянского вопроса, которое было бы близко Англии? Надо ли объяснять, что англичане не выступали за создание курдского национального государства и не были склонны поддерживать курдское движение? Армянский же фактор как одно из решений проблемы противодействия будущим остаткам Турции вполне входил в их планы. Было ли это продолжением более серьезных политических вопросов, в том числе внешней политики Временного правительства, которая по сути не отличалась от внешней политики Российской империи (просто Николай II не был склонен идти на слишком большой контакт с англичанами)? Либо мы говорим о позиции отдельных деятелей, самого Милокова или каких-то людей, на него влиявших? Либо просто местных управленцев?

Вопросы о дальнейшей внешней политике России, связанной уже с советской властью и Народным комиссариатом иностранных дел, представлены на примере Афганистана и интересны прежде всего тем, что конфигурация внешней политики в 1920-е гг. меняется. В докладе С. Хирста затронуты вопросы, связанные с позицией представителей Народного комиссариата иностранных дел. Но как на эти же вопросы отвечали люди из Коминтерна, которые находились если не в прямом, то в косвенном контакте? Как эти вопросы решались в Москве? Было ли это подчинение одного другому, либо они действовали параллельно? Насколько эта ситуация в отношении Афганистана была результатом именно позиции Москвы, а не инициативой некоторых отдельных дипломатов, представителей официально-Народного комиссариата? В 1919 г. состоялся Съезд народов Востока в Баку, был взят серьезнейший курс на проведение немедленной мировой революции на Востоке. И вдруг политика в 1920-х гг. начинает постепенно меняться. Мы можем назвать много причин этого, но мы должны также понять, было ли это переосмысление вообще модели внешней политики советского государства, либо это какие-то частные случаи. Как, например, видно из доклада, эта политика могла стремиться к преодолению внешней блокады советской власти, которую невозможно было прорвать в Европе, так хотя бы в Азии, хотя бы через Афганистан.

Наконец, внутренняя политика российских, советских властей в национальном вопросе. Конечно, власти сталкивались с колоссально обострившимся числом как вопросов, так и способов их решения. Это касалось не только евреев, но и других национальностей, клубок проблем был колоссальным. Один из докладов показывает нам процесс, как отдельные инициативные люди попытались воздействовать на политику Кремля. Но не стоял ли за этими еврейскими погромами не только дискурс, но и прямое наследие самодержавного строя и Первой мировой войны, когда люди, не являвшиеся до того антисемитами, получили погромный опыт, в том числе во фронтовой черте? Не секрет, что Красная армия по большей части создавалась из тех же солдат, участвовавших в Первой мировой войне. Не принесли ли эти солдаты этот «ценный» опыт из своей предыдущей службы в новую армию?

Руководство в Москве было вынуждено выбирать между национальными вопросами и интернационализмом, классовой борьбой. Если еврейские активисты ставили проблему так, что они защищают евреев вообще, то как быть с евреями-эксплуататорами, против которых Москва не могла не вести бескомпромиссной борьбы? Очевидно, это была та дилемма, которую оказалось невозможно решить в Кремле за короткое время. Если бы эта активность против еврейских погромов началась с 1918 г., не оттолкнуло ли бы это от Кремля складывающуюся Красную армию? Как бы эти красноармейцы отреагировали, если бы их не просто строго одернули, но и использовали жесткие репрессивные меры для поддержания дисциплины и прекращения погромов? Это стало возможным, когда армия более или менее сложилась, когда там стали вводиться жесткие карающие меры за нарушение дисциплины. Не являлся ли этот вопрос о погромах заложником более сложных процессов, а не только реакции Кремля и инициативы, исходящей от местных деятелей? Тут переплетается целая группа серьезнейших проблем.

Национальная проблема для победившей в Гражданской войне советской власти. Могла ли советская власть вполне доверять национальным кадрам? Почему дилемма от интернационализма смещается к опоре на национальные кадры? Не связано ли это с тем, что с помощью этих национальных кадров большевики пытались просто сменить аппарат, людей, которые управляют национальными территориями? Не секрет, что советской власти достались в наследство всё те же бюрократы, которые сидели и до 1917 г. Смена кадров не происходила слишком быстро в силу того, что ощущался недостаток опытных специалистов. Не была ли национальная проблема той, за которую новая власть пыталась ухватиться, чтобы мобилизовать большее число сторонников на национальных окраинах, чтобы сменить хотя бы старые кадры? Думали ли они вообще о том, будет ли это национальное развитие слишком сильным или оно упрется быстро в стену, когда станет мешать интернационализму, который тогда официально проповедовался? Являются ли эти действия каким-то продуманным планом или это все-таки хаотический набор мер, поиск выхода из текущей ситуации, которая в итоге наткнулась на неразрешимое противоречие?

Наконец, очень интересный вопрос, связанный с молдавским национализмом. Он крайне нетипичен для всей империи, когда национализм по сути дела ускоренно формируется и развивается в результате войны. Он, получается, чуть ли не искусственно поднимается как уже политический инструмент для решения определенных задач, прежде всего внешнеполитических. Это очень интересный прецедент. Но можно ли оценить на сегодняшний день, что играло решающую роль в этом национализме: внешнеполитический фактор и искусственное его развитие или внутренний потенциал, который был заложен еще до Первой мировой войны? Он был слабым, но тем не менее получил рост, в том числе и в результате заимствования опыта соседей.

Комплекс вопросов, которые можно сформулировать, выслушав эти доклады, весьма широк. Он охватывает массу факторов. Прежде всего это связь политических вопросов с национальными процессами. Имелись в виду какие-то планы власти? Или большей частью это были спорадические решения, принимаемые в соответствии с той или иной конъюнктурой момента, связанные с отдельными этническими группами, лишь со слабыми попытками учитывать общий курс?

Зива Галили

Я хотела бы ответить на один пункт выступления А.И. Миллера и на доклад Б. МакГивера. С одной стороны, мне кажется, что, действительно, готовность большевиков перейти на компромисс с «этническими лоббистами», была связана с тем, что эти вопросы для них не были ключевыми. И вот я занималась меньшевиками, занимаюсь сейчас сионистами. Я могу сказать, что, во всяком случае, в начале 20-х гг., если судить по тому, как советская власть обращалась с меньшевиками и с сионистами, то первые явно были важнее. С сионистами обращались гораздо более мягко. С другой стороны, в 20-х гг. вопрос антисемитизма был очень важным для советского руководства. Была такая фигура Давид Шор, пианист, музыкант, профессор Московской консерватории и сионистский «лоббист». Он не менее раза или двух в неделю бывал у Каменева, у Рыкова, у Смидовича, у них в квартирах в Кремле, и вел дневник об этих встречах. Они пошли на компромисс с ним (например, арестованных сионистов отправляли в Палестину, а не в Сибирь), поскольку они думали, что бедность евреев, их безработица подталкивает их к спекуляциям, а это вызывает антисемитизм. Я хочу сказать, что, с одной стороны, я согласна с тезисом А.И. Миллера, с другой стороны, я считаю, что антисемитизм стал очень важным явлением и диктовал в частности политику советской власти в отношении к сионистам.

Владимир Прохорович Булдаков

Проблематику национального вопроса в России я объясняю исходя из того, что такое империя вообще, Российская империя в частности, на каких основаниях базируется ее политика по отношению к национальностям. Россия основывалась на идее этнопатернализма — все этносы являются «полезными» для империи. Но эта этнополитика вовсе не означала отсутствия насилия против тех или иных наций. Более того, в экстремальных ситуациях насилие принимало весьма жесткие формы. Патернализм — это скорее идея. Что касается организационно-управленческого воплощения ее в жизнь, то здесь со стороны было заметно только насильственное начало.

Так называемый национальный вопрос замешан на вопросе и внешней, и внутренней политики. В связи с этим случалось, что одно ведомство начинало «воевать» с другим. Классический пример — взаимоотношения военного министерства и министерства внутренних дел в связи с вопросом о депортациях немцев, евреев и прочих этнически «подозрительных» подданных. Тот исторический период, который мы сегодня обсуждаем, был временем неопределенности, зыбкости. И здесь слишком часто случалось, что правая рука не знала, что делает левая.

Я хотел бы перейти к докладу П. Холквиста, который поднял очень важные вопросы. Но есть у меня и возражения по поводу этого доклада. Прозвучала мысль о том, что И.И. Воронцов-Дашков проводил проармянскую политику. Д.И. Исмаил-Заде, например, так не считала. В книге, посвященной Воронцову, показано, что в последние годы жизни он уже фактически ничем не управлял, проармянской его политику можно назвать только по сравнению с предыдущей — антиармянской. Говорить о том, что великий князь Николай Николаевич был антиармянски настроен, тоже не стоит. Все-таки он был человеком империи. А проектов решения армянского вопроса было множество. Собирались даже заселить оккупированные территории Турецкой Армении казаками.

В верхах могли быть и армянофобы, и армянофилы, но на Кавказском фронте решали этот вопрос по-своему. Этнофобия на Кавказе со стороны русских солдат вообще приняла очень жесткие формы. Можно определенно сказать, что в армии ненавидели курдов, считая их поголовно разбойниками (вопреки позиции внешне-политического ведомства). Но к армянам отношение было немногим лучше. Я встречал заявления рядовых солдат о том, что армяне горазды лишь добивать раненых.

С.И. Гирик очень интересно подошел к вопросу о коренизации на Украине до 1923 г. Мне кажется, что, помимо всего, здесь вольно или невольно проявился и фактор антисемитизма. В 1920-х гг. украинские деятели были недовольны «засильем» евреев-коммунистов. Еврейская интеллигенция, в свою очередь, была в страхе от коренизации. Считалось, что она призвана исключить евреев из политики, заменив более послушными украинцами.

На мой взгляд, пик «революционного» антисемитизма пришелся на 1920 г., когда пришлось расстрелять как минимум 300 человек буденновцев за погромы. Большевики показали себя здесь людьми империи. Царское правительство действовало по такой логике: погромы — это нехорошо, поскольку это беспорядок. А антисемитизм — инструментально полезная вещь. Такова обычная логика империи. И принципиальной разницы между большевизмом и царским правительством я не вижу. Империя навязывает свои правила игры вопреки этнопатерналистским и/или интернационалистским принципам.

Теперь коротко о политике большевиков на востоке. Считается, что советское правительство в Средней Азии неуклонно боролось с басмачами. Однако были случаи, когда «полевых командиров» награждали «золотыми» саблями, бриллиантами, они откочевывали куда-нибудь за кордон, а через некоторое возвращались для борьбы с советской властью. Их «привечали», старались в очередной раз перетянуть на свою сторону снова, платили и т. п. И такое повторялось неоднократно. Борьба с басмачеством велась не только вооруженным путем.

Даниил Александрович Коцюбинский

В продолжение того тезиса А.И. Миллера, который вызвал такое оживленное обсуждение, о том, почему большевики такой интерес проявляли к малочисленным левым националистам в Белоруссии и в Украине. Была высказана мысль, что это было сделано потому, что таким образом большевики противопоставляли себя своему главному врагу — русскому национализму. Я бы хотел дополнить эту мысль еще одной, на мой взгляд, более традиционной, но о ней тоже не стоит забывать. Ведь все-таки такую политику нужно рассматривать в контексте курса на строительство Союза Советских Социалистических Республик, или Союза республик Европы и Азии, как поначалу Ленин хотел его называть, курс на создание формально полиэтнического государства. Почему Ленин к такой идее пришел? Почему он был недоволен более унитаристской сталинской идеей автономизации? Ленин не писал о том, что главным врагом для него являлся русский национализм. Наоборот, он заявлял, главный враг — это «независимцы». Это левые социалисты, которые выступают с более националистически окрашенными платформами. И вот задача нейтрализовать их угрозу. С точки зрения Ленина, на окраинах, на Кавказе, в Белоруссии, в Украине такая угроза существовала. Мотивы были притушить врагов слева, сделать так, чтобы они не имели простора для их неожиданного роста популярности. Большевики эту задачу решили.

Борис Иванович Колоницкий

Само употребление слова «большевики» без каких-либо оговорок вводит нас в заблуждение. Никаких единых большевиков по отношению к государству не было. Недавно Д. Коенкер и С. Смит опубликовали очень интересный источник, воспоминания красногвардейца Дуна, который устанавливал советскую власть в Дагестане. Он пишет совершенно откровенно, что из Москвы нам приходили распоряжения, которые совершенно не понимали нашу ситуацию на местах. А на местах мы делали так, как подсказывала прагматика борьбы. Наша историография «лениноцентрична», «большевикоцентрична», «петроградо-» и «москвоцентрична». На самом деле у большевиков было много различных политик. Иногда одни и те же люди, поставленные в разные обстоятельства, перекинутые в другую часть бывшей империи или просто переведенные в другое ведомство, меняли свои взгляды. Федерация не была частью программы большевиков, но они необычайно быстро адаптировались исходя из логики политической борьбы.

Мне кажется, есть еще один очень важный момент. Мы говорим, что большевики использовали национальные кадры. Но ядро самих большевиков состояло из «национальных кадров» в значительной степени. Быть латышом, например, оказывалось очень выгодно и престижно. Это облегчало им понимание империи изнутри.

Мне кажется, что все доклады этой секции может связать тема мировой революции, или глобальной революции, которая необычайно актуальна для нас. Хотя в XX в. Россия была крупнейшим «экспортером» революций в мире, сейчас она вводит противореволюционные «санкции». Я думаю, что, когда мы смотрим на Российскую революцию и Гражданскую войну в этом контексте, то становится очевидно, что с какого-то момента революционное движение становится очень важным фактором глобальной мировой политики. Бисмарк рассматривал вопрос о поддержке венгров во время австро-прусской войны в 1866 г. У японцев были планы, которые они пытались реализовать в поддержке российского революционного движения в 1905 г. А в годы Первой мировой войны все стороны пытались развалить империю противника. Но тут есть очень большая разница между тем, чтобы геополитически разваливать империю противника, и тем, чтобы при этом опираться на революционную европейскую традицию, использовать соответствующую риторику. И тут германская политика революционизирования является очень важным фактором.

Питер Холквист

Я начну с того, что отсутствует в моем докладе. Во-первых, я хотел, но не успел сделать сравнительный анализ политики в верхах по отношению к оккупированным областям и в Армении, и в Галиции. Временное правительство принимает решения об этих территориях одновременно. Во-вторых, меня поразило обращение временного генерал-губернатора областей Турции, занятых по праву войны сразу же после свержения старой власти. Русский генерал обращается к народам завоеванных областей со словами: «Народы завоеванных областей!!! И вас ждет счастье войти в лоно Российских народностей и приобщаться к свободной жизни, открывающейся отныне перед всеми русскими гражданами. Объявляю вам об этом, чтобы радость, охватывающая Россию, стала бы и для вас всех такой же радостью, чтобы вы в проведении скорейшего слияния с народами Великой России побратились бы

с нами и постарались бы заслужить то счастье, которое вас ожидает, стать в будущем российскими гражданами». Я просто не знаю, и я задаю вопрос залу, откуда берутся эти слова. Это общий революционный дискурс? Или, может быть, работал в его управлении или штабе человек, который разделял эти идеи и подготовил этот текст?

Теперь я пройдуся по вопросам, поднятым комментаторами. К. Брюгеманн поднимает вопрос об отношении между центром и местами. В заключение своего доклада я указываю на то, что в принципе политика Временного правительства была определена, но она почти не была воплощена на местах. Там начались два параллельных процесса. Во-первых, подчинение военных новой гражданской власти. Во-вторых, идет революция и разложение армии. Возможность воплотить эти планы уменьшалась на протяжении 1917 г.

К. Брюгеманн тоже спрашивает, каким был Юденич в 1917 и предреволюционные годы и играл ли он в национальную политику. Хороший вопрос. Я согласен с В.П. Булдаковым, что эти акторы, эти деятели не вели политику в пользу одной отдельной национальности. Они вели политику этнопатернализма, т. е. имперскую. Это означает, что Юденич и великий князь Николай Николаевич следовали политике «разделяй и властвуй», что означало употребление национальных различий на пользу империи и армии.

Я думаю, что А.И. Миллер правильно понимает этих акторов как лоббистов. В том числе это доктор А. Завриев, который ратовал за армянское дело. Это не значит, что за ним и ему подобными никто не стоял. И здесь нужно отметить роль западных союзников. Армянский национальный совет, центр которого был в Париже, имел связи не только с национальными государствами, но и с английской и французской общественностью. Это было особенно важно в глазах русских оппонентов царизма. Совершенно верно А.И. Миллер указал на то, что именно в национальных вопросах смешиваются и внутренние и внешние дела. Потому что за Армянским национальным советом стояли не только западные союзники, но они имели тесные связи с армянским католикозом.

Здесь встает вопрос о Милокове. Смена политики объяснялась переменами личного характера или это был общий курс Временного правительства? Действительно, для Милокова армянская проблема не стояла в отдельности. Она была тесно связана с отношениями с западными союзниками. К сожалению, это отсутствует в моем докладе, но я могу указать на то, что политика по отношению к Армении в 1917 г. очень напоминает политику Временного правительства по отношению и к Галиции. Следовательно, это общая политика, а не только личная политика Милокова.

Я не хочу, чтобы у вас сложилось впечатление, что на самом деле Воронцов-Дашков вел проармянскую политику. Это в правящих кругах так считали. Когда великий князь Николай Николаевич был назначен наместником на Кавказе, он считал, что одной из его целей было действовать против предыдущей проармянской политики Воронцова, которой, может быть, и не было.

Сэмюэль Хирст

Я постараюсь прояснить некоторые моменты своего доклада, но одновременно прокомментирую большую тему отношений между центром и периферией с точки зрения советско-турецких отношений. В 1922 г., когда Г.В. Чичерин был в Лозанне и к нему подошла армянская делегация с просьбой оказать по-

мощь на конференции, он ответил: «Кто заварил кашу, тот пусть ее и расхлебывает». За 20 лет до этого услышать подобное от Чичерина было просто невозможно. В то время он писал об А. М. Горчакове, уделяя очень много внимания Османской империи. И Чичерин тогда явно был на стороне армян. Если проследить перемены в отношении Чичерина к Османской империи, то с большой точностью можно установить, что это случилось в 1916 г. Причиной этого стало изменение его отношения к Британской империи и к западным империям, которые ранее он считал прогрессивной силой в мировой истории. В последние годы одна из самых популярных тем в турецкой историографии связана с вытеснением греков, армян, евреев из экономической сферы. Турецким историкам приходится использовать документы из британского министерства иностранных дел, поскольку они не могут использовать материалы из своих архивов. Если посмотреть эту же тему через призму советских документов, то получается совсем другая картина. Слова Чичерина относительно армян проходят рефреном через советскую дипломатическую переписку. Для Чичерина понятно, что армяне и греки являются орудием западного империализма. И это совершенно противоречит тому, что мы видим в британской переписке: англичане пребывают в ужасе от того, что творится с армянами и греками.

В своей работе я исследую то, как в течение 20-х гг. XX в. советская дипломатия оказывала помощь туркам при вытеснении этих групп из экономики. Мне кажется, что это говорит о значительном изменении между центром и периферией. До 1917 г. и Санкт-Петербург, и Стамбул с энтузиазмом использовали политику поддержки народов по ту сторону границы. Всё это меняется после 1917 г., когда Москва и Анкара начинают сотрудничать после установления четкой границы на Кавказе и на Черном море.

В этом докладе я писал про дипломатов, но я бы сказал, что занимаюсь транснациональной историей, а не внешней политикой. Меня интересует, как идея о том, что армяне, греки и евреи могли служить орудием западного империализма, способствовала выработке общей политики советского и турецкого государств. То же самое можно наблюдать в разных сферах. Можно посмотреть, как, например, в кино совместные проекты использовались для развития советской большевистской идеологии, и в то же время для турецкой национальной идеологии. Меня интересует, как общие практики влияли на формы, которые принимало сотрудничество в эти годы. Мне кажется, что это и есть транснациональная история. Поиск общих практик отличается от изучения внешней политики и международных отношений двух стран.

Сергей Иванович Гирик

Первый вопрос, о котором хотелось бы сказать, касается численности, количества людей, которые скрывались за аббревиатурами (сокращений в моем докладе действительно много). Точную численность назвать довольно сложно, потому что официальные цифры, заявленные этими партиями, абсолютно не соответствуют действительности. Если говорить о крупнейшей из упомянутых в докладе политических сил, партии боротьбистов, официально на момент ее слияния с большевиками в ней числилось около 15 тыс. человек. Однако эта цифра существовала только на бумаге. Но в тот же момент, в том же апреле месяце 1920 г., Коммунистическая партия большевиков Украины на бумаге имела в своем составе лишь

25 тыс. человек. При перерегистрации боротьбистов в порядке индивидуально-го приема оказалось, что заявления о вступлении в партию большевиков подали до 4 тыс. человек (точная цифра неизвестна). При этом и в самой партии большевиков цифра 25 тыс. совершенно «дутая». В апреле 1920 г. фракция децистов, которая была наиболее многочисленной в Харькове, просто записала в городскую организацию мертвые души, чтобы обеспечить себе большинство на IV конференции КП(б)У на правах съезда. Ей это удалось, а после принятые конференцией документы были отменены вышестоящей инстанцией — ЦК РКП(б).

Касательно прочих упомянутых мною партий. Белорусская коммунистическая организация насчитывала значительно менее 1 тыс. человек. О численности Еврейской коммунистической партии (Поалей-Цион) судить очень трудно. Она нигде не указывала количество своих активистов. Ее бывшие члены, перешедшие в КП(б)У или КП(б)Б, регистрировались в индивидуальном порядке. Мы можем составить примерное представление о количестве ее членов по тому, сколько газет она издавала. Ее органами были газета ЦК «Накануне» на русском языке, и две газеты на идиш, небольшим тиражом, одна из них — один листок формата А5 с текстом на одной стороне. Для сравнения: партия боротьбистов в разное время выпускала более 20 газет во всех губернских и во многих уездных центрах Украины (в одном только Киеве выходило три ее газеты). Если учесть это соотношение, можно прийти к выводу, что в ЕКП (Поалей-Цион) активистов было в 10 раз меньше, до 500 человек. В коммунистическом Бунде в Украине и Белоруссии, скорее всего, тоже было менее или немногим более 1 тыс. человек, но просуществовал он в такой форме всего ничего. Еще одна упомянутая в докладе партия не являлась национал-коммунистической, но была поглощена партией большевиков по схожему сценарию в августе 1920 г. Это партия борьбистов, бывшие русские левые эсеры на территории Украины.

Следующий вопрос касался того, что, вроде бы, подобные тактические ходы со стороны партии большевиков являются очевидными. На самом деле это далеко не так. Далеко не все представители большевистской верхушки Украинской ССР были готовы к такому развитию событий, к принятию представителей национал-коммунистических партий в состав КП(б)У. Во-первых, все партии принимались в партию большевиков по собственным заявкам, именно они были инициаторами. Большевики такие инициативы воспринимали довольно прохладно, регулярно отвечая отказом. Только под давлением постоянно изменявшихся событий руководство КП(б)У шло на уступки и соглашалось принять выходцев из других партий в свои ряды. Боротьбисты впервые озвучили желание в будущем объединиться с большевиками в марте 1919 г. Большевики на это отреагировали крайне отрицательно. В том же марте 1919 г. состоялся III Съезд КП(б)У, на котором была утверждена резко отрицательная резолюция «Об отношении к другим партиям». Этот документ был написан в настолько некорректном тоне, что в апреле его отменил пленум ЦК РКП(б) (на правах вышестоящей инстанции). В августе 1919 г. большевики на территории Украины потеряли власть. Лишь после их возвращения переговоры о будущем «слиянии» (употреблялось именно это слово) были возобновлены. Причем в верхушке ЦК КП(б)У против объединения с национал-коммунистическими партиями выступали такие влиятельные члены, как С.В. Косиор и Д.З. Мануйльский. Похожий процесс имел место и в Белоруссии. Просто там это было менее масштабно.

Теперь касательно темы единства революционного процесса. Чтобы ограничиться пределами бывшей Российской империи, я намеренно не затронул аналогичные события в Галичине (формирование там национал-коммунистической партии и ее последующую большевизацию в 1920 г.). Эта история является частью единого революционного процесса на территории Украины, но выходит за пределы Российской империи.

Упомянутое в моем докладе письмо ЦК о том, как проводить украинизацию Украины, действительно написано после «обращения тридцати двух» в ЦК КП(б)Б, подписанного по большей части бывшими членами Белорусской коммунистической организации. Однако Блакитный (автор цитированного мною письма) подобные тезисы высказывал и до 1920 г., даже до вступления в партию большевиков. Просто оно — первый и единственный документ с изложением взглядов этого деятеля по данному вопросу в систематической форме, написанный после его перехода в КП(б)У. Поскольку Белорусская коммунистическая организация вошла в состав КП(б)Б на 3 месяца раньше, чем боротьбисты в состав КП(б)У, создается впечатление, что они высказали эту идею раньше.

Что касается умения большевиков прислушиваться к национальным «лоббистам». Они действительно умели слушать, однако далеко не с первого раза. Те же самые боротьбисты подавали свой меморандум в Коминтерн еще в августе, а потом повторно в сентябре 1919 г. По сути, поскольку большевики на территории Украины не хотели с ними сотрудничать, боротьбисты пытались действовать через голову ЦК КП(б)У и контактировали напрямую с ЦК РКП(б) и Исполкомом Коминтерна. Это сработало, но лишь через полгода после начала подобных попыток и, главное, — после того, как Деникин взял под свой контроль всю восточную и большую часть центральной Украины. Когда большевики почувствовали угрозу, тогда они и начали прислушиваться к альтернативным точкам зрения.

Что касается моего тезиса о том, что боротьбисты получили мало влияния. Вероятно, я неточно сформулировал. Когда я говорил о малом влиянии, я имел в виду получение этой партией в мае 1919 г. трех наркомовских постов в Совнарком УССР, из которых два были условными. Естественно, после того как они вошли в состав КП(б)У (хотя многих из них оттуда вычистили в течение года), выходцы из этой партии действительно начали определять направление культурной политики в республике. И их влияние на эту сферу еще без малого 10 лет, с небольшим перерывом, было решающим.

Что касается упомянутого во время обсуждения доклада антисемитского фактора в политике коренизации. «Коренизация» КП(б)У и КП(б)Б до официального провозглашения соответствующей политики предусматривала поглощение не только украинских и белорусских, но и еврейских национал-коммунистических партий. Бывшие деятели левого крыла Бунда и Поалей-Цион включались в партийный и административный аппараты для работы с еврейским населением. Таким образом, процент евреев в руководящих органах уменьшался, но в абсолютных цифрах он особо не менялся. Следствием этой политики коренизации стало создание еврейских секций на местах и их расширение. В 20-е гг. уже объявленная официально политика коренизации действительно частью евреев воспринималась отрицательно. Но именно тогда создавались еврейские национальные районы: два таких района в Крыму, а также Сталиндорфский в будущей Днепрпетровской области и Калининдорфский на Херсонщине. Одновременно с украинизацией на территории

таких районов Украины коренизация приобретала форму идишизации. В Белорусской ССР в рамках коренизации было провозглашено введение четырех официальных государственных языков, одним из которых был идиш. Во всех районах, в которых евреи составляли значительную часть населения, последовательно проводилась идишизация. В составе Украинской и Белорусской академий наук были созданы институты еврейской пролетарской культуры, в ряде вузов Одессы, Киева и Минска были созданы отделения с преподаванием на идиш.

По поводу мнения о том, что большевики и лично Ленин рассчитывали подавить движение к независимости местных лево-социалистических и национал-коммунистических групп. Действительно, существуют опубликованные в Полном собрании сочинений документы Ленина на эту тему: «Проект резолюции об украинской партии боротьбистов», «Замечания к резолюции ИККИ по вопросу о боротьбистах» (т. 40), где он говорит о необходимости ликвидации этой политической силы, а также выступление Ленина на IX съезде РКП(б) с заявлением о том, что поглощение боротьбистов — «победа, которая стоит пары хороших сражений», поскольку они таким образом начали работать с большевиками вместо того чтобы в будущем, если бы объединения не произошло, выступить против них.

Что касается замечания Б.И. Колоницкого о том, что ядро партии большевиков тоже составляли национальные кадры. Безусловно. И это относится в том числе к республиканским компартиям. Но если говорить о евреях, представители этой этнической группы в руководстве партии большевиков никоим образом не были связаны с местными еврейскими общинами, они были полностью ассимилированы. Троцкий, например, даже не владел идишем. Включение в аппарат на местах идишеязычных евреев позволяло работать с населением, которое часто плохо понимало русский язык.

Брендан МакГивер

Профессор Брюгеманн говорил о слабости советского государства. По-моему, слабость советского государства имела огромное значение для уровня антисемитского насилия в Красной армии. Например, внутренние отчеты и сводки Красной армии раскрывают масштабы этой проблемы, весной и летом 1919 г. антисемитизм имел сильное влияние в Красной армии во всех губерниях Украины. Конечно, это было время, когда большевистская власть не имела контроля над своими красноармейскими отрядами. В некоторых регионах ситуация была настолько серьезна, что большевистские агитаторы, желающие бороться с антисемитизмом, не могли даже приблизиться к своим собственным красноармейцам, опасаясь, что они будут расстреляны на месте как «жидовские спекулянты». «Политическая работа в рядах Красной армии совершенно невозможна», — сообщалось в одном из докладов Первой Украинской советской армии. — «Антисемитизм так сильно развит, что погромы стали обычным явлением». Есть связь между слабостью советского государства и уровнем антисемитизма в Красной армии.

Профессор Брюгеманн также поставил вопрос о декрете Совнаркома против антисемитизма в июле 1918 г.: декрет был тактический или идеологический как ответ на антисемитизм? Можно сказать, что декрет идеологический. Почему? Потому что многие годы до революции большевики боролись с антисемитизмом и погромами. Но история этого декрета очень интересна. В литературе это распоряжение приводится в качестве первого советского отклика на антисемитизм. Но, как я уз-

нал благодаря свидетельствам в архивах, декрет был не началом, а кульминацией первой кампании против антисемитизма. Эта кампания, как я уже говорил, была кампанией Евкома, а не советского государства.

О влиянии этнических «лоббистов». Влияние еврейских секций, «лоббистов», левых поалеиционистов и левых бундовцев на борьбу с антисемитизмом было очень важно. Почему? Потому что эти еврейские революционеры принесли с собой весьма специфическую модальность анти-антисемитизма, рожденную не из тактических или стратегических соображений, а из насущной актуальности и этического императива. Таким образом, история советской реакции на антисемитизм при ближайшем рассмотрении оказалась тесно связана с гораздо более широким еврейским национально-культурным проектом при участии диаспорных еврейских специалистов и даже марксистских сионистов, которые временно забыли о своих стремлениях вернуться на сионистскую родину, чтобы вместо этого внести свой вклад в глубинную культурную и политическую революцию еврейской общественной жизни в советской России.

Андрей Кушко

Я начну с замечания профессора Брюгеманна о восприятии окраин центром. Мне было очень интересно узнать больше о прибалтийском контексте, особенно в том, что касается сравнений и параллелей. Конечно, сравнение Бессарабии и Прибалтики довольно спорно. Например, почему в Бессарабии возникает различие между лояльностью крестьян и некоторой части националистически настроенной интеллигенции по отношению к центру? Молдавские крестьяне были активными участниками местных организаций Союза русского народа в начале XX в. Это объясняется, во-первых, их приверженностью идеалам монархии и династии. Во-вторых, они были православными и воспринимались центром как потенциально более близкие к триединой русской нации, чем латыши и эстонцы.

По поводу ментальных карт я хочу сказать, что в случае Бессарабии существовало некое разделение между дискурсом и реальностью. В дискурсивном смысле Бессарабия была территорией, оспариваемой Румынским королевством и Российской империей, но это мало отражалось на практической политике. Вплоть до 1905 г. этот символический конфликт вообще не отражался на реальном положении, а после революции национальное движение в Бессарабии оставалось в зачаточном состоянии.

Теперь о трансформации образов России в Румынии. Если кратко, до 1912–1914 гг. образ России в Румынии был сугубо отрицательным. Российская империя считалась олицетворением постоянной опасности для существования румынского народа, воплощением империализма. В то же время эти образы были зеркальными. Образ Румынии в Российской империи был также в основном отрицательным. Модернизация Румынии воспринималась как имитационный, поверхностный процесс. Румынскую элиту обвиняли в преклонении перед Западом. Тема латинизма, католической опасности, которая использовалась на западных окраинах, например в польском контексте, переносилась на Румынию. Румыния оставалась православной, но в политическом смысле отождествлялась с латинской интригой. В 1914 г., в контексте Балканских войн, происходит политическое сближение, визит императора Николая II в Констанцу, встреча с румынским королем. В этом смысле возникают предпосылки трансформации образа России, что сделало возможным

русско-румынский союз в 1916 г. Но это все-таки кратковременное конъюнктурное явление.

Роль окраинных элементов, «лоббистов», в центре хорошо видна на примере Бессарабии в 1917 г. Один из лидеров местных эсеров, Ион Инкулец, являлся главным «лоббистом» местных интересов перед Временным правительством и главным связующим звеном между ним и местной властью в Бессарабии. Тот же Инкулец в 1918 г. становится одним из основных прорумынских активистов. Впоследствии он сделает блестящую карьеру в румынском правительстве в межвоенный период. Это пример того, как менялись лояльности в зависимости от конкретной ситуации.

Я хотел бы коснуться обширного вопроса о том, можно ли говорить о революциях во множественном числе или в единственном. Лучше всего это видно на примере одной личности, личности Христиана Раковского. Он родился в Добрудже в 1873 г., еще при Османской империи. В 1878 г. он становится румынским гражданином, оставаясь таковым до 1918 г. Сначала Раковский олицетворял интернационалистское измерение социал-демократов, потом — большевиков. Его биографию можно рассматривать в этом транснациональном измерении, в смысле перехода революционных лозунгов через национальные границы. Конечно же, он участвовал во многих революциях. Он являлся центральной фигурой этого процесса и в период Первой мировой войны. Раковский даже сотрудничал с немцами, будучи румынским социал-демократом.

В своем докладе я имел в виду концепции «федерализма» и «автономии», ментальные продукты элит, которые сами не очень хорошо осознавали, куда движется революция. В январе 1918 г. в Бессарабии элиты очевидным образом боялись революционной анархии. Именно этим они руководствовались, когда создали местное собрание *Сфатул Цэрий* и пригласили румынские войска, которые в советской историографии представлялись как оккупационные. Главной целью местных элит являлось восстановление порядка. Румынские войска, которые на тот момент оставались единственными боеспособными частями на всем Восточном фронте, стали инструментом наведения порядка. Насколько искусственным был в таком случае бессарабский национализм? Он был искусственным в том смысле, что не пользовался массовой поддержкой. Самое красноречивое тому доказательство — результаты выборов в Учредительное собрание в Бессарабии. Более 60 % голосов было подано за эсеров, за большевиков — где-то между 15–20 %, а за националистов — 2 %. Происходит размежевание между массовой поддержкой и практической политикой. Победа националистов во многом обусловлена внешними влияниями. Имитационный характер бессарабского национализма отрицать нельзя, после 1905 г. имеются многие проявления этого феномена. Но по сравнению с другими национализмами региона, бессарабский национализм был очень слабым и находился в зачаточной стадии.

Тема мировой революции крайне интересна и в случае Румынского фронта. В начале 1918 г. вполне реалистичным казался сценарий, согласно которому румынская Молдова, которая еще находилась под номинальным контролем румынского правительства, станет территорией русской революции. Румынское правительство в любой момент ожидало своего ареста большевистскими военными формированиями. В этом смысле немецкая гегемония в Восточной Европе спасла румынское государство.

Секция 5

КУЛЬТУРА И СОЗНАНИЕ ЭПОХИ РЕВОЛЮЦИИ

Владислав Бэнович Аксенов

СЛУХИ И МИФОЛОГЕМЫ РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: КЛАССИФИКАЦИЯ, ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ, СЮЖЕТЫ

Изучение ключевых периодов истории, в которые происходит ломка прежних социальных, политических институтов, заставляет обратить пристальное внимание на изменения общественных настроений. Порой случается, что поведение больших человеческих масс, подчиняющихся сиюминутным эмоциональным порывам, с трудом поддается рациональному объяснению. Невесть откуда взявшийся слух способен распространиться в большой группе людей с невероятной скоростью и подтолкнуть их к тем или иным действиям. История Российской революции 1917 г. интересна помимо прочего тем, что в ней объективный фактор тесно переплетался с фактором стихийным, в котором большую роль играли слухи. Вместе с тем пространство слухов неоднородно, отдельные его элементы находятся в динамичном взаимодействии, в котором обнаруживается внутренняя логика.

Историческая наука не обошла вниманием проблему слухов. Исследователи крестьянских восстаний XIX в., переселений рубежа веков, эпохи войн и революций, а также народных реакций на советскую коллективизацию отмечали определенную роль слухов, подталкивавших крестьян к тем или иным формам протеста¹. При этом слух, даже если он и расходился кардинально с первоначальной, достоверной информацией, зачастую являлся некой формой «народной правды», становился историческим фактом, определявшим психологический контекст события, его эмоциональную подоплеку. Еще в 1941 г. Л. Февр указывал на тесную связь политической и социальной истории, рациональной и чувственной природы, призывая искать корни сознательных межличностных отно-

¹ См.: *Бокарев Ю.П.* Бунт и смирение (крестьянский менталитет и его роль в крестьянских движениях) // Менталитет и аграрное развитие России XIX–XX вв. М., 1996; *Скобелев К.В.* Влияние слухов на крестьянские переселения во второй половине XIX — начале XX в. // Историческая психология в XXI в.: теоретико-методологические проблемы и практика конкретных исследований: Сб. статей II Всероссийской заочной научной конференции. Ишим, 2013. С. 49–79; *Побережников И.В.* Общественные настроения в уральской деревне XVIII–XIX вв.: опыт классификации слухов // Уральский исторический вестник. 1995. № 2. С. 58–73; *Колоницкий Б.И.* Трагическая эротика: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010; *Viola L.* The Peasant Nightmare: Visions of Apocalypse in the Soviet Countryside // The Journal of Modern History. 1990. Vol. 62. N 4. P. 747–770; *Смит С.* Небесные письма и рассказы о лесе: «суеверия» против большевизма // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 280–306; *Velikanova O.* The Myth of the Besieged Fortress: Soviet Mass Perception in the 1920s–1930s. The Stalin-Era Research and Archives Project. Working paper #7. Toronto, 2002; *Гайнут О.А.* Вести, пророчества, чудеса: к вопросу о религиозных сюжетах в слухах 1920–1930-х гг. // Вестник церковной истории. 2006. № 4. С. 142–149.

шений в «эмоциональной жизни»¹. Его коллега по цеху «школы Анналов» М. Блок, участвовавший в Первой мировой войне, вспоминал, как в среде немецких солдат слухи о наличии бойниц в домах бельгийских крестьян, порожденные незнанием местных архитектурных традиций, катализировали страх и ненависть к мирному населению². Таким образом, слухи оказываются тесно связаны с эмоциональным фоном общества, в котором они распространяются. В.В. Кабанов, изучая слухи как источник информации, употребил в качестве одного из вариантов их классификации деление на «пессимистические» и «оптимистические», выполняющие разные социальные функции в зависимости от вызываемой ими эмоциональной реакции³.

В качестве других вариантов классификации предлагалось деление на «сбывшиеся» и «несбывшиеся» слухи как причины и катализатор событий. Всё это указывает на многофункциональную роль слухов в обществе, наличие в пространстве слухов собственной морфологической структуры: некоторые из них привязаны к конкретному событию, являются реакцией на него определенной группы лиц. К такого рода слухам можно отнести дезинформацию, запущенные журналистами «газетные утки». Отличительной характеристикой подобной группы является их узкая «специализация». Как правило, они не получают широкого распространения в обществе и долго не живут, теряя актуальность по прошествии некоторого времени. В годы войны дезинформация нередко приобретала тактический характер, путая планы противника. В прифронтовой зоне немцы практиковали разбрасывание с аэропланов листовок, содержавших информацию, способную подорвать боевой дух солдат. В частности, они указывали на предательство внутри офицерского корпуса. Были случаи, когда таким образом немцы заранее сообщали русским солдатам о местах их дальнейшей дислокации.

Учитывая роль дезинформации, ее использовало и русское офицерство. Так, в своих мемуарах полковник П.А. Половцов рассказал о том, как в 1916 г. с целью недопущения сокращения казачьей конницы он от лица командующего германской 8-й кавалерийской дивизии Эберхарда Шметтова отправил телеграмму, в которой командующий якобы радовался сокращению русской кавалерии. Текст перехваченной телеграммы был доведен до государя и поэтому он якобы отказался подписать соответствующий приказ⁴. Вне зависимости от истинных причин сохранения кавалерии ясно, что Половцов понимал большую роль слухов в военно-политических делах. Подобного рода информация, имевшая узколокальный характер, обычно была малоактуальна в тылу, но, когда речь заходила о дискредитации верховной власти, ее значимость для широких слоев населения резко возрастала. В этом случае повышалась универсальность слуха, он мог использоваться не по прямому назначению, а в качестве общей когнитивной схемы, объяснявшей те или иные события. Часто в основе подобных когнитивных слухов лежали фольклорные, религиозно-мифические или конспирологические мотивы. Как правило, автором подобного рода слухов был сам народ.

¹ *Февр Л.* Чувствительность и история // Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 117.

² *Блок М.* Апология истории, или Ремесло историка. М., 1973. С. 59–60.

³ *Кабанов В.В.* Источниковедение истории советского общества: Курс лекций. М., 1997. С. 370.

⁴ *Половцов П.А.* Дни затмения: (Записки главнокомандующего войсками Петроградского военного округа генерала П.А. Половцова в 1917 г.). М., 1999. С. 20.

Б. И. Колоницкий, разбирая различные версии о «фабрике слухов», которую относили на счет немецкой пропаганды, либеральной или революционной агитации, обнаруживали ее в светских салонах, указывает на «горизонтальный», а не «вертикальный» характер их распространения, а также обращает внимание на сближение «народного» и «элитарного» пространства слухов⁵. Чаще всего общими для деревенской и городской среды являлись слухи как когнитивные модели, направленные, как правило, на поиск виновных. Один из самых распространенных мотивов слухов в годы Первой мировой войны — это предательство. Причем если Генеральный штаб способствовал распространению информации о деятельности шпионов в России (в свою очередь это привело к слухам о массовых отравлениях колодцев в сельской местности и провоцировало подозрения крестьян, например, в отношении велосипедистов, в которых разгоряченное шпиономанией сознание готово было увидеть немецких агентов⁶), то в народе ходили слухи о шпионах среди высшего командного состава армии, а также в правительстве.

Столь же типичным было обвинение правительства в сознательном провоцировании революции с целью либо перехода к реакции, либо, в зависимости от периода распространения, заключения сепаратного мира. Подобная когнитивная схема применялась представителями разных социальных групп. В период рабочих беспорядков июня—июля 1914 г. в Петербурге горожане вину за их разжигание возлагали на товарища министра внутренних дел В.Ф. Джунковского⁷; весной 1915 г., когда начинается кризис снабжения городов, растет социальная напряженность, виновным уже назначается министр внутренних дел Н.А. Маклаков. «Шингарев выразил убеждение, что Маклаков занимается провокацией, стараясь вызвать недовольства и беспорядки, чтобы построить свою карьеру на подавлении их. Я сам почти уверен, что это так»⁸, — писал в дневнике петроградский городской голова И.И. Толстой. В феврале 1917 г. распространяется слух о том, что февральские события — это продуманная провокация нового министра внутренних дел А.Д. Протопопова, который заблаговременно расставил на крышах пулеметы с целью расстрела манифестантов. Живучесть подобной когнитивной схемы кроется, по-видимому, в психологии обывателей, а точнее, человеческом страхе перед предательством. В эпохи смуты, когда рушатся системные основы общества, обыватель, теряя почву под ногами, опасаясь удара в спину, впитывает в себя всевозможные конспирологические теории.

Другая категория слухов, помимо психологической основы, имеет еще и архетипическую базу. Эти слухи основаны на тех представлениях, которые постоянно живут в исторической памяти человеческих сообществ, пробуждаясь под действием определенных внешних раздражителей и запуская механизмы интерпретации реальности на основе соответствующих мифологем. В свое время В.В. Кабанов пытался объяснить способность слухов распространяться с невероятной скоростью свойствами математических чисел, ссылаясь на Я.И. Перельмана, доказавшего, что провинциальный 50-тысячный город может узнать свежую новость в течение 1–2,5 часов⁹. Однако данный подход не может объяснить ситуацию, при которой

⁵ Колоницкий Б. И. Трагическая эротика: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010. С. 530–551.

⁶ [Тихомиров Л. А.] Дневник Л.А. Тихомирова. 1915–1917. М., 2008. С. 84–85.

⁷ Никольский Б. В. Дневник. 1896–1918. Т. 2: 1904–1918. СПб., 2015. С. 194.

⁸ Толстой И. И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 611.

⁹ Кабанов В. Источниковедение истории советского общества. С. 381.

слух практически одновременно возникает в максимально удаленных друг от друга уголках империи и при этом крестьяне дословно, почти без искажений его повторяют. В качестве примера подобного рода можно привести употреблявшуюся крестьянами и горожанами в различных губерниях России конструкцию «плачет когда... смеется когда...», использовавшуюся обычно по адресу либо императрицы-матери, либо императрицы-супруги. Так, в Минской губернии в ноябре 1914 г. 28-летняя Мария Барановская (дворянка) произнесла: «Наша государыня плачет, когда русские бьют немцев, и радуется, когда немцы побеждают». В начале 1915 г. 42-летний крестьянин Владимирской губернии сказал о царице: «Она радуется, когда бьют наших, и плачет, когда бьют врагов», то же твердили в Ярославской губернии, но о вдовствующей императрице: «Когда русских солдат бьют, то радуется, а когда наши бьют германцев, то плачет»¹. Источниками подобной конструкции являются религиозная литература, апокрифы, летописи, в которых она употребляется как характеристика дьявола. В условиях десакрализации монархии этот оборот оказывается весьма актуальным, пополняя собой распространяющийся посредством слухов эсхатологический дискурс и даже выходя за его пределы. Б.И. Колоницкий отметил обыгрывание данной конструкции в карикатурах и анекдотах эпохи².

Особенностью эсхатологических слухов периода Мировой войны было то, что в них религиозного было куда меньше, чем сказочного³. В форме сказки некоторые крестьяне рассказывали историю начала Первой мировой войны: якобы Франц Фердинанд сватался к Ольге Николаевне, но затем решил ее обмануть, после чего русские министры поехали ему мстить⁴. Сами крестьяне сознавались: «Дела никакого простыми словами не объясним, а сказками про что хошь расскажем»⁵. В.П. Булдаков и Т.Г. Леонтьева, изучавшие религиозное сознание россиян начального этапа Первой мировой войны, когда, казалось, все церкви были переполнены молившими о победе подданными, пришли к выводу о преобладании в массовом сознании магического над религиозным⁶. Собственно, это подмечали и современники, в том числе религиозные мыслители. Философ Л.А. Тихомиров, занимавший «охранительную» позицию в отношении Синодальной церкви, задолго до описываемых событий констатировал отсутствие духовного единства внутри православного прихода: «Тут рядом живут и действительно православные, и неверующие, и люди, готовые воспользоваться приходской организацией для целей политических или социальных, есть и прямые враги Церкви. Тут живут разнообразнейшие оттенки еретичности... Это вовсе не “братья”, добровольно сомкнувшиеся около храма, а совершенно случайные люди...»⁷ Поэтому нет ничего удивительного в том, что в народных слухах нередко происходила функциональная инверсия Бога и Антихриста.

Прислушивавшиеся к разговорам крестьян представители интеллигенции записывали типичные слухи: «Бабы упорно говорят, что убьют трех царей, и тогда

¹ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 97 — 97 об., 107, 170 — 170 об.

² Колоницкий Б.И. Трагическая эротика. С. 297.

³ Более подробно см: Аксенов В.Б. «Сказка о царе и мировой войне», или Опыт реконструкции мифологического дискурса российских крестьян в 1914–1917 гг. // Acta Slavica Iaropica. 2014. Vol. 34. P. 17–47.

⁴ РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 211.

⁵ Федорченко С. Народ на войне. М., 1990. С. 148.

⁶ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 261.

⁷ Цит. по: Тихомиров Л. Современное положение приходского вопроса. М., 1907.

Бог выпустит Антихриста, который у него заперт; и тогда Антихрист даст хорошую жизнь мужикам, когда же Бог это заметит, то запрет его опять!»¹ В этом слухе примечательна положительная роль Антихриста, стремящегося улучшить жизнь народа. Еще летом 1915 г. грамотный крестьянин Казанской губернии Порфирий Яковлев на вопрос, что пишут о мире, ответил: «Какой тебе мир. Скоро будет Всероссийское собрание, проберут государя императора и наследника, затем их кончают (убьют), а правительство сожгут. Как Иисуса Христа распяли, так и распнут государя императора и наследника, после чего жить станет легче»². Здесь так же примечательно, что очередное распятие, вопреки трактовке официальной церкви, мыслится началом новой, лучшей жизни.

Более сознательные в религиозном отношении крестьяне, понимавшие, что Антихрист — это зло, таковым называли Николая II. Особое распространение подобные высказывания получили в Саратовской губернии среди старообрядцев, причем, как правило, крестьяне аргументировали эту версию вмешательством царя в светские и религиозные дела³. Персонификацией Антихриста в народном фольклоре считался царь Ирод. Любопытно, что крестьянское сознание проводило параллель между убиением невинных в Первой мировой войне и убиением младенцев. Иудейский царь-детоубийца награждался чертами Антихриста, и крестьяне Воронежской губернии ожидали его второго пришествия: «Говорят, что народится Ирод. Вот и народился Ирод — это наш царь Николай»⁴. Также характерными эпитетами из разряда «нечистых», которыми награждали царя, были черт и леший⁵. Неудивительно, что в условиях господствовавшего патернализма обыватели признаки одного правителя переносили на другого. Поэтому вслед за Николаем Антихристом был объявлен Керенский, о чем говорили в 1917 г., в частности во Владимирской губернии, предсказывая наступление «последних времен»⁶, а затем исполнить роль Антихриста наступил черед Ленина.

Впоследствии священнослужители, осведомленные о народных представлениях, выступали перед паствой с агитационными речами антиреволюционного содержания, выстраивая собственные примитивные схемы на сюжеты народной эсхатологии, вплетая в них для пушей убедительности антисемитско-конспирологический дискурс: «2 марта 1917 г. произошло то же, что у крыльца Пилата: русский народ променял Христа на Варавву, крест — на красное знамя... Распутин роди революцию, революция роди Керенского, тоже еврея и масона, Керенский роди двойню: Лейбу Бронштейна и Ленина, двойня роди анархию, а анархия роди монархию. Только монархии две бывают — одна из них под красной звездой Соломоновой»⁷.

Сюжетная и стилистическая универсальность пространства слухов позволяет предположить, что существует некая группа слухов (точнее, мифологем), которая постоянно присутствует в коллективном бессознательном, ожидая часа пробуждения. Как правило, в их основе лежит определенная когнитивная модель, позволяющая при отсутствии полной информации путем подстановки недостающих

¹ Мельгунова-Степанова П.Е. Дневник: 1914–1920. М., 2015. С. 41–42.

² РГИА. Ф. 1405. Оп. 521. Д. 476. Л. 278 об.

³ Там же. Л. 442, 443 об.

⁴ Там же. Л. 332.

⁵ Там же. Л. 443 об.

⁶ *Наживин И.В.* Записки о революции. Вена, 1921. С. 17.

⁷ Цит. по: *Шафир Я.* Белогвардейцы и крестьянство. М.; Л., 1928. С. 122–123.

элементов из числа (архе)типичных восполнить пробелы и объяснить происходящее. В зависимости от образовательного уровня индивидов, их социокультурных, политических особенностей природа данной когнитивной группы слухов может лежать в области народного фольклора, религии, конспирологии. Тем самым слухи оказываются больше, чем просто недостоверной информацией, распространяющейся в массах, они оказываются самим мышлением этих масс. Это, в частности, объясняет проникновение порой совершенно диких слухов в среду образованных городских слоев, хотя тому были и другие причины, например, внутренняя миграция — наводнение городов беженцами, ранеными солдатами, а то и просто дезертирами из числа неграмотных крестьян.

В условиях спровоцированного цензурными ограничениями информационного кризиса именно устная молва восполняла лакуны сведений. Тем не менее сближение слухов городской и деревенской среды становилось важной характеристикой массовых настроений предреволюционного периода. Конечно, отношение к передаваемому абсурдному, с рациональной точки зрения, известно у неграмотного крестьянина и дворянина было различным, однако последние, повторяя фантастические рассказы, подслушанные у прислуги или извозчиков, сами волея-неволей становились участниками «фабрики слухов». Л.А. Тихомиров, записывая разговоры крестьянок и возмущаясь отсутствием в них логики, приходил к выводу, что важнее не то, откуда они берутся, а то, что народ в них верит: «Вот, например, толкуют бабы, крестьянки, привезшие на продажу всякие продукты. Она громко говорит, что везде во власти изменники. На возражение, что не нужно верить этому вздору, — она говорит: “Какой там вздор, царица чуть не каждый день посылает в Германию поезда с припасами; немцы и кормятся на наш счет, и побеждают нас”. Напрасны возражения, что это нелепость, и что физически невозможно посылать поезда... баба отвечает: “Ну, уж там они найдут, как посылать”... Ей говорят, неужто она, дура, не понимает, что Государь ничего подобного не допустит? Она отвечает: “Что говорить о Царе, его уже давно нет в России”. — “Да куда же он девался?” — “Известно, в Германию уехал”. — “Да, глупая баба, разве Царь может отдать свое царство немцам?” — Она с апломбом отвечает: “Да ведь он уехал на время — только переждать войну”»¹. Следует заметить, что мотив бегства царя — божьего помазанника — также относится к эсхатологическому дискурсу, характерному в обычное время для неграмотной деревни, но в период смуты распространяющегося и в городах.

Анализ эпистолярного наследия городских обывателей позволяет констатировать особенно большую роль слухов накануне Российской революции 1917 г. В письмах и дневниках современников содержатся как прямые отсылки к слухам, так и речевые обороты, свидетельствующие о передаче непроверенной информации: использование частицы «будто бы», «рассказывали» и т. д. Всеобщая растерянность представителей различных слоев в февральские дни создавала подходящую почву для дальнейшего распространения слухов. Дестабилизирующая их роль отмечалась в докладе Охранного отделения «О настроениях в январе 1917 г.», там же проводились и параллели с 1905 г.² В условиях недоверия к официальным источникам ин-

¹ [Тихомиров Л. А.] Дневник... С. 95–96.

² ГА РФ. Ф. 1788. Оп. 5. Д. 7. Л. 81.

формации даже совершенно невероятный слух мог стать удобным поводом для выплеска народными массами накопившихся эмоций.

Как правило, причины популярности устной информации современники усматривали в политической сфере — цензуре. Учитель географии коммерческого училища И. Н. Жуков писал из Петрограда 16 февраля 1917 г.: «Общественная жизнь полна всяких слухов, толков и зигзагов. Так как цензура наложила на печать свою тяжелую лапу, то петроградцам ничего не остается делать, как питаться сплетнями, из которых девять десятых совершенно неправдоподобны. Общественное настроение нервное и действительно напоминает канун 1905 года»¹. Слухи концентрировались в местах массового скопления обывателей — продовольственных хвостах, в трамваях, на рынках и вокзалах, передавались по телефону, которым активно пользовались средние и зажиточные слои населения. Примечательно, что в февральские дни в Петрограде из-за перегруженности телефонных линий в отдельных частях города пропала связь, что поспособствовало выходу людей на улицы. «Телефон не действует, узнать ничего нельзя», — записал 28 февраля 1917 г. Б. В. Никольский².

Следует отметить, что цензурная политика властей не только повышала значимость слухов, но и через табуирование отдельных тем акцентировала внимание на тех проблемах, которые не были столь серьезны, как о них говорили. Показательна структура актуальных для обывателей тем, отраженных в журнальной сатире: из 10 сюжетов карикатур (186 рисунков) в журнале «Стрекоза» за январь—февраль 1917 г. 53 % были посвящены одному сюжету — продовольственной проблеме. Именно она и стала поводом к февральским беспорядкам: как известно, слухи о том, что в Петрограде внезапно закончились все запасы муки и хлеба, вывели людей на улицы города (тогда как в действительности по самым скромным подсчетам запасов муки на складах оставалось минимум на две недели без учета прибытия новых хлебных вагонов). Несмотря на то что продовольственная ситуация с революцией не улучшилась, за первые три весенних месяца в «Стрекозе» из 17 тем (260 карикатур) самой актуальной оказалась тема высмеивания пороков царской семьи — 31 %, — в то время как продовольственным сюжетам было отведено 16 % сатирических рисунков.

Сатира, превращавшая тревожное в смешное, призвана была исполнять психотерапевтическую функцию. Сатирические иллюстрированные журналы («Новый Сатирикон», «Стрекоза», «XX век», «Трепач» и др.) акцентировали внимание на относительно «безопасных» слухах — сюжетах царскосельского адюльтера, пьянства и разврата в среде духовенства, чиновничьего казнокрадства, последствий женской эмансипации и пр. Вместе с тем в журнальной сатире явно присутствовала тема страха: поддержавшие революцию обыватели весной опасались контрреволюционного насилия справа, в то время как ближе к октябрю беспокойство вызывало насилие слева. Несмотря на это ряд современников в написанных по горячим следам воспоминаниях, изданных уже в 1917 г., пытались представить февральские события в качестве бескровной революции, праздника, на котором не было места жестокости (например А. Тыркова, Е. Зозуля, Н. Морозов, Н. Окунев и др.). Общим страхом, отразившимся в большинстве письменных источников, был страх перед «протопоповскими пулеметами», якобы расставленными на крышах домов.

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 49.

² Никольский Б. В. Дневник. 1896—1918. Т. 2. С. 278.

Созданная впоследствии Чрезвычайная следственная комиссия Временного правительства не смогла собрать доказательства существования полицейских пулеметных точек, тем не менее обывательский страх перед пулеметным огнем с крыш периодически оживал во время беспорядков на протяжении всего 1917 г.

Если слухи о «протопоповских пулеметах» будоражили сознание революционеров, то сторонников старого строя, прежде всего бывших чинов полиции, пугали сведения о зверских расправах толп над городовыми. Начальник петроградского охранного отделения К.И. Глобачев вспоминал о февральских днях: «Городовых, прятавшихся по подвалам и чердакам, буквально раздирали на части: некоторых распинали у стен, некоторых разрывали на две части, привязав за ноги к двум автомобилям, некоторых разрубали пашками»¹. Близкую картину рисовал в своих мемуарах барон Н.Е. Врангель: «Во дворе нашего дома жил околоточный; его толпа дома не нашла, только жену; ее убили, да кстати и двух ее ребят. Меньшего грудного — ударом каблука в темя»². Такие крайности кажутся отнюдь не случайными, учитывая ожидания «последних времен», авторы порой бессознательно сгущали краски, рисуя апокалипсические картины Русской революции. Известия об убийствах младенцев в этом контексте имели особенное значение, и проникновение в городскую среду народной эсхатологии отчасти предопределило появление подобных слухов.

Сильные эмоциональные потрясения как позитивного, так и негативного планов вкупе с царившей неопределенностью в отношении ближайшего будущего расшатывали нервы обывателей, порождали фантастические истории, распространявшиеся уличной молвой. Учитывая психологическое напряжение и растущие обывательские страхи, неудивительно, что в первые недели после февральских беспорядков резко возросло поступление душевнобольных в городские клиники (если за предыдущие недели приток душевнобольных в Петрограде в среднем составлял 0,9 человек, то в первую неделю марта он возрос до 50)³. Председатель общества психиатров, профессор П.Я. Розенбах обратил внимание на то, что революция оказала более сильное психологическое воздействие на столичных жителей, чем начало Первой мировой войны, а также счел оправданным введение термина «революционный психоз»⁴.

Часто страх перед насилием выражался в абсурдных слухах, которые вспыхивали в отдельных районах, но, не получив распространения, быстро затухали. Например, петроградцы в начале марта были напуганы появившимися на отдельных квартирах пометками — белыми крестами. У кого-то родились образы Варфоломеевской ночи. Тем не менее никаких эксцессов, связанных с помеченными квартирами, зафиксировано не было, и о белых крестах вскоре позабыли. Много дольше муссировался в среде как столичных, так и провинциальных обывателей абсурдный слух о том, что в февральские дни священники с крыш соборов и колоколен из пулеметов расстреливали мирных обывателей. В условиях распространенной фобии перед возможной контрреволюцией и начавшейся охоты на представителей старого режима российское духовенство, ассоциируемое с властью, воспринималось

¹ Глобачев К.И. Правда о русской революции. Воспоминания бывшего начальника петроградского охранного отделения // Вопросы истории. 2002. № 9. С. 68.

² Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. М., 2003. С. 355.

³ Подсчитано по: Еженедельник статистического отделения Петроградской городской управы. 1917. № 3–10.

⁴ Биржевые ведомости. 1915. 13 января (вечерн. вып.).

частью населения как контрреволюционное. В «Новом Сатириконе» в апреле была опубликована карикатура, изображавшая стреляющего из пулемета попа с крестом в руке. Текст под рисунком гласил: «В дни революции много пулеметов стояло на колокольнях, откуда и обстреливался восставший народ»¹. Слухи об участии духовенства в операциях полиции по подавлению революции были настолько распространены, что заставили даже самих представителей провинциального духовенства отправлять на этот счет запросы епархиальному начальству².

По-видимому, самым распространенным слухом, захватившим большинство слоев населения, отразившимся в разных группах источников (периодическая публицистика, карикатуры, мемуары) и сохранявшимся на протяжении всей Революции 1917 г., стал слух о черных автомобилях, которые по ночам с бешеной скоростью ездил по городу и расстреливали из пулеметов прохожих. Впервые он был зафиксирован 2 марта в Петрограде, а 16 марта черные авто «были обнаружены» в Москве. Свообразным апогеем слухов о черных авто стало 13 апреля, когда газеты сообщили сразу о трех случаях задержания таинственных автомобилей: первый раз милиционеры около 1 часа ночи обстреляли черный автомобиль, в котором ехали их коллеги из соседнего комиссариата на облаву; другой раз милиционерами за таинственный автомобиль был принят броневик с вооруженными солдатами, которые, услышав удары пуль о броню, ответили дружным оружейным огнем; третий случай задержания произошел с возвращавшимися с праздника офицерами и их дамами, которые за разговорами не услышали свистков милиции, в результате чего автомобиль был обстрелян милиционерами. Слух, державший в страхе часть городских обывателей, провоцировал самосуды: нередко горожане набрасывались на пассажиров любого черного авто, из выхлопной трубы которого раздавался хлопок, принимавшийся в условиях массового психоза за выстрел. Далеко не всегда милиционерам удавалось спасти подозреваемых. Слухи о столичных черных авто обсуждали по всей стране, хотя в первую очередь данная фобия была актуальна для Петрограда и Москвы.

Данные слухи и связанная с ними активность горожан примечательны не только тем, что демонстрировали особенности распространенной в 1917 г. психологии толпы — аффективное поведение обывателей, основанное не на рациональном, а чувственно-эмоциональном восприятии действительности, — но и тем, что проявили многоуровневую структуру слуха, в котором оказались переплетенными архетипическо-символические, социально-политические и литературно-художественные образы.

Источники образа «черного авто» следует искать в литературной традиции, политической лексике, повседневных картинах — во всем том, что формировало массовое сознание обывателей. В этом случае, вероятно, в первую очередь на память придут слова из статьи депутата IV Государственной Думы кадета В.А. Маклакова «Трагическое положение», опубликованной 27 сентября 1915 г. в «Русских ведомостях», в которой он сравнил Россию с автомобилем, ведомым в пропасть неумелым шофером: «Вы несетесь на автомобиле по крутой и узкой дороге, один неверный шаг, — и вы безвозвратно погибли. В автомобиле — близкие люди, родная мать ваша. И вдруг вы видите, что ваш шофер править не может; потому ли, что он вообще не владеет машиной на спусках, или он устал и уже не понимает,

¹ Новый Сатирикон. 1917. № 14. С. 7.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 86. 3 отд. 5 ст. Д. 22. Л. 157.

что делает, но он ведет к гибели и вас, и себя, и если продолжать ехать, как он, перед вами — неизбежная гибель...»¹ Примечательно не только использование несущегося автомобиля в качестве аллегорического образа России, но и присутствие эсхатологического контекста, наполняющего образ автомобиля трагической коннотацией, негативной эмоцией. Созданный Маклаковым образ запомнился соотечественникам и, в частности, к нему спустя более года вернулся коллега Маклакова по Государственной Думе, депутат от Терской области М.А. Караулов.

Популярность данной аллегории, вероятно, объясняется несколькими факторами. Во-первых, в сознании многих обывателей автомобиль как техническое средство был воплощением XX в. Примечательно, что тот же В.А. Маклаков в одной из своих речей в Государственной Думе, говоря о далеких уголках империи, нетронутых цивилизацией, употреблял оборот «места, куда не заезжал автомобиль». Первая мировая война добавила образу автомобиля как символу эпохи демоническое содержание: в российской периодике нередко танки именовались автомобилями. Тем самым расширялась семантика автомобиля от гражданского средства передвижения до военного средства уничтожения врага. Во-вторых, с визуальной точки зрения данный образ мог быть заимствован из киноафиш, рекламировавших фильмы-боевики со сценами автокатастроф («Страшная месть горбуна», «Шепот Сатаны», «Тайна карт» и др.), а также из беллетристики (например рассказов о похождениях Ната Пинкертон). В-третьих, обыватели на основе личного опыта формировали негативный образ автомобиля как травмоопасного транспортного средства, постоянного участника дорожных происшествий.

Одна из наиболее резонансных в Петрограде автомобильных аварий случилась 7 января 1915 г.: автомобиль «настиг» сани, врезался в них сзади, опрокинув их и выбросив пассажира на панель. Причем последний, ударившись головой о мостовую, потерял сознание. Хотя пострадавший не получил серьезных травм, эту историю долго обсуждали, так как тем пассажиром был Г. Распутин. В данной истории примечательно то, что автомобиль, вопреки правилам дорожного движения, двигался быстрее извозчика и ударил сани сзади, в чем можно усмотреть некий злой умысел. Кроме того, обращает на себя внимание глагол «настичь», использованный журналистом при описании происшествия — тем самым событие противниками Распутина представлялось в качестве постигшей «старца» кары, возмездия. В последнем случае автомобиль оказывался олицетворением рока. Небезынтересно, что слухи о неуловимости и недостижимости Распутина также были связаны с автомобилем: бывший министр внутренних дел А.Н. Хвостов на допросе в 1917 г. рассказывал, что у агента спецслужб И.Ф. Мануйлова-Манасевича был специальный быстрый военный автомобиль, за которым не могли угнаться автомобили охраны, и он периодически на нем куда-то увозил Распутина.

Массовое сознание российского крестьянства было наполнено предрассудками относительно автотранспорта. В этой связи интересна группа эсхатологических слухов, в одном из которых подозреваемый в измене Николай II по тайному подземному ходу уезжал из Зимнего дворца на автомобиле напрямик в Германию. Вероятно, таким представлениям об автомобиле способствовала в очередной раз изменившаяся традиция репрезентации верховной власти: в официальных периодических журналах, например «Летописи войны», публиковались фотографии

¹ Русские ведомости. 1915. 27 сентября.

Николая II не на белом коне, что соответствовало прежним народным представлениям о царе, а в черном автомобиле, что порождало слухи о подменном царе, царе-предателе или царе-Антихристе.

Однако до 1917 г. в символическом пространстве доминировал собирательный, обобщенный образ автомобиля. Образ именно черного автомобиля в городских криминальных легендах впервые появился в 1917 г. Так, в январе 1917 г. в пригородах Петрограда обсуждали слухи о шайке бандитов: «В Выборге появился таинственный черный автомобиль, который, с наступлением темноты, разезжает по городу и похищает молодых девушек и дам. Потом трупы похищенных с признаками изнасилования обнаруживаются в пустынных местах на окраинах города. За короткое время обнаружено 16 трупов. Молва назвала преступника “Черным Билем”»¹. В имени «Черный Биль» угадывается игра слов и смыслов: с одной стороны, имя Биль кажется производным от слова «автомобиль», что подтверждается их общей приставкой «черный», с другой, Черный Биль (Билл и Биль — варианты транскрипции одного имени, встречавшиеся в русских переводах иностранной беллетристики) — распространенный в американской литературе уголовный персонаж, появлявшийся, например, в издававшихся в России рассказах О. Генри («Как скрывался Черный Билл»).

Вероятно, поводом для оживления в массовом сознании 1917 г. именно образа автомобиля как символа революционного насилия стали картины повседневной жизни Петрограда в февральские дни. Обыватели отмечали повышенную интенсивность автомобильного движения, в чем усматривали проявление какой-то мании, невроза: «Общее впечатление этого дня, да и последующего, — это бестолочь, а особенно гоньба грузовиков и автомобилей. Кажется, что весь город обратился в чудовищный, бестолковый корсо и весь катается, катается и накататься не может. Шины лопаются, машина испорчена, автомобиль бросается тут же на улице, где-то реквизируется другой — и айда! мчатся дальше и катаются, катаются, пока и этот испортится. Это уже не страсть, а раж, мания»². На особую роль автомобиля в событиях февраля 1917 г. обратили внимание и в российской деревне: крестьяне Владимирской губернии неодобрительно отзывались о витии-Керенском и носившихся по стогам городов моторах³. Объяснение неожиданному появлению на улицах столицы массы автомобилей отчасти кроется в деятельности Военной комиссии Временного комитета Государственной Думы, создавшей специальный Автомобильный отдел. По подсчетам А.Б. Николаева, в февральские дни в районе Таврического дворца постоянно разезжало около сотни служебных автомобилей, создавая суету и нервируя прохожих⁴. Учитывая полное прекращение трамвайного движения и страх извозчиков потерять свой источник заработка, автомобили временно оказались единственным городским транспортом.

Неудивительно, что, будучи связанным как с визуально-беллетристической традицией, политической лексикой, эсхатологическим дискурсом, так и с криминальной дореволюционной хроникой, образ черного автомобиля в 1917 г. становится одним из самых сильных раздражителей, провоцирующих массовую фобию.

¹ Одесский листок. 1917. 22 января.

² Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков. С. 532.

³ Назживин И.Ф. Записки о революции, 1917–1921. Вена, 1921. С. 12.

⁴ Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная Дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. СПб., 2005. С. 304–321.

Однако есть еще один источник происхождения «черных авто», дополняющий общую картину, связанный с личностью ненавистного обывателям министра внутренних дел А.Д. Протопопова, о котором в среде не слишком образованных горожан ходили слухи, будто он является перевоплощением Г. Распутина. В марте 1917 г. обсуждался слух о том, что Протопопов накануне революции закупил 10 автомобилей в личных целях, которые затем куда-то исчезли. Молва тут же прозвала их «протопоповскими автомобилями», что семантически объединило этот слух со слухом о «протопоповских пулеметах». Упоминание о том, что из черных автомобилей стреляли именно из пулеметов, якобы использовавшихся полицией по распоряжению Протопопова, также связывает эти два слуха в единую причинно-следственную цепочку, выстраивавшую связь слухов о «протопоповских автомобилях» через слухи о «протопоповских пулеметах» со слухами о «черных автомобилях».

Конечно, не стоит переоценивать массовость распространения данной фобии. Ряд образованных граждан относился скептически к подобного рода информации, тем более что городская сатира не могла не отреагировать на представившийся повод высмеивания предрассудков, внося в души своих читателей некоторое успокоение. В сатирических журналах начали появляться карикатуры, связывавшие появления слухов о «черных авто» со страхами неопытных студентов-милиционеров, взваливших на себя в первые месяцы революции непосильное бремя охраны общественного порядка. В журнале «Трепач» создавался образ милиционера, дрожавшего и прятавшегося от каждого звука, похожего на приближавшийся мотор; в журнале «XX век» появилась карикатура, изображавшая мчавшуюся в автомобиле тень с револьвером, из фар бил черный свет, а под рисунком располагалась надпись: «У обывательского страха глаза велики, или Таинственный неуловимый автомобиль, разьежающий по Петрограду и наводящий ужас на ветхих старушек и малых ребятишек»¹.

Сотрудничавший с журналом «XX век» писатель Александр Грин опубликовал фельетон «Черный автомобиль», в котором в образе шофера был описан громадный черный кот, съедавший в конце рассказа сердце своего хозяина. Другой писатель — Валентин Франчич — использовал мотивы черного автомобиля в рассказе «Колесница дьявола». Примечательно, что порожденные легендами о черных авто литературные образы впоследствии сохранились в советской прозе, в частности отразились в произведениях М. Булгакова (громадный черный кот с кавалерийскими усами А. Грина и безумный ученый-изобретатель Рок В. Франчича), что говорит о достаточно сильном эмоциональном воздействии данных слухов на современников. Также и сам Грин повторно вернулся к образу черного авто в романе «Бегущая по волнам».

К лету 1917 г. произошла трансформация слуха о черных авто: если в первоначальном варианте их пассажирами мыслились деятели контрреволюции справа, то теперь чаще их представляют бандой сбежавших уголовников (другой распространенный слух о массовых побегах уголовных элементов по всей России, который лишь отчасти соответствовал действительности). После июльских беспорядков, спровоцированных большевиками, произошло очередное перевоплощение пассажиров: из уголовников они превратились в матросов-анархистов или большевиков, а сам автомобиль из легкового стал грузовым.

¹ Трепач. 1917. № 6. С. 14; XX век. 1917. № 14. С. 14.

С этим образом И. Бунин впоследствии связал все свои страхи революции: «Грузовик — каким страшным символом остался он для нас, сколько этого грузовика в наших самых тяжких и ужасных воспоминаниях! С самого первого дня своего связалась революция с этим ревушим и смердящим животным... Вся грубость современной культуры и ее “социального пафоса” воплощены в грузовике»¹. О распространенности данных ассоциаций говорит и тот факт, что об автомобиле как о символе революционного насилия, вызывавшем негативные эмоции, писали осенью 1917 г. и М. Горький, и П. Сорокин, и многие другие современники. В октябре 1917 г., когда петроградцы ожидали очередного выступления большевиков, обывателей прежде всего пугал окончательный разгул анархии и новой волны преступности. Даже такой «непререкаемый» большевистский авторитет, как М. Горький, записал в октябре, не забыв упомянуть автомобиль как символ: «Всё настойчивее распространяются слухи о том, что 20 октября предстоит “выступление большевиков”... Значит — снова грузовые автомобили, тесно набитые людьми с винтовками и револьверами в дрожащих от страха руках... Вспыхнут и начнут гадить, отравляя злобой, ненавистью, местью все темные инстинкты толпы, раздраженной разрухою жизни, ложью и грязью политики — люди будут убивать друг друга, не умея уничтожить своей звериной глупости. На улицу выползет неорганизованная толпа, плохо понимающая, чего она хочет, и, прикрываясь ею, авантюристы, воры, профессиональные убийцы “начнут творить историю русской революции”...»²

Если декабрь 1916 г. многие россияне встречали с надеждой на скорые перемены, устремляли свои взоры в будущее, то в декабре 1917 г. некоторые обыватели подводили неутешительные итоги не только прошедшего года, но и целой эпохи. Для москвича Н.П. Окунева последние 30 лет жизни прошли под знаком «трамваев, граммофонов, автомобилей», причем их засилье делало, по его признанию, жизнь с каждым годом труднее. Конечно, Окунев имел в виду не бытовые условия жизни, которые улучшались благодаря научно-техническому прогрессу: московского почетного гражданина, выходца из крестьян пугало само время, начинавшее течь быстрее, как будто подчиняясь не законам природы, а чьей-то воле: «Я и раньше косился на засилье электричества, а теперь глубоко убежден, что оно не от Бога, а от дьявола. Все нервы, все извращения, всё жульничество, всё безверие, вся жестокосердность, вся безнравственность и вырождение людей — от этих проклятых звонков, хрипов, катастроф, миганий, смрада, гудков и чудес!»³ Автомобиль как символ эпохи, заканчивавшейся мировой бойней технических чудовищ — автомобилей-танков, цеппелинов, аэропланов, мортир — становился для части населения знаком последних времен.

В 1918 г. образ черного автомобиля продолжал сопровождать экспессы, связанные с насилием. Так, во время петроградских и московских манифестаций в поддержку Учредительного собрания 5 января, во время траурных шествий 9 января обыватели «слышали» пулеметную стрельбу с крыши и «видели» черные автомобили, в чем усматривается реинкарнация фобий февраля 1917 г. Свообразным развитием образа черного авто стали слухи о появившемся весной 1918 г. в Москве «ночном пароходе», который плывал по Москве-реке и расстреливал из пулемета находившихся на набережной милиционеров, после чего скрывался в направлении

¹ Бунин И. Окаянные дни. М., 1991. С. 54.

² Горький М. Несвоевременные мысли. М., 1990. С. 148.

³ Окунев Н.П. Дневник москвича, 1917–1924: В 2 кн. Кн. 1. М., 1997. С. 125.

Симонова монастыря. Учитывая многоуровневую природу слуха, его вариативную популярность в обществе, переход из устной традиции в литературную, рассказы о черных авто можно отнести на счет городских легенд, мифологем, выросших из тесных рамок обыденного слуха как такового. Показательно, что данная мифологема сохранилась как в советских, так и постсоветских городских легендах о «черной Волге».

Таким образом, мы видим, что эпоха смуты, пробудившая народные эсхатологические ожидания, которые воплощались в фантастических слухах, перетекавших из деревни в город в условиях информационного кризиса, способствовала распространению массовых фобий, выливавшихся в коллективные психозы. Одним из последних в 1917 г. стал психоз относительно «черных моторов». Обладая архетипическими признаками, а также будучи связан с изобразительной (кинематографической), литературной и криминальной традициями, он, переживая трансформации на протяжении всей политической истории революции 1917 г., из криминального слуха превратился в мифологему, выражавшую обывательские страхи перед различными формами насилия, а также выступавшую в качестве эмоционального стимула, провоцировавшего протестные акции в форме погромов и самосудов.

Николай Васильевич Михайлов

Язык революции:

«РАБОЧАЯ КОНСТИТУЦИЯ» ИЛИ РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ В 1905 И 1917 ГГ.

В истории русского освободительного движения начиная с самых ранних его этапов существовала проблема передачи общественно-политической информации. Участники политической коммуникации были представителями разных по культуре общественных слоев. Народники, участники «хождения в народ», порой приходили в отчаяние от того, что их пропаганда не встречала понимания в крестьянской среде. Русские рабочие оказались более восприимчивы к социалистической пропаганде и агитации, но и для них, выходцев из крестьян, язык городской европейски образованной интеллигенции не был родным, легко распознаваемым. Общение носителей различных культур — городской, западноевропейской и крестьянской, традиционной — по-прежнему представляло большие трудности, которые ощущала не только интеллигенция, но и рабочие. Усилиями нескольких поколений революционеров-интеллигентов в рабочей среде удалось создать небольшую прослойку так называемых «сознательных» рабочих, которые в свою очередь способствовали распространению социалистических идей и радикальных оппозиционных настроений в широкой рабочей массе. Им пришлось взять на себя сложную задачу перевода и адаптации политического интеллигентского языка на язык, доступный пониманию рядового рабочего.

Социал-демократическая пропаганда, вопреки ожиданиям сознательных рабочих, часто воспринималась массой совершенно иначе, чем это было задумано. «“У нас все говорят, что будет бунт после нового года, непременно будет!” — говорил мне один заурядный фабричный рабочий, не принимавший никакого участия в нашем деле», — вспоминал И. В. Бабушкин о событиях за Невской заставой в 1895 г. С точно таким же искаженным восприятием пропагандистского языка Бабушкин столкнулся и в ходе работы среди екатеринославских рабочих в 1897–1898 гг.: «Странно было слышать толки рабочих о бунте, совершенно противоположные листкам: в листках говорилось очень ясно о нежелательности бунта, который ничего не принесет рабочим, кроме вреда, между тем, прочтя листок, рабочий тут же говорит: велют бунт устраивать»¹.

Революции коренным образом изменяли практики политических коммуникаций. И в 1905–1907 и особенно в 1917 гг. партийные вожди получали возможность непосредственного общения с массами и тут же сталкивались с проблемой восприятия политического языка теми, к кому они адресовались. «Мы, представители

¹ [Бабушкин И. В.] Воспоминания И. В. Бабушкина (1893–1900 гг.). Л., 1925. С. 94.

революционного элемента в Петрограде, а между тем широкие массы нас как бы не понимают. Очевидно, будучи правыми в основе, [мы] формулируем наши резолюции и постановления непонятно для масс», — отмечал Л.Б. Каменев на заседании ПК РСДРП(б) 18 марта 1917 г.¹

Участники революционного движения, происходившие из разных слоев общества, говорили на разных диалектах политического языка. Одни и те же термины они понимали по-разному, а восприятие их массовым сознанием могло колебаться в очень широком диапазоне. Проблема «перевода» политических текстов массовым сознанием, отмечавшаяся еще современниками революционных событий, в то же время представляет собой сложную и актуальную исследовательскую проблему². Кроме того, надо иметь в виду, что проблема «перевода» политических текстов революции имеет и оборотную сторону. Политические партии 1917 г. и их идеологи присваивали себе право говорить от имени «революционного народа», «переводить» на знакомый образованному обществу язык требования «угнетенных масс», объяснять мотивацию их поведения, давать оценки их действиям и настроениям. Проблема в том, насколько адекватно осуществлялся такой «перевод», насколько точно формулировал интеллигент те мысли и настроения, которые пыталась донести до образованного общества серая рабочая масса.

То, что мы знаем о собственных представлениях российского рабочего, в основном дошло до нас в интерпретации образованных слоев общества, в текстах, написанных главным образом марксистским языком. Причем уже давно ставшие штампами такие понятия, как «капиталистическая эксплуатация», «осознание рабочими своих классовых интересов», «революционное творчество масс» и т. п., скрывают порой столько различных нюансов исторической реальности, что лишают эти термины эвристической ценности.

Один из ключевых лозунгов Революции 1917 г. — «рабочий контроль» — и российские и зарубежные исследователи совершенно справедливо связывают с деятельностью фабзавкомовского движения, с тем самым загадочным «революционным творчеством масс», о котором писал в свое время В.И. Ленин. Некоторые историки отмечают использование термина «рабочий контроль» в социалистической утопической и анархической литературе XIX в., однако в России как в рабочей среде, так и в партийной литературе он не имел широкого бытования до весны 1917 г. В российской и зарубежной историографии понятие «рабочего контроля» имело различное наполнение — от узкого понимания, как контроля над технической и коммерческой сторонами производства, до расширительного, включавшего все стороны борьбы рабочих в рамках фабзавкомовского движения³. В постсоветский период появились работы, которые связывают рабочее фабзавкомовское

¹ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы и материалы заседаний. СПб., 2003. С. 119.

² Б.И. Колоницкий показал, сколь серьезно разнилось понимание политиками 1917 г. понятия «демократия» и насколько по-разному оно воспринималось массовым сознанием (*Колоницкий Б.И. Язык демократии: проблемы «перевода» текстов эпохи революции 1917 года // Исторические понятия и политические идеи в России XVI—XX в.: Сб. научных работ.* СПб., 2006. С. 153–189).

³ Подробнее см.: *Черняев В.Ю. Рабочий контроль и альтернативы его развития в 1917 г. // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX — начало XX в.: Сб. статей и материалов, посвященный памяти О.Н. Знаменского.* СПб., 1994. С. 164–165.

творчество с влиянием крестьянских общинных и артельных традиций, причем одни авторы оценивают это «творчество масс» как проявление крестьянского бунтарства и пародию на общинные порядки¹, другие как исключительно положительный пример рабочей демократии².

Цель настоящего исследования — попытаться понять различия в понимании лозунга рабочего контроля партийной интеллигенцией и рабочими, участниками фабзавкомовского движения, причем автор рассматривает последнее не столько с точки зрения «высокой» политической борьбы, сколько с точки зрения отношений рабочих с предпринимателями и администрацией, а также представлений рабочих о своем месте в производственном процессе на индустриальном предприятии.

Идея рабочего контроля была сформулирована В.И. Лениным в самом общем виде в рамках концепции перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в конце марта — начале апреля 1917 г., в то время, когда фабзавкомовское движение уже охватило значительное число фабрик и заводов страны. Вначале, выставляя лозунги перехода всей полноты власти Советам и рабочего контроля над производством, Ленин вовсе не имел в виду контроль на уровне промышленных предприятий. Речь шла о переходе к контролю «за общественным производством и распределением продуктов» со стороны Советов рабочих депутатов как органов революционной власти, т. е. о контроле централизованном, государственном³.

По возвращении в Петроград, быстро оценив порожденную двоевластием сложную политическую ситуацию, невозможность быстрого перехода всей власти к Советам и отсутствие в столицах и крупнейших центрах условий для завершения второго этапа революции, на Петроградской общегородской конференции большевиков (14–22 апреля 1917 г.) Ленин выступил с идеей продвижения революции на местах. Большевики были не меньшими западниками, централистами и государственниками, чем меньшевики, но они были и прагматиками, которые ради достижения своих политических целей не боялись поступиться принципами. 14 апреля 1917 г. В.И. Ленин отмечал: «Мы должны быть централистами, но есть моменты, когда эта задача передвигается на места, мы должны допускать максимум инициативы на местах»⁴. На VII (Апрельской) всероссийской конференции РСДРП(б) (24–29 апреля 1917 г.) в перечне мероприятий, которые должны были «двигать революцию **вперед**... на местах» в набросках тезисов Ленин перечисляет: «власть? земля? заводы?». Чуть выше: «заводы; контроль за ними»⁵.

14 мая 1917 г. Ленин пишет, что право рабочего контроля должен осуществлять не только Совет рабочих депутатов, но и «совет рабочих каждой фабрики»⁶. 19 мая

¹ Булдаков В. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997.

² Чураков Д.О. Фабзавкомы в борьбе за производственную демократию. Рабочее самоуправление в России. 1917–1918 гг. М., 2005.

³ Ленин В.И. 1) Письма издалека. Письмо 5. (26 марта 1917 г.) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 56; 2) О задачах пролетариата в данной революции. 4 и 5 апреля 1917 г. // Там же. С. 8.

⁴ Ленин В.И. Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). Заключительное слово по докладу о текущем моменте. 14 (27) апреля // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 31. С. 247.

⁵ VII (Апрельская) всероссийская конференция РСДРП(б) (24–29 апреля 1917 г.). Наброски к тезисам резолюции о Советах. 25–26 апреля 1917 г. // Там же. С. 385.

⁶ Ленин В.И. Война и революция. Лекция 14 (27) мая 1917 г. // Там же. Т. 32. С. 95.

Петербургский комитет РСДРП «в ответ на ряд обращений со стороны заводских комитетов» рекомендовал «товарищам-рабочим создавать контрольные советы в предприятиях из представителей рабочих, причем контроль этот охватывает не только ход работ в самом предприятии, но и всю финансовую часть предприятия»¹. И, наконец, в речи на I Петроградской конференции фабрично-заводских комитетов 31 мая 1917 г. Ленин уже агитировал за обязательность выполнения администрацией решений рабочих коллективов и требовал, «чтобы администрация отдавала отчет в своих действиях перед всеми наиболее авторитетными рабочими организациями»².

Так под влиянием политической ситуации первых месяцев революции ленинская идея рабочего контроля эволюционировала от контроля исключительно централизованного, государственного к идее расширения контроля на места, включая фабрики и заводы. Следует заметить, что для рабочих новизна в трактовке этого лозунга заключалась только в том, что их самостоятельные действия на фабриках и заводах наконец получили поддержку и одобрение со стороны внушительной политической партии.

Еще до приезда В.И. Ленина, в феврале—марте 1917 г. рабочие коллективы, уже приступившие к формированию своих представительных органов, выразили неудовольствие произошедшими политическими переменами и выступили с требованиями, которые руководителями социалистических партий были восприняты как *экономические*. Рабочие подвергли резкой критике решение Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов о возобновлении работы предприятий после февральской стачки, в котором отсутствовали гарантии 8-часового дня, повышения заработной платы и рабочего самоуправления. На заседаниях рабочей секции Совета 5 и 7 марта 1917 г. они горячо отстаивали свое право на решительные изменения внутривзаводских порядков: «Постанов[ить], что рабочие сами [выполняют] административные функции», «Общие собрания... [требуют] автономного [рабочего управления]», «Административную часть [сосредоточить] в руках выборных от рабочих», «Удаление [неугодной] администрации, [управление] на выборных началах», «Ввести автономные начала самоуправления рабочих»³.

Эсеро-меньшевицское руководство Совета старалось не акцентировать внимание на тех требованиях рабочих, которые выходили за рамки буржуазно-демократической революции, разрушали иллюзию полного единения демократических сил. В течение нескольких дней члены Исполнительного комитета уговаривали рабочих умерить свои притязания⁴. В отчетах о заседаниях рабочей секции, публиковавшихся в «Известиях Петроградского Совета», о разногласиях между руководством Совета и рабочими просто умалчивалось⁵. Поначалу не придавали серьезного значения таким требованиям и большевики. На заседании Петербургского комитета РСДРП(б) 7 марта внимание акцентировалось только на требовании 8-часового ра-

¹ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы... С. 219.

² Там же. С. 240.

³ Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г.: Документы и материалы. Т. 1: 27 февраля — 31 марта 1917 г. Л., 1991. С. 136, 188, 190.

⁴ Галили З. Лидеры меньшевиков в русской революции. Социальные реалии и политическая стратегия. М., 1993. С. 74.

⁵ Соболев Г.Л. Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Л., 1973. С. 67.

бочего дня, всё, что касалось «рабочей конституции» и «автономных правил», как и прежде, записывалось в разряд экономических требований. Так, в докладе представителя Нарвского района сообщалось, что «обсуждался вопрос о 8-ми часовом рабочем дне и об *экономических* требованиях [здесь и далее курсив наш. — Н. М.]». Представитель Выборгского района отметил, что решение Петроградского Совета о возобновлении работы на большинстве предприятий района выполнено «с ограничениями и оговорками о 8-ми часовом рабочем дне, *экономическ[их]* требован[иях] и т. д.»¹ Не дошло до обсуждения и заявленного в объявлении о заседании ПК РСДРП(б) на 10 марта пункта повестки дня «Об *экономических* требованиях»².

Следует заметить, что в числе этих *экономических* требований наряду с общими для всего капиталистического мира требованиями повышения заработной платы, сокращения продолжительности рабочего дня, улучшения условий труда и быта русский рабочий явно делал акцент на таких требованиях, которые свидетельствовали о его неприятии существующих фабрично-заводских порядков, а также роли и места, которое ему отводилось в рамках организации производственного процесса: рабочие требовали вежливого обращения, удаления тех представителей администрации, которые допускали грубое отношение к рабочим, требовали неприкосновенности рабочих депутатов, участия коллектива в решении вопросов найма и увольнения рабочих, выработки и соблюдения правил внутреннего распорядка, а также согласования расценок.

Эти требования не были непосредственно направлены на улучшение материального, экономического положения рабочих — не повышали зарплату, не улучшали бытовые условия, не облегчали материальных условий труда, но давали рабочим моральное удовлетворение, позволяли утвердить свое человеческое достоинство — право на уважительное отношение со стороны представителей администрации, право на справедливое распределение работы и оценки труда, право на участие в формировании рабочего коллектива и определении его границ. Подобные представления о правах рабочего, несомненно, были связаны с опытом организации производственного процесса в его общинно-артельном варианте, а протест против фабрично-заводских порядков был реакцией на очевидное нарушение нравственных норм традиционного общества, крестьянского мира.

Впервые русский рабочий попытался самостоятельно сформулировать свои представления о фабричной жизни на рубеже XIX—XX вв. устами рабочих активистов социал-демократов газеты «Рабочая мысль». Рабочие ясно дали понять, что не позволят почитать себя «сосудом всех грехов и грубою скотиною», не потерпят «грубое и дикое насилие», не согласны иметь над собой начальство, которое «держит себя, как пьяный извозчик»³, не желают иметь мастеров, которые при распределении выгодных работ отдают предпочтение своим землякам, которые «делают безнравственные предложения девушкам и женщинам»⁴. Рабочие требовали, чтобы обращались с ними «как с людьми, а не как с прохвостами»⁵.

¹ Петербургский комитет РСДРП(б) в 1917 году: Протоколы... С. 78.

² Там же. Примеч. 1 на с. 98.

³ Невский механический завод (Семянникова) // Рабочая мысль. 1900. Февраль. № 8; Александровский механический завод Николаевской железной дороги // Там же.

⁴ История фабрики Паля и характеристика хозяев // Там же. 1899. Апрель. № 6.

⁵ Невский механический завод (Семянникова) // Там же. 1900. Февраль. № 8.

«Наши хозяева сами — прямо сказать — не люди, а какие-то животные в человеческом образе», «нахальство, грабеж и притеснения со стороны наших хозяев не имеют границ»¹, начальник завода — «крокодил», «змей-горыныч», мастер — «отъевшийся боров»², владелец «больше похож на настоящего зверя, чем на человека»³, один из помощников директора — «такая сволочь, просто беда»⁴, — таким доступным всем рабочим языком и крепкими выражениями описывали владельцев и администрацию предприятий рабочие корреспонденты. Не жалели они ярких красок и при описании страданий рабочих: хозяева «сдирают в полном смысле кожу с рабочего», «жилы вытягивают»⁵, «наш хозяин вместе с соками выжимает из нас прибыль»⁶, администрация собирает «кровавый пот с рабочих»⁷, начальник «готов ободрать, как липки, всех рабочих, а непокорных рад в ложке воды утопить»⁸, мастер «поступает с рабочими по-зверски и с каждого готов содрать шкуру»⁹.

Вполне ясно сформулировано на страницах «Рабочей мысли» и убеждение рабочих в том, что все богатства хозяев и администрации созданы их, рабочих, трудом. Хозяева предприятий — «ожиревшие, пресытившиеся люди», «кровопийцы, из года в год оттягивали у рабочих всё добытое ими и присваивали себе», «фабрикант продолжает эксплуатировать (обсасывать) рабочих»¹⁰. Рабочие корреспонденты собирали и публиковали подробные данные о заработной плате своих угнетателей — администрации: «Куда ни пойдешь — везде начальство. Всю эту стаю надо ведь откармливать». И тут же выставляли требование: «Чтобы нам, рабочим, повышали расценки, а не дармоедам бросали без счета наши же заработанные деньги»¹¹.

Программа политической борьбы редакцией газеты излагалась кратко и определенно: «Рабочим приходится вести борьбу с двумя врагами: фабрикантами, заводчиками и их защитником правительством». Необходимость борьбы с правительством объяснялась тем, что «оно открыто, не стесняясь, становится на сторону капиталистов и при помощи полиции и войска с оружием в руках старается заставить рабочих снова приняться за свою несносную лямку», причем «рабочим во время жаркой схватки первое начинает уступать правительство» и тем самым «начинает волей-неволей помогать рабочим жать капиталистов»¹². «Между капиталистами и рабочими происходит главная борьба нашей жизни»¹³, — эта мысль звучала рефреном и находила подтверждение на страницах «Рабочей мысли» на протяжении всего времени ее существования. В отношении же правительства позиция газеты не была столь однозначной: «Напрасно мы ищем у правительства защиты своих ин-

¹ Фабрика Торнтон // Там же; Две стачки // Там же. 1899. Январь. № 5.

² Александровский механический завод Николаевской железной дороги // Там же. 1900. Февраль. № 8.

³ С Волги // Там же. 1900. Февраль. № 8.

⁴ Путиловский завод // Там же.

⁵ С Волги // Там же.

⁶ С Резвоостровской мануфактуры Воронина // Там же. 1899. Апрель. № 6.

⁷ Мариуполь // Там же. 1900. Февраль. № 8.

⁸ Александровский механический завод Николаевской железной дороги // Там же. 1900. Февраль. № 8.

⁹ Фабрика Торнтон // Там же. 1899. Апрель. № 6.

¹⁰ Кто победит? // Рабочая мысль. 1897. Декабрь. № 2.

¹¹ Невский механический завод (Семянникова) // Там же. 1900. Февраль. № 8.

¹² Кто победит? // Там же. 1897. Декабрь. № 2.

¹³ Борьба // Там же.

тересов, — отмечалось в обращении комитета Союза рабочих Русского Манчестера ко всем русским рабочим организациям, — напрасно мы в своей простоте так расположены к нему! Факты показали, что оно никогда не было на стороне рабочих, да и не будет до тех пор, пока рабочие не заберут всё в свои руки»¹.

Руководители и идеологи социал-демократической партии, выставявшие на первый план политическую борьбу с самодержавием, оценили позицию «Рабочей мысли» как оппортунизм и «экономизм». Недовольство рабочих фабрично-заводскими порядками рассматривалось ими как результат их тяжелого материального положения и относилось к разряду *экономических* требований.

На почве разногласий по поводу содержания пропагандистской работы произошло охлаждение между интеллигентским руководством социал-демократических кружков и рабочими партийными активистами. Не только в Петербурге, но и в других городах Российской империи на рубеже XIX—XX вв. при социал-демократических организациях создавались действовавшие автономно рабочие партийные комитеты. Они ближе интеллигентов стояли к рабочей массе, говорили на понятном ей языке, свою пропагандистскую работу строили с учетом нужд и настроений рабочих, не выставляли на первый план антимонархическую пропаганду, а подводили своих слушателей к мысли о необходимости борьбы с существующим политическим строем как защитником несправедливых фабрично-заводских порядков. Сомнения, которые удавалось заронить в душу рабочих партийным активистам, укреплялись каждый раз, когда рабочие сталкивались с полицейской нагайкой и солдатским штыком при подавлении стачек и демонстраций. События 9 января 1905 г. окончательно разрушили в сознании рабочих образ царя — защитника всех угнетенных. «Царь “стакнулся” с начальством и перешел на их сторону», — такое доступное для понимания простого рабочего объяснение кровавых событий в столице дал не затронутый влиянием интеллигенции «рабочий-политик» П.П. Ермаков на далеком уральском заводе².

Деятельность автономных рабочих партийных комитетов имела и другое важное следствие для судеб рабочего движения. Рабочие партийные активисты, действовавшие в условиях подполья, постепенно начали получать признание в рабочей среде. И.В. Бабушкин вспоминал, что еще в 1899 г. на екатеринославских заводах в нарушение всех правил конспирации «рабочие-политики» становились популярны и узнаваемы в рабочей среде. Некоторые молодые рабочие-пропагандисты позволяли себе читать «в мастерской во время работы нелегальную книжку собравшимся рабочим», «другой товарищ устраивал в мастерской трибуну, с которой говорил мастеро-вым». К удивлению Бабушкина, такие опасные выходы сходили молодым партийным пропагандистам с рук, потому что их окружали сочувствующие им рабочие³.

Рабочие активисты, партийные и беспартийные, говорили с рабочими на одном языке, они были более подвижны, чем основная масса рабочих, чаще других переходили с завода на завод, имели знакомых на других предприятиях и без них не обходилось ни одно коллективное выступление рабочих в рамках города или региона⁴. Именно они были востребованы коллективами в ходе многочисленных

¹ Съезд рабочих // Там же. 1900. Февраль. № 8.

² Ермаков П.П. Воспоминания горнорабочего. Свердловск, 1947. С. 126–127.

³ [Бабушкин И.В.] Воспоминания И.В. Бабушкина... С. 135.

⁴ Трудовые конфликты и рабочее движение в России на рубеже XIX—XX вв. / Отв. ред. И.М. Пушкарева. СПб., 2011. С. 131.

выборов в ходе Первой русской революции — в советы старост и комитеты депутатов, в Комиссию сенатора Н.В. Шидловского и в Советы рабочих депутатов, в Советы безработных и выборщиками по рабочей курии в Государственную Думу. В Петербурге количество таких рабочих вожakov, которым рабочие коллективы доверяли представлять свои интересы в выборных организациях, исчислялось уже тысячами. Многие из них в 1905–1907 гг. избирались рабочими неоднократно. Анализ этого ядра наиболее востребованных вожakov показал, что подавляющее большинство (более 80 %) имели средний возраст — от 24 до 37 лет и принадлежали к партиям социал-демократов (около 65 %) и эсеров (17,5 %) или им сочувствующим¹. Видимо, соединение в рабочем коллективе серой массы, обладавшей навыками общинной самоорганизации, с рабочими вожакими-социалистами, умевшими на понятном простому рабочему языке формулировать их требования, заслужившими доверие со стороны простого серого рабочего, и привело в годы Первой русской революции к тому беспрецедентному взрыву рабочей организованности, которая стала полной неожиданностью как для властей, так и для руководителей радикальных партий.

Накануне Революции 1905 г. рабочие еще не смогли самостоятельно сформулировать свои представления о справедливом устройстве внутризаводской жизни. На зубатовских собраниях московских рабочих оценки существующих фабрично-заводских порядков тем же эмоциональным языком слово в слово повторяли выражения активистов «Рабочей мысли» — «наши капиталисты, пьющие нашу кровь», рабочие вынуждены терпеть «всякого рода поношения за свой честный труд от хозяйских прихвостней, которые стараются вас и за людей не считать, а за животных»².

В пику либеральным проектам Министерства финансов, введившим в практику фабрично-заводской жизни западноевропейские институты, Департамент полиции делал ставку на программу государственного попечительства с использованием институтов традиционного общества. В окружении начальника Московского охранного отделения С.В. Зубатова разрабатывались проекты создания особого «рабочего сословия» с сословным самоуправлением и состоявшим из «рабочих общин»³. В рамках программы «полицейского социализма», предложенной вниманию московских предпринимателей 26 июля 1902 г., Зубатов заявил о необходимости ввести в практику фабрично-заводской жизни следующие изменения:

«Расширение прав фабрично-заводских рабочих (вопреки Уставу о предупреждении и пресечении преступлений) должно состоять в объединении рабочих *в одно целое* [выделено нами. — Н. М.], имеющее свой комитет, состоящий из членов, добровольно избираемых рабочими обоюбого пола из своей среды. Эти комитеты имеют намечать желательные для рабочих изменения в расценках, таксах, распределении рабочего времени и вообще в правилах внутреннего распорядка.

Хозяин впредь имеет ведаться со своими рабочими не непосредственно, а через комитет. Комитеты отдельных фабрик данной округи состоят между собой в обще-

¹ Михайлов Н.В. Вожакими фабрично-заводских рабочих Петербурга 1905–1907 гг. // Рабочие и российское общество... С. 56.

² Б. а. Воспоминания о профессиональном движении рабочих текстильной промышленности с 1901 по 1902 г. на фабрике Мусси. [1927 г.] // ГА РФ. Ф. 6868. Оп. 1. Д. 261. Л. 15–16.

³ Б. а. Записка о задачах русских рабочих союзов и началах их организации. [1901 г.] // Там же. Ф. 102. ДП. 1901 г. Д. 801. Л. 24–31.

нии для достижения однообразных действий. Общий надзор за комитетами сосредоточивается в Охранном отделении...»¹.

У нас нет данных, позволяющих судить о том, насколько широко удалось Зубатову внедрить в жизнь нелегальные рабочие комитеты. В предпринимательских кругах идея их создания встретила отчаянное сопротивление. Закон о старостах 10 июня 1903 г. настолько сильно отличался от зубатовского проекта в сторону ограничения прав рабочего представительства, что даже рабочие в 1905 г. отказывались использовать его при выборах старост². Требование учреждения «при заводах и фабриках постоянных комиссий выборных от рабочих, которые совместно с администрацией разбирали бы все претензии отдельных рабочих», записанное в петиции петербургских рабочих, с которой они шли к царю 9 января 1905 г., также по сравнению с зубатовским проектом заметно сужало круг полномочий рабочего представительства, оставляя за ним только функцию посредника на случай конфликтов.

В годы Первой русской революции фабрично-заводские комитеты получили широкое распространение прежде всего на крупных металлических заводах и среди печатников. Они создавались явочным порядком, раздвигая ограничительные рамки закона о старостах 1903 г. Одно только разнообразие их самоназваний — советы старост, комитеты уполномоченных, комиссии депутатов и т. п. — свидетельствует о самостоятельности творчества рабочих коллективов. Вначале отсутствовали и писаные правила, на основании которых они функционировали. На пряжекрутильной фабрике «Воронин, Лютиш и Чешер» в Петербурге избранная рабочими комиссия производила разбор жалоб рабочих, влияла на изменение внутреннего распорядка и имела голос в вопросах увольнения рабочих. На фабрике Товарищества механического производства обуви администрация учитывала мнение коллектива при приеме на службу новых рабочих. Такие принципы взаимоотношения с администрацией рабочие называли «заводской конституцией»³. Наибольших успехов в самоорганизации коллективов добились петербургские печатники. Они же впервые положили на бумагу правила взаимоотношений рабочих коллективов с хозяевами и администрациями.

В сентябре 1905 г. Совет депутатов Союза рабочих печатного дела предъявил хозяевам типографий требование признать разработанное ими «Положение о фабричных депутатах», которое предусматривало неприкосновенность выборных, их право совместно с администрацией решать вопросы о приеме и увольнении рабочих и устанавливать правила внутреннего распорядка. На депутатов возлагалась «ответственность за поддержание внутренних распорядков на фабрике и за все проступки товарищей». Обязанности депутатов конкретизировало «Руководство для депутатов в их правах и обязанностях», причем упор в нем был сделан на мерах по поддержанию дисциплины среди членов коллектива⁴. Свою рабочую конституцию печатники называли «автономией», или «автономными правилами».

¹ Морской А. Зубатовщина. Страничка из истории рабочего вопроса. М., 1913. С. 92.

² Михайлов Н. В. Совет безработных и рабочие Петербурга в 1906–1907 гг. М.; СПб., 1998. С. 92–100.

³ Там же. С. 92–102; Шустер У. А. Петербургские рабочие в 1905–1907 гг. Л., 1976. С. 246; Речь. 1906. 13 мая.

⁴ Панкратова А. М. Фабзавкомы России в борьбе за социалистическую фабрику. М., 1923. С. 113–115; Steinberg M. D. Moral Communities. The Culture of Class Relations in the Russian Printing Industry, 1867–1907. University of California Press. Berkeley; Los Angeles; Oxford, 1992. P. 208–209.

Первая в Петербурге «автономия» была установлена в марте 1906 г. печатниками типографии «Энергия» и записана в «Правилах распорядка по типографии “Энергия” и всем ее отделам»¹. Согласно этому документу, правила внутреннего распорядка на предприятии разрабатывались комиссией, состоявшей из представителей администрации и рабочих, и утверждались общим собранием коллектива. Коллектив брал на себя ответственность за соблюдение всеми рабочими правил внутреннего распорядка и устанавливал жесткие санкции за нарушение дисциплины — от штрафа в пользу безработных до увольнения. Вопросы найма и увольнения, а также наказания за проступки были отнесены к компетенции совместной комиссии. Общие собрания коллектива кроме экстренных созывались выборными два раза в месяц. Владелец мог присутствовать на них только с разрешения самого собрания. Выборные получали вознаграждение за свою работу только от рабочих, но не от хозяев.

Во многих типографиях комиссии, состоявшие первоначально из представителей администрации и рабочих, вскоре стали превращаться в чисто рабочие. Поскольку в них входили выборные, являвшиеся одновременно и уполномоченными от предприятия в Союзе рабочих печатного дела, опыт отдельных добившихся «автономии» коллективов быстро распространялся по типографским заведениям города. Благодаря этому обстоятельству борьба печатников за «автономию» приобрела организованный характер, и в течение 1906 г. «автономия» была признана хозяевами большинства крупных типографий Петербурга². Союз печатников не настаивал на строгом соблюдении индивидуального членства, допускал коллективные формы участия в работе профессиональной организации, поэтому его структура отличалась от других профессиональных союзов того времени, напоминающая организацию, которая в 1917 г. получит название отраслевого союза фабзавкомов³. В других профессиях фабрично-заводские комитеты действовали независимо от профсоюзов и конкурировали с ними в борьбе за влияние среди рабочих.

Название рабочих коллективов печатников — «автономия» — точнее, чем более общий термин — «конституция», отражало суть самого явления. Название выражало желание рабочего коллектива обособиться от хозяев и администрации и взаимодействовать с ними как *единое целое* через органы выборного представительства. Несмотря на то что администрации типографий, как правило, состояли из выходцев из рабочей среды, а хозяева типографий стремились к установлению доверительных отношений с рабочими, сами рабочие им в доверии отказывали. Союз петербургских печатников в 1905 г. был создан рабочими-вожаками, участниками кассы взаимопомощи, в руководстве которой были представлены служащие и администрация. Рабочие категорически воспротивились участию в союзе не только администрации, но даже служащих, которым пришлось создавать отдельный от рабочих профессиональный союз. Точно такая же история наблюдалась и в Москве. Одновременно появились Союз типолитографских *рабочих* и Фонд для улучшения условий труда *труженников* типолитографских заведений, причем под словом «труженники» имелись в виду служащие и управляющие⁴.

¹ История Ленинградского союза рабочих полиграфического производства. Л., 1925. С. 254–255, 273–275.

² Там же. С. 255.

³ Михайлов Н.В. Совет безработных... С. 106.

⁴ Steinberg M.D. Moral Communities... P. 183–199, 221, 223.

Аналогичная тенденция прослеживалась в 1905–1907 гг. и в кооперативных организациях страны. Потребительские общества, кассы взаимопомощи и другие легальные организации создавались при фабрично-заводских заведениях по инициативе предпринимателей и зависели от них. В ходе революции рабочие учреждали самостоятельные кооперативы и избавлялись от засилья администрации в ранее созданных. Это движение приняло широкий размах как в столицах, так и в провинции¹. Отметим, что устав зубатовского Московского общества рабочих механического производства запрещал вступать в рабочую организацию мастерам и служащим, а член общества, «сделавшийся служащим или мастером», был обязан покинуть организацию².

Руководители социалистических партий игнорировали опыт борьбы российских фабрично-заводских коллективов за «рабочую конституцию». Лишь деятели профессионального движения обратили на нее внимание и то лишь потому, что фабзавкомы 1905–1907 гг. действовали независимо от профсоюзов и составляли им сильную конкуренцию³. Противоречивый характер «рабочей конституции», ее несоответствие марксистским представлениям о месте и роли рабочих на капиталистическом предприятии впервые отметила А.М. Панкратова: «Стремясь к расширению своих прав в области установления “рабочей конституции”, желательной рабочему классу, но *не изменяя* капиталистического способа производства, фабрич[но]-заводская организация приходит к самоотрицанию и *объективно* служит в пользу капиталиста, разлагая рабочие ряды (автономные комиссии печатников)»⁴.

Отдельные требования, выдвигавшиеся рабочими в ходе борьбы за «рабочую конституцию», вызывают недоумение и у современных исследователей. В частности, С.П. Постников и М.А. Фельдман такие требования уральских рабочих времен Первой русской революции, как «учреждение смешанной комиссии из представителей от рабочих и администрации поровну для установления заработной платы» (Мотовилихинский завод), «о невозможности увольнения рабочих без разбора дела рабочим судом» (Надеждинский завод), отнесли к разряду «маловыполнимых... наивных социалистической литературой»⁵.

Борьба российских рабочих за «рабочую конституцию» в годы Первой русской революции протекала в неблагоприятных условиях. «Дни свобод» октября 1905 г. сменились наступлением правительства и предпринимателей, которые использовали против рабочих полицейскую и военную силу, прибегали к массовым расчетам и локаутам. В годы революционного подъема 1912–1914 гг. и в условиях Первой мировой войны среди так называемых *экономических* требований немалую долю занимали и такие, которые свидетельствовали о настойчивом продвижении рабочими своего идеала внутризаводской жизни, но их притязания по-прежнему встречали жесткое и организованное сопротивление. Конвенция Петроградского

¹ Балдин К.Е. Рабочее кооперативное движение во второй половине XIX — начале XX в. Иваново, 2006. С. 118–132.

² Устав Московского общества рабочих механического производства. 1901 г. // ГА РФ. Ф. 102. ДП. ОО. 1901 г. Д. 404. Л. 3 об. — 4.

³ Рукопись монографии Ф. Булкина по истории Союза металлистов. Б. д. // ГА РФ. Ф. 6860. Оп. 1. Д. 269. Л. 201–204.

⁴ Панкратова А.М. Фабзавкомы... С. 118.

⁵ Постников С. П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009. С. 296.

общества заводчиков и фабрикантов, заключенная в 1912 г., обязывала его членов бороться против любой формы участия рабочих организаций в управлении производством: «...В особенности не допускается вмешательство в прием и увольнение рабочих, в установление заработной платы и условия найма и выработку правил внутреннего порядка»¹.

В феврале 1917 г. сложилась ситуация, когда уже никто не мог помешать рабочим осуществить свои выстраданные годами упорной борьбы требования: фабрично-заводские администрации и предприниматели лишились какой-либо защиты. В Петрограде армия перешла на сторону народа, полиция разбежалась, охрану порядка взяла на себя рабочая милиция. Фабрики и заводы фактически оказались в руках рабочих, которые тут же предъявили Совету рабочих и солдатских депутатов требование немедленного введения «рабочей конституции». Руководство Совета посчитало, что притязания рабочих выходят за рамки свершившейся буржуазно-демократической революции, но у рабочих было на этот счет свое мнение. Их убежденность в возможности реализовать свои чаяния здесь и сейчас проистекала не из марксистских оценок ситуации, а из хорошо знакомого рабочим опыта артельной организации труда.

Артельный наем широко применялся в России в XIX в. не только на строительных работах и транспорте, но и в фабрично-заводском производстве, там, где отсутствовало значительное разделение труда — на кирпичных заводах, в горнозаводской промышленности. Имели место случаи, когда рабочие артели брали в аренду целые предприятия. Рабочие артели из крестьян-отходников обладали вековым опытом самоорганизации. Состояли они из земляков, крестьян одного сельского общества или уезда, и формировались на добровольных принципах. Артель сама определяла продолжительность и распорядок рабочего дня, сама распределяла заработанные артельным коллективом деньги, как правило на принципах уравнительности. Артель круговой порукой отвечала за исполнение оговоренного объема работ, сама следила за соблюдением установленного распорядка и трудовой дисциплины, коллективно решала вопросы приема новых членов и удаления провинившихся. Рядовой член артели был избавлен от необходимости общаться с нанимателем, все вопросы с администрацией решал выборный староста. Когда это позволяли условия производства, предприниматели соглашались на артельный наем, поскольку взятые на себя обязательства рабочие артели неукоснительно соблюдали².

Артельный способ найма на промышленное предприятие для рабочего-отходника всегда был предпочтительнее индивидуального, поскольку артель сохраняла привычные крестьянину нормы взаимоотношений и нравственные ценности крестьянской общины, защищала от чужого, а потому пугающего индустриального мира, избавляла от возможных унижений со стороны администрации. С усложнением производственных процессов, а также в связи с обилием среди фабрично-заводской администрации иностранцев, ориентированных на западноевропейский опыт, возможности артельного найма сокращались. Тем не менее в ограниченных масштабах его продолжали применять.

¹ Цит. по: *Мандель Д.* Петроградские рабочие в революциях 1917 г. (Февраль 1917 — июнь 1918 г.). М., 2015. С. 149.

² *Волков В.В.* Артельный наем в промышленности России в конце XIX — начале XX в. // Вопросы истории. 2014. № 6. С. 72—85.

На текстильных фабриках такой возможностью пользовались артели набойщиков, которые имели дело только с назначенным фабричной конторой артельным приказчиком, получая от него полуфабрикат и сдавая ему готовый «набитый» товар по определенной договором расценке. «Распределяя между собою товар, набойщики руководствуются не только искусством каждого в той или другой набивке, но и соображением, “чтобы никому не было обидно”, так что в результате, при одинаковом усердии, заработки их могли бы быть очень схожи между собою», — отмечал знаток фабричного быта центральной России Е.М. Дементьев¹.

На машиностроительных заводах Петербурга рабочие организовывали внутри цехов нечто вроде товарищеских артелей. Такая форма самоорганизации именовалась рабочими работой «в партии». «Работаю в партии на “штучной” работе, — вспоминал И.В. Бабушкин о своем пребывании на Семянниковском заводе, — заработок которой зависит не от отдельного лица, а от коллективных личностей, принимающих участие в этой партии»². Наборщики Государственной типографии, недовольные несправедливым распределением заказов, в 1905 г. требовали устранить «пауков-метранпажей» и «разделить всю наборную на артели»³. 1 февраля 1905 г. администрация Харьковского завода Русского паровозостроительного и механического общества в виде опыта на один год разрешила рабочим, работающим артелями или бригадами, выбирать из своей среды старшего (бригадира) и самостоятельно распределять между собой заработок⁴. Делегации уральских рабочих, встречавшиеся в 1909–1910 гг. с рядом министров и премьер-министром П.А. Столыпиным, среди других ходатайств ставили вопрос о передаче рабочим артелям закрытых предприятий⁵.

Как в 1905–1907, так и в 1917 г. фабрично-заводские организации рабочих отличались большим разнообразием в деталях, но наличие у них, несмотря на большую географическую удаленность друг от друга, общих черт позволяет утверждать, что, конструируя свою модель устройства фабрично-заводской жизни, рабочие исходили из общих, артельных принципов. Они заявляли о своих правах на вежливое обращение, свободно объединяться в коллективы и избирать депутатов, контролировать наем и увольнение, самостоятельно распределять заработную плату, устанавливать внутренний распорядок и поддерживать дисциплину.

Обособляясь от хозяев и администрации, рабочие заменяли административный контроль введением коллективной ответственности — круговой поруки. Судя по протоколам фабзавкомов, они отдавали себе отчет в том, что делали. Первое заседание завкома (общезаводского Временного исполнительного комитета) Патронного завода 7 марта 1917 г. отменило обыски на проходной, заменив их круговой порукой, введенной с согласия общезаводского собрания⁶. Аналогичное

¹ Дементьев Е.М. Фабрика, что она дает населению и что она у него берет. М., 1893. С. 155.

² [Бабушкин И. В.] Воспоминания И.В. Бабушкина. С. 27–28.

³ Большаков Г. Воспоминания. 1925 г. // ГА РФ. Ф. 6864. Оп. 1. Д. 60. Л. 12 об.

⁴ Соглашение между правлением Русского паровозостроительного и механического общества и выбранными уполномоченными рабочих завода... 1 февраля 1905 г. // Профессиональный союз. 1906. № 14–15. С. 5–6.

⁵ Постников С. П., Фельдман М.А. Социкультурный облик промышленных рабочих России... С. 298.

⁶ Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 г.: Протоколы. М., 1982. С. 193 (далее — Протоколы 1982).

решение 4 мая принял завком Адмиралтейского судостроительного завода (Галерный островок): отменив обыски, «установить строгий контроль на местах, в мастерских, за круговой, друг за друга, порукой»¹. Протоколы заседаний фабзавкомов часто оформлялись так же, как решения крестьянского схода — под ним ставили свои подписи все участники собрания. Но наряду с ними использовалась и форма, характерная для образованных кругов общества, — протоколы подписывал председатель собрания и секретарь.

Преобладание в органах фабрично-заводского представительства сознательных, как правило, партийных рабочих, знакомых с практиками политических, профсоюзных, кооперативных и других организаций, несомненно, оказывало существенное влияние как на организационную, так и на содержательную сторону деятельности фабзавкомов. Хотя «рабочая конституция» базировалась на артельных принципах, она не копировала артель слепо, а приспосабливалась к нуждам конкретного предприятия. Рабочая организации выстраивалась в соответствии с его производственными подразделениями, структура рабочего фабрично-заводского коллектива оказалась сложнее артели, имела иерархичное строение с соподчиненностью низовых звеньев общезаводскому комитету. Из членов фабзавкома формировались комиссии по направлениям работы. В цехах действовали цеховые собрания и избирались цеховые комитеты. Впоследствии эта стихийно сложившаяся форма организации была закреплена в «Проекте устава ФЗК, выработанного Центральным советом фабзавкомов Петрограда» подготовленного и опубликованного в июне 1917 г. по итогам Первой конференции фабрично-заводских комитетов Петрограда и утвержденного Второй конференцией фабзавкомов 12 августа 1917 г.²

Именно этим сознательным опытными рабочим коллективам были обязаны и высокими организаторскими способностями: умением провести выборы любой сложности — и открытым, и тайным голосованием, и создать условия для работы выборных руководящих органов. Они же, рабочие вожаки, служили связующим звеном между коллективом и внешним миром, участвовали в работе городского и районных советов, отраслевых и профессиональных организаций, санитарных комиссий, лазаретов, совещаний, съездов и конференций, которыми так богато насыщен был весь революционный 1917 г. На Балтийском заводе в Петрограде выборы депутатов и представителей по разным поводам проводились в марте не менее 3-х раз, в апреле — 7, в мае — 1, в июне и июле — по 5, в августе 4 раза. Только перечисление всех организаций и мероприятий, куда делегировались представители завода, заняло бы не одну страницу³.

Общая картина фабзавкомовского движения в 1917 г. достаточно полно описана в литературе⁴. Отмечены его самостоятельный характер, разнообразие форм,

¹ Фабрично-заводские комитеты Петрограда в 1917 г.: Протоколы. М., 1979. С. 62 (далее — Протоколы 1979).

² Рабочий контроль в промышленных предприятиях Петрограда в 1917–1918 гг.: Сб. документов. Л., 1947. С. 101.

³ Протоколы заседаний заводского комитета Балтийского завода за март–август 1917 г. // Протоколы 1979. С. 192–330.

⁴ Бакланова И.А. Рабочие Петрограда в период мирного развития революции: март–июль 1917 г. Л., 1978; Галли З. Лидеры меньшевиков в Русской революции. М., 1993; Иткин М.Л. Рабочий контроль накануне Великого Октября. М., 1984; Мандель Д. Петроградские рабочие

высокая организованность, «его поступательное развитие (как и всякого нового явления) от простого к сложному»¹. «Выражая волю рабочих масс, фабзавкомы положили начало рабочему контролю в петроградской промышленности. И если первыми шагами в этом направлении, как правило, стало установление контроля за теми или иными действиями администрации и оплатой труда, то позднее контроль охватил многие вопросы управления производством, приема и увольнения рабочих и др.»² Реальная картина, действительно, выглядела сложной и противоречивой. Следует заметить, что принципы «рабочей конституции» рабочие коллективы заявляли сразу, одним пакетом, но далеко не везде они могли быть реализованы немедленно. На некоторых предприятиях борьба за их осуществление растягивалась на месяцы, на иных вовсе не достигала результата.

Наибольших успехов добивались коллективы крупных предприятий. Среди мелких и средних процесс фабзавкомовского строительства активизировался лишь после Октября 1917 г.³ Фабзавкомы возникали прежде всего на тех производствах, где больше было высококвалифицированных рабочих — среди металлистов и печатников. 24 марта 1917 г. в обзоре Министерства промышленности и торговли о положении дел на предприятиях Петрограда отмечалось: «Наблюдается, что влияние комитетов и значение их тем больше, чем сознательнее рабочие. Поэтому авторитет их довольно значителен, например, на металлообрабатывающих заводах и, наоборот, весьма ничтожен в таких промышленных заведениях, где большинство рабочих сравнительно малокультурны»⁴.

Имели значение и внешние факторы. Там, где Советы брали на себя руководство фабзавкомовским движением, рабочие организации возникали не только на крупных, но и на мелких предприятиях. В Саратове, где местный Совет рабочих и солдатских депутатов на своем первом заседании в марте 1917 г. принял решение о создании фабрично-заводских комитетов, за два месяца такие комитеты были избраны повсюду, включая самые малые предприятия⁵. Там, где фабзавкомы не находили общего языка с руководителями Советов, как это случилось в Петрограде,

в революциях 1917 г. (Февраль 1917 — июнь 1918 г.). М., 2015; Питерские рабочие и Великий Октябрь. Л., 1987; *Селицкий В.И.* Массы в борьбе за рабочий контроль (март—июль 1917 г.); *Соболев Г.Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Л., 1973; *Степанов З.В.* Фабзавкомы Петрограда в 1917 г. Л., 1985; *Черняев В.Ю.* Рабочий контроль и альтернативы его развития в 1917 г. // Рабочие и российское общество. Вторая половина XIX — начало XX в.: Сб. статей и материалов, посвященный памяти О.Н. Знаменского. СПб., 1994. С. 164—177; *Чураков Д.О.* Фабзавкомы в борьбе за производственную демократию. Рабочее самоуправление в России. 1917—1918 гг. М., 2005; *Koenker D.* Moscow Workers and the 1917 Revolution. Princeton, 1981; *Melanson M.* «Into the Hands of the Factory Committees»: The Petrograd Factory Committee Movement and Discourses, February to June 1917 // *New Labor History. Worker Identity and Experience in Russia, 1840—1918* / Ed. by M. Melanson. Blumington, Indiana, 2002; *Rosenberg W.* Strikes and Revolution in Russia. Princeton, 1989; *Smith S.A.* Red Petrograd: Revolution in the Factories, 1917—1918. Cambridge, 1983.

¹ *Волбуев П.В.* Ленинская идея рабочего контроля и движение за рабочий контроль в марте—октябре 1917 г. // Вопросы истории КПСС. 1962. № 6. С. 50.

² Питерские рабочие и Великий Октябрь. С. 113.

³ *Чураков Д.О.* Русская революция и рабочее самоуправление. 1917. М., 1998. С. 121, 129.

⁴ Цит. по: *Соболев Г.Л.* Революционное сознание... С. 65.

⁵ *Рейли Д. Дж.* Политические судьбы российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов, 1998. С. 98.

рабочие создавали свои координирующие органы — отраслевые и городские Советы фабзавкомов.

Нормы «рабочей конституции» успешно вводились прежде всего на крупных казенных предприятиях, на которых существовала традиция фабрично-заводского представительства. Многие из них добивались полного рабочего самоуправления. Количество таких предприятий, по подсчетам М.Л. Иткина, в целом по стране доходило до 4,3 %, но в отдельных регионах значительно превышало эту цифру. Так, на Урале к рабочему самоуправлению перешло 13,1 % фабрик и заводов. Здесь, несомненно, сказалось особое положение фабрично-заводского населения, которое пользовалось правами крестьянского самоуправления. В аналогичном положении находились рабочие Сестрорецкого оружейного завода, они, также не задумываясь, сразу установили на заводе полное самоуправление. Весьма значительным было и количество предприятий (42,3 %), на которых было проведено в жизнь основное требование «рабочей конституции» — контроль над внутренним распорядком и личным составом предприятий¹.

Исследователи фабзавкомовского движения отмечали, что на многих предприятиях рабочие сознательно отказывались от полного рабочего самоуправления. Известны случаи, когда в Петрограде из-за бегства администрации заводов артиллерийского ведомства рабочие вынужденно брали на себя управление предприятиями, а затем передавали их обратно новой администрации. Однако такое поведение рабочих вовсе не означало, что они отрекались от «рабочей конституции». Так, коллектив завода «Арсенал Петра Великого» с самого начала отверг полное самоуправление. Тем не менее при завкоме в мае 1917 г. функционировали хозяйственная, техническая и административная секции. В ведение последней входили «расценка, прием и увольнение мастеровых и рабочих»². На Патронном заводе рабочие, возобновив работу после февральских событий, вынужденно взяли управление предприятием в свои руки, но 31 марта передали функции управления новой администрации. Тем не менее в каждой мастерской в апреле 1917 г. действовали рабочие комиссии внутреннего распорядка, которые в том числе занимались и выработкой новых расценок³.

Независимо от того, насколько глубоко на предприятиях проводились принципы рабочего самоуправления, рабочие повсеместно проявляли неподдельный интерес к вопросам производства. Даже там, где о полном самоуправлении речи не было, фабзавкомы создавали производственные и технические комиссии, подключались к решению встававших перед предприятием проблем, таких как обеспечение сырьем. Там же, где самоуправление вводилось, коллективы принимались за дело с энтузиазмом и воодушевлением. На Сестрорецком оружейном заводе завком заседал ежедневно, т. е. в режиме заводоуправления и принимал к рассмотрению любые вопросы, касающиеся как производственной, так и социально-политических сторон жизни предприятия.

На Металлическом заводе в марте—июне 1917 г. заседания завкома проходили два раза, а общие собрания — один-два раза в неделю, и ни один сколь-нибудь

¹ Иткин М.Л. Рабочий контроль... С. 115.

² Протокол заседания заводского комитета завода «Арсенал Петра Великого» от 10 мая 1917 г. // Протоколы 1982. С. 81–82.

³ Протокол совместного заседания заводского комитета и администрации Патронного завода от 19 апреля 1917 г. // Там же. С. 207.

серьезный вопрос в жизни предприятия не мог быть решен без участия всего коллектива¹. Завком Нового Адмиралтейства, судя по делопроизводственным номерам протоколов, с начала марта по 25 октября 1917 г. собирался в среднем два-три раза в неделю, завком Галерного островка — трижды в неделю. Завком Охтинского снарядного цеха (бывш. завод «Крейтон» в составе Адмиралтейского завода) — по три-четыре заседания в неделю². Если добавить к этому многочисленные заседания цеховых комитетов, то перед нами предстанет напряженная социальная жизнь предприятия, в которую были вовлечены сотни рабочих активистов.

Весьма примечателен тот факт, что протоколы заседаний фабзавкомов лишь в виде исключения содержат записи обсуждения каких-либо явно политических вопросов. Среди них — предоставление помещений комитетам политических партий, разрешение на проведение партийных собраний, отчисление денег рабочим и политическим организациям, а также редакциям газет. Политика преобладала на митингах и общезаводских собраниях, а основное внимание завкомов было поглощено вопросами взаимоотношений рабочих и администрации, проблемами производства, производительности труда, дисциплины. Такая отстраненность от злободневных политических вопросов свидетельствует о том, что именно внутризаводские проблемы представляли для рабочих активистов основной интерес, именно они были для них главными, политическими.

Действия рабочих и их вожakov порой оставляют впечатление полной отстраненности от внимания к вопросам собственности. Основная так называемая серая масса рабочих была, несомненно, уверена, что собственность фабрикантов и заводчиков нажита нечестным путем, все их богатства созданы руками рабочих, а потому промышленные предприятия должны принадлежать тем, кто на них работает.

Прекрасно знакомый с фабричной средой Центрально-промышленного района фабричный инспектор Костромской губернии А.К. Клепиков был поражен наличием в сознании рабочих оригинальных представлений об устройстве фабричной жизни: «Рабочие думали, что фабрикант не имеет права закрывать свою фабрику; что, если он плохо ведет свое дело, фабрика его отбирается в казну; что фабрикант обязан принимать на работу всё окрестное население; что если капиталист накопит много денег, то правительство заставит его строить фабрику... Словом, рабочие в этих вопросах оказались настоящими детьми и совершенно бессознательно исповедующими государственный социализм. Что это действительно является результатом их собственного мышления, а не есть плод сторонней агитации, — подчеркивает Клепиков, — видно из того, что подобные взгляды высказывались отдельными рабочими и раньше, задолго до всяких забастовок, высказывались рабочими самого консервативного образа мыслей»³.

Принадлежность рабочего к обособившемуся от администрации коллективу, принимаемая и разделяемая им коллективная ответственность, ощущение себя частью *единого целого* давали ему чувство сопричастности к общезаводским делам, пробуждали у него интерес не только к собственному участку работы, но и к результатам общезаводского производства. На ряде предприятий, невзирая на форму собственности, энтузиазм рабочих доходил до того, что они выдвигали проекты механизации ручного труда и серьезной технической реконструкции, направленной

¹ Черняев В.Ю. Рабочий контроль... С. 166–167.

² Протоколы 1979. С. 29, 31.

³ Гвоздев С. Записки фабричного инспектора (1894–1908). М., 1911. С. 189.

на повышение эффективности производства. 1 мая 1917 г. цеховой комитет чугунолитейной мастерской Путиловского завода принял предложения по совершенствованию производства из 21 пункта. В них наряду с мерами по улучшению условий труда и быта предусматривалось расширение мастерской, замена ручных кранов электрическими кранами «новейшего типа», оборудование «технически усовершенствованной землечерпалки», прокладка рельсового пути и использование «усовершенствованных вагонеток» вместо ручных тачек¹. Рабочих ничуть не смущало, что Путиловский завод принадлежал акционерному обществу, хотя и секвестрированному на время войны.

Если обычная рабочая артель могла существовать в рамках частного предприятия и не претендовала на частную собственность, то и «автономный коллектив», с точки зрения рабочего, точно так же мог сосуществовать с предпринимателем. Сознательные рабочие также разделяли эту точку зрения, утверждая, что обобществление производства — дело будущего. Выражаясь уже вполне марксистским языком, заводской комитет Путиловского завода в обращении к рабочим по поводу организации цеховых комитетов 24 апреля 1917 г. так определил цели рабочего контроля: «Приучаясь к самоуправлению в отдельных предприятиях, рабочие готовятся к тому времени, когда частная собственность на фабрики и заводы будет уничтожена и орудия производства вместе с зданиями, воздвигнутыми руками рабочих, перейдут в руки рабочего класса»².

Фабзавкомовское движение, по мнению многих исследователей, имело много положительных черт. Фабзавкомы вводили митинговую активность в русло организованной борьбы, способствовали водворению элементарного порядка на предприятиях после февральских событий, способствовали укреплению дисциплины, участвовали в решении многих производственных проблем, вызванных разрухой на транспорте и общим ухудшением экономической ситуации. Вмешательство рабочих в управление производством в Петрограде в целом не имело отрицательных последствий, падение производительности труда и сокращение производства происходили по другим причинам, от рабочих не зависящим³.

Тем не менее необходимо отметить, что организация фабрично-заводского коллектива на принципах «рабочей конституции» носила противоречивый характер. Обособление, «автономное» существование рабочего коллектива плохо сочеталось со сложной структурой современного индустриального предприятия с глубоким разделением труда. Если по отношению к заводу управлению коллектив действительно мог обособиться, взаимодействовать с ним как *единое целое*, то среднее административное звено неизбежно оказывалось внутри этого целого и попадало в полную зависимость от рабочих, которыми должно было управлять. «На некоторых единичных заводах, где мастера, прежде чем исполнить какое-либо распоряжение заводоуправления, справлялись у рабочего коллектива, не встретится ли с его стороны препятствий к осуществлению данного распоряжения»⁴.

В отличие от артели, где производственная дисциплина исполнялась неукоснительно, в рабочих коллективах принцип коллективной ответственности — круго-

¹ Рабочий контроль в промышленных предприятиях Петрограда... С. 67–69.

² Протоколы 1917. С. 439.

³ *Соболев Г.Л.* Революционное сознание... С. 79–81.

⁴ Там же. С. 72–73.

вой поруки, заменявший административный контроль, действовал не столь эффективно. Негативные тенденции, связанные с нарушением правил внутреннего распорядка, нарастали, и фабзавкомам приходилось не только возвращаться к дисциплинарным мерам воздействия, против которых они ранее боролись, но и вводить еще более жесткие меры наказания. Непопулярные меры, к которым вынуждены были прибегать фабзавкомы, приводили к конфликтам между рабочей массой и жокаками. «От репрессий со стороны рабочих страдают и представители рабочих, выборные», — звучало на заседании завкома Путиловского завода 13 сентября¹. «Приходится защищать администрацию», — отмечал председатель завкома Путиловского завода А.Е. Васильев 26 сентября 1917 г.² 20 июня заявил о сложении полномочий председатель рабочего заводского комитета Адмиралтейского судостроительного завода на Галерном острове И. Давыдов «ввиду нападков мастеровых»³.

В августе 1917 г. в полном составе подал в отставку завком столичного Арсенала, и его члены все без исключения отказались баллотироваться на выборах нового состава. «Если бы на общем собрании не обливали бы весь заводской комитет помоями», то не пришлось бы уходить, — объяснял один из членов завкома⁴. 28 июля вызванные в завком работницы снаряжательной мастерской Патронного завода, позволившие себе «бросить порученное дело», вели себя агрессивно и выкрикивали угрозы в адрес членов завкома: «Мы уже комиссию внутреннего распорядка взяли за горло, а скоро возьмемся и за вас!»⁵

На объединенном заседании рабочих заводских комитетов Адмиралтейского судостроительного завода на Галерном острове, Нового Адмиралтейства и Охтинского снаряжательного цеха 9 августа, посвященном проблеме падения производительности труда, начальник завода В.И. Неврежин расписался в своей полной беспомощности: «Признавая необходимым учредить контроль над менее сознательными товарищами, я, как начальник завода, не могу этого сделать. Не может этого сделать и рабочий заводской комитет, ибо на него могут посыпаться упреки. Для этого самое лучшее привлечь самих товарищей»⁶. Вероятно, начальник завода возлагал свои последние надежды на цеховые коллективы, еще способные оказать воздействие на своих членов, не подставляя под удар завком и администрацию.

Проявлялись и другие негативные тенденции, связанные с недоверием и подозрительным отношением основной массы рабочих к администрации и служащим, с недооценкой умственного труда, с преобладанием уравнилельных настроений в оплате. Это вызывало настороженное отношение к рабочему творчеству не только у меньшевиков и эсеров, но и у некоторых представителей большевистского течения. Когда члены завкома Путиловского завода осенью 1917 г. «по вопросу контроля обращались к т. т. Базарову (Руднев В.А.) и Д.Б. Рязанову», то получили

¹ Протокол объединенного заседания заводского комитета Путиловского завода и представителей районного Совета рабочих и солдатских депутатов от 13 сентября 1917 г. // Протоколы 1979. С. 478–479.

² Протокол заседания завкома Путиловского завода от 26 сентября 1917 г. // Там же. С. 486.

³ Протоколы заседаний рабочего заводского комитета Галерного островка от 20 июня и 20 сентября 1917 г. // Там же. С. 73, 92.

⁴ Протокол совместного заседания заводского комитета Арсенала Петра Великого с председателями местных комитетов. Не позднее 13 августа 1917 г. // Протоколы 1982. С. 120.

⁵ Там же. С. 235.

⁶ Протоколы 1979. С. 172.

от большевистских руководителей весьма сдержанный и осторожный ответ: «Ничего посоветовать не могут. Вопрос этот новый...»¹

Многие исследователи отмечали, что переход к рабочему самоуправлению чаще всего носил вынужденный характер, был реакцией коллективов на скрытый саботаж предпринимателей и сопровождался национализацией или секвестром предприятий. В то же время в рабочей среде весной—летом 1917 г. идея немедленной экспроприации фабрик и заводов пользовалась популярностью, а рабочий контроль воспринимался как обобществление. «Когда бросаются лозунги, — говорил в июле 1917 г. профсоюзный деятель меньшевик-интернационалист И.С. Астров (Повес), — надо учитывать последствия от восприятия лозунгов массами. А воспринимаются они так: меньшевики-интернационалисты пишут — “контроль над производством”, а масса понимает — “социализация производства”»². Точно такое же понимание рабочего контроля было и у руководителей крупных казенных предприятий. Начальник Обуховского завода В.В. Чорбо рассматривал деятельность фабзавкомов как «введение артельного начала на чужом капитале, введение социализма в капиталистическом строе»³.

Руководители Петроградского Совета не без основания полагали, что требование «рабочей конституции» не будет принято предпринимателями и приведет не к примирению рабочих и их хозяев, а к дальнейшему обострению классовой борьбы. Хотя в отличие от 1905 г. предприниматели не имели возможности прибегнуть к массовым расчетам рабочих, их скрытое сопротивление рабочему контролю нарастало. Выведение из сферы компетенции администрации кадровых решений и административного контроля над внутренним распорядком воспринималось предпринимателями как покушение на права собственника. «Введение же рабочего контроля, — отмечалось в одной из статей журнала горнопромышленников Юга России “Горнозаводское дело”, — означает не только сужение сферы деятельности предпринимателя, оно является принципиальной брешью во всей системе капиталистических отношений. Ибо если рабочие могут контролировать и направлять деятельность предприятия, то непонятно, зачем вообще нужен предприниматель... Если бы рабочие оказались в состоянии контролировать производство, то предприниматель оказался бы излишним»⁴.

Сразу после Февральской революции рабочим удалось добиться серьезных уступок в их стремлении к «рабочей конституции». Повсеместно и с большим размахом происходило очищение предприятий от нежелательных представителей администрации. Заключенное 10 марта 1917 г. соглашение Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов с Петроградским обществом заводчиков и фабрикантов открыло дорогу к введению 8-часового рабочего дня и легализации фабрично-заводских комитетов. Постановление Временного правительства «О рабочих комитетах в промышленных заведениях» 23 апреля легализовало рабочее представительство в казенной и частной промышленности во всероссийском

¹ Протоколы 1979. С. 494.

² Отчет о совместном заседании ЦБ профессиональных союзов с членами правлений профессиональных союзов Петрограда 6 июля 1917 г. в Таврическом дворце // Петроградский совет профессиональных союзов в 1917 г.: Протоколы и материалы. СПб., 1997. С. 136.

³ Цит. по: В.Ю. Черняев. Рабочий контроль... С. 171.

⁴ Горнозаводское дело. Харьков, 1917. С. 16328.

масштабе¹. При решении рабочего вопроса правительство делало ставку на принцип взаимной договоренности сторон — предпринимателей (администрации) и рабочих. Конфликтные ситуации предполагалось рассматривать в примирительных камерах, в качестве посредников в ходе конфликтов могли выступать профсоюзы и союзы предпринимателей.

Руководители фабзавкомовского движения в Петрограде придерживались иного мнения: «Все постановления фабрично-заводского комитета являются обязательными как для рабочих и служащих, так и для администрации и управления завода, — впредь до отмены этих постановлений самим комитетом, общим собранием или Центральным советом фабрично-заводских комитетов»². Это положение содержал «Проект устава фабрично-заводского комитета...», подготовленный и опубликованный в июне 1917 г. Центральным советом фабзавкомов Петрограда по итогам Первой конференции фабрично-заводских комитетов Петрограда.

Разница в подходах к рабочему вопросу Временного правительства и руководителей фабзавкомовского движения была существенной. Конференция фабзавкомов ставила хозяев и администрацию в подчиненное положение по отношению к рабочим комитетам, нацеливая рабочих на решение всех конфликтов с позиций силы. Такой подход вполне соответствовал представлениям рабочих о том, как нужно договариваться с предпринимателями. Фабком Куваевской мануфактуры г. Иваново-Вознесенска 20 июня 1917 г. заявил о своем несогласии с инструкцией о выборах в примирительную камеру: «Мы требуем, чтобы со стороны предпринимателей представители были не по назначению предпринимателя, а избирались равным, прямым и тайным избирательным голосованием из среды всех служащих... и требуем, чтобы число представителей в примирительную камеру избиралось пропорционально количеству их избирателей, как со стороны рабочих, так и со стороны предпринимателей»³. Такой подход начисто лишал смысла сам институт примирительной камеры и свидетельствовал о желании рабочих диктовать свои условия предпринимателю.

2 июня 1917 г. Петроградский совет общества заводчиков и фабрикантов принял постановление, в котором предписал своим членам «не принимать более никаких требований от рабочих и предлагать им обращаться с таковыми в профессиональные союзы по принадлежности»⁴. Попытки установления «рабочей конституции» встретили особенно сильное сопротивление в провинции. Общество фабрикантов и заводчиков Иваново-Вознесенского района пошло на уступки по вопросу установления 8-часового рабочего дня, повышения заработной платы, терпело существование фабрично-заводских комитетов, но решительно отклоняло все претензии рабочих на вмешательство в административные дела. Фабком Куваевской мануфактуры г. Иваново-Вознесенска ставил перед администрацией вопрос о передаче ему прав на наем и увольнение рабочих и служащих 2 июня, 1 августа 1917 г. и наконец 10 августа постановил: если очередной ответ «будет не удовлетворителен,

¹ *Соболев Г.Л.* Революционное сознание... С. 63–64; *Блинов А.С.* Центральный совет фабзавкомов Петрограда. 1917–1918 гг. М., 1982. С. 33.

² Рабочий контроль в промышленных предприятиях Петрограда... С. 102–103.

³ Рабочий контроль и национализация крупной промышленности в Иваново-Вознесенской губернии // Материалы по истории СССР. М., 1956. Т. 3. С. 37.

⁴ Письмо Совета Выборгского отделения Общества заводчиков и фабрикантов членам общества от 16 июня 1917 г. // Рабочий контроль в промышленности Петрограда... С. 109.

то наем и увольнение производить явочным порядком»¹. На конференции фабзавкомов г. Твери (12–14 октября 1917 г.) отмечалось, что фабзавкомы фабрики Морозова и электрической станции так и не смогли добиться у администрации права контроля над наймом и увольнением².

Как и в 1905 г., рабочие и предприниматели не смогли найти общего языка по вопросу организации внутризаводской жизни. Их позиции оказались непримиримы, они исходили из различного понимания фундаментальных основ существующего строя. Тот способ создания справедливых условий фабрично-заводской жизни, который предлагали рабочие, оказался категорически неприемлем для предпринимателей. На протяжении десятилетий борьба рабочих за изменение отношений на фабриках и заводах служила мощным фактором протестного движения, выдвигавшего на первый план борьбу с предпринимателем и служившего источником максималистских настроений. По словам одного из сторонников Партии эсеров-максималистов, максимализм появился «не из рядов интеллигенции, а был **выперт** из рабочей среды»³. В 1905–1907 гг. под влиянием рабочих к максималистским настроениям склонялись не только Ленин, Парвус и Троцкий, но и некоторые меньшевики.

В 1917 г. максималистские устремления питались из того же источника, но в отличие от 1905 г. рабочие оказались организованы гораздо лучше их политических противников. Рабочие организации строились не из песчинок-индивидуумов, а из сплоченных, проникнутых духом коллективизма блоков-коллективов, связь между которыми осуществляли политизированные радикально настроенные сознательные рабочие.

Переход Временного правительства к наступлению на права рабочих, завоеванные в первые месяцы революции, скобелевские указы 23 и 28 августа 1917 г., совпавшие по времени с корниловским мятежом, и направленные против основ «рабочей конституции», вызвали мощное движение протеста, привели к большевизации фабзавкомов и советов, а в конечном итоге стали одним из главных факторов, приведших к власти большевиков и левых эсеров.

Ленинский лозунг рабочего контроля был очень широким понятием, за которым скрывались самые разнообразные формы рабочей организации. «Рабочая конституция» представлялась рабочим оригинальным способом организации индустриального производства, основанным на артельных принципах, где административный контроль заменялся коллективной ответственностью рабочего коллектива. Взаимодействие с администрацией осуществлялось не индивидуально, а коллективно — через выборный орган рабочего представительства. Администрация лишалась права осуществлять наем, увольнение и перемещение рабочих внутри предприятия, а также назначения руководителей низшего и среднего звена. Коллектив претендовал на участие в выработке правил внутреннего распорядка и расписок, а также проявлял заинтересованность в результатах производственной деятельности предприятия. Даже в самых ограниченных формах, далеких от рабо-

¹ Протоколы заседаний фабкома Большой Иваново-Вознесенской мануфактуры (Куваевской) от 2 июня, 1 и 10 августа 1917 г. // ГАИО. Ф. Р-703. Оп. 1. Д. 1. Л. 21; Д. 1а. Л. 3, 7 об.

² Копия протокола Конференции фабрично-заводских комитетов г. Твери (12–14 октября 1917 г.) // ТЦДНИ. Ф. 114. Оп. 1. Д. 83. Л. 4, 5.

³ Павлов Д.Б. Эсеры-максималисты в Первой российской революции. М., 1989. С. 213.

чего самоуправления, новый порядок организации внутренней жизни индустриального предприятия, предполагавшийся «рабочей конституцией», входил в непримиримое противоречие с интересами собственников.

Для Ленина и большевиков лозунг рабочего контроля имел две стороны: теоретическую и практическую. В теоретическом плане рабочий контроль занимал важное место в концепции социалистической революции и построения основ социалистического общества, сформулированных Лениным в августе–сентябре 1917 г. в работе «Государство и революция»: «Учет и контроль — вот главное, что требуется для “налажения”, для правильного функционирования *первой фазы* коммунистического общества». Причем контроль и учет, по убеждению Ленина, «упрошен капитализмом до чрезвычайности, до необыкновенно простых, всякому грамотному человеку доступных операций наблюдения и записи, знания четырех действий арифметики и выдачи соответственных расписок»¹. Эта ленинская мысль о простоте управления удивительным образом перекликалась с уверенностью рабочих в возможности самостоятельно наладить управление своим заводом или фабрикой.

Поскольку до овладения рабочими властью централизованный государственный контроль не мог быть осуществлен, лозунг рабочего контроля в практическом плане сводился к контролю на местах и означал поощрение фабзавкомовского движения, которое в представлении рабочих далеко выходило за рамки теоретических построений вождя, ставило целью как минимум установление «рабочей конституции», что на языке рабочих означало, даже без введения полного рабочего самоуправления, такое серьезное вмешательство в управление производством, на которое не мог согласиться предприниматель.

Ленин и его соратники были чистыми западниками. Вероятно, они понимали, что в фабзавкомовском движении немалый вес имели архаичные, доиндустриальные представления и практики традиционного общества. Ленин писал в работе «Государство и революция»: «Переход от капитализма к социализму *невозможен* без известного “возврата” к “примитивному” демократизму»². На этих неудобных для марксистов вопросах большевики как в 1905, так и в 1917 г. внимание не акцентировали, но использовали в своих политических целях огромную протестную энергию и максималистские настроения, которые генерировали фабрично-заводские коллективы в борьбе за «рабочую конституцию».

Большевизм облекал эти настроения в теоретические формулы и политические лозунги, успешно эксплуатировал их ради достижения собственных политических целей, игнорируя архаичные представления и воздерживаясь от критики экзотических черт рабочего творчества. Еще Стив Смит отметил, что Ленин в сочинениях с февраля по октябрь 1917 г. лишь однажды в мае на I Петроградской конференции фабзавкомов мимоходом упомянул фабзавкомы в связи с их ролью в проведении в жизнь лозунга рабочего контроля³.

Для Ленина и других большевистских вождей рабочий контроль — шаг на пути обобществления производства и овладения рабочими навыками управления государством и экономикой. Для рабочих — оригинальный, отличный от классических

¹ Ленин В.И. Государство и революция. Учение марксизма о государстве и задачи пролетариата в революции. (Август–сентябрь 1917 г.) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 33. С. 101.

² Там же. С. 43.

³ Смит С. Фабрично-заводские комитеты // Критический словарь Русской революции: 1914–1921 / Сост.: Э. Актон, У. Розенберг, В. Черняев. СПб., 2014. С. 445.

западных образцов способ участия в организации индустриального производства. Был ли это рабочий контроль в форме ограниченного вмешательства в управление, было ли это полное самоуправление — в любом случае представления рабочих отличались от западной модели управления предприятием. Для Ленина и большевиков распространение рабочего контроля с общегосударственного на фабрично-заводской уровень и поощрение фабзавкомовского движения было тактическим маневром, позволившим использовать энергию рабочих коллективов в своих политических целях. Рабочие искали ту политическую силу, которая позволила бы реализовать их давнишнюю мечту — перестроить фабрично-заводскую жизнь на иных, более справедливых, по их представлениям, основаниях. И они нашли ее в лице большевиков и левых эсеров. Хотя партийные лидеры и рабочие изъяснялись на разных диалектах политического языка и вкладывали в одни и те же понятия отличающиеся смыслы, их интересы совпали.

Павел Геннадьевич Rogozный

**ДУХОВЕНСТВО ПРОТИВ ЦЕРКВИ в 1917–1918 гг.
(«ЦЕРКОВНЫЙ БОЛЬШЕВИЗМ» и ЦЕРКОВНЫЕ БОЛЬШЕВИКИ)**

6 мая 1917 г. в газете «Утро России» была опубликована статья, в которой рассказывалось о бунте монахов московского Данилова монастыря против церковных властей¹.

В начале марта, после получения известий об отречении императора, к настоятелю монастыря архимандриту Иоакиму пришли «уполномоченные всей братией» иеромонах казначей Иоанн и делопроизводитель Смирнов и потребовали от него, «по примеру других монастырей», официально огласить текст манифеста об отречении. Однако Иоаким, по словам газетной статьи, отказался это делать, заявив, что «эти манифесты выдумка», и распорядился уволить Смирнова, а сам спешно покинул монастырь.

Монастырская братия устроила митинг, где обсуждался только один вопрос — о настоятеле архимандрите Иоакиме, которого записали в ставленники Саблера и Распутина, в силу чего «он и не может быть предан новому строю». Почти ежедневно монахи стали устраивать подобные митинги. По приглашению братии участие в них стали принимать рабочие соседних фабрик и солдаты расположенного поблизости полка. Теперь обсуждались уже и общеполитические проблемы.

С первых дней революции, писалось в статье, монахи стали вести распутный образ жизни. «Играют в карты, приводят в монастырский корпус женщин, пьют ханжу, ругаются и дерутся». Иеромонах Софроний, «руководитель всех бунтующих монахов», достал приспособления для перегонки денатурированного спирта и целыми днями пьяный валялся у ворот монастыря. Иеромонах Сергей, регент хора, приводил в келью певчих и также распивал с ними спиртные напитки. Монах Антоний, по сообщению газеты, «человек явно германского происхождения, целыми днями расхаживает с фотографическим аппаратом и снимает какие-то виды». Иеродьякон Серафим открыл у себя фабрику ханжи и спаивает ею всех монахов. Иеромонахи Феодосий и Иасон вымазали нечистотами дверь благочинного иеромонаха Амвросия, который встал на защиту настоятеля монастыря. Певчий Токарев в присутствии Виленского архимандрита Тихона с ножом в руках грозил убить настоятеля. Чтобы обуздать певчего, потребовалась помощь милиции, которая его арестовала.

Сотрудник «Утра России» побывал в монастыре и поделился своим впечатлением от увиденного. По его словам, «повсюду в кельях валяются окурки, на столах

¹ Бунт монахов // Утро России. 1917. 6 мая.

бутылки с вином и ханжой». Взять интервью у «руководителя восстания» корреспондент не смог: иеродиакон Софроний оказался пьяным, и его, как утверждал монастырский сторож, «до сих пор еще не могут вытрезвить». Сами монахи сидят в кельях, курят папиросы и ругаются. В монастырской церкви происходит богослужение, но монахов на нем нет. Управляющий московской епархией епископ Иоасав заявил корреспонденту газеты, что ему известно о положении в Даниловом монастыре. «Нет слов выразить возмущение по этому поводу... Я назначил ревизию... архимандрит Иоаким не на своем месте. Хорошо, что его уволили. Придется разогнать и монахов»¹.

Весть о событиях в Даниловом монастыре дошла до Синода раньше газетной статьи. Еще 1 мая Святейший Синод Российской Православной Церкви принял постановление о ревизии Московского Данилова монастыря в связи с возникшими в нем «нестроениями»². Настоятелем монастыря был назначен только что уволенный за «деспотизм» ректор Московской духовной академии епископ Феодор (Поздневский). Высший церковный орган также постановил послать в монастырь для выяснения обстановки члена Синода московского протопресвитера Николая Любимова. Направило в монастырь своих представителей и местное епархиальное начальство.

Любимов прочитал газетную статью, находясь в поезде, везшем его из Петрограда в Москву, и, прибыв в монастырь, признал газетное сообщение за «вполне соответствующие действительности». Протопресвитер сообщал обер-прокурору, что назначение и приезд в монастырь епископа Феодора «не внесет мира в среду бунтующих монахов, но вызовет по отношению к нему такие эксцессы, какие... имели место и по отношению к архимандриту Иоакиму, вплоть до поножовщины». Любимов сообщал также, что, по его мнению (к которому присоединился и управляющий епархией епископ Иоасав), «сам Феодор будет рад, если Синод... отменит свое постановление о его назначении в Данилов монастырь, ибо этот последний доведен до такой степени разрухи, что быть настоятелем этого монастыря равносильно каторге»³.

Бунт монахов Данилова монастыря благодаря публикациям ряда газет стал широко известен, он знаменовал открытое и вызывающее неповиновение церковным властям, приобретавшее после революции массовый характер.

Участие в революционной борьбе священно- и церковнослужителей имело место ранее: немало крестьянских отрядов, в годы Первой революции уничтожавших и грабивших помещичьи усадьбы, возглавляли священники. Священника лишали сана, если он вступал в партию эсеров, а за участие в волнениях отправляли на пожизненную каторгу.

После Февральской революции этих священнослужителей провозглашали мучениками за веру и правду, священнику могли вернуть по желанию сан, а если он заканчивал свое существование в местах не столь отдаленных, то в его честь могли учредить особую стипендию для отличившихся семинаристов. И такие случаи не были исключением, хотя, конечно, не являлись и правилом.

Вместе с тем говорить о революционности духовенства в годы Первой русской революции нельзя: большинство священно- и церковнослужителей оставались

¹ О нестроениях в Московском Даниловом монастыре и о назначении его ревизии // РГИА. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 85. Л. 5.

² Там же. Л. 1.

³ Там же. Л. 4 об.

по своим взглядам правыми, многие разделяли идеи «Союза Русского народа», однако в числе среднего духовенства и даже среди епископата Российской Церкви были люди, у которых черносотенная идеология вызывала резкое отторжение¹.

Ненависть к церковному начальству, светским властям и помещикам сыграла большую роль в радикализации сознания части священно- и церковнослужителей. Два из шести священников, прошедших в 1906 г. в Первую Государственную Думу, подписали Выборгское воззвание, по сути призывавшее к неповиновению властям. Во Вторую Думу прошло уже 13 представителей духовенства, но их поведение быстро шокировало не только государственные, но и церковные власти, которые уж должны были знать о настроении духовенства. Большая часть из числа священнослужителей примкнула к кадетам и трудовикам, а священник Бриллиантов открыто заявил, что принадлежит к партии эсеров, запрещенной и считавшейся (не без оснований) террористической организацией².

Священник Федор Тихвинский, отказавшийся перейти из стана трудовиков в более правую фракцию «не левее октябристов», писал митрополиту Антонию (Вадковскому), что он с детства жил среди бедного крестьянского населения и это оказало на него влияние: «...чуждая душа простого русского крестьянина для меня была открытой книгой. В этой книге я видел и читал всю безысходную печаль народную, всё горе его, нужду и несправие... Всё, что я мог сделать для народа, я делал: молился с ним, плакал и утешал его надеждою, что его Бог видит его скорби. Настало чудное 17 октября 1905 года... Братство, равенство, свобода, уважение человеческой личности, его совести, его прав переливалось и сияло радужными красками надежды... Я стал горячим проводником в народ идей царского манифеста. Я, бывший реакционер и узкий консерватор, под впечатлением народного горя и горькой его нужды... стал на сторону народных интересов и правового строя в государстве... Переменить своих убеждений я не могу, и как я встану в ряды той партии, которая борется с идеями высочайшего манифеста? Правовой строй государства с высоко стоящим в нем конституционным монархом во главе я буду стремиться посылно осуществлять, интересы народа буду отстаивать, борьбу признаю нужной (иначе будет у нас не жизнь, а болото), но путь борьбы мирной, идейной. Не могу переменить своих убеждений, не могу и сана священнического сложить с себя...»³ Налицо типичный революционный монархизм, характерный и для крестьян. Собственно все бунты от движения Пугачева до восстания в деревне Бездна после отмены крепостного права проходили под монархическими лозунгами, что часто замалчивалось в советской историографии.

Некоторые советские историки упоминали о священнике Тихвинском, о котором писал Ленин: «...он достоин всякого уважения за его искреннюю преданность интересам крестьянства, интересам народа, которые он безбоязненно и решительно защищает»⁴. Правда, историки не упоминали о конституционной монархии

¹ О реакции духовенства на черносотенную агитацию см.: *Хижий М.Л.* Православие и идеология правого радикализма в начале 20 века в России: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2005.

² Подробнее см.: *Зырянов П.Н.* Православная церковь в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М., 1984. С. 168–174.

³ Цит. по: *Титлинов Б.В.* Церковь во время революции. Пг., 1924. С. 23.

⁴ *Ленин В.И.* Полн. собр. соч. Т. 15. М., 1968. С. 157.

и правовом государстве, за которые ратовал сам Тихвинский, они писали о бывшем реакционере, принявшем сторону народа¹.

В 1917 г. бывший священник Тихвинский, ставший офицером, снова появился на политическом небосклоне и активно выступал против церковного начальства в Твери. Он стал председателем Тверского епархиального съезда. Бывший священник возглавил и делегацию, направленную съездом в Синод, которая своим радикализмом шокировала высший орган церковной власти: делегаты желали радикальной реформы и немедленного устранения правящего архиерея. Протопресвитер Николай Любимов в своем дневнике передал реплику товарища обер-прокурора Синода А. В. Карташова, заявившего, что радикализм требований тверских депутатов от духовенства «является чем-то вроде мародерства в тылу или действиями рабов, спущенных с цепи»². Впоследствии Федор Тихвинский участвовал и в работе Государственного совещания в августе 1917 г., после чего его следы теряются³.

По странной иронии истории именно тверской архиерей Серафим, возможно, первым использовал термин «церковный большевизм» в связи с действиями местного съезда духовенства, который возглавлял как раз бывший священник Тихвинский, который ранее так понравился Ленину. Появление этого термина можно точно датировать — апрель 1917 г. Именно после приезда Ленина в Россию и обнародования знаменитых «апрельских тезисов» термин «церковный большевизм» или близкий ему по значению — «церковное ленинство», получил большое распространение внутри Церкви. Это подтверждается письмами церковных деятелей в Синод и обер-прокурору.

«Наша губерния во власти большевиков, — писал 23 апреля 1917 г. тверской архиепископ Серафим (Чичагов) обер-прокурору Синода В. Н. Львову, — для меня теперь неоспоримо, что большевики создают церковную революцию с намереньем ослабить духовенство и сделать его беззащитным»⁴. В другом письме Серафим жаловался на своего викарного епископа Арсения (Смоленца), который, по его мнению, сумел найти общий язык с бунтующим духовенством; он сравнивал действия своих противников с действиями большевиков, захватившими особняк Кшесинской: «...занявши мой дом и действовали оттуда наподобие ленинцев»⁵.

Екатеринославский архиерей Агапит (Вишневецкий) «со слезами коленопреклоненно» просил Синод «изъять» из епархии «большевиков» протоиерея Кречетовича и священника Мурина, которые, по его словам, «сеют в епархии смуту и раздоры»⁶. Показательно, что в следующем письме Агапита в Синод Кречетович уже

¹ См., напр.: *Емелях Л. И.* Антиклерикальное движение крестьян в годы Первой русской революции. М.; Л., 1965.

² *Любимов Н., протопресвитер.* Дневник о заседаниях вновь сформированного Синода // *Российская церковь в годы революции (1917–1918 гг.)* М., 1995. С. 24. Любимов также пишет о том, что Тихвинский, бывший член Государственной Думы, примыкал к партии социал-большевиков <sic> и будто принимал участие в кампании лиц, покушавшихся на ниспровержение правительства и даже на жизнь государя» (Там же. С. 25). Запись от 28 апреля 1917 г.

³ Государственная Дума России. 1906–1917. Т. 1. М., 2006. С. 635–636.

⁴ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 1. Д. 154. Л. 2.

⁵ Там же. Л. 51.

⁶ Там же. Д. 283. Л. 101 об.

именуется «охранником», т. е. агентом охранного отделения¹. Тут важно отметить, что в 1917 г. термины «большевик», «охранник», «черносотенец» часто использовались как синонимы для оценки оппонентов. Сам термин «большевизм» принял особенно негативное значение после появления слухов об их государственной измене и получении немецких денег.

Красноярский архиерей Никон (Безсонов) писал обер-прокурору о ситуации в епархии, пессимистично заверяя: «...верьте, всё ленинцы испортят»². Епископ Орловский Макарий (Гневушев) сообщал в Синод о своих противниках из Исполнительного комитета духовенства как о «бывших ярых членах Союза русского народа, ставших террористами-социалистами»³. Впоследствии же он писал о членах Комитета, «творящих то же дело погибели, что и известный Ленин с сотоварищами». По словам Макария, «воинство явных и тайных ленинцев разрушает основы русской жизни»⁴.

Томский епископ Анатолий (Каменский) писал, что часть делегатов местного съезда духовенства под руководством преподавателя епархиального училища Смирнова, «типичного ленинца», «представляли сплошную банду насильников»⁵.

Рассуждения о «церковном большевизме» и «церковном ленинстве» появились и на страницах самой влиятельной церковной газеты «Всероссийского церковно-общественного вестника», издаваемой либеральной профессурой Петроградской духовной академии. Однако смысл, вкладывавшийся в этот термин, был иным, чем у архиереев, писавших в Синод: «...церковные элементы, воспользовавшиеся примером пресловутого Ленина, до которого им, впрочем, далеко. Они выкинули знамя “свободы над свободой” и начали кричать о засилье обер-прокурора, о неправомочности нового Синода. Словом, полный сколок с лозунга “Долой Временное буржуазное правительство”»⁶.

В интерпретации газеты «церковные большевики» — это лица, недовольные действиями обер-прокурора Синода: «Церковные большевики, как и политические, не унимаются», — констатировал «Вестник». Штаб-квартирой церковных большевиков редакция «Вестника» считала редакцию «Московских ведомостей», издание консервативное⁷. По иронии судьбы редакцию и «Церковно-общественного вестника» впоследствии стали обвинять в «большевизме» и в антицерковности.

В свою очередь «Московские ведомости», обличая «Вестник», писали о «большевизме», «который ясно и определенно заявил о себе в области нашей церковной жизни: здесь тоже был свой “Ленин”, хотя и не такой же умный, как настоящий»⁸. Называла газета и имена «церковных большевиков». Это были епископы Андрей (Ухтомский), «вступивший в сношения с главарями старообрядческой лжеиерархии», и Сергей (Страгородский), «стяжавший себе репутацию человека с очень гибкой совестью». Оба архиерея обвинялись в связях с Распутиным. Сергию в вину

¹ Там же. Л. 114.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 96. Д. 296. Л. 13 об.

³ Там же. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 113. Л. 3.

⁴ Орловские епархиальные ведомости. 1917. 30 апреля.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 135. Л. 13 об.

⁶ Церковный большевизм // Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 29 апреля.

⁷ Церковный большевизм // Там же. 1917. 22 июня.

⁸ Под церковным «Лениным» подразумевается обер-прокурор Синода В.И. Львов.

ставилось и то, что он «сел на кафедру епископа, в увольнении которого без суда и следствия он сам участвовал»¹. Последнее обвинение, надо сказать, действительно имело под собой основания: Сергей голосовал в Синоде за увольнение из Владимира епископа Алексея.

Вскоре появилось обращение «жертвы церковного большевизма», предшественника Сергея, бывшего владимирского архиерея Алексия (Дородничина), который жаловался на увольнение «без прошения»². (Впоследствии Поместный Собор расследовал деятельность Алексия на Украине в 1917–1918 гг., правда, уже не как жертвы «большевизма», а как «церковного большевика», вставшего на путь украинофильства.)

Статьи «Московских ведомостей», посвященные церковной жизни, носили чрезвычайно резкий характер³. Появилась постоянная рубрика «Львовцы», в ряд которых зачислялись К.М. Агеев, Н.В. Цветков, Н.Д. Кузнецов, А.А. Папков, П.В. Верховский, Б.В. Титлинов и др. Даже Собор именовался «синодально-протестантским»⁴.

События в Даниловом монастыре не были исключением, тогда же, весной 1917 г. забастовали певчие двух хоров Александро-Невской лавры. Они избрали исполнительный комитет и даже своего депутата в Петроградский Совет. Правда, таких погромов, как в Даниловом монастыре, тут не было⁵.

В Новгороде в женском Сыркове монастыре по сообщению местного vicария епископа Алексея (Симанского) часть монахинь под руководством рясофорной послушницы Марии Глебовой «восстала против игуменьи, привлекла на помощь себе местный крестьянский комитет, избрав самочинно какой-то хозяйственный комитет, и теперь она распоряжается всем в монастыре». Это уже был, так сказать, чистый церковный большевизм с точки зрения того времени⁶.

Новую жизнь термину «церковный большевизм» дал Октябрьский переворот. 2 апреля 1918 г. на заседании Поместного собора было зачитано заявление 87 членов Собора о необходимости борьбы с «церковным большевизмом»⁷. Один из инициаторов заявления архимандрит Матфей (Померанцев) говорил о молчании Церкви после падения монархии, когда были «созданы те структуры, которые мешают современной церковной жизни». По его мнению, Собор должен «лишить права избрания епископов те епархии, которые изгоняли своих епископов»⁸.

¹ Церковный большевизм // Московские ведомости. 1917. 19 августа.

² Московские ведомости. 1917. 23 августа.

³ Статьи в газете подписывались инициалами или псевдонимами типа «Ревнитель церковного благочестия». Активно писал в «Ведомостях» протоиерей И. Восторгов, правда, на религиозные темы. В августе Восторгов возобновил издание журнала «Церковность», прерванного после Февральской революции. В нем перепечатывались все церковно-политические статьи из «Московских ведомостей». Возможно, Восторгов и был автором этих публикаций.

⁴ См.: Московские ведомости. 1917. 13 сентября.

⁵ Шкаровский М.В. Александро-Невская Лавра в годы революционных потрясений (1917–1918) // Город на все времена. СПб., 2011. С. 130–133.

⁶ Алексей (Симанский) — Арсению (Стаднищкому), 3 февраля 1918 г. // Письма патриарха Алексия своему духовнику... С. 118.

⁷ Текст записки см.: Священный Собор Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. Обзор деяний, вторая сессия. М., 2001. С. 481–483.

⁸ Там же. С. 302.

После Февральской революции публично заявили о своем монархизме лишь харьковский архиерей Антоний (Храповицкий) и пермский Андронник (Никольский). Даже архиепископ Серафим, впоследствии активно осуждавший «церковный большевизм», 3 марта 1917 г. писал в письме своему «приятелю» обер-прокурору Синода Львову: «...сердце мое горит желанием прибыть в Государственную Думу, чтобы обнять друзей русского народа и русской церкви — М.В. Родзянко, Вас и других борцов за честь и достоинство России»¹.

21 марта Собор при «закрытых дверях» обсуждал вопрос о «большевизме в церкви». Была создана специальная комиссия, но среди архиереев не нашлось желающих добровольно в нее войти. По мнению митрополита Сергия, комиссию должны были образовывать люди, «стоящие совершенно в стороне от настоящего дела и лично в нем незаинтересованные», поэтому не могут войти в ее состав члены бывшего Синода или «занимающие епархии, где произошло что-либо неблагоприятное»². Отказался возглавить комиссию епископ Андронник. Отказались и митрополиты Кирилл (Смирнов) и Платон (Рождественский), хотя последний в конце концов согласился.

Комиссии поручалось «рассмотреть дела о большевистствующих клириках и немедленно подвергнуть виновных соответствующему наказанию»³. В материалах комиссии отмечалось: «...к великому горю и позору нашему, многое бы не могло быть совершено мирянами под влиянием революционного угара, если бы в Церкви среди пастырей и священнослужителей не произошло раскола, не проявилась бы пагубная измена... которая началась с первых дней революции, когда съездами духовенства во многих епархиях были избраны революционные епархиальные советы, направляемые и ободряемые бывшим обер-прокурором Львовым — к самочинным и незаконным действиям... за год своей революционной деятельности некоторые из них повергли епархии в церковную анархию и являются теперь самыми усердными помощниками социалистов-большевиков, разрушителей основ Церкви»⁴. Члены комиссии считали, что «Собор со всей откровенностью должен коснуться и повинных в большевизме лиц епископского сана»⁵.

Выводя генеалогию «церковного большевизма» с начала Февральской революции, а также понимая, возможно, насколько емким и неопределенным является этот термин (под него можно было подвести всех духовных лиц, приветствовавших «новый строй» и участвовавших в таких «революционных» акциях, как чрезвычайные съезды духовенства и мирян), комиссия отметила, что «случаи прошлого церковного большевизма, изглаженные, так сказать, покаянием, следовало бы

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 86. От. 1. Ст. 1. Д. 119. Л. 182.

² Священный Собор... С. 311.

³ РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 33 (Протоколы и доклады комиссии о «большевизме» в Церкви). Л. 3 об.

⁴ Там же. Л. 27, 28. В этой связи показательное отношение к епархиальным советам духовенства в провинции. Благочинный протоиерей В. Образцов считал, что тверской «епархией управляют большевики, по большей части заседавшие в епархиальном совете» (Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 160. Оп. 1. Д. 22518. Л. 24). Епископ Алексей (Симанский) писал в июле 1917 г. архиепископу Арсению (Стадницкому) из относительно спокойной Новгородской епархии, именуя новоизбранных членов Консистории «наши дурные большевики» (Письма патриарха Алексея своему духовнику. М., 2000. С. 42).

⁵ РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.

покрыть снисходительной милостью», чтобы соборное определение «карало только тех церковных большевиков, которые будут оставаться таковыми и после ведомого им постановления Собора... хотя в тех случаях, когда прошлое уже большевизирования, например, некоторых епископов оставило глубокие и большие следы на теле Православной Церкви, виновные не должны оставаться совершенно амнистированными». Особые случаи «сомнительного большевизма» предполагалось подвергать «надлежащему расследованию»¹. Приводились примеры «церковного большевизма»: свержение настоятелей монастырей, помощь красноармейцам и комиссарам в захвате запасов продовольствия, захват консисторий по поручению комиссаров и т. п.²

На заседаниях комиссии был поднят вопрос о «церковных большевиках» из мирян, приводились факты «большевистского одичания, до которого дошли по местам прихожане церкви, искапывая, например, трупы мертвецов и предавая их сожжению или открыто предавая грабежу церковного достояния... такие факты следовало бы классифицировать по определенной системе»³. Затронули члены комиссии и национальный вопрос: «Не следовало бы замалчивать того обстоятельства, что в планомерном революционно-большевистском походе против Православной Церкви работают главным образом евреи»⁴. Однако эта тема на заседании развития не получила, как и тема масонства, которое, по мнению комиссии, вместе с «социализмом приобретают всё больше последователей среди русского населения»⁵. Подобные интерпретации вступали в известное противоречие с рассматриваемыми комиссией материалами, где основная причина церковной разрухи определялась «изменой» внутри самой Церкви.

Членов комиссии трудно заподозрить в невнимании к терминологии. Так, в некоторых местах слово «большевизм» взято в кавычки, в одном месте используется фраза «так называемый большевизм». С.Н. Булгаков находил неподходящим для законодательного акта, каковым должно быть осуждение церковного «большевизма», «витиеватость» в редакции и наименование церковных большевиков «богоотметниками». Но председатель комиссии митрополит Платон и другие ее члены настаивали на целесообразности именно такой редакции ввиду «некоторых особенностей психологии верующего народа, и по справке, что “богоотметники” — слово в церковной литературе не новое»⁶.

Всё же от понятия «церковный большевизм» отказались; по мнению комиссии, «не следовало бы использовать терминов большевизм и большевик, дабы не рекламировать и не популяризировать среди народа гнусного лжеучения... а в актах, исходящих от Собора, заменяя означенные термины соответствующим описанием»⁷. Возможно, отказ от словосочетания «церковный большевизм» был

¹ РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 33. Л. 4 об.

² Там же. Л. 28, 29.

³ Там же. Л. 4. Как писали некоторые благочинные, «большинство именующих себя “большевиками” посещают храм Божий и исполняют христианский долг исповеди и причастия» (ГАТО. Ф. 160. Оп. 1. Д. 22918. Л. 10 об.). См. также: «Насколько дешево стала цениться жизнь». Дневник бежецкого священника И.Н. Постникова // Источник. 1996. № 4. С. 21.

⁴ РГИА. Ф. 833. Оп. 1. Д. 33. Л. 4 об.

⁵ Там же. Л. 33.

⁶ Там же. Л. 19, 19 об.

⁷ Там же. Л. 4 об.

продиктован не только боязнью «рекламировать лжеучение», но и пониманием того, что появление термина отражало тяжелую болезнь Церкви. Основной задачей Собора было преодоление кризиса Церкви, под описание «большевизма» же при такой широкой постановке вопроса мог попасть весь Синод, определения которого о церковно-епархиальных советах и выборности епископата могли квалифицироваться таким образом. Переименовали и комиссию, которая стала называться комиссией «о мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни».

5 (18) апреля 1918 г. на заседании Собора архимандрит Матфей огласил доклад комиссии. Он вновь напомнил собравшимся, что «первой датой измены устоям церкви был политический переворот», он критиковал В.Н. Львова: «...неизвестно, что бы было, если бы во главе Церкви стояло лицо, преданное Святой Церкви, но у нас во главе появилось лицо, в первые же дни революции объявившее “свободу” Церкви, начало преследовать лиц, стоявших во главе епархиального управления»¹. Архимандрит указал, что печать во главе с «“Церковно-общественным вестником”... сделала, что могла, чтобы расшатать влияние Церкви на народ». По мнению докладчика, это принесло плоды на епархиальных съездах, которые «обращались даже в совет рабочих и крестьянских депутатов с просьбой удалить своего епископа». Вспомнил Матфей и арест епископа (так в тексте, на самом деле архиепископа) воронежского Тихона и отправку его в Петроград, «но даже тот обер-прокурор не нашел на нем вины»². Докладчик напомнил о синодальных правилах о выборах епископов и клириков, которые, по его мнению, «разбудили аппетит низов», об изгнании священников и кощунственном поведении крестьян. Сказано было и о раздоре среди высших иерархов, прозвучали имена бывшего архиепископа владимирского Алексия и пензенского Владимира³.

Большинство епархиальных съездов духовенства и мирян действительно носило радикальный характер⁴. Пик революционного энтузиазма, однако, пришелся на март, когда переворот многими, в том числе и священнослужителями, воспринимался как воскресение России, как своего рода Пасха.

Арест воронежского архиепископа Тихона (Никанорова) произошел по инициативе местного Совета, председатель которого с «толпой солдат и рабочих» явился в архиерейский дом и, увидев портреты царственных особ, приказал немедленно их снять. По словам Тихона, картины были приобретены до его вступления на кафедру и «распоряжения такого, чтобы портретов не иметь, никто мне не объявлял»⁵.

¹ Священный Собор... С. 448.

² Деяния Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 2000. Т. 9. С. 112.

³ Там же. С. 112–113.

⁴ Это нашло отражение в известном сочинении члена комиссии о «большевизме» Булгакова, вошедшем в сборник «Из глубины»: «Генерал. Кажется, церковь и сама порядочно обольшевичилась за время революции? Ведь что же происходило на церковных съездах в разных местах России? Светский богослов. То было лишь поверхностное движение, захватившее наиболее неустойчивые элементы обновленческих батюшек да церковных социал-демократов: социал-дьяконов и социал-дьячков, с некоторыми крикунами из мирян» (Булгаков С.Н. На пиру богов (Pro и contra): Современные диалоги // Христианский социализм: С.Н. Булгаков. Новосибирск, 1991. С. 278).

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 223. Л. 3, 3 об.

Тихона арестовали и отправили в распоряжение Петроградского Совета. В столице архиепископа отвезли в Таврический дворец, но вскорепустили без предъявления каких-либо обвинений. И В.Н. Львов, и воронежское духовенство встали на защиту Тихона. Синод в специальном постановлении выразил ему «глубокое сочувствие», а обер-прокурор послал в Воронеж телеграмму губернскому комиссару с просьбой «оградить владыку от обид и оскорблений и устроить ему достойную встречу»¹. Этот эпизод никак нельзя трактовать как «церковный большевизм» даже при самом расширительном его понимании. И в других конфликтах архиереев с революционной властью (с Советом или местным комитетом общественной безопасности) обер-прокурор часто занимал сторону епископата.

Упомянута в докладе комиссии и антицерковная деятельность двух архиереев — владимирского архиепископа Алексия (Дородницына) и пензенского Владимира (Путяты). Алексей был уволен Синодом за поднесение Распутину своей книги с дарственной надписью². Против владыки выступил съезд духовенства и мирян, казалось бы, чем не факт «церковного большевизма»? После увольнения, однако, Алексей уехал на Украину, начал агитацию в духе украинофильства и, по словам профессора Киевской духовной академии М. Поснова, «встал на путь церковного революционера, требуя отделения Украинской церкви от Русской»³. Тем самым он оказался среди так называемых церковных сепаратистов, которых тоже именовали «церковными большевиками»⁴.

Докладчик не затронул такой скользкий вопрос, как преследование священников, не признавших Временное правительство, а таких, в отличие от архиереев, было немало. В гонениях на таких священников принимали участие и церковные власти.

После доклада о «церковном большевизме» Собор перешел к голосованию «пунктов доклада без прений». Принятое определение называлось традиционно: «О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни»⁵. Термин «церковный большевизм» в нем не использовался, определение осуждало епископов, клириков, монашествующих и мирян, «противящихся церковной власти, обращающихся в делах церковных к враждебному Церкви гражданскому начальству». Касалось определение и изгнания архиереев из епархий: согласно ему, епископ остается на кафедре, «если канонический суд не усмотрит в его деяниях вины»⁶. В случае насилия над епископом епархия, «по надлежащем расследовании», лишалась права выбора архиерея. Таким образом, осуждались увольнения владык весной—летом 1917 г., хотя одновременно подтверждалось право выбора.

¹ РГИА. Ф. 796. Оп. 204. От. 1. Ст. 5. Д. 223. Л. 6.

² Там же. Д. 102. Л. 26 (б).

³ Письмо М. Поснова И. Глубоковскому // Сосуд избранный. История Российских духовных школ. СПб., 1994. С. 16–17.

⁴ О церковном сепаратизме в 1917 г. см.: *Соколов А.В.* Государство и Православная Церковь в России в феврале 1917 года — январе 1918 года. СПб., 2015.

⁵ См.: Церковные ведомости. 1918. 15 (28) мая. № 17–18; Собрание Определений и постановлений Священного Собора Православной Российской Церкви 1917–1918. М., 1994. В. 1–4. В. 3. С. 58–60.

⁶ Прецедент такого рода дела был уже в конце 1917 г. Судная комиссия Поместного Собора рассмотрела дело уволенного из Орла епископа Макария (Гневушева) и признала его «изгнанным из епархии совершенно неповинно» (РГИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 142. Л. 9).

Авторы ценного исследования по истории церковнославянского языка видят в движении «церковного большевизма» истоки обновленчества. Они даже пишут о «противостоянии идеологии “церковного большевизма” и разработанной Собором концепции церковной жизни»¹. Говорить о движении «церковного большевизма» и тем более о его идеологии не приходится. В том смысле, в каком о нем говорилось на Соборе, под него вообще можно было подвести значительную часть духовенства. В узком же смысле вряд ли можно видеть идеологическое движение в единичных акциях «революционных попов», на которое и новые власти поначалу не обращали внимания².

После Октябрьского переворота термин наполняется другим содержанием, знаменуя появление церковных деятелей, готовых содействовать новым властям. Так впоследствии именовали «обновленцев»³. На Поместном Соборе термин «церковный большевизм» понимался более широко, в равной степени его можно было приложить и к церковному деятелю, выступавшему за радикальные реформы, и к «красному попу». Именно такие «попы» и были впоследствии востребованы большевиками для разложения Церкви.

Понимали это и многие видные церковные деятели «Представьте, — писал епископ Алексей (Симанский), — я и многие другие из духовенства больше всего опасаемся своих же лжебратьев»⁴.

По мере радикализации общественного сознания некоторые «церковные большевики» стали активно выходить на политическую арену, это происходило после Октябрьского переворота. Самым активным из таких «красных попов» был столичный священник Михаил Галкин.

В 1923 г. Михаил Галкин, ставший к тому времени членом партии и одним из руководителей Союза воинствующих безбожников, писал в своей автобиографии: «...тотчас же после октябрьской революции, прочтя в газетах призыв тов. Троцкого к участию в работе с Советской властью, я отправляюсь в Смольный к тов. Ленину и прошу его бросить меня на работу где угодно и кем угодно, в любой канцелярии, брошенной разбежавшейся интеллигенцией. Владимир Ильич после 10-минутной беседы, в которой, как показалось это мне, испытывает мои убеждения, рекомендует от канцелярской работы пока воздержаться, а лучше написать статью в “Правду” по вопросу отделения церкви от государства. Для дальнейшего он направляет меня к В.Д. Бонч-Бруевичу»⁵.

В различных автобиографиях и анкетах Галкину впоследствии приходилось немало врать — даже список высших и средних учебных заведений, которые он якобы

¹ *Кравецкий А. Г., Плетнева А.А.* История церковнославянского языка в России: Концепт 19 — 20 в. М., 2001. С. 183–187.

² Современный католический историк так объяснил явления церковного большевизма: «Политический кризис стал причиной появления в Церкви революционного движения и даже предательства» (*Дестивель И.* Поместный Собор Российской Православной Церкви 1917–1918 годов. М., 2008. С. 224).

³ *Новоселов М.А.* Письма к друзьям. М., 1994. С. 6.

⁴ Алексей (Симанский) — Арсению (Стадницкому). 27, 28 января 1918 г. // Письма патриарха Алексия своему духовнику... С. 109.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 10902 (М. Горев-Галкин). Без пагинации. Благодарю В.К. Котта за предоставленные мне копии партийного дела Галкина. В «Биохронике» В.И. Ленина нет упоминания об этой встрече.

окончил, постоянно варьировался, как варьировались и другие факты его биографии в зависимости от политической конъюнктуры¹.

3 декабря 1917 г. в центральной большевистской газете «Правда» была опубликована статья Галкина «Первые шаги на пути отделения церкви от государства». Автор, скрытый под псевдонимом М.Г., именовавший себя «священником», предложил развернутую программу отделения Церкви от государства: «...на воинствующий клич церковных реакционеров — так было и так будет — революционный пролетариат должен дать свой ответ». «Священник» составил целую программу, обозначив приоритеты новой власти в церковной политике.

«Религия объявляется частным делом каждого человека. Церковные и религиозные общины объявляются частными союзами, совершенно свободно управляющими своими делами... преподавание Закона Божьего... не обязательно... метрикация рождений, браков и смертей передается из распоряжения церковью особым органам государственной власти... Провозглашается действующим в Российской республике вневероисповедное состояние. Учреждается институт гражданских браков (декрет об этом следует в первую очередь)... 7 января 1918 года повсеместно в Российской республике вводится григорианский календарь»². Всего проект содержал одиннадцать пунктов и семь подпунктов.

В заключение автор писал, «что набросанная схема практических мероприятий... несколько сжата и настолько примитивна, насколько это требует размеры газетной статьи... Это лишь канва, по которой должно ткаться дело строительства свободной совести в свободном государстве»³.

Биография Михаила Галкина могла бы стать основой детективного романа, насыщенного самыми непредсказуемыми поворотами. Потомственный «попович», он получил образование, духовное и светское, став не только священником, но и известным духовным писателем. Его книга о подвижниках благочестия XIX в., выпущенная до революции, стала бестселлером и в наше время переиздавалась⁴. Благочестивые издатели не ведали, что переиздаваемая книга принадлежит одному из самых лютых атеистов в отечественной истории. До революции Галкин вместе со своим отцом, также священником, руководил одним из обществ трезвости и издавал в столице антиалкогольную газету⁵.

¹ Так, из различных анкет Галкина выходило, что он окончил Санкт-Петербургскую Введенскую классическую гимназию, Военно-медицинскую академию, юридический факультет Петербургского университета, Санкт-Петербургскую духовную академию и заочно Духовную семинарию.

² Правда. 1917. 3 декабря.

³ Там же.

⁴ Галкин М. На службе Богу. Между миром и монастырем: Очерки и рассказы из жизни русских подвижников XIX столетия. М., 1996. Вообще Галкин был плодовитым писателем: один только перечень его книг и брошюр в РНБ составляет 58 пунктов.

⁵ См.: Зарембо Н.Г. Русская Православная Церковь в общественной жизни Санкт-Петербурга (1907–1914): Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2011. С. 118–121. Автор данной работы также не мог установить тождество священника Михаила Галкина и одного из руководителей Союза воинствующих безбожников Михаила Галкина-Горева. См. также: Петров С.Г. Петроградский священник М.В. Галкин в годы Первой мировой войны (по документам РГИА) // Религиозные и политические идеи в произведениях деятелей русской культуры 16–21 вв. Новосибирск, 2015. С. 382–396.

Галкин утверждал, что хоть его отец и занимался антиалкогольной пропагандой, однако сам был алкоголиком, и поэтому детство его было «безрадостное, тяжелое, среди незаслуженных побоев под пьяную руку и пьяных сцен». Но оно прошло «под знаком религиозности. В вере в бога искал избавление от окружающего кошмара». В 20 лет Галкин стал священником. По его словам, вскоре после посвящения в сан он в 1905 г. он написал брошюру «Кровь», протестуя против расстрелов и казней: брошюру конфисковали, а ее автора выслали в Уфу.

В 1917 г. священник приветствовал революцию и стал издавать в Петрограде газету «Свободная Церковь», требуя радикальных церковных реформ. Зимой 1918 г. Галкин сложил с себя сан, став впоследствии одним из лидеров «Союза воинствующих безбожников». Свои многочисленные произведения он публиковал под псевдонимом Михаил Горев.

Галкин состоял «в распоряжении Троцкого», отвечавшего в Политбюро за церковные вопросы, был редактором газеты «Безбожник». После падения Троцкого Галкин уезжает на Украину и там, как считалось, «пропадает без вести»¹. В действительности он занимал разные должности — от лектора-антирелигиозника до профессора института механизации сельского хозяйства. В 1935 г. он даже выбыл из партии «по утрате партийного билета» и стал скромным школьным учителем — Галкин, возможно, понимал, что во время репрессий беспартийному легче выжить. В 1938 г., после спада волны арестов, Галкин-Горев (теперь так звучала его официальная фамилия) восстановился в партии, получив строгий выговор за утрату партийного билета². Ему удалось умереть своей смертью уже после войны в 1948 г.

В ноябре же 1917 г. Галкин, по совету Ленина, направил свое письмо с цитированной выше статьей в Совнарком: «Эту статью прошу поместить на страницах органа, в котором Совет Народных Комиссаров признает более целесообразным...»

Галкин был готов к тому, чтобы статью поместили под его полным именем, но только в «том случае, если вы призовете меня к работе в Ваших рядах, так как Вам должно быть понятно, что оставаться после напечатания этой статьи среди фанатичной, почти языческой массы мне не представляется больше не одного дня. Я живу с тяжелым камнем полного неверия в политику официальной церкви. Меня тянет к живой работе. Хочется строить, бороться, страдать, торжествовать, а я в своей рясе живой мертвец! И если вы снимете с моей души безмерную тяжесть, снимите как можно скорей — я буду Вам безмерно благодарен»³.

Видимо, это письмо священника своим радикализмом удивило даже убежденных атеистов из Совнаркома. Услуги Галкина были отвергнуты, но 27 ноября Совет Народных Комиссаров постановил: «Письмо Галкина передать в “Правду” для

¹ Автор единственной статьи, посвященной Галкину, которая вышла в эпоху «перестройки», писал, что ему не удалось узнать, как закончил жизненный путь М.А. Галкин. «По рассказу профессора М.И. Шахновича, последнее, что известно о нем: в 1930 году он уехал на Украину с очередным циклом атеистических лекций» (*Брушлинская О.* «Я чувствую правду вашего движения» // Наука и религия. 1987. № 11). В зарубежной историографии «красным попом», или «комиссарам в рясах», в том числе и Галкину, посвящена содержательная статья Периса. См.: *Peris D.* Commissars in Red Cassocks Former Priests in League of Militant Godless // *Slavic Review*. 1995. Vol. 54. N 2. P. 340–364.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 100. Д. 10902 (М. Горев-Галкин). Без пагинации.

³ НИОГ РГБ. Ф. 369. Коробка 256 (В.Д. Бонч-Бруевич). Ед. х. 33. Благодарю В.К. Кота за предоставление мне чрезвычайно интересной переписки Галкина с Бонч-Бруевичем.

напечатания его с инициалами¹ Галкина. Поручить тов. Стучке и Бонч-Бруевичу рассмотреть письмо и статью Галкина для переговоров и дать в Сов. Нар. Ком. свое мнение о возможности привлечения Галкина к активной деятельности и на какой пост². Галкин активно участвовал в разработке декрета, оставаясь действующим священником, а затем участвовал в деятельности 8-го «ликвидационного» отдела комиссариата юстиции, который занимался делами Церкви. Он был настоящим «церковным большевиком».

Если работа комиссии о большевизме Собора происходила за закрытыми дверями, то доклад протоиерея Лахотского о гонениях на Православную Церковь прозвучал на пленарном заседании Собора. Среди прочего протоиерей сказал: «...но нельзя во имя правды умолчать, что есть предатели и пособники гонения на Церковь из своей же духовной среды. Здесь уже было сказано одним уважаемым и правдивым архипастырем, что есть и архиереи заодно с большевиками, и священники, и диаконы с псаломщиками, даже из выбранных в епархиальные советы и в члены консистории. Некоторые из них стоят едва ли не во главе местных советских организаций и комиссарских начальств»³.

Протоиерей говорил о «церковных большевиках», которых становилось всё больше. Мне неизвестны случаи, когда архиереи или священники возглавляли местные Советы, хотя я ничуть не удивлюсь, если такие документы найдут в каком-нибудь провинциальном архиве, многие пытались заигрывать с новой властью⁴. Причиной бедствий, обрушившихся на Церковь, считал Лахотский, являются священно- и церковнослужители, изменившие Церкви, «церковные большевики». Лахотский служил в Петрограде, лично знал священника Галкина и был осведомлен о его инициативе по изданию Декрета.

Примечательно, что в создании мифотворчества вокруг Октябрьской революции последний вывод Лахотского никак не используется. Между тем и в определении Собора «О мероприятиях к прекращению нестроений в церковной жизни», принятом 6 (19) апреля, было четко прописано, что «священнослужители, состоящие в противocerковных учреждениях, а равно содействующие проведению

¹ В тексте публикации неверная расшифровка сокращения: вместо «инициалов» — «инициативой».

² Из протокола № 12 заседания Совета Народных Комиссаров от 27 ноября 1917 г. // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 13. Эта чрезвычайно содержательная публикация документов с точки зрения археографии безобразно выполнена. Профессионально выполненная публикация протоколов Совнаркома: Протоколы заседаний Совета народных комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917 — март 1918 г. М., 2006. Галкин там упоминается дважды — на с. 59 и 102.

³ Там же. С. 9–10.

⁴ Викарный епископ Новгородской епархии в письме главе епархии сообщал, что после ассигнования Советам рабочих депутатов дополнительных прибавок чиновникам консистории ему показали письмо протоиерея Белина, обращавшегося к председателю Совета, употребляя несколько раз слово «товарищ». Протоиерей выражал сожаление, что членам консистории не прибавлено в жаловании. Он утверждал, что «сочувствует работе Совета, готов сотрудничать с ними, упоминая о том, что он по проискам черной сотни был Вами уволен за прогрессивные взгляды». См.: Алексей (Симанский) — Арсению (Стадниக்குму). 21 февраля 1918 г. // Письма патриарха Алексия своему духовнику... С. 126.

в жизнь враждебных Церкви положений декрета о свободе совести и подобных ему актов, подлежат запрещению и в случае нераскаяния извергаются из сана»¹.

Данное определение могло бы коснуться Михаила Галкина, одного из главных авторов Декрета, но он, уезжая на время в Москву, спокойно продолжал служить в «Колтовской» церкви в Петрограде. Более того, церковные деятели поддерживали связь с Галкиным и тогда, когда он целиком перешел на работу в советские органы².

Начиная с XVII в. духовенство участвовало в бунтах и восстаниях, выступая не столько против государственной власти, сколько против своего церковного начальства. И первая, и вторая революции в России показали, что духовенство — плохая опора государственной власти и «церковный большевизм» был в первую очередь показателем глубокой болезни Синодальной Церкви³.

В 1917 г. «церковный большевизм» был политическим ярлыком, который наподобие слов «черносотенец», «монархист», «буржуй», «распутинец» использовался различными политическими силами, вкладывавшими в него разный смысл. Официально под ним понимали «выступление некоторой части духовенства против архиереев и низших клириков против своих священников»⁴. На протяжении года этот термин трансформировался: вначале он часто подразумевал под собой неподчинение церковным властям, а впоследствии, уже после большевистского переворота, и реальное сотрудничество священнослужителей с новой властью.

«Красные попы», да и «красные архиереи» были активно востребованы новой властью, особенно после победы в Гражданской войне, когда лидеры большевиков, считавшие религию пережитком прошлого, «опиумом для народа» и даже «труположеством» (Ленин), задумали план разложения Церкви изнутри, натравливая одну часть духовенства на другую. И красные попы, или церковные большевики, сильно помогли им в этом. «Нет более бешеного ругателя, как оппозиционный поп», писал Троцкий⁵.

Это понимал и Н.А. Бердяев, писавший, что революция непосредственно и тяжело ударит по Церкви... «И тогда встанет уродливый признак красной церкви»⁶. Предвидел Бердяев и участь церковных большевиков: «Они закончат церковную

¹ Собрание определений и постановлений Священного собора Православной Российской Церкви 1917–1918 гг. М., 1994. Вып. 1–4. С. 59.

² Это видно из отрывков из дневника протоиерея Николая Чукова. По просьбе митрополита Вениамина он встречался с Галкиным и вел с ним переписку. Митрополит и Чуков надеялись, что Галкин будет своеобразным ходатаем перед властями (Дневник протоиерея Николая Чукова // Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. 2004. Вып. 32. С. 67). Интересно отметить, что Галкина Чуков именует священником («Отец Галкин») и в декабре 1918 г., когда последний уже сложил с себя сан.

³ Я попытался разобрать эту проблему подробнее. См.: *Рогозный П.Г.* Синодальная Церковь, общественное и революционное движение, или Почему духовенство приветствовало революцию? // Историческая экспертиза. 2015. № 4 (5). С. 142–153.

⁴ Именно так описал данный термин член Собора Голубцов: См.: *Голубцов Г., протоиерей.* Поездка на Всероссийский церковный Собор. Дневник 1918 г. // Российская церковь в годы революции (1917–1918). М., 1995. С. 249. См. также: Большевизм в церкви // Прибавление к «Церковным ведомостям». 1917. 31 января. С. 153–155.

⁵ Записка Л.Д. Троцкого в Политбюро ЦК РКП(б) о политике по отношению к церкви // Политбюро и Церковь. Архивы Кремля. М., 1997. С. 162.

⁶ *Бердяев Н.А.* «Живая церковь» и религиозное возрождение России (1923) // Падение Священного русского царства. Публицистика (1914–1922). М., 2007. С. 840.

революцию, когда окончательно отрекутся от всех откровений и таинств христианства, когда превратят Церковь в общину, целиком преданную материализму и социализму... Когда священники отрекутся от веры в Христа Спасителя и снимут рясу. Это предел церковной революции»¹. Бердяев угадал — путь известных церковных большевиков, таких как Галкин, Брихничев, Калиновский, Платонов, и был таким.

Представляется, что и самая удачная антицерковная акция новой власти — вскрытие мошей, родилась в головах церковных большевиков.

Наверное, без церковных большевиков, без монахов Московского Данилова монастыря, без Михаила Галкина невозможно было глумление над самой религией и верой, которое развернулось в 30-е гг., замолкло в годы войны и вновь возродилось в годы правления Хрущева, обещавшего показать в 1980 г. последнего попа. Церковные деятели стали это понимать уже в 1917 г. Недаром будущий патриарх Алексий писал, что больше всего опасается не большевиков, а своих же «лжебратьев».

Однако церковный дискурс того времени был таков, что даже термин «церковный большевизм» Поместный Собор побоялся использовать, хотя и констатировал «пагубную измену». Ну а «церковным большевикам» предстояла долгая жизнь, вплоть до нашего времени. И апологетика Сталина со стороны части церковных деятелей тому хорошее подтверждение².

¹ Бердяев Н.А. «Живая церковь» и религиозное возрождение России. С. 846.

² См., напр.: Сталин и Церковь глазами современников. М., 2016.

ДИСКУССИЯ

Игал Халфин

Я не являюсь специалистом по истории Революции 1917 г. и с первичными источниками по этой теме работал очень мало, поэтому, комментируя доклады, которые прозвучали, я буду концентрироваться на теоретических аспектах работы.

Начну с работы Н.В. Михайлова. Эта статья написана более или менее в духе марксистской историографии и соответствует тому направлению, где стиль мышления советского периода всё еще присутствует. Ключевой цитатой этого доклада является следующая: «Усилиями нескольких поколений революционеров-интеллигентов в рабочей среде удалось создать небольшую прослойку так называемых “сознательных” рабочих, которые в свою очередь способствовали распространению социалистических идей и радикальных оппозиционных настроений в широкой рабочей массе». Терминология нам знакома — «сознательные рабочие», «новый человек», т. е. тот, кто, с одной стороны, связан с производством, а с другой, осознает свою историческую миссию. Здесь мы видим двойное движение — сверху (от книги) и снизу («от станка») — для создания этого человека. Эта проблема всегда занимала марксистов. Автор ставит и проблему перевода политических текстов массовым сознанием: «Проблема в том, насколько адекватно осуществлялся такой “перевод”, насколько точно формулировал интеллигент те мысли и настроения, которые пыталась донести до образованного общества серая рабочая масса». Опять-таки «серая рабочая масса» — бессознательная. Встречное движение этих двух сил создает ту революционную прослойку, которую жаждал увидеть Ленин и другие марксисты. В центре статьи институт фабрично-заводских комитетов, где происходит медиация, посредничество, встреча этого двойного движения. Эти комитеты, по словам Н.В. Михайлова, «давали рабочим моральное удовлетворение, позволяли утвердить свое человеческое достоинство — право на уважительное отношение со стороны представителей администрации, право на справедливое распределение работы и оценки труда, право на участие в формировании рабочего коллектива и определении его границ». Далее следует еще одна ключевая для меня цитата: «Подобные представления о правах рабочего, несомненно, были связаны с опытом организации производственного процесса в его общинно-артельном варианте, а протест против фабрично-заводских порядков был реакцией на очевидное нарушение нравственных норм традиционного общества, крестьянского мира». Здесь мы видим классический задел марксистской, или, скорее, «левацкой», социальной истории. У нас есть «темные массы», но они справедливы, и со временем

они приобретут классовое сознание и самоорганизуются. Крестьяне — наш сырой материал — приходят в город, они наивны, с ними что-то делают, их используют. Но у них есть институты крестьянской самоорганизации, которые нам известны из исследований русской общины. Снова цитата: «Артель сохраняла привычные крестьянину нормы взаимоотношений и нравственные ценности крестьянской общины, защищала от чужого, а потому пугающего индустриального мира, избавляла от возможных унижений со стороны администрации». Со временем артель превращается в орган рабочего класса. Присоединившись к производственному процессу, крестьяне начинают думать по-новому, приобщаются к революции.

Перед нами магистральное направление в историографии — социальная история. Я не пытаюсь отрицать ее успехи, но я попытаюсь объяснить, в чем я вижу здесь проблему, предложить альтернативный ход анализа. Самоидентификация «рабочий», на мой взгляд, современная. Она связана с политикой в современном значении этого слова, с городским дискурсом революционной России. Утверждение, что фабрично-заводские комитеты каким-то образом являются продолжением уклада крестьянской общины, не является доказанным. Как минимум не доказано, что новая, современная жажда к равенству заимствуется из крестьянской уравниловки. Нам не показано, как одни институты перерастали в другие, аргумент стоит на аналогии.

Я расскажу историю, которая для меня и моего поколения является формирующим моментом. В Колумбийский университет возвращается Дэвид Хоффман, который только что защитил диссертацию о новоприехавших крестьянах в Москве в 1930-х гг. Он настаивал на том, что первая пятилетка сохранила крестьянский уклад в городах, с землячествами и распеванием народных песен в парках. Хоффману важно показать, что крестьяне продолжают следовать своим региональным культурным и бытовым обычаям, сохраняя свою крестьянскую идентичность. На защите этой диссертации выступил тогда еще молодой Стивен Коткин, который заявил, что его это не удовлетворяет. По его мнению, главный вопрос об этих новых людях в столице — это не то, откуда эти люди приехали и что с собой привезли, а какие политические институты существовали в городе, и как они строили из них «нового человека». Важен — так считал Коткин — не крестьянско-артельный уклад, а комсомол. Тут появляется притча о котлете. Что придает «котлетность» котлете, из какого мяса эта котлета сделана или это мясорубка, которая превращает нечто в котлету, которая придает ей форму, определяет ее сущность? Та теоретическая школа дискурс-анализа, к которой я принадлежу, полагает, что те институты, те лезвия, те механизмы, которые вырабатывают эту новую советскую идентичность, важнее, чем то, что эти крестьяне принесли с собой в город.

Как социальные историки мыслят раскладку 1917 г.? Для них объект исследования — это «общество» и борьба в нем. Есть рабочие, утверждают они. Их представляли социал-демократические партии. Есть крестьяне. Их представляли эсеры. Есть, наконец, буржуазия, которую представляли кадеты. Таким образом, есть социальный пласт, группы с противоречивыми интересами. И эта борьба каким-то образом проявляется на политической арене, где политические партии борются за власть, выражая интересы и чаяния разных классов. Почему большевики победили в революции? Потому что рабочие оказались самой сильной социальной группой. Я утрирую, конечно, но мне важно показать аналитический ход социального историка. Дело в отражении социальных процессов на политической арене.

Анализ дискурса критикует концептуальный инструментарий социального историка, рассматривает общественные группы как конструкты, ставит под сомнение само понятие классового интереса. Ленин считал, что за рабочими будущее, следовательно, он считал, что представляет интересы всего человечества. А эсеры, так же как и Ленин, ограничены в своем политическом мышлении, поскольку выражают интересы отсталых крестьян. Но на самом деле, если прислушаться к социалистам-революционерам, то они выражают интересы не крестьян, а всего человечества, интересы всего трудового народа. Так что вовсе не удивительно, что эсеры агитировали среди рабочих и часто выигрывали выборы на фабриках, обгоняя социал-демократов, которые считали что рабочие — это их контингент. Кадеты также не считали, что они выражают интересы только буржуазии, хоть в этом как раз и соглашались социал-демократы и социалисты-революционеры. Кадеты считали, что они выступают и за рабочих, и за крестьян, за социальную справедливость в общем. Они не видели причины продвигать интересы одной группы против другой, ратовать за рабочих как таковых или за крестьян как таковых. Они говорят о нации вообще, которая, конечно, включает и крестьян, и рабочих.

Итак, социальная номенклатура 1917 г. — это не объективно существовавшие классы, а политические клише — определенное прочтение современного политического тела (*body politics*). Главный вопрос революции заключался в методе описания действительности. Вещи приходят на свои места, если в отношении большевиков мы пишем не «рабочие», а «рабочие» в кавычках, в отношении эсеров — не «рабочие» и «крестьяне», а «труженики», в отношении кадетов — не те или иные классы, а «русский народ». То есть мы переходим с анализа социальных процессов, в которых участвуют объективно существовавшие социальные группы на язык партий, которые эти группы выводили из своей идеологии и которые пытались навязать им свой язык. Политика в этом понимании — это не классовая борьба, а борьба за язык, за право описывать действительность в определенных терминах. Победа большевиков — это не победа рабочих, а победа тех интеллектуалов, которые настаивали на марксизме как на единственно правильном способе описывать действительность. Иными словами, нас интересует не действительность, а глаз, который на нее смотрит. Язык социолога, он же и язык политика 1917 г. (какой партийный лидер не видел в себе социального теоретика?), не рефлексировал по поводу уже существующей реальности, а на самом деле ее создавал. Теоретический спор и политическая борьба неотличимы и определяют, как развивается революция, а не какие-то глубинные объективные социальные или экономические процессы.

Дискурс-анализ настаивает на определении правил игры — в нашем случае игры в революцию. Любой лидер партии в 1917 г. позиционировал себя как универсалиста, кого-то, кто вещает от имени исторического процесса, человечества как такового. Просто необходимо понять, в каком смысле «рабочий класс», «труженики» или «народ» олицетворяли для тех или иных лидеров эти абстракции. И любой лидер партии в 1917 г. клеймил своих врагов за партикуляризм, настаивая, что они представляют узкие интересы тех или иных групп. Правила игры либерализма — каждый за себя, а в парламенте уж как-нибудь будет достигнут компромисс — была чужда 1917 г., где само понятие «интерес» функционировало как ярлык, который делегитимизировал, выводил из игры. А что в этой игре являлось победой? Тут важно не «почему», а «что», не почему большевики выиграли революцию, а что это

значит. Мы не задаем вопросы о причинах событий. Мы анализируем их эффекты. Победа большевиков — это победа рабочей самоидентификации, определенного метода конструирования себя и действительности.

Сначала у меня были претензии к статье В.Б. Аксенова. Прочитую: «Социально-психологический кризис, проявившийся, в частности, в росте числа душевнобольных, привел к распространению массовых фобий, самой яркой визуализацией которых стал образ черного авто. Обладая архетипическими признаками, а также будучи связан с изобразительной (кинематографической), литературной, криминальной традициями, он, переживая трансформации на протяжении всей политической истории революции 1917 г...» Я понял, что здесь идет разговор о психоистории, что сначала меня насторожило. Концептуальный аппарат тут совсем не определен. В начале статьи идет разговор об условиях массового психоза. Страницей позже проявляется термин «мания», через страницу — «невроз», далее «массовая фобия». Вначале мне казалось, что это недостаток статьи. Но вчитываясь, я понял, что то раздражение, которое я испытываю, является суггестивным ходом, попыткой воспроизвести ощущения 1917 г. как эпохи потери себя, полного конфуза. Потерявшись в материале статьи, я почувствовал себя современником революции, который потерял себя в этом массовом психозе.

Из статьи П.Г. Рогозного я вынес, что главной идеей была попытка работать с понятием «войны лозунгов». Понятие «церковные большевики» — это, конечно, нонсенс с точки зрения семантики, но прагматически термин работает: назови кого-то «церковным большевиком», и ты приведешь к его полной делегитимизации — иными словами, перед нами опять социальное описание, которое надо рассматривать не как действительность, а как ход в игре, как риторический ход в революционном дискурсе.

Дайана Кoenкер

Я хочу предварить мои комментарии объяснением моей точки зрения. Я когда-то плотно занималась изучением Революции 1917 г., в то время, когда много вопросов было без ответов, когда появлялись новые методы исследования, медленно расширялись возможности доступа к материалам. Я бы сказала, что 60–70-е гг., годы вокруг 50-й годовщины Революции 1917 г., были очень интересным временем для историка революции.

В последующей работе я, однако, оставила 1917 г. позади и стала больше интересоваться вопросами о произошедшем после этого, как стало выглядеть это государство и общество, когда было завоевано право строить социалистическую модель? При этом мои интересы оставались связаны с первоначальными надеждами и ожиданиями тех, кто сделал Революцию в 1917 г.: простых людей, особенно рабочих. В своем последнем проекте я вернулась к вопросам, которые имели центральное значение для рабочих в 1917 г.: не только достоинства и равенства, но, что, возможно, более важно, их права на достойный уровень жизни, возможность выбора в потреблении товаров, услуг, отдыха и культурных мероприятий, как самостоятельных, автономных, современных самостоятельных лиц. В настоящее время я исследую период 60-х гг., которые, как мне кажется, были последней попыткой и кульминацией выполнения обещаний революции. Это был период, когда советское народное хозяйство поставило своей целью экономическое благосостояние в широком масштабе, в том числе в отношении товаров, путешествий, культуры.

Если мы думаем о 50-й годовщине Революции 1917 г. в 1967 г., мы могли бы сказать, соглашаясь с авторами Генисом и Вайлем, что она отметила абсолютную высшую точку достижений советского социализма — после Гагарина, до Праги.

Я всё спрашивала себя: что добавляет взгляд из сегодняшнего дня к нашему пониманию войны и революции? Почему, кроме истечения 100 лет, эти события важны для нас сегодня? На каком основании мы можем принять новый подход к старым событиям? Я думаю, что есть три оправдания для пересмотра старых тем:

- а) новые документы;
- б) новые современные проблемы, для которых в 1991 г. отмечен резкий перелом;
- в) новые вопросы, возможно, ставят документы или, может быть, текущий момент.

В 60-х гг., когда я начала работать над историей 1917 г., было два наиважнейших нарратива истории революции: один подразумевал трагедию, другой говорил о революции как о логическом результате социально-экономических процессов. Эти дебаты сейчас значительно смягчились. Это делает возможным хорошие исследования. Но мне интересно, потеряла ли для нас актуальность эта история, которая важна для сегодняшнего дня?

Тема этой панели «Культура и сознание эпохи революции». Это отражает влияние «культурного перелома» в истории революции, где когда-то доминировали социальная и политическая история. Это не значит, что «культура» и «сознание» не были важными аналитическими категориями, но они были подчинены господствующим темам на основе аналитических структур, используемых историками в те времена. Мы были заинтересованы в сознании, но прежде всего в сознании, которое касалось идентичности социальных классов. Мы были заинтересованы в культуре, но и в пути, по Э.П. Томпсону или Карлу Марксу, в котором культура отражала классовые идентичности и классовое сознание. Класс был для историков мощным эвристическим инструментом. Примат социальных групп давал согласованность, структуру, через которую можно было интерпретировать процессы и их значение. Примат социальных групп, чья общность была основана на общих материальных позициях, а не на крови, территории или религии, давал какое-то нейтральное значение, условно объективную позицию, через которую интерпретируют процесс и значение, а также для измерения изменений.

Методики этих трех докладов подчеркивают центральную роль информации в революционном процессе. В 1917 г. события развивались стремительно в нескольких плоскостях, в нескольких пространствах, и для того чтобы иметь возможность интерпретировать эти события и предвидеть их будущий курс, революционные участники стремились контролировать необходимую информацию. Политические партии признали это и стремились приобрести средства для распространения информации. Постоянные митинги 1917 г. являлись устной формой передачи информации. Слухи были искаженной формой информации. Доклады также подчеркивают применимость и податливость «меток», терминов, обозначающих сознание и используемых как его инструмент. Класс был таким ярлыком, который, как я писала, был и мощным, и спорным. Эти доклады предлагают нам термины «большевики-ленинцы», «церковные большевики», «контроль» и «самоуправление», «конституции». Термины помогают нам классифицировать. Они также помогали современникам революции классифицировать мир вокруг себя. Термины могут запутать и обезвредить. Так, слухи о черном автомобиле использовались различными политическими группами, чтобы классифицировать их понимание смысла революции.

Доклад В.Б. Аксенова показывает, как информация, находившаяся под цензурой, может способствовать распространению слухов и создавать определенный вид сознания. Такое сознание формируется под действием слухов больше, чем под влиянием так называемой достоверной информации. Его пример слуха о черном автомобиле иллюстрирует, как «сознание» основывалось на информации, аффектах, эмоциях и сходстве. Как и другие формы сознания, власть слухов зависит от предыдущих договоренностей, эмоциональных крючков, которые сцепляют его с чем-то новым. В условиях быстрых политических и социально-экономических преобразований слухи заполнили свою нишу. Но эта ниша обусловлена предыдущими отношениями. Мы могли бы даже сказать, что слухи были обусловлены культурой в антропологическом смысле. Слухи вызывают стереотипы, но не создают их. Но, в свою очередь, слухи начинают дальше формировать сознание, добавив конкретности и действительности в предыдущие восприятия. Так что и левые, и правые могут присваивать символы страха, порожденного изображением черных автомобилей.

Устойчивость таких слухов показывает, как отмечает В.Б. Аксенов, важность психологии; возможно, она была своего рода отличительной особенностью революционной психологии, которая возникает в моменты кризиса и интенсивных изменений.

Доклад заставляет меня задать пару вопросов. Значимость автомобиля кажется очевидной. Как и поезд (и я имею в виду образ бронепоезда Троцкого и др.), автомобиль являлся символом современности, со всеми ее признаками нового и страхами. Это «современность на колесах» проносится вокруг углов и между скал, травмируя пешеходов. Но почему именно «черный»? Были ли все автомобили черными в это время? Какое еще значение имел черный цвет в этот период как символ?

Второй вопрос касается использования нами слухов и приписывания настроений. Учитывая то, каким был податливый и универсальный образ черного автомобиля, как понять смысл его? Всё зависит от точки зрения, которую вы выбрали заранее. Как мы можем доверять источникам, которые зависели от оценки настроения через слухи и сплетни? И Охранка, и ЧК сообщали своему начальству, что они знают о «настроениях» населения. Были ли они филологами, которые могут отделить слух от факта, настроение от сознания? Как экспертиза такой психологической вещи, как слух, помогает нам оценить наши источники?

Доклад П.Г. Рогозного о духовенстве, боровшемся против церкви, также иллюстрирует силу терминов, которые являются подменой революционных идей. Стереотипы, возможно, искажают и огрубляют политическую культуру. Кроме того, П.Г. Рогозный вводит институт церкви как более многогранного политического актора в революционный период, нежели мы привыкли считать. Он предлагает взглянуть на пересечение религиозных верований и сознания с революционной политикой. Он также знакомит нас с некоторыми примерами распущенности религиозных людей. Марксизм не ждал ничего положительного от «опиума для народа», и марксисты желали бы встретить поведение, похожее на Даниловских монахов, с которых П.Г. Рогозный начинает свой доклад. Тем не менее, как он показывает, интересы некоторых церковных акторов и людей, которым они служили, имели много общего. Поэтому было возможно появление этой отколовшейся группы, помеченной негативным ярлыком «церковных большевиков». Церковное руководство думало, что оно могло бы изолировать этих ренегатов через язык, маркируя их как «большевиков». Переделывая и искажая информацию через эти термины, Церковь стремилась подтвердить свою силу и власть.

Мой вопрос для П.Г. Рогозного касается и терминов, и стереотипов. Являются ли они более или менее эффективными в определенные моменты и среди конкретных групп населения? Моменты — т. е. период быстрых перемен или резкой поляризации. Населения — в смысле группы людей, не имеющих общей политической культуры или с ограниченным образованием, или тех, кто так активно занимался борьбой в повседневной жизни или по каким-то веским причинам (например из-за войны), что у них не было времени на долгие аргументированные объяснения, и они ограничиваются ярлыками «буржуй» или «черносотенец», или «троцкист», как будто это всё может объяснить.

Н.В. Михайлов, как и В.Б. Аксенов, берет конкретный термин или ярлык — «рабочий контроль» — и исследует, как его понимание и значение опиралось на предыдущие договоренности, а также создавало новые концепции в процессе революционного конфликта. Он показывает важные и тонкие различия между идеями контроля, самоуправления и заводской конституцией. Он обсуждает некоторые теоретические источники этих идей, будь то рабочая артель или крестьянская община. В 1917 г. было много возможностей для этих идей, чтобы играть позитивную и примирительную роль в революционном сознании. Идея «рабочей конституции» предполагает права и обязанности, которые предоставляются как работникам, так и владельцам и заведующим фабрикой. В 1917 г. еще было возможно, чтобы эти группы нашли общий язык в управлении фабрикой. Воспоминания Эдуарда Дуне «Записки красногвардейца» свидетельствуют о том, что его московский завод работал полноценно в 1917 г. только с такой неявной конституцией. В социальной демократии того времени оставалось достаточно места для культуры сотрудничества и компромисса.

По словам Н.В. Михайлова, две вещи тормозили развитие этой культуры. Одна из них состояла в том, что большевики предпочитали централизацию, вертикаль власти, как более эффективную в период дефицита материальных и людских ресурсов. Другая заключалась в отказе фабрикантов сотрудничать. Я давно считаю, что никто не был более сознательным в понимании классов, чем российская промышленная буржуазия в 1917 г. Они верили в классовую борьбу и в свое право выиграть ее.

Доклад Н.В. Михайлова также предлагает вопросы для тех из нас, кто изучает период после 1917 г. Что стало с культурой «рабочего контроля» и заводской конституции при социализме? С одной стороны, как указывали некоторые советские рабочие, большевистские начальники были «боссами», такими же, как любой другой. С другой стороны, режим пытался стимулировать множество практик, направленных на участие работников в их производстве путем социалистических соревнований, школы коммунистического труда, народного контроля, а также путем создания профсоюзов. Я думаю, что если не в теории, то на практике горизонтальное взаимодействие победило вертикальное. Мой вопрос Н.В. Михайлову: если говорить о рабочих и вожаках заводских комитетов, в какой степени существовал такой же разрыв между ними, как между трудом и управлением, и почему?

Мой вопрос касается всех трех докладчиков. Мы имеем дело с языком и с тем, как слова, фразы и термины воспринимаются и используются. Есть много социально-лингвистических исследований о гендерных различиях в восприятии и использовании языка. Что мы могли бы узнать, если бы были в состоянии провести различие между представлением женщин и мужчин о черных автомобилях, о рабочем контроле, а также о церковных большевиках? Умеют ли женщины распространять разные слухи, воспринимать термины по-разному и почему?

Владимир Юрьевич Черняев

У меня два замечания.

Первое. Рабочий контроль, с моей точки зрения, так же как и право наций на самоопределение вплоть до отделения, успешно использовался большевиками с целью ослабить Временное правительство и облегчить себе захват власти. Придя к власти, они свернули рабочий контроль, понимая, что он разрушает производство, и начали создавать советскую империю.

Второе. Партия народной свободы, или конституционные демократы, была партией не буржуазии, а демократической и либеральной интеллигенции. Эта партия выступала за правовое государство, равенство всех перед законом. В ее программе нет пункта о защите интересов промышленников и предпринимателей, которые отнюдь не были заинтересованы в равенстве перед законом с рабочими. Но промышленники и предприниматели в 1917 г. не имели своей партии.

Ёсиро Икэда

Профессор И. Халфин сказал, что мы должны думать о том, почему марксистский дискурс был таким сильным. Я тоже считаю, что марксистский дискурс в 1917 г. имел большую мобилизационную силу среди населения. Почему? Потому что этот дискурс помогал консолидации населения. Общество дореволюционной России было основано на том принципе, что обыватели должны быть так или иначе сгруппированы. Царский режим был основан на институте сословий или системе курий. В этот период было очень слабым общегражданское сознание. Даже после Февральской революции часть этой структуры была унаследована от предшествующего времени. Во многих городах были созданы Комитеты общественной безопасности. Выборы их президиумов не были общегражданскими. Например, в Москве использовалась та же система курий. Группирование населения, а не общегражданский подход к нему очень соответствовал марксистскому мирозерцанию. Можно даже сказать, что марксистская идеология была псевдосословной. Конечно, сейчас мы должны употреблять этот дискурс. Если мы используем общегражданский подход, мы не сможем понять общество 1917 г. Но в таком случае, какую терминологию мы должны использовать для описания этого общества, которое действительно было разделено не только в представлении людей? Мне кажется, такой терминологический аппарат предлагает корпоративизм.

Цуёси Хасегава

В докладе П.Г. Рогозного рассматривается политика внутри Церкви. Мне интересна роль религии вне Церкви. В 1917 г. люди испытывали не только политические и социальные изменения, но и культурные. В газетах того времени очень много рекламы порнографических пьес. Люди возмущались. Некоторые требовали восстановления театральной цензуры. В период такого политического и духовного кризиса люди искали утешения в религии. Мне бы хотелось узнать, что случилось с религиозностью людей во время революции? Ходили ли они в церковь или перестали? Что случилось с образом жизни, связанным с церковными обрядами: свадьбой, похоронами? Отмечали ли религиозные праздники?

В 1917 г. много примеров того, что грабили церкви и кладбища. Многие иконы и священные предметы уничтожались. Насколько я понимаю, это было редкостью до Февральской революции. Что это? Примеры брутализации духовного мира?

Андрей Кушко

Я хотел бы обратиться с вопросом к П.Г. Рогозному, в некотором смысле продолжая вопрос профессора Ц. Хасегавы. Меня поразила история монахов Данилова монастыря. Я хотел бы остановиться на возможных подходах к изучению сотрудничества части церковного клира с большевиками. С одной стороны, можно применить социальный подход. Социальная активность клира — не новое явление в революции. Этот процесс можно проследить с 1905 г., когда политизация священников шла довольно бурными темпами. Большинство священнослужителей, конечно, оставались монархистами. Но та часть священников, которая перешла в оппозицию, отличалась своей близостью к народу. Это один из возможных подходов, социальный.

Возможен также подход, который условно можно назвать дискурсивным. Пример Данилова монастыря можно интерпретировать и как пример перформативности, почти в смысле М. Бахтина — как полное отрицание существующих иерархий. Монахи полностью отвергают ту роль, которая им обычно отводилась в обществе.

Теперь несколько слов о докладе В.Б. Аксенова. Слухи — это всегда порождение кризиса. Они также являются порождением аномии. Образ вооруженного автомобиля связан с войной, с модерностью. Но он также может быть связан со страхом масс перед модерностью. В традиционном обществе переход к модерности всегда воспринимается как нечто отрицательное. Например, в Добрудже, когда османские власти построили железную дорогу, крестьяне воспринимали поезд как нечто дьявольское. Можно ли интерпретировать появление слуха о черном автомобиле как проявление страха перед технологиями?

Марк Стейнберг

Я хотел бы присоединиться к дискуссии о докладе П.Г. Рогозного. Мне тоже интересно религиозное сознание в революции. У него в докладе говорится о сознании религиозных людей в революции. После прочтения этого очень интересного доклада мне показалось, что «нестроение» в церковной жизни (особенно так называемый «церковный большевизм») был результатом не столько сочувствия страданиям народа (как Тихвинский выразился в 1905 г.) или моральной концепции более справедливого мира, недоверия церковному начальству, более политическому чувству, нежели духовному. Может быть, мое прочтение упрощает ваш аргумент. Мне было бы интересно услышать больше о точках зрения этих диссидентских священников: их социальном сознании, мировоззрении, в особенности о современной им ситуации в России. Может быть, как в статье Михаила Галкина в «Правде» в декабре 1917 г., были у многих других священников идеи об отделении церкви от государства (религия как «частное дело каждого человека», как он написал). Но может быть, также были социально-моральные взгляды на ситуацию в России, которые пробуждали симпатии к революции и враждебность к церковным начальникам?

Константин Андреевич Тарасов

Я хотел бы «зацепиться» за термин «церковный большевизм» и поговорить об этом и похожем клише, ярлыке и о том влиянии на революцию, которое он имел. В моих материалах, связанных с армией, начиная с апреля появляется термин «солдатский большевизм». Во многом он был связан с возвращением Ленина в Россию. В газетах муссировалась история его проезда через территорию Германии.

Благодаря этому слово «большевизм» прочно вошло в обиход. Вначале это клише содержало в себе исключительно негативную характеристику. Начиная примерно с мая—июня, по крайней мере в Петроградском гарнизоне противники тех решений, которые принимало Временное правительство и Петроградский Совет, вдруг стали принимать на себя этот негативный ярлык. Однако то, как солдаты понимали «большевизм», и то, какую программу представляли большевики, очень сильно разнилось. В одной из своих статей Ленин написал: «Всякий недовольный сознательный революционер, возмущенный борец, тоскующий по своей хате и не видящий конца войны, иной раз прямо борющийся за свою шкуру человек встает под знамена большевизма». Все эти различные категории перечислены через запятую. При этом Ленин не считал это положительным явлением. Далее в статье он писал о том, что такая ситуация дискредитирует партию, способствует различным эксцессам. В этот же период наблюдается интересное явление. От имени большевиков начинают выступать люди, не имевшие отношения к партии. Одновременно и самих солдат, которые, например, протестуют против политики наступления, против власти офицеров или отмены отпусков, начинают называть большевиками, а всё это движение связывают с «большевизмом». Получается, что это клише вольно или невольно объединяло вокруг партии большевиков разнообразное оппозиционное движение, в том числе и тех самых «шкурников».

Подобным же стереотипом, который для Петроградского гарнизона имел большое значение, было клише «буржуй». «Буржуями» солдаты называли офицеров, даже аристократов, т. е. тех, кто формально не имел никакого отношения к этому «классу». Так, один из офицеров пересказывал слова своего подчиненного, что если бы и он, этот рядовой, носил золотые погоны, то думал бы так же, как «буржуй». Таким образом, этот термин, который солдаты почерпнули из политического языка социалистических партий, получил свое собственное наполнение. Этот момент возвращает нас к выступлению И. Халфина о столкновении социальной истории с дискурсивной. Идентификация и самоидентификация зачастую имели мало общего с тем социологическим или политологическим терминологическим аппаратом, с помощью которого историк структурирует свой материал.

Питер Холквист

У меня также вопрос о «церковном большевизме». Как вы считаете, это общее явление революционной эпохи для духовенства всех вероисповеданий или специфическое явление Русской Православной Церкви? Это реакция священников и монахов на свое начальство или там играет большую роль революционная среда и революционная культура?

Антон Викторович Посадский

Раз уж прозвучал термин «церковный большевизм» и вслед за ним «солдатский большевизм», можно вспомнить еще одно похожее клише — «белый большевизм». Это выражение из эсеровской среды. Под ним понимался военный экстремизм, атаманщина, всё то, что ассоциировалось с худшими сторонами старого режима и что губило Белое движение. Для большинства представителей белых большевизм выглядел не как партийная доктрина или программа. Всё то, что ассоциировалось с революцией, с этой ненавистной шелухой от семечек, всю эту «взбунтовавшаяся чернь» они называли большевизмом.

Теперь о черном автомобиле. Между мельканием автомобилей во время Февральской революции и «черным воронком» можно припомнить участие автомобилей в Гражданской войне. Автомобиль в это время становится статусным явлением. Отобрать автомобиль означало унижить. Простолюдин на автомобиле — это сам по себе символ революции. Например, Чапаев, который благодаря своему кинообразу воспринимается как кавалерист, на самом деле, по некоторым свидетельствам, предпочитал лошади автомобиль.

Есть еще военный аспект. Гражданская война — это еще и противостояние города и деревни, модерности и традиционности. Во всех карательных операциях против повстанцев, и антоновщины и махновщины, использовались бронепоезда, бронестрелы. Автомобиль и вообще техника как инструмент устрашения бунтующей деревни. Панический страх был перед броневиками, не столько даже реальными, сколько их образами.

Лора Энгельштейн

На этом коллоквиуме нет ни одной панели, посвященной социальным классам. История о рабочих, например, разделена между двумя панелями. Поэтому мне хотелось бы вернуться к выступлению И. Халфина. Эти классы были во время революции крайне расплывчаты: крестьяне в армии, рабочие, ушедшие в деревню и т. д. Терминология являлась попыткой упростить действительность, которая была неуловима в этот момент. Термины использовались символическим способом. Мы можем называть это дискурсом, но это был и символический язык. Человек, который находился в центре этих событий, нуждался в определенности.

Николай Николаевич Смирнов

Я хотел бы продолжить выступление Лоры Энгельштейн и выразить удивление, что на нашем коллоквиуме отсутствует еще одна тема, мимо которой нельзя пройти. Это проблема воздействия союзников на развитие революционных событий в Петрограде. Говорить об этом необходимо, потому что роль, которую сыграли союзники и в событиях Февраля, и Октября, необычайно велика. Достаточно обратиться к дневникам Альбера Тома и Мориса Палеолога, для того чтобы понять, насколько серьезное внимание союзники, в частности Франция, уделяли тому, что происходило в России.

Сегодня прозвучало сообщение, посвященное слухам и мифологемам. Так вот, один из слухов, который циркулировал в Петрограде, а потом и по всей России, был связан с возвращением русских эмигрантов. Известно, что после того, как первый состав прибыл в Петроград, моментально стали распространяться слухи о том, что это Германия купила всех тех, кто ехал на родину для того, чтобы здесь развернуть пацифистскую пропаганду. Так ли это было на самом деле?

Русские эмигранты обращались к министерству иностранных дел Франции для того, чтобы им была оказана помощь в возвращении в Россию обычным путем через Францию, Великобританию, Северное море, Норвегию, Швецию и далее через Финляндию в Россию. Министерство иностранных дел Франции им отказывает, ссылаясь на то, что не может обеспечить возвращенцам безопасность из-за действующих в Северном море германских подводных лодок. Интересно, что министр вооружений Франции Альбер Тома добирался в Петроград морским путем, манкируя опасностью стать жертвой немецких субмарин. Причем вместе с ним в столицу

прибыли некоторые из тех русских эмигрантов, которые не «запятнали» себя пацифистской пропагандой. Среди них был знаменитый П.А. Кропоткин.

Собираясь в Россию, Альбер Тома встретился с Ллойдом Джорджем. Их разговор длился несколько часов. Вероятно, французский и английский министры обсуждали проблему русских пацифистов и выработали программу превентивных мер. Не случайно, что на следующий после прибытия А. Тома в русскую столицу день петроградские газеты были заполнены сообщениями, посвященными немецкому фактору в возвращении русских политических эмигрантов.

Алексей Иванович Богомолов

По своим материалам, которые касаются периода задолго до 1917 г. (Урал, 1890—1900-е гг.), я обнаруживаю еще один похожий образ — образ черной кареты. Есть всего пара случаев, но, тем не менее, он появляется еще до «черного воронка» 1930-х гг. и до черного автомобиля 1917 г.

Теперь несколько комментариев по поводу докладов и выступления И. Халфина. Я бы не стал ставить знак равенства между левыми партиями, которые работали в рабочей среде в конце XIX — начале XX в., и «левацкой» социальной историей, которая эти процессы изучала. Дело в том, что рабочий, сознавал ли он себя таким или считал себя крестьянином, приехавшим на заработки на завод, в любом случае это «вещь в себе». Его нельзя называть «наивным», его нельзя называть «сознательным» или «несознательным», как это делали пропагандисты. Прежде всего, рабочий — это не только личность с некими субъективными характеристиками и самоидентификацией, но и участник вполне реальных социальных отношений и социальных коллективов, которые на этих заводах присутствовали. Само понятие «рабочий» все-таки обобщенное. Генерализировать его еще большая ошибка, чем та, которую совершали партийные пропагандисты. У них была конкретная цель, для которой эта генерализация была нужна. Если менялась цель, они легко от этой генерализации отказывались: например, когда советским функционерам было выгодно, они называли жителей заводских поселков Урала рабочими, но в документах о подавлении антибольшевистских восстаний лета 1918 г. значится такая пометка: «Там нет рабочих, на заводах массовые кулацкие мятежи». Рабочие были разные. Были потомственные рабочие, сложившаяся группа, которая поколениями проживала в заводских поселках и крупных городах. Были рабочие, которые свои семьи оставляли в деревне и уезжали в город на заработки. Это различие видно и на примере того же самого 1917 г. Петроградские заводы, которые подняли 350-тысячные забастовки в феврале—марте, к концу года уже по численности рабочих «похудели» в десятки раз. Рабочие, ушедшие с этих заводов, не все ушли в Красную гвардию, не все подались в «мешочники», в «зажигалочники». Многие из них вернулись домой, в села центральной и северо-западной России, потому что в городе они снимали жилье, ходили на работу. Когда работы не стало, не стало и заработка, и они уехали крестьянствовать. В начале 1920-х гг., когда новая власть восстанавливала производство, это стало большой проблемой. Вернулись далеко не все, на заводы пришла «зеленая» крестьянская молодежь, которую пришлось заново обучать классовому сознанию.

Еще о рабочем сознании и о религиозности рабочих. В марте 1917 г. в городе Златоуст, где располагались оружейный и железоделательный заводы, была совершена панихида по рабочим, жертвам уральского «кровавого воскресенья», убиен-

ным в марте 1903 г., когда от 60 до 200 рабочих было расстреляно. Рабочие об этом не забыли и решили, когда это стало возможно, почтить память этих людей. Парадокс этой ситуации состоит в том, что в тот же самый день, в той же самой церкви, тем же самым священником было пропето долголетие царствующему дому, хотя об отречении монарха уже знали. Получается, что в сознании рабочих-прихожан монархическая идея и рабочее сознание друг другу не противоречили.

Коллега И. Халфин заметил, что Н.В. Михайлов использует в своем тексте термин «сознательные рабочие». Можно называть их иначе, например рабочими активистами. Но действительно было две тенденции. Одна «сверху», когда партии старались говорить от лица рабочих, что они представляют их интересы. И «снизу», когда у рабочих были вполне объективные интересы. Они зачастую друг друга просто не понимали, потому что использовали совершенно разные слова. Несколько десятков лет ушло на то, чтобы рабочие и партийцы стали вкладывать одно и то же значение в слова. Интересы рабочих и большевиков на какой-то момент совпали, хотя и не совпали те слова, которые они употребляли.

Энтони Хейвуд

Я хочу вернуться к вопросу об источниках слухов. Я сейчас просматриваю прессу времен войны. Там очень много пробелов, статей, изъятых цензурой. При этом можно найти информацию обо всех катастрофах. В ноябре 1916 г. катастрофа на одной из местных железных дорог в Москве. В декабре 1914 г. кризис с водоснабжением в столице, два дня не было воды. У меня тогда возник вопрос, чем интересовалась цензура? Если о катастрофах так подробно говорится, то что тогда изъято? У читателей должно было сложиться недоверие. Во многих газетах пишется про обстрелы отрядов Красного креста немцами. В архивах я пока не нашел ни одного подтверждения этим сообщениям. Кому можно доверять? Каково было отношение населения к газетам?

Борис Борисович Дубенцов

Мне хотелось бы обратиться к докладу Н.В. Михайлова. Как представляется, в нашей дискуссии большее внимание уделено первой части этого доклада. Именно ей было посвящено выступление профессора Халфина. Но мне думается, что и вторую часть этого доклада не следует забывать. Именно в этой части поставлен вопрос, кто кому был «педагогом»? Деятели левого спектра политических партий формировали повестку или рабочая масса выдвигала свои вопросы, которые партии должны были учитывать, если они хотели оставаться во главе движения? Н.В. Михайлову вполне удалось показать, что эта «максимализация» требований рабочих порождала у одних партий запоздалую готовность в какой-то мере им соответствовать, а у других вызывало организационное противодействие. И тут мы возвращаемся к теме, которая поднимается в ходе наших дискуссий вновь и вновь. Насколько верна парадигма о «серой массе», которую ведут за собой разумные и подготовленные вожди и политические структуры?

Далее мне хотелось бы обратить внимание на определенный аспект доклада П.Г. Рогозного. Мне кажется, что в нем было бы не совсем верно употреблять слово «клише», более уместно употребить слово «маркер», например. В докладе идет речь о двух несходных между собой явлениях, которые получили одно и то же обозначение или, иначе говоря, были помечены одним и тем же маркером. С одной

стороны, это стихийный протест против прежних правил и собственного прежнего статуса. В этом случае словом «большевизм» обозначается экстремистская манера действия. Такие приемы обновления, когда в монастырь пускают женщин, когда там пьют водку, означает скорее разрушение. С другой стороны, это проникновение политических предпочтений в определенную социальную среду, в духовенство. Термин «большевизм» широко употреблялся, как об этом говорили А.В. Посадский и К.А. Тарасов. И мне бы хотелось, чтобы здесь проводилось разграничение между «большевизмом» как обозначением идеологического концепта и образом действий людей, которые были крайне далеки от этого концепта.

Игал Халфин

Я хотел бы обобщить кое-что из сегодняшней и вчерашней дискуссий. Я бы хотел сделать предложение. 1917 г. можно заниматься, не используя традиционную историческую терминологию, а заимствовать ее из антропологии. Классический историк научен интересоваться объективной действительностью, а язык ее описания является либо адекватным, либо искажающим эту объективную действительность. Его цель — найти правильный аналитический язык, правильную терминологию для этого описания. Я не согласен с таким подходом, потому что считаю, что язык эпохи является сам по себе сердцевиной исторического феномена. Он в том смысле всегда правилен, что всегда имеет исторические эффекты. Я предлагаю отказаться от термина «объективные интересы» или «объективное состояние вещей», а просто заниматься языками описания, тем, что называется *fake description*. Такого сорта анализ раскрывает внутреннюю структуру революционного проекта и позволяет нам воссоздать те смыслы, в которых действовали акторы того времени.

Возвращаясь к социологическим понятиям, вроде «элиты». Элита не является термином, который широко использовался в 1917 г. Такого сорта социологическая терминология, которая предлагает заниматься сравнительными исследованиями, раскроет нам феномен Русской революции. Тогда контрэлитой называлась интеллигенция. Нужно попытаться понять отношение к власти и отношение к легитимности через языки самоописания того времени.

Борис Иванович Колоницкий

Вчера профессор В.В. Калашников дал классификацию российских историков. Одна группа, по его словам, продолжает советскую традицию. К этой группе он причислил себя. Вторую группу он назвал «западно-объективистскими историками». И третьи — монархически-православные историки. Это заставляет нас подумать о мощном поле влияния советской традиции. Плюс позиции В.В. Калашникова заключается в том, что он откровенно себя позиционирует. Некоторые находятся в поле влияния советской традиции, иногда занимая совершенно другие идеологические позиции. Мой друг и коллега В.Ю. Черняев в своем комментарии дал образец такого внешне идеологически антисоветского, но структурно очень советского описания. Тут есть и телеология, есть объективность, классы, интересы которых кто-то выражает. Я сам нахожусь в поле влияния советской традиции. И там же находится мой друг И. Халфин. В его схеме есть своя телеология, есть вера в универсальный метод. Калашников считает, что есть один важный вопрос, а остальные вопросы неважны. И. Халфин говорит, что нужно изучать язык, а остальное неважно. Я сделал немного, чтобы изучать языки революции, но при

этом я понимаю, что люди существовали. Образ мясорубки, он, как и любая метафора, является опасным. Если мы хотим понять продукт эпохи, то важно изучать не только «мясорубки», но и то, из чего делают «котлеты», что отчасти делает Н.В. Михайлов. Я думаю, что поставить рабочих в кавычки, изучать то, как называли рабочих — не решение вопроса. Даже если оставаться в поле изучения языка, нам нужно каждый раз переводить, что означают «рабочие». Так же как нам иногда надо переводить, что такое большевики. Я согласен, что противопоставление каких-то рабочих каким-то большевикам сразу требует от нас уточнений. Наверно, нужно говорить не просто о том, что большевики взяли и использовали анархо-синдикалистский или какой-либо еще «тренд» рабочего движения. Были и какие-то другие большевики. Большевики — это тоже очень серьезное упрощение. Многие, как показывает П.Г. Рогозный, именовались большевиками, хотя Ленин и Троцкий вряд ли бы согласились с этим.

Здесь стоит одна очень важная проблема. Как нам использовать то, что накоплено нашей историографией? Я очень сожалею, что рабочие уходят из историографии, потому что создана большая база данных, которые могут быть использованы для изучения рабочих как таковых, но также и для изучения таких вещей, как гендер или культура.

Владимир Иванович Шишкин

Я бы хотел отреагировать на реплику профессора Халфина. Наука, которую мы представляем, обладает очень бедным, неразветвленным, категориально неточным терминологическим аппаратом. Многие понятия мы заимствуем из смежных гуманитарных и общественных наук. Это нормальная ситуация. Таким образом, элита и контрэлита — это с одной стороны чуждые, но адаптированные современными историками термины. Эти термины, как я уже говорил, неточные. Они даже в социологии интерпретируются по-разному. Есть разные подходы. Наиболее надежным подходом является позиционный.

Я согласен с профессором Халфиным, что значительное ядро контрэлиты составляла интеллигенция, но было бы неправильно полностью ее к этому сводить. Были в контрэлите и другие социальные группы, о которых мы иногда забываем. Например, люди, которые называли себя профессиональными революционерами. Они так и писали о себе в своих анкетах.

Владимир Викентьевич Лапин

Все доклады сегодняшние и дискуссия показали, что в изучении истории эпохи войн и революций есть два больших резерва. Первое — это история технологий. Много говорится о кризисе на железных дорогах, но ничего не сказано о технической составляющей кризиса. Чтобы построить одноколейную железнодорожную линию всего лишь в 100 км, нужно 150 тыс. шпал, которые весят в совокупности около 15 тыс. тонн. Чтобы подвести эти шпалы к месту строительства, нужен конский обоз длиной в 300 верст. Также нужно 300 тыс. так называемых костылей, которыми скрепляются рельсы и шпалы. Шпалы регулярно выходили из строя и требовали замены. Эшелон с углем, который шел из Донбасса в Петроград, каждый четвертый вагон тратил на то, чтобы добраться до места назначения и вернуться обратно. Дрова для отопления нужно было полгода сушить. Для того чтобы обеспечить достаточным количеством топлива необходимые точки в стране, нужно было

подготовить дрова заранее. Изучение логистики позволяет взглянуть на некоторые вещи в новом свете. Экстремальная ситуация Гражданской войны увеличивает эти сложности в разы.

В этот период произошла революция в представлениях о скорости. Автомобиль ехал со скоростью 60–70 км/ч, а тройка могла мчаться со скоростью только 30 км/ч. Для любого обывателя 1917 г. автомобиль имел невероятную скорость. При этом лошадь может бежать с предельной скоростью 2–3 минуты, автомобиль мог мчаться часами.

Второй резерв при изучении революции — это изучение субкультур. Военские части на фронте отличались от тех, которые находились в тылу, более высокой дисциплиной. В отсутствие боевых действий, но в условиях войны воинские части разлагаются везде и всегда, во все эпохи и во всех странах. Активность противника, реальная угроза с его стороны всегда и везде были сильным дисциплинирующими факторами.

Есть в психологии понятие «экспедиционизм», вынужденное совместное существование в замкнутом пространстве. Солдаты вынуждены были пребывать в своих казармах неделями и месяцами. Мне кажется, что тут не нужен революционный психоз для того, чтобы захотеть кого-то убивать.

Последнее. Известно, что наиболее революционными в Петроградском гарнизоне были пулеметные части. Обычные пехотинцы могли оказаться на службе в тылу, — охрана складов в Архангельске или в Екатеринбурге. Пулеметчики понимали, что они будут сидеть в первой линии окопов и жить до первого серьезно-го обстрела.

Владислав Бэнович Аксенов

Я, конечно, не рассматриваю массовое сумасшествие как причину революции. Я признаю существование объективных политических и экономических причин. Однако я считаю, что тот психологический климат в стране, который сложился накануне революции, определил некоторые формы революционной активности.

Я признаю, что проблема терминологического аппарата — это серьезная проблема моего доклада. Но возможно, что это проблема общего плана для тем, которые связаны с междисциплинарными исследованиями. Я опирался на социологию и психологию. Однако социология и психология являются такими же гуманитарными науками, как и история, и у них не меньше сложностей с терминологическим аппаратом. С точки зрения психологии, эмоция — это психологический процесс средней длительности, т. е. это пара секунд, максимум минута. Можем ли мы тогда изучать историю эмоций? Мне кажется, можем и должны.

Почему именно черное авто? Черный цвет ассоциируется со смертью. В культуре Серебряного века он может быть символом Апокалипсиса. Вообще автомобиль как художественный образ, как символ Апокалипсиса появляется в поэзии у В.В. Маяковского. В 1911 г. он пишет о рыжем автомобиле и называет его Дьяволом. Другой поэт Валентин Горянский (Иванов), находившийся под сильным влиянием Маяковского, часто развивал его образы. В 1917 г. он пишет стихотворение, которое повторяет образы стихотворения Маяковского 1911 г., при этом меняя рыжий автомобиль на черный.

Теперь об источниках. Меня заинтересовал слух о черном автомобиле не только своей интертекстуальностью, архетипической природой, но еще и тем, что он

повторяется в источниках разного происхождения. Например, мемуары секретаря Управления петроградской городской милиции З.С. Кельсона, дневники Н.П. Окунева, П.А. Сорокина, воспоминания И.А. Бунина — источники личного происхождения. Другой вид источников — визуальные. Третий пласт источников — это желтая пресса.

В связи с этим последним видом источников я хотел бы ответить на вопрос Э. Хейвуда о цензуре. Военная цензура появилась с начала Первой мировой войны. Постепенно цензурные правила ужесточались. Прежде всего удалялась информация, которая не повторяла донесения Петроградского информационного агентства. Кроме того, изымались всевозможные суждения на религиозные темы. По материалам перлюстрации видно, что цензоры запрещали солдатам писать о каких-либо мистических явлениях. Были и случаи, когда художники и журналисты описывали ситуацию, которая якобы имела место в Германии. Например, в 1916 г. российские медсестры были отправлены в Германию для помощи военнопленным. Там они удостоились приема немецкой императрицы. Иронизируя на тему того, что российские медсестры кланяются чужой императрице, художник нарисовал карикатуру. Всё бы ничего, но в образе немецкой императрицы на ней изображена Александра Федоровна. Другой пример, который мне не до конца понятен. В конце декабря 1916 г. в официальном издании «Летопись войны» появляется портрет Пуришкевича с подписью «Герой России». Это после того, как он убил друга императорской семьи Распутина. Конечно, можно сказать, что номер верстался заранее. Но всё равно должен же был цензор как-то на это отреагировать. Это может говорить о том, что даже цензоры могли проявлять в некоторых случаях свою гражданскую позицию.

Был задан вопрос о стихийности и сознательности. Я соглашусь с Б.И. Колодницким, который писал о стихийности появления и распространения слухов. Например, был слух, который перерос в анекдот о том, что императрица Александра Федоровна, когда бьют немцев, плачет, а когда бьют русских, смеется. Он появляется практически одновременно в разных концах Российской империи. С чем это связано? Мне кажется, это объясняется архетипической природой данного слуха. Оппозиция «плачет—смеется» встречается в религиозных апокрифических произведениях, она есть в догматах церкви. Эта оппозиция употребляется в отношении Дьявола. В конце существования Российской империи происходит не только десакрализация, но и демонизация царской власти.

Я набросаю схему складывания и дальнейшего развития слухов о черном авто. Действительно, черная карета появляется в середине XIX в., причем не только на Урале. Напомню, что в Москве и Петербурге действовала банда «Черных валетов», которые совершали нападения на банки и развезжали на черных каретах. Помимо черной кареты, была еще серая. Она развезжала по Москве и увозила в неизвестном направлении проигравшихся в казино. В 1917 г. появляется черный автомобиль, чей семантический образ вытекает из рыжего. В 1918 г. этот образ трансформируется в черный пароход, который плавал по Москве-реке и также из пулеметов расстреливал московских обывателей. Причем интересно, что скрывался он в направлении Симонова монастыря. Ольга Великанова писала, что в феврале 1929 г. реанимируются слухи о черных авто. Они оказались настолько массовыми среди населения, что ОГПУ пыталось выявить причину их распространения. Далее так называемый «черный воронок», или «Маруся». В 60–70-х гг. появляется черная «Волга».

Павел Геннадьевич Рогозный

Тут было сказано, что церковный большевизм рассматривался как клише. На мой взгляд, если священник вступает в партию, то это нельзя назвать просто клише.

К вопросу профессора Хасегавы о кризисе религиозного сознания. Лучше всего изучать это по формам протеста. Протестовали больше всего не против отделения церкви от государства, не против закрытия храмов, а против вынесения икон из общественных мест. Целые заводы вставали. В деревнях даже придумали такую форму взятки: для того чтобы икона оставалась, нужно было платить деньги. Даже расценки были особенные. Самое дорогое — это чтобы висел Иисус Христос, на втором месте Богородица, на третьем Никола.

В докладе Лахотского на Поместном соборе говорилось, что во главе некоторых комиссарских начальств и советов стоят архиереи и священники. Такие факты мне пока не попадались, но такая ситуация была бы неудивительна, например, для какого-либо провинциального прихода.

Вопрос П. Холквиста о том, были ли в других конфессиях церковные большевики. Про все точно не смогу сказать, но среди евангельских христиан был такой известный деятель Иван Проханов. Он это даже, не стесняясь, пишет в своих воспоминаниях, что он преклоняется перед Лениным за то, что он справедливо поступал по отношению к религии.

Секция 6

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ РЕВОЛЮЦИИ

Уильям Г. Розенберг

«По ту сторону Великой Метаистории» Войны и Революции «Переоценки» и метанарративы

Этот доклад призван переключить внимание с исследований, которые по праву составляют основу нашей конференции, на более широкий и более спорный вопрос исторической и историографической интерпретации. Доклад назван в честь важной, хотя и малоизвестной книги Роберта Беркхофера. Принимая вызов, брошенный постмодернизмом устоявшемуся пониманию «исторической репрезентации и правды», Беркхофер развил идеи Хейдена Уайта о роли нарратива, риторики и контекстуализации как имплицитных исторических методологий, он рассматривает переход «от риторики к политике через роль отдельного голоса и точки зрения в истории»¹. Изучая «авторитет» в истории и архивах, мы с Фрэнсисом Блуином показали, что нарративы также встроены в логику и практики, лежащие в основе оценки и сбора исторических документов. Это можно проследить в установках архива относительно того, что «заслуживает» сохранения, даже в шифрах документов, в архитектуре некоторых архивов, в самой «текстуре» архива². Не подлежит сомнению, что Центральный государственный архив Октябрьской революции руководствовался историческим значением 1917 г., выстраивая революционный метанарратив с помощью классификации документов и доступа к ним, ограничивая возможность альтернативного понимания ситуации. И новый блистательный Российский государственный исторический архив, официально открытый Путиным, является порождением «авторитета», его документы организованы вокруг понимания центральной роли государства, его руководителей и «наиболее значимых» ведомств³.

Не будет преувеличением сказать, что коллапс исторического «эссенциализма» в советской метаистории войны и революции был и причиной, и следствием коллапса СССР. Причиной — поскольку формальная легитимность советской власти опиралась на истинность определенного прочтения истории и ее «законы»,

¹ *Berkhofer R.F. Beyond the Great Story: History as Text and Discourse. Cambridge, 1996. P. VII, XII.*

² *Blouin F.X., Rosenberg W.G. Processing the Past: Contesting Authority in History and the Archives. Oxford, 2011.* Термин «архивная текстура» (archival grain) был введен Энн Столер, которая представила эту концепцию на семинаре Европейского университета, посвященном архивам и истории и организованном Галиной Лисицыной в 1998 г. См.: *Stoler A. Along the Archival Grain. Princeton, 2009.*

³ Схожим образом и Национальное управление архивов и документации США, созданное в 1934 г., должно было хранить память о «романтике истории, обретающей жизненную среду здесь, в документах, написанных политиками, солдатами, и всеми людьми, мужчинами и женщинами, которые создали великую структуру жизни нашей нации» (цит. по: *McCoy D. The National Archives. Chapel Hill, 1978. P. 72.*)

а понимание ложности его в народе возрастало. Следствием — ибо справившись с задачей легитимации власти, нарратив терял исторический вес, хотя многие историки продолжают видеть ценность социально-экономических и социокультурных элементов, составляющих его основу.

Коллапс советской метастории совпал по времени с двумя другими связанными трансформациями исторического мышления, осмысления революций в частности. Всплеск постмодернистской критической теории, поставившей под сомнение неприкосновенность нарративной исторической интерпретации, что, по мнению Гертруды Химмельфарб и Лоуренса Стоуна, могло уничтожить саму профессию историка. Постмодернистские и постструктуралистские «повороты» вдохновили многих отойти от достижений западной социополитической и социокультурной исторической мысли, которые дополняли наиболее творческие эмпирические исследования своих советских коллег. Вторая трансформация касалась «переоценки» прогрессивного, демократического и социалистического нарратива Великой Французской революции в связи с ее двухсотлетием. Эта трансформация была отчасти результатом деятельности именно французских теоретиков. Внезапно единственно «верной» историей Российской революции оказалась порядком избитая неолиберальная концепция, в которой тропы конспирологии и трагедии, привычно используемые в антикоммунистических целях, трансформировались в элементы еще более старого консервативного нарратива. Согласно этой концепции, лучше всего отраженной в работе Ричарда Пайпса 1990 г., ныне считающейся основополагающей, революции везде совершаются по плану идеологов, жаждущих власти, чьи действия подтверждают известное утверждение Ханны Арендт: «Свобода лучше всего сохраняется в тех странах, где никогда не было революций, какой бы возмутительной ни была ситуация во власти»¹.

Нельзя сказать, что неолиберальный нарратив о революции был порожден лишь событиями 1980-х. Подобно дискредитированной советской великой метаистории он также опирался на «глубинные структуры исторического воображения» (изящное выражение Хейдена Уайта), на такие способы мышления, которые, сознательно или нет, заранее прописывают противостоящие способы говорения о революционной истории². Милоков, Керенский, Церетели, Чернов, Суханов, Троцкий, Палеолог и др. — все они подавали «великую историю», демонстрируя авторитет личного опыта. Все использовали документы, создававшиеся при их участии, для создания нарративов разной степени убедительности, пропуская источники через фильтр собственного восприятия и перспективы.

Великих метаисторий было три: либерально-демократический нарратив европейского прогрессивного развития, который пытались осуществить способные и рациональные политики (в его левой, центристской и консервативной вариациях); частично накладывающийся на него социал-демократический нарратив достижения исторически обусловленных целей социального благополучия и демократических обещаний, ожидавшихся, предоставленных, а затем отобранных во время Первой российской революции; и, наконец, ленинский радикальный интернационалистский нарратив. Последний, как мы знаем, находился в состоянии острой

¹ *Pipes R.* The Russian Revolution. N. Y., 1990; *Arendt H.* On Revolution. N. Y., 1965. P. 41.

² *White H.* Metahistory. Baltimore, 1973.

идеологической конфронтации с двумя другими нарративами на почве его детерминизма, хотя, как мы увидим, имел с ними много общего.

Все три метаистории являются нарративными *репрезентациями* исторических реалий, сводящими грандиозную сложность фактов к упрощенному объяснению. В отличие от простого летописания или детального изучения революционных событий и отдельных акторов, репрезентации призваны придать историческое *значение* тому, что они описывают, объясняя причины и логику революционных изменений. Эти репрезентации были (и остаются) редуктивными вариантами сложных и весьма ожесточенных споров, они неизбежно избирательны в своих доказательствах. Их нарративные структуры фиксируют те аспекты революции, которые наиболее полно отражают основополагающие допущения о природе исторического развития, этому же и служат используемые документы.

Однако, отражая «глубинные структуры исторического воображения», эти метаистории эвристически полезны для выделения основополагающих допущений и толковательных стратегий, обеспечивших их живучесть, определяя «значимость» исторических документов. Идентифицировав эти «глубинные структуры исторического воображения», мы сможем рассуждать о некоторых ключевых аспектах революционных процессов осторожнее и, по крайней мере, сможем поставить под вопрос их центральную роль, предписанную указанными нарративами.

Либеральное, умеренно-социалистическое и радикальное «историческое воображение»

Начнем с прообразов, встроенных в русское либеральное историческое воображение. Они довольно известны, даже если мы и не размышляем о них в этом ключе. За либеральной метаисторией во всех ее вариациях стояла имплицитная телеология исторического прогресса и умеренного оптимизма относительно западного исторического развития, ожидавшего и Россию. Здравый смысл и рациональность, основополагающие силы социально-экономического и политического совершенствования, двигали историю по пути прогресса. Здравый смысл и рациональность прокладывали путь естественной логике изменений. Этот путь развития предполагал и институциональное посредничество при конфликте общественных интересов, рационализацию массового производства и распределения продукции, а также структурные преобразования государства ради обеспечения прав личности и правовых структур, направленных на их обеспечение — все стандартные составляющие либеральных программ. Важнейшим понятием либерального исторического воображения было, соответственно, и понятие *агентности* (agency), понимание роли индивида как субъекта исторического процесса. Это означало, что лишь неверные убеждения и принципы не давали царскому режиму делать то, что требовалось империи для политического, экономического и социального процветания. Просвещенный государь и надежные министры могли бы преодолеть сопротивление косных чиновников, устаревших общественных формаций, неэффективных экономических практик и культурных условий. В принципе, конституционная монархия была вполне достижима в России, даже (а как полагают некоторые, особенно) после 1914 г.

Тем самым ядро документации либеральной метаистории составляли источники, касающиеся ролей, мыслей, поступков основных акторов. Либеральное

историческое воображение отдавало предпочтение мемуарам, письмам, речам, дневникам, протоколам собраний, стенографическим отчетам, другим свидетельствам проявлений агентности, а также официальным и неофициальным документам органов власти, — свидетельствам того, как правящий режим и ведущие партии себя проявляли. Эти материалы были сдержанными, несли эксплицитные или имплицитные политические коннотации, и поэтому их было легко преподнести как «важные». Они содержали мало материала об общественных протестах, повседневной жизни или культуре (в антропологическом смысле этого термина). В них сложно найти что-то об экономике, финансах, прожиточном уровне и других вещах, интересующих социальных историков. Такие документы могли быть собраны, сохранены и даже вывезены за рубеж в случае, если худшие опасения либералов сбудутся.

Центральность биографии (и автобиографии), как и свидетельств, якобы зафиксированных в партийных протоколах и иных стенографических отчетах, также имплицитно отражает теорию, отдающую преимущество индивидуальным акторам, а не социально-экономическим условиям и идеологии. Социально-экономическими условиями и идеологией ни в коей мере нельзя пренебрегать, однако здесь «глубинные структуры исторического воображения» подразумевают, что они могут быть изменены или оспорены компетентными лицами, облеченными «всей полнотой власти», как говаривал Милоков. Оптимизм, здравый смысл и агентность лежат и в основе того, что, по типологии Уайта, было историческим объяснением через «сюжеттику»: такую связь событий в нарративе, которая имплицитно вписывает их исторические последствия в определенный сюжет. Концепция агентности подчеркивает роль «ответственных», злонамеренных или некомпетентных акторов. Она выдвигает на передний план фактические или воображаемые интриги и заговоры, влиявшие на политику. Когда безответственные акторы и иррациональные действия сорвали прогрессивный вариант развития во время войны и революции, то либеральная метаистория была сюжетно подведена, в терминах Уайта, под понятие трагедии, трагедии, которую можно было избежать.

Либеральное историческое воображение во главу угла ставило стабилизирующую роль исторически сформированных политических структур и их социокультурных аналогов. Легитимность возлагалась на суверенную власть традиционного государства в том случае, если она функционировала эффективно, вне зависимости от того, отражала ли она по закону волю народа. Легитимные правительства могут плохо функционировать, не утрачивая своего права на власть, если они грамотно и юридически обоснованно ею наделены. «Власть», возможность прибегать к законному принуждению, была монополией государства. Чтобы она работала эффективно, необходимо было поставить ее выше соперничающих социально-экономических и социокультурных интересов. В этом смысле в либеральном воображении единовластие коррелировало с прогрессивными способами государственного управления; двоевластие же или другая форма раскола власти противоречила рациональной логике прогрессивной либеральной телеологии.

Здесь социал-демократическое воображение существенно отличалось. Оно определенно связывало государственные институты с социальными (классовыми) интересами, а также выявляло дополнительный источник законной власти вне сферы легитимной деятельности государства: в обществах, находящихся в процессе индустриализации, работала сила принуждения в виде забастовок,

манипулирования или контроля над ценами и зарплатами. Индустриальная модерность, другими словами, делала социально и культурно установленную власть грозным конкурентом государственной монополии на «законное» принуждение. Вопрос агентности трактуется здесь иначе. Известное утверждение о том, что рабочим и крестьянам следовало «дозреть» до понимания своего положения, дабы демократический социализм укоренился в их сознании, затмевало историческую роль представляющих его партий. Социальную власть следовало эффективно задействовать, чтобы разгромить противников прогресса, а не просто активизировать ее. Поэтому за социалистической метаисторией стояло пристальное внимание к (диалектической) силе реакции. Здесь идеологический оптимизм относительно исторической вероятности демократического социализма умерялся глубоким (и здравым) пониманием не столько роли злонамеренных акторов и заговоров (хотя и им уделялось внимание), сколько силе и стойкости реакции — сопротивления со стороны тех, кто потерял бы многое при победе демократии и социализма.

За этой метаисторией стояло как объяснение событий через их взаимосвязь (сюжетика — *emplotment*), так и более формальные «законы» исторических изменений: свидетельства, заимствованные из законов причинности (гегельянских и марксистских), коренящиеся в классовых интересах и отношениях. Для социал-демократов эти законы структурировали оптимистическую логику исторического будущего, не определяя его. В этом смысле будущее было «предсказуемым» в «нормальное» время, но ситуация менялась в силу чрезвычайных (непредвиденных) обстоятельств, таких как Мировая война. За этой метаисторией стоял большой пессимизм относительно поворотов реальной истории, отличавшейся от «логических» схем развития.

Однако, рассуждая в категориях «глубинных структур исторического воображения» Уайта, можно видеть, что разные вариации социал-демократической метаистории имели много общего с либерально-демократическими аналогами. Обе метаистории видели корни телеологии исторического прогресса в модернизации: институциональной рационализации конкурирующих общественных интересов, экономических процессов производства и распределения продукции и научно-технической компетенции государственных структур, контролирующих эти процессы. Центральная роль здравого смысла и рациональности в историческом прогрессе, таким образом, лежит в основе и либерально-демократической метаистории, и социал-демократической, их также объединяет борьба с «иррациональностью» мышления и действия. Фатализму также не было места в обеих метаисториях. Определяя роль партий, состоящих из сознательных и рациональных активистов, социал-демократы были скорее «акушерками», чем «родителями» прогрессивных изменений.

Ситуация с непомерной массой исторических документов, написанных и собранных социал-демократами, весьма походила на ситуацию либералов. Дело было не только в том, что сведения о взглядах и поведении рабочих и крестьян было трудно собирать, но и в том, что социал-демократическая метаистория тоже выстраивалась вокруг партийной политики, программ, действий и высказываний членов партии. Как отметила Зива Галили, богатейшие материалы, собранные Борисом Николаевским, которые хранились в московском Центральном партийном архиве и не использовались историками до 1990-х гг., содержали документы

такого же рода, что и архивы либералов: протоколы партийных форумов, стенографические отчеты, записки их участников, резолюции и т. п.¹

Материалы о социальной и экономической «основе» революции, естественно, оказались на переднем плане при строительстве радикальной социалистической метаистории, и, как правило, они систематически собирались большевиками после национализации архивов в июне 1918 г.² Причины этого очевидны: для Ленина и его сторонников метаистория определялась властью рабочих и крестьянской бедноты в недостаточно развитой, но всё же капиталистической России. Согласно этой концепции, «здоровый смысл» гегельянски *заложен* в истории, а не просто применяется историческими акторами. Радикальная социалистическая история была «формальной», основанной на исторических «законах» причинности. Агентность была важна не для неизбежной долгосрочной траектории развития, а для немедленного действия. Историю можно подтолкнуть (и весьма чувствительно!) в верном направлении, удачно назначая ее погонщиков (*толкачей?*), командуя радикальными изменениями, которые она уготовила. Марксизм, окончательный проект историзма, был исторически обоснован актом революции, легитимировавшим и его идеологические теории, и жесткую прозаичность его воплощения.

Однако в этом крылся очевидный парадокс. Когда ленинистская, советская метаистория идеологически приравнивала марксистскую рациональность к статусу исторического закона, «научные» (т. е. подтверждающие эту точку зрения) документы стали важнейшим способом верификации. Они закладывали «научное» обоснование политической легитимности большевиков, их исторически предопределенного права на власть. Любое противное свидетельство было опасным по своей природе. Документы необходимо было осторожно архивировать, оценить и каталогизировать так, чтобы советский метанарратив был неопровержим. Как показал Владимир Лапин, складывался набор категорий, радикально отличавшийся от тех, что использовались в любом другом национальном архиве, документы распределялись по логике официальной советской истории³. Лучшие советские историки тщательно прорабатывали архивы, изучая социально-экономические аспекты радикальной социалистической «истории», порой создавая исследования потрясающей эрудиции, как в случае Дякина и Сидорова. Тем временем «изгнанные» нарративы либералов и социал-демократов большей частью обходили подобные темы.

Парадокс исторического сциентизма, однако, заключается не в природе документов, накапливавшихся в архивах СССР, а в императиве самой советской метаистории: в необходимости обоснования ее с научной точки зрения, т. е. необходимости приводить избыточные доказательства в виде ссылок на источники, которые были бы научно валидными. Цитаты из архивных источников сами стали фетишем новой историографии, хотя доступ к документам, предположительно легити-

¹ Galili Z. Archives and Historical Writing: The Case of the Menshevik Party in 1917 // Archives, Documentation, and Institutions of Social Memory / Eds. F.X. Blouin, W.G. Rosenberg. Ann Arbor, 2006. P. 443–450.

² И до 1917 г. собирались удивительно богатые материалы фабричной инспекции, источники, касающиеся реализации столыпинских реформ и, особенно сопротивления им, а также богатая социально-экономическая документация Министерства финансов. Эти материалы государственных органов использовались весьма ограниченно (если использовались вообще) в доминирующих версиях либерально-демократической и социалистической метаисторий.

³ Galili Z. Archives and Historical Writing: The Case of the Menshevik Party in 1917.

мирующим большевистскую историческую правду, был существенно ограничен. Громкие процессы над ведущими историками в 1929 г., знаменитое Академическое дело, стали важнейшим (и малоизученным) шагом на пути национализации исторической памяти¹. «Историческая правда» могла быть «верифицирована» лишь узким кругом политически лояльных исследователей и архивистов, действия которых тоже были затруднены. Все прочие, включая многих преподавателей истории и их учеников, должны были принимать «научно обоснованную» советскую метаисторию на веру.

Историческое воображение и политические практики во время войны

Насколько «историческое воображение» влияло на политические практики либералов, умеренных социалистов и большевиков во время Первой мировой войны и Революции? Как эти практики подкрепляли историческое воображение, влияя на последующую историзацию этого периода? В отличие от американских и европейских политиков, российские деятели того времени проводили свою политику преимущественно с точки зрения истории: они исторически *мыслили* о политике и рассматривали тактику и стратегию через призму истории. Основательная историческая и писательская подготовка Милокова структурировала понимание государства, его связи с обществом. Историзм незримо присутствовал на собраниях и съездах кадетов. Марксистская идеология была неотделима от исторического мышления и в своей умеренной, и в радикальной формах. Участие в Мировой войне было чем-то большим, чем стремление защитить Россию, это была попытка преобразить ее. И революция была не просто реализацией противоборствующих ценностей, а попыткой перенаправить историческое развитие страны на принципиально новую траекторию — траекторию реализации исторически логичного, если не predetermined курса².

Власть истории над политикой была очевидна уже с начала войны. В речи Милокова на знаменитом заседании Думы 26 июля привлекает внимание не только ура-патриотизм, свойственный «священному союзу» (*Union Sacrée*), но и уверенный либерально-демократический оптимизм: требовалось лишь эффективное управление со стороны способных и ответственных деятелей, чтобы Россия одержала победу и политически преобразилась. Говоря от лица всех социалистов (хотя социал-демократы не поддержали формально его заявление), Керенский объявил, что горе войны может быть оправдано лишь если крестьяне и рабочие, «все, кто хочет счастья и благополучия России», защищая страну, освободят ее³. Для него, как и для либералов, значение войны было связано с исторической задачей реализации

¹ Академическое дело, 1929–1931 гг. / Ред. В.П. Леонов и др. СПб., 1993; 1998. Т. 1–2.

² Даже менее подверженные историзму эсеры и октябристы говорили и писали о войне и революции не только с точки зрения концепций и абстракций типа собственности, справедливости, закона, порядка или лозунга «сделать мир безопасным для демократии», но и с позиции, например, самого Керенского. Он считал эту эпоху (включая и собственную историческую роль) великой «поворотной точкой» для России и для всей истории. См.: *Керенский А.Ф.* Россия на историческом повороте. М., 1993 (первое издание на английском — N. Y., 1965).

³ Государственная Дума. Стенографический отчет. Четвертый Созыв. 26 Июля 1916. Стб 16.

политических и социальных изменений. Это справедливо и в отношении Ленина, Мартова, радикальных интернационалистов, хотя их воображаемые возможности далеко выходили за пределы России. Агентность, рациональность и историзм оптимистично использовались демократическими либералами и социалистами для поддержания патриотических настроений, а радикалами — для отрицания патриотизма как исторически обреченного чувства, ибо сам режим был обречен. Более того, ни в одном заявлении сторонников «священного союза», не было и намека на то, что Российское государство фатально слабо. Россия обладала самым большим населением, величайшей территорией и наибольшей постоянной армией в Европе — более 1,4 млн подготовленных солдат — в два с половиной раза больше, чем у Германии или Франции¹.

Всё это определяло понимание либеральными демократами и социал-демократами причин поражений. Еще до унижительного Горлицкого прорыва 1915 г. кровавые поражения Мазурского сражения и битва при Танненберге стали свидетельствами упущенной военной инициативы, они были следствием негодности командования и неэффективного использования ресурсов, т. е. следствием ошибок. Более 200 тыс. русских солдат убито или ранено, около 137 тыс. попали в плен, этих жертв можно было избежать при компетентном и ответственном руководстве. Это не очень ослабило исторический оптимизм Миллюкова, потерявшего на поле боя сына, и его сторонников: некомпетентность руководства лишней раз продемонстрировала «неоспоримую» потребность в более ответственных и волевых лидерах и в более демократическом режиме (рационализирующем управлении), что и утверждали кадеты при подготовке к сессии Думы в январе 1915 г. Если смотреть на эту ситуацию через историческую призму либералов, то происходящее действительно только укрепляло убеждение, что успех или неудача полностью зависели от способностей командующих армией; а с точки зрения демократического социализма они определялись эффективной мобилизацией живых сил страны для продвижения социалистических реформ и, тем самым, предотвращения поражения. Вряд ли можно представить себе иное понимание, учитывая соответствующие подходы к истории. Даже противоречие между исторической предопределенностью и потребностью истории в «сознательном» большевистском руководстве теперь сгладилось в пользу безудержного партийного активизма — разворачивающаяся катастрофа усиливала привлекательность радикалов для народа. Любое иное понимание истории предлагало лишь фатализм, смирение или молитву, что было аналитически, психологически, и даже морально несостоятельно для тех, кто понимал историю как прогресс, а модернизацию — как естественно требующую рационализации управления и общественных отношений.

Весной 1915 г. «патриотический подъем» сменился обоснованной «патриотической тревогой», а уже летом 1917 г. верхушка либеральных демократов оставила Временное правительство на произвол судьбы; мантра либералов об «ответственных людях» отражала их преданность идеи индивидуальной агентности, в противоположность власти общественных действий. Были различия, конечно, в понимании того, какие качества определяют «ответственного» человека: например

¹ *Сидоров А.Л.* Финансовое положение России в период мировой войны. М., 1960. С. 60; *Stone N.* The Eastern Front, 1914–1917. London, 1975. P. 37–38; *McMeekin S.* The Russian Origins of the First World War. Cambridge, 2011. P. 33–37. См. также: Первая мировая война: Пролог XX века / Ред. В.Л. Мальков и др. М., 1998.

Поливанова по сравнению с Сухомлиновым или Родзянко по сравнению с Шингаревым. Размышления о возможных последствиях деятельности режима компетентных министров, по контрасту с режимом, ответственным перед Думой, породили ожесточенные (и интересные!) споры относительно целей и тактики Прогрессивного блока, воспринимавшегося многими как политическое объединение большого исторического значения. Однако было нечто, стоявшее выше различий. Всеми разделялось представление о том, что у власти должны находиться лучшие люди, превосходящие нынешних властителей, а это имело бы решающее значение для военных успехов, социальной стабильности и лояльности государству. Следовало рационализировать правительство, привести к власти опытных и здравомыслящих лиц, отрегулировать процессы государственного управления.

Здесь мы можем выделить и конспирологические оттенки исторической агентности: повествовательного тропа, гласящего, что тайные заговоры, реальные и воображаемые, злонамеренные акторы могут отклонить историю от логичного и рационального курса. Злополучный полковник Мясоедов и его покровитель, военный министр Сухомлинов, не говоря уже о Распутине, показали, как «заговор» и «предательство» подтверждали сюжеты (*emplot*) либерально-демократических и социалистических нарративов, вращающихся вокруг прогрессивных возможностей здравого смысла и «ответственности». Враждебность была с энтузиазмом перенаправлена на пожилого Горемыкина, на режим в целом, затмевая вопрос возможности «ответственных» министров на этой стадии как-то влиять на события.

Слухи множились по мере ухудшения положения России. Заговорщики и конспираторы стали еще более привлекательной нарративной мишенью после Февраля и потому, что заговоры были реальны, и оттого, что сам троп предательства поддерживал природу понимания агентности. Как считал Керенский, лишь заговоры и вооруженная борьба изменников могли сокрушить Временное правительство, а в детерминистском большевистском нарративе вездесущие заговорщики могли опровергнуть неизменные законы истории¹.

Акцент на ответственных акторах, которым было суждено заменить неспособных и продажных политиков, стал основой «демократизации» государственной власти делегированием полномочий на уровень населенных пунктов и предприятий начиная с весны 1915 г. Информированные и способные деятели и «общественные» институты, с которыми они были связаны, должны были перенять полномочия государства по вопросам, касающимся производства и распределения товаров. Военно-промышленные комитеты (ВПК), земские и городские союзы, земства и городские думы всё чаще брали на себя заключение контрактов, контролировали закупки и распределение. ВПК вскоре оперировали государственными контрактами на миллионы рублей. Земства фиксировали закупочные цены

¹ См. *Kerensky A. The Crucifixion of Liberty. N. Y., 1934. P. 395–406; The Catastrophe: Kerensky's Own Story of the Russian Revolution. N. Y., 1927. P. V–IX, 371–377.* Усилия Семёна Александровича Ляндреса, обнаружившего считавшиеся утерянными интервью ведущих деятелей Февраля, также показательна. Ляндрес мастерски реконструирует картину заговора с целью свержения царя, в то же время его источники подтверждают мнение о том, что даже деятели, обладающие тогда властью, могли еще преодолеть силу глубоко укоренившихся социальных сил. То есть что близкие либерально-демократическим и социалистическим «историческим воображениям» результаты всё еще могли быть достигнуты. См.: *Lyandres S. The Fall of Tsarism. N. Y., 2013.*

на местах и устанавливали приоритеты по транспортировке дефицитных товаров гражданского назначения. Делегаты Первого съезда Военно-промышленных комитетов в июле 1915 г. (271 чел.) представляли интересы масс лучше, чем депутаты Думы, они напрямую занимались производством и распределением товаров первой необходимости, они ощущали путаницу и некомпетентность, влиявшие на военные поставки, острее чувствовали растущую тревогу, разочарованность и даже ярость, вызванные дефицитом и ростом цен. Делегаты, подчеркивал Рябушинский, не были материально заинтересованными, они выступали как граждане, способные объективно оценивать условия, определяющие важнейшие национальные проблемы¹. И эти проблемы также были пропущены через фильтры исторического воображения. ВПК просто не могли работать в условиях самодержавного менталитета и практик: «Я не знаю <...> был ли когда-либо в истории пример, — выразил мнение своих коллег еврейский делегат М.С. Маргулис, — чтобы новое вино, влитое в старые мехи, не отдавало бы запахом этих старых мехов»².

ВПК изначально рассматривались социал-демократами как способ мобилизации рабочих и вовлечения их в борьбу за преобразования³. Ко времени второго съезда ВПК (1916 г.) представителям рабочих под давлением их избирателей пришлось отказаться от «сотрудничества с буржуазией», но они оставались символически важными фигурами, которые для многих либералов и социал-демократов воплощали историческое поступательное движение. На этом форуме и на встрече делегатов Союза городов в начале 1916 г. либералы и социалисты схожим образом оценивали важность институционального приложения власти на местах⁴. Действительно, сам правящий режим, казалось, не имел представления о том, что в действительности происходило. Его главный принцип в этой и других сферах гласил: «Сначала уволить, а потом расследовать»: позиция была разрушительной для благосостояния нации, рабочих, даже «Биржевые ведомости» клеймили ее как несостоятельную⁵.

В либеральном воображении делегирование власти самоуправлению и общественным организациям воспринималось как первый шаг к проведению реформ. Общественное участие в управлении демонстрировало свою значимость. Социал-демократы передачу полномочий также рассматривали как прогрессивный шаг к расширению влияния «живых сил» на решение задач национальной безопасности и укрепления государства. Руководствуясь своими представлениями о власти, социал-демократы сосредоточили внимание на создании и легализации механизмов защиты интересов рабочего класса и разрешения трудовых споров. Эти ключевые элементы прогрессивного исторического нарратива становились теперь значимыми для национальной обороны. Важно выделить не только оборонительную позицию социал-демократов, противостоящих набирающему популярность ленинскому радикализму, но и их оптимистические утверждения относительно исто-

¹ Труды Съезда представителей Военно-промышленных комитетов 25–27 июля 1915 года. Пг., 1915. С. 98, 143–144.

² Там же. С. 58.

³ Сложности с представительством рабочих в военно-промышленных комитетах хорошо показаны в ранней работе Льюиса Сигельбаума. См.: *Siegelbaum L.H. The Workers' Groups and the War-Industries Committees: Who Used Whom // Russian Review. 1980. Vol. 39. N 2. P. 150–180.*

⁴ Труды Второго съезда представителей Военно-промышленных комитетов. Пг., 1916. С. 31; Биржевые ведомости. 1916. 29 февраля.

⁵ Биржевые ведомости. 1916. 22, 23 марта.

рической необходимости удержать Россию, которая становилась всё более революционной, от «отклонения от курса» (известное выражение Маклакова). Либералы, особенно такие, как Некрасов и Коновалов, неформально приветствовали попытку социал-демократов сдержать мобилизацию радикально настроенных рабочих ленинцами, которые к концу 1916 г., казалось, вот-вот втянут Россию в революционный хаос, этот страх почти развеял оптимизм либералов и социал-демократов. Данный фактор, наряду с озабоченностью Милокова относительно позиции России в послевоенном мире, влияет на мое понимание его знаменитой речи о «глупости или измене» в ноябре 1916 г.

Метаистории и глобальные проблемы: контекстуализируя государство

Милоков и либерально-демократический нарратив также выделяли слабость Российского государства. Неизбежный крах царского режима свидетельствовал об ослаблении весомого исторического актора. Известная парадигма Теды Скочпол подчеркивает инструменталистскую роль государства и его правительства, его институциональных структур, административной эффективности и компетентности кадров, особенно высших. Она в значительной степени игнорирует роль государства как эмблематически значимого общественного и культурного института, прямо и косвенно участвующего в разных социально-экономических и социокультурных процессах. Используя язык Фуко, можно сказать, что сильное государство — это государство, где существует эффективная связь между этими процессами и процессами, происходящими внутри и вокруг самого правительства, будь то государство авторитарным, демократическим или занимающим некое срединное положение. Слабость в этом смысле связана не только с отсутствием «ответственных» чиновников, но и с разрывом между осуществлением власти посредством социально-экономических и социокультурных практик и ее формальной реализацией государственными учреждениями. Парадигма «слабого государства» предполагает, что компетентность государства относится прежде всего, если не исключительно, к ее структурам, идеологическим основаниям, компетентности кадров и административной эффективности.

Несмотря на ценность такого подхода, особенно в той его части, которая касается компетентности руководства накануне революции, он, по моему мнению, некорректно контекстуализирует государство с точки зрения природы и размаха глобальных и сложнейших проблем, которые привели государство и общество к кризису. Ни одна метаистория войны и революции не была ориентирована прежде всего на эти проблемы. Имели ли они в более широком историческом плане реальные «решения» в рамках наличного спектра политических альтернатив?

Что же это были за глобальные проблемы, которые вставали не только перед царским государством после июля 1914 г., но и перед каждой последующей попыткой управления во время катастроф Гражданской войны, вплоть до перехода к НЭПу? Во-первых, позвольте еретически предположить, что война не была одной из них. Она, безусловно, была грандиозным испытанием беспрецедентного масштаба для всех воюющих держав. Все государства, сильные и слабые,

демократические и авторитарные, столкнулись со схожим набором задач: мобилизация, поставки, эффективное снабжение, а также императив защиты страны и победы. Всем требовалось ясное и нестандартное мышление и компетентность военного и гражданского руководства. Даже мобилизация сама по себе не была «проблемой» в том смысле, что ее неотложность ясно понималась всеми, несмотря на споры о методах ее осуществления.

Я выделяю три другие «глобальные проблемы». Две относительно известны, хотя они и не были хорошо интегрированы в большие интерпретационные нарративы. Это комплексные проблемы дефицита (в том числе то, что я назвал бы «языком крайней нужды») и финансов, которые включают вопросы распределения, промышленной капитализации, а также функциональную роль государства в процессах экономического обмена. Третья проблема очень сложна, и к тому же она отсутствовала не только в метанарративах, но и, по большей части, в монографической литературе, по крайней мере до недавнего времени. Это проблема потери во всех ее многочисленных аспектах: психологические и социальные травмы; смертность и увечья — как в форме, официально санкционированной на фронте, так и «неформальной» потери. Эта проблема касается и того, как эмоции и другие формы субъективности были настроены и пережиты, особенно с точки зрения сложных, прочно установленных значений войны и революции. Найти свидетельства этих «глобальных проблем» нелегко. Документы рассеяны, не интегрированы в существующие категории архивной классификации. При изучении потери перед исследователем встают и эпистемологические сложности: насколько воспоминания, дневники, письма точно передают комплексные субъективности жизненного опыта? Но все три проблемы определяли первостепенную задачу государственного управления для каждого нового политического режима, оказывая огромное давление на тех, кто находился у власти. И каждая проблема по-своему влияла на формальное и неформальное понимание политической легитимности, смещая ее значение с институционального и исторического основания, характерного для метаисторий, на более прозаическую практичность административной функции.

Позвольте коснуться каждой проблемы, чтобы высказать предположения относительно их влияния на интерпретационные возможности основных «метаисторий».

1. Дефицит и языки «крайней нужды»

С осени 1914 г. вопрос дефицита был неотделим от голосов нуждающихся, которые звучали всё громче. Русская армия была подготовлена к короткой войне, битва при Танненберге могла бы остаться самой крупной победой немцев на Востоке. К концу осени 1914 г. Северный и Северо-Западный фронты стабилизировались, в Галиции был занят Львов, а планы масштабного наступления, призванного победить австрийцев и довести войну до успешного завершения, были в стадии реализации. Главное артиллерийское управление обещало улучшение военного производства и поставок; опасений, что частному сектору придется взять на себя большую нагрузку по поставкам оружия, не было; производство зерна и продуктов питания казалось достаточным; никто особенно не беспокоился, что железные дороги не справятся с военными и с гражданскими нуждами. Министр путей сообщения националист Сергей Рухлов, первоначально считавшийся некомпетентным,

рассматривался как представитель «либерального» крыла в руководстве¹. А.Л. Сидоров, наиболее осведомленный в этом вопросе историк, полагал, что имеющиеся ресурсы были недостаточны для длительной войны и неэффективно использовались с самого начала, но это едва ли беспокоило даже оппозиционеров, которые с энтузиазмом сплотились в *священный союз*².

Схожий оптимизм существовал и в отношении тыла. Между 1908 и 1913 гг. число промышленных предприятий возросло примерно на 30 %, почти до 30 тыс. Добыча угля выросла на 38 %; железной руды — почти на 30 % между 1911 и 1913 гг.³ Сельскохозяйственное производство, на долю которого приходилось около 80 % экспорта, также развивалось; считалось, что это было следствием перехода от общинной собственности к частной, что было краеугольным камнем реформ Столыпина⁴. Для экономиста П.П. Мигулина и других авторов «Нового экономиста» и «Биржевых ведомостей» растущая экономическая роль страны была мощным стимулом: «Грозит ли России в действительности экономический кризис?» — риторически вопрошали редакторы «Нового экономиста» в мае 1914 г. По их мнению, апокалиптические высказывания консервативного германофила Петра Дурново и бывшего премьер-министра Сергея Витте были «смехотворными»⁵. Первые жалобы относительно нехватки снарядов и другого снаряжения многие воспринимали скептически, как оправдание поражений⁶. Солдатские письма, просмотренные цензурой, утверждали обратное, однако вплоть до провала наступления в Галиции в 1915 г. проблема не рассматривалась с должной серьезностью.

Последующая история хорошо известна. Мобилизация промышленности, использование ВПК, усиление контроля военных на железных дорогах увеличили поставки оружия. Ко времени Брусиловского прорыва в 1916 г. огромная российская армия была снабжена неплохо. Однако признаки дефицита в гражданской экономике росли пропорционально. Дефицит почти всех товаров «первой необходимости» увеличивался по многим причинам, которые трудно было преодолеть: политика военных расходов и реквизиций, низкий уровень аграрной и промышленной производительности, а также огромные потери живой силы в войне. Таисия Китанина и Ларс Ли тщательно исследовали системные сбои закупок зерна и их последствия⁷. Эти проблемы были в центре внимания драматичного заседания Государственной Думы 28 января 1916 г. Выступления, доказывавшие несостоятельность режима, стали с тех пор составной частью «метаистории».

¹ Железнодорожник. 1909. № 298; Мигулин П.П. Возрождение России. Харьков, 1910. С. 20–27. Также членами «либерального крыла» считались Кривошеин, П.А. Харитонов, П.Н. Игнатъев, И.К. Григорович и В.Н. Шаховской.

² Сидоров А.Л. Финансовое положение... С. 60.

³ Хромов П.А. Экономическое развитие России: Очерки экономики России с древнейших времен до Великой Октябрьской революции. М., 1967.

⁴ Antsiferov A.N. et al. Russian Agriculture during the War. New Haven, 1930.

⁵ См. статью П.П. Мигулина (Новый экономист. 1914. 17 мая).

⁶ Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну. Изд. 3-е. М., 1937. С. 230–232.

⁷ Китанина Т.М. Война, хлеб и революция: Продовольственный вопрос в России в 1914—октябре 1917 г. Л., 1985; Lih L. Bread and Authority in Russia: Food Supply and Revolutionary Politics, 1914–1921. Princeton, 1974.

Не менее важно, что языки «крайней нужды» распространялись быстрее, чем дефицит, они становились всё более резкими, дискурс затмевал реальность и становился самостоятельной проблемой. Например, уже весной 1915 г. думские лидеры получили петицию, подписанную 24 женщинами, находящимися в «крайне безвыходном положении при увеличивающейся день ото дня дороговизне жизни»¹. На фронте солдаты всё чаще возмущались не только отсутствием военных поставок, но и необходимостью покупать свои собственные пайки. Их письма сообщают об отчаянной потребности в деньгах, одежде и пище; посылки из дома были для них «спасительными», они выражали обеспокоенность тем, что рост цен подвергал семьи солдат риску, несмотря на их патриотические жертвы на фронте. Цены были столь высокими, писал солдат домашним, что «мне на душе становится больно и тяжело, когда подумаешь, как же Вы живете»²; «Благодарю Богу, что у меня есть немного денег и я получаю провизию где только возможно», — сообщал другой: «Если получишь жалование, то выпши мне денег, если не выплешь, то здесь можно умереть. Мы лежим в грязи и болоте, и мы ходим разутые и голые»³. Подобные мольбы были частью культурно-политической традиции, однако сами представители режима всё чаще поддерживали их. Показателен отчет, сообщавший, что только в Москве примерно 170 предприятий зарегистрировали почти 1 млн потерянных человеко-часов в сентябре и октябре 1915 г. из-за прогулов: рабочие пытались добыть необходимые товары для своих семей⁴. В дни рождественских и новогодних праздников 1915–1916 гг. газеты сообщали, что в двух третях мясных лавок Петрограда не хватало мяса. Несмотря на холод, по меньшей мере 600 женщин выплеснули свой гнев в шумных протестах, — прелюдия к Февралю 1917 года. Маргарина, муки, масла, других продуктов, необходимых в праздники, не хватало, некоторые пекарни были открыты лишь 2–3 часа в день. Во многих местах демонстранты протестовали против роста цен⁵. Министерство юстиции подготовило длинный список населенных пунктов, где по этой причине происходили беспорядки, 75 % населенных пунктов испытывали нехватку продуктов⁶. «Биржевые ведомости» требовали «срочных мер», чтобы прекратить «угрожающий кризис» в поставках мяса⁷. По данным Министерства внутренних дел, и без того «серьезный кризис» снабжения торфом и керосином становился «всё более угрожающим», причиняя не мень-

¹ РГИА. Ф. 268. Оп. 6. Д. 80; Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1193. Л. 61 и далее; см. также: Ф. 1276. Оп. 12. Д. 22.

² РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2937. Л. 160.

³ Там же. Л. 47. Цензоры также сделали подборку писем под рубрикой «Преступныя, антидисциплинарныя и социалистическаго характера», в которых содержались жалобы на «охотников», которых отправляли на поиски провизии, но которые «редко возвращались», «нередкое» дезертирство и распространенное взяточничество за отпуск, за послабление дисциплины, чтобы избежать более опасных заданий. Цензоры также сообщали, что и без того большое количество писем, содержащих доказательства нарушения дисциплины поведения, было бы «несомненно» больше, если бы их авторы не боялись быть узнаваемыми. См., напр.: РГВИА. Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932. Л. 27, 144 — 144 об.; Д. 2937. Л. 156–160.

⁴ Вестник финансов, промышленности и торговли. 1915. № 31. 2 (15) августа. С. 195.

⁵ РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 167. Л. 117–149; *Кирьянов Ю.И.* Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 — фев. 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3–18.

⁶ РГИА. Ф. 1405. Оп. 530. Д. 1131.

⁷ Биржевые ведомости. 1916. 12 января.

шее беспокойство, чем кризис продовольствия¹. Когда товары в 1916 г. стали более доступными, многие сочли цены завышенными². К февралю 1917 г. практически во всех секторах экономики дефицит увеличивался, общественное же мнение полагало, что он увеличивается везде. «Дефицит», требовавший скорейшего решения, стал распространенным тропом публичного дискурса.

2. Финансы, капитализация и роль государства в экономическом обмене

Весной 1915 г. известный экономист меньшевик Владимир Громан и его коллеги из Общества им. А.И. Чупрова в Москве изучали инфляцию. Они установили, что в ее основе лежал растущий дисбаланс между спросом и предложением, а следовательно, неадекватность рыночных механизмов управления распределением и ценообразованием. Бытовавшее в начале войны ожидание, что коммерческие рынки будут соответствовать насущным задачам, оказалось ошибочным: «Мы уже сейчас, в январе 1916, должны сказать, — сообщал Громан, — что у нас нарушен торговый аппарат»³. Г. Гольдберг, писавший для влиятельного издания Совета съездов представителей промышленности и торговли, соглашался. Рыночные механизмы, обычно связывавшие спрос и предложение, вытеснялись ненасытными аппетитами государства военного времени, подавляющего свободный и упорядоченный рыночный обмен. Война требовала рационализации экономики, что влекло регулирование производства и распределения, а также ограничение роли рынка как главного регулятора цен и распределителя товаров первой необходимости⁴.

Очевидный ответ, казалось, крылся в фиксировании цен и контроле над ними. Требования двигаться в этом направлении звучали всё громче. Но, как признавал Громан, фиксирование цен не приведет к улучшению снабжения, так как те, кто мог, всё равно платили бы за дефицитные товары на черном или сером рынках, получали их путем взятки, поощряя спекуляцию и увеличивая дефицит. То же относится и к нормированию, которое уравнило бы людей перед лицом бедствий, но само по себе не стимулировало бы производство и снабжение. Транспорт и распределение товаров также следовало взять под жесткий контроль и организовать более эффективно. Деятельность государственных агентов по закупкам должна была соответствовать местным условиям и потребностям. С другой стороны, существовала путаница из-за одновременного существования нескольких органов управления на местах, обладающих властью устанавливать закупочные цены. Для решения этих проблем полномочия устанавливать цены следовало передать в руки представителей Особого совещания по продовольственному делу⁵.

Спекуляции и манипулирование рынком также вызывали беспокойство на высшем уровне. А.И. Шингарев, который впоследствии стал министром финансов

¹ Там же.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 167. Л. 117–149.

³ Всероссийский союз городов. Экономическое совещание. 1916; Москва. Труды Экономического совещания. 3–4 января 1916 года. М., 1916. С. 24–27. См. также доклады Комиссии Чупрова в: Вопросы финансовых реформ в России. М., 1915. См. также выступление Громана на Втором съезде Военно-промышленных Комитетов: Труды Экономического совещания. С. 220–221.

⁴ Гольдберг Г. Мобилизованная промышленность как система хозяйства // Промышленность и торговля. 1915. № 47. 22 ноября. С. 255–258.

⁵ РГИА. Ф. 457. Оп. 1. Д. 12. Л. 4–16.

во Временном правительстве, потребовал накануне революции, чтобы это Министерство приняло решительные меры для исправления ситуации. Консервативные либералы вроде Петра Струве и Александра Кривошеина хотели распространить регулирование цен на все продукты питания. Ведущие парламентарии, председатель Думы Родзянко и октябрист Гучков настаивали на секвестре крупных предприятий-производителей военных товаров, в частности гигантского Путиловского завода¹. Аналогичные настроения выражали социалисты вроде Громана, хотя их беспокоило не столько удовлетворение потребностей государства, сколько благосостояние рабочих².

Другим направлением государственного вмешательства был быстро растущий государственный долг и резкий рост денежной эмиссии для финансирования военных закупок и поддержания армии. На заседании Думы в ноябре 1916 г. Шингарев критиковал министра финансов Барка за отсутствие прозрачности в политике эскалации финансового кризиса, отчего Думе приходится «бороться вслепую», и за отсутствие плана преодоления кризиса³. Шингарев был прав. Для Думы Барк предложил дефицит в размере 337 млн руб. при покрытии расходов в 3,5 млрд легко возмещаемый новыми займами. Однако Совету министров он предложил дефицит в два раза больший, не давая никаких гарантий его покрытия. Шингарева вряд ли можно назвать выразителем чаяний левых либералов, но для решения проблем государственных финансов он требовал резкого увеличения налогов на прибыль, предметы роскоши, а также на доходы богачей, меняя перспективу не только кадетов и прогрессистов, но и социал-демократии. Под бурные аплодисменты депутатов он описал отвратительных дельцов, в тяжелые времена купающихся в роскоши. Требовалось, чтобы общество и государство заявили им: «Помните, вы граждане России, помните, что идет война, помните, что люди сражаются до последней капли крови, поймите, как стыдно вам должно быть кутаться в шелк и бархат»⁴. Любые посреднические функции, которые рынок мог выполнять «справедливым» образом, растворялись в социальном антагонизме «имущих» и «неимущих».

То, что в ретроспективе грядущих катаклизмов могло показаться эзотерикой финансирования на высшем уровне, стало частью того, что прогрессивная либеральная и социалистическая пресса называла *актуальными* проблемами: фундаментальные отношения между различными уровнями власти, социальная иерархия, экономическое неравенство, тревоги и реалии дефицита. Проблема «дефицитного финансирования» имела непосредственное отношение к вопросу государственных доходов, а следовательно, и налогообложения и военных прибылей. Она включала в себя вопрос денежной эмиссии, а значит, и инфляции, ее социально-поли-

¹ Кривошеин, Струве и другие считали, что только всеобщее регулирование цен могло устранить спекуляцию и увеличить поставки, чтобы снизить цены. См.: *Struve et al. Food Supply in Russia during the World War*. New Haven, 1930. P. 458, а также дискуссию: *Судоров А.Л. Финансовое положение...* С. 128–132.

² Такие экономисты-социалисты, как Н. Кондратьев, опасались, что вмешательство «политически реакционных сил» на рынке может усугубить растущий кризис стоимости жизни. Громан же утверждал при поддержке военных, что государство должно вмешаться, чтобы понизить цены, особенно на продукты питания. См., напр.: *Кондратьев Н.* Рынок хлебов. М., 1922. С. 86–87.

³ Государственная Дума. Стенографический отчет 4 созыва, 1916. Стб 1733–1751.

⁴ Там же. Стб 1768.

тических последствий; она связала сложную задачу жесткой экономии и жертвы ради политической компетентности и прозрачности. К тому же эта проблема обострилась и без того спорные вопросы политической легитимности и целесообразности войны, когда участие *всех* «живых сил» России в решении существующих проблем по-прежнему подавлялось.

Финансовые издержки войны оказались огромными, большими, чем самые сведущие эксперты в России (или где-либо еще) могли предсказать. В начале 1916 г. и Барк, и Шингарев подсчитывали возможные затраты и последствия более двух лет боевых действий, — такой срок никто не мог себе представить в начале войны. Барк был столь встревожен, что в декабре просил Совет министров учредить «Специальную комиссию по финансовым и экономическим проблемам»¹. Уже к 1 января 1917 г., сообщал он, стоимость обслуживания государственного долга, составлявшего более 28 млрд руб., требовала ежегодных выплат не менее 1,5 млрд. Пенсии и другие пособия для ветеранов и членов их семей прибавляли еще 430 млн². Оставалось неясным, как государство сможет выполнять эти обязательства. К осени 1917 г. государственные расходы достигли ошеломляющей цифры в 1,5 млрд руб. в месяц, и они почти полностью финансировались за счет печатного станка³.

3. Многомерные потери

Наиболее сложной глобальной проблемой России была «потеря» ее влияния на взгляды и поведение людей в длительный революционный период. Эта тема, однако, не может быть здесь всесторонне освещена, большую часть исследовательской работы еще только предстоит сделать. Владимир Булдаков и Татьяна Леонтьева своими исследованиями способствуют нашему пониманию психологической и социально-психологической деморализации⁴. Современные российские ученые теперь, кажется, менее сдержаны в исследовании мутных вод субъективности, чем их иностранные коллеги и, конечно, их советские предшественники⁵.

¹ См.: Новый экономист. 1916. 23 апреля.

² РГИА. Ф. 1276. Оп. 11. Д. 258. Л. 136–139.

³ Шингарев А.И. Финансовое положение России. Пг., 1917. С. 10–11.

⁴ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015; Булдаков В.П.

1) К изучению психологии и психопатологии революционной эпохи: Методологический аспект // Революция и человек: социально-психологический аспект. М., 1996. С. 4–17; 2) От войны к революции: рождение «человека с ружьем» // Революция и человек: быт, нравы, поведение, мораль. М., 1997. С. 55–57.

⁵ См.: Поршнева О.С. 1) Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны, 1914–1918 гг. Екатеринбург, 2000; 2) Социальное поведение солдат русской армии в годы Первой мировой войны (1914 — февраль 1917 гг.) // Социальная история: Ежегодник 2001/2002. М., 2004. С. 355–398; Асташов А.Б. 1) Русские солдаты и Первая мировая война: Психоисторическое исследование военного опыта // Социальная история: Ежегодник 2001/2002. М., 2004. С. 399–425; 2) Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология: Ежегодник. Предмет, задачи, перспективы развития. М., 2002. С. 268–281; Сенявская Е.С. 1) Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: РОССПЭН, 1999; 2) Человек на войне: Опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 7–16; Михайлов И.В. Быт, нравы и психология белого офицерства: к постановке проблемы // Революция и человек. М., 1997. С. 143–169.

Мои собственные изыскания выявили часто встречающуюся гносеологическую проблему рассмотрения «реально пережитых» эмоций во время войны, отличных от сконструированных памятью или социальными нарративами. Кажется очевидным, что индивидуальные и социальные потери во всех их разнообразных проявлениях являются невосстановимыми человеческими изменениями того, что Игорь Нарский удачно назвал (и красочно описал) как «жизнь в катастрофе»¹. «Синдром насилия», термин, введенный Питером Холквистом для описания Гражданской войны, имел явные истоки в снятии моральных ограничений на фронте. Затем дезертиры и демобилизованные солдаты пробивались в свои города и деревни, присоединялись к красным, белым и зеленым отрядам разных оттенков, участвуя в новых свирепых сражениях ради возмездия и/или выживания². Почти повсеместно в распадающейся империи это происходило невообразимо жестоко, беспощадно, безо всяких моральных ограничений, — «зверски» в фундаментальном, противопоставленном человеческому, значении смысле слова «зверство»³.

Простых цифр достаточно, чтобы напомнить о чудовищном размахе происходящего. В период с марта по октябрь 1917 г. армия потеряла убитыми и ранеными, по официальным данным, почти 200 тыс. солдат (в том числе более 21 тыс. случаев шока от артобстрелов), более 836 тыс. попали в плен. Число внутренних беженцев, увеличившееся в конце 1916 г. из-за боевых действий на Румынском фронте, снова выросло в связи с июньским наступлением Керенского, а их финансовая поддержка резко снизилась⁴. Общее число беженцев достигло 6 млн к январю 1917 г. В июле оно составило 7,4 млн чел.⁵ Беженцев, прибывавших без одежды и обуви, прогоняли и атаковали местные жители, у которых хватало своих проблем, учитывая дефицит той поры⁶. К концу 1917 г. общие военные потери были официально зарегистрированы в количестве более 7 млн чел.⁷ Насилие Гражданской войны вскоре достигло масштабов Мировой войны. Не менее 100 тыс. евреев были убиты офицерами и солдатами, многие из которых ранее участвовали в погромах на фронтах, особенно в Галиции, где слово «еврей» к 1915 г. уже стало синонимом «предателя». Миллион евреев, изуродованных физически и психологически, вынуждены были покинуть свои дома⁸. Антисемитское насилие было зачастую и самым радикальным средством реквизиций войсками, снабжение которых было недостаточным. Евреи были легкой мишенью для выплеска отчаяния и гнева.

Военные и военизированные формирования всех политических оттенков конфисковали имущество, поощряли порку, погребение заживо и другие пытки с целью обнаружения продуктовых запасов, без колебаний казнили скрывавших их «предателей», жестоко карали все реальные и воображаемые виды накопитель-

¹ Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001.

² Holquist P. Making War, Forging Revolution. Cambridge, 2002.

³ См., среди прочего, мою работу: Rosenberg W. G. Paramilitary Violence in Russia's Civil Wars, 1918–1920 // War in Peace / Eds. R. Gerwarth and J. Horne. Oxford, 2012.

⁴ Gatrell P. A Whole Empire Walking: Refugees in Russia during World War I. Bloomington, 1999. P. 172–173, 279.

⁵ Волков Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет. М., 1930. Цит. по: Gatrell P. A Whole Empire Walking. P. 212,

⁶ Там же. P. 187.

⁷ Россия в мировой войне, 1914–1918 года (в цифрах). М., 1925. С. 30.

⁸ Gatrell R. A Whole Empire Walking. P. 3.

ства, укрывательства или другие формы сопротивления. «Мы должны протестовать против политики центра», — телеграфировали, например, из Иваново-Вознесенска в конце 1918 г. рабочие, описывающие себя как «сознательных» и «терпеливо голодающих революционеров». «У нас забирают всё, и не дают ничего», «У нас не осталось ни грамма запасов», «Мы не несем никакой ответственности за то, что произойдет, если наши потребности не будут удовлетворены»¹. Во время жестокого становления Советской власти многие умерли по разным причинам, однако едва ли можно изучить коллективное социальное и культурное влияние этой потери, ее связь с насилием и социальными патологиями, еще труднее отследить ее влияние на выживших.

Всё же аналитическая трудность исследования эмоциональных состояний и отношений между индивидуальным и коллективным насилием не умаляет исторической важности самой проблемы «потери». Оценить ее даже сложнее, чем глобальные проблемы дефицита и финансов в пошатнувшейся политической экономии в их фактическом и дискурсивном измерениях. Санкционированное государством насилие понятно в своем поведении, но сопровождающие его субъективные эффекты скрыты, — так говорили уже во время войны участники первых дискуссий о военном посттравматическом синдроме². Обычно насилие определяется жесткостью действий, а не социальным или психологическим «озверением», индивидуальным и коллективным, которое эту жесткость породило. Даже самые пронзительные индивидуальные письменные свидетельства пропускают прожитый опыт через фильтр языка, который часто утаивает не меньше, чем раскрывает. «Мы ясно видели, что они ведут нас, как скот на убой», — писал солдат в 1916 г.³ Эта фраза почти наверняка скрывает унижительную беспомощность, даже если военные цензоры видели в «ожидании смерти» выражение патриотического стоицизма. Солдаты писали о пренебрежении к раненым, о негодовании по отношению к рабочим и другим жителям тыла, которые «предавали» их «жертву» («Повесить крыс!»), о желании убить продажных офицеров, торговавших едой и одеждой, о возмущении расстрелом «тысяч женщин в Москве», о том, что с ними самими обращались «как с собаками»⁴. Когда солдаты и рабочие смогли избрать Советы в 1917 г., то требование «достойного» отношения к себе всюду стало основным, «не подлежащим обсуждению»⁵. Почти наверняка этот бурлящий котел гнева и потери помог направить революционную траекторию по пути насилия.

Конкретные субъекты самого языка «потери» также склонны замалчивать жестокий факт: потери были результатом государственного насилия, инициированного политическими режимами, которые оставляли после себя отдельных людей и целые сообщества искореженными физически, психологически и социально —

¹ Экономическая жизнь. 1918. № 16. Ноябрь.

² См.: Merridale C. The Collective Mind: Trauma and Shell-Shock in Twentieth-Century Russia // Journal of Contemporary History. 2000. Vol. 35. N 1. P. 39–55. Весь выпуск посвящен истории шока от артобстрелов.

³ РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 90. Л. 269 об.

⁴ См., напр.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1487; Ф. 2031. Оп. 1. Д. 1184; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 2932, 2933, 2937.

⁵ См., напр.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1486. Л. 56; Ф. 2067. Оп. 1. Д. 3853. Л. 73 об.; Поршнева О.С. Социальное поведение солдат... С. 386–397; Koenker D., Rosenberg W.G. Strikes and Revolution in Russia, 1917. Princeton, 1989. P. 18, 72–75, 172–174, 275–281.

целый народ, доведенный до состояния озверения, перефразируя название книги Питера Гэттрелла (*A Whole Empire Walking*). Насилие революции с трудом поддается измерению, оно было продолжением ранних форм насилия. Его жертвой стала оптимистичная вера в здравый смысл и прогресс, бывшая основой исторического воображения, либерально-демократического и социалистического.

Революция в ее историческом контексте. Метаистории как исторические объяснения

К февралю 1917 г. основные элементы всех трех метаисторий были стабильны. Интересно в этом отношении сравнить энтузиазм и оптимизм июля 1914 г. с радостным возбуждением, эйфорией Февральской революции: массовые демонстрации горячо выражали поддержку новому строю, а либералы и социалисты излучали надежду: отныне они смогут двигать историю в верном направлении¹. Оптимизм, рациональная агентность и прогрессивные исторические телеологии легли в основу позиционирования нового порядка. Они впоследствии лягут и в основу интерпретации этой главы метаисторий либеральным и социалистическим нарративами.

Сами «сценарии» были хорошо знакомы: захват официальной власти людьми, в основном представителями Прогрессивного блока при поддержке социалистов; повсеместное образование комитетов общественных организаций, в состав которых входили представители новообразованных рабочих советов, ВПК, Земгора, организаций по продовольственному снабжению, городских дум и других местных органов власти; быстрое формирование органов самоуправления на основе демократических принципов; легализация профсоюзов и права на организацию и участие в политических и экономических забастовках и демонстрациях; создание фабрично-заводских комитетов на предприятиях, удовлетворение требований рабочих; расширение полномочий новых комитетов на железных дорогах для решения транспортных проблем с помощью нового министра кадета Николая Некрасова, наконец решение о формировании «земельных комитетов» для расширения проблем сельскохозяйственного производства и снабжения продовольствием.

Более того, с самого начала лидеры Совета и либеральные деятели первого Временного правительства стремились усилить экономическую роль государства. Шингарев подготовил закон о государственной хлебной монополии и планиро-

¹ «История должна навсегда запечатлеть настоящую революцию как восьмое чудо света» (Речь. 1917. 5 марта); «Неизбежное случилось <...> великий и решающий момент в жизни нашей Родины настал» (Русские ведомости. № 48. 2 марта 1917); «Величайшее из всех исторических достижений в современном мире!» (Дело народа. 1917. 15 марта); «Долгожданная заря свободы <...> подобная серии волшебных превращений <...> Но нет ничего случайного в ходе исторических событий» (Рабочая газета. 1917. 7 марта); «Народ <...> готов к совместным, рациональным действиям <...> способен навести порядок» (Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 23 марта). В.В. Зензинов вспоминал, что он и его единомышленники «были захвачены одним чувством, одним импульсом». Когда Керенский после произнесения революционной речи был поднят на руки и вынесен из зала под бурные аплодисменты, то, вспоминая Зензинов, его собственное лицо было залито слезами (Зензинов В.В. Февральские дни // Новый журнал. Нью-Йорк, 1953. Кн. 35. С. 230–231. Цит. по: *The Russian Provisional Government 1917. Documents / Eds. R.P. Browder, A.F. Kerensky. Vol. 1. Stanford, 1961. P. 128, 143–147.*)

вал снабжать крестьян необходимыми товарами по фиксированным ценам¹. Была введена и государственная монополия на торговлю топливом, схожие меры осуществлялись на рынке текстильной и кожевенной продукции². Под давлением социалиста Громана, его либерального коллеги Мигулина и других экспертов первоочередной задачей правительства объявлялось установление фиксированных цен на изделия первой необходимости (железо, текстиль, керосин, кожа и т. д.), которые следовало сделать доступными для населения по самым низким ценам³. Но чем больше усилий государство, подталкиваемое либералами и социалистами, предпринимало для экономического регулирования и контроля, тем большую ответственность оно принимало за недостиженные социальные и экономические результаты. Уже к концу весны Шингарев, суровый критик Барка, сам отчаялся перед лицом увеличения государственного бюджетного дефицита из-за расширения роли казны в страховании производства; сложностей регулирования цен (при невозможности устранения спекуляции и черных рынков); резкого повышения налогов при затруднении их сбора. Всё больше Шингарев опирался на печатный станок для удовлетворения умножавшихся потребностей революционного государства — 30 млн новых рублей печаталось ежедневно ко времени, когда кадеты покинули первое коалиционное правительство, — вопреки постоянным утверждениям о том, что это представляет «опасность государству», являя «худший возможный путь» получения денег⁴. Когда появился проект фонда поддержки безработных, финансируемого за счет общего налога с предпринимателей и работников, обе стороны воспротивились, требуя, чтобы государство взяло на себя все расходы, не думая о том, что финансы государства зависят от новых денежных поступлений⁵.

Основная претензия либерального нарратива адресовалась, конечно, двоевластию; претензия же социал-демократического нарратива касалась непримиримых классовых различий в понимании владения и права собственности, а также соответствующих социальных интересов. Современное видение социально-экономических и социокультурных очагов власти и последствий ее осуществления, однако, заставляет предположить, что двоевластие лучше отражало новый потенциал режима использовать энергию конфликта, чем физическую возможность подавлять его. Но даже в самых благоприятных обстоятельствах по-прежнему трудно понять, как думет Временного правительства и Советов мог бы осознать, и уж тем более успешно решить реальные и предполагаемые проблемы дефицита, финансового коллапса,

¹ Как писал Ларс Ли, с 25 по 30 марта последовал ряд указов, запрещавших продажу зерна любым способом, кроме как по фиксированным ценам через новые органы снабжения, организованные на демократических принципах. Эти законы также требовали, чтобы все излишки доставлялись местным государственным агентам по закупкам. См. обсуждение в: *Lih L. Bread and Authority...*

² *Zagorskii S.O. State Control of Industry in Russia During the War. New Haven, 1928. P. 214–215, 224.* Новый график «обязательных и фиксированных цен» был разработан для производителей металлов Министерством торговли и промышленности и вступил в силу 20 июля. В Петрограде этот список цен были расширен в сентябре, охватывая 15 видов металлических изделий. См.: Известия Петроградского городского общественного управления. 1918. 4 (17) апреля.

³ Вестник Временного правительства. 1917. 28 марта.

⁴ *Шингарев А.И. Финансовое положение...* С. 7, 10–11.

⁵ См.: *Шварц С.М. Социальное страхование в России в 1917–1919 годах.* [Неопубл. рукопись] // The Nicolaevsky Collection. Hoover Institution. Box 779. Fold. 10, 70–71.

социальных травм и потери, которые толкали людей на путь насилия, ведущий к катастрофе.

Всё это подрывало авторитет либерально-демократического и социалистического «сценариев». И до того, как Ленин и большевики захватили государство, чтобы воплотить собственное понимание российской революционной телеологии, либеральные и социалистические попытки «вернуть государство обратно»¹, использовать ресурс государства при их исторически воображаемом движении «вперед» до 1917 г. делегировали демократическому революционному государству то же бремя ответственности за лишения и потери, которые нес царский режим, отвергавший соглашение с Прогрессивным блоком. Это бремя проявлялось по-разному. До революции исторически воображаемые способы прогресса у социалистов предполагали такое решение социальных конфликтов, чтобы оно отвечало реалиям и языкам «крайней нужды», языкам рабочих, крестьян и солдат. Либералы же с не меньшей твердостью отстаивали «унитарную» власть, рациональное управление в интересах государства, основанное на юридически обязательных соглашениях и верховенстве закона. И либералы, и социал-демократы прописывали в воображении возможности замены царского режима эффективным революционным государством, легитимность которого основывалась бы на рациональной агентности и эффективном функционировании. В действительности в 1917 г. рациональность и функциональность всё больше противоречили друг другу. Либеральное и социалистическое исторические воображения всё менее соответствовали действительности. Преодоление воображаемого и реального дефицита, неработающей финансовой системы, всё усугубляющегося краха экономики и особенно эскалации потери во всех ее формах вскоре вышло за рамки возможностей рациональных и ответственных деятелей и организаций «живых сил». Другими словами, глобальные проблемы опровергали метаистории и лежащие в их основе сценарии.

Долговечность и сила метаисторий состоит не в их способности описывать прошлое. Метаистории всегда предполагают объяснение произошедшего, некоторую связь событий и людей через историческое воображение, наделяя их повествовательные структуры пояснительным смыслом. Литературные и лингвистические приемы и методы метаисторий используются для *объяснения* — не только *как* произошла революция, но и *почему*. Ответ на вопрос, почему большевики пришли к власти, определяет причинно-следственные связи так, чтобы показать, насколько радикальными могут быть социальные преобразования. Политическая биография имплицитно содержит теорию истории, она предполагает объяснение через агентность. Социокультурный активизм объясняет возможности социального преобразования с точки зрения видов власти, скрытых в социокультурных формациях, и его связи с непредвиденными социально-экономическими и политическими ситуациями (*contingency*).

Поскольку метаистории были сформулированы в различных письменных источниках, которые и стали их основными историческими документами, либерально-демократическая метаистория объясняла войны и революции дополняющими друг друга, но различными способами. Троп «ответственный актер» хорошо работал для объяснения дефицита, потерь и социально-экономических трудностей до тех пор, пока ответственные либералы сами не приняли бразды правления. Затем утвердилась обратная сторона прогрессивной агентности для объяснения своих

¹ Bringing the State back in / Eds. P.B. Evans, D. Rueschemeyer, T. Skocpol. N. Y., 1985.

неудач в терминах заговоров, иррационального поведения толпы и ослабления государства. Концепция двоевластия перешла в феврале от институционального признания фактических локусов власти и потенциальной возможности совладать с общественно-экономическим антагонизмом за фасадом общих целей, объявленных первой коалицией; к добыванию и без того слабого государства. Те акторы, политика которых только ухудшала положение, так пытались объяснить свои неудачи, до октября это были социалисты, а затем — большевики. Либералы также не смогли убедительно объяснить войну или оправдать ее продолжение, не прибегая к аргументу социалистов: революцию следует защитить. Они не могли убедительно объяснить, почему дефицит, инфляция, налоговый крах, социальные потери и насилие продолжались. Не связанная авторитетом религии и традиции законность революции сместила акценты с институтов и институционализированных ценностей, которые либералы считали принципиально важными для постепенной модернизации, на прозаическую способность обеспечить безопасность и благополучие. Функциональность победила принцип. В этих обстоятельствах государственность и надпартийность, возможно, не были совсем уж утопическими мечтами, но не были они и достижимыми основаниями для эффективного управления.

Как это ни парадоксально, большевистская метаистория также «подтверждала» метаистории либерально-демократическую и социалистическую путем обеспечения рационального и потому убедительного (по крайней мере для большинства советских читателей) объяснения причин их крушения. Обеспечивая «научную истину» своих объяснений Октября, ленинцы косвенно подтверждали, что некоторая форма демократического социализма могла возникнуть, несмотря на глобальные проблемы России, если бы не конспирологически осуществляемое стремление к власти большевиков-экстремистов. (Именно этот страх, видимо, и побудил Ленина приказать свергнуть режим Керенского до голосования на Втором съезде Советов, который могло бы поддержать меньшевиков.) Вновь злонамеренная воля победила ответственную агентность. «Живые силы» России были сметены большевистской толпой и вооруженной силой. Без Ленина нет Октября. Без Октября нет ни Сталина, ни сталинизма, ни даже, по мнению некоторых, фашизма.

Каждая из трех метаисторий, конечно же, была объяснительной редукцией сложнейших событий мирового исторического значения, попыткой так преподать их уроки. После 1917 г., когда надежды и чаяния либералов и умеренных социалистов оказались иллюзорными, для своих нарративных основ в качестве новой мишени они избрали ужасных «фурий», которым «слабые» государства могут развязать руки. С этой точки зрения значение 1917 г. и его последствий для либералов и умеренных социалистов было не в масштабах проблем, с которыми столкнулась Россия, и не в ответе на вопрос, могут ли слабые государства справиться с небольшими проблемами лучше, чем сильные государства — с большими, но в коварных опасностях самой ленинской метаистории и дальнейших катастрофах, порожденных ей. Когда остатки надежд и чаяний большевистской метаистории растворились в 1991 г. вместе с поддерживавшими ее режимами, а утопическое будущее вдруг стало антиутопическим настоящим, не было ничего удивительного в том, что мрачное изречение Ханны Арендт прижилось почти повсеместно. Между тем тот опыт и те проблемы, которые легли в основу «жизни в катастрофе» в революционной России, которые, кажется, в значительной степени выпали из исторического фокуса, продолжают требовать и признания, и решения в современных «революционных» ситуациях.

Дэниель Орловски

ВРЕМЕННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО: ВЗГЛЯД ЧЕРЕЗ СТОЛЕТИЕ

Поезд, благодаря которому Троцкий и его репутация стали неразделимы, тринадцать раз за время Гражданской войны участвовал в боях с белыми, его команда потеряла пятнадцать человек убитыми (и еще пятнадцать «пропавшими без вести»), поезд был награжден орденом Красного Знамени за отражение Северо-Западной армии, наступавшей на Петроград в октябре 1919 г. Всё же его основная роль заключалась не в сражениях. Скорее поезд обеспечивал надежную и мобильную базу для централизованного командования армией и был вдохновляющим символом большевистской власти. Как Троцкий выразился в своих мемуарах: «Сильнейшим цементом новой армии были идеи Октябрьской революции. Поезд снабжал этим цементом фронты»¹.

Временное правительство было центральным элементом Февральской революции, а по сути — всего революционного опыта России. Как ни странно, его полная история еще не написана, возможно, из-за той ауры неудачи, которая всегда его окружала.

Почему важно Временное правительство? Потому что оно было государственной властью в 1917 г., а этот год важен сам по себе, определенно являясь особым и необходимым периодом в истории кризиса 1914–1922 гг. Наша тема — революция, уже — Русская революция, а ведь только в 1917 г. Революция стала историческим актором, точкой отсчета и определяющим фактором. Именно после Февраля произошел жестокий разрыв с прошлым. Революция запускает риторические дихотомии: новое / старое, революционное / контрреволюционное, а также новые категории, такие как «демократия», однородная социалистическая власть демократии / власть цензовых элементов, самоуправление / бюрократия, двоевластие / многовластие / безвластие и т. п. Это был не просто запуск «утопии у власти», цитируя название важной работы по истории Советского Союза, но утопия и миллениаризм, интегрированные в дискурс, дебаты и практики власти и борьбы за власть 1917 г. Конечно, неразрывная последовательность процессов 1914–1922 гг. также играет важную роль, и есть много причин для того, чтобы рассматривать революционный опыт именно в этих временных рамках. Война породила революцию, а многие трансформации военного времени и воздействие войны не были ясны вплоть до 1917 г. Тем не менее этот подход ставит вопрос о своеобразии 1917 г., его осо-

¹ *Smele J.D.* The “Russian” Civil Wars 1916–1926: Ten Years That Shook the World. Oxford, 2015. P. 132.

бенностях — помимо мощной непрерывной последовательности жестоких разрывов с прошлым, риторики, символики и обращения к Революции того богатого событиями года¹.

Эта дискуссия также стала основой для проекта «Великая война и революция в России, 1914–1922», в котором участвуют примерно 250 ученых со всего мира. В рамках проекта уже вышел ряд прекрасных работ, новые тома готовятся к печати. Смил в своей глубоко проработанной и продуманной книге рассматривает Октябрьскую революцию, а следовательно, и Февраль как одну из битв Гражданской войны, один из фронтов в цепи событий, продолжавшихся до 1926 г., довольно произвольной даты, что он и сам признает. (Создается впечатление, что автор подыскивал дату, которая позволит ему не следовать тренду / конвенции использования 1922 или любой даты, связанной с началом НЭПа, или с X съездом партии, советско-польской войной, поражением белых.) Согласно такой логике, идея и смысл революции оказываются вычеркнуты из истории.

Революция дала Временному правительству (ВП) власть и легитимность, и эта легитимность была не пустым звуком; легитимность ВП не была унаследована от старой власти (правительства или Думы) и не была связана старорежимными институтами, законом, законностью. Это было верно и в начале (в феврале), и в октябре, в отношении Временного совета Российской республики (Предпарламента). Конечно, ВП имело «дофевральские» корни в своей форме и в своем функционировании (министерская бюрократия, например). Некоторые же его нововведения Советское государство приняло после Октября; но когда мы говорим о ВП, мы вновь должны видеть центр происходящего именно в 1917 г.

Именно тогда сама революция становится историческим актором, мощной силой, воздействующей на государство и общество, Троцкий, например, хорошо понимал это. Я цитирую его в самом начале, ибо высказывания Троцкого о власти в сентябре и октябре 1917 г. стали для меня откровением, меня поразило его глубокое понимание того, как революция может быть развернута, чтобы заручиться поддержкой народа и дискредитировать оппонентов. *Такой* революции, революции-актора, еще нет в первые годы Великой войны, но она, конечно, является движущей силой после Октября.

Представление о революции как об акторе, воплощающем умственно и физически человеческую вселенную, отражено в недавней работе о революции в Европе раннего нового времени:

«Революции — это моменты политического вскипания, которое происходит, когда правила перестают работать, власть отсутствует, а обычная политическая деятельность приостанавливается. Таким образом, революции могут принимать форму безумия, коллективной потери рассудка, подобно тому, как дух головокружения — согласно Вольтеру — наполнял Фронду. Вовсе не являясь поворотным моментом эпохи, революция делает возможным многократное возникновение основных и вечных мифов о золотом веке или пришествии Царствия Божьего,

¹ Новые убедительные работы, которые приводят доводы в пользу последовательности, а не разрыва в 1917, написаны Д. Ливеном, Дж. Сэнборном, Дж. Смилом, М. фон Хагеном. Питер Холквист был одним из основоположников дискуссии. См.: *Holquist P. Making War, Forging Revolution: Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921. Cambridge, 2002.*

пересмотренных, дабы соответствовать страстям своего времени, в частности религии и патриотизму»¹.

Но как лучше понять значение ВП через 100 лет? Позвольте сделать здесь небольшой историографический экскурс в честь столетия Временного правительства.

Ранее западная историография концентрировалась на идеологии ВП и, соответственно, на его партийных связях. Леонард Шапиро, например, писал о либеральных идеях кадетов, преобладавших в первом составе ВП, отождествляя последующие коалиционные правительства с идеями меньшевиков и эсеров, членов других народнических партий.

Это в корне отличается от советской и постсоветской российской историографии. В ней наряду с доминирующим идеологическим пренебрежением к Временному правительству, его политике и лидерам, существовало и довольно сильное направление, представленное историками, воспринимавшими Временное правительство и его политику довольно серьезно. Следует выделить Э.Н. Бурджалова, П.В. Волобуева, В.И. Старцева, А.Б. Николаева и других авторов, писавших основательные и аргументированные работы, касающиеся различных аспектов его деятельности — включая политику в области образования, роль интеллигенции в революции, судьбу Учредительного собрания.

На западе в 1967 и 1987 гг. вышли книги, посвященные ВП и его власти, первая под редакцией Ричарда Пайпса², вторая — под редакцией Эдит Франкель, Джонатана Франкеля и Баруха Кней-Паца³. Некоторые их аспекты привлекают особое внимание читателя. В первой книге сам редактор, авторы и комментатор даже не испытывали необходимости объяснить специфику своего издания или определить значение Русской революции. Было понятно, что революция определяла межвоенный период и характер советского режима в последующее время, что она «объясняет мессианский характер советского режима». Пятьдесят лет отделяет эту работу от описываемых событий — такой же период времени отделяет современных исследователей от той эпохи, в которую был выпущен этот том.

Ни один российский, советский ученый не присутствовал на конференции 1967 г., и я не знаю, как с этим обстояло в 1987 г. (присутствующие здесь участники обеих конференций могут ответить на этот вопрос). Редакторы в 1987 г. отметили изменения в ходе Перестройки и выразили надежду, что на научных мероприятиях, посвященных следующему юбилею революции, советские коллеги будут присутствовать.

В 1967 г. существовала плеяда авторов, изучавших революцию, — интеллектуалов, пишущих для широкой аудитории, академических исследователей, а также ученых, применявших свои знания на практике, таких как Джордж Кеннан. Советский Союз достиг пика в качестве экзистенциальной угрозы эпохи холодной войны, и было вполне естественно, что видные историки, исследователи, имевшие российский, советский и европейский опыт, такие как Хью Сетон-Уотсон, Леонард Шапиро, Бертрам Вулф, Ханна Арендт, Оскар Анвайлер, Марк Ферро, Адам

¹ *Benigno F. Mirrors of Revolution: Conflict and Political Identity in Early Modern Europe*. Turnhout, 2010. P. 17.

² *Revolutionary Russia* / Ed. R. Pipes. Cambridge, 1968.

³ *Revolution in Russia: Reassessments of 1917* / Eds. E. Rogovin Frankel, J. Frankel, B. Knei-Paz. Cambridge, 1992.

Улам и многие другие должны были собраться, чтобы поразмышлять о значении этого события. Хотя они и признавали, что обсуждение темы ограничено тем, что многие сюжеты недостаточно изучены, но в сторону младших коллег едва глядели, хотя уже тогда именно они закладывали основы для дальнейшего изучения революции. (В качестве исключения было отмечено присутствие молодого университетского преподавателя Александра Рабиновича, который «добросовестно» подготовил к публикации стенограммы обсуждений докладов.) Примечательно было и отсутствие тех, кто изучал левых, и тех, кто считался левым с научной либо политической точки зрения. Среди присутствующих не было Леопольда Хеймсона, Моше Левина, Оливера Радки, хотя Александр Даллин обрушил гневную критику на методологию Джорджа Каткова, уделявшего особое внимание конспирологическим сюжетам, особенно роли немецких денег в поддержке большевиков и осуществлении революции.

А как тогда обсуждалась ВП? Дискуссия по этому вопросу велась, но власть ВП воспринималась преимущественно как далекая абстракция, а не как концепция или набор практик, подлежащих деконструкции и аналитическому осмыслению, основанному на привлечении новых источников, в том числе архивных.

Джордж Кеннан представил изящный и мудрый анализ долгосрочных и краткосрочных причин Февральской революции — политическое недовольство элит, неумелость царского правительства и авторитаризм, разрушающая сила русского национализма, проявлявшаяся и в отношении с другими национальностями империи, и в его пагубном воздействии на российскую внешнюю политику. Кеннан и несколько других ученых по-своему отметили и то, что мы теперь понимаем как утрату «любви» между бывшими и потенциальными сторонниками царя, династии, что оказало решающее влияние в разгоряченную пору февраля 1917 г.

Двое авторов рассматривали собственно вопрос о власти: Леонард Шапиро писал о политической мысли первого ВП, а Оскар Анвайлер — о политических взглядах лидеров Петроградского Совета, оба они охватывали примерно один период — с марта по май 1917 г.

Шапиро утверждал, что первый состав Временного правительства не выражал официальную линию партии кадетов. Скорее, он выявлял глубинные расколы в партии, очевидные уже во время войны, и позицию кадетской части масонской группы. Шапиро также подчеркивал революционный характер правительства, которое не было ни законным, ни легитимным, ибо не было назначено Государственной Думой. Как свидетельствует Декларация от 26 апреля, ВП придерживалось скорее популистских взглядов князя Львова, Керенского и Некрасова, а не идей Милюкова или Гучкова. Сотрудничество с левыми, вера и доверие к людям, а также принцип неприменения силы были ключевыми идеями Декларации, и в ней не было никакого упоминания ни об аграрном вопросе, ни о проблеме войны. Шапиро пришел к выводу, что тогда ВП не имело никакой особой политической философии, отражая просто традиции интеллигенции.

Анвайлер связывал идеи лидеров Петроградского Совета с вопросом о власти Совета и его социальной основе. Опираясь, как он сам признавал, на весьма ограниченный материал, историк утверждал, что Совет не был основан собственно фабричными и заводскими рабочими. Он рассматривал Советы как организации, в которых преобладали крестьяне и мелкая буржуазия, ибо армия состояла преимущественно из крестьян и образованной мелкой буржуазии. В конце марта только

7 из 42 членов Исполкома Петроградского Совета были рабочими, советские лидеры являлись интеллигентами, и только позже, в марте и апреле, партийная принадлежность стала играть большую роль, произошла «кристаллизация» в соответствии с партийными линиями. Фабричные комитеты, в которых стали преобладать большевики, усложняли общую картину. Анвайлер также отмечал, что меньшевики имели свою радикальную историю, восходящую к 1905 г. В начале 1917 г. они рассматривали Советы как модель, порожденную 1905 г., Советы могли стать органами власти, способными не только уничтожить самодержавие, но и подтолкнуть буржуазную демократию к участию в революции. Тем не менее социальный аспект играл определяющую роль. Решение, принятое в июне на Первом Всероссийском съезде Советов, гласило, что Советы не могут захватить власть, так как подобный акт оттолкнул бы низший средний класс и техническую интеллигенцию, — слои общества, необходимые для управления государством. Анвайлер, к его чести, в обсуждении затронул вопрос о левых меньшевиках и Мартове, утверждая, что их история и история их отношения к большевикам требуют специального исследования. Сорок лет спустя Леопольд Хеймсон принял этот вызов.

Интересные вопросы были поставлены в превосходной работе Джона Кипа о провинциях и в различных эссе, исследующих Ленина и большевиков, а затем в дискуссиях. Марк Ферро представил сообщение, отражающее раннюю стадию его работы над важным исследовательским проектом изучения общественного мнения первых месяцев революции. Адам Улам, предвосхищая выводы А. Рабиновича, утверждал, что большевистское единство 1917 г. было мифом, но это мнение немедленно подверглось критике Ричарда Пайпса и Хью Сетона-Уотсона, которые заявили, что если большевики и были разобщены, то их лидеры были куда более целеустремленными, чем конкуренты этой партии.

В 1987 г. редакторы другого тома, фestsрифта в честь Израиля Гетцлера, также были уверены в важности темы, утверждая, что 1917 г. изменил мир в XX в. Революция была ключом к пониманию межвоенных лет, сталинизма, позднего советского проекта. Редакторы ощущали преобразования, начатые Горбачевым, они с огромным интересом наблюдали за новой ситуацией в Советском Союзе, которая придавала новый смысл ключевым проблемам 1917 г. Казалось, что и после семидесяти лет большевистского правления эти вопросы сохранились нетронутыми под толстым слоем льда, который начал теперь таять, требуя новых ответов, поэтому редакторы тома считали свою работу многообещающим ключом к будущему. Собрал плеяду звезд, практически всех серьезных историков революции, опубликовавших после 1967 г. монографии, переопределившие работу в этом направлении на Западе, эти исследователи создали ту базу, которая во многих отношениях существует и по сей день. Конечно, в ней были недостатки и дисбалансы — целые социальные группы, в том числе женщины, отсутствовали в исследованиях той поры, а охват вопросов идентичности и национальности был в лучшем случае неполным. На конференции был представлен, отражая дух времени, «ревизионизм», предпочитавший социальную историю, и едва ощущался «культурный поворот» — при видимом отсутствии синтетической политической истории (не было, например, ни докладов о политике левых в сентябре и октябре, ни исследований отношения партий и их фракций к параллельным центрам власти).

Почти не упоминают докладчики массовую культуру, религию в 1917 г. Во вводимом эссе Франкеля рассматривался вопрос об альтернативах с весьма традицион-

ной точки зрения, при этом удивительным образом игнорируются и возможность создания однородного социалистического правительства, и действия тех сил, которые оно могло представлять. Франкель ставит вопрос о возможности ВП сохранить власть, он дает в целом отрицательный ответ, хотя и сожалеет о том, что оно не смогло устоять. Согласно его концепции, победа порождает свою противоположность и наоборот — четкий сигнал того, что перестройка была предопределена.

Собственное эссе Гетцлера о «Советах как агентах сдерживания» открывает раздел под названием «Политическая власть и действие масс». Это единственный раздел, который рассматривает власть как отдельную категорию (примечательными в этом разделе являются превосходная работа Дональда Рейли о власти в Саратове и статья Рекса Уэйда о Красной гвардии). Гетцлер пишет о Советах 1917 г., рассматривая их преимущественно как воспитателей, обучающих народ массовой демократии участия. Он детально рассматривает регламенты Советов и протоколы их выборов, исследует участие в Советах — большая часть этих практик, как он утверждал, были отвергнуты после Октября.

После 1987 г., на финальной стадии существования СССР, изучение революции стало малозаметным, тихим, почти скрытым. Это нельзя назвать упадком, так как оригинальные работы авторов, основанные на новых источниках и новых парадигмах, продолжали появляться, однако произошел сдвиг научного интереса в сторону советского опыта *после* 1917. Дальнейшие юбилеи революции не отмечались на Западе. И памятные тома больше появлялись.

Большая часть наших познаний о ВП на Западе была основана на изучении политических партий или на социальной истории. Прежде всего это была история рабочих, история партий, связанных с ВП, опирающаяся на давнюю и продолжающуюся традицию публикации документов органов власти и политических партий¹. Всё это прекрасно, но можем ли мы добавить здесь ценное знание или нам следует продвигаться в иных, новых направлениях?²

Я считаю перспективным изучение ВП на двух уровнях — в дополнение к уровню политики партий и их отношения к Власти. Первый уровень — административная история ВП, его практическая деятельность, его обращение с наследием

¹ См., напр., работы Д. Коенкер, З. Галили, У. Розенберга, О. Радки, Л. Хефнера, М. Мелансона, посвященные изучению политических партий. Среди документальных публикаций можно выделить некоторые: *The Russian Provisional Government of 1917* / Eds. R.P. Browder, A. Kerensky. Stanford, 1961. Vol. 1–3; Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 г. Т. 1–4. М.: СПб., 1993–2005; *Меньшевики в 1917 году*. Т. 3. Ч. 1–2 / Ред. З. Галили, А. Ненароков, Л. Хаймсон. М., 1996; *Журналы заседаний Временного правительства: март–октябрь 1917 года* / Ред. Б.Ф. Додонов. Т. 1–4. М., 2001–2004.

² Проект Ненарокова и Соловьева по изучению общественного мнения в 1917 г. показывает путь прорыва из тисков партийно-ориентированной истории в направлении к широкому изучению общественного мнения, взятого из максимально широкой выборки газет, журналов, разнообразных рукописных источников. Исследование не должно идти по старому пути изучения политических программ, оно должно обратиться к живым силам революционного года — левым, правым, центристским, аполитическим, на основе информации популярной прессы, в том числе сатирической и коммерческой, — всего спектра изданий. Даже правительственная пресса требует нового изучения, это вытекает из необходимости рассмотреть ВП как правительство, а не только как продолжение политических партий и их идеологий. См.: *Ненароков А., Соловьев К. Российская революция 1917 года глазами современников: задачи публикации, принципы отбора источников* // Исторический архив. 2015. № 6. С. 192–195.

министерской системы, его попытки перестроить власть на принципах самоуправления и построить триаду провинциальной власти на основе губернских комиссариатов (преемников старорежимных губернаторов), новых органов самоуправления, повсеместно избранных на основе всеобщего избирательного права, вновь созданной милиции и перестроенной судебной системы. Историкам здесь есть что сказать, например, о создании новых министерств — труда, продовольствия, государственного призрения, о первых шагах по созданию структур, после Октября ставших Наркомнацем.

Инновационным было создание министерских комиссий, которые привлекли представителей общества к работе на уровне министерств. Здесь я имею в виду чрезвычайно важный Главный земельный комитет, Государственный комитет по народному образованию, Экономический совет и Главный экономический комитет, а также существовавшую в первые месяцы после Февраля комиссию при бывшем Министерстве императорского двора. Эти по сути революционные нововведения представляли собой попытку расширить границы традиционного министерского управления, напоминали традицию царских комиссий, к которым обращались, чтобы расширить министерскую компетенцию, подменя парламентское правление, подключая негосударственную экспертизу, навыки и профессиональную компетентность общества для разработки политики, что подменяло законодательные предложения.

Иногда ВП действовало в традициях царской власти, как, например, в случае учреждения Земельного и Продовольственного комитетов, с которыми оно начиная с июня стало изо всех сил бороться, чтобы обуздать их или вернуть в государственную структуру. (Это напоминает попытку правительства 3 июня 1907 г. вернуть Государственную Думу в рамки государственной структуры.)

Тем не менее Временное правительство, как показывают протоколы его заседаний, архивные материалы, официальная печать и многие другие источники, в сентябре и октябре работало в условиях масштабных преобразований, запущенных Февральской революцией, пытаясь решить основные административные и экономические проблемы такими способами и через такие институты, которые продолжали существовать и в советскую эпоху. Некоторые темы особенно выделяются в повестке дня собраний: национальный вопрос, местная администрация и полиция, послевоенная экономика, и, конечно же, выборы в Учредительное собрание. Правительство существовало вне личностей и политики. ВП было чем-то большим, нежели просто отдельно взятая администрация, и меньшим, чем функционирующее правительство, чья политика диктуется парламентским большинством или даже премьер-министром. Во многом оно отражало давние и традиционные политические и административные практики бюрократии в России, даже в своих попытках осуществления новых трансформационных проектов.

В 1917 г. вопрос о власти разыгрывался в триаде двоевластия, многовластия, безвластия, — и всё это может быть использовано для описания отношения ВП к иерархии полномочий, нисходящих от центрального правительства на уровне министров и ВП, к провинциям, в формах унаследованной от старого режима провинциальной администрации. Каждый из этих терминов здесь уместен.

Власть — это не просто формальная государственная власть, но и сила, текущая по капиллярам множества иерархических учреждений и организаций, некоторых — унаследованных от войны, многих — созданных революцией; эта сила оказывала

влияние на повседневную жизнь народов на имперском пространстве. В некотором смысле Временное правительство разделяло эту силу или власть во множестве дублирующих друг друга и взаимосвязанных инстанций на протяжении всего своего существования.

Второй уровень рассмотрения ВП — социальный аспект власти. Здесь важно представление о низших средних слоях и зарождающихся профессиональных группах как о скрытых факторах политической борьбы за власть в сентябре и октябре, что важно для понимания концепции «однородного социалистического правительства», правительства демократии или иного проекта, который не был прочно связан с классово-ориентированными Советами. Этот самостоятельный компонент большого общественного движения был политически аморфным, но он имел немалое значение для любого проекта государственного строительства.

Административные, политические и социальные элементы истории ВП объединяют сюжеты, связанные с изучением Демократического совещания и Совета Республики в сентябре и октябре¹. Здесь также важен вопрос о начале и конце ВП, который позволяет по-новому взглянуть на этот орган власти. Интересные новые исследования посвящены прежде всего Февральской революции. Их авторы уделяют большое внимание предыстории ВП, они изучают заговоры, реконструируют ход переворота час за часом, тщательно рассматривают разные аспекты политической конкуренции между лидерами оппозиции, строительства новой государственной власти, выявляют роль Государственной Думы, отходя при этом от концепции «двоевластия»². Сравнительно мало внимания уделяется эндшпилю, заключительной фазе существования ВП, событиям в сентябре и октябре. Существуют, однако, значимые и поразительные аналогии. История ВП начинается и заканчивается парламентом и комиссарами: четвертой Думой и Предпарламентом или Советом Республики; захватом власти и управления революционно настроенными комиссарами Временного комитета Госдумы, имевшими цель создания ВП и аналогичными действиями Петроградского военно-революционного комитета, которые обеспечили кончину ВП.

Даже некоторые большевики, такие как Каменев, выступали за демократическую власть на широкой основе — не советскую власть, а власть, ответственную перед организованной демократией. Развязка сентября и октября, как свидетельствуют действия политиков того времени, была не столь очевидной, как предполагал победоносный большевистский нарратив.

Большая часть истории эндшпиля ВП — поиск «ответственности» на той его стадии, которая воспринималась как режим личной власти Керенского. Но более общий вопрос требует реконструкции действий ВП в тандеме с представительными органами, которым он был бы подотчетен. Вопрос заключался в том, будет этим органом Демократическое совещание, Всероссийский съезд Советов, Совет Республики или, как официально заявляли все партии, Учредительное собрание, призванное завершить деятельность ВП. Демократическое совещание и Совет

¹ См.: Руднева С.Е. 1) Демократическое совещание (сентября 1917 года): история форума, М., 2000. 2) Предпарламент: Октября 1917 года: Опыт исторической реконструкции, М., 2006.

² См.: Колоницкий Б.И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб., 2012; Lyandres S. The Fall of Tsarism: Untold Stories of the February 1917 Revolution. Oxford, 2013; Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная Дума, 27 февраля — 3 марта 1917 года: Монография. СПб., 2005; Hasegawa T. The February Revolution, Petrograd 1917, the Fall of Tsarism and the Birth of Dual Power (в печати).

Республики рассматриваются обычно как впечатляющие политические неудачи, бесплодные потуги добиться этой цели. Но если учитывать социальный аспект государственной власти в 1917 г., и, наконец, если не исходить из неизбежности большевистской концовки, то картина получается совершенно иная.

При рассмотрении власти с политической точки зрения интерес приобретает инициатива так называемого «однородного социалистического правительства», предлагавшаяся прежде всего Мартовым при поддержке некоторых других деятелей в сентябре и октябре. Эта идея влияла на закулисную историю Совета Республики и Предпарламента (термин, заимствованный у европейских революций 1848 г.). При этом векторы деятельности политики, партий и учреждений, правительственных и общественных, пересекаются. Наконец, во всех дебатах Демократического совещания, в дискуссиях внутри политических партий, которые иногда возникали и на заседаниях Совета Республики, есть последовательное соединение, которое осталось незамеченным для большинства историков — соединение социальных аспектов любого потенциального социалистического правительства — с большевиками или без них.

Начиная с августа Мартов выступал за кульминацию демократической революции путем создания однородного социалистического правительства, он продолжал эту линию и после Октября. Принципиально, что под этим он понимал не только правительство, но все левые партии, а также группы, представляющие другие «неценовые» элементы общества. Мартов определенно заявил, что его идея правительства, идущего на смену коалиционным кабинетам ВП, идеям и реальности двоевластия (вернее, многовластия), никогда не будет идеей правительства Советов. Классовые учреждения если и призваны были играть какую-то роль, то лишь переходную.

Новое правительство, согласно проекту Мартова, должно было состоять из всех учреждений, общественных и административных / правительственных, которые основывались бы на мощной общественной силе мелкой буржуазии и рабочих. Под мелкой же буржуазией он подразумевал не только крестьянство. Социальная база новой революции должна была включать промежуточные слои подготовленных, образованных кадров, представлявших общественность и большую часть нового государственного аппарата, не говоря уже о Советах.

Л. Хеймсон в своем ценном исследовании взглядов Мартова и Ленина на революцию дает возможность каждому лидеру сформулировать свою концепцию, используя их собственные слова¹. Он находит множество сторонников Мартова даже среди большевиков, однако среди них всё же преобладали взгляды Ленина. Мартов полагал, что Советы не были подходящим материалом для государственного строительства, а формы государственной власти определяются социальной структурой. Ленин утверждал обратное.

Нельзя отрицать, что с начала августа, возможно, даже с июля и вплоть до 25 октября альтернативы преодоления кризиса власти мыслились как выбор между «демократическим» и классовым вариантами. В этом дискурсе «социализма» демократия в понимании Мартова не означала социализм, а «цензовое» не находилось в бинарной оппозиции к социализму. Однородное социалистическое правительство или, в более широком плане, решение вопроса власти, означало нечто иное,

¹ *Haimson L.H. Lenin, Martov and the Issue of Power // Haimson L.H. Russia's Revolutionary Experience, 1905–1917: Two Essays. N. Y., 2005. P. 1–107.*

нежели коалиция всех социалистических партий или небольшевистских левых партий. Это было динамичное, взаимосвязанное объединение профессий, социальных групп, общественных учреждений, специалистов, органов местного самоуправления, объединений и ассоциаций, и всех видов профессиональных групп, созданных вопреки жесткой линии классового деления, исключая общественное воображение, и неохотно включающей в себя даже крестьянство и свои собственные партии и Советы. Эту точку зрения отстаивал в августе Мартов и некоторые другие социалисты (в том числе многие в стане умеренных эсеров, народных социалистов и других народников), решительно и последовательно преуменьшая значение партии при каждом удобном случае, что подтверждает история Демократического совещания и Совета Республики. Эта точка зрения предлагала более широкий фронт для борьбы с «анархией», «контрреволюцией», немецкой угрозой и, что важно, возможность построить, используя термины Ф. Дана, новый тип правительства и государства, новой власти, которая не была бы бюрократической и личной, какой она была при старом режиме и ВП (Дан указывает на меньшевика Никитина, главу МВД, имевшего замашки «паши»)¹. Новая «демократическая» власть исходила бы из широкой демократической социальной и институциональной среды, описанной выше. Для Мартова и Дана политическое равнялось социальному, но не в строгой большевистской версии понимания рабочего класса.

«Коалиционный» вопрос касался не только партий, мы упускаем фактическую сторону вопроса о коалиционной власти, если ограничиваем рассмотрение проблемы лишь вопросом о вхождении представителей «цензового общества», прежде всего членов кадетской партии, в ВП в августе или сентябре. Это ограничение мешает понять характер голосования на Демократическом совещании. Над этим голосованием постоянно насмехались историки, — еще одно наследие ленинского триумфа и сопутствующего ему мифологического поворота, нелогичного и неплотворного, — видя в голосовании растерянность и слабость не-классово-ориентированных демократических представителей. Внимательное чтение источников показывает нечто иное: многие делегаты имели довольно ясное представление об исключении из круга возможных союзников лишь непосредственных участников дела Корнилова, сохраняя в качестве потенциальных партнеров по коалиции широкую прослойку цензовых элементов, включая кадетов. Другими словами, голосование за коалицию без кадетов было политическим заявлением, но не в смысле отказа от поиска точек соприкосновения между «демократией» и сочувствующими ей «живыми силами» общества, которые считали возможным сохранение государства и построение республики. Я предлагаю усложнить сценарий (нарратив), в котором доминируют категории класса и партии. В преобладающем видении кризиса власти, которое было навязано победителями-большевиками, и участники событий, и историки всего идеологического спектра классифицировались в соответствии с категориями класса и партии, наперекор многообразным свидетельствам существования других сил.

Дан связывает конец ВП 24–25 октября с платформой «объединенной демократии» 14 августа, объявленной Н.С. Чхеидзе в дни Московского государственного совещания. Платформа стала политической целью организованной демократии

¹ О позиции Дана см.: Дан Ф. Последние дни Временного Правительства // Летопись Революции. Т. 1. Берлин, 1923. С. 163–175.

(а также демократии слабо организованной или неорганизованной вовсе) в сентябре и октябре. Ее отстаивали на Демократическом совещании, а затем в Совете Республики (Предпарламенте). Она рассматривалась в качестве основы, не абсолютизируясь. Силы демократии стремились убедить ВП поддержать платформу 14 августа, взять ответственность за ее проведение. Разумеется, здесь возникало огромное препятствие, ибо платформа выражала концепцию «демократии», противоположную той, которую исповедовали «цензовые» элементы в лице их политических партий и влиятельных групп.

Дан ретроспективно проанализировал обсуждение вопроса о власти 24–25 октября. В качестве объекта изучения он избрал заседания Совета Республики (Предпарламента), консультативного органа, созданного Временным правительством в конце сентября, когда лидеры Демократического совещания предложили создать это учреждение¹. ВП передало предложение Юридическому совещанию для преобразования проекта в имеющий юридическую силу закон, регулирующий состав, структуру и прерогативы Предпарламента, который провел свое первое заседание 7 октября. Дан критиковал Всероссийский Центральный исполнительный комитет Советов рабочих и солдатских депутатов (ВЦИК), который не пытается создать правительство, основанное на полной демократии. Под последней он явно понимал всю инфраструктуру профессиональных и социальных групп, их военные и революционные институты, что отличалось от проекта строго классового и в высшей степени мнимого «советского» правительства, предлагавшегося Петроградским Советом, в котором уже преобладали большевики и их союзники — левые эсеры. Дан отметил, что ВЦИК поддержал платформу «объединенной демократии» 14 августа, не выказав при этом поддержки той форме правительства, к которой и он, и другие лидеры, прежде всего Ю. Мартов, призывали начиная с июля. Августовская платформа казалась Дану расплывчатой, недостойной «правительственного» воплощения. Последнее коалиционное правительство демонстрировало неэффективность партий; в нем не было ни лидеров преобладающих партий, ни видных буржуазных промышленных или коммерческих деятелей. Партии уже проиграли на Демократическом совещании, где преобладало представительство от курий и групп, групповое голосование. Иной стала и публичная дискуссия в Совете Республики. Для Дана и Мартова революция была демократической, а не социалистической, и уж тем более не советской, с их точки зрения социальная и институциональная динамика это ясно продемонстрировали. Дан предлагал концепцию более широкой и укорененной социальной и политической власти, которая стала бы основой нового для России типа небюрократического государства. Совет Республики был прообразом этого нового государства. К сожалению, существовала досадная симметрия: большевики придерживались жесткой классовой модели, которая фактически игнорировала существование «демократии», а Керенский схожим образом желал, чтобы «его» ВП оставалось у власти, игнорируя «демократию» и платформу 14 августа, предпочитая навязать нации ВП с помощью военной силы и желая строить новое республиканское государство на фундаменте столь же мифологических и слабых губернских комиссаров, самоуправления и административных судов, которые не могли нести бремя власти. И это государство Временного правительства,

¹ Детальное рассмотрение вопроса власти в июле–октябре с особым вниманием к Совету Республики см.: *Orlovsky D. What was Power in 1917 // Centennial Project volume on 1917 / Ed. P. Waldron* (в печати).

и государство советское, созданное в одночасье, были государствами воображаемыми. Воображаемое государство, оторванное от общества и от партий, повышало собственную значимость Керенского, во всяком случае, ему так казалось. В некотором смысле Дан хотел использовать Совет Республики, лишенный большей части законодательной власти, с той же целью, что и партийные лидеры, политизировавшие свою деятельность в первых двух Думах в 1906–1907 гг. Дан полагал, что практика общественной политики в Совете Республики в конце концов приведет несоветские демократические низшие средние слои к поддержке объединенного социалистического правительства. Но низшие средние слои не смогли осознать свое политическое значение.

Эндшпиль 24 и 25 октября свелся к борьбе между Керенским и Даном, представлявшим Совет Республики. В ней проявилась вечная проблема ответственности — ответственности ВП перед конкретным политическим органом, обеспечивающей иную легитимность вместо фантома «революционного» происхождения власти. Керенский хотел безусловной поддержки со стороны Совета Республики. Дан и Совет вместо этого предъявили требование к ВП немедленно объявить о своей готовности к созыву Учредительного собрания для немедленного заключения мира и передачи земли крестьянам. Керенский отказался. К тому времени неспособность «демократии» объединить разрозненные элементы и объединиться с ВП означала гибель для обеих сил.

В Совете республики политический центр пытался создать постоянное большинство, отражавшее последнюю коалицию ВП, чтобы сделать возможной работу этого органа власти, но левые настаивали на политике социалистической ориентации, поскольку за «демократией» было две трети мест.

Постоянно всплывающей темой на сессиях Совета Республики и заседаниях комиссий Предпарламента были погромы и нарушения «революционного порядка», это было особенно верно в отношении Комиссии по защите республиканского строя и противодействию контрреволюции. Это побудило меньшевиков разработать план создания комитетов общественного порядка, необычайно сильных в провинции, план, приведший к конфликту с цензовыми элементами по вопросам верховенства права, поднятым этим предложением.

Меньшевики утверждали, что «самоуправление» получит право определять ситуации, требующие создания (и закрытия) временных комитетов «общественного спасения» (в названии ощутимы отголоски Французской революции). Комитетам следовало выражать гармонию власти и общества (масс) и объединить местную инфраструктуру, действуя в сотрудничестве с местной прокуратурой и военными властями. Кадеты видели в этом явный бесконтрольный произвол, они полагали, что план меньшевиков нарушал правовые нормы и порождает деспотов на местах. Не было никаких оснований отменять конституционные права, утверждали они. План меньшевиков поддержали 14 членов комиссии, шестеро голосовали против, это дало комитетам необходимую власть. В этом случае даже умеренные меньшевики были готовы нарушить принцип верховенства закона, оправдывая это особой ситуацией революции, страхом перед анархией и контрреволюцией. Министр внутренних дел Никитин имел собственный план, который позволил бы комиссарам ВП, а не местным общественным комитетам использовать войска и устанавливать военное положение.

Совет Республики обсудил застопорившуюся реализацию законодательства о земельных комитетах. Меньшевики и эсеры утверждали, что ВП не может

править, используя лишь силу, поэтому необходимо немедленно ввести земельные комитеты.

По сути, умеренные социалисты признавали, что, хотя Совет Республики не являет собой орган власти, которому было бы подотчетно ВП, его существование имеет смысл: если источником власти ВП является революция, а Совет Республики воплощает эту революцию, то контроль всё же им осуществляется.

В Совете Республики шли также споры о внешней политике, прежде всего в связи с участием М. Скобелева в международной конференции союзников. Речь шла о принципах внешней политики, о соотношении новых идей и традиционных представлений о национальных интересах. Был ли возможен мир? Кадеты утверждали, что ни союзники, ни немцы не позволят этому осуществиться.

Сложности возникли и в связи с несанкционированным призывом к заключению мира со стороны военного министра Верховского, который привел сенсационные сведения о сокращении численности войск в действующей армии и о соотношении численности бойцов на фронте с чрезмерным количеством служащих во вспомогательных и тыловых учреждениях. Ставке требовалось 9 млн солдат на всех фронтах, между тем Министерство продовольствия могло обеспечивать питанием только 7 млн.

Верховский утверждал, что демобилизованная армия может быть преобразована в ополчение; он полагал, что популярность большевизма вызвана лишь разочарованием в войне, поэтому ВП должно начать переговоры о немедленном заключении мира. Министр иностранных дел Терещенко был ошарашен этим высказыванием, что в очередной раз показало отсутствие единства в рядах ВП. Терещенко и Струве хотели отложить обсуждение доклада Верховского, но председательствующий Скобелев предложил продолжить его рассмотрение.

Среди других актуальных тем того времени следует упомянуть забастовки на Донбассе и роспуск Экономического совета. Третьяков утверждал, что девять заседаний Экономического совета не принесли видимого результата. Члены совета лишь изучали отчеты и не принимали никаких действенных мер, даже не занимались экономическим планированием. Созданный в июне Экономический совет должен был стать примером объединения функций регулирования и планирования. Теперь он должен был быть распущен, а его функции разделили бы между собой Совет Республики и Главный экономический комитет. В комитет, который становился рабочим органом, включались представители промышленности, профсоюзов и кооперативов. Третьяков сообщил, что основные экономические решения оставались пока в компетенции ведомств, которые были плохо осведомлены о тех решениях, которые принимались иными органами управления (показателен, например, инцидент со 100 %-ным увеличением цен на зерно). Новый проект ВП, рассмотренный комиссией ВСР, включал в себя Экономический совет, региональные отделения продовольственного снабжения и предлагал модель их кооперации. Громан возражал Третьякову, он утверждал, что ВСР не может принимать долгосрочные предложения, ибо сам ВСР будет существовать только в течение месяца. Он желал восстановления Экономического совета, чтобы политические предложения немедленно представлялись на рассмотрение Учредительного собрания. Восстановление Экономического совета было необходимо, потому что по своему составу он был демократическим и академическим, лишь часть представителей назначалась непосредственно ВП. Члены ВСР, связанные с промышленностью, жаловались, что за время

своего существования Экономический совет фактически ничего не добился, а смешение функций государственных и общественных организаций в России достигло такой высокой степени, которой тогда не наблюдалось нигде.

Политика ВП была весьма гибкой; и хотя основывалась она на старых традициях, нельзя не заметить способность ВП быстро адаптироваться к выполнению революционной миссии. И его действия не следует трактовать в отрыве от революции и актуальных задач преобразований. Его политика не была простым продолжением имперского курса, даже в дипломатических вопросах¹.

Не следует допускать, чтобы нарратив о большевистской победе в Октябре полностью заслонял важные дискуссии о власти, происходившие в сентябре и октябре. Даже такие большевики, как Троцкий, относились к ним очень серьезно, признавая их социальное и политическое значение. Троцкий, подобно другим участникам этих дебатов, использовал образ Революции, равно как и другие тропы, чтобы влиять на общественное мнение.

В заключение мы можем составить список вопросов, важных для характеристики ВП; лишь некоторые из них были рассмотрены выше. Список этот, конечно, неполон, но среди проблем, заслуживающих дальнейшего рассмотрения, следует назвать проблему ответственности, вопрос о возможных альтернативах, сюжеты, связанные с государственным строительством (в том числе вопросы об особенностях управления, кооптации во власть). Недостаточно исследовано представительство во власти социальных, профессиональных групп, женщин (внимания заслуживает гендерный аспект власти). Требуется дальнейшего изучения соотношение дискурсов власти — соотношение нового и старого, революционного и контрреволюционного. Роль символов, культов, массовой культуры в осуществлении власти также заслуживает исследования. Такие, казалось бы, изученные сюжеты, как военная власть, власть и внешняя политика требуют нового прочтения. Темы империи, границ, этнической и национальной идентичности представляются весьма актуальными. Наконец, особенности права в условиях революции и тема верховенства закона становятся крайне значимыми.

¹ См. выступление Питера Холквиста на этом коллоквиуме.

Борис Иванович Колоницкий

ГЕНЕАЛОГИЯ «ВОЖДЯ НАРОДА»:

ОБРАЗЫ ЛИДЕРОВ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЯЗЫК РОССИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1917 г.

На партийном съезде оратор призывает объединиться вокруг «дорогого вождя», а восторженные депутаты приветствуют это заявление «бурными аплодисментами», перерастающими в «продолжительную овацию».

Речь идет не об описании форума советской эпохи; именно так 27 марта 1917 г. звучали некоторые речи на VII съезде конституционно-демократической партии. Князь Е.Н. Трубецкой, известный философ, в своем выступлении прославлял П.Н. Миллюкова: «Когда мы видим у дверей врага, когда мы видим у дверей анархию, вот тогда-то мы и объединяемся. В единой национальной мысли, в едином национальном чувстве объединяемся вокруг тех национальных вождей, которые служат выразителями этой мысли. Вот, господа, причина, вот истолкование тех аплодисментов, которые слышал дорогой Павел Николаевич. Господа, все на местах внимательно следили за шагами этого доблестного вождя партии народной свободы. Мы не могли усмотреть в них ни единой ошибки...» В своей речи Трубецкой еще несколько раз назвал Миллюкова «вождем» и «знаменосцем». Приветствие в адрес партийного лидера было встречено «бурными аплодисментами», которые переросли в «продолжительную овацию»¹. Вряд ли партию кадетов можно назвать «вождистской», но стиль подобных приветствий не вызывал возражений, а партийная пресса описывала поддержку вождя именно так.

Прославление «своих» вождей было присуще и другим партиям. В мае 1917 г. в газете интернационалистов была опубликована статья А.А. Богданова, посвященная партийным лидерам². Известный философ, писатель, экономист, естествоиспытатель, врач хорошо знал политическую культуру социалистов: в 1905–1909 гг. он был одним из лидеров большевиков. Богданов отмечал, что в политических партиях большую роль играет «диктатура лидеров», представляющая «власть духовную», основанную «на свободной вере». Он предполагал, что в случае успеха партии в масштабах страны тип ее организации повлияет на складывающийся общественный и государственный строй:

«Каждая организация, когда ей удастся приобрести решающее влияние в общественной жизни и строительстве, неизбежно, независимо от формальных положений

¹ Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1: 1915–1917 гг. М., 2000. С. 460. Ср. с. 672.

² *Богданов А.* Что же мы свергли? // Новая жизнь. 1917. 17 мая.

ее программы, стремится провести в обществе *свой собственный* тип строения, как непосредственно близкий и привычный: всякий социальный коллектив перестраивает, насколько может, всю социальную среду по своему образу и подобию. И если это — *авторитарный* тип, основанный на господстве—подчинении, хотя бы и духовном, то роковым образом отсюда получается авторитарная тенденция и в социальном строительстве, как бы ни была демократична, коммунистична и т. д. программа».

При подобной организации прогрессивная идеология не помешает установлению авторитарного режима. Автор ссылаясь на опыт прошлого: «Каждый, изучающий историю Великой Французской революции, конечно, поражался тем, как быстро и легко республиканцы, якобинцы превращались в преданных бонапартистов». Для российской демократии, «нетвердой политически и слабой культурно», авторитарная опасность представляла особую угрозу. Автор рассматривал «авторитарность» на примере большевиков, тенденции ее развития он считал «типичными».

Авторитарность развивалась и в других партиях, проявляясь в прославлении вождей. Богданов выделял культ Плеханова, подчеркивал он и склонность народников создавать культ вождей, объясняя это влиянием крестьянства, испытавшего «многовековое авторитарное воспитание». Свержение монархии не привело к уничтожению «авторитарности»: «То, что свергнуто политически, продолжает жить культурно...» Автор формулирует неотложную задачу: «Большинству наших социалистов по имени и программе надо еще стать хотя бы демократами по методам мышления. ...Культурная революция необходима». Свержение монархии было проведено силами, которые декларировали антиавторитарную идеологию, оставаясь носителями авторитарной политической культуры. Это создает условия для регенерации на новых идеологических основаниях авторитарной политической системы, в центре которой будет культ вождя. Взгляды Богданова кажутся провидческими, многие авторы описывали (и описывают) последующую историю России как приспособление идеологий к глубинным структурам политической культуры¹.

Статья вызвала отклик главной газеты социалистов-революционеров, ее автор не признавал, что народники изначально были предрасположены к «авторитарности», но вопрос о вождях он считал актуальным. Пафос статьи Богданова он разделял, а ее вывод о необходимости «культурной революции» поддерживал².

В настоящей работе я постараюсь рассмотреть культурно-политический контекст, в котором появилась статья Богданова. Для этого я изучаю те культурные формы, с помощью которых конструировался авторитет лидеров. Особое внимание я уделяю употреблению слова «вождь» и сопутствующих, а также заменяющих его слов. В качестве основных источников я использую информационные и пропагандистские материалы, а также политические резолюции³.

¹ Современные исследователи, например, указывают, что революция в империи, выстроенной на архаических принципах, не может свестись к простой смене политического режима, ибо в системе власти—подчинения слишком многое было связано с эмоциями, порождаемыми сакральностью фигуры царя. См.: *Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г.* Война, породившая революцию. Россия, 1914—1917. М., 2015. С. 465.

² Печать и жизнь. Культурная революция // Дело народа. 1917. 18 мая.

³ При изучении политического сознания и в особенности при привлечении резолюций как источника я использую приемы, предложенные Г.Л. Соболевым (*Соболев Г.Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. Период двоевластия. Л., 1973).

Изучение культурно-политических процессов важно для понимания феномена власти. Падение «старого режима» табуировало язык монархии, требовало новых слов, символов, ритуалов для обозначения властвующих. Речь шла и о наборе предписываемых эмоций, которые следовало проявлять. Следовало также обозначить границы самоцензуры (при отмене внешней цензуры): любую политическую культуру нельзя представить без сакрализации каких-то символов, текстов, субъектов политического процесса, что предполагает ограничения и запреты. Тема сакрализации имела особую нагрузку в 1917 г., ибо революция политическая переплеталась с революцией церковной, а революционное сознание порой было секулярной формой сознания религиозного. В этом гигантском, многослойном процессе культурного и политического творчества большую роль играли попытки выработки новых форм отношения к лидерам.

Слово «вождь» присутствовало в политическом языке дореволюционной России. Часто оно применялось по отношению к высшим военным руководителям, командующим разного ранга. Император именовался «державным вождем», а верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич — «верховным вождем». Культ верховного главнокомандующего должен был укреплять культ императора, но на деле он начал с ним конкурировать. Повышающийся политический статус «верховного вождя» стал одной из причин его смещения¹.

Вожжами именовались и другие полководцы — главнокомандующие фронтами, командующие армиями. Применительно к военным администраторам высокого ранга этот термин нечасто употреблялся, например, военный министр не удостоивался, насколько можно судить, такого обращения.

В таком значении слово «вождь» употреблялось и после свержения монархии. Однако к «вождям» предъявлялись дополнительные требования. Социалистическая газета, например, подвергла сомнению право генерала М.В. Алексеева быть настоящим «вождем русской революционной армии», ибо политические заявления полководца не давали ему на это права². Соответственно, некоторые военачальники для подтверждения своей лояльности использовали различные элементы революционной политической культуры, это укрепляло их статус «вождя».

Например, командующим Петроградским военным округом стал после свержения монархии генерал Л.Г. Корнилов³. Хотя генерал возглавил тыловой военный округ, а не фронтовое соединение, печать именовала его «вождем народной армии»⁴. Такая характеристика была невозможна до свержения монархии. Доказательством же «народности» вождя было его «простое» происхождение, манера поведения, умение говорить с солдатами.

После Апрельского кризиса Корнилов принял командование 8-й армией. Для укрепления авторитета он использовал революционную риторику, автор газеты военного ведомства описывал его как военачальника нового типа: «Яркий, как кристалл, приказ изумительного героя русской армии и революционного полководца зажег сердца вверенных ему бойцов». Накануне Июньского наступления Корнилов с красным знаменем в руках приветствовал Керенского, которого он именовал

¹ Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.

² С-в. Генерал Алексеев // Новая жизнь. 1917. 12 мая.

³ Новое время. 1917. 5 марта; Русский инвалид. 1917. 7 марта.

⁴ Вождь народной армии // Русский инвалид. 1917. 14 марта.

«народным вождем»¹. Когда Корнилов стал верховным главнокомандующим, его, соответственно, стали называть «верховным вождем». Когда же отношения между Керенским и Корниловым ухудшились, сторонники генерала использовали революционный стиль: «Генерал Корнилов не может быть смещен, поскольку является настоящим вождем народа», — заявил, например, Совет Союза казачьих войск². Подразумевалось, что «настоящий вождь народа» противопоставляется деятелям, которые безосновательно претендуют на этот статус. Когда Корнилов бросил вызов Временному правительству, председатель Главного комитета Союза офицеров требовал: «В такой критический момент власть должна принадлежать первому народному верховному вождю Корнилову, который должен остаться во главе армии»³.

Корнилов и некоторые другие вожди Белого движения приобрели известность уже в 1917 г., в это время складывался их авторитет «народных вождей», и он создавался с помощью таких риторических оборотов, символов и ритуалов, которые стали инструментами легитимации во время революции.

Термин «вождь» использовался и для характеристики лидеров партий. Иногда он употреблялся как нейтральный, в некоторых случаях противников могли называть вождями «мелкой буржуазии». Положительная же характеристика политика как «вождя» свидетельствовала о его особенном, высоком статусе.

Наиболее известным лидером эсеров был В.М. Чернов, теоретик партии, что проявлялось в обращениях к нему: «Дорогой учитель и товарищ!»⁴ Кутаисская же губернская организация слала привет «теоретическому вождю»⁵. Многие активисты партии именовали себя «учениками» Чернова⁶.

Вступление Чернова во Временное правительство в качестве министра земледелия в мае вызвало волну приветствий в адрес «селянского министра». Лидер эсеров именовался «вождем», иногда его сравнивали с кормчим, направляющим корабль державы к долгожданной пристани⁷.

Приветственные послания именовали также Чернова «идейным вождем», «учителем и руководителем», «духовным вождем и учителем», «вождем социализма», «вождем, гордостью партии»⁸. Статус теоретика, «учителя» был важен для описания вождя.

Некоторые резолюции адресовались не одному Чернову, но и другим министрам, прежде всего А.Ф. Керенскому. Так, саратовский губернский съезд эсеров приветствовал «товарищей граждан Керенского, Чернова, как ответственных вождей своей партии, взявших на себя высокую обязанность спасения родины в тяжелую минуту внешних испытаний, опасности анархии внутри»⁹.

¹ Русский инвалид. 1917. 27, 28, 30 июня.

² Дело народа [Пг.]. 1917. 11 августа.

³ Цит. по: *Френкин М.С.* Революционное движение на Румынском фронте. 1917 г. — 1918 г. Солдаты 8-й армии Румынского фронта в борьбе за мир и власть Советов. М., 1965. С. 132.

⁴ Дело народа. 1917. 9 мая; Земля и воля [Пг.]. 1917. 10 мая.

⁵ Дело народа. 1917. 30 апреля.

⁶ Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы: В 3 т. Т. 3. Ч. 1: Февраль—октябрь 1917 г. М., 2000. С. 212, 225.

⁷ РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 1. Д. 6. Л. 2, 5.

⁸ Там же. Л. 4, 6, 7, 17, 25, 50.

⁹ Там же. Л. 56.

Резолюции, прославлявшие Чернова как «вождя», в мае сравнительно редко попадали на страницы главной партийной газеты «Дело народа». Ситуация существенно изменилась в середине лета, новая волна резолюций, поддерживающих Чернова, была вызвана вестью, что во время Июльского кризиса кронштадтские матросы пытались задержать министра¹.

У эсеров вскоре появились иные поводы для защиты вождя. Либеральная и консервативная пресса расширяла фронт пропагандистского наступления, атакам подвергались уже не только большевики, но и Чернов. Эсеры, только что защищавшие вождя от большевиков, были вынуждены развернуть фронт, отбивая пропагандистские атаки справа. Организации эсеров принимали резолюции, поддерживающие «испытанного вождя», «идейного вождя», «самого дорогого вождя партии», «любимого вождя трудового крестьянства», подтверждали «кристальную чистоту своего вождя»².

И некоторые силы, атаковавшие Чернова, и эсеры, его защищавшие, пытались усилить эффект своих пропагандистских посланий, ссылаясь на авторитет А.Ф. Керенского. Первые противопоставляли двух известнейших эсеров, а защитники Чернова стремились подчеркнуть единство двух лидеров.

Чернов был не единственным героем эсеровской пропаганды, огромное внимание уделялось Е.К. Брешко-Брешковской, «бабушке русской революции». И всё же она прославлялась не как вождь, а как героиня революционного движения. Ее авторитет мог подкреплять авторитет вождей (прежде всего А.Ф. Керенского), но сама она на статус «вождя» не претендовала.

Зато «вождем» именовали другого ветерана революционного движения, Г.В. Плеханова. Его группа «Единство», объединявшая социал-демократов крайних оборонческих взглядов, была малочисленной, авторитет «отца русского марксизма» был для «Единства» важным политическим ресурсом. Сторонники называли Плеханова «мудрым вождем», «любимым вождем российской социал-демократии», «великим вождем и поборником классовых интересов пролетарского мира»³. Плеханова именовали и «учителем»⁴.

«Вождем» и «учителем» называли и Ленина, однако отношение у большевиков к прославлению лидера было различным. Со временем слова «большевик» и «ленинец» стали синонимами, однако весной 1917 г. это было не так. После возвращения Ленина в Россию и публикации «Апрельских тезисов» он стал объектом шумных пропагандистских акций. Слово «ленинцы» к середине апреля стало штампом, употребляемым для обозначения крайнего, бездумного и антипатриотичного радикализма. В это время и видные руководители Русского бюро ЦК, редколлегия «Правды» и Петербургского комитета не были готовы принять идеи Ленина⁵. Некоторые же большевики, вступившие в партию после Февраля, даже могли оказаться в поле влияния антиленинской пропаганды, так, матрос на партийном собрании задал вопрос «старому большевику»: «Правда это, что товарищ Ленин “шпион”?»⁶

¹ См., напр.: Дело народа. 1917. 7 июля.

² Дело народа. 1917. 8, 9, 19, 21–23, 29, 30 июля.

³ Единство. 1917. 5, 28 мая.

⁴ Там же. 3, 5 мая.

⁵ Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде / Пер. с англ. М., 1989. С. 15–16.

⁶ Королев Г. Прошлые дни // Ленин и красный флот. Л., 1924. С. 41–42.

Термин «ленинцы» приобретал разные значения, а публицисты и ораторы, его использовавшие, преследовали различные цели. Некоторые эсеры и меньшевики надеялись, что у большевиков возобладают умеренные лидеры, а «ленинцы» будут изолированы¹.

Термин использовался и для критики умеренных социалистов — Г.В. Плеханов и его сторонники, считавшие меньшевиков и эсеров чрезмерно радикальными, писали о «полу-ленинцах»², «эсеровских ленинцах»³. Оценки Плеханова цитировали консерваторы и либералы⁴. Пропагандистский удар по «ленинцам» они стремились распространить на меньшевиков и эсеров⁵. Расширительная трактовка «ленинства» вызывала беспокойство у умеренных социалистов.

Осуждение «ленинцев» можно встретить и в резолюциях, направлявшихся в редакцию «Известий» Петроградского Совета⁶. «Антиленинская» коалиция была не лишена внутренних противоречий, но ситуация для «ленинцев» становилась сложной, опасной была реакция солдат столичного гарнизона. В Крыму же ленинофобия привела к тому, что местные Советы воспретили въезд лидера большевиков на полуостров⁷. Некоторые обозреватели полагали, что Ленин стал маргинальным политиком, доводящим до абсурда идеи социалистов, персонажем сатирических произведений: «Имя Ленина без усмешки никто уже и не поминает...»⁸

Большевики инициировали контрпропагандистскую кампанию, они защищали лидера, проводили резолюции на митингах и собраниях. Между тем борьба против «ленинцев», перераставшая в критику умеренных социалистов, переплеталась с другой пропагандистской акцией: либеральные и консервативные издания начали критиковать рабочих, которые после Февраля добились 8-часового рабочего дня, получили денежные прибавки. «Буржуазные» издания писали об «эгоизме пролетариев», заботящихся о своем комфорте, когда фронтовики сутками сидят в холодных и мокрых окопах, постоянно подвергаясь смертельной опасности. Противопоставление солдат рабочим могло ослабить базу поддержки Советов, некоторые войсковые части принимали резолюции, осуждающие рабочих⁹. Это обеспокоило

¹ Прием противопоставления «большевиков» и «ленинцев» использовался и либеральной прессой: «Даже большевики от Ленина отказываются» (Речь. 1917. 21 апреля). См. также: Большевики против «ленинства» // Свободная Россия. 1917. 8 мая (вечерн. вып.).

² *Иорданский Н.* Неосновательные притязания // Единство. 1917. 12 мая; *Плеханов.* Две недели на размышление // Там же. 7 июля; *Алексинский Г.* Что нужно сейчас России? // Там же. 8 июля.

³ *Рафаилов-Чернышов В.* По стопам ленинцев // Единство. 1917. 30 мая.

⁴ Консервативный публицист назвал и Н.В. Некрасова, министра путей сообщения, представителем «ленинствующих» конституционных демократов (*Гофштеттер И.* Демагогия власти // Новое время. 1917. 9 июня).

⁵ *Изгоев А.С.* Народный праздник // Речь. 1917. 20 апреля.

⁶ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 25 мая.

⁷ Русское слово. М., 1917. 2, 6 мая; *Бунегин М.Ф.* Революция и гражданская война в Крыму (1917–1920 гг.). Симферополь, 1927. С. 34; *Зарубин А.Г., Зарубин В.Г.* Без победителей: Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 27–28.

⁸ *Калемин В.* Из жизни Москвы // Русская воля. 1917. 2 мая.

⁹ Об этом свидетельствуют обзоры переписки военнослужащих, составлявшиеся военной цензурой. См.: РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 1496. Л. 16, 59–61.

и лидеров Советов, и рабочих столицы. Противосоветская кампания объективно ослабляла эффект кампании «антиленинской»¹.

Атаки на Ленина и «ленинцев» обострились в дни Апрельского кризиса. Для одних противника олицетворял П.Н. Милоков, сторонников которого именовали «милоковцами». Другие считали, что Ленин объявил войну Временному правительству, а «граждане и армия» выступили на защиту правительства против Ленина². Сам же Ленин не без удовлетворения отмечал, что его имя оказалось в центре конфликта³.

Демонстрантов, осуждавших Милокова, в лицо называли «ленинцами». Порой это вызывало протест: «Мы не ленинцы, мы рабочие завода “Лесснера”». Для сторонников Милокова позиция оппонентов была знаком принадлежности к «ленинству»: «Значит, вы ленинцы, а не рабочие». Возмущенные демонстранты кричали: «Мы не ленинцы, долой буржуазную травлю!». Но затем, протестуя, рабочие вызывающе скандировали: «Да здравствует Ленин!»⁴ Газета военного министерства даже сообщала о лозунгах: «Власть Ленину, вождю социализма»⁵. Политический противник вынуждал принять ярлык «ленинства», навязываемый врагом. Некоторые делали это без особой охоты, показательно, что эпизод с рабочими, отказывавшимися признать себя «ленинцами», был описан «Правдой», очевидно, и некоторые члены редакции не готовы были считать всех сторонников большевиков «ленинцами».

Политики оказались заложниками своей риторики: если кризис описывался как противостояние «милоковцев» и «ленинцев», то поражение Милокова, вынужденного покинуть правительство, могло восприниматься как победа Ленина. Кризис укрепил его влияние в партии и сделал еще более известным. Всё чаще появлялись резолюции, приветствовавшие его. Сокольнический клуб большевиков, например, именовал Ленина «идейным вождем, всегда высоко державшим знамя Интернационала»⁶. Различные руководители партии с разной степенью энтузиазма защищали Ленина, наибольшую активность проявил Г.Е. Зиновьев, а некоторые резолюции, осуждавшие «буржуазную печать», приветствовали не только Ленина, но и Зиновьева⁷. Для Зиновьева это было знаком укрепления его собственного влияния, наряду с Лениным он включался в список вождей, защита которых провозглашалась задачей сознательных рабочих.

Если партия эсеров в июле выступила в защиту Чернова, усилив прославление своего вождя, то большевики ранее реагировали схожим образом, отражая нападки

¹ Колоницкий Б.И. Резолюции рабочих и солдат о буржуазной печати (март–апрель 1917 г.) // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1987. Вып. XIX. С. 227–237.

² Об «антиленинских» выступлениях манифестантов см.: Демонстрации и митинги // Речь. 1917. 21 апреля; Манифестации // Там же. 22 апреля; Арзубьев П. Бунт против Ленина (Из уличных наблюдений 21 апреля) // Там же. 23 апреля; Горев Ст. Ленинские «вагонщики» избili безногих инвалидов // Маленькая газета. 1917. 28 апреля; Демонстрация грузчиков // Новая жизнь. 1917. 22 апреля; Требование ареста Ленина // Там же.

³ Ленин В.И. Уроки кризиса // Правда. 1917. 23 апреля. Цит. по: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 325.

⁴ Апрельские дни 1917 года в Петрограде / Публ. П. Стулова // Красный архив. 1929. Т. 2 (33). С. 39, 46, 54, 56, 73; Правда. 1917. 28 мая, 20 июня.

⁵ Русский инвалид. 1917. 23, 26 апреля.

⁶ Правда. 1917. 5, 12, 13, 15, 16 мая.

⁷ Там же. 11, 16 мая.

на Ленина. И в том и в другом случае необходимость противодействия пропагандистским атакам противников требовала укрепления авторитета лидеров, они провозглашались вождями.

Милоков, Чернов, Плеханов, Ленин описывались как вожди партий. В то же время предпринимались и попытки прославления «вождей России», в марте многие считали нужным поздравить М.В. Родзянко, председателя Государственной Думы и Временного комитета Государственной Думы¹. Составителями посланий Родзянко описывался как новый лидер страны и руководитель переворота².

В некоторых случаях Родзянко именовали «вождем свободы»³. Чаше же председателя Государственной Думы называли «первым гражданином»⁴. В некоторых случаях Родзянко описывается лишь как один из вождей. Так, собрание Совета солдатских депутатов Елизаветпольского гарнизона постановило: «...приветствовать как вождей революции Родзянко, Гучкова, Львова, Чхеидзе и Керенского»⁵. Участники организационного собрания Крестьянского союза в Нижнем Новгороде направили телеграмму «вождям революционного движения» Родзянко, Керенскому, Чхеидзе⁶. Показательно, что в этих случаях именно Родзянко возглавлял группу «вождей».

Некоторые обращения к Родзянко впоследствии использовались для характеристики иных вождей. Его, например, называли «гением Свободной России»⁷. Однако почитание председателя Государственной Думы как вождя было сравнительно кратковременным, а циклы его почитания отличались в столице и в провинции. Всё больше людей стали считать олицетворением революции А.Ф. Керенского.

Репутация «борца за свободу» была необычайно важна для легитимации многих политических лидеров 1917 г.; в качестве «борцов» прославлялись Чернов и Плеханов, Ленин и, как видим, даже Родзянко. Однако жизненный путь Керенского привлекал особое внимание: ни один деятель той поры не мог похвастаться таким количеством брошюр, излагавших его биографию. Репутация «народного трибуна», боровшегося со «старым режимом», слава «пророка», предвидевшего крах монархии, — всё это подтверждало статус революционного вождя.

Вступление Керенского во Временное правительство требовало поиска особых форм репрезентации власти. Образы «министра народной правды», «демократического министра» требовали новой риторики, «демократических» жестов и ритуалов. Уже в марте Керенский описывался как вождь. Конференция петроградских

¹ В Государственную Думу поступило около 20 тыс. телеграмм и писем. *Николаев А.Б.* Революция и власть: IV Государственная Дума 27 февраля — 3 марта 1917 года. СПб., 2005. С. 573.

² *Гавроева Е.С.* 1) Письма во власть: Рабочие и М.В. Родзянко (Март 1917 г.) // Революция 1917 года в России: Новые подходы и взгляды: Сб. науч. ст. / Отв. ред. и сост. А.Б. Николаев. СПб., 2015. С. 76–82; 2) Письма во власть: Солдаты и М.В. Родзянко (Март 1917 г.) // Петербургские военно-исторические чтения. Всероссийская научная конференция с международным участием: Сб. ст. / Отв. ред. и сост. А.Б. Николаев. СПб., 2015. С. 112–117.

³ РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1324. Л. 87.

⁴ *Гавроева Е.С.* 1) Письма во власть: Рабочие и М.В. Родзянко. С. 78–79; 2) Письма во власть: Солдаты и М.В. Родзянко. С. 114–115.

⁵ Кавказский рабочий. 1917. 16 марта. Цит. по: *Миллер В.И.* Солдатские комитеты русской армии в 1917 г. (Возникновение и начальный период деятельности). М., 1974. С. 243.

⁶ Рабочая газета. 1917. 12 марта.

⁷ *Гавроева Е.С.* Письма во власть: Солдаты и М.В. Родзянко. С. 117.

эсеров приветствовала «стойкого, неустанного борца за народовластие, вождя революционного народа, вошедшего во временное правительство для защиты прав и свободы трудящихся масс»¹. Рабочие завода Шифмана (Одесса) «горячо приветствовали» «всероссийского вождя демократии», а граждане Вельсегонска обращались к «истинному вождю демократии и народному министру гражданину»².

В марте и апреле Керенского редко именовали «вождем», нельзя утверждать, что образ вождя доминировал тогда в его репрезентации. Министра чаще именовали «борцом» (прежде всего «борцом за свободу») и «первым гражданином» (как и Родзянко). Возможно, и у Керенского были сомнения относительно целесообразности использования образа «вождя» — выступая в Ревеле, он заявил: «Я хочу быть среди вас не вождем, а первым...»³

Ситуация изменилась, когда в начале мая Керенский стал военным и морским министром. Опираясь на разработанные и популярные образы «борца за свободу», «первого гражданина», «демократического министра», Керенский милитаризовал свой стиль, создавая образ «вождя революционной армии». Этот образ стал важным элементом пропагандистской подготовки Июньского наступления. Были найдены риторические приемы, символы, ритуалы, оформляющие культ революционного вождя.

Не следует считать, что существовал некий центр, выстраивающий этот культ: образы вождя предлагались разными, порой соперничающими группами. Появились и новые обращения, в них военный министр описывался как «вождь» вооруженных сил. Такие тексты создавались в разных городах, взаимное влияние здесь маловероятно, вернее было бы предположить, что носители определенной политической культуры реагировали схожим образом на новую ситуацию, придавая лидеру статус «вождя». Тексты, созданные одновременно и независимо друг от друга, предлагали и разное видение вождя. В одних Керенский именовался «великим вождем», что предполагает уникальность, в другом — «любимым вождем», что указывает на исключительность, наконец в некоторых Керенский изображен и как член группы вождей, в которой он, впрочем, занимает особое положение. Общественный запрос «на вождя» провоцировал разные культурно-политические эксперименты.

К созданию образов вождя примерно в то же время приступили и различные ведомства, в том числе и военное министерство. Официальное сообщение указывало на статус министра: «Вождь народа, ныне ставший во главе армии». Такая формулировка предполагала, что Керенский уже был «вождем народа», когда он стал военным и морским министром. И в тот же день популярная бульварная «Маленькая газета», важный центр организации правых сил, назвала Керенского «твердым народным вождем»⁴. За выстраиванием образа «вождя» стояла довольно широкая коалиция.

Различные ораторы и составители резолюций именовали Керенского «любимым», «народным», «истинным» вождем⁵. Последняя формулировка противопоставляла лидера другим политикам, претендовавшим на этот статус. Керенского

¹ Приветствие с-ров А.Ф. Керенскому // Новое время. 1917. 5 марта.

² ГА РФ. Ф. 1807. Оп. 1. Д. 361. Л. 30, 78.

³ Известия Ревельского совета рабочих и воинских депутатов. 1917. 15 апреля.

⁴ Партизан. Обо всем. Адская мостовая // Маленькая газета. 1917. 12 мая.

⁵ См. резолюции, публиковавшиеся в различных газетах: Голос солдата. 1917. 12 мая; Дело народа. 1917. 27 мая; Русский инвалид. 1917. 1, 11, 23 июня.

также называли «любимым вождем народа», «идейным вождем трудовой России», появляются и формулировки «вождь-товарищ»¹.

Обращения «идейный вождь» и «вождь-товарищ» указывают на связь с традицией приветствия социалистов. В некоторых случаях, как отмечалось, Керенский и прославляется как лидер эсеров — наряду с Черновым. Иногда же подобные формулировки можно встретить и там, где влияние социалистической риторики трудно было предположить. Например, епархиальный съезд, собравшийся в Симферополе, обратился к Керенскому: «Идейный вождь трудовой России и воевода народной армии и флота. Кликни клич, Минин земли Русской...»²

Часто встречающееся словосочетание «любимый вождь» содержит требование предписываемого эмоционального отношения к лидеру. Тема политической любви часто присутствует при описании Керенского. Наряду с ней встречается и тема дружбы: министра именуют «друг народа», «испытанный друг народа», «общий друг». Резолюции, например, часто приветствовали «нашего Друга и Вождя Керенского»³.

Наибольшее значение имела формула «вождь революционной армии»⁴. Иногда эта формулировка расширялась: в резолюции запасного батальона гвардейского Преображенского полка Керенский именовался «истинным и бесстрашным вождем революционной армии»⁵.

Подготовка наступления способствовала и политической мобилизации противников Керенского, которые ранее воздерживались от атак на популярного и влиятельного министра, — большевиков, левых социалистов, анархистов, пацифистов. Негативные образы Керенского стали инструментами этой мобилизации: для многих солдат именно военный министр был олицетворением ненавистного для них наступления.

Подобные пропагандистские атаки заставляли и убежденных сторонников Керенского, и его временных союзников защищать министра, забывая на время о своих претензиях к нему. В ходе этих конфликтов рождались новые образы и слова, прославляющие «вождя», тиражировались уже найденные. Так, комитет управления 35-го мортирного дивизиона выразил возмущение нападками «безответственных кругов, группирующихся около “Правды”, которые систематически стараются подорвать в мало разбирающихся в подобных вопросах народных массах авторитет истинного вождя русской демократии А.Ф. Керенского»⁶.

Уже во время подготовки наступления и в особенности после 18 июня Керенский представляется дружественной ему пропагандой не только как «организатор и вдохновитель наступления» (такая формулировка стала весьма

¹ Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1917. 21 мая. Так приветствовали Керенского офицеры и солдаты 18-й дивизии.

² Всероссийский церковно-общественный вестник. 1917. 26 мая.

³ Резолюция комитета 9-й артиллерийской бригады. Русский инвалид. 1917. 28 мая. Проявления «любви» и «дружбы» требовали разных жестов и церемоний, исследование которых представляет интерес, но в настоящей работе я ограничиваюсь рассмотрением употребления слова «вождь».

⁴ См. резолюции, публиковавшиеся в газетах: День. 1917. 26 мая; Русский инвалид. 1917. 31 мая; 14 июня.

⁵ Речь. 1917. 17 июня.

⁶ РГАСПИ. Ф. 662. Оп. 1. Д. 61. Л. 2.

распространенной)¹, но и как «герой наступления»². Образ «героя революции» получал в связи с наступлением новые патриотические смыслы: «Он не только военный министр, он вождь и вождь выдающийся, который показывает солдатам и офицерам пример мужества и презрения к смерти», — писал автор популярной газеты³.

Во время наступления сакрализация министра приобрела новое качество, показательная характеристика, данная ему в статье «Революционный вождь-праведник»: «Рыцарь без страха и упрека. Лучший, благороднейший сын своей родины. Праведник, ради которого Господь Бог удержал свою занесшую над впавшей было в анархию Россией карающую десницу»⁴.

Торжества по случаю побед в конце июня стали знаком появления культа «великого вождя», Керенский изображался как уникальный политический лидер и как сакральный символ России⁵. Обращение «солнце революции», встречавшееся уже ранее, еще тогда предполагало сакрализацию, но после начала наступления его роль «символа» признавали и сторонники, и противники Керенского.

Вскоре, однако, эта репрезентация подверглась серьезным испытаниям. Уже в июле консервативные и либеральные политики, представители офицерского корпуса и деловых кругов стали рассматривать в качестве «истинного вождя», «вождя-спасителя» нового верховного главнокомандующего генерала Л.Г. Корнилова, при этом в репрезентациях командующего использовалась риторика, созданная при прославлении «вождя революционной армии» Керенского. Некоторые резолюции приветствовали сразу двух «вождей». Так, Совет Союза казачьих войск в начале августа постановил «оказать поддержку как генералу Корнилову, так и герою революции А.Ф. Керенскому»⁶. Однако и такая примирительная формулировка предполагала, что Керенский уже не рассматривается как уникальный вождь, да и его статус «вождя революционной армии» подвергался сомнениям. Со временем всё больше участников политического процесса рассматривали именно Корнилова как вождя-спасителя.

Вместе с тем Керенский сохранял немалый авторитет, особенно важной была для него поддержка «комитетского класса», представителей различных войсковых комитетов, что проявлялось в их резолюциях. Керенского они прославляли как «главного вождя».

Неудивительно, что многие резолюции, осуждавшие Корнилова, когда он выступил против Временного правительства, приветствовали Керенского как «вождя революционной армии»: «Да здравствует верховный вождь ее армии и флота, великий мученик (!) Революции Керенский», — гласила резолюция, принятая комитетами 29-го запасного пехотного полка⁷. Исполнительный же комитет Саратовского со-

¹ Некоторые резолюции именовали его «министром-вдохновителем». Резолюция общего собрания союза судоводителей и механиков торгового флота в Севастополе // Крымский вестник [Севастополь]. 1917. 25 июня.

² Восторженные пропагандистские сообщения порождали слухи о том, что Керенский с красным знаменем в руках ведет в бой полки революционной армии под огнем врага.

³ *Ш-шин П.* Вождь революционной армии // Петроградская газета. 1917. 27 июня.

⁴ *П.Ш.* Революционный вождь-праведник // Петроградская газета. 1917. 21 июня.

⁵ Керенский прославлялся и как «гений», «гений русской свободы». Народная нива [Гельсингфорс]. 1917. 18 (31) мая; Русский инвалид. 1917. 1 июня.

⁶ Воля народа. 1917. 10 августа.

⁷ РГИА. Ф. 1470. Оп. 1. Д. 286. Л. 306.

вета после острой дискуссии сформулировал лозунги борьбы с Корниловым. Один из них гласил: «Да здравствует вождь революционных войск министр-председатель Керенский»¹. В огромной массе резолюций, осуждавших Корнилова, только часть выражала поддержку Керенскому, и немногие описывали его как «вождя». Но и такие призывы использовались для политической мобилизации, многие в стране персонифицировали конфликт и делали выбор в пользу «революционного вождя».

Различные публикации и некоторые резолюции именовали главу Временного правительства «вождем» даже осенью 1917 г. Так, в сентябре Третий съезд Амурского казачьего войска призвал «к сплочению вокруг Временного правительства, возглавляемого истинным вождем революционного народа А.Ф. Керенским»². Тем не менее такие резолюции встречались всё реже. Однако, тревожным знаком для Керенского было не только сокращение числа поддерживающих его резолюций и уменьшение числа известных изданий, признававших его «вождем», но и приостановка процессов культурно-политического творчества, связанных с прославлением «вождя»: уже начиная с июля использовались те же словосочетания, которые уже были найдены сторонниками министра в мае–июне. Сам Керенский в июле и августе искал еще новые формы своей репрезентации, что проявлялось в новых церемониях, ритуалах, визуальных репрезентациях, но инициативное творчество культа «снизу» прекратилось, продолжалось лишь его использование. В условиях революции креативность является важным политическим ресурсом, и Керенский этот ресурс терял, что свидетельствует не только о сужении базы его поддержки, но и об изменении ее качества.

Изучение статей и резолюций, прославлявших Керенского, позволяет судить об особенностях культурного оформления харизмы этого политика. Попытки прославления его как «вождя» встречаются уже в марте, но переломным стал момент, когда популярный и известный политик стал военным и морским министром. Весть о том, что «министр-социалист» занял этот пост, спровоцировала процессы культурно-политического творчества: одновременно различные организации, политики и публицисты приступили к созданию образа «вождя революционной армии», соединяя традицию революционной агиографии с российской военной традицией. Политические конфликты вокруг подготовки наступления придали особое значение прославлению «вождя», нападки на него стимулировали создание новых образов.

Основная часть резолюций, приветствовавших Керенского, исходила от войсковых частей, соединений, армейских комитетов разного уровня, рабочие же резолюции такого рода встречаются крайне редко. Очевидно, для конфликтов, сопровождавших борьбу за политический выбор рабочих, тема его прославления не была особенно важна.

Коалиция, стоявшая за продвижением образов «вождя», совпадала с разнородной коалицией сил, поддерживавших наступление — либералы, консерваторы, умеренные социалисты, и распалась после провала этого наступления. Разные силы коалиции наступления в разной степени участвовали в создании и распространении образов «вождя». В центральных газетах политических партий, поддерживавших наступление, печатались резолюции, прославлявшие Керенского как «вождя», но эта тема не нашла значительного отражения в авторских статьях (в местных

¹ Саратовский совет рабочих депутатов (1917–1918): Сб. документов. М.; Л., 1931. С. 187.

² Дело народа. 1917. 10 сентября; Социалист-революционер [Гельсингфорс]. 1917. 12 (25) сентября.

партийных изданиях ситуация могла быть совершенно иной). Активнее же в утверждении образов Керенского-«вождя» участвовали группы правых социалистов-революционеров, некоторые общедемократические издания неопределенной партийной ориентации. Большую роль играл аппарат Военного министерства, талантливым творцом своего культа был и сам Керенский, его эффектные выступления и жесты провоцировали новые волны прославлений и подсказывали его формы. Следует упомянуть и некоторые крупные издания, представлявшие так называемую «большую прессу» столиц; для этих газет тема «вождя» становилась важным информационным поводом, интересующим читателя. Некоторые генералы, включая Брусилова и Корнилова, также первоначально укрепляли репутацию «народного вождя». Наконец, в создании образа «вождя революционной армии» решающую роль играли войсковые комитеты, авторитет «вождя» был важен для представителей формировавшегося «комитетского класса», а поддержка комитетчиков имела огромное значение для Керенского, что было продемонстрировано во время Июньского наступления, Июльского кризиса и дела Корнилова¹. Однако отсутствие собственной надежной базы партийной поддержки у Керенского сказалось на формировании его культа: пропагандистские усилия порой не получали должной организационной поддержки².

Изучение прославлений Керенского позволяет высказать предположения относительно мотивов создания и особенностей восприятия статьи А. Богданова. Керенский в ней не упоминается, но как раз в середине мая началось активное создание образов «вождя революционной армии», и в это же время развернулись дискуссии относительно «бонапартизма» и перспектив «диктатуры» (некоторые издания почти открыто предлагали роль диктатора Керенскому). Статью Богданова можно было читать как предостережение, адресованное социалистам, он указывал на возможные опасности создания образов «вождя».

При создании репрезентаций «вождей» в 1917 г. использовались разнообразные источники. Многие элементы культа вождя давно уже получили развитие в системе политической культуры революционного подполья, они применялись при обосновании авторитета партийных лидеров. Культ «борцов за свободу», распространявшийся на политических лидеров, становился важным ресурсом легитимации в условиях революции, риторика и символика революционного подполья использовалась противостоящими политическими силами, «борцами» со «старым режимом» провозглашались чуть ли не все кандидаты в «вожди». Тем самым подтверждалась особая, сакральная роль этого ресурса легитимации, различные стороны боролись за этот ресурс, что удостоверяло его ценность. Например, и сторонники Керенского, и сторонники Ленина использовали порой схожие слова, и Ленина, и Керенского могли назвать «стойким борцом», «идейным борцом». Использо-

¹ Термин «комитетский класс» широко использовал А. Уайльдман (*Wildman A. K. The End of the Russian Imperial Army. Vol. 2: The Road to Soviet Power and Piece. Princeton, 1987*). Он указал на связь между укреплением авторитета Керенского и усилением позиций «комитетского класса».

² На отсутствие этого ресурса впоследствии указывал сам Керенский, 10 марта 1947 г. он писал В.А. Маклакову: «У нас с Вами был один общий — при всем различии взглядов на соотношение сил в России недостаток: мы пренебрегали существовавшими партийными аппаратами и своих не создавали» (Hoover Institution Archives. Vasilii Maklakov Papers. Box 8. File 20. P. 1–2).

ние одних и тех же выражений противостоящими политическими силами способствовало утверждению политического дискурса, важной частью которого был культ революционного вождя.

Авторы важных и интересных исследований культа Ленина недооценили значение контекста политической борьбы 1917 г. для создания образов лидера¹. Прославление вождя было вызвано потребностями контрпропагандистской кампании, враги Ленина объективно способствовали его известности, которая хотя и не вела автоматически к укреплению его авторитета, но была необходимым условием для его формирования. Культ Ленина зарождался в условиях жесткого политического противостояния, которое проявлялось в создании образов «своего» вождя. Статус же вождей противника оспаривался, но при этом порой заимствовались творческие находки врагов.

Многие формы прославления «вождя народа», найденные в 1917 г. разными политическими силами, впоследствии были переработаны и развиты большевиками. «Советскому» политическому языку предшествовал язык «протосоветский», а «большевистский» язык был первоначально особым диалектом языка революционного (это облегчало затем задачу «говорения по-большевистски»)². Подобный революционный язык был в 1917 г. распространен и авторитетен, его порой использовали и некоторые будущие вожди Белого дела. Без понимания конфликтов, сопровождавших складывание «протосоветского» языка, использовавшегося противостоящими силами, неполным будет и наше понимание «говорения по-большевистски».

В 1917 г. культ вождя как форма персонификации власти не подвергается критике, статья А. Богданова является скорее исключением. Одни оппоненты Керенского критиковали его политический курс, другие — политический стиль, его нередко считали неудачным кандидатом на роль «вождя народа», противопоставляли ему вождей «истинных», однако потребность в «сильном» вожде сомнению не подвергалась. Под вопрос ставилась легитимность претензий кандидата на роль вождя, но не общие принципы легитимации через прославление вождя.

В условиях обостряющейся политической борьбы все партии использовали любые ресурсы, имевшиеся в их распоряжении, а это вынуждало любыми средствами укреплять авторитет «своих» вождей. Они не могли игнорировать запрос на «вождя», который формулировали сотни тысяч энергичных и воинственных мужчин, вовлеченных в политику после свержения монархии, ставших членами многочисленных комитетов. Эта милитаризованная «протономенклатура» заставляет вспомнить слова Муссолини о «траншейной аристократии» и рассуждения немецкой литературы о «новом человеке», новом «народном вожде», рождающемся в «стальных грозах» Первой мировой войны. Российские культы вождей 1917 г. можно рассматривать в европейском контексте, но особенностью их было глубокое влияние развитой политической культуры революционного подполья.

¹ *Тумаркин Н.* Ленин жив! Культ Ленина в Советской России. СПб., 1997 (американское издание — 1983); *Эннкер Б.* Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М., 2011 (немецкое издание — 1997).

² Я использую известный образ С. Коткина: *Kotkin S.* Magnetic Mountain: Stalinism as a Civilization. Berkeley; Los Angeles; London, 1995. P. 198–237.

Владимир Прохорович Булдаков

РЕВОЛЮЦИЯ И ЭМОЦИИ:
К РЕИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СОБЫТИЙ 1914–1917 ГГ.*

Манифест группы пролетарских писателей «Кузница» (1923) провозглашал: «Художественное творчество — функция общественной идеологии, эмоциологии, психики вообще». Художник — это «медиум своего класса», а пролетарское искусство — это «призма, где концентрируется лицо класса»¹. Пролетарские авторы должны были создать своего рода лабораторию «эмоциологии» рабочего класса. Нет нужды пояснять, что решать эту задачу пытались люди, принадлежащие скорее к *воображаемому* пролетариату.

Было очевидно, что эти не в меру эмоциональные «пролетарские» авторы стремились преодолеть оживление «буржуазных» отношений с помощью выдыхающегося пафоса революции, реанимировать страсти 1917 г. Дореволюционные пролетарские поэты утверждали, что интеллигенты не могут чувствовать так, как рабочий класс, поэтому требовались писатели и мыслители пролетарского происхождения с пролетарским мироощущением². Эта «махаевская» установка возродилась во времена НЭПа, когда фрустрационные настроения подавляли революционный накал страстей.

Несмотря на усилия революционных романтиков, на протяжении десятков лет академичного изучения русской революции в СССР ее пафос неуклонно выветривался, приобретая всё более вымученный декоративный характер. Это отражало объективное состояние историографической мысли, в которой былое неистовство революции вытеснялось (сказывались боязнь подозрений в троцкизме) «объективной» статистикой, составленной по известной схеме: «Экономика, социальные условия, классы, партии». При помощи привычных для эпохи застоя «валовых» показателей был выхолощен самый «дух» революции. Как следствие, сформировалось убеждение в существовании «спасительных» альтернатив «дурному» развитию событий 1917 г.

В советское время люди, именующие себя историками, заслонялись от «непонятной» и «ненужной» революции социологическими абстракциями, прятались за частоколом цифр, возведенных бюрократами. Подготавливались условия для «оптимистичных» (*психологически* вполне понятных) заблуждений относительно того,

* Грант РГНФ 15–31–12040.

¹ Цит. по: Литературные манифесты. М., 1930. С. 163.

² *Steinberg M.* Proletarian Imagination: Self, Modernity and the Sacred in Russia, 1910–1925. Ithaca; N. Y., 2002. P. 244, 279.

что революции *могло и не быть*, не вмешайся в ход событий вездесущие «заговорщики». Ныне подобные иллюзии насаждаются сверху¹ — возможно, из опасений нового пробуждения «опасных» для власти эмоций.

О роли эмоций в поведении толп со времен Гюстава Лебона писали многие. К изучению «страстей истории» в 1930-е гг. призывали и Люсьен Февр, и Норберт Элиас. Высказывается мысль, что определенным периодам присущи «фобические сверхреакции»². Почему же внутри таких устойчивых величин, как культура, хозяйство или ментальность, «вдруг» происходит лавинообразный рост «малых возмущений», оборачивающийся тотальным хаосом, который словно пытается взломать генетический код системы?³

Ответ кажется простым: хаос приходит изнутри, из душ маленьких людей, тихое существование которых в силу незаметных для них факторов делается невозможным. Но, похоже, предложения двинуться в этом познавательном направлении остаются втуне. Авторы по-прежнему предпочитают ориентироваться на *видимое*, причем видимое *современными* глазами, и сферу социологически «невидимого», эмпирически неуловимого монополизирует конспирология с ее старыми как мир заговорщическими фобиями.

Всякую революцию сопровождает особая психическая аура. Можно ли говорить о том, что в России она обладала особенностями? С чем они были связаны и чем обусловлены? Не пора ли воссоздать *психологический* портрет российской «политики»?

* * *

Заявление о том, что российское социальное пространство отличалось повышенной эмоциональностью, скорее всего, среди читателей встретит недоверие. Однако сегодня мало кто возьмется отрицать, что «генетический материал» русской революции запрятан в глубине веков, архетип взаимоотношений власти и народа складывался столетиями, порождая иллюзии «соборности»⁴. В противовес им возникли «прогрессивные» интеллигентские утопии, пытавшиеся подменить собой политическую культуру народа. Это вызвало болезненные коллизии сознания и психики. В свое время Ф. Степун писал: «Оптика революционной воли почти всегда мечтательна и одновременно рационалистична, то есть утопична. Строя планы своих действий, набрасывая и вычерчивая в сознании карты будущего, революционеры-утописты невольно принимают картографические фантазии за живую картину будущего...»⁵ И, как показывает опыт, «дописывать» былые фантазии оказывается довольно просто, а результат может показаться «убедительным».

Существует мнение, что к началу XX в. Россия уверенно устремилась от традиции к модерну. В общем, это отрывка советского мышления, согласно которому

¹ См.: Никонов В.А. Крушение России. 1917. М., 2011.

² Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств. Подходы к культурной истории эмоций / Ред.: Я. Плампера Ш. Шахалад, М. Эли. М., 2010. С. 14.

³ Булдаков В.П. Российские смуты и кризисы: востребованность социальной и правовой антропологии // Россия и современный мир. 2001. № 2 (31). С. 31–46.

⁴ См.: Булдаков В.П. Революция как проблема российской истории // Вопросы философии. 2009. № 1. С. 53–65.

⁵ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб., 1994. С. 291–292.

история представляет собой восхождение по лестнице прогресса, с которой невозможно скатиться. На деле Россия словно *застряла* между традицией и модерном, что не могло не сказаться на эмоциональном наполнении ее социального пространства. И обеспечивал такую ситуацию авторитаризм.

Как преодолеть подобный историографический дискурс?

В свое время я попытался проследить закономерности разворачивания системных кризисов в России, сопоставляя Смутное время, кризис XIX — начала XX в., революционные события конца XX в.¹ *Политическая* составляющая кризиса 1917 г. носила преимущественно *имитационный* характер. Наукообразные утопии, вырабатываемые интеллигенцией, были слишком абстрактны для преодоления инерционной архаики крестьянской ментальности. Они могли лишь стимулировать ее агрессивную составляющую при известных *психэмоциональных* обстоятельствах.

Труднее всего было заметить, что к началу XX в. «век Просвещения» стал трансформироваться в «век национализма», эта незаметная подмена и обеспечила буйство грядущих войн и революций.

В тогдашней Европе действовали малозаметные, но куда более значительные факторы *иного* порядка. Мир стал слишком тесным, агрессивным и мобильным для того, чтобы элиты могли это осознать. Сыграла свою роль и социализация науки: ученые впервые пытались применить *позитивистские* практики к общественно-политической жизни. Миф становился наукообразным, приобретая визуальную «убедительность», что делало его особенно притягательным.

Впервые люди превратились в заложников прогресса, точнее порожденных им иллюзий. Однако наряду с упоением его достижениями вкрадывалось подозрение о неустойчивости ситуации. Это провоцировало соблазн еще более стремительного рывка вперед — в том числе и через «освободительную» войну. Европейский мир стал «революционным» изнутри.

Сегодня причины, породившие эту ситуацию, различимы: демографический бум привел к «омоложению» населения; промышленный прогресс убеждал во «всесилии» человека; информационная революция усиливала иллюзорный компонент сознания. Соответственно возрастала эмоциональность, а заодно и «безрассудность» обычных людей. В ход истории вмешалась агрегированная психика «маленького человека»². Произошел эмоциональный перегрев всей европейской культурной среды — относительно «сытой», старающейся мыслить «рационально», но остающейся социально и психически неустойчивой. *Mass media* способны были довести импульсивность до вспышек социальной истерии. Эмоции вторгались в «большую политику».

Бывают времена, когда массовое сознание словно рыщет в поисках образа врага и, конечно, находит его. Остается лишь придать ему инфернальный облик и глобальную масштабность. «Пожар европейский и мировой провиденциально неизбежен, — уверяла православная пресса. — ...Европа уже давно превратилась в огнедышащий вулкан, прикрытый поверхностным и обманным покровом мирной буржуазной жизни»³.

Нечто подобное высказывалось и в Европе. Макс Шелер исходил из того, что человек — это «заболевшее своим духом животное»⁴. Отгалкиваясь от Ф. Ницше,

¹ Булдаков В.П. Quo vadis? Кризисы в России: пути переосмысления. М., 2007. С. 76–114.

² Булдаков В. П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию. М., 2015. С. 10, 15–17.

³ Церковный вестник. 1914. № 35. 28 августа. Стб 1040.

⁴ Шелер М. Человек и история // Шелер М. Избранные произведения. М., 1994. С. 93.

он утверждал: «...буржуазная мораль, которая, начиная с XIII века, всё больше вытесняет христианскую... уходит своими корнями в ресентимент»¹ (*Ressentiment* (фр.) — злопамятство, злоба). Из этого следовало, что людское сообщество способно провалиться в пучину неуправляемых страстей. Всё к тому и шло. Но ни Х. Ортега-и-Гассет, ни К.-Г. Юнг еще не успели высказаться на этот счет.

Известно, что «смертельное притягивает». По представлениям Шелера, «человек — это страх», который «ведет к предельной воле к власти». Можно было предположить, что Европа сорвется в войну, либо в революцию, но Шелер верил, что уравновесить страх может любовь, причем «не только любовь к известному, но и к неизвестному по своей сути»². Ужас непредсказуемости может вытеснить футуристическая утопия (парафраз ницшеанской «любви к дальнему»).

Многие тогда говорили, что «мир сошел с ума». На этом фоне объяснять, что *Homo rossicus* отмечен повышенной эмоциональностью, — задача рискованная. Между тем *всякая* традиционная культура перенасыщена страхами, ибо бытование нашего первобытного пращура складывалось из серии непосредственных реакций (а не рефлексии) на внешние обстоятельства. Вдобавок патернализм в «крепостнической» ипостаси усиливал «инфантильность» сознания. Прочие культурно-исторические факторы консервировали психоэмоциональную архаику.

В отличие от Европы Россия не знала разделения власти на светскую и духовную, это препятствовало формированию области собственно *политического* (отчужденного от сакрального). «Расчетливая» и «предусмотрительная» (в европейском смысле слова) политика подменялась эмоциональными реакциями на *задуманное* и *содянное* властью, тому были свои глубинные причины.

Российская история не знала планомерного дисциплинирующего насилия в лице инквизиции — процесс форматирования социальной среды затянулся. Отсутствие в российской средневековой культуре университетов с их латынью препятствовало формированию универсальной сферы *логического*, трансформирующего эмоциональные выплески в собственно политику. «Обделена» была Россия и дисциплинирующей сознание школой средневековой схоластики — отсюда запоздалое следование «непререкаемым» принципам и авторитетам. В отличие от европейца россиянин, отчужденный от традиций римского права, не понимал формального закона, предпочитая максимы справедливости и правды. *Homo rossicus* попросту не был отформатирован для демократии, к которой стремились европеизированные политики.

Подданный «абсолютной» власти не понимал условного — в онтологическом смысле — характера политической жизни. Отсюда и постоянная подмена политического «расчета» спонтанными эмоциональными — часто противоречивыми — реакциями. Обычно они приобретали характер перверсий: между «Да здравствует!» и «Долой!» не находилось места для диалоговых усреднений. В дополнение ко всему эмоциональные порывы носили «стадный» характер. В результате «политический» выбор выступал своего рода символическим маркером *неполитических* страстей. Стихийные эмоции масс по-своему распоряжались судьбами политиков.

Некоторые мыслители догадывались, что под обывательской поверхностью жизни бродит «темное вино»: «В русской политической жизни, в русской государственности скрыто темное иррациональное начало, и оно опрокидывает все теории

¹ Шелер М. Ресентимент в структуре моралей. СПб., 1999. С. 69.

² Шелер М. Философские фрагменты из рукописного наследия. М., 2007. С. 89.

политического рационализма», — считал Н. Бердяев. Происхождение этой «варварской тьмы» он связал с географическим фактором — неспособностью россиянина организовать громадные пространства¹. Переадресовав эту миссию центральной власти, *Homo rossicus* возвел ее в нечто трансцендентное, он «привык быть организуемым»². Но мог и взбунтовать против дурной организации.

Бердяев отмечал и «чисто женское» отношение россиян к идолу государственности, что не исключало «бабьего бунта» против объекта поклонения³. Разумеется, подобная гипотеза может смутить некоторых пост-советских авторов, привыкших выводить физическое (а следовательно, и духовное) самочувствие народа из официальных данных, задним числом предписывая ему смиренное поведение перед властями предрежащими. Однако история раскручивается вовсе не по «законам», которые навязывает ей ограниченный, но догматично-самонадеянный ум.

В сентябре 1916 г. находившийся в плену генерал-лейтенант русской армии А.Н. Розеншильд фон Паулин выделял своих соотечественников в офицерских лагерях для военнопленных. В отличие от французов они имели «невъразимо грязный и неряшливый наружный вид», на построениях держали руки в карманах, курили, между собой конфликтовали. Им были присущи «мальчишеские и даже хулиганские поступки: площадная ругань, битье по лицу друг друга». Было заметно нежелание заниматься поддержанием внутреннего распорядка. Многие офицеры «пресмыкались перед немцами», своих генералов готовы были оклеветать, а Николая II подчас называли преступником⁴. В общем, было «смоделировано» поведение солдат после падения самодержавия. Получалось, что даже образованного россиянина отличал низкий уровень «естественной» (без давления сверху) социализации и неразвитость гражданского чувства. «Безначальственная» ситуация вызывала выплеск дурных эмоций.

Можно предположить, что «темное вино» и «инфантильный» социальный негативизм были устойчивым компонентом психики пресловутого *Homo rossicus*'а. Авторитарно-патерналистская система делала его «скрытым» бунтарем. Следует учитывать и неустойчивость его эмоций, и их перверсии, и контагиозность навязчивых представлений.

* * *

Некоторые современные авторы уверены в искренности патриотического энтузиазма, с которым все слои российского общества встретили весть о начале войны. Демонстративные манифестации выдаются за суть общественных настроений. На деле за шумным «патриотизмом» таится испуг непредсказуемости⁵. Страх пе-

¹ Это положение разрабатывал С. Королев. См.: *Королев С.А.* Бесконечное пространство. Гео- и социографические образы власти в России. М., 1997.

² *Бердяев Н.А.* Судьба России. М., 1990. С. 54, 61, 66, 68.

³ Там же. С. 39.

⁴ *Розеншильд фон Паулин А.Н.* Дневник: Воспоминания о кампании 1914–1915 годов. М., 1914. С. 346–349.

⁵ Подобное фиксировали авторы, анализирувавшие ситуацию в Германии (см.: *Залевски М.* Немецкое общество и начало Первой мировой войны // *Война и общество в XX веке: В 3 кн. Кн. 1: Война и общество накануне и в период Первой мировой войны.* М., 2008. С. 405). Отмечали также «противоречивую картину милитаристских и антивоенных настроений, доносов и даже поношений императора, идущих от низов и эмоционально взвинченных женщин» в Австро-Венгрии. См.: *Миронов В.В.* Австро-Венгерская

ред неизвестностью реактивировал патерналистский инстинкт, не имевший ничего общего ни с гражданским патриотизмом, ни с шовинистическим милитаризмом. Эмоции *расходились* с политикой, хотя последняя их использовала.

Перед войной недовольство петербургских рабочих едва не переросло в революционное выступление. В населении существовало убеждение в близости революции. Что лежало в его основе? Не следует ли исходить из «многообещающего» понятия «классовый инстинкт»?¹

Русский пролетарий — человек традиционного общества, «смушенный» городской средой. До революции в стихах его представителей заметно не только чувство духовной обездоленности, но и стремление к «революционно-коллективистскому» преодолению своего положения². Подъем «патриотических» чувств затронул не всех рабочих. Среди митингующих встречались настроенные и против войны, и против «буржуев», и против царя.

Бунты и погромы деревенских призывников часто сопровождались социальными угрозами и поношениями «царя-батюшки»³. Сказался не только запрет на продажу спиртного (воспринимаемый как покушение на обычай и ритуал), всколыхнувший привычное недовольство помещиками и купцами. Внутри архаичных социумов развернулся поиск «главного врага». Последний был необходим для восстановления деформированной войной (и без того «переусложненной») картины мира.

Отсюда понятны и недолгие шапкозакладательские настроения на фронте⁴. (Их можно отнести к браваде самоутверждения в новом качестве.) Напротив, большевики имплицитно навязывали «империалистической» войне inferнальное начало. Это была бомба замедленного действия, способная взорвать психику традиционного человека.

В ноябре 1914 г. из запасного батальона некий А.Е. Лихачев жаловался, что солдат «как скотину ведут на бойню». Возможно, сказывалось подспудное влияние пацифистской пропаганды, сомкнувшейся с личными страхами. Напротив, навязчивая официальная пропаганда могла вызвать эмоции, противоположные ожидаемым. В конце 1914 г. фронтовой врач писал: «Как попадаете нам московская или петроградская газета, мы зеленеем от злости, читая бумажно-патриотические статьи против заключения мира да еще со ссылкой на армию, которая, дескать, горит желанием воевать...»⁵

армия в Первой мировой войне: разрушение оплота Габсбургской монархии. Тамбов, 2011. С. 19–20, 65–66.

¹ Вряд ли рассуждения о стихийности и сознательности рабочих являются особенно продуктивными. См.: *Krylova A. Beyond the Spontaneity-Consciousness Paradigm: "Class Instinct" as a Promising Category of Historical Analysis // Slavic Review. 2003. Vol. 62. N 1. P. 1–23; Zelnik R. A Paradigm Lost? Response to Anna Krylova // Slavic Review. 2003. Vol. 62. N 1. P. 24–33; Halfin I. Between Instinct and Mind: The Bolshevik View of the Proletarian Self // Slavic Review. 2003. Vol. 62. N 1. P. 34–39.*

² *Булдаков В.П. Поэтические завихрения «Красной смуты», 1917–1920 // Историк и Художник. М., 2013. С. 367–393.*

³ См.: *Беркевич А.Б. Крестьянство и всеобщая мобилизация в июле 1914 г. // Исторические записки. 1947. Т. 23. С. 19–21, 37–38; Посадский А.В. Крестьянство во всеобщей мобилизации армии и флота 1914 года (по материалам Саратовской губернии). Саратов, 2002. С. 32, 98, 106.*

⁴ Письма с войны 1914–1917 / Сост., коммент. и вст. ст. А.Б. Астахова и П.А. Симмонса. М., 2015. С. 106, 107, 111.

⁵ Письма с войны... С. 111, 109, 489, 115, 635.

Следует разделять показной (стадный) отклик на угрожающее событие и естественную (личную) реакцию, связанную с инстинктом самосохранения. Последняя характерна для любых сообществ, ибо связана с первоосновой биологического существования. В русской деревне отчаяния не таили: сообщали, что там «крики, стоны, рыдания не прекращаются»¹. Возможно, это было прелюдией к реактивации инстинкта коллективного выживания.

Если западные страны всерьез восприняли идею «священного единения» против общего врага, то в России образованные люди заговорили — кто со страхом, кто с надеждой — о *неизбежности* революции. Порой эмоции перерастали в психозы. Муссировались «революционные» слухи. Люди, оторванные от «судьбоносных» решений, принимались безудержно фантазировать.

Подчас образы войны и революции сливались в странноватую амальгаму: «Поеду только на передовые позиции, хочется судьбу попытать... — писал студент. — Настает великое время и великое дело, перед которым вся грандиозная война померкнет. Подготавливается государственный переворот... Зарождается новая жизнь и новое счастье... Последний день войны будет первым днем русской революции... Не надо больше войны, не надо крови»².

Впечатляюще применительно к революционным / контрреволюционным эмоциям смотрятся дневники профессора Б. Никольского, члена Союза русского народа. Этот монархист не любил Николая II, именуя его уничижительно — «полковник». Начало войны он встретил легкомысленно: «Не могу принудить себя усомниться в нашем успехе». И тут же принялся строить воздушные замки: после победы над Германией последует сражение России то ли с Англией, то ли со всем остальным миром (нечто подобное воображал и Ленин). Примечательно, что при этом Никольский считал Вильгельма II «мечтателем, фантазером». Заодно он поносил и «братьев-славян»³. В критических условиях «твердые» политические императивы, замешанные на эмоционально-эстетических предпочтениях, переживают перверсии, а обычная подозрительность оборачивается вспышками паранойи. Так или иначе, странноватый феномен «монархист против царя» проявил себя.

Война навязывала «революционный» (в худшем смысле слова) образ мысли и действий. В сентябре 1914 г. письма отмечали: русские солдаты в Австрии занимаются грабежом и погромами, «все низкие страсти здесь в открытую», местное население особенно боится казаков. Сообщали также, что «нет сил бороться с мародерством и растущим в войсках инстинктом бессмысленных разрушений»⁴.

В России общественное негодование легко опрокидывалось на власть — для этого бывает достаточно «неверного» жеста власти. Уже в конце 1914 г. в Петрограде рассуждали о том, что императрица с ««немецкой» придворной партией» готовится заключить сепаратный мир, а «слабому» Николаю II противопоставляли его «решительного» дядю — верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича⁵. Но до сознательного антимонархизма было еще далеко.

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 14 (письмо «Вари» из Москвы было адресовано А. Рубакину во Францию).

² Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию... С. 155.

³ Никольский Б.В. Дневник. 1896–1918. Т. 2: 1904–1918. СПб., 2015. С. 195–198.

⁴ Письма с войны... С. 334–336.

⁵ Там же. С. 340; Толстой И.И. Дневник. 1906–1916. СПб., 1997. С. 552.

* * *

Чем сильнее воображение, тем фантастичнее эмоции. Композитор А. Скрябин уверял, что в результате войны проснутся Азия и Африка, из будущих потрясений родится Мистерия, мировой пожар, последует «век социализма» (правда, недолгий). Социалистическим, тем не менее, может стать и весь земной шар, и одна лишь страна¹. В сущности, Скрябин воспринимал войну в эмоциональных параметрах «Симфонии экстаза», однако бывают времена, когда вырастающие на такой основе утопии словно материализуются.

Русская «культура взрыва» (Ю. Лотман), безусловно, склонна к своего рода «обновленческому» эсхатологизму. Теперь это тяготение усилилось. «Модный» писатель Л. Андреев 4 октября 1914 г. в письме И. Шмелеву объяснял свою «патриотическую» позицию: «Разгром Германии будет разгромом и всевропейской реакции и началом целого цикла европейских революций. Отсюда и то необыкновенное и многих смущающее явление, что антимилицаристы и пацифисты Эрве и Кропоткин стоят *за войну* до самого конца. Отсюда и я, автор “Красного смеха”... также стою за войну... Надобно всеми средствами показать, что русский дух есть вечное устремление к последней свободе, вплоть до анархии, немецкий же — стремление к вечному порабощению, к созданию на земле вечной тюрьмы и военных поселений... Свобода для всех, а тюремщиков к черту!»²

С войной и революцией связывались пылкие надежды; в отличие от Европы, в России баланс между ними склонялся в пользу революции. В начале апреля 1915 г. М. Горький опасался, что после войны «возникнут крупные беспорядки, спровоцированные Министерством внутренних дел», от этого не приходится ожидать ничего хорошего, так как «русское движение имеет анархистический характер, антиобщественный»³. В это же время Д. Фурманов, находившийся на «благополучном» Кавказском фронте, под влиянием вестей о том, что в тылу «бьют торговцев», а «фабрики бастуют», писал в дневнике: «Можно со дня на день ожидать крупных взрывов, больших осложнений»⁴. «Взрыв» последовал через месяц — жуткий своей агрессивной бессмысленностью немецкий погром в Москве⁵.

С началом войны стали формироваться новые взаимопредставления России и Запада. Этому способствовали слухи — обычный спутник экстремально неясных ситуаций. Эмоции реактивировали пугающий опыт прошлого, порождая нравственные расколы. «Русскому царю надо было подавить приближающуюся вторую революцию и нашлись интеллигенты, которые объединяются с царем против родного народа, опьяняя себя словами: славянство, родина, — и забывая, что нельзя уничтожить германство — родину Вагнера и Бетховена, Канта и Гете», — писал неустановленный автор социал-демократу В.П. Махновцу. «Обстоятельства сложились так, что Россия, пожалуй, выйдет победительницей и тогда реакция усилится и озверевает, но думаю, что и революция найдет почву в разбитых жизнях,

¹ Сабанеев Л.Л. Воспоминания о Скрябине. М., 2003. С. 284–285.

² ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 23 — 23 об.

³ Толстой И.И. Дневник. С. 623.

⁴ Фурманов Д.А. Дневник: 1914–1916. М., 2015. С. 50.

⁵ См.: Lohr E. Nationalizing the Russian Empire: The Campaign against Enemy Aliens during World War I. Cambridge; London, 2003. P. 36–39; Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию... С. 287–292.

разрушенных хозяйствах, кризисе, безработице. И не только в России... но и в Германии и Австрии...» — размышлял 2 августа 1914 г. неустановленный автор в письме из Канады в Москву¹. Ему казалось, что Россия становится эпицентром мировых событий.

С началом войны не мог не сказаться взращенный деспотизмом (не столько реальным, сколько воображаемым) такой феномен российской политической культуры, как пораженчество. Впрочем, оно носило эмоционально неустойчивый характер. «В самом начале войны... я даже сознательно хотела поражения нашему оружию, чтобы этим была поколеблена и дискредитирована власть и положен конец ее вакханалии, от пьяного угара которой задыхаются 170 млн живых человеческих личностей, — писала 26 сентября 1914 г. Н.В. Скурдина А.И. Мельникову в Одессу. — Теперь я этого не хочу, но передо мной также стоит этот мучительный вопрос: чем будет заплачено за все колоссальные материальные потери и невозвратимые утраты людьми?.. Думается, что широкое общение с Западом должно проложить новые борозды и в сознании людей, стоящих у власти, и что здоровая струя обновит и оживит загнившие части нашего государственного организма»². В России власть видится победоносной по определению.

Внешние и внутренние неудачи обостряли эмоции. В сентябре 1915 г. А. Тыркова, член ЦК кадетской партии, писала в дневнике: «Победы и поражения отодвинулись перед... сумятицей внутреннего поражения или, вернее, разложения»³. Трудности военного времени гипертрофировались, приобретая антиправительственное звучание.

Находились люди, выпадавшие из стадных эмоций. 22 июля 1915 г. историк М. Богословский писал в дневнике: «Не понимаю тех, кто складывает всю вину на управление. Может быть, оно у нас и худо, но только потому, что вообще мы сами худы. Каждый народ достоин своего управления». 8 сентября 1915 г. он комментировал разговоры о министерстве общественного доверия: «Извольте видеть: надо бороться с властью и в то же время не надо колебать престижа власти [имелся в виду А.И. Гучков. — В. Б.]». Амбивалентность отношения к власти задавала эмоциональную окраску общественной деятельности: «У нас гражданином считается лишь тот, кто бурлит, суетится, всячески выступает, критикует и протестует», — иронизировал историк⁴. Политики вольно или невольно старались «возбудить» публику. Проще всего это было сделать, направив эмоции против перманентно «негодного» начальства.

Беспомощность власти усиливала ксенофобию, вектор которой блуждал в поисках «главного» врага. В июне 1915 г. Б. Никольский пребывал в убеждении, что «немецкие деньги питают антинемецкие судороги низов и особенно антидинастическое озлобление». В феврале 1916 г. он считал, что «заговор не немецкий, а тот же масонски-жидовский», что и в 1905 г. Впрочем, он не забывал и о «безумном сборище глупых, трусливых, бездарных и ничтожных людей» в Совете министров, которые ни на что не способны, кроме «сеяния анархии»⁵.

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 976. Л. 62 об., 100, 97.

² Там же. Д. 978. Л. 6.

³ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: Дневники. Письма. М., 2012. С. 156.

⁴ Богословский М.М. Дневники (1913–1919): Из собрания Государственного исторического музея. М., 2011. С. 60, 75, 86.

⁵ Никольский Б.В. Дневник... С. 219, 245, 275.

Считается, что нагнетанию революционных настроений способствовали думские речи. На деле всё было не так просто. «Читал речи Милокова и Шульгина, — писал иркутский журналист. — В этих речах как бы воплотился ужас современной русской жизни». В армии реакция оказалась несколько иной. «Наши монархисты получили из-под полы глупую, мальчишескую речь Милокова и носятся с нею, как кот с салом! — писал генерал А. Снесарев. — Подумаешь, невидаль какая! Я стал читать, да и дочитать не мог: такая дребедень...»¹ Людей больше волновало другое. В ноябре 1916 г. в действующую армию сообщали: «Нас здесь грабят и грабят беспощадно, безжалостно купцы, мелкие торговцы, пекаря, мясники и т. п. сволочь, именовавшая и мнившая когда-то себя патриотами...» В декабре из одной запасной команды писали в Самару: «2 ½ года войны, по-видимому, произвели свое действие, озлобив всех. Проснулись дикие инстинкты... Народ ли виноват в этом?... Народ... дает выход своему озлоблению в бунте. Если такой порядок продлится далее, то перед нами стоит призрак революции...». Некий Горовиц в декабре 1916 г. писал в армию, что «всем надоела война» и «мы стоим на пороге великих событий»². Характерно, что люди, требовавшие изменений, не представляли их конкретно, словно надеясь, что избавление от «царя и немцев» само по себе приведет к решению всех проблем. Нараставший протест адресовался в «никуда». В декабре 1916 г. на фронте газеты именовали «бумажным навозом»³.

Некоторым приближающийся Новый год сулил надежды: «В нем должна решиться во цвете его дней и наша судьба и может быть наша судьба совпадет с судьбой всего мира». Другие солдаты были близки к панике: германец за «25 миллиардов» «склоняет» к миру, в Петрограде «не стараются спасти свою родину, а стараются спасти германский народ». Некоторые уверяли, что Германия готова к миру, чтобы платили ей «контрбукцию 24 года по 20 млн в год... а Россия чтобы говорила на немецком языке». Писали и о том, что царь на мир не соглашается, а потому нам «придется здесь погибнуть». Говорили также, что «везде зло, везде измена». Через пессимистический настрой пробивались искры отчаянной надежды. В середине февраля 1917 г. некоторые солдаты были уверены, что если бы в тылу не хозяйничали «купчики, сахарозаводчики и проч. мародеры», то «давно были бы побиты немцы, и турки, и австрийцы»⁴.

Слухи приобретали поистине апокалипсический характер. «Здесь идет слух, будто будет буря, огненный дождь и землетрясение, — писала Д. Фурманову его мать. — У нас... бояться, что это уже светопреставление...» Будущий большевистский комиссар задумывался: «Откуда эти нелепые, странные слухи?» Ответ напрашивался сам собой: «Настрадались, перемучились... Народная фантазия облекла эти ужасы в свою доступную, рельефную форму и поверила, приняла их как заключительный, венчающий аккорд всенародного мученья... Наши политические и экономические соображения не имеют... никакой цены»⁵.

Так или иначе, квазирелигиозные эмоции перерабатывались в «политику» с осязаемой «классовой» составляющей. В январе 1917 г. солдат впечатляли не антиправительственные думские речи, а газетные сообщения о том, что в тылу

¹ Булдаков В. П., Леонтьева Т. Г. Война, породившая революцию... С. 359.

² Письма с войны... С. 627, 721, 722.

³ Снесарев А. Е. Письма с фронта: 1914–1917. М., 2012. С. 519.

⁴ Письма с войны... С. 728–731.

⁵ Фурманов Д. А. Дневник... С. 272.

пьют шампанское, разезжают в автомобилях, «которых не хватает армии, и кричат громко “ура” за победу». Особенно нервировала солдат информация о связях жен-крестьянок с военнопленными¹. Больше всего сказывалось недовольство армейскими порядками. «Форменный хаос, очковтирательство», начальники ведут «телефонную войну»², — характеризовал происходящее генерал А. Снесарев. В феврале 1917 г. среди относительно бодрых писем с фронта встречались заявления: «Нервы парализовались, омертвели. Из человека-ангела здесь делают человека-дьявола»³. Вести из «мирной» жизни доводили ситуацию до точки кипения. «Дороговизна и мир, вот что интересует главным образом, судя по корреспонденции, армию и население»⁴, — заключал цензор. Писали и о том, что «у человека зародилась злоба и искра злобы не угасает»⁵.

* * *

Подлинная революция словно прокатилась мимо *всех* ее политических «руководителей». Бастующие женщины смогли увлечь мужчин лозунгами: «Хлеба!» и «Долой войну!». Лишь позднее, вероятно, под влиянием социалистических агитаторов появился политический лозунг «Долой самодержавие»⁶. В партийных верхах царила растерянность. А. Тыркова, имевшая репутацию «единственного мужчины в кадетском ЦК», описала почти символическую сцену. 27 февраля 1917 г. М.В. Родзянко с А.И. Гучковым собирались отправить телеграмму царю, а графиня С.В. Панина — тоже влиятельная дама — уговаривала их идти к солдатам, агитировать. Лидеры октябристов отговаривались: «Пусть они сначала арестуют министров». Положение спас Милюков, который «привел солдат к Думе»⁷.

Расправы над офицерами в Кронштадте и Гельсингфорсе определялись не политикой, а ожесточением, вызванным тяготами службы⁸. Офицеры, не понимавшие происходящего, пассивно присоединялись к революции⁹.

Революция вызвала совсем не возвышенные эмоции. Возвращение политических из Сибири комментировали так: «Ораторы студенты на каждой станции выходили и вычитывали, как Николай царствовал, правители его жулики были и как

¹ Затянувшаяся война пошатнула сексуальную мораль. Это в свою очередь сказалось на нравственном состоянии войск. См.: Письма с войны. С. 601, 603, 605, 608–611, 613–616, 619–620, 624–626, 629, 633.

² Снесарев А.Е. Письма с фронта... С. 478, 510.

³ Письма с войны... С. 329, 726.

⁴ Тверская губерния в годы Первой мировой войны. 1914–1918 гг.: Сб. док-тов / Научн. ред. В.П. Булдаков. Тверь, 2009. С. 339.

⁵ Письма с войны... С. 733.

⁶ Первая мировая война и конец Российской империи: В 3 т. Т. 3: Февральская революция. СПб., 2014. С. 73–78.

⁷ Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 176.

⁸ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 2010. С. 123–125, 226–227.

⁹ В Свеаборге: офицеры, поддержавшие революцию, скоро стали свидетелями жутких расправ над своими товарищами. Из воспоминаний одного «революционера» видно, что восставшие убивали и из личной ненависти к «шкурам», и «согласно должности». См.: «Мы примкнули к революции, совершенно не понимая, что это за птица»: Воспоминания Д.С. Тахчогло // Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания. М., 2015. С. 215, 216.

на позиции по морде били начальники...»¹ С подобных заявлений и началось «политическое» просвещение народа. Люди готовы были приписать старой власти все мыслимые грехи, под видом «политики» начались бессудные расправы.

Человек склонен верить во власть, но только в *свою* власть. «Чужая» власть ассоциируется не защитой, а с насилием. Это возбуждает особое недовольство у людей, привыкших считать власть сакральной. Б. Никольскому события сначала казались «бунтом черни, заставшим всех врасплох». Но уже 28 февраля он «утешил» себя: «Ликвидация династии видимо неизбежна» как часть «стихийного восстания против немецкого гнета»². Действительно, многие «революционные» расправы того времени проходили под антинемецкими лозунгами. Эмоции контрреволюционеров иной раз указывали на неизбежность и даже на грядущую семиотику революционных событий.

Революционная эйфория не могла длиться долго, уже в марте зазвучали скептические ноты: «Перед нами сверкает не свобода, а смерть и конец жизни», а потому «домой пойдем с оружием, пока всё, что полагается, не дадут». К этому времени «политика» по-своему вошла в солдатскую жизнь. В конце марта сообщалось, что «на фронте солдаты и офицеры вошли в полное единение», а в апреле цензоры отмечали что «письма полны только жалоб и описанием тех ужасов, которые творятся на фронте солдатами в отношении офицеров»³.

Толпа рождает вожаков. Обычно это диссипативные личности, пытавшиеся выступать в 1917 г. «медиумами класса», которые то ли насаждают «политический» образ мысли, то ли следуют в фарватере настроений толп. Среди политиков было немало выдающихся ораторов, но они один за другим сходили со сцены. Керенский сделал политическую карьеру за счет публичной риторики, но со временем его речи обернулись, по выражению Л. Троцкого, «толчением воды в ступе». Ораторам следовало ориентироваться не на «свои» политические доктрины, а на настроения и утопии масс. Главное, их слова должны были резонировать с общественным озлоблением. Им не следовало взывать к разуму: куда эффективнее был призыв к действию.

Большевистские доктринеры превращались в оракулов, действующих по инстинкту. Возможно, именно слияние человеческих склонностей с энергетикой революционного времени и придавало движению бессознательных толп всепокрывающую силу.

В начале апреля правозэкстремистская газета «Гроза», основываясь на настроениях народа, заявила о необходимости переговоров о сепаратном мире⁴. В сущности, Ленин в «Апрельских тезисах» воспроизвел предложения и анархистов, и правых экстремистов. И те, и другие представляли собой наиболее взвинченную часть общества. Правда, Ленин подчеркивал: «Мы должны базироваться только на сознательности масс». Но под «сознательностью» он понимал скорее перемену вектора общенародных устремлений, нежели «просвещение социализмом»⁵. В дальнейшем он не раз призывал довериться «партии пролетариата». Это больше походило на эмоциональный самообман, нежели на политический обман.

¹ Письма с войны... С. 748.

² Никольский Б.В. Дневник... С. 278–280.

³ Письма с войны... С. 740, 743, 746.

⁴ Гроза. 1917. 2 апреля.

⁵ Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 31. С. 105.

Для внушения политических догматов требовался набор соответствующих метафор. При этом наиболее эмоциональные ораторы вольно или невольно копировали друг друга. Свои подражатели находились и у Керенского, и у Ленина. Описаны, к примеру, такие случаи: «Выскочил на эстраду молодой парень и сразу обрушился на “кровопийц”-помещиков, которые задыхаются от своих богатств, высасывают последние соки у своих крестьян...» Он закончил призывом «уничтожить этих тиранов, а земли их делить между собой»¹. В общем, это был парафраз знаменитого ленинского «Грабь награбленное!».

На этом фоне противники большевиков смотрелись неубедительно. В начале апреля Милуков пригласил товарищей по партии в министерские апартаменты. Они почувствовали себя так, словно «по ошибке попали в ненадлежащее место» и «невольнo спрашивали друг друга — надолго ли это?»² Образованные люди, вышедшие из авторитарной «стабильности», попросту не умели действовать в условиях революции.

Всё это в полной мере проявилось во время Апрельского кризиса. События представляли собой характерное для революции соединение провокации и анархии, утопии и психоза. Солдаты считали, что милуковская нота «оказывает дружескую услугу не только империалистам стран Согласия, но и правительствам Германии и Австрии, помогая им душить развивающуюся борьбу немецкого пролетариата за мир»³. Слух гласил, что идет распродажа «земель, леса и недр иностранным и своим капиталистам». «Милуков заварил такую кашу, которую ни ему, ни всему правительству не расхлебать...» — констатировали интеллигентные наблюдатели⁴. Демонстрации шли вразнобой, агитаторы действовали с переменным успехом. Но страсти накалялись: появились плакаты «Долой Временное правительство!». 21 апреля на улицы столицы с требованиями мира вышло до 100 тыс. рабочих и солдат.

Между тем газеты приводили весьма своеобразные свидетельства. 21 апреля на Невском офицер с портретом Керенского вопрошал, обращаясь к толпе: «Верите ли вы Керенскому или не верите?» Его поддержали солдаты-инвалиды, кричавшие: «Долой ленинцев!» Говорили также, что на улице появилось знамя с надписью: «Да здравствует Германия!»⁵

Казалось, было о чем задуматься. Но 27 апреля премьер Г.Е. Львов произнес следующую речь: «Великая русская революция поистине чудесна в своем величавом спокойном шествии... Душа русского народа... готова слиться не только с демократией всего мира, но и встать впереди нее и вести ее по пути развития человечества на великих началах свободы, равенства, братства». Неудивительно, что слова «буржуазного» политика вызвали восторг социалиста-идеалиста Церетели⁶. Новые верхи пребывали во власти утопических самообольщений.

¹ Сливинская М.А. Мои воспоминания // «Претерпевший до конца спасен будет»: женские исповедальные тексты о революции и Гражданской войне в России. СПб., 2013. С. 76.

² Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 178, 181.

³ Революционное движение в апреле 1917 г. Апрельский кризис. М., 1958. С. 728.

⁴ Окунев Н.П. Дневник москвича (1917–1924). Т. 1. М., 1990. С. 35.

⁵ Военный дневник великого князя Андрея Владимировича Романова (1914–1917). М., 2008. С. 276, 274.

⁶ Цит. по: Милуков П.Н. Воспоминания... С. 595.

Вместе с тем современники писали о «властebоязни» российских политиков, превратившихся в «партию ИИ» — «испуганных интеллигентов»¹. А. Тыркова отмечала, что к началу открытия Учредительного собрания даже эсеры «раскисли, теряют почву, в своих декларациях повторяют слова большевиков»². Люди революционного подполья словно в очередной раз готовились к роли жертвы. Возможно, это было главной психологической особенностью тогдашней «политики».

Правоэкстремистская «Гроза» интерпретировала солдатские настроения: «Сами министры под обстрелом не находятся и потому им посылать людей на бойню легко; ответа же за напрасно погибший народ перед Богом, как имел его Царь, они не несут; и потому им решительно всё равно, сколько бы русского народа ни было бы перебито...»³ Газета действовала синхронно с «Правдой», опубликовавшей проект устава Красной гвардии, который предусматривал «временное» вооружение рабочих для борьбы с погромами, контрреволюцией и т. п.⁴

«Гроза» ставила большевикам в заслугу то, что они «объединили вокруг себя все полки, отказавшиеся подчиниться правительству из жидов-банкиров, генералов-изменников, помещиков-предателей и купцов-грабителей»⁵. Для интернационалистов это был сомнительный комплимент. Апеллируя к «сознательности», большевики пришли к власти, опираясь на толпы, возбужденные *иррациональной* ненавистью. В те времена «просвещенные» умы подобных парадоксов не понимали; некоторые не понимают и сегодня.

В психике народа был силен эгалитаристский компонент, точнее, его уравнительная составляющая. Подчас она приобретала агрессивно-мстительные формы. Так, 4 июля на Северном фронте солдаты (независимо от сходных событий в столице) отказались идти в наступление, мотивируя это тем, что их дивизия, в отличие от других, трижды участвовала в тяжелых боях. Недовольство обернулось против «своих» генералов: поступили предложения определить их в обозные, в кашевары, послать на конюшню, казнить, «отвинтить головы»⁶.

После июльских событий солдаты рассуждали: «Мы отказались от завоевания, от захвата и аннексии, контрибуции. Зачем же нам наступать...» Другие сообщали: «У нас происходит какой-то хаос, большевики свое тянут, меньшевики свое тянут, а на фронте нет ни одного такого человека, который рассказал народу, что обозначают эти два элемента». Обилие разных партий вызывало крайнее недоумение⁷. «В комитеты мы не верим. И даже в Учредительное собрание не верим», — констатировал 22 июля М. Пришвин⁸. Революция рождает яркие образы и впечатляющие метафоры — побеждал тот, кто умел ими пользоваться.

¹ Булдаков В.П., Леонтьева Т.Г. Война, породившая революцию... С. 566.

² Наследие Ариадны Владимировны Тырковой... С. 212.

³ Гроза. 1917. 7 мая.

⁴ Правда. 1917. 29 апреля.

⁵ Гроза. 1917. 29 октября.

⁶ «До чего мы докатились...»: воспоминания Е.А. Милодановича // Россия 1917 года в эго-документах... С. 90–91.

⁷ Письма с войны... С. 749.

⁸ Пришвин М.М. Дневники... С. 82.

* * *

Победа большевиков в известном смысле была победой силы и страсти над интеллигентским «политическим» теоретизированием. Настал момент, когда всё решается «не совещаниями, не съездами», — убеждал Ленин. «Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!», — заклинал он вечером 24 октября¹.

Но к этому моменту колебались все. «Во всем Петрограде невозможно было найти ни одного сколь-нибудь спокойного и уравновешенного человека»², — уверяли современники. М. Пришвин, походив по «общественным говорильням» столицы, по его словам, «забился в смертельной тоске». «Нет, не теми словами говорим мы и пишем, друзья, товарищи и господа мира сего, — отмечал он в дневнике. — Наши слова мертвые камни и песок, поднятые вихрем враждебных, столкнувшихся сил»³. Так и было.

Большевикам для победы хватило двух лозунгов: «Мир!» и «Земля!». Именно они отвечали отнюдь не миролюбивому настрою толп. Поразительно, однако, что на второй день работы II Всероссийского съезда Советов делегаты практически единогласно вотировали все предложения большевиков. Когда один из делегатов робко попытался поднять руку против Декрета о земле, «вокруг него раздался такой взрыв негодования, что он поспешно опустил руку»⁴. Действовала магия коллективного мнения. Голосовали «скопом», порой вопреки наказам избирателей. Лишь 75 % формальных сторонников Ленина поддержали лозунг «Вся власть Советам!», 13 % большевиков устраивал девиз «Вся власть демократии!», а 9 % даже считали, что власть должна быть коалиционной⁵. Однако эти странности «общенародной поддержки» большевизма не замечались десятилетиями.

А. Рабинович считает, что успехи партии большевиков в значительной степени проистекали из ее «сравнительно демократической, толерантной и децентрализованной структуры» и «открытого и массового характера»⁶. Следует добавить, что большевики воспользовались сильнейшими средствами того времени — разрушительными инстинктами и утопическими вожделениями толп.

Победа большевиков еще больше накалила страсти. В ноябре в армии кое-кто готов был «перерезать высший командный состав». Другие возмущались «буржуазией», которая ассоциировалась с негодными офицерами. Укрепилась убежденность в предательстве командиров, которые «хотели пустить немца, чтобы он подавил нашу революцию». Некоторые пребывали в состоянии тотального озлобления: «Буржуи грызутся там, как волки... Мы их поборем... Пусть не забудут ночь Варфоломея во Франции... Зачем нам Дарданеллы, на что нам английский капитализм...» Для прекращения «своей» войны этот человек готов был перевернуть весь свет⁷. Конечно, часто бездумно использовались «фигуры речи» того времени. И это тоже отражало глубину социального психоза.

¹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 436.

² «Всё кончено и никакие компромиссы уже невозможны...»: из воспоминаний Е.Е. Драшусова // Россия 1917 года в эго-документах... С. 272.

³ Пришвин М.М. Дневники... С. 86.

⁴ Рид Д. Десять дней, которые потрясли мир // Рид Д. Избранное. Кн. 1. М., 1987. С. 152.

⁵ Второй Всероссийский съезд рабочих и солдатских депутатов. М.; Л., 1928. С. 107.

⁶ Рабинович А. Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде. М., 1989. С. 331.

⁷ Письма с войны... С. 750–752.

Наблюдатели заявляли, что большевистское правительство «спустило с цепи грубую силу России». Теперь «все проблемы создавал алчущий зверь», который «грабил бесшабашно и основательно, в то время как правительство отчаянно пыталось навести порядок»¹. «Красная смута» приближалась к своему логическому завершению: осталось обуздать «зверя».

Разгон Учредительного собрания вызвал настоящий прилив злорадства у противников социалистов: «Воистину, эти ничтожества [эсеры. — В. Б.] во главе с Витей [В.М. Черновым. — В. Б.] стоили лишь хорошего пинка матросского копыта... Но подлее всего, конечно, отношение к демонстрации: уже тогда партия “бомбы и револьвера” во внезапном припадке “непротivления злу” решила организовать безоружную демонстрацию...» Уверяли, что сами «избранники народа» в демонстрации намеренно не участвовали и явились в Таврический дворец другим путем. При этом Чернов «сиял, как солнце» и лишь услышав пулеметные выстрелы, остановился, поднял руку и вскричал: «Что они делают!», чтобы тут же скрыться за дверью². Правые ненавидели слабость во власти, а потому их инстинктивно вдохновляло проявление силы — пусть со стороны большевиков.

Российская история не экзотична, а архаична: в ней обнаруживается то, о чем на Западе уже забыли. Некоторым не хотелось признавать это в 1917 г.; есть и такие, кто не видит этого и сегодня.

Б. Никольский не случайно попытался выявить «эмоциологическую» подоплеку происходящего. «Что такое галлюцинация? — задавался он вопросом. — Безвольная рефлекторная игра воображения... Воображение есть способность вспоминать и комбинировать свои представления... Но вот иногда воля ослабевает, <...> органы внешних чувств испытывают как бы судороги... В таких случаях начинается галлюцинация... Словом, это судороги воображения». Разумеется, сам Никольский ни минуты не допускал собственной склонности к подобным «судорогам». Так мог думать человек, верящий в непреложность удобных для него «законов» бытия. Впрочем, и его вера подвергалась испытаниям. «Что нас ожидает? — вопрошал он 6 января 1918 г. — Перед нами невероятные дали и полное отсутствие людей. Боже, какие вокруг ничтожества!.. Сознаешь... что момент и всё... совершится стихийно, само собою, как во сне...»³

В сущности, Б. Никольский представил типичное отношение образованных русских людей к власти: последняя обязана не только создавать подходящие условия для их деятельности, но и быть «справедливой» соответственно их нравственным и даже эстетическим критериям. И такое отношение к власти — скорее эмоциональное, нежели политическое — сохраняется и поныне.

Нет ничего удивительного в том, что буйство охлоса смыло слабую власть в октябре 1917 г. А жертвенная пассивность интеллигенции позволила последователям Ленина укрепиться во власти.

Ситуация 1917 г. определялась эмоциональными коллизиями между «самой передовой» утопией и «самой косной» традицией. Победила вовсе не партия в европейском смысле слова — это был генератор традиционного российского бунтарства.

¹ «У меня было ощущение перевернутого шиворот-навыворот мира...»: воспоминания Мадлен Доти // Россия 1917 года в эго-документах... С. 171.

² Минувшее. Т. 20. С. 503.

³ Никольский Б.В. Дневник... С. 207, 210.

Большевистская историография также поначалу была избыточно эмоциональной. Мифы революции порождают настолько яркие метафоры и символы, что даже профессиональные историки втягиваются в порожденные ими дискурсы. Положение меняется только с истощением мифов.

Показательно, что в постсоветский период этатизированные любители «политической» истории России принялись отыскивать «своих» анти-/героев революции, двигаясь слева направо, пока не наступила очередь «мудрых» консерваторов. Похоже, историографическое бессилие достигло своего апогея. Отсюда и представления об «управляемом хаосе», согласно которым революцию можно «заказать» и навязать ей любые политические «цвета». Претензии современных пиарщиков на роль теоретиков революции стоят не больше, чем бывшее стремление Керенского управлять массами с помощью впечатляющих слов. Революцию нельзя запланировать в кабинете и руководить ею с трибуны или с экрана телевизора.

Дискуссия

Ян Плампер

Я с огромным интересом прочел эти четыре доклада. Каждый из них представлен известным историком, экспертом в своей области, и каждый из них носит подытоживающий характер. «Подытоживающий» в двух смыслах: во-первых, доклады одновременно критически освещают новейшую историографию русских революций и иллюстрируют ее течения, во-вторых, они суммируют наблюдения настоящей конференции. В чем-то эти четыре доклада схожи, в чем-то они различны. Я начну со сходств, затем перейду к различиям и завершу комментарий развернутым тезисом на материале моих собственных разысканий.

Первое, что объединяет три из четырех докладов, если не их все, — это пристальное внимание к роли эмоций в истории революции. Уильям Розенберг выделяет три «глобальных проблемы», которые способствовали крушению царской империи, и эти три проблемы обычно не фигурируют в интерпретациях революционных событий. Из этих трех самая главная, но и самая уязвимая с точки зрения исторического метода — это эмоции, связанные с травмой войны и социокультурными потрясениями, а также насилием, беженством, смертью, погромами и социальной аномией. Это «многомерные потери», вызванные, по выражению Игоря Нарского, «жизнью в катастрофе».

Владимир Булдаков подчеркивает всплеск «психоэмоциональной архаики» русской истории в период революций, вступая таким образом в полемику с привычными интерпретациями, особенно советскими, которые научным и псевдонаучным образом пытались доказать закономерный, рациональный характер революционного процесса, где движущей силой революции были классовые интересы и т. д.

Борис Колоницкий пишет о политической культуре вождизма в 1917 г. Вождизм принято считать изобретением Ленина и Сталина, однако Колоницкий доказывает, что он был намного более распространенным феноменом, который существовал в партии кадетов, у меньшевиков и др. У этого явления есть эмоциональная подоплека — речь идет о, я цитирую, «любви» к вождю, «о наборе предписываемых эмоций, которые следовало проявлять [предъявлять] по отношению к власти имущим».

Даже доклад Дэниеля Орловски, можно сказать, ключевым образом затрагивает тему эмоций. Орловски, который, как известно, давно работает над переосмыслением роли Временного правительства, откапывает забытый пласт социального воображаемого («social imaginary»), а именно идею Мартова и др. Однородного социалистического правительства, которое должно было стать наследником Временного

правительства и состоять из самых разных институций и людей — партий, профсоюзов, комитетов, советов, профессий и специалистов разного рода и ранга, социальных групп и общественных организаций. Это социальное воображаемое было направлено на включение. Оно отличалось от большевистского бинарного, исключаящего видения общества («exclusionary social imaginary»). По сути, это были два видения политики, по-разному эмоционально окрашенных: менее ригидное, менее жесткое, в меньшей степени основанное на ненависти, более «инклюзивное» у меньшевиков Дана и Мартова с одной стороны и строго бинарное, где всё рассматривалось сквозь призму классовых различий и партийности, у большевиков — с другой.

Итак, эмоции находятся в центре всех докладов этой секции. Какие концепции эмоций лежат в основе этих исследований? Начнем с Колоницкого, который прослеживает употребление слова «вождь» и его синонимов по отношению к Корнилову, Керенскому, Ленину и др. в 1917 г. Он пишет: «Часто встречающееся словосочетание “любимый вождь” содержит требование предписываемого эмоционального отношения к лидеру. Тема политической любви весьма часто присутствует при описании Керенского. Наряду с ней встречается и тема дружбы». Далее он утверждает, что в июле и августе 1917 г. Керенский проиграл Ленину в символической борьбе, потому что перестал творчески генерировать новые формы репрезентации вождя, а «снизу» они также не поступали. Это построение представляется не совсем логичным, и здесь, как кажется, имело бы смысл вернуться к эмоциям. А что, если Керенский недооценивал важность эмоциональных аспектов саморепрезентации и — в этом же контексте — проблемы, связанные с переходом от монархии к демократии? Может быть, ему стоило сделать ставку на определенную версию любви, а именно любовь, смешанную с уважением и страхом? Может, проблема как раз была в излишней «народности» и опрометчивом введении концепта «дружба» в репрезентации? Возникает вопрос: как лучше объяснить потерю Керенским символической власти, если расширить рамки дискурс-анализа Колоницкого и попробовать воспринимать всерьез язык эмоций в источниках, которые так тонко анализирует Колоницкий?

Наиболее спорным мне представляется обращение к эмоциям в докладе Булдакова, однако в то же время я считаю, что исследователь затрагивает ключевой вопрос в изучении революции, который является вызовом для нас всех с методологической и источниковедческой точек зрения. У Булдакова встречаются такие понятия, как «неистовство революции», «психическая аура», «неадекватные эмоции», «эмоциональный перегрев», в нем говорится про «инфантильного» Номо госсичес с «недоразвитостью гражданского чувства». Из метафор мы встречаем «лавинообразный рост малых возмущений» и «генетический код системы». Иначе говоря, концептуальный аппарат Булдакова взят не из новой истории эмоций; он восходит отчасти к теориям начала XX в. (чаще всего цитируется Макс Шелер), отчасти к современным расхожим представлениям об эмоциях. Адекватность такого подхода кажется спорной: в его рамках историк превращается в психолога, который в эмпирическом материале — а Булдаков, кстати, блестящий эмпирик — выискивает указания на универсальные психологические механизмы. Булдаков пишет: «Но, похоже, предложения двинуться в этом познавательном направлении остаются втуне. Авторы по-прежнему предпочитают ориентироваться на *видимое*. Как результат, сферу социологически “невидимого” монополизирует конспирология с ее старыми как мир, заговорческими фобиями». С этим утверждением трудно со-

гласиться. История эмоций опирается на «видимое», без источников ей не обойтись. Работа историка эмоций для решения важной, сформулированной у самого Булдакова задачи заключается, среди прочего, в определении эмоциональных терминов — например «любовь к вождю» или «дружба с вождем» — и прослеживании семантических сдвигов, т. е. изменений их смыслов во времени. На следующем этапе историк эмоций может позаимствовать у Уильяма Редди понятие «эмотив» (emotive), как это сделал Уильям Розенберг в своей замечательной статье 2014 г. о массовых настроениях солдат Первой мировой войны. Редди считает, что связанные с эмоциями речевые акты фундаментально гибридные: они не только описывают мир, но и меняют наше отношение к нему, они не только констатирующие (constative, согласно терминологии аналитического философа Джона Остина), но и перформативные (performative). Когда фронтовик крестьянского происхождения, впервые приехавший в Петроград в мае 1917 г., говорит, что «ненавидит» всех помещиков, буржуев и попов, он запускает психологический процесс, который может усилить или ослабить эту эмоцию, например, потому что он замечает, что его чувства по отношению к помещикам, буржуям и попам неоднородны. Этот процесс — открытый, его результат неизвестен.

Какие еще подходы могли бы быть плодотворными? И вообще, какие подходы могут помочь нам исправить сложившуюся ситуацию в историографии революции, из которой, по словам Булдакова, «выхолощен самый “дух” революции»?

Я вернусь к своему тезису на этот счет в конце комментария. Но сначала хотелось бы остановиться на *различиях* в этих четырех докладах. Главной точкой расхождения является вечный вопрос: была ли Октябрьская революция неизбежна? Как бы все четыре автора ни подчеркивали наличие долгосрочных и краткосрочных факторов и сложную взаимосвязь между разными темпоральностями, их позиции можно отнести к двум точкам зрения. Для Булдакова и Розенберга Октябрьская революция была неизбежной. Согласно Колоницкому и Орловски, ее можно было избежать. Булдаков считает, что архаические силы двигались подобно стихийному бедствию, лавине или вышедшей из русла реке, что их нельзя было остановить. Розенберг видит в совокупности факторов, особенно в трудноуловимой для исследователя эмоции потери, причину сверхдетерминированности, которой ничто не могло противостоять. Колоницкий, напротив, указывает на возможность альтернативы: если бы Керенский решал свои проблемы саморепрезентации иначе, то Временное правительство вполне могло бы быть успешным. А Орловски вообще считает, что у Временного правительства было много шансов выстоять и трактует победу большевиков скорее как следствие неудачного стечения обстоятельств, чем как кульминацию некоего линейного процесса.

А что если рассматривать «чувства» революции не как эмоции, а как пять чувств (зрение, слух, обоняние, вкус, тактильность), которые, по мнению многих психологов и представителей естественных наук, находятся где-то между восприятием с одной стороны, и эмоциями и когнитивными процессами с другой? Жителям Петрограда были привычны звуки выстрелов из пушек и винтовок в большие праздники. Но выстрелы, которые были слышны 25 февраля 1917 г., отличались от этих привычных для ушей петроградцев выстрелов. Как отмечали многие мемуаристы, они звучали по-другому — выше, были «свистящими», и они не раздавались на главных площадях и привычных для праздников мест вроде Марсова поля. Это был звук настоящих боеприпасов, а не холостых патронов. Горожане с хорошей

звуковой памятью помнили эти звуки с революции 1905 г. Начиная с Февральской революции и ранней весны 1917 г. эти звуки и следовавшие за ними звуки разбитых витрин и окон, а также запах горящих полицейских участков, тюрем, судов и других зданий, ассоциировавшихся с царской властью, стали сопровождать революционный процесс и наступившую новую эру. Об этом писал Владимир Лапин в своей книге «Петербург. Запахи и звуки», вышедшей в 2007 г. На старую «чувственную карту» Петрограда был наложен другой «sensescape», новая чувственная карта. Везде появились ораторы, стоящие на тумбах, вещающие с фонарных столбов, а к ним спонтанно стекались толпы слушателей. Оркестры и отдельные индивиды играли песни и мелодии, но уже другие — «Марсельеза» сменила «Боже, царя храни!», а потом ей на смену явился «Интернационал», что само по себе можно рассматривать как признак большевизации революции по ходу 1917 г. Хлынувший в Петроград с фронта и из провинции народ крестьянского и рабочего происхождения не стеснялся сплевывать шелуху от семечек на улице — мемуаристы писали о ковре из шелухи, по которому приходилось идти пружинистой походкой.

К чему я веду, зачем эти, казалось бы, малозначительные детали? Эти детали запоминались. Когда читаешь о них в источниках, становится ясно, что в контексте городской повседневности Февральская революция, а не Октябрьская была воспринята как рубеж. С точки зрения чувств, Октябрьская была антиклимактической. Да, за ней последовали винные погромы и над городом распространился запах спирта. Да, после нее началась коммунизация жилья и появились коммуналки, где происходили настоящие ольфакторные и т. д. бои между старыми жильцами дворянского происхождения и новыми. К примеру, когда из фортепианной комнаты раздавался запах щей и другой еды, а дама-дворянка давала ольфакторный ответ, не жалея выливаемых на себя духов — и при этом расхаживала по квартире в дорогой шубе. Настоящей цезурой, подлинным переломом была воспринята и отложилась в памяти Февральская революция. Быть может, в этом кроется новое, дополнительное объяснение тому, что большевики так много сделали, чтобы нивелировать эту память и укоренить Красный Октябрь в центре исторического мемориала. Об этом пишет Фредерик Корни в своей книге *Telling October: Memory and the Making of the Bolshevik Revolution*, вышедшей в 2004 г.

Иными словами, давайте вместе подумаем, какие еще есть пути, чтобы объяснить всю невероятно сложную совокупность революций 1917 г., чтобы, по желанию Булдакова, не был «выхолощен самый «дух» революции»; чтобы победы большевиков и сталинизма не вытеснили неприятные схожести, объединяющие все политические партии в политической культуре 1917 г., как показал нам Колоницкий; чтобы все непройденные пути и ответвления, на которые так тонко и умело указывает Орловски, были восстановлены, а не вытеснены победителями истории; чтобы сложно поддающиеся исследованию «глобальные проблемы», пользуясь словами Розенберга, снова вернулись в центр. Какие у вас идеи на этот счет?

Владимир Витальевич Носков

Я хочу отметить теоретическую насыщенность всех четырех представленных на этой сессии докладов, богатство подходов к исследованию поднятых в них проблем и в то же время их несовпадение. В докладе У. Розенберга много ссылок на Х. Уайта. Я позволю себе напомнить, что в своей работе Уайт проанализировал взгляды четырех историков и четырех философов с точки зрения их соответствия

четырем основным «тропам» поэтического языка. Так же и четыре докладчика, выступавшие на этой сессии, продемонстрировали различные подходы и то же время фактически подвели на этой основе итоги всей дискуссии предыдущих дней. Коллега У. Розенберг использует работу Х. Уайта, когда говорит о нарративе. Однако Уайт рассматривал нарратив с точки зрения литературоведения, поэтому, когда мы говорим об историописании, всякий раз возникает вопрос о применимости этого понятия к историческим исследованиям.

Но если конструирование метанарративов представляет один полюс в подходе к изучению истории, то герменевтика, о которой нам напомнил коллега В.П. Булдаков, — прямо противоположный. Это очень полезное напоминание, поскольку герменевтический подход основан на непосредственном «понимании» изучаемых явлений, достигаемом еще до обращения к изучению деталей.

В то время, когда формировалась советская историография Русской революции, широко использовались апелляции к опыту Французской революции. В наше время такой подход утратил популярность, однако полностью игнорировать опыт Французской революции было бы не совсем правильно. Противостояние Законодательного собрания и Парижской коммуны, например, дает интересный сопоставительный материал для изучения феномена российского «двоевластия». Опыт Французской революции интересен также при изучении процессов формирования культа революционных вождей. Да и обращение к «эмоциональной» истории Французской революции во многом способствовало бы пониманию роли человеческих эмоций в Русской революции, о чем говорил коллега В.П. Булдаков.

Петр Юрьевич Мажара

Я хотел бы высказаться в связи с докладом Б.И. Колоницкого о политическом языке революции, о вождизме, а также со вчерашним выступлением А.В. Посадского о народных вожаках, который рассказал о существовании такого термина, как «белый большевизм». Вчера мы говорили о наступлении на Петроград осенью 1919 г. армии генералов Н.Н. Юденича и А.П. Родзянко. Это была небольшая армия даже по меркам Белого движения — 20 тыс. человек под ружьем в самые лучшие времена. Впоследствии в эмиграции писали, что эта армия так и не смогла изжить в себе такие явления, как партизанщина, плохая дисциплина, плохое исполнение приказов. Многие военные соединения внутри этой армии носили неофициальные названия по имени своих командующих, своих вожаков: даниловцы, балаховцы, ливенцы. При этом не существовало такого понятия, как «юденичевцы». В известных нам источниках подобного рода терминов мы не встречаем. В связи с этим представляется, что было бы перспективно осмыслить в категориях революционного языка, который оказал влияние на все социальные группы бывшей Российской империи, те явления, которые мы вслед за советской историографией называем контрреволюционными.

Николай Николаевич Смирнов

Хотел бы обратить внимание на ту часть выступления У. Розенберга, где он говорит об историческом нарративе. Когда мы говорим о мемуарах, воспоминаниях, дневниках, мы всегда должны иметь в виду, какую редакцию названных источников используем. Мы должны задавать себе вопрос, с каким нарративом мы работаем: тем, что был написан в момент происходящих событий, или с тем, что был переосмыслен через многие годы.

Следующая проблема, о которой хотелось бы сказать — это легитимность власти в 1917 г. С моей точки зрения, легитимация власти наступает только в январе 1918 г., когда III Съезд советов принимает Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа. После этого события правительство стало называться иначе. До этого момента оно называлось Временное рабоче-крестьянское правительство. После в названии употребляется только форма Совет народных комиссаров.

Союзники не поддерживали А.Ф. Керенского в последние недели его правления. В переписке и английского, и французского посольства со своими министерствами иностранных дел четко прослеживается стремление не вмешиваться в российские события. После Октября французское правительство приняло решение создать комиссию для установления контактов с Советской властью. До второй половины декабря 1917 г. члены этой комиссии активно действовали в Петрограде, тем самым признавая Совнарком законным органом власти.

Феномен вождизма, о котором говорит Б.И. Колоницкий, очень интересен. Того человека, которого российская общественность в феврале подняла на щит, эта же общественность осенью 1917 г. готова была сбросить. Я хотел бы привести историю, связанную с поездкой А.Ф. Керенского и Альбера Тома на фронт в мае 1917 г. По дороге они остановились в Москве. Тома был приглашен на заседание Московской городской думы. Там было принято решение присвоить ему звание почетного гражданина Москвы. Можно ли в таком случае считать его новым вождем?

То же самое нужно говорить и о большевистских вождях. В конце августа — сентябре 1917 г. происходит массовая большевизация Советов, вопреки призыву В.И. Ленина, прозвучавшему на VI съезде РСДРП(б), временно снять лозунг «Вся власть Советам!». 1 сентября 1917 г. председателем Петроградского Совета был избран Троцкий. Именно он, а не Ленин, готовил Октябрьское вооруженное восстание. Он создал Военно-революционный комитет Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Так почему же до сих пор в ходу определение «Ленин — вождь Октября»?

Владислав Бэнович Аксенов

Б.И. Колоницкий рассказал нам о вербальных метафорах вождизма. Я хотел бы дополнить образ метафорами визуальными. В 2014 г. вышло исследование П. Баратова и Т. Филипповой об образах и риторике вражды в русской журнальной сатире. С одним их тезисом я не могу согласиться. Они утверждают, что либеральные художники наделяли Ленина семитскими чертами. Но если мы внимательно посмотрим на иллюстрации в этой книге, то мы скорее обнаружим монголоидные черты. И действительно, в ряде карикатур в образе Ленина использовались ориенталистские штампы. Я бы выделил три национальности, которые приписывались Ленину. Во-первых, гунн. Этот народ считался символом анархии. Далее монгол. И здесь понятны аллюзии на период истории Древней Руси. Третья приписываемая национальность — это китаец. В 1917 г. произошла реставрация монархии в Китае, поэтому тема контрреволюции стала напрямую связываться с китайским вопросом. Также эта тема была актуальна в связи с китайским засильем в Петрограде.

В докладе В.П. Булдакова говорится об эмоциях. Я сегодня уже упомянул, что под эмоцией понимается сравнительно краткосрочная психическая реакция. Но психологи знают, что, если эмоция затягивается на определенный период времени, то она превращается в патологию. Можем ли мы в таком случае говорить о корреляции

между эмоциональными политическими всплесками и динамикой психических расстройств? Можно привести график динамики поступления душевнобольных в Петрограде в 1917 г. Максимум приходится на май месяц, это обычный период психических обострений. Количество душевнобольных пациентов в Петроградских лечебницах на 1 января 1915 г. значительно превышало другие категории.

Владлен Семенович Измозик

Я хотел бы продолжить дискуссию, начатую Н.Н. Смирновым. Те, кто работал со стенограммами пленумов и съездов, знают, что есть неправленный вариант и есть правленный. Историки обычно работают с последним вариантом, с тем, который опубликован. При работе с черновиком может возникнуть совершенно другая картина.

Письма во власть — это жанр, когда человек заранее знает, кому он пишет и как надо писать во власть, какие формулы употреблять. Другое дело, если человек пишет друзьям, родственникам, не задумываясь о том, что его письмо могут прочесть посторонние люди. Здесь появляется возможность заочного социологического опроса.

Масса ждет от вождя практических дел. 95 % населения программы партий не интересны. Они ждут короткого лозунга и конкретные дела. В чем оказалась сила Ленина? Если другие политики предлагали «штопать старое одеяло» и дожидаться Учредительного собрания, Ленин выдвигает новую национальную идею, идею социализма. И это совпадает с ожиданиями широких масс. В мае 1917 г. на крестьянском съезде резолюция Ленина получает 6 голосов из 800. Позже мы видим обратную ситуацию. Первое, что делает Ленин на II Съезде, он предлагает декреты о мире и о земле, то, чего хотели миллионы.

Легитимность, о которой говорил Н.Н. Смирнов, с моей точки зрения, была только для левых эсеров и большевиков. Для большинства населения эта власть не была легитимной.

Ёсиро Икэда

Мне понравилось, что в докладе Д. Орловски нижняя граница хронологических рамок — это февраль 1917 г. Можно говорить, что какое-то переустройство России началось с августа 1914 г., но нам нужно подчеркивать революцию как таковую. Отсюда возникает вопрос, как мы должны понимать взаимоотношения периодов февраля—октября и после октября, если для сторонников Февраля Октябрьская революция была крахом. Либералы и умеренные социалисты из Временного правительства могли сделать очень мало до Октябрьской революции. Но они также повлияли на последующий период, создавая новые ритуалы, культ вождя, новую политическую культуру. Это было новое наследие, которое большевики получили от периода Временного правительства.

Я согласен с Б.И. Колоницким в том, что не только большевики, но и другие партии до Октябрьской революции употребляли термин «вождь». Но тут есть парадокс. Мы почти не встречаем в этот период дискуссии о главе государства, о президенте. Даже Керенский, которого можно считать представителем государства, которого называли вождем, был только премьер-министром. Я не уверен, что был общепризнанный кандидат в президенты к осени 1917 г.

Цуёси Хасегава

Я хотел бы подчеркнуть один важный фактор революционного кризиса, который мало здесь обсуждался. Это уничтожение царской полиции. Новая милиция не успела сформироваться настолько, чтобы гарантировать безопасность имущества граждан. Происходил распад общественного порядка. Поэтому Временное правительство и Государственная Дума потеряли легитимность. Происходило распространение пьянства. После Октябрьской революции эта проблема вылилась в винные погромы. Большевицкая власть едва не утонула в море водки и вина. Чрезвычайная ситуация требовала чрезвычайных мер. Против погромщиков применялись расстрелы на месте. То же самое касалось роста преступности и самосудов. Обычные преступления стали рассматриваться как контрреволюционные. Появилось ЧК для того, чтобы справиться с волной преступности очень жестокими мерами. Я хочу подчеркнуть, что в восстановлении порядка был идеологический фактор.

Марк Стейнберг

У меня несколько замечаний по докладам У Розенберга и В.П. Булдакова.

Я считаю рассуждение У. Розенберга о дискурсе потери очень интересным и важным. Он утверждал, что чувства «сконструированы памятью и социальными нарративами». В этом свете мой вопрос касается влияния дореволюционного дискурсивного поля. В частности, насколько восприятие потери в 1917 г. сформировано дискурсом до 1917, даже до Первой мировой войны, но после 1905 г.: особенно язык, распространенный в межреволюционной журналистике, дискурс кризиса, разочарования, беспочвенности, тоски, т. е. аспекты потери, прежде всего потери уверенности в стабильности темпоральности как безусловного и надежного прогресса, которую многие люди определяли как характеристику общественного настроения до революции.

Мне очень интересна попытка В.П. Булдакова «воссоздать психологический портрет российской “политики” во время войны и революции». Я также когда-то пытался исследовать эмоции в истории и особенно «общественные настроения», но на дореволюционном периоде. Я не буду спорить с методологическим подходом к истории эмоций. Я. Плампер уже ясно подчеркнул проблемы, с которыми я согласен. Мой вопрос касается настроений в 1917 г. и особенно в отношении к категории (понятию) «утопия», которую вы несколько раз упоминаете. Вы пишете, «что большевики воспользовались самыми сильными средствами того времени — разрушительными инстинктами и утопическими вожделениями вооруженных толп».

Во-первых, как вы видите взаимосвязь между разрушением и утопией? Очевидный ответ может быть таким: надо разрушить старое, чтобы открыть путь для нового. Но, может быть, у вас другой (более сложный) ответ?

Во-вторых, что вы имеете в виду, когда говорите «утопический» и «утопические эмоции»? Опять же, есть простой ответ: утопия означает мечты о невозможном, не имеющем отношения к реальным условиям, мечты о совершенстве, рае на земле и т. д. Но я бы предложил, и хотел бы услышать ваше мнение об ином определении «утопических эмоций», тому, что ближе определению философа Эрнста Блоха («Дух утопии» и «Принцип надежды»). В этом определении утопия описывается как точка зрения «решительного отрицания того, что просто есть» во имя «того, что должно быть». Как Блох утверждал, во всех человеческих обществах существует естественный «утопический импульс», чтобы «выходить за рамки» ограниченного и недоста-

точного настоящего, за «темноту сегодняшнего», и ставить под сомнение обычные (или можно сказать, обывательские) границы возможного и невозможного.

Возможно, как вы скажете, утопия — эмоциональное «вожделение», но я бы сказал, что это также форма познания и понимания (в том числе эмоционального познания). Если речь идет об истории революции, многие даже в «вооруженной толпе» принимали это сознательно. Они решительно отказывались принять «то, что просто есть» (нынешней реальности как неизбежности) и этот отказ был во имя «того, что должно быть». Наверно, это сознание было утопичным, но иначе, чем мы обычно о нем думаем (не таким негативным, даже не таким стихийным).

Уильям Розенберг

Я начну с последнего замечания М. Стейнберга. Я писал в своем докладе, что языки крайне нужны. Когда мы читаем петиции и письма из разных мест в Государственную Думу, например, мы сталкиваемся с особенным языком. Есть письма от голодающих железнодорожников. Но насколько они были настоящими? Голодали ли они на самом деле? Сомневаюсь. Но тем не менее было ощущение тревоги, которое относится к дореволюционному времени, связанное с дефицитом, войной. Послания периода после Февральской революции выражали надежду на будущее. Позже начинается разочарование, поскольку проблемы не были разрешены. Советы пытались построить царство справедливости. Но что такое справедливость? Это то же чувство. Когда мы с Д. Коенкер изучали стачки времен революции, мы обнаружили, что первым требованием рабочих было увеличение заработной платы, потом они говорили о защите своего достоинства. Они хотели жить как «настоящие люди». И это эмоции.

Вопрос о разочаровании относится к проблеме вождя. Феномен вождизма нельзя объяснить без изучения эмоций. Концепция вождя возможна оттого, что люди говорили: «Вот человек, который знает, что делать». Именно это ощущение нестабильности, ощущение сомнения определяло поиск мудрого вождя.

Как понимать метанарративы? Когда мы читаем источники или историографию, мы должны отдавать себе отчет, как они относятся к событию. Милуков в этом смысле хороший пример. Его диссертация называлась «Государственное хозяйство в России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого». Он был представителем государственной школы. Следовательно, от него можно ожидать, что он считал, что государство играет большую роль в реформах, благодаря государству Россия развивается. Читать нужно через фильтры, с помощью которых люди скрывают свои эмоции. Например, страх редко видно в письмах мужчин.

Мы не говорили о функциональности правительства, но легитимность меняла значение во время революции. Она напрямую зависела от качества работы Совета, правительства, руководства завода. У большевиков изначально стоял вопрос о силе. И придя к власти, они показали силу. Решили ли они возникшие проблемы? Нет. Впоследствии они поняли, что силой невозможно распределять товары в отсутствие рыночной системы.

Дэниель Орловски

В докладе я писал об однородном социалистическом правительстве как об альтернативе. Для меня было важнее всего, что это были не только разные идеи меньшевиков, не то, что это существует в рамках идеологии, как об этом обычно пишут.

Но если мы читаем речи в газетах в августе—сентябре 1917 г., то становится ясно, что это была концепция социального движения. Нужно узнать, какие силы стояли за этой демократической идеей. Эти люди, эти организации после Октября стали фундаментом советского правительства.

Важно изучать Предпарламент и Военно-революционный комитет как два учреждения периода октября. Предпарламент получил в основном негативную оценку в историографии. Но там проходили обсуждения очень важных вопросов. Его комиссии вырабатывали документы, которые советское правительство будет использовать после Октября. Например, в рамках народного хозяйства (будущий ВСНХ), национального вопроса (будущий Наркомнац).

ВРК являлся частью Петроградского Совета, поэтому он имел легитимность. В нем были представители и профсоюзов, и городского самоуправления и пр. Интересно, что Временный комитет Государственной Думы в феврале начал свою работу с того, что разослал в разные учреждения своих комиссаров. Та же история повторилась в октябре.

Моя главная идея состоит в том, что Временное правительство оставило большой след в истории. Оно не было просто ошибкой. Они создали множество проектов. Это было настоящее правительство.

Борис Иванович Колоницкий

Мне кажется, что историки Революции 1917 г. должны внимательно наблюдать за событиями в мире. И не для того чтобы искать аналогии произошедшим событиям. Нужно подумать, какие новые вопросы мы как историки Революции 1917 г. ставим себе в свете происходящих событий. Один из вопросов, который ставит нынешний политический контекст — это проблема коммуникаций. Вторая тема — это пассивность. Революцию мы изображаем как активность и мобилизацию, но «замерить» активность можно только тогда, когда мы видим, как кто-то другой демобилизуется. Таким образом, вектор активности усиливается. Третья вещь, которая мне кажется интересной, это креативность как ресурс мобилизации. Мы видим, как иногда одна сторона придумывает больше, ярче, интереснее и это не может игнорироваться, на них реагируют. Эта тема креативности в какой-то степени связана с темой моего сообщения.

Моя мысль была не в том, что Керенский являлся единственным создателем своего образа. Он, конечно, был очень талантливым актером, «креативщиком», организатором. Но я хотел показать, что эти образы создавались в различных конфликтах, дискуссиях, когда, наращивая собственный авторитет, политические акторы ссылались на авторитет Керенского, создавали его новые образы. В какой-то момент этот процесс прекратился. Это не означало падения авторитета.

Я Плампер сказал, что я вижу какую-то альтернативу Октябрю. Я считаю, что не всякий глубокий политический кризис неизбежно скатывается к революции. Я считаю, что каждая революция — это потенциальная гражданская война. Хотя неизбежности такой нет. Шансы на предотвращение Гражданской войны были. И они исчезли после Корниловского дела. Быть может, Гражданская война пошла по худшему возможному сценарию. Например, первая бригада дредноутов Балтийского флота в Гельсингфорсе еще до событий в Петрограде заявила о своем неподчинении правительству.

Вопрос о Французской революции очень большой. Но я хотел бы один момент отметить. Для Керенского был очень важен его телесный образ. В 1938 г. Зощенко написал о Керенском «болезненное дитя болезненной декадентской интеллигенции». Эта общая метафора: больной Керенский как показатель болезненности его режима. Но в 1917 г. его болезненность неоднократно упоминалась, но иначе воспринималась. Он болезненный человек, умирающий на наших глазах ради дела революции. Он сжигает свою жизнь на алтаре свободы. И это дает ему право быть вождем. Еще до всех советских текстов появляется тема трогательной заботы о вожде. Это очень напоминает образ Марата в Французской революции. Я не думаю, что Керенский сознательно подчеркивал свою болезненность, но механизм восприятия тот же.

Владимир Прохорович Булдаков

В своем докладе я не пытался конкурировать с академичным изучением истории эмоций. В нем шла речь лишь об одном из необходимых подходов к изучению революции. Это не эмоции мирного времени. Эмоции революционного времени рассматриваются как часть социальной психопатологии.

Я хотел бы особо ответить М. Стейнбергу. Я когда-то познакомился с его книгой о пролетарском воображении дореволюционного времени. Это подтолкнуло меня к изучению пролетарской поэзии времен Революции и Гражданской войны. Это недооцененный источник. У пролетарских поэтов весь мир представлял в красном «революционном» цвете. Пролетарий идеалистического склада жил с ощущением собственной всепобеждающей силы. Соответственно духу времени он считал, что его мускульная энергия сливается с энергией машины, делая его непобедимым. После этого я обратился к белогвардейской газетной поэзии. Там совершенно иное настроение, преобладают мотивы фрустрации, уныния, гибели. И это состояние выглядит необратимым.

Мы должны понимать, что всё, что произошло в 1917 г. произошло на волне демографического бума, информационной революции, урбанизации, гендерных перекосов. Отсюда особая эмоциональная аура, непохожая на эмоции мирного времени.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНАЯ ДИСКУССИЯ

Лора Энгельштейн

Сто лет назад в этом же городе произошла революция, о которой мы сегодня говорим. События, решения, эмоции (восторг, ужас), мечты, кошмары, ненависть — и также, безусловно, любовь. С тех пор столько об этом написано со страстью, со всех сторон, с разных точек зрения. И мы всё еще пишем.

Среди нас и старые и молодые, те, кто давно занимается этой темой, и те, кто недавно, кто начинает. Разные поколения и разные пункты отправления — за рубежом и в России. Моя задача и задача Николая Николаевича Смирнова — это задать вопрос: что в этом здесь нового? Неожиданного? Как можно смотреть на явление революции иначе, по сравнению с тем, как думали и писали перед нами? Какие у нас новые подходы, новое мышление, переосмысление? Выглядит ли она, эта революция, иначе после наших докладов?

Начнем с конца. Темой последней секции является: «Что нам делать с политикой?» У. Розенберг нам говорит, что лидеры, интеллигенты, политические партии — все были беспомощны перед основными явлениями революционной эпохи: экономическими, социальными, психологическими. В том же духе В.П. Булдаков утверждает, что революция в истинном смысле этого слова произошла не на уровне политической борьбы, а глубже, в общественном подсознании: в эмоциях, и личных, и коллективных. По его мнению, «политика» (в смысле идеологии, организации) тут ни при чем или по крайней мере дело второстепенное. Эмоция — субъект истории.

Кажется, историография поворачивается от политики на верхах и борьбы классов вниз в сторону широких культурных и социальных (в том числе психологических) процессов.

Д. Орловски, напротив, идет в сторону политики. Нам, говорит он, обязательно принимать всерьез деятелей февральской революции, которые создали новое государственное управление, решения, убеждения, личности, учреждения Временного правительства — словом, совокупность государственного строя, даже в условиях неустойчивости, играла ключевую роль в ходе революционных событий — и в исходе кризиса.

Ц. Хасегава соглашается с Орловски, что заслуживают внимания действия думских лидеров, которые определили форму органов власти непосредственно после падения монархии. Но этого им не хватало. Думе надо было «стать для мятежников легитимным органом власти». У Хасегавы возникает вопрос: как стать автори-

тетным, сильным? Он все-таки утверждает, что несмотря на широкое повстанческое движение в столице и несмотря на всякие затруднения, с которыми ему надо было бы справляться, какое-нибудь умеренное либерально-социалистическое правительство могло бы возникнуть — и существовать достаточно долго, чтобы повлиять на исход революции.

Что касается Б.И. Колоницкого, то он подходит к проблеме несколько иначе. Он сосредоточивает свое внимание на вождях, лидерах политических партий, но не в связи с идеологическими принципами или отдельными решениями, а с точки зрения так называемой «политической культуры». Оказывается, что в этом отношении все партии поразительно похожи друг на друга. У каждой свой «вождь», все пользуются теми же словами, оборотами, ритуалами. Этот «партийный быт» соединяет и психологию, и политику, сознание и подсознание.

В том же духе Ё. Икэда говорит: «Представления о власти являются... важной частью вопроса, касающегося политической культуры революции». Речь идет о том, какую форму должно иметь это неясное понятие — «народовластие»? Но в отличие от Колоницкого для Икэды вопрос состоит не в символическом смысле, а в практическом, конкретном отношении к правительственным учреждениям. «Отсюда возникла та парадоксальная ситуация, — пишет он, — что кадеты, <...> после падения самодержавия внезапно стали настаивать на абсолютном характере власти нового правительства». Здесь имеется в виду не «политическая культура» на отвлеченном плане, а политические понятия о том, как лучше устроить государственную власть.

Относительно органов власти интересно, что социалисты боялись фигуры президента как перевоплощения монарха в то время, как все партии, в том числе социалистические, называли своих видных деятелей вождями.

Как устроить власть? В чем она состоит в революционных условиях?

Третья секция занимается впрямую темой «революция и власть». А власть, пожалуй (в этом нет ничего удивительного), проходит красной нитью через всю конференцию. Здесь маленькое отступление по поводу неоднозначного русского слова «власть», которое имеет два измерения: либо обозначая институты, учреждения, аппарат государства; либо авторитет, способность действовать, контролировать, требовать подчинения. Так, кто-то в ходе дискуссии заметил, что разные народные вожаки «вошли во власть», т. е. стали аппаратчиками, но спрашивается, пользовалась ли эта «власть» в то время властью?

На эту тему В.И. Шишкин задает вопрос: какой была элита Сибири после февраля? Другими словами, в чьих руках непосредственно после падения старого режима была власть? А.В. Посадский спрашивает: кто пользовался авторитетом среди простого народа, крестьянства, казачества? Чем и кем поддерживалась мощь атаманов, вождей народных сил? Подобный вопрос возникает у Колоницкого, вопрос о том, «как создается вождь». Вообще, спрашивается, каким образом образуется авторитет лидера, либо на высоком — правительственном, партийном уровне, либо на уровне общины или станицы?

Народные вожди, о которых шла речь, стоят во главе партизанских отрядов или войск. Что касается регулярной армии, как заметил Троцкий в 1919 г., такая армия является не только орудием власти, но и знаком государственной легитимности. В революции — всё вверх ногами: государство не контролирует армию, а вооруженные силы решают судьбу государства. Константин Андреевич Тарасов считает

армию «субъектом политической жизни», с которой «пришлось считаться любому претенденту на власть». Эта власть образовалась «снизу»: «Только та власть, которая отвечала интересам солдат, могла рассчитывать на длительное существование». И эти низы имеют свои взгляды, свои эмоции.

Вопрос, кто руководит кем, возникает на всех уровнях. Так что внутри солдатских комитетов, когда выборные теряют доверие солдатских масс, теряется одновременно их влияние, их «власть».

По поводу городского населения, в том числе фабричных рабочих, среди докладчиков используются оба подхода — культурно-антропологически-символический и социально-политический. В.Б. Аксенов в секции о «культуре и сознании» говорит о роли слухов в формировании «массового сознания обывателей», определяя «аффективное поведение обывателей, основанное не на рациональном, а чувственно-эмоциональном восприятии действительности». Вопрос о том, как это влияние доказать, остается всё же открытым.

Со своей стороны А. Рабинович обращается скорее к роли организации и партийного подстрекательства в массовых антибольшевистских забастовках среди питерских заводских рабочих в марте 1919 г. У него «политика» — решения и стратегии лидеров и партийных деятелей — обуславливает ход событий, хотя, конечно, не совсем самостоятельно. Он интересуется сложными отношениями между организованными рабочими (так называемым пролетариатом) и конкурирующими социалистическими партиями.

А «политика» никогда не бывает самостоятельной. Возьмем, например, Временное правительство: у Икэды — вопреки своим принципам либералы настаивают на важности единства власти; у П. Холквиста либералы, которые долго боролись за законность по отношению к территориям, оккупированным Российской армией, ссылаются на международное право и одновременно проводят несовместимую с ним политику. Проблема состоит в том, что войска не находятся под контролем либеральных главарей.

Другой пример: секция на тему империи в общем-то занимается отношением между российским центром и национальными меньшинствами на окраинах — верхи и низы в пространстве. В экстремальных условиях революции и войны принципы новых властей подчиняются действительности. Это пример того, что политика никогда не бывает самостоятельной. Белые в Гражданской войне являлись более последовательными в том, что касается антисемитизма и погромных движений. Советская сторона осуждала антисемитизм, но, как доказывает МакГивер, она не успела (частично из прагматических соображений, поскольку ей было это невыгодно) воспрепятствовать погромным тенденциям красных войск. Будто бы в деле погромов ключевую роль играют эмоции (ненависть, недоверие), но идеология, даже социалистическая, также влияет на умы: под названием еврея, буржуя, спекулянта враг привлекает народный гнев.

Подводя итоги: наши доклады ярко показывают, что власть вообще просто не «принимается», не поднимается с улицы. Власть — политический авторитет, государственная легитимность — создается. Большевики не «захватили власть» в октябре; им пришлось устанавливать свою власть. Эту задачу исполнили лидеры — партийные, интеллигентные, народные — на разных уровнях. Им нужно было не только воспользоваться полуразрушенными учреждениями бывшего государства, но и мобилизовать именно тот источник народных эмоций и порывов, кото-

рый подрывал старый строй. На пересечении этих двух измерений стоит вся загадка революции. Оставляя позади советские стереотипы (и одновременно также их противоположные отрицания), мы должны ответить на вопрос, где, на наш сегодняшний взгляд, находится центр тяжести революционного процесса?

Николай Николаевич Смирнов

26 лет назад мы начинали теми же вопросами, которые поставили сегодня. Название первого коллоквиума было символичным — «Реформы или революции?». Тогда мы ни до чего не договорились. В 1993 г. мы встретились вновь и поставили проблему несколько шире. Мы попытались дать ответы на вопросы, которыми задавалось не только постсоветское общество. Мы хотели ответить на вопрос, изменилось ли что-то в восприятии Революции 1917 г. после распада СССР. Во многом та ситуация, в которой оказалось постсоветское общество, явилась чередой переживаний новых революций. Естественно, мы пытаемся выявить общее и особенное между событием, с которого начинался XX в., и теми, которыми этот век завершался.

К сожалению, несмотря на все достоинства докладов, которые так хорошо проанализировала Л. Энгельштайн, мы не получили ответы на вопросы, которые сами перед собой поставили. Во-первых, мы так и не договорились, какова хронология революции, с чего начать вести отчет и чем его закончить. Мы не разобрались во взаимосвязи между Первой мировой войной, Революцией 1917 г. и Гражданской войной. Стоит ли это рассматривать в единой связке?

Я предлагал поставить революцию в рамки: конец 1916 — начало 1918 г. Именно в это время начинается активная фаза революционного процесса. Начинается социальный протест, который был порожден той экономической ситуацией, которая сложилось в Российской империи. Этот социальный протест перерос в демонстрации 23 февраля, которые позже стали именоваться началом Февральской революции. Это ставит следующий вопрос, о котором мы так и не договорились. Мы имеем дело с одной или с несколькими революциями? Вроде бы все согласились, что это единый революционный процесс. Тем не менее в своих выступлениях многие продолжали разделять Февральскую и Октябрьскую революции. Почему нельзя в октябре 1917 г. ставить точку? Так или иначе об этом говорили все те, кто ставил проблему легитимации власти. Правительство не зря называло себя временным. Оно не было убеждено, что может действовать на законных основаниях. Все постановления, которые выпускало Временное правительство, имели пометку, что они должны быть подтверждены Учредительным собранием. Большевики оказались более последовательными в этом вопросе. Свою легитимность они доказали, выпустив декрет о создании Совета народных комиссаров.

Мы до сих пор четко не определили, какие политические партии выступали за изменение государственного строя России после Февральских событий. Уверены ли мы в том, что кадеты были большими сторонниками республиканской формы правления? Уверены ли мы, что у социалистических партий было единомыслие по поводу того, что только советский строй имел право на дальнейшее существование? Если бы такое единомыслие было, проблема создания однородного социалистического правительства не стояла бы.

Проблема альтернатив в революции не раз поднималась на наших заседаниях. Эту тему начал еще П.В. Волобуев публикацией своей статьи в «Правде». Потом

он говорил, что альтернативность — это тот джин из бутылки, которого выпускать не стоило. Альтернативность — это мнимая вещь.

Несомненно, в революционную эпоху огромную роль играли вожди. Я имею в виду не только Керенского и Ленина. В 1917 г. вышла брошюра, которая называлась «Десять вождей Русской революции». Как рождается культ вождя, как он развивается? На каком этапе происходит свертывание этого культа? Это только ряд вопросов, ответы на которые так и не сформулированы.

Мне представляется, что недостаточно много было сказано на коллоквиуме о внешних факторах, обусловивших процесс развития Революции 1917 г. Мы говорим о национальном вопросе, но совершенно ничего не было сказано о внешнем влиянии на этот вопрос. Его обострение привело к тому, что после прихода к власти большевиков империя развалилась и большевикам пришлось собирать ее заново.

Вера Каплан

Мне кажется, что три дня обсуждений, и в особенности последняя сессия дают возможность сформулировать некоторые новые методологические вопросы. Прежде всего, это вопрос о том, есть ли различия в тех понятиях, которыми описывалась события 1917 г. их современниками, и тех, которыми она описывается историками сейчас. Р. Козеллек писал о формировании понятия «революции» как одной из категорий модерности, открытой для изменений под действием исторических событий, но и влияющей на ход этих событий в процессе их концептуализации. В семантической структуре таких категорий, согласно Козеллеку, «обещание» доминирует над «опытом», вследствие чего понятие революции начала века было ориентировано на «горизонт ожиданий». В одной из своих работ, однако, Козеллек высказал предположение, что семантическая структура понятий модерности может измениться в сторону преобладания «опыта» над «обещанием» в том случае, если будет реализована содержащаяся в них политическая программа — например, будет объявлено о «приходе» коммунизма¹. Козеллек не мог предполагать, что когда-либо речь будет идти не о победе коммунизма, а о его окончательном поражении, но мы изучаем историю 1917 во время, когда именно это и произошло. Сейчас само понятие революции структурируется семантически совершенно иначе, чем в начале XX в. Это позволяет нам выйти из круга сложившихся нарративов, о которых пишет У. Розенберг, и дает возможность проанализировать, например, как различные политические программы структурировались вокруг идеи революции как основы нового мирового порядка. Интерпретация русской революции как одного из проектов «нового порядка», характерных для начала XX в., была предложена в работах Джонатана Френкеля², и с точки зрения такого подхода более ясными становятся и роль «внешнего фактора», и отношение английских и французских социалистов к русской революции.

¹ *Koselleck R. Semantic Remarks on the Mutation of Historical Experience: "Space of Experience" and 'Horizon of Expectation' // Futures Past: On the Semantics of Historical Time. Cambridge; London, 1985. P. 288.*

² См. в частности: *Frenkel J. The Paradoxical Politics of Marginality: The Jewish Situation during the Years of War and Revolution // Frenkel J. Crisis, Revolution and Russian Jews. Cambridge, 2009. P. 131–154.*

Ян Плампер

Первое, что хотелось бы отметить о нашей дискуссии — что ни для кого Октябрьская революция не является особенным событием. Было заметно, как мало говорилось о событиях 7–8 ноября — может, мы достигли консенсуса, что важные вопросы решаются после Октября?

Второе, на что я хотел бы обратить внимание, это следующее. В дискуссии фигурировали две концепции, которые обе остались уязвимыми: концепция стихийности и массовости. Ими пользовались, как будто бы они что-то объясняют. На самом деле они лишь метафоры. Часть метафоры стихийности — это тот самый поезд, о котором много говорилось, и который то на рельсах, то сходит с них. Уязвимость этих концепций связана с тем, что у нас пока не разработан концептуальный аппарат для описания коллективов и того, что происходит в коллективах. Что на самом деле происходит, например, в Нюрнберге в 1935 г., когда люди слушают Гитлера, между их телами, умами? У нас есть старый концептуальный аппарат Макса Шелера, но он тоже метафоричный. В нем речь идет о заражении, употребляется метафора инфекционной болезни.

И последнее. Совсем другой вопрос — что происходит за стенами этого конференц-зала. Мы находимся здесь, мы с вами составляем некое научное сообщество. Мы можем не соглашаться с интерпретацией тех или иных событий, но у нас общие критерии о том, что такое хорошая и плохая наука. А в исторически заинтересованном обществе действуют совсем другие критерии. Там в книжном магазине на одной полке с серьезным замечательным трудом Б.И. Колоницкого «Трагическая эротика» стоят «Протоколы сионских мудрецов». Итак, на мой взгляд, с этим «широким кругом читателей» нас часто большее разделяет, чем профессиональных историков. Мне кажется, нам надо прекратить говорить о западных и российских историках. Это уже не соответствует той действительности, в которой мы находимся, учитывая не только все виды миграции, в том числе временную (на стипендию, по контракту, как приглашенные профессора и т. д.), но нас действительно большее объединяет, чем разделяет.

Владимир Витальевич Носков

Я хотел бы коснуться двух сюжетов — начала революции и начала Гражданской войны. Когда я изучал источники 1917 г., то пытался определить, с какого момента современники событий стали называть происходившие события революцией. Примечательно, что первыми зафиксировали факт свершившейся революции представители творческой интеллигенции, люди с образным мышлением (А.Н. Бенуа, З.Н. Гиппиус; вечер 26 февраля). Люди с рациональным типом мышления признавали факт революции чуть позже (К.И. Глобачев, Ю.Н. Данилов, Г.Н. Михайловский; на протяжении 27 февраля). В связи с этим встает другой вопрос: какой смысл вкладывался в понятие «революция» ее очевидцами? Особый вопрос: что понимали под «революцией» иностранные наблюдатели, представители иных политических традиций, в родных языках которых это понятие имело смысл, отличающийся от его восприятия в России?

Вопрос же о том, была ли Гражданская война неизбежной, на мой взгляд, является некорректным, поскольку ее элементы проявились с самых первых дней Февраля. Например, в Литейную часть Петрограда, которая представляла собой самый фешенебельный район столицы, с 23 февраля начинают проникать огромные

массы рабочих с Выборгской стороны. Вслед за тем на ее улицах появились толпы солдат, вышедших из казарм, которые располагались в той же части города. В результате произошла «оккупация» места обитания одних социальных слоев вооруженными представителями других со всеми неизбежными в таких случаях последствиями. Другой пример: массовые расправы балтийских «братишек» над своими офицерами в Кронштадте и Гельсингфорсе. И еще один показательный факт: с самого начала в революционном обществе сложился негласный консенсус по поводу того, что из нового социального порядка по умолчанию исключалась целая категория государственных служащих — чины полиции и жандармерии, многие из которых тоже подвергались внесудебным расправам в первые февральские дни. Таким образом, уместной представляется постановка вопроса только о том, когда Гражданская война началась, но не о том, можно ли было ее избежать.

Питер Холквист

Мне кажется, что останется некоторая преемственность и закономерность в изложении этого процесса. Война вписывается в нашу дискуссию в основном как фактор в развитии и углублении революции. Гражданская война в таком случае — результат революции. Мне понравилось утверждение Н.Н. Смирнова о том, что не надо сосредотачивать внимание на Февральской и Октябрьской революциях. Но если завершение революционного процесса не связывается с Октябрем, то можем ли мы перенести понимание этого процесса с русского опыта на всю Европу? Во многих обществах эта война породила и революцию, и анархию, и хаос, и гражданские войны. Насколько специфичен российский опыт? Об этом вопросе меня особенно заставил задуматься доклад У. Розенберга, в котором он говорит об этих глобальных проблемах. Мне хотелось бы спросить: когда проблемы становятся глобальными?

СВЕДЕНИЯ ОБ УЧАСТНИКАХ КОЛЛОКВИУМА

- Абросимова Тамара Александровна* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург
- Аксенов Владислав Бэнович* — Институт российской истории Российской академии наук, Москва
- Богомолов Алексей Иванович* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург
- Брюгеманн Карстен* — Таллиннский университет, Эстония
- Булдаков Владимир Прохорович* — Институт российской истории Российской академии наук, Москва
- Варустина Елена Львовна* — Факультет свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета (Смольный институт), Санкт-Петербург
- Галили Зива* — Университет Ратгерс, США
- Гальперина Белла Давыдовна* — Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Российский государственный исторический архив, Санкт-Петербург
- Гирик Сергей Иванович* — Государственное научное учреждение «Энциклопедическое издательство», Украина
- Дикинс Алистер* — Манчестерский университет, Великобритания
- Дубенцов Борис Борисович* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург
- Измозик Владлен Семенович* — Санкт-Петербургский государственный университет телекоммуникаций им. проф. М.А. Бонч-Бруевича, Санкт-Петербург
- Икэда Ёсиро* — Токийский университет, Япония
- Калашников Владимир Валерьянович* — Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им В.И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург
- Калмыков Александр Георгиевич* — Государственный музей политической истории России, Санкт-Петербург
- Каплан Вера* — Университет Тель-Авива, Израиль
- Катцер Николаус* — Германский исторический институт в Москве, Москва
- Коенкер Дайана* — Иллинойсский университет, США
- Колоницкий Борис Иванович* — Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург
- Коцюбинский Даниил Александрович* — Факультет свободных искусств и наук Санкт-Петербургского государственного университета (Смольный институт), Санкт-Петербург

- Кушко Андрей* — Молдавский государственный педагогический университет им. И. Крянгэ, Молдова
- Лалин Владимир Викентьевич* — Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург
- Лукоянов Игорь Владимирович* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург
- Мажара Петр Юрьевич* — Российский государственный архив Военно-морского флота, Санкт-Петербург
- МакГивер Брендан* — Биркбек-колледж, Лондонский университет, Великобритания
- Миллер Алексей Ильич* — Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург; Центральный Европейский университет, Венгрия
- Михайлов Николай Васильевич* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург
- Николаев Андрей Борисович* — Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Санкт-Петербург
- Носков Владимир Витальевич* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург
- Орловски Дэниель* — Южный Методистский университет, США
- Плампер Ян* — Голдсмит-колледж, Лондонский университет, Великобритания
- Посадский Антон Викторович* — Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина РАНХиГС при президенте РФ, Саратов
- Рабинович Александр* — Индианский университет, США
- Ретиш Аарон Б.* — Университет Уэйн, США
- Рогозный Павел Геннадьевич* — Санкт-Петербургский институт истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург
- Розенберг Уильям Г.* — Мичиганский университет, США
- Смирнов Николай Николаевич* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург
- Стейнберг Марк* — Иллинойсский университет, Шампэйн-Урбана, США
- Тарасов Константин Андреевич* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург
- Фрейм Мюррей* — Университет Данди, Великобритания
- Халфин Игал* — Университет Тель-Авива, Израиль; Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург
- Хасегава Цуёси* — Калифорнийский университет в Санта-Барбаре, США
- Хейвуд Энтони Дж.* — Абердинский университет, Великобритания
- Хирст Сэмюэль* — Европейский университет в Санкт-Петербурге, Санкт-Петербург
- Холквист Питер* — Пенсильванский университет, США
- Черепенина Надежда Юрьевна* — Центральный государственный архив Санкт-Петербурга, Санкт-Петербург
- Черняев Владимир Юрьевич* — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук, Санкт-Петербург
- Шишкин Владимир Иванович* — Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск
- Энгельштейн Лора* — Йельский университет, США